

АНАТОЛИЙ ГЛАДИЛИН

Тень всадника

АНАТОЛИЙ ГЛАДИЛИН

Тень всадника

РОМАН-СЕНСАЦИЯ 2000

АНАТОЛИЙ ГЛАДИЛИН

ТЕНЬ ВСАДНИКА

Москва
«Олимп» · «Астрель»
Издательство АСТ
2000

Художественное оформление
Осадченко Н. А.

Гладилин А. Т.

Г52   Тень всадника: Роман. — М.: «Издательство «Олимп»,
«Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2000. —
560 с.

ISBN 5-8195-0222-1 («Издательство «Олимп»)

ISBN 5-271-00732-4 («Издательство Астрель»)

ISBN 5-17-002477-0 («Издательство АСТ»)

Анатолий Гладилин — современный русский писатель, зачинатель прозы шестидесятников. Повесть «Хроника времен Виктора Подгурского», опубликованная в журнале «Юность» в 1956 году, сделала двадцатилетнего студента Литинститута известным писателем. За первые двадцать лет работы в литературе он опубликовал в СССР десять книг, но из-за усиливающейся цензуры вынужден был уехать в эмиграцию. С этого времени писатель живет в Париже. Произведения Анатолия Гладилина, почти не известные на Родине, переведены на десятки европейских языков.

Впервые публикуем новый роман писателя «Тень всадника».

«Юность моего героя приходится на 1794 год, и тогда он живет во Франции. Затем ему предстоит много жизней в разных странах, а умрет он через двести лет в Городе Ангелов, который по-испански так и называется — Лос-Анджелес. Классический роман: острый сюжет, любовь, смерть, война, мир, преступление, наказание. Я знаю, что успел написать Главную для меня книгу...» (А. Гладилин).

УДК 882-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-8195-0222-1 («Издательство «Олимп»)

ISBN 5-271-00732-4 («Издательство Астрель»)

ISBN 5-17-002477-0 («Издательство АСТ»)

© А. Т. Гладилин, 2000

© «Издательство «Олимп», 2000

© «Издательство Астрель», 2000

Пролог

Тяжелые, ленивые капли еще сыпались с неба, бельгийский дождик встречал у границы, но золотисто-желтый луч прорезал брюхатое облако и оживил зеленый пологий холм, на вершине которого, за белой каменной часовней, темнел лес. В мирном, буколическом пейзаже солнечный луч осветил роту солдат в синих мундирах французской армии, роту, построенную в два ряда, там, где глянцево-коричневая дорога начинала взбираться на холм. Перед ротой, через дорогу стоял человек в новеньких черных сапогах, правда, уже заляпанных глиной, в походной офицерской форме, и с плеч его свисали сорванные погоны. Только что командир батальона, морщась и прикрывая ладонью бумагу от капель дождя, зачитал лейтенанту Шарлю Мервилю смертный приговор. Расстрелять лейтенанта должны были солдаты его роты. Однако внезапный голубой просвет в небе и солнце, разом согревшее лицо, показали лейтенанту добрым предзнаменованием и вселили в его сердце сумасшедшую надежду.

Впрочем, вопреки здравому смыслу, лейтенант не терял этой надежды ни на минуту. Вчера заседал революционный трибунал, приговор был очевиден, но лейтенант прошагал всю ночь из угла в угол по скрипучему деревянному полу деревенского дома, куда его поместили под стражу, и придумывал, придумывал план спасения. Поздно вечером один из часовых, старый капрал, принес своему лейтенанту бутылку вина и набитую табакотом трубку, хотя такое послабление строжайше запрещалось. Трубку лейтенант выкурил, к вину не притронулся. «Бедный

парень, — вздыхал капрал, прислушиваясь к скрипу половиц за дверью, — так мается». Если бы знал старый солдат, что вспоминал его лейтенант...

Меньше всего Шарль Мервиль боялся смерти. Ведь это он повел роту на штурм Бомона под убийственным шрапнельным огнем. Потом был праздник, и военный оркестр играл на городской площади, и он танцевал с Жанной Мари, и в ту же ночь Жанна Мари пришла к нему в дрянной номер местной гостиницы, реквизируемой армией для проживания офицеров. Без слов (как хорошо помнил Шарль Мервиль эти мгновения!) он задрал ей юбки и бросил на постель. Победитель. Привык лихой атакой брать города и женщин! Но уже на следующий вечер он умолял ее прийти опять, и вот когда при дрожащем пламени свечи он целовал ее, раздетую, всю, с головы до ног, вот тогда лейтенант понял, что победительницей оказалась она, Жанна Мари, семнадцатилетняя дочь бомонского почтмейстера. Так закрутилась их любовь — бешеным волчком. Когда Жанна Мари шла по улице, покачивая юбками, все солдаты, как по команде, оборачивались и смотрели ей вслед, и Шарль Мервиль в порыве ревности готов был хвататься за саблю. «Ты у меня второй», — призналась она ему; признание, которое вызвало бы смех в офицерской компании, если бы лейтенант решился этим похвастаться: мол, все женщины так говорят! Но Шарль Мервиль ей верил и не хотел знать, кто был первым, а главное, не хотел, чтоб когда-нибудь появился третий, пятый, десятый. Как же этого избежать — все равно дадут приказ наступать на Шарлеруа, а в город придет новая воинская часть, и оркестр другого полка заиграет на площади, и при звуках его в чуть раскосых зеленых глазах Жанны Мари запляшут веселые чертики. Да, она обещала в любом случае его ждать, а он поклялся, что вернется из северного похода, они поженятся, и ей будет чем гордиться: нынче в армии быстро продвигаются по службе, и она увидит его в капитанских, а может, и в полковничьих погонах. И он купил ей красное бархатное платье, достойное герцогини, с брабантскими кружевами, и сиреневую шелковую накидку, и червонного золота кольцо с изумрудом, под цвет глаз, а себе по ее настоянию приобрел щегольские черные сапоги — «мой полковник не должен ходить как оборванец!». Но в полку давно не получали жалованья, деньги он брал займы у интенданта, их надо было возвращать, и когда интендант предложил — он согласился... Ладно, что теперь плакаться, глупая афера, которую командиры попытались замазать, устроив пирушку для солдат. А потом приехал этот, из Комитета, комиссар Конвента, чье имя офицеры в армии произносили шепотом.

На следствии Шарль Мервиль, покрывая других, взял вину на себя — батальонные начальники благодарно жали руку и твердили, что не допустят дело до суда, — лишь она, семнадцатилетняя девочка, все сразу поняла и рыдала в его объятиях, причитая: «...Я знала, они дерьмо, твои товарищи, ты один поступил как порядочный человек». И они успели провести вместе последнюю, волшебную ночь, и, вспоминая ее, лейтенант попеременно бледнел и краснел от страсти и желания — о, если бы еще такое могло повториться! Но над ним висел смертный приговор, и у Жанны Мари, конечно, это повторится, ну, не с третьим, так с десятым, раз женщина научилась так любить — не забудет, повторит, с пятым, с десятым, непременно! Вот эта картина, которую он рисовал со всеми подробностями в своем больном воображении — Жанна Мари в постели с пятым или десятым, — была для Шарля Мервиля самой страшной мукой. От сознания полной обреченности, бессилия что-либо изменить кружилась голова, однако к утру он нашел ход, который мог бы повернуть ситуацию; унижительный, отчаянный шаг — ради Жанны Мари, ради любви к ней лейтенант все сделает!

Неожиданное присутствие комиссара Конвента, чей серый дорожный сюртук резко выделялся среди синих мундиров, не смутило Шарля Мервиля, наоборот, похоже, благоприятствовало его плану: командир батальона капитан Данлоп не решился бы отменить приговор Трибунала, а этот, из Комитета, правил судьбами тысяч людей. Исподволь наблюдал лейтенант, как комиссар сугубо штатским жестом отбрасывал ладонью прядь длинных волос, упрямо спадавшую на его лоб. И ведь не какой-нибудь старый чурбан, замшелый догматик, нет, примерно одного возраста с лейтенантом, значит, ничто человеческое ему не чуждо.

И когда луч солнца прорезал низкие облака, а солдаты еще не подняли ружья, Шарль Мервиль сказал себе: «...Вот он, момент, иначе будет поздно», — и выбежал на дорогу, опустился на колени перед ротой, проскользив по инерции по мокрой глине, и начал заготовленную речь:

— Ребята! Я ваш лейтенант. Мы были друзьями, мы вместе прошли нелегкий путь от Вальми до Бомона, мы столько потеряли в боях. Да, я виноват, вы можете меня казнить, но я клянусь: когда мы возьмем Шарлеруа, я позабочусь, чтоб у вас у каждого было по три пары сапог!

Он видел лица своих солдат. Они явно не хотели в него стрелять. Все было рассчитано правильно. Если бы он говорил стоя, это показалось бы бунтом, вызовом военному уставу, но на коленях перед строем... Повинную голову меч не сечет.

Тут чья-то тень закрыла ему солнце, и он услышал резкий, высокий голос:

— Встаньте, лейтенант. Вы не должны этого делать. Нельзя позорить мундир офицера.

Шарль Мервиль поднял голову. Как будто его ударили. Комиссар Конвента смотрел на него сверху с холодным презрением, даже брезгливостью, как смотрят на раздавленную лягушку. От немыслимой обиды лейтенант почувствовал слезы на своих щеках. Он вскочил на ноги, он был выше ростом, но холодный презрительный взгляд комиссара заставлял его втягивать голову в плечи и заикаться.

— Вы... вы не имеете права на меня так... Я не трус... Келлерман дал мне офицерские погоны после Вальми. За атаку на Бомон полковник Журдан представил меня к награде.

— Революция награждает, революция карает. К вам нет претензий как к боевому командиру, поэтому я с вами разговариваю. Вас судят за подлог, за растрату казенных денег.

— Комиссар, если вам знакома армейская канцелярия, система отчетности... — Шарль Мервиль тщательно подбирал слова, — то вы понимаете... Я не мог один провести эту... финансовую авантюру.

— Сообщники? Назовите имена!

И почудилось лейтенанту, что странная тишина воцарилась в природе. Даже дождь прекратился, и солнце спряталось в облаках. А капитан Данлоп и Филип Берган, отныне командующий ротой, и сержант Жан-Луи словно сквозь землю провалились. Холодные, чуть прищуренные глаза комиссара гипнотизировали лейтенанта, и если б он заметил в них хоть проблеск сочувствия, кто знает, может, и назвал бы всех, ради Жанны Мари совершил бы предательство. Но Шарль Мервиль в ту же секунду догадался: что бы он ни сказал, кого бы ни назвал, на него будут смотреть с тем же презрением — как на раздавленную лягушку.

— Комиссар... раз я взял вину на себя, я обязан следовать кодексу офицерской чести.

— Ложной морали, оставшейся от Капетов и Бурбонов, которая покрывает мерзавцев и воров! Подойдите ближе к своим солдатам, полюбуйтеесь, во что они обуты.

Любоваться было нечем. Рота топала в Бельгию в рваных ботинках с подошвами, подвязанными веревочкой.

— Кстати, вы им обещали по три пары сапог. — В голосе комиссара появились иронические интонации. — Интересно знать, вы их купите на свое жалованье или вы получили наследство?

— Комиссар... — Шарль Мервиль позволил себе вымученную улыбку, — что происходит, когда армия берет штурмом город, известно любой маркитантке. На войне как на войне... И у меня есть карта Шарлеруа, где обозначены склады интервентов.

— Достаточно. Не продолжайте. Себя, однако, вы обеспечили заранее.

Шарль Мервиль понял намек. Подозвал из первой шеренги рядового Дюбуа, неловко, переминаясь с ноги на ногу, снял свои сапоги, протянул Дюбуа, а Дюбуа отдал ему свои рваные ботинки, которые и примеривать было незачем, — явно малы для лейтенанта. Комиссар взирал молча и не препятствовал обмену. Но теперь Шарль Мервиль был уверен: если прикажут в него стрелять, Дюбуа не промахнется. Кто же расстанется с новенькими сапогами?

Тем не менее на этой нелепой операции он выиграл время. Может, у него еще оставался шанс?

— Комиссар, я знаю фортификационный план Шарлеруа. Прошу вас, даруйте мне жизнь. Нашему батальону нужны люди, которые умеют воевать. Лучше я погибну на поле брани...

Он поймал взгляд комиссара и невольно зажмурился. В глазах комиссара уже не было ни презрения, ни раздражения. Так смотрят на покойников.

— Лейтенант, вы совсем потеряли разум. Только что перед строем вы призывали к грабежу и мародерству. Таким, как вы, нет места в революционной армии.

— Комиссар, — одними губами вымолвил Шарль Мервиль, — я люблю женщину. Она беременна. — (Боже, что он нёс!) — Она ждет от меня ребенка. Революция не воюет с женщинами и детьми... Ради маленького человечка, который еще не родился, ради нее...

— Чтоб ей не было стыдно за вас, возвращайтесь на *свое* место.

Жестом, как собаке, лейтенанту указали его место — не в строю, а по ту сторону дороги.

Держа в руках никому не нужные ботинки Дюбуа, чувствуя босыми ногами холод земли, он прошлепал по лужам, пересек дорогу. Он искал глазами белую часовню на вершине холма — помолиться, но часовня потонула в темной мохнатой туче, которая, зацепившись за лес, смазала все краски, даже зеленая трава разом выцвела.

Он повернулся к роте. Десять солдат в первом ряду, в том числе и Дюбуа, подняли ружья.

Откуда-то, как из преисподней, вынырнул капитан Данлоп:

— Приговоренному — повязку на глаза!

— Отставить! — привычным командирским тоном ответил Шарль Мервиль, и вот этот его приказ, последний, никто не оспорил, а комиссар лишь автоматическим взмахом ладони отбросил прядь длинных вьющихся волос со своего лба.

И увидел лейтенант, как с другого конца неба протянулась радуга, и в ней заиграли все цвета — красный, желтый, зеленый, синий, сиреневый, — краски, которые за спиной, на холме, поглотил серый туман. Огромная, яркая радуга уходила к далекому Бомону, прощальный привет Жанне Мари. «Надеюсь, она еще не с третьим, — подумал Шарль Мервиль, — надеюсь, она просто стоит у окна и радуется этой красоте».

Солдаты тоже заметили радугу, начали оглядываться, в строю возник какой-то ропот.

— Приготовиться, — раздался голос комиссара, и рота застыла.

«Если Бог подает мне знак, — подумал Шарль Мервиль, — он должен что-то сделать, он должен меня спасти. Сейчас последует команда: «Отставить!» Так просто...»

— Огонь!

Ружейного залпа лейтенант не услышал. Тысячи молний разорвали ему грудь.

Часть первая

І. ДЖЕННИ

евятого мессидора в двенадцать часов дня к зданию Тюильрийского манежа подлетел покрытый пылью экипаж. Кучер резко осадил, так что лошади вздыбились и даже несколько подались назад. Из экипажа выпрыгнул молодой человек в дорожном сюртуке и, поправив упавшую на лоб прядь длинных волос, быстро пошел к дверям, возле которых, как и всегда в часы заседания Конвента, стояло человек двадцать — просители, зеваки, любопытные. Вход в здание манежа охраняли два национальных гвардейца. Рослые ребята, исполненные чувства собственного достоинства, они, прислонившись к стене, снисходительно слушали любезности, которые тараторила им молоденькая торговка. Вдруг гвардейцы, как по команде, вытянулись и взяли на караул. Несколько человек тут же обернулись, и буквально в одну секунду толпа раступилась, а мужчины поспешили снять шляпы.

Молодой человек в дорожном сюртуке, не глядя ни на кого и не отвечая на робкие приветствия, прошел сквозь этот живой коридор, и, держась прямо, даже не наклоня головы, начал подниматься по лестнице.

Тех, кто видел молодого человека впервые, поражала красота его лица. Классический древнегреческий профиль, вьющиеся волосы, спадающие до плеч, делали молодого человека похожим на ангела, только что сошедшего с полотен дореволюционных художников. Но стоило встретить взгляд молодого человека, как сравнение с ангелом сразу забывалось. Его пронзительные, зимние глаза светились недобрым огнем. В них угадыва-

лась безжалостная сила, ощущая которую, люди невольно замирали. Если бы в природе существовал бог войны, у него были бы именно такие глаза.

Сиейс — в прошлом знаменитый автор брошюры о третьем сословии, а ныне незаметный депутат «болота» — стоял в пролете лестницы, удобно облокотившись о перила, и вел неторопливую, тихую беседу с Тальеном. Неожиданно он заметил, как посерело румяное, самодовольное лицо Тальена, как тот буквально стал ниже ростом. Сиейс обернулся и сразу как-то сжался, почувствовав предательскую дрожь в коленях. Он увидел поднимающегося молодого человека, ощутил на себе его пронзительный взгляд — и первым невольным желанием Сиейса было спрятаться за широкую спину Тальена. В ту же секунду Сиейс, словно кукольный паяц, которого дернули за ниточку, повернулся и застыл в почтительном полупоклоне.

— Привет победителю при Флерюсе, — быстро произнес Тальен почему-то охрипшим голосом.

Молодой человек мрачно кивнул в ответ и проследовал дальше.

В зале Конвента секретарь зачитывал разомлევшим от скуки депутатам корреспонденцию (потому что давно все декреты вотировались без обсуждения, а надо было чем-то занять время), когда шум, внезапно возникший на трибунах для зрителей, заставил его остановиться и оторваться от бумаг. Увидев внизу в дверях молодого человека с длинными вьющимися волосами, секретарь уже в следующее мгновение перегнулся с трибуны, знаками приглашая его проходить, садиться, — ничего, мол, мы подождем.

Взгляд молодого человека, как нож, вонзался в лица депутатов. Но даже не глядя на вошедшего, можно было догадаться, на кого он сейчас смотрит. Вот двое дружно привстали, приветливо машут рукой. Вот на длинной скамье, один за другим, слева направо, депутаты опускают головы. Вот лицо толстяка вспыхнуло притворной, фальшивой улыбкой.

По тому, как депутаты разом задвигались на своих местах, секретарь понял, что молодой человек вышел из зала.

И тут же чуткое ухо секретаря уловило свистящий шепот: «Ну, прибыл Ангел Смерти». Секретарь вскинул глаза и ментально засек того, кто это сказал. Депутат Тюрио сидел внизу, прямо перед трибуной. Мысленно для себя секретарь отметил, что у него есть повод сделать донос на Тюрио, и он это сделает, когда надо будет, но именно когда надо будет, а сейчас... А сейчас секретарь откашлялся и, дождавшись, пока стихнет гул на трибунах, продолжил чтение.

Через два часа Париж знал, что из армии вернулся член Комитета общественного спасения, начальник Бюро общего надзора полиции, второй человек Франции Антуан Сен-Жюст.

* * *

За последнее время все привыкли к тому, что сразу после имени Робеспьера называют имя Сен-Жюста. Политики парижских кофеен придумали, как обозначить распределение ролей между двумя ведущими членами правительства: Робеспьер — больше, Сен-Жюст — сильнее; Робеспьер говорит, Сен-Жюст исполняет.

В свои двадцать семь лет Сен-Жюст обладал властью, о которой безнадежно мечтали сильные люди минувших революционных лет — Мирабо, Барнав, Дюмурье, и которой никогда не имел последний король Франции Людовик XVI.

Железную руку Сен-Жюста впервые почувствовали в Страсбурге, куда он прибыл в ноябре 1793 года. У французской армии в Эльзасе не было ни провианта, ни одежды, ни начальников, ни малейшего намека на дисциплину. Контрреволюция торжествовала; обесценение ассигнаций, всеобщая крайняя нужда держали бедных за горло. Белые кокарды передавались из рук в руки. Вновь появившиеся в городе эмигранты расхаживали с гордо поднятыми головами. Никаких реквизиций не производилось, а поэтому не было ни кормового хлеба, ни повозок, ни дров. Подпольные публичные дома кишели офицерами, ошалевшими от безделья. Раненые солдаты гнили на больничных койках без всякой медицинской помощи. В сельских местностях бродили толпы дезертиров. Зато по Эльзасу кочевал прокурор Шнейдер, возивший за собой гильотину и палача и наводивший на округу ужас многочисленными смертными приговорами.

В короткий срок Сен-Жюст провел чистку командного состава, одел и обул армию, сделав ее полностью боеспособной. Он предал революционному суду Шнейдера и путем решительных мер навел в Эльзасе порядок...

С тех пор Сен-Жюст регулярно выезжал на фронт, и весть о его прибытии заставляла трепетать даже прославленных генералов. Храбрые полководцы, хладнокровные перед лицом неприятеля, они боялись неудач, которые могли привести к отставке или к эшафоту; соперничая с командирами других армий, они дрожали перед возможным доносом и шли на компромисс со своими подчиненными; решительные во время боя, они отступали перед крючкотворством хитроумных интендантов и

закрывали глаза на то, что сразу замечал пронизательный взгляд Сен-Жюста.

«Военная администрация кишит разбойниками, — писал Сен-Жюст Конвенту, — субординации там больше не признают и крадут все, взаимно презирая друг друга».

Но коррупция и воровство, которые, казалось, начисто парализовали армию, странным образом исчезали с приездом Сен-Жюста. Появлялись патроны и снаряды, солдаты начинали получать полный паек, интенданты вдруг проявляли чудеса предприимчивости, доставая в нужном количестве обувь и одежду.

Не колеблясь, Сен-Жюст смешал робких командиров. Перед строем расстреливал офицеров-изменников и проворовавшихся интендантов. И генералы развивали энергичную деятельность. А когда этого требовали обстоятельства, Сен-Жюст сам водил полки в атаку.

Никакие громкие фразы, никакие демагогические речи не могли скрыть от Сен-Жюста равнодушия и трусости лжепатриотов. Сен-Жюст говорил: «Патриотизм — это торговля словами, каждый жертвует всеми другими и никогда не жертвует своими интересами».

Сен-Жюст оставался в армии до тех пор, пока срочные дела не заставляли его возвращаться в Париж. А вернувшись, выступил в Конвенте докладчиком от Комитета по самым важным вопросам.

Каждое слово Сен-Жюста звучало как удар топора. Он говорил только приговорами. Именно Сен-Жюст в 1793 году убедил Конвент усилить террор.

А 8 вантоза 1794 года он выступил с программной речью: «Не думаете ли вы, что государство может существовать, когда гражданские отношения противоречат форме его правления? Те, кто осуществляет революцию наполовину, лишь роют себе могилу... Собственность патриотов священна, но имущество заговорщиков должно пойти в пользу нуждающихся». Это был самый решительный шаг Французской революции.

И в этой же своей речи Сен-Жюст обратил внимание правительства на злоупотребления местных властей («Свирепый взгляд, усы, мрачный и жеманный слог, лишенный наивности, разве в этом заслуга патриотизма?») и потребовал установления спокойствия в стране и ограничения реквизиций.

Но жизнь и смерть революции решались на фронтах, и как только положение в Париже немного улучшалось — Сен-Жюст спешил в армию. Армию он из-под своего контроля не выпускал.

В начале мессидора по приказу Сен-Жюста французские войска шесть раз пытались форсировать Самбру, а на седьмой —

опрокинули полки коалиции и взяли Шарлеруа. 8 мессидора французы разгромили интервентов при Флерюсе. Враг оставил несколько важных крепостей и покатился на восток. Путь в Бельгию, Голландию и Германию был открыт.

В чем же заключалась сила Сен-Жюста?

На фоне других людей, преданных революции, но подверженных обыкновенным человеческим слабостям — кто топил угрызения совести в вине, кто пытался любым способом делать карьеру, кто не мог устоять перед соблазном легкого обогащения, — на фоне чиновников, тратящих свои силы на ведомственные интриги, проконсулов, охваченных страхом перед недремлющим Трибуналом, генералов, боявшихся совершить ошибки, — Сен-Жюст казался сверхчеловеком. В свои двадцать семь лет он не ведал колебаний и сомнений. В политике он придерживался лозунга: «Кто не с нами, тот против нас». У него была одна любовь — революция. У него был один друг — верный патриот Леба. У него был один кумир, которого он боготворил, — Робеспьер.

Честность Сен-Жюста была вне подозрений. Он вел спартанский образ жизни и не знал, что такое страсть к женщине или родственная привязанность. Не испытывая никаких искушений молодости, лишенный всех так называемых житейских слабостей, отвечая только за самого себя, Сен-Жюст абсолютно не боялся смерти.

Обладая властью, которая позволила полностью раскрыть его способности вождя и политика, энергичный, молодой Сен-Жюст сейчас являлся самым сильным человеком, фактически лидером робеспьеровской партии.

10 мессидора, на крыльях победы при Флерюсе, он примчался в Париж спасти революцию.

* * *

Как обычно, у его кабинета — кабинета начальника Бюро общего надзора полиции, выстроилась очередь чиновников. У всех срочные доклады, но сначала без стука вошел Леба и плотно закрыл за собой дверь. Леба принес самую важную, конфиденциальную информацию сегодняшнего дня — так всегда требовал Сен-Жюст. Сен-Жюст слушал, что-то записывал на листке бумаги. Итак, это принять к сведению, это ждет, а вот это неотложно — в пять часов заехать в Революционный трибунал, а вечером на заседание Комитета общественного спасения.

До пяти Сен-Жюст успел ознакомиться со всеми докладами, поэтому в Трибунал приехал позже. Не беда, в Трибунале

всегда запаздывают. И верно, в коридоре среди причитающих и плачущих людей он заметил стоящего обособленно невысокого человека в генеральской форме. Стоит — значит, его дело еще не рассматривалось. Сен-Жюст прошел по коридору, мгновенно притихшему, ощущая на себе просящие взгляды, лишь генерал, мрачно погруженный в свои мысли, не поднял головы. Сен-Жюст догадывался, о чем думал генерал. Вызов в Трибунал никому не предвещал ничего хорошего. Мелькнула мысль: подойти, сказать несколько успокоительных слов. Нет, нельзя, нарушение порядка. И потом, закон одинаков для всех граждан.

Когда генерала вызвали в зал, он опять не обратил внимания на Сен-Жюста. Сен-Жюст в сером дорожном сюртуке сидел сбоку, рядом с секретарями, а перед генералом возвышались судьи в черных мантиях. Генерал мрачно уставился на Трибунал, и на его бледном лице не проступило никаких эмоций. Он не трус, подумал Сен-Жюст.

— Фамилия? — рявкнул председатель Трибунала Герман.

— Бонапарт, — бесстрастно ответил генерал.

— Имя?

— Наполеон.

— Должность?

Можно было бы просто понаблюдать эту комедию, но комедия, зайдя она далеко, могла бы при усердии прокурора Фулье-Тенвиля превратиться в трагедию. Фулье-Тенвилю покровительствовал Билло-Варенн, и при теперешнем раскладе сил в Комитете было бы очень трудно заставить суд дать задний ход... Сен-Жюст разбирался в правилах игры, поэтому поспешил ответить за генерала.

— Генерал Наполеон Бонапарт назначен во вторую южную армию. Приказ подписан Лазарем Карно. — (Приказ еще не был подписан, однако Сен-Жюст не сомневался: Лазарь вечером подпишет, особенно когда на него нажмет Робеспьер. К тому же, по информации, которой обладал Сен-Жюст, Карно благожелательно отзывался о Бонапарте. Оставалось навести glance, потрафить самолюбию судей.) — Прошу прощения у высокого суда, — продолжал Сен-Жюст, — что не успел заранее сообщить эту новость. Я читал материалы предыдущего следствия и был потрясен размахом заговора. Трибунал вовремя выявил врагов. Поздравляю от имени Комитета.

Краем глаза Сен-Жюст заметил, что Фулье-Тенвиль удовлетворенно надулся, а генерал, ничего не понимая, смотрит вбок, в его сторону: мол, что это за штафирка, который осмелился вмешаться в работу Трибунала? Он не знает, кто я такой,

догадался Сен-Жюст. Ну, корсиканец, провинциал, далек от политики.

— Положение в армии постепенно выправляется. — Прикрыв веки, Сен-Жюст как бы размышлял вслух. — Но по-прежнему сложно с командным составом. Старые офицеры, служившие еще презренному королю, прикидываются патриотами, а на деле саботируют приказы. И шпионы Питта не дремлют. Мы сталкиваемся с фактами прямой измены. — (Сейчас Сен-Жюст был уверен, что члены Революционного трибунала чутко ловят каждое его слово.) — Надежда революции на молодых офицеров. Вы, конечно, помните, как артиллерийский капитан Бонапарт внезапной лихой атакой выбил англичан из Тулона. За это комиссар Конвента, Огюстен Робеспьер, брат Неподкупного, присвоил Бонапарту звание генерала. Нам очень не хватает таких боевых командиров. Кстати, — Сен-Жюст будто очнулся, хотя по-прежнему не поднимал глаз, — что́ против него? Неужели ложный донос какого-то бывшего королевского гвардейца, обиженного, что его обошли чином? — (Сен-Жюст мог бы добавить имя доносчика, ведь Леба имел тайных агентов и в трибунале, но это было бы уже слишком.) — Впрочем, на то и существует революционный суд, чтоб во всем разобраться по справедливости.

Сен-Жюст встал, сделал рукой приветственный знак Фу́кье-Тенвилю и, не глядя больше ни на кого, стремительным шагом покинул зал.

Генералу вынесут оправдательный вердикт через 15 минут. Но пусть судьи доиграют свои роли. Сен-Жюста звали заботы поважнее. Если верить информации Леба, а Леба всегда оказывался прав, сегодня вечером на заседании Комитета общественного спасения Барер, Билло-Варенн и Колло д'Эрбуа собираются дать настоящий бой Робеспьеру. Карно, разумеется, будет лавировать... Грустно сознавать, что интриги проникли в правительство...»

Про интриги в правительстве читать было скучно. Барер, Билло-Варенн, Кутон, Колло д'Эрбуа, заговорщики депутаты Фуше, Тальен, Фрерон, Робер, Баррас, Вадье — диковинные французские имена, — кому они нынче интересны? Вот если бы появились Майкл Джексон или Шарон Стоун... Что там дальше? Сен-Жюст уговаривает Робеспьера установить диктатуру. Добропорядочный Робеспьер категорически против: он не хочет быть новым Кромвелем. Сен-Жюст предлагает энергичные меры, чтоб раздавить заговор. Робеспьер: «Я устал, я не хочу больше крови. Пусть нападут первыми, тогда... Тра-та-та...»

Вышла кошка за кота. Включить телевизор. Уф, последняя страница.

«Сен-Жюст возвращался по пустынным ночным улицам Парижа и чувствовал себя человеком, который один бодрствует, когда все кругом спят, — нет, не сейчас, ночью, спят, а вообще спят. Вероятно, то же испытывает путник, который один мог подняться на неприступную вершину и с нее разглядеть скрытый для всех оставшихся внизу верный путь. Это чувство было и радостным и вместе с тем походило на боль, он знал, что стоящие внизу ему не поверят, что ему, поднявшемуся выше всех, придется спуститься и вместе со всеми тупо идти по другой дороге, которая, как он увидел, ведет к пропасти. Если же все кругом спят, то он, полный сил и решимости продолжать борьбу, тоже вынужден заснуть, а неприятель подступает к городу.

Вся трагедия, думал Сен-Жюст, состоит в том, что Робеспьер уже не способен идти дальше. А без Робеспьера не может продолжать свой путь и Сен-Жюст. Через два года Франция пошла бы за Сен-Жюстом, но сейчас — нет, безнадежно.

Если прав Робеспьер, если их миссия состоит в том, чтобы достойно умереть, то умрут они достойно. Тут нет сомнений. Но хоть перед смертью Робеспьер убедится в том, как дальновиден был Сен-Жюст.

Правда, сдаваться совсем без боя он не собирался. Оставался еще первый вариант, предложенный Сен-Жюстом. Может, Робеспьер одумается и примет его.

И Сен-Жюст сделал все, что было в его силах.

5 термидора Сен-Жюст привел Робеспьера на заседание Комитета. Даже Билло-Варенн и тот был растроган и обратился к Робеспьеру со следующими словами: «Мы ведь твои друзья, мы всегда шли вместе». Но снова раздались голоса, обвиняющие Робеспьера в диктатуре.

Однако Сен-Жюст еще надеялся сохранить единство правительства. Он договорился с Барером. Он, Сен-Жюст, выступит с программной речью, которая примирит враждующие стороны.

8 термидора на трибуну Конвента поднялся Робеспьер. Его речь была потрясающая. Конвент сидел как парализованный. Еще раз Сен-Жюст увидел, какую силу представлял собой великий человек. Но эта сила была в то же время и слабостью Робеспьера — он слишком на себя надеялся. Он отказался от всяких попыток компромисса и объявил войну буквально всем. В той обстановке, которая теперь сложилась в Конvente, объявить войну всем означало открытое самоубийство. Но появилась надежда: депутаты стали спрашивать у Робеспьера имена заговорщиков. Имена! Сен-Жюст еле сдержался, чтобы не выкрикнуть с места: «Назови несколько имен, и тогда все успокоят-

ся и пойдут за тобой!» Но Робеспьер еще верил в свою несокрушимость. Он не хотел нападать первым и не назвал имен. Это было равносильно подписанию собственного смертного приговора.

И потом, когда начались бурные события ночи 9 термидора, когда Сен-Жюст узнал о торжестве Робеспьера в Якобинском клубе (победа, в долговечность которой Сен-Жюст не верил), когда взбешенные члены Комитета обращались к Сен-Жюсту с угрозами и уже открыто договаривались об аресте робеспьеровской Коммуны, Сен-Жюст продолжал спокойно писать свой доклад, доклад, в котором он еще пытался примирить враждующие стороны, сохранить правительство, сохранить революцию, — доклад, на успех которого он рассчитывал лишь как на чудо, он, человек, не верящий в чудеса.

И утром, когда он поднялся на трибуну, он уже твердо знал, что все погибло, что революция кончилась и что единственное, чего он добьется, — докажет свою правоту Робеспьеру. Слабое утешение! Кому нужна эта правота? И когда почти тут же Сен-Жюста прервал Тальен, а потом Билло-Варенн и на протяжении нескольких часов заговорщики сменяли друг друга — надрываясь в истерике кричали Барер, потом Вадье; потом опять Тальен, Лежандр и Колло д'Эрбуа, когда непрерывно звонил колокольчик председателя, заглушая речи немногих верных патриотов; когда изменники выстроились у трибуны и не давали слова Робеспьеру, пока Максимильтен не сорвал голос и не задохнулся; когда в конце концов незаметный, как мышь, депутат Луше предложил арестовать Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона, а со всех сторон неслись вопли «Долой тирана!», Сен-Жюст смотрел на этих людей, которых он считал трусами, демагогами, подхалимами, ничтожествами, на этих медуз, выживших только благодаря собственной бездарности, и думал, что именно эта грязь захлестнет страну, — во время страшных часов агонии революции Сен-Жюст неподвижно стоял на трибуне, скрестив руки на груди и не произнося ни слова».

* * *

Если самолет летит не очень высоко, скажем, из Солт-Лейк-Сити, то хорошо виден этот дикий и пустынный край Америки. Черные скалистые горы с вершинами, подбеленными снегом, быстро сменяются желтым плато, над которым самолет и застывает. Ровно, чуть вибрируя, гудят работы моторы, а внизу — одно и то же. Наконец выплывает серая полоска шоссе, тянущаяся от горизонта к горизонту, и две-три крошечные ма-

шины приветствуют солнечным зайчиком от своих стекол. Потом появляется абсолютно плоский, как на топографической карте, городок, с двумя голубыми квадратиками бассейнов, темно-зеленым пятном на окраине (парк? кладбище?). Задаешь себе вопрос: как тут люди живут, под безжалостным невадским солнцем, а, главное, что они тут делают? И опять желтая пустыня с красноватыми скалами — пространство, поглотившее время. Вырастает горный хребет — словно раскаленная адская сковородка, на которой поджаривают грешников, загибается — а за ним вдруг яркая густая зелень и пестрые гирлянды объемных домиков, спускающихся в долины. Самолет идет на посадку. Под крылом — обетованная земля Южной Калифорнии, а точнее, гигантский урбанистический спрут, названный когда-то религиозными испанцами (когда спрут был еще совсем маленьким и никто не подозревал о его аппетите) Городом Ангелов. Город Ангелов — это мозаика унылых промышленных комплексов и нарядных дачных долин, сияющих небоскребов Даунтауна и казарменных двухэтажных построек негритянских районов, незатейливости шахматной доски кварталов в центре и головокружительных зигзагов улиц по каньонам. Город Ангелов крепко перепоясан широкими фривеями, по которым день и ночь несутся машины — куда? зачем? — похоже, они просто не сходят с круга и водители держат левой рукой руль, а правой — мобильный телефон, и ездят так сутки, месяцы, годы и говорят, говорят — с кем и о чем? (Может, теперь они не говорят по телефону, а смотрят на экран компьютера и стучат по клавишам — не знаю, давно не был в Лос-Анджелесе.) В Городе Ангелов в три часа ночи можно купить в супермаркете виски, сосиски, свинину, кошерную курицу, туалетную бумагу и цветы для дамы; в спецзале Федерального Экспресса сделать фотографии свидетельства вашего рождения (или вашей смерти) и послать их по факсу в страховую компанию или Господу Богу. В диаметре пятидесяти миль прожорливый спрут не оставил ни пяди ничейной земли, даже на крутых скальных каньонах приклеены современные виллы (бред доморощенных Корбюзье), но в Городе Ангелов есть места, где никогда не ступала нога человека — вас заботливо предупреждают: опасно! На эти опасности с благоговейным ужасом взирает весь мир, ежедневно, ежевечерне уютно устраиваясь перед экранами своих телевизоров — здешняя знаменитая фабрика грез отсняла тысячи детективов, в которых тут постоянно стреляют, убивают, дерутся и гоняются друг за другом. На самом деле ничего такого нет (или — почти ничего), наоборот, тихо и спокойно, ведь в Городе Ангелов люди не гуляют по улицам. В Городе Ангелов рекорд-

ное количество красоток и пенсионеров, бездомных и миллионеров. Китайских ресторанов больше, чем в Пекине, пиццерий больше, чем в Риме. С наступлением темноты Город Ангелов засыпает в долинах и танцует всю ночь под бешеные ритмы в дискотеках на Халливуд (Голливуд) и Сансет-бульварах. В Городе Ангелов никто никого ничем не может удивить! Хотя...

вот

странная, нереальная картина:

на открытой террасе верхнего этажа многоквартирного дома сидит молодая женщина и читает русскую книгу.

Книга называлась «Евангелие от Робеспьера». Когда-то Дженни любила исторические романы, теперь, увы, в этом чертовом городе на чтение не хватает времени. Сегодня, благодаря Тони, выдался свободный час, и удалось несколько повысить свой культурный уровень. Дженни захлопнула книгу. Все, пора спускаться на кухню, где ее ждет немытая посуда (засунуть в машину!), мясо, кабачки, картошка и прочая ерундистика, которую надо приготовить на растительном масле. Она бросила последний взгляд на долину Шерман-Окс, окаймленную, как в театральных декорациях итальянской оперы, далекими горами: кроны деревьев, крыши домов, розовый отсвет заката на кромке восточного хребта — за этот вид с террасы, считала Дженни, и дерут с нее дополнительные двести долларов в месяц. За удовольствие полагается платить. За удовольствие взглянуть на город, раскинувшийся у твоих ног, и чувствовать себя победительницей. Пять лет назад, снимая тесную квартирку с низкими потолками в русском квартале около бульвара Санта-Моника, Дженни, честно говоря, о таком не мечтала. Она начинала простым клерком — эвфемизм, подразумевающий работу счетовода, и свои амбициозные знания в области кино и медицины пришлось завернуть в тряпочку и спрятать в чемодан, привезенный из Риги и пылящийся в подвале, — чтоб не было соблазна вытирать слезы, естественно, невидимые миру. Дженни вкалывала по десять часов в сутки, ломала глаза перед экраном компьютера, и ныне она является вице-президентом медицинской компании, в ее руках все финансы. Обычно такой пост занимают взявшие усердием и прилежанием дамы, к которым уже подступает климакс. А Дженни умеет делать деньги («У тебя не голова, а филиал Уолл-стрита», — повторяет хозяин), поэтому она, двадцатилетняя девчонка, всех обогнала! Успела выйти замуж, родить Элю, разойтись с мужем. Успеваает крутить романы, отнюдь не исторические... «Ты разбила сердце половине

мужиков в Лос-Анджелесе», — сказала Кэтти. Вот именно, половине! В Лос-Анджелесе нет мужиков — или гомики, или половинки. Секс для них на двадцатом месте, на первом — протирание штанов в офисах. С такими полумужиками нечего церемониться. Кладешь их в постель, а потом посылаешь к еб... матери. И мужики в полной растерянности: причитают, скулят, дежурят под окнами. Бедная Кэтти, застрявшая в нижних этажах бухгалтерии, откровенно ей завидует. Между прочим, Кэтти — стопроцентная американка из Филадельфии, и у нее диплом Принстонского университета. И внешностью Бог не обидел. С принстонским дипломом Дженни завела бы собственное дело. Но для этого надо работать. А Кэтти работать скучно, она попеременно переживает то трагедию, то драму, ибо каждого типа, у которого в брюках что-то слабо шевелится, принимает за заморского принца. И после удивляется, почему у нее вечно проблемы. Пусть следует методу Дженни! Конечно, Дженни ведет себя не так, как католическая монахиня, тем не менее в двадцать шесть лет — второй человек в компании!

...Но не второй человек Франции, каким был Сен-Жюст. Наверно, потому Тони и подсунул ей «Евангелие от Робеспьера», чтоб не зазнавалась. Неужели Тони разгадал ее характер, скрытые желания? Крутая девочка, в спортивной серой паре от Диора, ангел смерти, входит в Конвент, и от ее взгляда депутаты прячутся, как тараканы — жалкие полумужики, озабоченные лишь прибавкой к зарплате и протиранием штанов в офисах!.. Стоп, немного из другой оперы, смещение жанров... Итак, Сен-Жюст говорил только приговорами. Неплохо. В книге написано, что Сен-Жюст не знал женщин. Но окажись он с ней в постели, она бы посмотрела, как завертелся бы красавец с зимними глазами Бога войны! «Лишенный всех житейских слабостей». С каких это пор спать с бабой считается слабостью? Спросить у Тони, как было на самом деле. Энтони, профессор истории, спланировавший в Город Евнухов из нормальной Европы, живой компьютер: нажимаешь на нужную кнопку — получаешь исчерпывающую информацию. За что его и любим.

Не за это. В кафе самообслуживания современного конторского здания, облицованного коричневыми полированными мраморными плитками с зелеными прокладками (местная достопримечательность!), он сел за соседний столик и не отводил от Дженни глаз. В Америке такого не бывает, во время ленча все торопятся! Явно не клерк, не босс, не бизнесмен. Подтянутый холеный джентльмен с красивым профилем, серебристыми висками, в строгом твидовом пиджаке — герой английского фильма пятидесятых годов: Лондон, туманы, детективная интрига, забыла название.

Дженни хорошо знала все приемы мужских заигрываний. Он не кадрил ее. Так смотрят на музейную живопись. Любуются.

Обычно она предпочитала вместо ленча съесть что-то нехитрое в своем кабинете, выпить кофе в пластмассовом стаканчике из кофеварки в коридоре, но на следующий день она опять пришла в мраморно-коричневую самообслужку. Он сидел за тем же столиком и улыбался ей, как старый знакомый. Дженни решительно поставила поднос на его стол, села напротив. Тактика, которую она называла «не тяни кота за хвост». Насладившись произведенным эффектом, нейтрально спросила:

— Вам понравилось здесь? Вкусные салаты с малым количеством калорий. Полезно для здоровья.

— Ненавижу диетическую кухню. Как все американки, вы озабочены калориями. Национальное помешательство.

«Ого, — подумала Дженни, — моя фронтальная атака его не смутила! И он говорит без всяких калифорнийских «а-а», значит, англичанин. Что ж, усилим натиск».

— Тогда, извините за грубость, зачем вы сюда приперлись?

— Догадайтесь.

— У вас странная манера заводить знакомства. Начинаете с оскорблений.

— Видимо, элементарная зависть. Девочка, я вам в отцы го-жусь. Это мне надо соблюдать диету. А в вашем возрасте...

Дальше они ели молча. Она чувствовала на себе его взгляд, но глаз не подымала. Он элегантно орудовал ножом и вилкой, у мужика была аристократическая школа — Дженни понимала толк в таких вещах. Однако требовалось продолжать роль начальной простушки...

— Ваш салат с креветками вы слопали без отвращения.

— Faisable.

— Французское словечко? Что оно означает?

— В данном случае — «вполне сносно».

Теперь их взгляды встретились, и она, в свою очередь, улыбнулась:

— Догадалась. Я вам кого-то напоминаю. Кого-то из вашей молодости. Судя по мировой тоске, которую прочла в ваших глазах, вы любили эту бабу.

— Браво! Какая умная девочка! Сейчас ваш обеденный перерыв кончается и вы спешите на службу. Но я приглашаю вас вечером в настоящий французский ресторан. Еда — это не только калории...

Она рассмеялась:

— Папаша... извините, сами сказали, что в отцы мне годитесь... Ну и темпы у вас! С места в карьер. Так вот, несмотря на

мой юный возраст, я все-таки знаю, что бесплатных ужинов не бывает.

— Бывает. Для меня это воспоминания молодости. И вообще, я не по этой части.

— Жаль...

Она его приколола без всякой задней мысли, автоматически.

Он снимал номер в третьеразрядной гостинице на Голливуд-бульваре, он не умел водить машину. В Лос-Анджелесе жить без машины! Два раза они ужинали во французском ресторане (кормили очень прилично), и он платил «кэш», наличными. Не признавал кредитных карточек! Забавный чувак из другой эпохи. Не «голубой», «голубых» она чуяла за версту. Впрочем, никаких поползновений. Прощаясь, он церемонно целовал ей руку. Бай, девочка!

В воскресенье утром, когда Джек, ее бывший муж, забрал Элю (родительский день), она заехала за Тони в гостиницу и повезла его на побережье, в Окснард. Зимнее калифорнийское солнце (греет, но не припекает) соответствует. Свежий океанский воздух (после трехнедельных дождей) возбуждает. Они что-то заказали в уютном кафе у причала яхт, и Дженни готовилась к обычной иронической словесной перестрелке. Яхты и перестрелка — по ассоциации — вывели разговор на военные парусные фрегаты, фрегаты приплыли в Швецию (попутный ветер их туда пригнал?), дали пушечный залп по местной модели социализма, просвещенной монархии и традиционному шведскому флегматизму. «Какой флегматизм? — возмутился Тони. — Еще при дворе короля Бернадота там были интриги! В 1810 году шведы избрали наполеоновского маршала Бернадота наследным принцем, разумеется, сам Император этому выбору не препятствовал, наоборот...» «Ну вот, — подумала Дженни, — мы жаждем продемонстрировать американской провинциалке свою эрудицию, более занятой или актуальной темы не нашли».

Дженни опомнилась через час. Наверно, она так и просидела с открытым ртом.

— Тони, по большому секрету сообщаю: в следующий раз, когда вы пожелаете развлечь подобной историей молодую девушку, вы можете заодно ее изнасиловать — она не заметит. Вы гениальный рассказчик.

— Я умею держать аудиторию, — скромно потупился Тони.

— Уважаемый Энтони Сан-Джайст! Не знаю, кого и за что вы умеете держать, но вам надо читать лекции в университете.

— В ноябре меня пригласили на маленький курс лекций. Я выступал в Беркли, Стенфорде, Ю.Си.Эл.Эй, в университете Южной Калифорнии.

— ???

— У меня академический отпуск. Вообще-то я преподаю историю французской революции в Сорбонне.

— Что вы делаете в Париже?

— Я француз.

О-ля-ля! С французами она еще не спала! Планировался легкий флирт с подтянутым английским джентльменом, чтоб заполнить паузу. Но вон как все поворачивается. Такой интересный человек ей до сих пор не попадался. Профессор! Лекции в Стенфорде и Беркли! Даже Кэтти не поверит, а поверит — уйдет в очередную депрессуху. И, между прочим, мировая скорбь в его глазах исчезла. Профессор смотрит на нее, как преданный пес, умная псина, хорошая.

— Я развелась с мужем, — сказала Дженни. — Мой муж...

И выложила все про мужа (почти все) на блюдечке с голубой каемочкой. Исповедоваться постороннему — плохой признак, знала по опыту. Но Тони уже не был для нее посторонним или потусторонним. И она простила ему сентенцию: «Счастье, что у Эли есть отец. Не вмешивайся в их отношения» (это она вмешивается? Джек появляется раз в неделю, как красное солнышко. А так у него нет времени на ребенка!), приняв ее за элементарную мужскую солидарность. Ничего. Постепенно поймет, что происходит. Мы тебя вымуштруем, профессор. К ноге, верный пес!

Она припарковала машину у дверей его гостиницы.

— Спасибо, девочка, мы провели прекрасный день.

— Я отобрала у Джека ключи от дома. Мне пора. Скоро они должны вернуться. Когда я свободна — готова работать у тебя шофером.

Три минуты молчания в эфире. SOS. Спасите наши души! Она его не провоцировала. Само получилось. Они поцеловались. Видимо, это было неожиданно для Тони. Он смутился.

— Пардон. Я не знаю, как теперь целуются.

«Поклянись, — сказала она себе, — что ты не будешь его обижать».

Но сначала она обиделась на Тони.

Как и все советские эмигранты, которые хотят скорее стать американцами, Дженни старалась не общаться с русской средой. Однако Элю она отдала в русский детский сад, половина

ее бэби-ситтеров были русскими бабами, и дома она говорила с дочерью по-русски. А иначе девочка забыла бы родной язык. И вот, вообразите: после работы Дженни заезжает за Тони в гостиницу, потом вместе они берут Элю из детского сада (импозантная фигура профессора вызывает соответствующие комментарии у русских воспитательниц), в машине Эля трещит как пулемет (по-русски), по дороге прихватывают Галю или Клаву, беседа на вольные темы — Тони безмолвствует. Лишь когда они едут в город (в ресторан или гулять по пешеходному кварталу в Санта-Монике), Дженни слышит безукоризненный английский Энтони Сан-Джайста. Так продолжается до субботы. В субботу Дженни оставляет Элю и Тони на детской площадке в парке (Ты с ней справишься? Справлюсь. Уверен? Шур!), а сама отправляется в женский спортивный клуб через дорогу. Полтора часа жесткого тренинга на снарядах, четыреста метров кролем в бассейне. Уф, наконец-то Дженни чувствует себя в форме. Дженни спешит в парк. Издалека видит, что Тони с Элей сидят на скамейке, к ней спиной. Порядок. Дженни подходит поближе, и у нее темнеет в глазах. Тони рассказывает сказку, Эля послушно внимает. Ничего удивительного, Тони мастер заговаривать зубы. Удивительно другое: профессор Сан-Джайст свободно чешет по-русски, без акцента.

Дженни лихорадочно вспоминала, какие глупости она наболтала за эту неделю и что она могла ляпнуть сама в адрес Тони. Галя сказала: «Он в тебя влюблен». Клава сказала: «Где ты отоварилась таким классным мужиком?» Эля сказала, что ей Тони нравится. О'кей, слава Богу, присутствие Эли сдерживало язык. Но был какой-то вопрос, на который Дженни ответила, кажется, так: «Когда я его приглашу на ужин с завтраком, он упадет в обморок». То есть ее намерения ему ясны. Сволочь!

Дженни обогнула скамейку.

— Эля, пошли домой!

— Мама, почему ты сердисься?

— Доченька моя, на тебя я не сержусь.

Она взяла Элю за руку и направилась к калитке. На светофоре пересекли Вентура-бульвар. Тони плелся сзади. А ведь сказано было по-английски «Эля, пошли домой», чтоб все поняли, кого это касается. Посадить его в такси? Дженни обернулась. Профессор выглядел как побитая собака. Осознал. Ладно, посмотрим.

Дженни возилась с Элей, кормила ее, мыла, говорила ей ласковые слова. Профессор затих на диване. Читал газету. За несколько часов не перевернул ни одной страницы.

Уложив девочку, Дженни вышла в гостиную, плотно прикрыв за собой дверь, ведущую в спальню.

— Тони, хватит прятаться за газету. Иди сюда. Сядем за стол. Вот так. Надеюсь, у тебя нет трудностей с русским языком. Ты все понимаешь. Зачем эти шпионские номера?

— Прошу прощения. — Лицо его было нейтрально, но глаз он не поднимал. — Ты же меня не спрашивала, какие языки я знаю.

— Какие?

— Например, шведский, немецкий.

— Я не говорила ни по-шведски, ни по-немецки. Не валяй дурочку.

— Курите? Курите. Не валяйте дурочку.

— О чем ты?

— Тон. Точно таким тоном со мной беседовали на Лубянке.

Еще секунду назад она готова была вызывать такси. Однако с ее профессором не соскучишься.

— Что ты делал на Лубянке?

— Что делают на Лубянке? Сидят.

— За что?

— По обвинению в шпионаже.

— ???

— Давно это было. Неинтересно.

— Брось. Все, что ты рассказываешь, очень интересно.

— Не сейчас. Когда-нибудь. Конечно, чтоб исправить ситуацию, мне выгодно рассказать нечто невероятное, желательное с погоней, стрельбой и мордобитием. Одиночная камера и пытка голодом тоже сгодятся. Тогда ты подумаешь: человек такое пережил, столько испытал, а я к нему пристаю по пустякам. Надо чем-то козырнуть, чтоб тебя разжалобить — ты этого ждешь? — (Ее пронзил острый, *допрашивающий* взгляд. Он читал ее мысли и не скрывал того, что видит ее насквозь. На миг она невольно зажмурилась. Позже, анализируя свои ощущения, она пришла к выводу, что поразила ее контраст между мягким интеллигентным профессором, к которому она успела привыкнуть, и этим сильным, волевым животным. А в тот момент, как в страшном сне: домашняя кошка превращается в тигра. Первый симптом — меняются, свирепеют глаза.) — Так вот, гражданин начальник, когда ты заговорила с Элей по-русски, это было так неожиданно для меня, что я растерялся. Через минуту было поздно признаваться. Я чувствовал себя вором, влезшим в чужую квартиру. Я мог бы продолжать, как ты выражаешься, валять дурочку. Но я сам раскрылся. Вызывай такси.

Смена декораций. Или смена масок. Энтони Сан-Джайст, милый, предупредительный, с застенчивой улыбкой, сидел напротив и смотрел на нее влюбленными глазами. Верный пес, разве что хвостом не помахивал.

— А если я тебя приглашаю на ужин с завтраком?

— Какая-то пьеса в московском театре. Это там один персонаж приглашает даму на ужин с завтраком.

— Отличная заготовка. Вместо того чтобы упасть в обморок, меня разоблачают в плагиате. Эффектный удар шпагой.

— Шпагой не ударяют, шпагой колют.

— С тобой надо быть настороже. Зазеваешься, пропустишь удар, извини, укол. Короче, прокол.

— Это мне преподали урок. Ласковая кошечка, мяу-мяу, и вдруг лапой по морде. Выпустила когти. Когти как у пантеры.

И про кошку прочел! Их разговор терял логику и приобрел тайный смысл, понятный лишь им обоим.

— Ты долго жил в Москве?

— Когда ты переехала из Риги в Москву, меня уже там не было.

— Откуда... ах, да, забыла. Болтун — находка для шпионов. Да, я из Риги.

— Ты моя подданная. Латвия когда-то принадлежала Швеции.

— Не вижу связи. Напустили вы, профессор, туману. Интриги при дворе короля Бернадота. Но ведь действительно никогда бы не догадалась, что меня прослушивают.

— Профессиональная выучка.

— Много секретов насобирал?

— Ты слегка модифицировала свое имя в Америке.

— И только? Это записано на компьютере в иммиграционном департаменте. Я бы сама тебе сказала...

— ...За мной, мальчик, не гонись!

— Какой фольклорный репертуар у иностранных шпионов! Кто вы, доктор Зорге?

— Профессор истории.

— Возник из знойной марева на Патриарших прудах. Аннушка разбила бутылку подсолнечного масла.

— Если кому-то должны были отрезать голову, так это мне.

— ...Сжечь на костре и пепел развеять по ветру.

— Не имел чести принадлежать к нечистой силе.

— Значит, рядовой заурядный агент 007.

— Увы, не Джеймс Бонд.

— Почему?

— Джеймс Бонд супермен, красавец.

— А ты — моральный урод. Пудришь мозги бедной девочке. Ответ на вопрос: мне надо устраивать стриптиз, чтоб завлечь тебя в постель?

Его лицо вспыхнуло. Губы задрожали. Хороший получился удар: шпага по рукоятку в груди. Вот так, Тони, мы тоже умеем фехтовать.

И пошла в спальню, на ходу расстегивая юбку.

* * *

Позвонили в нижнюю дверь. Дженни знала, кто звонит, однако перед тем, как нажать на кнопку интерфона, проскользнула мимо окна, кинула быстрый взгляд на улицу. Зеленого «ягуара» не было, да его и не могло быть. К противоположному тротуару припаркованы старый грузовичок «шевроле» и красная «тойота». Дженни пришла в ярость: значит, кретинка, ты еще ждешь Роберта, надеешься, что он придет — иначе зачем выглянула в окно? Ведь решено: никогда не встречаться с этим ничтожеством, вонючим миллионером, который считает себя покорителем женщин (покрывателем — как покрывает всех кобыл жеребец). На какой дешевый трюк она поддалась! Кое-что намечалось, не больше, но он протянул ей ключи и сказал: «Вести машину будешь ты!» Она села за руль «ягуара», сначала вела осторожно, потом за городом, на фривее, нажала на педаль, наслаждаясь скоростью, мощностью мотора. (Полиция не остановит? Ерунда, ответил небрежно Роберт, заплачу штраф.) Наверно, для него — сотни раз отработанный прием. Для нее — вылет из привычной обыденной жизни. (Не обгоняй, тормози на поворотах! А ей нравилось: обгонять и не тормозить...) Вылет на скорости 90 миль в час. Потом она задавала себе вопрос: кого она тогда полюбила — «ягуар» или Роберта?

Старую обиду Дженни не собиралась гасить. Мгновенно подбросила пару горячих углей. Чтоб выжгло навсегда.

...Итак, они в ее спальне. Занимались сексом. Нет, Дженни знала разницу между сексом и любовью — это была любовь. Конечно, нельзя особо давать мужику волю, лучше самой контролировать ситуацию, но если любовь, девочка... «Хорошо, милый, ты хочешь меня перед зеркалом? Нахал!» Стоя на коленях, уткнувшись лицом в подушку и получая, получая, Дженни одним глазом наблюдала, как Роберт, тоже на коленях, склонившись над ней, стонал от удовольствия. Вдруг раздалось: «бип-бип-бип». И эта гадина, вместо того чтобы отшвырнуть свой мобильный телефон, с которым не расставался, схватил его, распрямился и, продолжая ее трахать, начал деловито об-

суждать курс нефтяных акций! Дженни кубарем свалилась на пол, побежала в ванную, включила душ. В ванную стучали, но дверь уже была на задвижке. Тщательно вытеревшись, поправив прическу и макияж, Дженни вышла в наглухо перепоясанном синем халате. Роберт, голый, растерянно топтался в коридоре и его... гм, орудие покорения женщины, было еще в состоянии готовности.

— Одевайся и убирайся из моего дома!

— Ты обиделась? — залепетал Роберт. — Но это же бизнес! Девочка, я ворочаю миллионами, приходится постоянно быть на стреме.

— Одевайся и убирайся из моего дома! — повторила Дженни змеиным шепотом, от которого, знала по опыту, мужиков парализует.

Роберт надевал пиджак, когда Дженни появилась из спальни и бросила к его ногам кольцо с бриллиантом и часы «Ролекс».

— Мой тебе совет, и последний: имей дело с проститутками, их можно купить.

Роберт не поднял свои подарки, ушел не попрощавшись. Хоть на это его хватило. Дженни намеревалась послать их по почте, да столько мороки... Потом она спрятала кольцо и «Ролекс». Куда? Не помнит. И не искала.

Красно-розовый колобок с голубыми глазами и двумя короткими белыми косичками энергично вкатился в квартиру, завопил, затараторил, включил телевизор, магнитофон, зашвырнул туфлю, надел одну тапку, притащил из своей комнаты в гостиную куклы, книги, карандаши, альбом для рисования, перемешал их, как салат (ноги Барби торчали из книжки), захотел делать все одновременно: смотреть американские мультики, слушать кассету с русской музыкой, танцевать, рисовать, играть с плюшевым мишкой, ездить на плечах у Тони и чтоб мама читала вслух. После, поддавшись уговорам, Эля соизволила переодеться. Сняла красную куртку, розовые колготки и, шокируя публику, начала ползать по ковру, кверху голой попой. Впрочем, публика незаметно отвалила на свою вечернюю прогулку — 10 км по Вентура-бульвару со скоростью паровоза. Проведя с Элей полтора часа в парке, публика явно нуждалась в передышке. Не та закваска, что у Гали или Клавы, на должность бэби-ситтера не тянула...

Публика вернулась, когда Дженни кормила девочку ужином, и забилась куда-то в угол, но так, чтоб не упускать Дженни

из виду. Дженни купала Элю в ванной, прибирала в ее комнате и, не оборачиваясь, знала — публика за спиной. Занимаясь домашней работой, Дженни старалась немного импровизировать плечами, руками, бедрами — ведь живешь как на сцене, публика не сводит глаз. Уложив Элю спать и переждав два ее обязательных сольных выступления («Мама, хочу пипи, поцелуй меня, мама!», «Мамочка, я хочу соку, и пусть Тони мне расскажет сказку» — Если ты, чертова кукла, еще раз появишься, мы уйдем из дому!), Дженни смогла наконец обратить внимание на публику.

Теперь надо было ужинать с Тони. Варианты: французский стол с вином и сыром, русский — с водкой и пивом, китайский (когда Дженни надоедала готовка, которую она ужасно не любила и заказывала блюда из ближайшего ресторана) — с виски и коньяком. Раньше Дженни не ела на ночь, предпочитала не пить, но не сидеть же как дура за столом, тем более что Тони уплетал все подряд с завидным аппетитом! С первого дня переезда к Дженни он навязал ей свой распорядок, и она, не успев оглянуться, как бы снова оказалась замужем. Вроде бы скучный, монотонный ритм семейной жизни, а с другой стороны — совсем не то.

Пятилетнее супружество оставило у Дженни горький привкус. Джек женился на ней в Риге (что по тамошним условиям было непросто) и вывез в Америку. Джек (Джек Лондон или Джек Потрошитель — она называла его так и так, в зависимости от настроения) профессиональный боксер, ныне спортивный тренер, был великолепен и неутомим в постели (за что ему долго все прощалось). Он боготворил Элю. Он присутствовал при ее родах и двенадцать часов держал Дженни за руку. Он заполнял анкеты, подписывал счета, выбирал страховки, вел переговоры с гаражниками и домовладельцем — какая эта головная боль, Дженни поняла после развода. Она вышла замуж за Джека Лондона, за человека с высоким чувством собственного достоинства, она видела в нем свою американскую мечту. Но — обычное, всегдашнее «но», особенно в браках — он не хотел идти вперед; ни карьера, ни деньги его не интересовали. Пренебрежение к противным зеленым бумажкам — хорошая черта характера, однако тогда, когда они есть. Получалось, что семью содержала Дженни, и чем больше она зарабатывала, тем меньше денег приносил муж. Почему она должна была уродоваться за компьютером, а Джек — играть в теннис и прохладиться перед теликом? «Мани, мани, мани!» — пела Лайза Минелли в «Кабаре». Но и это не главное. Джек, догадываясь, что она от него отходит, стал агрессивным (с мужиками такое случается), пре-

вратился в настоящего Джека Потрошителя. В доме установился режим террора. Стоило Дженни опоздать с работы на двадцать минут (застряла в пробке на Лорел-каньоне), как Джек ее встречал прокурорской филиппикой: «Где ты была? За это время тебя могли вые... полгорода!» Однажды он ей врезал, и она отлетела в другой угол гостиной. «В следующий раз он меня убьет», — подумала Дженни и решила, что следующего раза не будет — все, развод! Он не соглашался на развод, они мирились, ссорились, она разрывалась: «У Эли должен быть папа» и «У меня должна быть нормальная жизнь», хотя, возможно, нормальнее не вообразить, просто сама норма ей претила.

У Джека на первых местах были:

Эля,

тренировки,

теннис,

телевизор,

фотографии (он их здорово делал, с художественным вкусом, мог бы сменить специальность!),

обед,

и уж потом, на ночь глядя, Дженни.

В ее романах до замужества (после — лишь увлечение кентавром, «ягуаром» — Робертом) она, конечно, главенствовала, романы ей нравились неопределенностью, напряжением, в романе до финальной точки не ясно: ты победила или проиграла? Но стоило мужику «отовариться», вдоволь «наесться», как он утыкался в газету, телевизор, книгу, садился на телефон или убегал по каким-то своим собачьим делам.

Сколько прошло, месяц или больше? Каждый вечер она дома, ужинает с Тони. Забыты культпоходы в гости, на концерты, в кино. Дженни возвращается с работы и попадает в театр одного зрителя. Ему интересна только она. Дженни подозревает, что ужин для Тони — повод сидеть и смотреть на нее. А ей интересно с ним разговаривать. И она ему выболтала много интимных подробностей из своего прошлого. Болтун — находка для шпиона, n'est ce pas Тони? Но как устоять, когда этот оболтус гипнотизирует ее влюбленными глазами. Никогда ничего подобного Дженни не испытывала.

— О'кей, налей мне полрюмки коньяка. Зачем ты меня спаиваешь? Ладно, мне самой приятно. Естественно, ожидала вопроса: приятно ли с другими? По обстоятельствам. Нет, замужем я была девочкой-паинькой. Вот до замужества... Это у вашего поколения очень серьезное отношение к сексу. Вернее,

наоборот, сначала высокие принципы, мораль, а секс — нечто постыдное, о нем в приличном обществе не говорят. Теория стакана воды? Как ни странно, знаю: Коллонтай и эта, как ее, кокотка революции, Лариса Рейснер, комиссарша в пыльном шлеме. Образованна? Я? Что есть, то есть. Книжки читала. Не похоже? «Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, к сожалению, трудно. Красавице платью задрать, видишь то, что искал, а не новые дивные дивы. И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдают, но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут — тут конец перспективы». Угадай с двух раз. Элиот? Мимо. Кто? Да, с русской поэзией у тебя, профессор, туго. Бродский, Иосиф Бродский, нобелевский лауреат. Так вот, когда я была мелкая — извини, жаргон — ну, маленькая, 15—16 лет, наше поколение совершило Великую Октябрьскую Сексуальную Революцию. Секс для нас — удовольствие, физиология, спорт, полезно для здоровья... Жду реплики. Правильно, профессор, сжигает лишние калории. «Не забуду мать родную и столовую самообслуживания на Вилшер-бульваре». Выколи на груди. Так вот, продолжаю. Я могу тебе рассказать, не краснея, как я спала с каким-нибудь мальчиком. Ты — не сможешь. Не спал с мальчиком? Охотно верю. Пауза. Жду вопроса. Стоп. Пишу его на салфетке, закрываю тарелкой. Итак, сколько их у меня было, мальчиков? Отодвинь тарелку, читай. Медиум, угадываю мысли. Двести пятьдесят? Фу, за кого ты меня принимаешь? Я пыталась бить рекорд Латвии в беге на 80 м с барьерами, но не в этом жанре. Тридцать. Ну, тридцать пять. Так тебе все и докладывай. Могу иметь свои тайны девичьи? Между прочим, с тебя очередная новелла. Или лекция. Как скажешь. На любую тему. Пользуюсь случаем повысить свой культурный уровень. После горячего у кого-то будет заплетаться язык и кого-то надо будет укладывать спать. Со мной, конечно, не с чужой теткой. Я дочитала «Евангелие». Про автора никогда не слыхала. Был в моде? Для нас шестидесятые годы — как средние века. А Робеспьер мне понравился. Тридцать шесть лет — и такая усталость от жизни! Сен-Жюст? Суровый чувак. Герой не моего романа. Кстати, неужели он совсем не знал женщин?

— Их было много у него, — сказал Тони и почему-то смутился. — Как у тебя мальчиков.

— В книге написано...

— В книге он обрисован точно. Но таким он был до Девятого термидора.

— Позвольте, профессор! Девятого термидора его казнили на Гревской площади.

— А наполеоновского маршала Нея расстреляли в 1815 году. Однако есть свидетельства, что маршал Ней дожил до глубокой старости в спокойствии и благополучии. Вместо маршала Нея расстреляли уловника, тело положили в гроб, накрыли маршальской шинелью. Для чего такая инсценировка? Надо было для острастки наказать изменника Нея, но убивать самого популярного маршала Франции? Могли быть волнения в армии. Волнений не произошло, и все остальные наполеоновские маршалы ладили с Реставрацией. Доказательств у истории нет, это гипотеза. Такая же загадка с Сен-Жюстом. В ночь на девятое термидора его арестовали в парижской ратуше, но отвезли не в Консьержери, а в Шотландский лицей у Монтрейских ворот, превращенный в тюрьму. Есть гипотеза, согласно которой в Шотландском лицее Сен-Жюста опоили каким-то снадобьем и в бессознательном состоянии куда-то умыкнули. Утром гильотина — не на Гревской площади, на площади Революции, теперь это Concorde — отрубила голову другому человеку, внешне похожему на Сен-Жюста. Нашли какого-то глухонемого...

— Кто нашел? Кому это было нужно?

— Мы вступаем в область легенд, фантастических предположений, которые невозможно проверить строго с научной точкой зрения.

— Тони! Наука меня не колышет. Сказала бы резче, да боюсь шокировать профессорский слух... Я хочу легенды и тайны. Пожалуйста!

— Понимаешь, якобинский террор создал беспрецедентную в истории карательную машину. Эту технику полицейского сыска потом использовали многие режимы в разные эпохи, Сен-Жюст был начальником Бюро общего надзора полиции. К тому же он обладал исключительной памятью. Живая картотека или, как бы сказали сейчас, компьютер. Кому-то могло понадобиться для дальнейших интриг.

Теперь Дженни не пыталась ловить его взгляд. Наступил редкий момент, когда Тони на нее не смотрел, то есть он смотрел в ее сторону, но кто-то очутился между ними, и этого, видимо только ему, профессор разглядывал. Такова была его манера читать лекцию, вживаясь в образ...

— Наверняка применяли особые препараты, действующие на психику. Пластические операции лица делать давно умели. И что-то еще, то, что мы презрительно называем черной магией, рецепты которой до сих пор не разгаданы. Ладно, для тебя важны тайны и легенды. Мой рассказ по документальному материалу, по дневниковым записям одного безвестного кавалерийс-

кого офицера, который после тяжелой контузии потерял память. Дневники могут показаться бредом сумасшедшего, но в них множество любопытных открытий. Совпадений с реальностью. В любом случае доказано, что у этого молодого капитана был роман с Жозефиной Богарне.

— Это что за баба? — не выдержала Дженни.

— Что за баба? — Тони усмехнулся, и его усмешка адресовалась не Дженни, а тому (той?), кто их сейчас разделял. — По мнению историков, самая красивая баба восемнадцатого века, первая, нет, пожалуй, вторая куртизанка Парижа и, между прочим, будущая императрица Франции.

II. ЖОЗЕФИНА БОГАРНЕ

Получив эскадрон и поселившись в кавалерийских казармах, я все время проводил в манеже и на учениях. Было очевидно, что после длительного лежания в госпитале я потерял профессиональный навык, поэтому, отпустив к вечеру солдат на отдых, я скакал на коне по дорожкам Венсеннского леса, пока совсем не темнело, или фехтовал в манеже с офицерами. В свою комнатку на третьем этаже я поднимался на ватных ногах и падал замертво в незастеленную кровать. Утром болели руки, ноги. Над корытом с холодной водой я смывал лошадиный и человеческий пот (запах пота меня преследовал!), доставал из развального-шкафа чистую рубашку (о моем белье — за умеренную плату — заботилась маркитантка), и день начинался, как обычно.

— Ру-у-бить! Ска-а-кать! Пры-гать! На-ле-во! На-пра-во! Сохраняйте строй! Плотнее друг к другу! Ребята, поодиночке вас перебьют, как щенков!

Конечно, когда колонной, в шеренге по шесть всадников, неспешной рысью мы шли на полигон в Монтрё, то гуляки Венсенна останавливались и провожали нас одобрительными взглядами. Наверно, красивое было зрелище. Однако на полигоне я гонял эскадрон повзводно до седьмого пота, и рубашка на мне была хоть отжимай. Извечная армейская проблема: белье меняют, мундиры не меняют. Поэтому в армии не только устоявшиеся традиции, но и — пардон! — устоявшийся запах. Армию лучше наблюдать издали, когда она дефилирует полками и эскадронами. Красивое зрелище!

Однажды полковник Лалонд присутствовал на моей муштровке, ни слова вслух не произнес и лишь потом конфиденциально заметил:

— Не знаю, Готар, откуда у вас эта идея — рубиться шеренгами, сохраняя строй. В бою все смещается и смешивается. Впрочем, вы правы в одном: солдат надо воспитывать в духе взаимовыручки, поощрять чувство локтя.

Сам полковник Лалонд, мастер вольтижировки, который, стреляя из пистолета на скаку, попадал в цель, сам полковник Лалонд изволил меня похвалить! Я прибавил рвения и месяца через два вошел в форму. Мой конь легко перепрыгивал изгородь, а ладонь не ощущала тяжести сабли. Я мог рубиться по очереди с тремя-четырьмя напарниками, и иногда удавалось выбить из их рук оружие. Я даже продержался минуты три против Лалонда, пока моя сабля, как перышко, не взлетела к потолку, но все офицеры на манеже обступили нас и внимательно наблюдали за поединком, ибо все знали, что полковник просто так с *n'importe qui* (с кем попало) не фехтует.

На вантозских маневрах мой эскадрон занял второе место в дивизии.

Поэтому, честно говоря, я не удивился, когда меня вызвали к командиру полка. Я удивился тому, что сказал мне полковник Лалонд:

— Капитан Готар, я вам предлагаю взять отпуск.

В армии не обсуждают приказ. Меня огорчила его жестокость. Все блага, что я получил от армии, — крохотная клетушка с продавленной кушеткой, колченогим стулом и тумбочкой, шкафом, готовым с плачем рухнуть, когда открываешь дверцу... Но это было мое жилище, я привык к нему и к казарменному быту, я чувствовал здесь себя как дома. Больше я ничего не имел в этом мире, и никто нигде меня не ждал. И вот награда за труды! Отпуск? Завуалированная отставка. Освободьте поещение!

К счастью, полковник понял мое смятение.

— Готар, вы хороший боевой офицер. Вижу, как вы стараетесь. Я знаком с вашим досье. Отличились при Вальми, Бомоне, одним из первых форсировали Самбру. И эта страшная контузия... Нет, я вас не удаляю из армии, я хочу вас сохранить для армии! Теперь затишье на фронтах, воспользуйтесь передышкой, забудьте казарму, снимите номер в гостинице. Воевать всегда успеется. Вы же молоды. — Полковник вздохнул. — Мне бы ваши годы!

Я догадался, что имеет в виду полковник. В казармах все — от новобранцев до высших командиров — с жаром дискутировали тему нынешних парижских нравов. По общему мнению, после отмены террора Париж сошел с ума. На площадях танцуют и веселятся до глубокой ночи, пьют безмерно, а женщины

отдаются чуть ли не каждому встречному, на военных — так просто виснут. Офицеры, получившие увольнение в город, возвращались с ухмылкой сытых котов.

Полковник, служивший еще в королевской гвардии, делал мне неслыханный подарок — пять недель вольной жизни! — а я, бестолочь, упрямылся...

Казначей протянул мне пачку банкнот. Я вылупил глаза.

— Мой дорогой Готар, — рассмеялся казначей, — нам перевели ваше жалованье за те полгода, что вы провалялись в госпитале. Не думайте, что это большие деньги. Нет таких денег, которые нельзя истратить в Париже. Сейчас все изменилось, дельцы и спекулянты наживают огромные состояния, швыряют золото налево и направо, цены растут. Но у меня есть адрес приличного дешевого отеля на улице Короля Сицилии. И купите себе гражданскую одежду.

Мои личные вещи уместились в тощем бауле. Шинель я оставил в казарме. В лавчонке на Сан-Антуан примерил темный широкий плащ-накидку. Пока достаточно. Вот с чем я решил не расставаться, так это с саблей. Под плащом ее не видно, а мне спокойнее. Ведь по сведениям той же казармы, в городе не только танцевали...

Хозяин гостиницы «Сгоревшая мельница» и вправду брал недорого. Мог бы и ничего не брать, ибо номер оказался копией моей комнаты в казарме: продавленная кушетка, колченогий стул и тумбочка, всхлипывающий деревянный шкаф. Одна лишь новация — на стенке, рядом с окошком с грязными стеклами, висело круглое зеркало. Оттуда выглянул незнакомец, коротко, по-армейски стриженный, с впалыми щеками и очень недобрыми глазами. Я подумал, что такого человека обойдут своим вниманием и парижские красотки, и парижские грабители.

Первая гражданская ночь прошла тревожно. В казарме после отбоя все дрыхнут, как сурки, боясь упустить драгоценные минуты сна, а тут в коридоре шаги, громкие голоса, женский визг... Потом, когда все утихомирились, я услышал за стеной плач. Женщина плакала, стонала, всхлипывала. Перемежалось это с мужским бормотанием. Он ее бил, злодей? Я собрался было одеться, достать саблю и спасти бедняжку, но вдруг женщина начала смеяться... Вот и пойми их, штатских.

Черт бы их всех побрал! Надо жить, как привык, по казарменному расписанию и уставать за день так, чтобы валиться в кровать и засыпать беспробудным сном младенца.

Сказано — сделано. Я гулял по улицам, методично обходя квартал за кварталом, пока ноги меня держали. Вечером ужи-

нал в соседней харчевне «Жареный петух» и читал газеты. И такое времяпрепровождение доставляло мне удовольствие, ибо каждую минуту я был готов к тому, что вид какого-то дома, таверны, булочной или хотя бы строчка в газете волшебной искрой озарит мой мозг и я вспомню свою жизнь.

Поиски прошлого — увлекательное занятие. Ведь что я знал про себя? В досье, которое прислали в полк вместе с моим назначением, сообщалось: «Жером Готар родился 6 декабря 1768 года в Марселе, окончил в Арле офицерскую кавалерийскую школу, участвовал в таких-то боях, тяжело ранен третьего мессидора 1794 года при форсировании Самбры, представлен к капитанскому званию в рапорте полковника Бернадота от 10 мессидора, представление утверждено военной коллегией 13 брюмера. Жером Готар не женат, адреса его родственников не имеем. Несмотря на частичную потерю памяти, пригоден к строевой службе».

Где мои родители? Кто мои родители? Живы ли они?

«Адреса его родственников не имеем».

...На Марсовом поле цвели белые и розовые каштаны. Мне нравились розовые. Я медленно брел по аллее, любуясь розовым пухом на ветках. Стоп, сказал я себе, никто мне не говорил, что эти деревья называются каштанами, а я уверен — это каштаны, и мне нравятся розовые. Значит, память постепенно возвращается, значит, правы были врачи, утверждая, что все восстановится.

У меня был уникальный в медицине случай. Очнувшись после ранения и контузии в госпитале, я не мог вспомнить своего имени, но мог абзацами цитировать военный устав. Я помнил все, связанное с армией, и начисто забыл свою жизнь на гражданке. Диагноз врачей гласил: «Нервные центры мозга не затронуты, травма психическая, годен к строевой службе».

Что ж, врачам виднее.

...В Пале-Руаяле играли уличные оркестры. Я фланировал в разнаряженной толпе, наблюдал, как танцуют. Фокусники показывали трюки с картами. Пожиратель огня выпускал изо рта пламя. Торговки сновали по саду с лотками. Горячие пирожки мигом раскупались.

Молодежь веселилась.

Молодежь? Дамы и господа примерно моего возраста. Но что общего было между ними и мной? Я чувствовал себя пришельцем из другого мира. Мира, где не выделывают кренделя ногами под музыку, не хватают прилюдно женщин за задницу, не горланят фальшивыми голосами: «Девчонки Ла-Рошели все слабы на передок». Может, я тоже был таким, скакал резвым

козликом? Нет уж, увольте! Наверно, изначально был создан только как «годный к строевой службе».

...Приближаясь к своей гостинице, я услышал звуки шарманки. У дверей таверны слепой нищий крутил ручку механического ящика и пел:

Жанна Мари, не жди своего милого.
Твой милый в земле лежит,
Над ним трава растет,
Ее щиплют козы и коровы...

Я остановился. Что-то шевельнулось в моей памяти. Как будто в темной комнате, растопырив руки, я ищу что-то... Не нашел. Кинул в старую солдатскую фуражку монету.

Следующий день я дисциплинированно маршировал по северу Парижа, а потом, с устатку, окопался в кофейне на улице Монмартра. Вдруг неожиданная атака неприятеля опрокинула мои боевые порядки. Поясняю диспозицию. Рисую схему.

Я

противник

«Я» обвел в кружок, ибо держу круговую оборону. Стрелка показывает направление удара противника. Когда я рисую схемы офицерам эскадрона, то стрелки на моих схемах — по бокам. Я учу взводных и ротных, что ни один дурак не попрет в лоб, будут обходить с флангов.

А тут — нагло, в лобешник!

Еще раз поясняю диспозицию: к моему столику подседа рыжая девица и, улыбаясь, спросила:

— Кавалер, угостите стаканчиком красного?

Характеристика противника: из разряда легкой кавалерии, мастерица, опрятно одетая. Специалисты определили бы как изящную и стройную.

На мой взгляд — мало там заманчивых женских выпуклостей. Уж больно худа. Но смешные веснушки на носу придают шарм. Словом, на любителя. Отбиться можно.

Как же я отбивался? Спешил эскадрон и открыл прицельный огонь? Иронично заметил, что приличные девушки к чужим столикам не подходят? Гордо заявил, что я из другого мира и годен лишь к строевой службе?

Куда там! Капитана Жерома Готара бросило в жар, он что-то промычал, промямлил и не спешил эскадрон, а спешно заказал бутылку бордо.

В войсках полнейшая паника. О чем вести разговор? Однако девица-мастерица сама выручила. Однажды раскрыв рот, она его уж не закрывала.

Мне популярно растолковали, что мужчины нынче жмоты, норвят угощать вином в разлив, и поди проверь качество вина; все кругом потеряли стыд и совесть, в кофейнях в винные бочки подливают воду, ей подружка рассказывала, а Софи прислуживает у стойки, марочные бутылки, конечно, стоят дороже, зато без обмана, впрочем, год назад вообще ничего не было, люди давились в очередях за хлебом, за углем, за мылом, теперь в лавках товару до потолка, и кому понадобился яacobинский террор, слава Богу, что Робеспьера отправили к дьяволу, жаль только, что он не успел отрубить головы тем, кто развлекает виноводой...

Я спросил, не хочет ли... — как? Одиль? рад знакомству! — не хочет ли Одиль поужинать? Одиль авторитетно заверила, что от дармовой еды никто не отказывается, хотя она, Одиль, не из тех, кто потерял стыд и совесть, чтоб я не беспокоился.

Смысл последней фразы я понял, когда Одиль привела меня в свою мансарду. С невероятной быстротой она разделась и юркнула в постель.

— Ну, иди же...

Идти куда? Эх, сейчас бы на маневры с эскадром! Привычно и спокойно...

Я снял плащ, отстегнул саблю.

— Так и думала, военный или полицейский, — прокомментировала Одиль. — Взгляд строгий.

Сумерки, льющисся из окна, помогли мне преодолеть робость. Я скинул одежду.

— Что ты лежишь, как бревно? В атаку, офицер!

— Я был ранен, я не знаю, — забормотал я в замешательстве, но оказался в умелых руках, и скоро подо мной попискивало что-то мягкое, теплое. На улице зажгли фонарь, окно чуть освещало мансарду, я заметил, что Одиль лежит с закрытыми глазами, а на лице довольная гримаса. «Давай, офицер, работай», — требовала Одиль, и я исправно работал, здорово разогрелся. Вообще, по здравом размышлении, это не самая тяжелая работа, бывает и похуже... Весьма приятная работа... Что же дальше? И вдруг — ой-ой-ой — я не удержался, из меня потекло.

Одиль вскрикнула и как будто потеряла сознание.

Какой конфуз!

Какой позор!

Одеться и бежать от стыда!

Но так поступают жалкие трусы. Надо хотя бы извиниться...

Одиль открыла глаза. Я извинился. Одиль не поняла. А когда поняла, начала хохотать, как сумасшедшая:

— Это же и есть любовь!

Это любовь? Я полагал...

Ночь прошла под знаком ликвидации моей половой безграмотности.

Одиль находила, что у меня «гусарский клинок» (сохраняю ее жаргон), и попросила взять ее *rag de rigueur*, дескать, женщины хоть и кричат при этом, но так им больше всего нравится, нравится, когда их «дерут», и чтоб я это учел на будущее, просто не у многих мужчин получается.

Объяснить экспозицию? Нарисовать схему?

Я смог. Получилось. Она орала. Снизу в потолок стучали соседи.

— Как хорошо ты меня «отодрал», — сказала Одиль, и мы с ней провалились в небытие, заснули рядом, вповалку, как солдаты после изнурительного сражения.

Примерно такой же урок повторился с Софи. Софи явилась на свидание вместо Одиль, объяснив, что подружку приревновал ее постоянный кавалер. По глазам Софи я догадался, что Одиль меня горячо рекомендовала, и ей не терпится. Что ж, смена караула, как в казарме. Я не возражал. К тому же фигура Софи была похожа на гитару, то есть излишество форм. И это прибавило мне пылу. После легкой разминки я положил ее навзничь («Нет, нет, нет», — заверещала Софи) и всадил свой «клинок».

— No, no, no... tu est fou? No... Vas-y! Encore! Eme!

Выйдя наутро от Софи, я был убежден, что овладел наукой покорения женщин. Остался лишь вопрос: зачем мне это надо? Разумеется, любой урок впрок, и обходной маневр, подсказанный мне подружками, теоретически переосмыслив, можно было использовать и на плацу. Однако в армии каждый сержант и так знал, что лучшая атака — это атака в тыл противнику.

* * *

Я сидел на площади Святой Екатерины. Квадратный каменный колодец сохранял еще тепло весеннего дня, поэтому публика предпочитала столики, выставленные у дверей кофейни и рыбного ресторанчика. Только что зажгли четыре газовых фонаря на столбах, и площадь преобразилась, стала по-

хожа на большую уютную залу, где все расположились по-семейному. Вечер обещал быть приятным... Допивая вторую чашку кофе и вытянув ноги, гудевшие после пятичасовой ходьбы, я лениво-лениво думал: что, мол, дескать, и так далее, молодец полковник Лалонд когда еще мне выпадет фарт вести такое ленивое существование но почему здесь на площади и вообще во всех злачных местах Парижа всегда полно народу откуда такое количество бездельников в городе можно подумать что никто не работает с полудня до полуночи все сидят пьют жуют и gazeют друг на друга — нет иного более интересного занятия?

хотя конечно вон там в углу за столиком красная шляпка сиреневая шаль красивая баба кавалер в сером плаще гвардейская выправка кудрявые бакенбарды влюбленная парочка сказав что у меня «гусарский клинок» Одиль посчитала что сделала мне комплимент ничего не смыслят женщины это же оскорбление ведь я служу в драгунском полку!

да конечно молодец полковник Лалонд хотя честно говоря уже хочется в казарму интересно бы знать каким я был до ранения до контузии как проводил время на гражданке может был таким же бездельником прохлаждался в кофейнях брал за руку красотку в красной шляпке и сиреневой шали какой она ему послала обжигающий взгляд вряд ли это влюбленная пара вон гляди гвардеец кипит от злости!

Действительно, в углу назревали события. Красотка попыталась встать. Гвардеец в сером плаще силой ее усадил на место. Пророкотал, эхом отскочив от четырех стен, властный мужской голос:

— Если вы желаете быть шлюхой, то нет ничего проще!

Площадь затихла, заинтригованная, и все услышали презрительный ответ:

— Эй, кто-нибудь, неужели все тут тусы? Помогите мне избавиться от этого хама.

«Какие глаза у бестии, — уж совсем не лениво подумал я, — вполне могут свести с ума. Только у меня отпуск, приятный вечер, я в уличные ссоры не вмешиваюсь».

Тем временем призыв красотки нашел отклик. Двое широкоплечих удалцов за соседним столиком переглянулись, встали и решительным шагом направились к паре. Резким движением белокурый гвардеец выхватил из-под плаща саблю.

— Назад, сопляки!

Удальцы-молодцы попятнулись. Страшный удар сабли развалил столик, за которым они сидели. Гвардеец бросил им под ноги горсть монет, звонко запрыгавших по булыжной мосто-

вой. Красотка в сиреновой шали попыталась ускользнуть, но рука гвардейца легла ей на плечо.

Сообразительный официант, нагнувшись, начал искать монеты. Наверно, он опасался, что кто-то, пользуясь темнотой, наступит на монету ботинком, а потом втихаря ее присвоит. Однако публика собралась удивительно добропорядочная: все, как по команде, опустили головы и начали шарить под столиками, указывая официанту на блестящие кружочки. Под столики заглядывали даже клиенты рыбного ресторана, хотя туда монеты уж никак не могли докатиться.

— Полковник, отпустите, пожалуйста, вашу даму, — сказал я, обнажая саблю.

...Я это сказал? Помилуйте, граждане, да ничего подобного я и не думал говорить! Я провинциал, зачем мне встречать в парижские дрязги? После тяжелого ранения у меня частичная потеря памяти. Я пытался вспомнить, каким я был раньше, до контузии, и вот вспомнил на свою голову... Это он, дурацкая башка, тот, каким я был раньше, вытолкнул меня из-за столика, вылез, дурень, и саблю обнажил...

— Дуэль! — ахнула площадь.

Первые удары, обрушившиеся на меня, показали, что я имею дело с профессионалом. Я случайно (или по наитию?) назвал его полковником, но он фехтовал не хуже Лалонда, а против Лалонда я продержался три минуты. Мы рубились в центре площади, в свободном пространстве, как на манеже, но на манеже шли учебные тренировки, а тут меня били на поражение. Каждый выпад моего соперника, который я с трудом отражал, грозил смертью. Я понимал, что вот-вот он меня достанет, и, прощаясь с жизнью, успел подумать, что, видимо, в штабе перепутали, что тот, кем я был раньше, никогда не служил в кавалерии, служил, наверно, в артиллерии, а то и в интендантстве, иначе он не полез бы, дурень, в рубку на саблях, не втянул бы меня в безнадежный поединок, сейчас гвардеец снесет нам нашу дурацкую башку, совсем обезумел гвардеец, разве можно так яростно драться из-за женщины?

Вдруг раздалась свистки, крики: «Полиция, полиция! Немедленно прекратите!» — солдаты вооруженного патруля скрестили перед нами штыки, меня крепко взяли за руки, и седой полицейский объявил:

— Вы оба арестованы. Дуэли запрещены еще декретами Революции.

Поверх солдатских плеч и скрещенных штыков я покосился на гвардейца и, убедившись, что его крепко держат и саблю отобрали, облегченно выдохнул:

— Какая же это дуэль? Урок фехтования на потеху публике. Мой соперник мрачно на меня глянул, потом в его глазах мелькнуло нечто вроде признательности. За столиками начали аплодировать и выкрикивать:

— Bravo! Красивый бой! Bravo, офицеры!

Публика в пику полиции отводила от нас обвинение в нарушении общественного порядка. Может, зрители были рады, что мы не испортили им ужина и приятного весеннего вечера. Может, парижане, привыкшие к уличным представлениям, посчитали, что это была игра. В общем, хлопали так, что я малость испугался: как бы не потребовали повторить на бис.

Ободренный публичной поддержкой, гвардеец иронически хмыкнул:

— Ради чего нам было драться? Не вижу повода.

Реплика адресовалась полицейскому, а ирония — мне. Действительно, дамы в сиреновой шали и красной шляпке след простыл...

— Отвезти их в участок, там разберутся, — приказал полицейский чин.

С площади Святой Екатерины два выхода. Нас развели в разные стороны. На улице, куда меня вывел седой полицейский, ждал закрытый экипаж с кучером в гражданской одежде. Полицейский чин, отворив дверцу, положил на пол мою саблю в ножнах.

— Скажите спасибо, офицер, что это произошло не год назад. Карно или Сен-Жюст передали бы дело в Трибунал, и, уверяю вас, не сносить бы вам головы.

Пятясь и глядя на полицейского, я сел в экипаж, где уже кто-то был. Седой чин козырнул и захлопнул дверцу. Коляска тронулась, копыта зацокали по мостовой. Я обернулся к своему спутнику, резонно предполагая, что меня сопровождает патрульный солдат...

— Слава Богу, нам повезло, я быстро навела полицию, — взволнованно проговорила виновница моих сегодняшних бед, — он бы вас убил...

Ну... В общем... Да... Одно дело, когда наблюдаешь за ними на почтительном расстоянии... Абстрактно красивая женщина. Другое дело, когда эта абстрактность сидит рядом, невольно (вольно?) прижимаясь к тебе, когда коляска поворачивает, ты вдыхаешь аромат ее духов... Как она сказала? Не «вам повезло», а «нам повезло»... Да...

Мною овладела слабость. Сейчас бы сабля выпала из моих рук. Запоздалый страх? Когда он ударом развалил столик... Такой удар был у Лалонда, он демонстрировал его офицерам. Осо-

бое мастерство. Даже штатские зеваки поняли, с кем будут иметь дело, и иметь дело не пожелали. Мысленно я еще дрался на площади, в полумраке сверкала сабля гвардейца. Бац! Бац! Скрежет стали. Теперь, как бы со стороны, я видел свои ошибки, он трижды мог меня достать, то есть ранить. Не захотел? Он хотел наверняка, эффектным ударом разрубить меня, как столик, как муляж на манеже.

Ладонь коснулась моей щеки. Я услышал мелодичный, завораживающий голос:

— Успокойтесь, рыцарь. Вы были отчаянно храбры. Мы едем в мой дом. Я должна вас отблагодарить.

Я успел подумать, что не случайно полковник Лалонд отправил меня в отпуск, видимо, таково было указание врачей, я не готов еще к ратным баталиям, я не выдержал первого настоящего боя. Явно вернулась моя болезнь. Смутно помню проход по комнатам, какие-то лица (слуг?), нам сервировали ужин (есть я не смог, выпил немного вина), а потом будуар и бронзовый подсвечник с двумя свечами. Завораживающей красоты женщина смотрит на меня, в ее зеленых глазах полыхают зарницы, и под пламенем этого колдовского взгляда я таю, как свечка, и рассказываю свою историю, все, что знаю про себя.

— Бедный Жером, — повторяла женщина.

Я понял, что пропал. Я в ее власти. Заботливые руки меня раздели. Я ощутил ее гладкую атласную кожу... Во мне проснулась сила, мы слились в одно целое. Именно так! Мы соединились, и я делал все, чтоб ее не отпускать, ибо только в ее объятиях я не боялся сабельных ударов, я все забыл, существовала лишь она, только она, только мы вместе, и я понял, что любовь — это желание, желание не отпускать от себя женщину. Ни на день, ни на час, ни на миг.

И она, Жозефина, меня тоже любила и возвращала мне слова, от которых я терял разум, вернее, потерял бы, если удержал бы их в памяти.

Впрочем, значительно позже, когда обстоятельства заставили, я их вспомнил. Нежности пропускаю. Основной рефрен: какое счастье иметь молодого любовника!

Потолок был обтянут голубой материей, которая складками от центра, как спицы колеса, расходилась к стенам. Постель еще хранила тончайший аромат ее духов. В соседней комнате с зеркалами мне была приготовлена ванна с теплой водой. Там же на вешалке висел тщательно выглаженный мундир — мой и чистая рубашка — не моя, но мне предназначенная. На полоч-

ках, среди флакончиков и душистого мыла, я нашел даже бритву. Чью?

В гостиной меня встретил важный господин, коего я принял за хозяина дома (отца Жозефины?), но он сообщил:

— Мадам виконтесса вернется к вечеру. Приказала вас накормить.

Завтрак подали на тарелках с золотыми ободками, нимфетками и цветочками. Слева от тарелок лежали три серебряные вилки, справа — три ножа. В какой последовательности ими орудовать? Видя мою растерянность, слуга отвел глаза. Однако вельможа в напудренном парике, с розовыми щеками, в дореволюционной армейской форме с лентами королевских орденов, смотрел на меня с портрета надменно и осуждающе, и мне стало как-то неуютно. Я понял, что я в его доме...

Мои плебейские сапоги скользили по навощенному паркету. За дверью одной из комнат слышались детские голоса. Я спустился по лестнице, по светлой желтой ковровой дорожке (оглянулся: не наследил ли?), на выходе мне протянули плащ и саблю. «Я пошел прогуляться», — сказал я, хотя меня ни о чем не спрашивали.

Фиолетовый сумрак плыл по улице Короля Сицилии. Гостиница «Сгоревшая мельница» по сравнению с аристократическим особняком Жозефины выглядела воровским притоном. Я поднялся по узкой грязной лестнице со стертymi ступенями в свой нищенский номер и, не зажигая свечи, снял плащ, отстегнул саблю, рухнул на кушетку. И почти сразу началась дурь. Как зарницы в глазах Жозефины, сверкала сабля над моей головой, только я дрался не с белокурым гвардейцем, похожим на немца, а с надменным вельможей в напудренном парике, и этот, сошедший с портрета на стене, владел тайной удара полковника Лалонда, и я знал, что он выбьет из рук мою саблю и развалит меня надвое, как муляж, и я звал Жозефину, лишь она могла меня спасти... Появилась ли она? Не помню. Я куда-то провалился и очнулся, когда рассвет четко обозначил раму окна. И тогда я заснул спокойно, без сновидений.

К полудню, приведя себя в порядок, я пил кофе в кофейне и хладнокровно обдумывал случившееся. Во-первых, нечего соваться к дому на Пасси. Во-вторых, мадам виконтесса проявила максимум благородства (приказала накормить!). Не пытайся вспомнить ее слова, произнесенные прошлой ночью. Для Жозефины это очередное приключение. Что еще требовать от красивой женщины? Не был ли белокурый гвардеец твоим предшественником («Он бы вас убил!» — откуда такое знание предмета?), а потом захотел продолжить, то есть с точ-

ки зрения Жозефины, повел себя как хам. Не повторяй его ошибки. В-третьих, о свиданиях с мастерицей не может быть и речи. После Жозефины? Смешно. Значит, самое разумное вернуться в казарму.

Бодрым шагом я поднялся в свой номер, быстренько собрал вещи. Присел. Прилег. И провалялся пластом до вечера. Бредил Жозефиной.

За ужином в «Жареном петухе» я рассудил, что утро вечера мудренее.

На следующий день ноги понесли меня к Пасси. Я долго кружил около ее дома и наконец постучал деревянным молотком в дверь.

Мне могли не открыть, или на пороге мог возникнуть гвардеец с бакенбардами, или вельможа в напудренном парике, седой полицейский, дьявол с рогами — я ко всему был готов.

Открыл слуга, молча принял плащ, саблю, проводил на второй этаж в гостиную. Вошла Жозефина. В будничном платье, не покрашенная и не такая молодая, как мне казалось. Но для меня — еще более красивая. Легкий кивок вместо приветствия. Ее лицо ничего не выражало.

— Мадам, это было невежливо — уйти не попрощавшись. Мадам... Говоря это, я говорю ложь. Я пришел, чтоб увидеть вас.

Жозефина смотрела на меня... Да, ее взгляд обладал колдовской силой. Позже, привыкнув к Жозефине, я понял природу этой силы. Страстные слова, язвительные обвинения бушевали в ее голове — она подавляла этот гневный речитатив, не давала ему выплеснуться наружу. Ее глаза становились непроницаемыми, но скрытые за ними пламя обжигало.

Легендарный взгляд Жозефины, о котором впоследствии столько писали ее биографы, взгляд, которым она сразила шеренгу своих поклонников, взгляд, которым — цитирую — «она пронзила сердце того, кому была предназначена судьбою!»

Ничего этого я тогда не знал и не мог знать. Одно было ясно: бешеный от ярости (ревности?) гвардеец не успел на площади Святой Екатерины нанести роковой удар, а тут меня достали играючи.

Жозефина смотрела на меня, ожидая продолжения. Продолжения не было. Я повернулся, как на плацу, как учил своих солдат поворачиваться по команде «раз-два», и вышел из гостиной.

На крутом спуске к Сене меня обогнал знакомый экипаж и перегородил дорогу.

— Рыцарь, объясните Жан-Жаку, куда нам ехать, чтобы взять ваши вещи, — сказала Жозефина.

Я сел рядом с ней.

— Вы повели себя, как жестокий, гадкий мальчишка.

Я смиренно прижал ее ладонь к своим губам.

* * *

Жозефина, женщина с бурной и сложной биографией, жила сегодняшним днем. Я, человек без прошлого, — завтрашним. Жозефина умела радоваться каждой счастливой минуте, меня терзала неопределенность будущего. Спрашивается, о чем еще можно было мечтать скромному провинциалу, которого, как говорится, принимали в аристократическом доме!

Принимали?

Меня кормили, поили, холили, лелеяли, заказали одежду у модного портного («чучело в плаще, чтоб я тебя таким больше не видела!»), научили управляться с ножами и вилками за обеденным столом, на мои деньги мне разрешали лишь дарить цветы («Виконт Александр Богарне имел солидное состояние, Dieu meггі, якобинцы не посмели «заграбастать его своими грязными лапами»), а главное — меня любила самая обольстительная парижанка!

Я осмелился даже завести разговор о женитьбе. «Глупости, — парировала Жозефина, — я старше тебя на четыре года, и у меня двое детей». «Я хочу, чтоб их было пять, трое моих, а тебе — сорок лет» — «Почему?» — «Тогда бы ты меня не бросила» — «Бросить любовника, с которым я каждую ночь умираю в постели? Откуда у тебя эта неутомимость? Боюсь, ты скоро увлечешься какой-нибудь молодой. Думаю, до меня ты просто не знал женщин».

Знал ли я до нее женщин? (Мастерицы не в счет.) Знаю ли я их теперь? Риторический вопрос: знает ли вообще кто-нибудь женщин? Благодарность, которую до сих пор я испытываю к Жозефине, не позволяет мне рассказать подробности наших с ней — как бы поделикатнее выразиться... Ночами было полное ощущение, что она вся, до последнего вздоха, принадлежит мне, и только мне! Когда мы гуляли с Гортензией и Евгением в Булонском лесу, она светилась от радости, видя, что я нахожу с ее детьми общий язык, мы весело играем, дурачимся... Запомнилось: мы сидим в кофейне на Риволи, Жозефина в зеленой накидке и новой прелестной шляпке, я в чем-то омерзительно штатском в крупную клетку, франтоватые нувориши буквально поедают виконтессу глазами, а она смотрит на меня, смотрит с гордостью (как на свою собственность?).

И еще она заметила, что у меня какие-то сложности с порт-

ретом виконта Александра Богарне, и тактично перевесила портрет из спальни в кабинет.

Всего несколько раз (не нарочно!) мне дали понять, что она хозяйка большого дома и великосветская дама.

...Случайно зашел в ее кабинет (бывший кабинет виконта), машинально (зачем?) начал перебирать бумаги на столе (счета на значительные суммы!), она заглянула в открытую дверь, ни слова не промолвила, однако я догадался: ей это не понравилось!

...Жан-Жак остановил экипаж у манежа Тюильри. Часовые у входа в парадной форме. Публика на них глазеет. И я тоже застыл. «Что с тобой?» — забеспокоилась Жозефина. «Какие-то воспоминания связаны с этим местом». Жозефина пренебрежительно фыркнула: «Какие? Умоляю, Жеромчик, не придумывай себе загадочных историй. Что может быть общего у тебя с Конвентом?»

«...Рыцарь, почему во взоре грусть-тоска?» — «Завтра кончается мой отпуск. При строгом казарменном распорядке не знаю, когда мы теперь увидимся». Жозефина рассмеялась мне в лицо: «Жеромчик, существуют распорядки и существуют полезные знакомства». Откровенно говоря, я удивился легкомыслию своей возлюбленной. Ее не страшит разлука со мной? Я ей надоел? Но еще более я удивился, когда полковник Лалонд сказал мне в пятницу:

— Готар, в субботу вечером и воскресенье у вас увольнительные. Кого из офицеров назначим дежурным по эскадрону?

...Иногда в память о дуэли на площади Святой Екатерины она называла меня Рыцарем. Чаше всего уменьшительными именами: Жеромчик, Драгунчик, Солдатик. И сколько было в этом нежности... Я чувствовал, что я для нее игрушка. Пусть. Ценность игрушки в самой себе. А что я мог дать Жозефине, кроме самого себя?

Во время нашего «медового месяца» у нее были две или три долгие отлучки. Она возвращалась поздно какая-то притихшая, усталая и уходила спать к детям. Объясняла: «Обязательные визиты к родственникам Александра. Снова вспоминали его казнь на Гревской площади, улюлюкающую толпу... Эта рана еще не зажила. Он отец моих детей. Ты должен меня понять...» Я понимал, всячески сочувствовал и заперился в ее спальне, подальше от соблазна.

И вот в субботу вечером, как обычно, Жан-Жак ждет меня у казармы, мы приезжаем в Пасси, а Жозефины нет. Метрдотель почтительно докладывает: «Мадам срочно вызвали к Богарне. Прислали карету».

М-да. Я понимаю, всячески сочувствую и уважаю ее отношение к родственникам. Однако... Меня тоже можно понять. Я из казармы. Пять ночей бегал по потолку... Почему именно в субботу вечером? Нельзя было выбрать другой день?

Мадам появляется за полночь, возбужденная, злая, с ходу выпивает бокал вина, говорит, чтоб сегодня я на нее не рассчитывал, и в ответ на мой обиженный взгляд закатывает истерику:

— Ты не представляешь себе, как мне трудно, как трудно женщине без мужа вести дом, заботиться о детях, об их будущем. Надоело от родственников зависеть, да они оплачивают мои счета, включая наем кареты с Жан-Жаком, не хочу... Подруга предлагает снять квартиру в Париже, присмотрела на улице Шантерейн. Возьму детей, сбегу туда. Если бы я была одна! Не могу, не имею права... Сложности с наследством... Должны думать о детях, поддерживать связи... Если бы ты знал, как это унижительно и противно — им, семейству Богарне, кажется, что я ничего не сделала для спасения Александра (слезы)... Я готова была на все, понимаешь на все... Ух, как я их ненавижу... Особенно Сен-Жюста!

Я позволяю себе прервать это извержение вулкана. Дескать, про родственников все ясно — рикошетом мне досталось за неспособность финансово содержать ее дом. Не спорь. Я понял и намотал на ус. Но любопытно знать, при чем тут Сен-Жюст?

Мне рассказывают историю. Когда Александра Богарне арестовали и посадили в Консьержери, Жозефина начала обивать все пороги. Бесполезно. Лучшие друзья отвернулись. Обвинение в контрреволюционном заговоре. Снять же это обвинение могли только три человека: Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст. Робеспьер — фанатик. Кутон — злобный паралитик. Оставался Сен-Жюст, о нем говорили, что справедлив. Писала ему письма, умоляла принять ее лично. Назначил встречу. Приехала вечером в его канцелярию, в Бюро общего надзора полиции, готовая на все, понимаешь? Можешь себе представить, как женщина одевается перед таким свиданием, как обдумывает малейшую деталь туалета? А в приемной штук двадцать разодетых, расфуфыренных молодых дам! Кстати, среди них — четыре мои светские приятельницы... Каждая рассчитывала на свой шарм, каждая была готова... И поняв все про других, тем не менее молча сидела и ждала, ибо каждая втайне надеялась, что именно ее он предпочтет. Потом вышел какой-то задерганный, затюканный чиновник, сказал, что Сен-Жюст уезжает на заседание Комитета, Сен-Жюст сожалеет, что он не смог вас принять, но просит передать: он уверен, что Революционный трибунал ре-

шит ваши дела беспристрастно, порок будет наказан, добро восторжествует. То есть он над нами, дурами, поиздевался, показал нам — вас много таких, готовых задрать юбки, а он, мол, выше этого! Так что, дорогой, я предложила себя, как публичная девка, да мною не воспользовались. До сих пор не знаю, кем он был, Сен-Жюст, идеалистом или изощренным палачом? Извини, милый, у меня раскалывается голова. Спокойной ночи...

На этот раз я не заперся в спальне, а по примеру Жозефины стал подливать себе в бокал вино. В кафе я заказывал вино к ужину, потому что все заказывали, и я делал как все, а тут бокал за бокалом, и я почувствовал, что оно помогает мне успокоиться, а то я так возбудился, так переживал за Жозефину, так ее жалел (уж не столько желал, сколько жалел), бедная, такое ей пришлось вытерпеть в ужасное время террора, которое, по милости небес, я не помню. Видимо, этот вечер был для меня поворотным моментом, я открыл лекарственную силу вина. Бокал, еще бокал, и я уже тупо бормочу: «Я была готова на все». Что значит эта фраза? Готова отдаться? Понятно. Готова на все? На что еще? Не понимаю. Любят женщины говорить красиво. Последний бокал. Спокойной ночи, моя Жозефиночка...»

Клонилось к закату лето 95-го года. Теперь в казарме обсуждали две основные темы: 1) Армия застоялась. 2) Зреет роялистский заговор. На пыльном плацу под палящим солнцем я проводил учения, вечерами фехтовал в манеже, пока моя сабля сама не выпадала из рук. Я спал без сновидений и просыпался с именем Жозефины на губах. Только неимоверные физические нагрузки помогли мне дождаться субботы.

Помню, в субботу 30-го термидора я вручил Жозефине свое месячное жалованье, половину которого мы тут же прокутили в таверне. И была совершенно феерическая ночь, и Жозефина, обессиленная, шепнула: «Ты мое счастье, Жером, единственное счастье!»

А утром ей принесли конверт, она вскрыла его, прочла записку, вспыхнула, скривила рот:

— Семейный праздник у Богарне. Совсем забыла. Пропал сегодняшний вечер. Так обидно...

Когда детей уложили спать, я усадил Жозефину в карету, присланную семейством Богарне, дорогую берлину с лакированными дверцами. Наследственная карета, в ней еще виконты ездили на королевские балы... «Проклятые аристократы, почему их недорезали в 93-м году?» — подумал я и, естественно, устыдился своих мыслей...

В казарму меня отвез Жан-Жак. Жозефина его специально вызвала, позаботилась о своем Жеромчике, Драгунчике, Солдатике...

Долго не мог уснуть, мерил шагами комнату. Бедняжка Жозефина, семейные обязанности, вынуждена присутствовать на скучных торжествах, мы бы с ней отлично провели время, но она зависит от родственников, сложности с наследством, она обязана думать о будущем детей... Кстати, почему семейный праздник без Гортензии и Евгения? Она читала письмо, покраснев, пригнув голову... А в карете у нее были мерцающие, отрешенные глаза...

И вдруг не я, а тот, кем я был раньше, сказал слова, которые я боялся услышать:

— Ложь. Измена. Жозефина поехала не к Богарне. Вдова казненного виконта. Ее втягивают во что-то нехорошее. Ты должен помешать этому.

Эскадрон расседлал коней. Солдаты отправились на обед. Я подошел к полковнику Лалонду:

— Мне надо в город. Дело государственной важности.

...В первую очередь, согласно уставу, я обязан был доложить своему непосредственному начальству, то есть Лалонду. Однако с того дня, когда он объявил, что я имею право на постоянные увольнительные, в наших с ним отношениях появились какие-то нюансы. Складывалось впечатление, что он знает обо мне больше, чем я сам. Полковник наморщил лоб и ровным служебным голосом ответил:

— Разумеется. Вы можете располагать своим временем.

Странное состояние я испытывал. Кто-то, скрытый во мне самом, командовал мною, вел по улицам, по лестницам, по коридорам департамента полиции. Почему я открыл именно эту дверь? Человек, явно обладающий властью, оторвал глаза от бумаг на столе, в глазах читалось недоумение: как посмел армейский офицеришка его потревожить? У меня секунда просветления, собираюсь извиниться, объяснить, дескать, после тяжелого ранения, контузии, наблюдается двойственность поведения, неадекватность поступков, однажды уже полез в драку на площади, подтолкнули... Но тут внезапно чиновник встал, захрипел, застыл в нелепой позе, лицо его исказилось, словно он узрел в своем кабинете жуткий призрак:

— Вы?!!

Кто «вы»? Кто я? Я не спрашивал, я приказывал:

— Жозефина Богарне. Вдова Александра Богарне, участника контрреволюционного заговора. Подозревается в связях с роялистами. Я хочу знать, куда она ездит, с кем встречается, в частности, в прошлое воскресенье. Прислать мне доклад. Описать все, до малейших деталей.

На улице я почувствовал дикий приступ головной боли и еле-еле доплелся до казармы.

Конец следующей недели прошел без приключений. С Жозефиной — семейная идиллия. Моя эскапада в понедельник вспоминалась, как кошмарный бред. Где я был? Зачем? С кем говорил? Ведь я даже не назвал своего имени, не оставил адреса. Но если все это действительно произошло, не приснилось, не плод большого воображения, то ОНИ — тут я был уверен — меня найдут.

Полковник Лалонд протянул толстый конверт с сургучной печатью.

— Просили передать лично, из рук в руки.

По выражению его лица я понял, что полковник решительно ничего не желает знать ни о содержимом пакета, ни о том, откуда его прислали.

Я заперся в своей комнате и сорвал печать. На первой странице крупным почерком: «Строго конфиденциально. Прочсть и сжечь». Далее страниц десять агентурной разработки.

М-да... Зря я подозревал свою красотку в чем-то нехорошем. Жозефина была невинна, как цветочек, чиста, как родниковая вода. Абсолютно никакого касательства к заговору роялистов! Ну... обыкновенные женские слабости. Преимущественно с высшим командным составом. Например, бурный роман с генералом Лазарем Гошем (в какой славной компании я оказался!). Моего предшественника, с которым я дрался на дуэли, звали Мишель Ней. Полковник. Чин его я угадал, имя ничего не говорило. Зато имя человека, который мог приглашать Жозефину к себе в дом в любое время дня и ночи, объясняло все. И почему мне такой фавор в дивизии, и почему Жозефина так свободно распоряжалась деньгами? У нее не было сложностей с наследством, и она не зависела от капризов семейства Богарне. Она зависела только от капризов своего покровителя, Поля Бараса.

Я имел счастье наблюдать его на вантозских маневрах. Парадной рысью, поэскадронно, мы проходили перед группой генералов, среди которых выделялся штатский в белых чулках, малиновом камзоле с белым обшлагом и залихватской треухой

шапке. «Кто этот щеголь?» — спросил я потом капитана Отеро. «Баррас? — догадался Отеро. — Комиссар Конвента по армии и фактический правитель нашей многострадальной Франции. Отвечаю на вопрос, который вы, Готар, собираетесь задать. Баррас не самый худший политик. После Девятого термидора он почуял, куда дует ветер, и сразу отменил террор. Ему хватает ума прислушиваться к мнению профессиональных военных».

...Так вот, отвечая на вопросы, которые я, ей-богу, не собирался задавать, агентура мелким почерком сообщала о некоторых капризах Барраса, с явным удовольствием смакуя малейшие детали. В частности, Баррас во время интимного ужина заставлял Жозефину делать ему кое-что под столом.

Я сжег листы, выбросил пепел в окно (хотелось бы добавить: сжег и выбросил в окно свою любовь к Жозефине... увы...), захлопнул, несмотря на духоту, окно наглухо. Никто не должен был видеть, как я умираю, сгораю от ревности, катаюсь по полу, беззвучно плачу — но ведь ОНИ видят и слышат сквозь стены! К середине ночи я попытался себя образумить соображениями общего порядка: дескать, куртизанок надо содержать (а она содержала тебя — давай называть вещи своими именами), трудно одной вести большой дом, заботиться о будущем детей, и женщина, обладать которой мечтает весь Париж, естественно, находит богатого и могущественного покровителя. Зачем ей строевой офицер со смехотворным жалованьем? Для забавы. Так ли уж противны тебе были эти забавы? Но, убажывая Барраса, она сохраняла свою независимость, не скрывала — афишировала! — связь с тобой (я выступал как адвокат Жозефины!!!), и покровительство Барраса невольно распространилось и на тебя. Седой полицейский, почему он был так снисходителен на площади Святой Екатерины? Полиция обязана знать, с кем имеет дело. Мои регулярные отпуска — тоже результат умело заброшенной информации, дивизионное начальство не захотело ссориться с Жозефиной. Короче, в поведении Жозефины есть логика (и смелость!), она, можно сказать, невинна (ха-ха!), значит, решай для себя, как жить дальше: знаешь ли ты то, что знаешь, или делаешь вид, что ничего не знаешь? (Благоразумнее делать вид... а Жозефина будет продолжать делать под столом Баррасу...)

Почему я не повесился, не застрелился в ту ночь? Я вертел в руках заряженный пистолет, даже взвел курок...

Что меня остановило? *Желание*. Скотское, плотское желание, которое было сильнее меня. Провести с Жозефиной хотя бы еще одну ночь (которая спасет меня или спасет нашу любовь?), а там — гори все синим пламенем!

И вот наступил субботний вечер. Боже мой, что я с ней делал! До утра. В том числе, вспомнив совет мастерицы Одиль, взял Жозефину *par degiere* (она вцепилась зубами в подушку, чтобы не кричать). Всю ночь, до утра, я владел Жозефиной, я любил Жозефину, я мстил Жозефине, и она была моей, покорной, послушной, и к утру я почувствовал умиротворение и заснул в ее объятиях.

Днем я избегал оставаться с ней наедине. Она явно намеревалась меня о чем-то спросить. Но суета с детьми, какие-то визитеры...

— Ты не был похож ни себя, — сказала Жозефина за ужином. — Мне даже понравилось. Пронзительное ощущение.

Она смотрела как-то открыто, обнаженно, незащитно... Интуиция мне подсказывала, что, если сейчас предложить Жозефине стать моей женой (забудем прошлое, начнем с белого листа!), она согласится, и я, вероятно, буду самым счастливым человеком на свете. Редчайший шанс, который мог соединить наши жизни.

— Тебе понравилось? — услышал я свой скрипучий, противный (чужой!) голос. — Мне бы тоже понравилось, если бы ты кое-что сделала под столом.

Ее лицо дрогнуло, как от невидимой пощечины. Жозефина тут же совладала с собой. Могло быть случайное совпадение.

— Хорошо, милый, — ее голос звучал бесстрастно, приглушенно, — если Рыцарь такой шалун.

Слово *шалун* меня взбесило.

— Не торопись, май дарлинг, обычно ты это делаешь перед десертом.

Теперь случайные совпадения исключались. Ей указали точное время, с любимым обращением к ней Барраса по-английски — май дарлинг.

Ужин кончился. Слуги недоуменно убрали со стола нетронутые блюда. Я угрюмо разглядывал узоры на скатерти, не поднимая глаз на Жозефину. В боях — помню я это или нет — мне приходилось наносить роковые удары. *A la guegге comme a la guegге*. Но наблюдать, как корчатся в мучениях — извините... И потом, выражаясь военной терминологией, я давал ей передышку, возможность перегруппироваться, хоть наскоро возвести линию обороны. Оценила ли она это?

Я упорно разглядывал скатерть и ждал, как Жозефина отреагирует. Могло быть:

1) слезы,

2) оправдания,

3) гневные обвинения (мол, как не стыдно повторять грязные сплетни?),

4) «Вон из моего дома!»,

5) сама выбежит из столовой и хлопнет дверью.

Ничего подобного не происходило. Мы сидели за пустым широким столом друг напротив друга и молчали (вечность!). Я чувствовал, что меня испепеляет взгляд Жозефины. Дело принимало дурной оборот. Моей военной стратегии Жозефина противопоставила беспроигрышную тактику женщины: ждать, пока я сам за нее все себе объясню, найду ей веские оправдания, обвиню себя в жестокости, хамстве и в конце концов упаду перед ней на колени (никогда, опомнись, капитан Готар!), буду вымаливать прощения... Я боялся поднять на нее глаза. Еще немного...

— Ты не мог этого узнать, Жером, — заговорила Жозефина, и в голосе ее не было эмоций, что меня, признаться, удивило. — Дом Барраса плотно охраняется, дьявол туда не проникнет. Тебе сказали... Кто? Зачем? Кто нами играет? Меньше всего это нужно Полю.

...Прекрасно, послушаем про Поля?!

Конечно, он ревнует, но он политик, у него другие масштабы, он не видел в тебе опасного противника.

...Какая душка Баррас!

— Ты думаешь, я с ним, потому что ищу покровительства у власть имущих?

...Думаю, думаю, моя любовь, а иначе зачем? Ведь тебе хорошо со мной. Я кое-что научился понимать. Сама меня научила!

— Ты не понимаешь женщин, Жером. Год назад Поль прибежал ко мне в жутком состоянии, умолял меня его спрятать где-нибудь в доме. Мы были едва знакомы. Его трясло от страха... Он заметил, как на него смотрит Сен-Жюст. Поль сказал, что если Сен-Жюст *так* смотрит, значит, человек обречен на гильотину. Сен-Жюсту стало известно про заговор... Я отдалась Баррасу из жалости и... общей ненависти к Сен-Жюсту... Вот так, Жером, старая связь, и я ее поддерживала, потому что в какой-то степени была причастна к правлению страной. Я, наверно, честолюбива. Я не хочу быть ни куртизанкой, ни примерной матерью семейства... А сегодня я была готова все порвать и стать твоей женой

...Моя интуиция!

— Ты меня очень обидел. Намерен вернуться в казармы пешком? В такую темень? Мне будет спокойнее, если Жан-Жак отвезет тебя. Конечно, он шпион Барраса. И нам лучше, что мы это знаем. До свидания, мой гордый мальчик. Я не говорю «гуд бай, мой мальчик». Я говорю: «до свидания». Через неделю ты приползешь ко мне.

Экипаж отъехал от дома. Я услышал крик:

— Жером!

Жан-Жак осадил лошадей. Я оглянулся. Жозефина стояла в освещенном пространстве распахнутой двери.

— Жан-Жак, — сказал я, — мне обязательно надо в полк. Рано утром маневры.

Но всю дорогу этот крик, ее голос преследовали меня: «Жером!»

За неделю я провел большую работу над собой: самовнушение, самоанализ или, если хотите, выкорчевывание последних иллюзий. Ведь как я ни был занят службой (днем), обработкой металла (вечером на манеже), мыслями о Жозефине (24 часа в сутки), я следил за событиями. А события постарались, поднавалили: изменение Конституции, Совет Пятисот, Директория (во главе с Баррасом) — все доказывало, что Жозефина выбрала верную лошадку. Она метила в первые дамы Франции, моя честолюбивая виконтесса, и в ее жизни — логически! — для меня не оставалось места. Но звучал, звучал в ушах ее голос: «Жером!» — и было ощущение, что тогда, в тот вечер, все можно было переиграть... Переиграть как? Не явиться на маневры? Кто был командовал эскадроном? И потом, суровый взгляд полковника... «Нет, — повторял я себе, — очередная химера. Рано или поздно Жозефина тебя выбросит, как надоевшую игрушку».

И все-таки в субботу, направляясь в манеж, я выглянул за ворота. Экипаж с Жан-Жаком на козлах стоял напротив казармы. Жозефина позаботилась, чтоб мое «приползание в Каносу» было комфортабельным.

Да, она знала капитана Жерома Готара лучше, чем он сам себя. Ее верный Жеромчик, Драгунчик, Солдатик был готов наплевать на все свои клятвы, вскочить в карету, помчаться в Пасси, на полусогнутых подняться по лестнице в будуар, и там, уж точно, ползать, обнимая ее колени... Но ледяная рука того, каким я был когда-то, буквально сдавила мне горло.

Вечером в манеже мне удалось одним ударом разрубить надвое муляж. Получилось! И я был горд, что мои труды не пропали даром, что постепенно я овладеваю тайной мастерства ветеранов кавалерии.

В следующую субботу полковник Лалонд как бы между прочим спросил:

— Разве вас не ждут?

Ждали. Я видел. Плохо скрывая свои чувства, я посмотрел на полковника, и Лалонд поспешно отвел глаза.

Впервые за мое пребывание в казарме я получил три письма. Пришли с коротким интервалом. Конверты, надписанные круглым почерком, без обратного адреса. Я не вскрыл их. Однажды Жозефина черкнула мне записку, и я обратил внимание на округлость букв... Я собирался хранить письма как залоговый билет возврата в Пасси (если не выдержу, если сорвусь), но носить их в кармане мундира было не очень удобно. Я уж отмечал: армейские мундиры аккумулируют специфическое амбре (поэтому Жозефина купила мне сразу штатскую одежду и требовала, чтоб в ее доме я принимал ванну каждый день!!! То есть... Именно так!.. Задним числом я обиделся на Жозефину, холил, поливал из лейки эту обиду, обида придавала мне решимости противостоять соблазну). В любом случае я не хотел, чтобы письма набрали казарменный душок. И потом, в манеже я оставлял китель на вешалке, письма могли вытащить. Прятать в комнате? При желании их легко найдут. Кто? Те, кто видят и слышат сквозь стены.

Я стал мнительным, нервозным, мне казалось, что за мной шпионят...

Короче, я сжег письма. Компрометировать Жозефину не входило в мои планы.

А что входило? Ждать. Эполетами ее не удивишь, офицерское жалованье для нее — медные гроши, да я и не очень-то верил в свою успешную армейскую карьеру. Однако Жозефине 32 года, и когда-нибудь развратник Баррас предпочтет ей юных мастериц... Некому будет оплачивать особняк в Пасси и карету Жан-Жака. Бедная вдова с двумя детьми укроется в деревенской халупе (воображение дорисовывало соломенную крышу и грядки с морковной ботвой на огороде), подальше от злых языков. И вот тогда Жером Готар в своем пропахшем потом мундире медленно подъедет верхом, накрепко привяжет коня к покосившимся воротам и скажет:

— Мадам, ваш покорный слуга.

Незнакомый офицер обратился ко мне, как к старому приятелю: «Готар, помогите мне...» Я спустился за ним в подвальный коридор казармы (не подозревал о его существовании), он открыл какую-то дверь, улыбаясь, пропустил меня вперед. Дверь за мной захлопнулась, лягнув замком.

— Садитесь, капитан Готар, — раздался начальственный голос из глубины комнаты.

Я сел за маленький столик, на котором горела свеча. С обеих сторон от меня, чуть наискосок, два больших зеркала. В них

я хорошо видел себя и пламя свечи, но едва-едва различал три силуэта в глубине комнаты.

— Вы догадываетесь, где вы находитесь? — спросил меня тот же голос.

— Помещение для допросов военной разведки.

Пауза.

— Почему вы так уверены?

— Не знаю. Не могу сказать. Но я уверен, что вы пришли от Барраса.

После паузы, более длительной, другой голос:

— Готар, в результате контузии вы потеряли память, но не потеряли способность быстро схватывать ситуацию. Обнадеживающий признак — ведь я один из тех врачей, кто лечил вас в госпитале. Значит, ваша память со временем восстановится.

Силуэт приблизился. Танец теней. Пламя свечи заколебалось. На столе оказался стакан с какой-то жидкостью.

— Выпейте, Готар, это лекарство. Оно поможет прояснить память, правда, на короткий срок. Потом будет болеть голова, но так надо, Готар.

— Понятно, — сказал я, сжимая стакан и собираясь выплеснуть его содержимое на пол, — Баррас приказал вам меня отравить.

В полумраке другой половины комнаты засмеялись:

— Если бы Баррас хотел от вас отделаться, он придумал бы способ поэлегантнее. И полиция не вмешалась бы так энергично в вашу дуэль с полковником Неем на площади Святой Екарины.

— У вас хорошая информация.

— Но нет той, которую мы надеемся от вас получить.

Я чуть не задохнулся от возмущения. За кого они меня принимают? Да, капитан Отеро просвещал меня «по политике», не скрывая своих симпатий и антипатий, ведь я же ни в чем не разбирался. Но я армейский офицер, а не доносчик! Или они желают выпытать у меня какие-то подробности касательно Жозефины? Мерзавцы!

Третий голос, мягкий, вкрадчивый. Такой дружественный, такой знакомый, что, услышав его, я даже вздрогнул.

— Капитан Готар, мы вас настойчиво просим и предупреждаем: не ведите, повторяем, никогда больше не ведите самостоятельных расследований! У человека, к которому вы обратились, неприятности... серьезные неприятности.

Они и это знают? Они все знают, неужели ты не понял? Они знают больше, чем записано в твоём полковом досье. Тогда

у меня к ним множество вопросов... Но сначала надо выгородить человека, попавшего в беду.

— Передайте Баррасу, что мной руководили не личные цели. Я действовал так в интересах Республики. Хотел знать, кто замешан в роялистском заговоре. А почему чиновник исполнил...

Третий голос, не меняя дружественной интонации, перебил меня:

— Это детали, Готар, второстепенные детали. Главное, что вы правильно оценили опасность. Поэтому мы к вам пришли. И придем опять, если потребуют чрезвычайные обстоятельства. Это наша инициатива, не Барраса. Баррас по своей должности получит необходимую информацию — и только. Время не терпит, Готар. Выпейте лекарство.

Я выпил. Третий голос продолжал:

— Вы абсолютно правы, капитан. Зреет роялистский заговор. Заговор разветвленный, в него втянуты значительные силы. Заговорщики формируют штурмовые колонны. Республика в опасности! Завоевания Революции в опасности! Патриоты должны сплотиться. Роялистский заговор, Готар.

...Третий голос варьировал одни и те же фразы, но этот набор слов меня успокаивал. В нем было что-то привычное. Где я мог слышать этот голос, почему он мне знаком? Или просто мне знакома интонация, с которой произносятся эти слова? В голосе теперь как будто пели трубы, стучали барабаны. Тра-та-та, Республика в опасности! Та-та-та, та-та-а-а-а, роялистский заговор, первая шеренга — в ружье!.. Слегка кружилась голова. То ли от лекарства, то ли от повторения фраз. Но вот я уловил нечто новое:

— Десятого мессидора прошлого года бригадный генерал артиллерии Наполеон Бонапарт был вызван в Революционный трибунал. Суд не состоялся, ибо в дело вмешался член Комитета общественного спасения, человек, обладавший тогда огромным влиянием, который специально явился на слушание. После Девятого термидора материалы по обвинению Бонапарта исчезли из архивов, как и многие другие дела. Однако вы, Готар, по чистой случайности прочли это досье. Напрягите память, вспомните, что там было. Обвинялся ли Бонапарт в связях с роялистами?

Неожиданно прямо перед глазами отчетливо всплыли рукописные листы, и с убежденностью, поразившей меня самого, я произнес:

— Дело строилось на ложном доносе майора Лекруа, бывшего королевского гвардейца. Лекруа обошли чином, и он сводил счеты с Бонапартом. Генерал Бонапарт никогда не был свя-

зан с роялистами. Наоборот, симпатизировал якобинцам. Генеральское звание Бонапарт получил по рапорту комиссара Конвента Огюста Робеспьера, брата Неподкупного...

Дикий приступ боли расколол мне голову. Я очнулся на госпитальной койке, в сумеречном состоянии (сумерки на улице?), очень хотелось спать, но в мозгу моем еще покалывали иголки, а в виски били, как в барабан: «Бух! Бух! Бух!» Зачем меня разбудили, что там бухает за окнами? Прислушавшись, я понял, что это грохот артиллерийских орудий. Неужели австрияки прорвались к Парижу?

И опять провал, и когда я пришел в себя (когда? через день? через неделю?), в голове была вата, уже ничего не покалывало и не стучало в висках. Ставни окна открыты, солнечный луч грел мне ноги, за окном чирикали воробьи.

Заглянул врач, ласково зажмурился:

— Поздравляю, Готар, кризис миновал. Теперь вы быстро поправитесь. Вот примите микстуру. И отдыхайте. Хорошо, что вы много спите. У вас железное здоровье.

— Долго я провалялся?

— Скажем, так: какой-то отрезок времени. Ерунда по сравнению с вечностью.

— А в этот отрезок времени, случайно, не началась война? Мне показалось, что я слышал артиллерийскую канонаду.

— Вы пропустили важное событие, — оживился врач. — Был подавлен роялистский заговор. Военный комендант Парижа генерал Бонапарт расстрелял мятежников из пушек у церкви Сан-Рош.

— В центре города стрелять из пушек? Невероятно!

— Крутая мера, — согласился врач. — Есть жертвы среди гражданского населения. Но у мятежников было численное превосходство. Баррас не ошибся, назначив комендантом Парижа энергичного человека.

«Ему помогли не ошибиться, — подумал я. — А генерал Бонапарт далеко пойдет».

* * *

В начале 96-го года генерал Бонапарт собрался действительно далеко: освободить Италию от власти австрийской короны. Все офицеры нашей дивизии мечтали попасть в армию, формируемую Бонапартом. На казарменном жаргоне это называлось «кони бьют копытами». Я бы тоже с великой радостью отправился в Итальянский поход. Чем бы он ни кончился, — пусть моей гибелью от пули или сабли, — все лучше, чем тот бред, в

котором я жил. Да, Жозефина умерла в моем сердце. Я поставил точку. Две точки. Десять точек. Ну и что?.. Я беру увольнительную, иду к дому в Пасси. Открывается дверь. На пороге Жозефина! «Жером?» И она падает в мои объятия. Нет, не так. Жозефина молча поворачивается, поднимается на второй этаж, я следую за ней, мы сидим в гостиной, ее взгляд испепеляет меня: «Гадкий, жестокий мальчик!» Нет, не так. Я прогуливаюсь около казармы, замечаю, что меня сопровождает экипаж с Жан-Жаком на козлах (экипаж больше ни разу не появлялся)... Я пью кофе на площади Святой Екатерины — и вдруг за спиной знакомый голос: «Рыцарь, угостите даму бокалом вина». И вот так, в разных вариациях, это прокручивалось в моей голове. Наваждение не кончилось. Кончилась зима.

Полковник Лалонд смотрел на меня с нескрываемым любопытством, как будто узрел нечто ему неведомое, как будто я трижды повторил его знаменитый сабельный удар. На конверте, что он мне вручил, стояла печать: «Штаб генерала Н. Бонапарта».

В своей комнате я торопливо вскрыл конверт. Одновременно ощутил разочарование и учащенное сердцебиение. На узком листе бумаги строчка круглых букв:

«Жером, верните, пожалуйста, мои письма. Верю, вы человек чести».

Какая умная чертовка! Угадала, что конверт с печатью штаба армии Бонапарта меня обязательно заинтригует. Как она его раздобыла? Хотя при ее связях... Конечно, надо ей ответить.

Длинным посланием с намеком все возобновить? И опять превратиться в игрушку в ее руках? Нет, никогда! Сам факт, что письма не были прочитаны, ее обидит... Надо ли это тебе? Можно объяснить тогдашним твоим состоянием, дескать, естественная защитная реакция. Продолжать гнуть свою линию, то есть дать нейтральный вежливый ответ?

Мои размышления прервал визит капитана Отеро. По его глазам я понял, что слух о конверте из штаба Бонапарта разнесся по казарме. Ведь это могло быть предложением подать рапорт о переводе, и если предложили мне, то кто следующий? Видимо, в полку мне прочили блестящую карьеру, ибо после нескольких ничего не значащих фраз Отеро приступил к делу:

— Готар, из чувства товарищества, полковой корпоративности не могли бы вы походатайствовать, чтобы наша часть была зачислена в Итальянский поход?

Я криво усмехнулся. Небось Отеро пришел как глава делегации. Делегация затаилась в коридоре. Придется разочаровать коллег.

— Сожалею, я не знаком с генералом Бонапартом. Никогда не был ему представлен.

— Готар, шутки в сторону. Существуют другие каналы...

— ???

— Хорошо, ваше право держать в тайне то, что было известно всему Парижу. Но теперь это в прошлом. И одного слова виконтессы Богарне будет достаточно, чтобы повлиять на нашу общую судьбу.

Так получилось, что я не заимел друзей в полку. Возможно, моя вина, хотя я старался поддерживать хорошие отношения со всеми офицерами, с Отеро — в первую очередь, ведь он в какой-то степени меня опекал. Однако тут я вспылел. Грубо, сапогами залезать в мою личную жизнь (которой уже не было!)? Значит, из чувства товарищества, полковой корпоративности (Смирна-а-а-а! Направо равня-я-йсь!) я должен просить Жозефину, чтоб она попросила Барраса (до или после ее упражнений под столом?) замолвить словечко перед Бонапартом о нашей кавалерии-сиротке?

— Что известно Парижу, мне неведомо. Давно не был в увольнении. А вам, Отеро, известно, что Баррас побаивается Бонапарта. Вы мне сами объясняли: Директория утвердила план итальянской кампании, ибо желает услатить подальше строптивного, непредсказуемого генерала. Расстрел роялистов из пушек в центре Парижа произвел сильное впечатление не только па публику.

— При чем тут Баррас? — изумился Отеро.

С минуту мы глупо глядели друг на друга.

— Наверно, вы не в курсе, — пробормотал Отеро извиняющимся тоном. — В высших сферах об этом только и говорят.

— Не вхож в сферы, — отрезал я сухо.

— Готар, официальная церемония назначена через неделю. Генерал Наполеон Бонапарт женится на Жозефине Богарне.

Мой ответ уместился в две строчки:

«Мадам, клянусь жизнью, письма были сожжены невоскрываемыми. Об их содержании никто никогда не узнает».

* * *

Долгие годы я размышлял над этой историей. По прихоти судьбы мой путь пересекся с траекторией Кометы. Финал закономерен. Я не был достоин даже находиться с ней рядом. Да, Баррас сам познакомил Жозефину с Бонапартом, намеревался

с ее помощью контролировать генерала. Да, кто-то заранее позаботился, чтоб убрать меня с дороги. Все так, но я-то вел себя как болван, по чужой подсказке, меня элементарно спровоцировали, я оказался послушной куклой в чьих-то руках. Я пускал сопли, лез на стенку, а проницательная Жозефина сразу догадалась: «Кто? Зачем? Кто нами играет?» Интуитивно она поняла то, что я понял гораздо позже.

И когда игра пошла по второму кругу, когда после вынужденного отречения Жозефина угасала в замке Мальмезон, я хотел, я должен был ее навестить.

Но играли уже другой колодой, сменились правила, многие игроки выбыли из игры, и на карту ставили карту Европы.

Крупные заголовки французских газет: «Бернадот вошел в Бельгию!» — вызвали панику в Париже. На севере грохотала война. Рушилась Империя. Нас с Жозефиной разделяла линия фронта.

И не меня она ждала.

III. ДЖЕННИ

Почему восемьдесят метров с барьерами? Потому что половина из ее класса вообще не могли перепрыгнуть через барьер, тем более на скорости. Ее это сразу выделило, и мальчишки к ней стали относиться не так, как к другим девчонкам, заужали.

Почему юношеский рекорд Латвии? Потому что Зигрида Юрьевна, тренер «Буревестника», строгая дама с аристократическими манерами (говорили, что она из семейства прибалтийских баронов), которую все побаивались, ее в упор не видела. В глазах Зигриды Юрьевны Дженни была обыкновенной еврейской девочкой, без выдающихся физических данных; такие косолапые плебейки ходят какое-то время на тренировки, потом исчезают бесследно. Почему Дженни буквально страдала от невнимания Зигриды Юрьевны? Бессмысленный вопрос. Просто наступает момент, когда человеку (человечку!) надо, чтоб внешний мир, чужой и холодный, на все взирающий равнодушно, наконец тебя заметил. И, как правило, внешний мир олицетворяется в ком-то конкретно: в мальчике в кожаной куртке на платформе «Дубулты», в школьном учителе биологии, в черно-волосом итальянце-бизнесмене в костюме от Риччи, в пожилом художнике в ленинградском ателье (спокойно сказавшем: «Раздевайся! Да не для этого, дура! Рисовать тебя буду, ню!») или в тренере «Буревестника», что в конечном счете не самый плохой

выбор. Дженни тренировалась как одержимая, плюс ежедневно по утрам делала кроссы по парку, она знала, что все зависит от нее самой — ее воли, силы, собранности. И вот в финальном забеге республиканских соревнований она, неожиданно для всех, легко перелетев последний барьер, первой коснулась ленты! И ей не забыть, как на нее тогда смотрела Зигрида Юрьевна (внешний мир ошарашенно трет глаза: что происходит? я пропустила такую девочку?). Естественно, изменились отношения, тренерша ей достала олимпийскую форму made in Bulgary, адидасовские кроссовки, приглашала домой на ужин, где Дженни и научилась красиво орудовать ножом и вилкой.

Позже коварный внешний мир воплотился в столичного Знаменитого Актера, З. А. (мужественно скрывавшего под маской неизменной веселости свои многочисленные хвори). З. А. преследовали поклонницы, самоуверенные московские шлюхи, но Дженни пробилась и через этот заслон (воля, собранность и женская сила, которую в себе она уже почувствовала), и З. А. нахально звонил в деканат Первого медицинского института и вежливым голосом просил: «Будьте добры позвать... это З. А. из Театра Сатиры». И надменные секретарши деканата резвым галопом скакали по коридорам и разыскивали ее, никому не известную (и разом ставшую известной) первокурсницу.

В Рижский медицинский ее не приняли по банальной причине: пятый пункт, квота на евреев была исчерпана. В шестнадцать лет остро переживают явную несправедливость. Но вместо того, чтобы обидеться на весь свет и целый год бить баклуши в привычной рижской молодежной компании, Дженни рискнула — поехала в Москву и прошла по конкурсу в Первый медицинский. (Рискни! — стало ее девизом.) Смехотворная стипендия, комната в общежитии на шесть коек и прочие атрибуты райского студенческого быта Дженни не устраивали. Существовать за счет родителей она принципиально не хотела. Брать деньги у мужиков было бы унижительно. Любимая заставка советских кинематографистов: крупным планом дверь с надписью: «Нет выхода». Только не для Дженни. Прокрутив несколько операций с импортными тряпками, она быстро разобралась в обстановке. Зарегистрировала кооператив, сняла подвал, купила машины и засадила своих студенток за работу. По ее эскизам студентки с утра до ночи кроили и шили «импортные» маечки и брюки, а Дженни развозила по торговым точкам дефицитный товар. Трудовой коллектив вкалывал с энтузиазмом, ведь такие деньги никому не снились. Дженни переселилась в двухкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной, приобрела подержанный «фольксваген»-

пикап и начала подрабатывать как маклер сдачей московской жилплощади иногородним.

Страна, разбуженная перестройкой, слабо шевелилась, никто толком не знал, что можно и что нельзя. Подпольные миллионеры, имевшие горький опыт общения с ОБХСС (не путать с КПСС!), пока не спешили высываться. Желторотая молодежь, будущие дерзкие кидалы и мастера офшорных фокусов, еще не понимали, что выгоднее — рэкет или покер? — и куда податься — в фирмачи? хохмачи? трепачи или циркачи? — и какая разница между дилером и киллером?

Дженни рисковала, но не зарывалась. Снимала пенки. По ее мнению, жаловаться на отсутствие денег могли лишь лентяи и идиоты. Никогда больше она не чувствовала себя так вольготно в финансовом отношении, как в период московской учебы. И училась еще заочно во ВГИКе!

Спрашивается: откуда столько энергии? Пожалуйста, спрашивайте.

Сама Дженни не спрашивала, энергия ее была естественная, как дыхание.

«Очень целеустремленная девочка», — говорили все вокруг.

Родители, обеспеченные рижские врачи, далекие от политики, на которых вроде ничто не капало, сообразили, что ради блага их дочери они должны переехать в другие края, где все стабильно и удачная инициатива приносит твердые дивиденды. Родина вечно зеленых помидоров в любой момент могла крутануться в обратную сторону, и опять возникнут проблемы с пятым пунктом, а частных предпринимателей посадят... ну, не в тюрьму, надеемся, дочке повезет, посадят на зарплату в 85 рэ. Корыстные мотивы? Не только. Остались в памяти рассказы бабушки, свидетельницы того, как в ее захолустное местечко ворвалась конница Петлюры и порубила всех евреев мужского пола, мирно читавших Тору в тени придорожных деревьев. Таким образом, Дженни внутренне была готова к перемене климата. Однако в еврейском дружном семействе если что стабильно, так сложности: то дед заболел, то бабка, то тетка разводится, то жена дяди не дает разрешения, то младшая сестрица Дженни укатила с грузинским мальчиком на Кавказ — ищи ветра в поле! И потом, межпуха намыливалась в Израиль, а тут появился Джек, совпало много обстоятельств, и Джек, как и подобает боксеру, резким ударом отправил Дженни в глубокий нокаут, в Америку.

Более всего поражало саму Дженни, что в Лос-Анджелесе она утратила свои честолюбивые планы, превратилась в обыкновенную бабу, спряталась в скорлупу семьи и была счастлива,

особенно когда родилась Эля. Такая метаморфоза с ней, с Дженни! А еще ее называли целеустремленной девочкой! На диком московском западе ее подружки, робкие ученицы, вышли на дорогу большого бизнеса. Правда, раздавались и ночные истерические телефонные звонки и знакомый голос плакал в трубку: «Меня обобрали до нитки, прокрутили на пятьдесят тысяч долларов!» Короче, когда Дженни пыталась заводить разговор на тему: где прошлогодний снег, боксерская реакция Джека сразу сбивала ее с ног:

— Скажи спасибо, что я тебя увез оттуда. Ты начинала в вегетарианский период. С твоим характером сейчас тебя бы пристрелили или изуродовали.

И Дженни понимала: Джек, пожалуй, прав.

Что же касается обстоятельств, имеющих скверную тенденцию совпадать, то к тому возрасту, когда ее могли избрать депутатом Верховного Совета (21 год), Дженни убедилась: мальчики ее поколения приятны в постели, забавны на вечеринках, но... полная пустота и ничтожество. Употребить очередную телку, на халяву заработать сто долларов, сесть в иномарку, напиться вусмерть в ресторане — предел их мечтаний. Более того, в компании своих сверстников Дженни становилась такой же, как и они. Ее заносило. Не два-три вздыхателя, вокруг нее должна была клубиться вся улица, вся тусовка! Однако романтические чувства из мезозойской эры ее предков считались смешными, мальчики клубились охотно, когда чувствовали запах свежесорванной клубнички. Короче, дорогой мой профессор Энтони Сан-Джайст, вряд ли я расскажу тебе все мои подвиги, ибо случалось, что твоя целеустремленная девочка вела себя как девочка легкого поведения — ограничимся этим эвфемизмом. И вопрос не в том, кто кого употреблял — у Дженни на этот счет была своя теория, — просто Дженни поняла, что ее натуральное окружение — замшелое болото, в которое можно погрузиться и не вылезти. Еще один довод в пользу Калифорнии, где солнечные дни одиннадцать с половиной месяцев в году.

Роман с З. А. открыл ей какие-то вещи в ней самой, или, скажем так, ее настоящий человеческий умственный потенциал. Роман был обречен заранее. Тривиальная ситуация: неглупая жена, позволяющая мужу прыжки в сторону и умело игравшая на семейной привязанности и его любви к ребенку. И слишком много славы. И слишком много профурсеток вокруг, ждущих удобного момента запустить руку в его брюки. Разумеется, Дженни нравилось появляться с З. А. в престижных домах, на концертах и в театре и слышать со всех сторон восторженное «ах», и ощущать на себе завистливые взгляды. З. А. был слаб.

капризен, мнителен, но личностью — совсем другой интеллектуальный уровень. Личность, величина, человек иного измерения — таких теперь нет, вымерли, как мамонты. За ним хотелось тянуться, учиться всему, в том числе и душевной щедрости, размаху. Самое интересное: он ее не подавлял, она чувствовала, что соответствует ему, что его слабость компенсируется ее силой, и сложись жизнь иначе, они бы составили идеальную пару.

Когда он упал на сцене и после лежал в больнице, так и не приходя в сознание, его друзья, дежурившие у изголовья, впустили Дженни в палату. Они помнили, что она для него значила. Она плакала над ним и (признаться или нет?) оплакивала себя. Она думала, что теряет последний шанс. Ведь окажись она в адекватной себе компании, кто знает, может, и она бы стала значительной личностью, кем-то вроде Голды Меир или Софьи Перовской.

Джек (тогда еще Джек Лондон) козырнул картой. Географической. И он был старше ее на 15 лет. Значит, по логике, она попадала не только в другую страну, но и в другую среду. Особых иллюзий в городе Грез Дженни себе не строила. Внешне она не соответствовала американским стандартам (голубоглазая блонда, рост 180 см, причем полтора метра приходится на ноги), около нее не затормозит красный «феррари» и известный режиссер не позовет: «Хэлло, бэби, я хочу тебя снимать в кино». Такие номера откалывали в Москве третьестепенные киношники, и кончалось, естественно, тем, что девочку не снимали, а с девочки снимали. Однако по теории вероятностей где-нибудь в десяти милях от Голливуда вполне мог иметь место какой-нибудь вшивый жоктейль, и какой-нибудь (нибудь — второй смысл: не быть?) старый приятель Джека, сменивший боксерские перчатки на... Осветитель? Оператор? Администратор? Козел-каскадер в телегороде? И вот светская беседа о погоде плавно заворачивает на профессиональные творческие темы (скандал на съемке, который закатила N, звезда секс-поп-рока) и приятель Джека, заинтригованный эрудицией Дженни (все-таки ВГИК, факультет кинокритики!), небрежно роняет: «Позвони мне, деточка, в контору». И если бы Дженни зацепилась хоть четвертой ассистенткой пятого помощника, то дальше — благодаря воле, энергии, целеустремленности — она бы вышла со временем на определенный уровень, она бы поднялась по этажам. Режиссер? Гм... проблематично. Пресс-атташе? Возможно. Менеджер? Да! Человек, к которому прислушиваются звезды и мимолетные кометы голливудского небосвода. Ведь от нее бы зависело, какая завтра будет погода.

Фигушки, фигушки, фиг-фигнюшечки!

Ее Лос-Анджелес оказался глухой провинцией. Из этой провинции не было доступа в воздушные телекинозамки. Видит око, да зуб неймет. Как ни странно, теоретически из Москвы было ближе. Гостя из Москвы встретили бы не через парадный ход, но с любопытством. Правда, для этого требовалось быть З. А. или... быть рядом с З. А.

Она не нашла адекватной себе компании. Нашла работу в медицинской компании. Поднялась на второй этаж. Вице-президент. Звучит впечатляюще.

Звонит Президент:

— Дженни, мы горим. Нам надо триста тысяч долларов.

Что ж, разговор в духе большого бизнеса. А подоплека? Хозяин, хитрый, пронырливый япошка, сделал деньги на медицинских страховках. И продолжает в том же направлении. Значит, Дженни нужно просмотреть досье каждого пациента и посоветоваться с каждым врачом. Какой курс лечения в госпитале они могли бы еще провести (совсем не обязательно, что проводили!), который социальное страхование обязано компенсировать. И не лепить от фонаря (перелом обеих ног шизофренику! Выгодная операция, да инспекция Сошел Секьюрити, социальное страхование поймает, накажет крупным штрафом, и накрылись тогда карьера Дженни алюминиевой пуговицей), а придумать нечто достоверное, например, в случае с шизом — ежедневные сеансы психоанализа. Их наличие или отсутствие никаким рентгеном не обнаружить. Тут главное — не промахнуться. Безнадежному шизу психоанализ — как мертвому припарки, явная ошибка диагноза, доктора на себя ответственности не возьмут. Выбрать полувменяемого пациента, который бормочет несусветную чепуху, — к нему инспекция приставать с вопросами не будет. Выбор кандидатов (в депутаты!) на совести докторов. Задача Дженни просчитать рентабельность операции и, если годится, — правильно ее оформить, внести в компьютер. И искать следующую. Это Дженни называла «скрести по сусекам». Так она наскребла требуемую сумму. Между прочим, зарплату ей платили не за это, от основной работы ее никто не освобождал. Никого не интересовало, как Дженни выкрутится, хоть сиди по ночам. Зато когда она приносила то, что наскребла, на блюдечке с голубой каемочкой, представитель Страны восходящего солнца встречал ее, как императора Хирохито. «У тебя не голова, а филиал Уолл-стрита!» Хирохито с Уолл-стрита! В Дженни пропадал поэт.

Но где наша не пропадала! Пусть ей не мелькать на голливудских party, не украшать своим присутствием интеллекту-

альные тусовки — эта жизнь прошла мимо, у Дженни другой путь. Нормальные героини всегда идут в обход. Она вылезет, наберет сил и опыта (и материальных средств), а потом откроет собственный бизнес. Деловая женщина, хозяйка фирмы, офис в стеклянном небоскребе Даунтауна — вот исполнение ее американской мечты.

И хорошо бы ей заранее запастись партнером. Лучше — партнером и мужем по совместительству, с деньгами, связями и чтоб умел пахать, не отлынивал от работы. К экзотическому Востоку Дженни склонности не имела. Выходцы из России автоматически исключались. Сколько она их повидала, непризнанных гениев театра, кино, зубоврачебных кабинетов, общественных туалетов, геологических перемычек и дверных отмычек — перекуры, перезвоны, пожарная боевая готовность к задушевной беседе о смысле жизни и к приему стакана. «А работать когда будешь?» — «Работать? Завтра». (Вот кто пахал почти круглые сутки на концертах, съемках, спектаклях и репетициях — так это З. А. Не халтурил, вкалывал без дураков. Увы, З. А. — штучного производства, таких больше не делают.) То есть вырисовывался портрет-робот (Роберт? Пускай повесится!) туземного американца, потомка пионеров и землемеров, поменьше ковбоя с плейбоем (писать, писать надо Дженни стихи!), неумоимо погоняющего лошадей или машину мощностью в двести лошадиных сил. Но тут вступала в действие специфика Города Ангелов. К тому же плейбоя требовалось заарканить в ближайшие несколько лет, ибо Дженни, как специалист по истории кинематографа, знала: плейбои-ковбои гонялись по пустыне и прериям за кем и чем угодно — коровами, бандитами, золотом, бизонами, дилижансами, индейцами, злодеями, прохиндеями — и никогда никто за пожилыми дамами!

Леди и джентльмены! Не выдавайте наших тайн! Ведь на самом деле смелая и решительная Дженни была жуткой паникершей, она дико боялась возраста.

Ладно, разберем проблему строго и научно. Слово докладчику и оппоненту.

Докладчик:

— Природа крайне несправедлива к женщинам. Девичий век короток. Сейчас на меня много охотников...

Оппонент (хихикая):

— Я бы тебя трахнул.

Докладчик:

— А через десять лет?

Оппонент:

— В тридцать пять баба ягодка опять!

Докладчик:

— А через двадцать?

Оппонент:

— Мм... смотря по обстоятельствам.

Докладчик:

— Да ты и смотреть на меня не будешь. На пятидесятилетнюю женщину залезет разве что верный муж раз в месяц в целях поддержания своего здоровья. Я разочаровалась в мужиках. Умные, многоопытные, талантливые мужики, все после пятидесяти теряют голову, скачут козлами за молоденькими юбками, падая по дороге от инфарктов. Мужик, он долго в цене. Вон Тони. Сколько баб еще готовы (вижу по их глазам) немедленно лечь с ним в постель, а ведь ему за... за... даже не знаю, надо спросить.

Оппонент (притворно вздыхая):

— Закон природы... Кстати, замечание по стилю. Молоденькие юбки — неграмотное выражение.

Докладчик:

— А образ старого козла тебя устраивает? О'кей, поговорим о природе. Ты хотел меня трахнуть. Да не красней... На сколько раз ты способен?

Оппонент (оживившись):

— Такая сексапилочка! Четыре или пять.

Докладчик:

— Хвостун бессовестный! Два, три раза, и ты отвернешься, захрапишь. А я, по закону природы, еще желаю. Что прикажешь делать? Бежать к другому?

Оппонент (возмущенно):

— Это блядство!

Докладчик:

— Это лицемерие! Когда на меня спрос, я не имею права им воспользоваться. Нарушаю законы приличия. Для мужика поиметь как можно больше баб — дело чести, доблести и геройства. Почтенные литературоведы изучают донжуанский список Пушкина. Скоро он станет академическим предметом, студенты будут по нему сдавать зачеты, зубрить наизусть: «такого-то числа с Божьей помощью уё... Анну Керн». Прошу прощения, цитирую по первоисточнику. В то же время амурные подвиги Анны Керн стыдливо замалчиваются. Почему? Ведь не потаскуха. Пушкин ее назвал «гением чистой красоты». Да слишком много было амуров, публика шокирована. Значит, если мужик получает удовольствие от женщины — бурные, продолжительные аплодисменты. Если женщина от мужика — из зала оскорбительные выкрики: «ай-я-яй, как не стыдно!» Но когда через

энное количество лет я захочу на законном основании, то обнаружу вокруг себя пустыню: ковбои и плейбои стремительно улетаются к горизонту.

Какая резолюция принята в итоге научной дискуссии — нам неизвестно. Во всяком случае, это не поколебало решимости Дженни искать американца с нужным профилем. Иначе она повторит за Марселем Прустом поиски утраченного времени. Что тянуть? Как гласил советский лозунг: «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!» При чем Дженни была не прочь выполнить пятилетку в четыре года, советское воспитание.

И вдруг — та-та-та-та! та-та-та-та! — позывные Судьбы, Пятая симфония Бетховена (эрудитка Дженни, с ума сойти!), встреча в столовке самообслуживания на Вилшер-бульваре. Все планы к чертовой матери. Нужному профилю энергичного ковбоя-плейбоя, компаньона по бизнесу профессор Сан-Джайст абсолютно не соответствовал. Полное несовпадение! Тогда зачем? Любопытный вопрос, особенно если учесть, что Дженни не могла и часа высидеть в конторе, не позвонив домой и не услышав его голоса...

— Тони, Тони, возьми трубочку. Тони, где ты шляешься? Привет. Что делаешь? Был наверху, читал газету? Какую? «Фигаро»? Ага, купил на Вентуре. Соскучился по своей Франции? Нет? Клянешься? А я по кому-то соскучилась. Угадай. Смотрю на экран компьютера, а там... Тони, почему бы тебе не научиться водить машину? Не хочешь? Жаль. Я бы тебя взяла на должность ковбоя. «Хорошо в степи скакать, свежим воздухом дышать, лучше прерий места в мире не найти, тра-та-та-та!» Откуда я знаю песню твоей молодости? Тони, я все знаю. Такая попала тебе девочка. Я тебе полностью соответствую, а ты даже в ковбои не годишься. Что? Ты умеешь скакать на лошади? Чудеса! Ты умеешь стрелять из пистолета? Ага, тогда ты должен еще уметь спрыгивать с поезда на полном ходу — так вас учили в вашей французской шпионской школе (или как там она называлась?), перед тем как забросить в Советский Союз. Не забрасывали? Верю, ты приехал как студент-славист в Московский университет слушать курс о революции 1905 года. Глупости говорю? Такая попала тебе девочка, всегда говорит глупости. Ни разу не прыгал с поезда? А с парашютом? О'кей, Тони, мне достаточно, что ты умеешь скакать, извини, ездить верхом и стрелять. Покупаю тебе техасскую шляпу, лассо и вношу коррективы в свои проекты. Ты мне работать не мешаешь, трубку прижала к плечу, рука на клавишах. Намек поняла, я отвлекаю

тебя от любимого занятия: поисков в «Фигаро» нового рецепта приготовления лягушек. Что я делаю? Развлекаюсь. Умрешь от зависти. Сверяю по алфавиту списки больных, все ли зарегистрированы в компьютере. Тони, именно за это мне платят деньги. Ты бы предпочел, чтоб я плясала голой в кабаре? Подожди. Пришел доктор. Не бойсь, он не будет меня хватать за разные места, он, как шарик, голубой. Минуточку... Тони, это надолго. Кладу трубку. Сегодня приеду пораньше. Бай!

Дженни засыпала мгновенно. Люди, которым надо вставать в шесть утра, бессонницей не страдают. Кажется, и минуты не прошло, как заиграла музыка в радиобудильнике или Эля потянула за руку. Но сны ей снились, и в сновидениях она вспоминала старые сны. Выстраивалась другая реальность: воспоминания о жизни, которой не было, но которая когда-то ей снилась. Последнее время повторялся сон: она в узкой комнате с высоким сводчатым потолком, из окна видны парижская улица и парижские дома напротив, Дженни стремится выбежать на улицу и не может — дом окружен каменным забором, у ворот солдат, а над воротами — распятие. Во сне Дженни четко видела эту улицу: старинные дома, мостовая вымощена булыжником, изредка громыхают конные экипажи. В первые секунды пробуждения сон рассыпался на клочки, исчезал, таял в воздухе. Ночью опять все склеивалось — узкая комната, длинные каменные коридоры, по ним бродят мужчины и женщины, какие-то между ними отношения (галантные?), но все, как и Дженни, мечтают вырваться на улицу, которая видна из окна, близка, да недоступна. Забор, непреодолимый забор и солдат у ворот, над воротами — каменный крест.

В воскресенье сквозь утреннюю дремоту Дженни услышала приглушенные голоса Эли и Тони за дверью, поняла, что Тони встал раньше, чтоб дать ей возможность выспаться, улыбнулась, перевернулась на другой бок и... провалилась в узкую комнату с высоким сводчатым потолком и окном на парижскую улицу. И когда она проснулась, ей удалось схватить этот сон за хвост, вывести из иной реальности, где все растворяется, как в тумане, до следующей ночи, запомнить его.

— Вторая рюмка, Тони. Пей на здоровье, я не комиссар по трезвости. Просто мне бы хотелось, чтоб ты продолжил историю про Жозефину. Она не дает мне покоя, иначе чем объяснить...

И Дженни рассказала свой сон.

— Теперь смотри, Тони. Почему Париж? И явно другая эпоха, кони цокают по мостовой... Никогда я там не была, но уверена — это парижская улица. Присутствует еще военный, без погон и без сабли. Мы с ним ходим по коридору... Правда, одно не стыкуется: он меня зовет Роз, это я запомнила сегодня утром.

Тони на нее смотрел как-то странно. Потом рассмеялся:

— Нет загадок, девочка. После моих историй ты втихара прочла какую-нибудь книжку про Жозефину.

Дженни жутко обиделась. Ушла в спальню, хлопнув дверью. Тони долго к ней подлизывался. Ну и... задержались в постели. Дженни отметила, что Тони старается в первую очередь доставить удовольствие ей. Ладно, простим за хорошее поведение...

— Ты еще нацепи на себя галстук. Я же в халате. Оставайся в пижаме. Тоничка, на сегодня ты выдохся, тем более что утром встал рано, дал мне поспать. Видишь, я это оценила (оценила другое, в постели — но не все ж ему сообщать?) — и не жду никаких выступлений. Расслабляйся. Ужин проведем по системе бикицер¹. Тоничка, я тебя люблю, я тебя кормлю. Гуляй — полный релакс, расслабуха, можешь петь пьяные песни. Я тебя доведу до постели и... руки под щеку, спатеньки. Заслуженный отдых. Налей мне тоже рюмку... И все-таки, прежде чем уйдешь в глухую несознанку, ответь на вопрос. Почему ты так среагировал на мой рассказ? Ведь я тебе никогда не вру.

С потолка спланировала ехидная улыбка З. А. Дженни беззвучно (для З. А.) откорректировала: «В данном случае я ничего не выдумала».

Тони опустил рюмку. Взгляд, который Дженни не могла расшифровать.

— Тоничка, не заводись. Не хочешь, не отвечай.

— А как мне было реагировать, моя девочка? Допустим, Париж ты видела в кино. Он, как на пленке, проявился в твоих снах. Нормально. Но улица, которую ты мне описала, это улица Вожирар. Каменное здание с высокими сводчатыми потолками, забором и распятием на воротах — это монастырь Кармелиток на улице Вожирар. Во время якобинского террора он был превращен в тюрьму. Узников держали в кельях, впрочем, режим не строгий, разрешалось гулять по коридорам, да и много чего. Жозефина там завела роман с генералом Лазарем Гошем, который, как и она, был заключен в монастырь Кармелиток по подозрению в контрреволюционном заговоре. Полное имя Жозефи-

---

¹ Быстро (*иди*).

ны: Мари-Жозеф-Роз. До Наполеона ее все звали Роз. Генерал Бонапарт, очевидно, ревнуя к своим предшественникам, запретил упоминать имя Роз, только — Жозефина.

— Тони, ты мне ничего не говорил про монастырь Кармелиток!

— Правильно. Жозефина Богарне не рассказывала капитану Готару, что Девятое термидора встретила в тюрьме. Капитан Готар не знал того, что знаю я, специалист по французской истории. Вопрос: как ты это узнала?

— Сны... Мистика.

— В мистику я верю, — серьезно сказал профессор Энтони Сан-Джайст, — выпьем за мистику!

...За мистику. За Элю. За Дженни. Профессор стремительно уходил в глухую несознанку. В этом состоянии он был очень мил и забавен. Ее домашний пес. Верит в мистику. Дженни в мистику не верила. По своему складу ума она искала логическое объяснение: почему она влюбилась в Тони? И сейчас, наблюдая за ним, она нашла разгадку. Разумеется, у Тони масса достоинств и прочее и прочее. Однако в Москве был заведующий кафедрой биологии, профессор Богомолов, высокий, стройный, с темными мешками под глазами, в летах, по которому вздыхали все студентки. В институте его звали «принцем Уэльским» за вежливость и английскую выправку. Дженни пыталась попасть к нему на кафедру, добилась собеседования. Увы, ее познания в области биологии сильного впечатления на «принца Уэльского» не произвели. Тогда Дженни решила взять крепость фронтальной атакой, тем более что ее отношения с З. А. кончились, но резонанс этой связи еще приятно звучал в институтских стенах... А тут был провал, позор, стыдно вспоминать. Она сидела в унылой забегаловке, пила кофе с молоком, в стакане плавали пенки... В глазах Богомолова читалась ирония и то, что не она первая идет на штурм. С ледяной вежливостью Богомолов отбил ее разведку боем, показав, что ей рано претендовать на роль роковой женщины, она просто сопливая девчонка. Конечно, она постаралась это сразу забыть — инстинкт самосохранения, да, видно, это поражение с привкусом горькой обиды застряло в подкорке. И вот реванш! Профессор Сан-Джайст, улучшенный вариант «принца Уэльского», у ее ног (за ее столом, в ее постели), доверчив и беззащитен. Что же касается мистики (путаницы в именах — с кем все-таки был роман у капитана Жерома Готара: с Роз или Жозефиной?) — это Дженни выяснит в следующий раз.

Дженни специально задержалась в ванной, и, когда вошла в спальню, Тони тихо посапывал. Она легла, придвинулась к нему, обняла. Тони не реагировал. В глухой несознанке. Хоть приводи другого мужика. Дженни улыбнулась своим мыслям. А размышляла она вот о чем. В принципе, она не любила спать с мужиком в одной постели. Заниматься сексом — пожалуй-ста! Отработал — вали на другую кровать. Джек привык к ее причудам, уходил наверх. В кабинете стояла его койка. Правда, иногда вынужденные перемещения по квартире служили ему поводом для скандала. Сейчас все наоборот. Сексом не занимались (то, что было до ужина, — не считается, как будто в прошлом столетии), Тони давит храпака, а ей приятно и радостно, что он рядом, Тони рядом, он принадлежит ей. (Имущество, сделать инвентаризацию! Типичное мышление главы финансового отдела, с чем себя и поздравляем.) Кстати, о птичках. Об имуществе. Бог создал Еву из ребра Адама. Если бы Дженни могла выбирать, из чьего ребра вылепиться, то, конечно, из Тониного. Интересно, что ей придет в голову при дальнейшем исследовании этого маршрута? Сказать завтра Тони или профессор зазнается? Она встала, вышла в коридор, где были такие же высокие сводчатые потолки, как и в ее комнате, спустилась во двор и через ворота с каменным распятием — ворота не охранялись! — на парижскую улицу с булыжной мостовой. Она прекрасно узнавала эти места, — «Ведь сны повторяются, Тони, мне хотелось быть вылепленной из твоего ребра, смешно, да? Вчера ты не был похож на себя, мне так понравилось», — но Тони, молодой офицер с длинными вьющимися волосами, взглянул на нее надменно, как профессор Богомоллов, сказал какую-то гадость и исчез в ночи... Она кричала, звала, потом со злостью захлопнула дверь. «Ладно, так надо». В своем будуаре, сидя у зеркала, она наводила макияж. В дверь постучали. Появился хозяин, хитрый японец в белых чулках, малиновом камзоле с белым обшлагом. Треухую шапку он держал в руках. Как всегда, с умильной улыбкой он поцеловал ее голое плечо. «Поль, не приставай». — «Деточка, ты же умница, у тебя не голова, а филиал Уолл-стрита, нам нужно опять наскрести полмиллиона». — «Якимура, мне некогда, понимаете? Нет времени». Хозяин оглянулся и тревожно зашептал: «Солнышко, деточка, цветочек! Что ж ты, блядь, делаешь? Почему не едешь к мужу в Милан? Бонапарт в ярости, грозит бросить армию и примчаться в Париж. И накрылась тогда вся наша итальянская кампания».

— Мама! Мамочка! — Эля водила пальцами по ее щеке.

— Встаю, дочка. Дай мне еще три секунды. Раз, два, три. Видишь, мама как ванька-встанька. Хоп — и на ногах.

«Что-то мне такое диковинное снилось», — подумала Дженни в ванной. И не смогла вспомнить.

Пусть живет со мной, как на облаках. Без забот о завтрашнем дне. Наверно, он это заслужил. Что будет завтра? Никто не знает. Ни Господь Бог, ни Нечистая Сила, ни я, грешница. Кстати, я грешу уж тем, что называю Господа Бога по имени. У евреев такое панибратство не принято. Надо скромненько и почтительно: Г. Б. На моей родине аббревиатура Г.Б. имела определенный зловещий смысл. Парадокс русского языка. Улавливает ли профессор Сан-Джайст такие тонкости в «правдивом и могучем, великом и свободном»? Сия цитата ему ничего не скажет, боюсь, он даже не читал Тургенева. Тем не менее Г.Б. (небесный! неземная организация) видит: я прилагаю массу усилий, чтоб не влиять на ситуацию. Понимает ли это Тони? Ведь я еще ни разу не задала ему элементарных вопросов. Прimitивных и естественных. Например: «Вы женаты, профессор?» Или: «Сколько вам лет?» Сколько бы ни было, но все эти годы он не порхал в безвоздушном пространстве. Такое невозможно в природе — где-то садился (с кем-то ложился) и кто-то его кормил ужином! Значит, вполне вероятно, что по странам и континентам разбросаны его жены и дети, которые начинают подумывать: почему, дескать, дорогой папаша и добропорядочный супруг подзастрял в Калифорнии? У меня чешется язык спросить его о множестве вещей, я прикусываю язык до крови, я не возникаю. Я лишь надеюсь, что Тони сам разберется в ситуации, определит мне в ней место и сделает соответствующие оргвыводы. И никто меня не обвинит, что я давила, нажимала на клавиши. Какой соблазн — нажать! Нет, никто и никогда. И учтите, герр профессор: геометрические фигуры, разные там любовные треугольники и квадраты я проходила с З. А. Больше я их не кушаю. Если я в 26 лет знаю, что для меня главное, то вам, герр профессор, по возрасту положено хотя бы иногда открывать глаза. Все, Тони, я не возникаю. Г.Б. нам подарил уникальный шанс жить на сказочном облаке. Не прозевай его, Тоничка...

Момент для удара она выбрала удачно. У Тони кончились наличные, он ждал перевода, поэтому без всяких опасений зашел с Дженни в магазин готовой одежды. Он уже привык к

тому, что Дженни по дороге с работы покупает себе или Эле какую-нибудь тряпку. В профессорской рассеянности он послушно топал за Дженни и не обращал внимания, что ее вдруг заинтересовал мужской ассортимент. Дженни набросала в тележку полдюжины рубашек, полотняные брюки и куртку, джинсовый костюм. Очнулся он от своих грез (Где он странствовал? По замку Фонтенбло, о котором рассказывал в машине?) в примерочной кабинке, естественно, попробовал поднять бунт на корабле, но Дженни дала залп из бортовых орудий:

— Мне надоело, что со мною рядом ходит огородное чучело. Ты небрежен в одежде. Твоя парижская мода середины 1968 года, майской революции и баррикадных боев с полицией, устарела. — (Она проглотила фразу: мол, если у тебя есть бабы во Франции, то хорошо бы им следить, как ты одеваешься.) — Я хочу, чтоб ты приобрел современный спортивный профиль. Деньги откуда? От товарища верблюда. Я получила премию. Свалились с неба. Тут сейчас дешевая распродажа. Фирменные рубашки продаются за гроши. Тоничка, пожалуйста, раз в жизни доставь мне удовольствие. Примерь. Я тебя смущаю своим присутствием? Правильно, я тебя никогда не видела... в трусах.

Наблюдая за ним, она отметила, что Тони сохранил фигуру. Разумеется, мускулатура не такая, как у Джека, однако вполне приличная. Ее профессор, ее собственность.

— Останься в джинсовом костюме.

Тони обрадовался, подумал, что легко отделался, что остальное не подошло. Но все годилось и по цвету, и по размеру. У Дженни глаз — ватерпас. И напрасно Тони скулил у кассы.

Они забросили сумки с одеждой в машину.

— Теперь, Тони, прогуляйся. Да недалеко. До ворот паркинга и обратно. А я посмотрю, как на тебе сидит костюм.

Профессор Сан-Джайст в джинсовой паре прошагал по тротуару, вернулся.

— Поздравляю, Тони. Ты помолодел лет на десять.

Ей начинала нравиться роль хозяйки.

— Я уезжаю.

У нее потемнело в глазах. Выражение, ставшее литературным штампом, было неточно. Спустилась тьма египетская, в которой молниями прорисовывались слова, принесенные по телефону с другого континента: «Энтони — домой! Энтони, ты забыл, что у тебя семья?» Наверно, этому предшествовали переговоры, о которых ей не считали нужным сообщать. Пока тьма египетская рассеивалась, Дженни отбрасывала вопросы: куда?

(кудакудакуда? — женское бессмысленное кудахтанье) когда? (когда вернешься?) зачем? (совсем глупо. Из разряда — зачем меня покинула?). Она уставилась на спортивную эмблему его рубашки, купленную ею три дня назад (а теперь, значит, в прошлом тысячелетии).

— Когда тебя везти в аэропорт?

— Девочка, у меня идея. Бредовая, но все-таки... Тебя не могут отпустить с работы? На неделю? Возьмем Элю, в Вашингтоне я сниму вам номер в гостинице, где мне забронировали... Гонорары за мои лекции с лихвой покроют расходы.

Вашингтон! Лекции!

— Тони, — кричала она, удивляясь пронзительности собственного голоса, — тебя никогда не называли садистом?

— Почему?

Он смотрел на нее недоумевающе. Невинная физиономия. Не понимает. Впрочем, хорошо, что не понимает. Есть вещи, которые мужики никогда не должны угадывать.

— Почему ты мне раньше не говорил?

— Всё было неопределенно. Я боялся, что сорвется. И вдруг сегодня звонок из Вашингтона и буквально следом Федеральным Экспрессом получаю билет на среду.

— Среда послезавтра. А чем ты будешь заниматься в уик-энд?

— Деловые встречи с нужными людьми.

— Ой, деловой человек! Бизнесмен! — Дженни разбирал смех. Истерика. Разрядка. — К бабам небось пойдешь? Тони, я постараюсь. Думаю, что ничего не получится. Я сама себя не отпускаю. У меня очередной завал в конторе. Но так хотелось бы послушать твои лекции. Спасибо за предложение. Если не получится, отложим до другого раза. Сколько тебе обещают платить? Мерзавцы. Могли бы и побольше.

— Дженни, я беру, что дают. Я должен зарабатывать деньги.

— Молодец. Кормилец нашей семьи. Тоничка, ты никому ничего не должен. Я твоя золотая рыбка. Приплыла и спросила: «Чего тебе надобно, старче?» Что за рыба? Рыба-кит. Беда с этими иностранными неучами. Не знают сказок Пушкина.

Вашингтон, лекции — нормально. Сказка продолжается. Пусть летает по Америке и зарабатывает. Деньги ерундовые, но ему необходимо сознавать, что он участвует в семейном бюджете. А она будет встречать и провожать герра профессора в аэропорту. Даже интересно. Выстраивается какая-то новая романтическая линия.

Дура! Идиотка. Совсем забыла!

— Тони! В чем ты намерен читать лекции? В джинсовой куртке или в старом ублюдочном твидовом пиджаке?

Тони обиделся:

— У меня для подобных случаев есть костюм от Ив Сен-Лорана.

— Переоденься и покажись в нем.

Ее тон не допускал возражений. Тони поднялся в кабинет, где стояли два его допотопных чемодана. По лестнице спустился солидный ученый муж в темно-синем костюме, внушающем уважение. Гм... надо признать — французы кое-что умеют. Но в следующий раз, когда Дженни полетит с ним на лекции, она купит костюм по своему вкусу.

Дженни набирала номер Вашингтонской гостиницы. Оператор ей вежливо отвечал, что мистер Сан-Джайст еще не вернулся. Где его носит? Деловая беседа с нужными людьми? По местному времени час ночи... Почему Тони сказал «я уезжаю» и сделал загадочную паузу. Почему не сказал просто: «Я уезжаю в Вашингтон на неделю». Мужская толстокожесть? Не похоже на Тони. Он тонко улавливает нюансы. Проверка — как она среагирует? Подготовка? Тони, есть другая русская сказка. Орел переносит Ивана-царевича через море-океан и вдруг отпускает когти. Иван-царевич падает в море, у самой воды Орел его подхватывает: «Страшно тебе было?» — «Страшно. Зачем ты это сделал?» — «Чтоб ты понял, Царевич, как мне было страшно, когда ты целился в меня из лука». Профессора-слависты досконально изучали Булгакова и Мандельштама и не знают русского фольклора. Не надо со мной играть, Тоничка. Я очень злопамятна. И если это была игра, пристрелка... Оператор в Вашингтоне уже узнавал ее по голосу: «Сожалею, мистер Сан-Джайст еще не вернулся». Куда он пропал? Может, он остановился не в той гостинице или в справочной ей дали неправильный номер? «Мистер Сан-Джайст еще не вернулся». Может, это другой мистер Сан-Джайст еще не вернулся. Может, это другой мистер Сан-Джайст, однофамилец, специалист по ночным борделям? Зря она его отпустила. Нечего ему шататься по Вашингтону. Решено: она покупает цепочку и бантик. Нацепим на профессора бантик и будем водить за собой на цепочке по улицам. Как он смел оставить ее одну? Подонок! Кретин! «Минуточку, соединяю», — сказала трубка.

— Тони! Что случилось?

— Ты почему не спишь?

— Как я могу спать? Тебя нет и нет. Бог весть что передумала.

— Смешная история, девочка...

Действительно, смешная. Он рассказывал — она умирала от смеха. Встретили как полагается. Чин чинарем. Повели ужинать в семь часов по-ихнему, в четыре часа по лос-анджелесскому времени. Мне же кусок не лезет в горло! Поклевал с отвращением салат. Беседа с нужными людьми затянулась. Привели в гостиницу. Поздно. Ресторан закрыт. В баре к выпивке подают соленые орешки. Два часа, как последняя сука, бегал по городу. Это не Калифорния, ни один занюханый «Макдоналдс» не работает. Глухо и темно. К счастью, обнаружил в кармане плаща четыре печенья и плавленый сырок, оставшийся от самолетного завтрака. А фляжкой с виски я запасся заранее в аэропорту. Разложил все на столе, буду пировать и пить за твое здоровье. А зачем ты звонишь?

— Зачем? Сказать, что я тебя ненавижу, потому что очень соскучилась...

В обеденный перерыв она набрала вашингтонский номер. Жив Тони или нет? Вдруг лежит в голодном обмороке? Оператор соединил сразу. В трубке ответил молодой мужской голос:

— Приемная профессора Сан-Джайста.

Ого!

— Это из Лос-Анджелеса... (А хотела сказать: «Это Дженни из дома».)

— Минуточку... — Пауза. — Сейчас профессор подойдет.

— Тони, что это значит?

— Дженни, извини, мне неудобно разговаривать. У меня совещание, сидят люди. Через два часа лекция в Джорджтауне. Вечером тебе звоню. Бай!

Понятно. Люди пришли из университета. Уточняют тему и вопросы после лекции. А трубку поднял студент и схохмил. Шутка! Дженни повернулась к компьютеру... и замерла. Опять что-то не то! Что именно? Голос студента. Ей же приходится обзванивать массу контор. Она привыкла к определенным интонациям. Так не шутят. Так говорят служащие государственных учреждений.

Свидание намечалось давно, но Дженни, хоть и была заинтересованной стороной, не форсировала сроки. Теперь она воспользовалась отсутствием Тони (когда еще будет свободное время?) и поехала. Предварительно она долго и тщательно выбирала свой туалет. Надела черную длинную юбку, белую блузку, темно-коричневый пиджачок. Минимум макияжа. Строго и официально.

По ее инициативе встреча проходила на нейтральной тер-

ритории (в чужом кабинете поневоле выглядишь просительницей): ленч в китайском ресторане, окна плотно зашторены, на столиках лампочки с красными абажурами, интимный полумрак.

В угол, на нос, на предмет.

Предмет ее вздыханий оказался любителем китайской кухни, уплетал с аппетитом, предложенное Дженни меню имело успех. Светская беседа за столом Предмету тоже нравилась, он явно был не прочь возобновить ее вечером в более непринужденной обстановке. Однако все, что говорила Дженни *по делу*, влетало Предмету в одно ухо и тут же вылетало из другого, ни на секунды не застревая в голове, — Дженни как будто видела следы своих слов, испаряющихся в воздухе. Ну не хочет ее Предмет, не хочет! Дженни продолжала по инерции, Предмет по инерции делал вид, что слушает. Резюме у него готово, подумала Дженни, он выложит его за десертом. И точно — подали десерт, и Предмет сменил тон.

— Миссис Галлей, прошу прощения за резкость, вы очаровательная девочка, но хватит мне читать лекции о финансовой стратегии бизнеса. Мой госпиталь один из самых больших частных госпиталей в Лос-Анджелесе. Мы существуем уже тридцать лет, у нас солидная репутация.

— Госпиталь не приносит прибыли.

— Откуда у вас такая информация?

— Иначе я бы не предлагала вам сотрудничество.

— О'кей, допустим. Но мы на режиме самоокупаемости, персонал исправно получает зарплату. И я в том числе. Мне достаточно. Не получаем прибыли? Временный конъюнктурный спад. Не впервой. Все наладится. Бизнес должен расширяться? Согласен. Не согласен, что надо ориентироваться на больных, выгодных с финансовой точки зрения. Невыгодным больным от ворот поворот? Госпиталь — гуманитарная организация.

— Вы неправильно меня поняли. Моя вина. Я плохо объясняла.

— Вы объяснили превосходно. Просто я знаю эту школу, школу вашего шефа доктора Якимуры. Пришел, увидел, победил! Как Гай Юлий Цезарь. Метод Цезаря хорош в сражениях. А госпиталь требует терпения. Репутация приходит с годами...

Теперь Дженни в одно ухо влетало, в другое вылетало. Эту музыку она знала наизусть. Предмет наслаждался собственным красноречием на тему гуманитарных принципов. Тема нашего разговора, уважаемый шкаф, была другая. Ваш госпиталь еще не горит, но уже попахивает паленым. Поэтому Предмет на свиданку пришел и увидел... девицу. Трудно выглядеть деловым

партнером, внушающим доверие, в двадцать шесть лет. Вот если бы рядом с ней сидел Тони, который ни бельмеса в бизнесе, да ему и не надо — надувал бы щеки и молчал, — то Предмет сразу бы проникся к ним почтением. Урок на будущее. Взять Тони в партнеры. Профессорская осанка должна производить впечатление.

Предмет достал кредитную карточку.

— Разрешите мне заплатить за ленч, — сказала Дженни. — Ведь я вас приглашала. Разрешите мне хоть в такой мелочи сохранить лицо.

В глазах Предмета мелькнуло что-то человеческое.

— Вы расстроены, миссис Галлей? Зря. Я был с вами откровенен. О сложностях в своем бизнесе не принято беседовать с конкурентами. Понимаю, что вы потратили массу времени, проделали глубокую разведку. Догадываюсь, через кого произошла утечка информации. Буду вынужден наказать. Впрочем... проведем эксперимент. Как вам известно — а вам все известно, — лаборатория у меня на отшибе и не сводит концы с концами. Возьмите ее на баланс. Если случится седьмое чудо света и лаборатория вашими молитвами даст прибыль, прибыль делим пополам. Согласитесь, что я не такой упрямый осел, как вы думали. А вы так подумали? Файн! Доктор Хоффер вам завтра позвонит.

— Приемная профессора Сан-Джайста. Здравствуйте, Дженни. Секунду, отвечу по второй линии... Как погода в Лос-Анджелесе? У нас дождь и холодрыга. Конечно, я привык к вашим звонкам. Профессор сейчас работает в архиве. Нет никакой мистификации, Дженни. С помещениями в офисах всегда туго, и мы сняли в гостинице соседний номер, чтоб хоть как-то разгрузить профессора Сан-Джайста. На него тут большой спрос. Мы тоже в свою очередь воспользовались присутствием профессора, надеемся, он поможет нам разобраться в одном деле. Видимо, он задержится на несколько дней. Не беспокойтесь, Дженни, в одиннадцать вечера профессору Сан-Джайсту привозят горячий ужин из ресторана. Вашингтон все-таки не глухая провинция. Обязательно передам. Сенкью вери мач!

О нем заботятся. Прекрасно! Но кто «мы»?

Дорогу к аэропорту Лос-Анджелеса она могла проехать с закрытыми глазами. Иногда она себя называла «рейсовым автобусом». Кого только не встречала: родителей из Израиля, дру-

зей из Канады и России, партнеров по бизнесу доктора Якимуры (по какой-то табели о рангах хозяин считал, что ему самому присутствовать в аэропорту не положено — посылал Дженни), но первый раз — любимого человека.

Радио заиграло старую песню Пола Анки. Она включила приемник на всю мощь, чтоб заглушить шум фривея, и подпевала: «You are my destiny».

Он появился на выходе раньше, чем она ожидала, и Дженни не успела спрятаться за колонну. Отметила, что в самолет профессор сел в ее джинсовом костюме.

Она не хотела отпускать его ни на минуту. Для приличия предложила:

— Я отвезу тебя домой. Отдохнешь. Мне еще на работу и за Элей.

— О'кей.

Значит, действительно устал. Укатали Сивку на вашингтонских крутых горках. Надо ей помнить о разнице в возрасте.

Какой хитрец! Хулиган! Они поднялись в квартиру, и он тут же ее... извините. Не мог дотерпеть до ночи.

Потом он поехал с ней в госпиталь и привел в восторг ее отдел фразой: «Так вон он «кампутор», на котором ты подсчитываешь свои дневные калории».

И как Эля ему обрадовалась!

За ужином опять хулиганил: достал из бумажника пачку денег, отложил себе двадцать долларов, остальное вручил ей, на ее протестующие вопли — ноль внимания.

В субботу утром Джек взял Элю на сутки (что это с ним случилось?).

Хулиган профессор, зная, что Дженни и дня не проживет без магазинов, заставил ее идти в торговый центр пешком. Приятная получилась прогулка, туда и обратно — два часа. В отместку Дженни купила ему очередную рубашку. И перед тем как отправиться в кино, потребовала переодеться в сен-лорановский костюм.

Фильм. Молодая баба влюбилась в пожилого писателя. Писатель, неимоверный пакостник, наплевал на высокие чувства. Изменял ей направо и налево. После его сбита машина и он стал калекой. Баба к нему вернулась, исправно за ним ухаживала и... приводила в дом здоровенных бугаев. Парализованный писатель слышал из соседней комнаты стоны и крики бабы. Реванш.

Тони смотрел с интересом, а Дженни смотрела, как они вместе смотрятся на публике.

Поехали в ресторан. Сели за столик на отапливаемой веранде, чтоб Тони мог курить.

Видимо, под влиянием фильма Дженни пребывала в агрессивном настроении. А Тони ничего не замечал. И вообще он прилетел из Вашингтона более уверенный в себе. «Приемная профессора Сан-Джайста!» Якобы ему все это устроил университет. Любопытно знать, как отвечал этот якобы аспирант на звонки из Европы... «Здравствуйте, мадам Сан-Джайст. Не беспокойтесь, в одиннадцать вечера вашему мужу привозят горячий ужин из ресторана». Стоп, Дженни, ты же поклялась не возникать и не задавать щекотливых вопросов.

Она рассказала о свидании с Предметом.

— Понимаешь, он отмахнулся от меня. Бросил кость.

— Он не дурак. Осторожничает, проверяет. Подымешь лабораторию, он предложит еще что-нибудь.

Вот так. Искала сочувствия, получила Волгу, впадающую в Каспийское море. Ему с ней удобно, не нужно напрягаться, очень понятливая попалась девочка.

Он что-то заподозрил.

— Ты как-то загадочно на меня смотришь.

— Тони, за кого мы пили? За меня и Элю? Какая идиллия. И нет проблем. Я думала, думала и решила. Я не хочу быть твоей женой. Слишком много осложнений. Боюсь, я их просто не выдержу. Пустим все на самотек. Нам ведь и так хорошо?

На секунду ей показалось, что промелькнул кадр из фильма. Вместо Тони — парализованный писатель.

Куда девалась профессорская осанка? Забормотал что-то сумбурное:

— Дженни, почему? Я тебя люблю. Для меня ты — моя жена. Моя будущая жена. Проблемы есть, но это мои проблемы, и я не хочу тебя в них впутывать. Мне не нужен легкий романчик. Дженни, пожалуйста, возьми свои слова обратно...

Тони отодвинул тарелку. Закурил.

Дженни созерцала картину. Разумеется, она догадывалась, что герр профессор принадлежит ей. Знать бы, до какой степени. Наполовину беременных не бывает. Ты сам, Тоничка, мудро рассудил, что Предмет не дурак, осторожничает, проверяет. Вот и я не дура. Проверка. И если это не реакция на испорченный вечер — извини! — то позволь мне загнать еще пару иголок. Терпи.

Он закурил вторую сигарету.

— Я забыл, с кем имею дело. Чуть расслабился, зазевался — и получил лапой с когтями по морде.

— Помнишь у Киплинга, Тони? «Я буду добр к твоим женам, Руб, сколько бы их ни нашел». Напрасно ты не ешь, дома ужина нет.

— Я не могу делать резких движений, Дженни. Резкие движения причиняют боль.

— Тони, я не тяну тебя за язык. Не ляпни что-нибудь такого, о чем потом будешь сожалеть. Я никому не желаю того, чего не желаю себе. Поэтому предлагаю разумный вариант. Хватит курить.

— У нас с тобой нет разумных вариантов.

— Как скажете, герр профессор. Учти, я в ситуацию несчастной и покинутой девочки не попаду. Не мое амплуа. В любом случае я не хочу больше слышать внезапных «я уезжаю». Ты свободный человек, мотайся по всему свету, однако сроки предвзвешенно согласовывай со мной. Почему ты задержался в Вашингтоне? Кто-то приехал из Европы?

По его взгляду поняла, что не промазала. И закусила удила.

— Тони, в Америке все легко проверяется. Наводить справки по телефону — моя профессия. В Вашингтоне ты прочел две лекции. Какого черта ты там торчал?

Жалкое выражение его лица сменилось осмысленным. Последовал пассаж:

— Если ты когда-то был связан с системой, система тебя не отпускает, даже если ты из нее давно ушел. Как только ты начинаешь что-то раскапывать, раскапывать для себя, система это чувствует и спешит установить контакт. Контакт всегда возникает в причудливой форме. Коллега из университета, пригласивший на лекции. Попутчик в самолете в соседнем кресле. Врач, приехавший домой по вызову. Хозяин маленького придорожного мотеля (мотель затем может как сквозь землю провалиться). Официантка в ресторане, откровенно намекающая. Кстати, юную девицу, смело севшую ко мне за столик в кафе самообслуживания, я, честно говоря, принял за контакт. Система достаточно умна и денежные вознаграждения не предлагает. Принцип системы — взаимная выгода. Вы — нам, мы — вам. То, что вы ищете, мы стараемся найти. А вы, пожалуйста, посмотрите эти материалы. Если вам удобно работать в Эмпайр Стейт Билдинг, не беспокойтесь, мы там снимем этаж.

— Если ты думаешь, что я хоть что-то поняла...

— Я объяснил в общих чертах. Дальше говорить не имею права.

— Тони, раз я показалась тебе юным контактиком, скажи, кто меня послал. Иначе я умру от любопытства. Система конкурирующих фирм? Масонская ложа? Инопланетная система? От

тебя всего можно ожидать. Ты выстроил в своей башке светлое будущее, в котором я занимаю определенное место. Если это так — а не подлая попытка уйти от скользкой темы, запутав меня в системах (системах координат?), — то я имею право кое-что знать. Обещаю тут же забыть и заткнуться на всю жизнь.

— Система многолика.

— Тони, кто «мы»?

— В данном случае — ЦРУ.

— Мисс, — Дженни показала официантке на Тонину тарелку, — сложите это в пакет. Мы возьмем все с собой.

— Тони, что ты там копаешься наверху? Я разогрела ужин. Естественно, он спустился с перекошенной рожей.

— Интересно, — ангельским голосом пропела Дженни, — что я сейчас услышу? «Дженни, иди спать, я ужинаю один». Или «Никогда с тобой не буду говорить ни о чем серьезном». Или... «я улетаю завтра в Вашингтон»?

Она легонько прижалась к нему, но ловко вывернулась из его рук.

— Садись. Ты надутый, как Эля. Обидели, обидели, обидели. Что ты пьешь? У нас, как в Греции, все есть. Сознайся: системный город ты нагородил в корыстных целях — поужинать в привычной обстановке.

— Зачем ты меня дразнишь?

— Потому, что ты лгун и негодяй. Скажи, откуда приезжали визитеры в Вашингтон? Обрати внимание, я не спрашиваю кто. Абсолютно неинтересно. До лампочки. Обещала не задавать вопросов? И ты поверил? Никогда не имел дела с бабами? Скажи, никогда? Так откуда? Жажду расширить свои географические горизонты.

— Из Москвы.

— М-да... С тобой и впрямь не скучно. Как ни странно, эта информация меня успокаивает. Но все равно ты лгун и негодяй. Поначалу меня заманил, а теперь крутишь динамо бедной девочке.

Опять его лицо передернуло.

— Вот ты о чем. Тебе недостаточно...

— Тони, тебя так приятно дергать за ниточки. Умора. Ведь я изучила каждую твою реакцию. Если ты об этом, ты прав. Мне недостаточно. Всегда буду тебя хотеть. Такая постановка вопроса устраивает? Продолжаю. Чем ты меня взял? Своими историями. И только я вошла во вкус, как ты стал отлынивать от работы. Профессор, сегодня вы читаете лекцию мне персональ-

но. Готовьтесь. Ты так классно рассказываешь! «Ее взгляд пронзил сердце того, кто был предназначен ей судьбой»...

— А как бы ты сказала?

— Да просто у него на нее все время стоял. Понимаю, это не стиль восемнадцатого века. Между прочим, в лекциях ты гораздо откровеннее на сексуальные подробности. Пожалуйста, почаще. Жозефина ему делала?

— Дженни!

— Что?

— Побойся Бога!

— Почему?

— Речь идет об императрице Франции.

— А разве императрица не строчила? Ладно, сегодня оставим Жозефину в покое. Что произошло дальше с Сен-Жюстиком? Помню, помню, капитан Жером Готар. Профессор, умоляю...

Тони вздохнул:

— Это были самые черные годы его жизни.

IV. ПОЛКОВНИК ГОТАР

Это были самые черные годы моей жизни. События неслись стремительно, как конница Мюрата, имперский орел расплстал крылья над Бельгией, Голландией, Италией, Баварией. Великая армия разбила свой бивуак на правом берегу Рейна, а мои часы остановились — сломалась пружина, кончился завод.

Десять лет я провел в казарме, обучая новобранцев военному ремеслу. Капитан Готар, инструктор, без всяких перспектив продвижения по службе. Продвигаться можно было в войсках, которые неумолимо продвигались на восток. Но я давно перестал писать рапорты о переводе в действующую армию, их явно клали под сукно. И однажды мне намекнули: не возникай. Я понял, что мне предназначено быть достопримечательностью казармы, своеобразным памятником старины. Наверно, новичкам показывали: вот плац, вот конюшня, вот ворота с вензелями, оставшимися со времен королевской гвардии, а вот капитан Готар, вечный тыловик, который до конца своих дней будет командовать учебным эскадромом.

Менялось начальство, менялся офицерский состав. Как быстро делались карьеры! Мой бывший приятель Отеро получил генеральские эполеты, мой бывший соперник Мишель Ней — маршальский жезл и миллионное состояние, моя бывшая любовница восседала на троне... А я привык за неделю до

выдачи жалованья считать мелочь в кармане. Грустная необходимость. Мне полагалось 233 франка в месяц. Весьма не густо, учитывая высокие парижские цены. В действующей армии все было за казенный счет, плюс различного рода надбавки. В тыловых гарнизонах офицеры платили из собственного кармана. Я находил такой порядок разумным и рациональным (как и все, что делал Император): люди должны рваться в боевые части, а не отсиживаться на зимних квартирах. Разве я поначалу не рвался? Но, как говорят наши чиновники, меня засунули в шкаф.

Уйти из армии, овладеть другой профессией? Какой? Торговать было бы противно, административные должности, как я догадывался, были для меня закрыты. Десять лет в казарме не прошли бесследно. Командовать эскадронам, рубить головы чучелам, перескакивать на коне изгородь, стрелять в деревянные мишени — вот и все, что я умел. А в казарме крыша над головой, 233 франка, капитанские погоны. И в дивизии ко мне относились с сочувствием, ибо знали мой послужной список: тяжелое ранение при форсировании Самбры, частичная потеря памяти.

На мою беду, память вернулась. Вернулась тогда, когда я осознал, что стал другим человеком. Другой человек в другой жизни. Где революционный энтузиазм площадей, фанатичная жертвенность якобинцев? Куда все подевалось? Народ, который когда-то радостно приветствовал Робеспьера, теперь ликовал при виде Императора. Революционеры-якобинцы, те, кто уцелел, ревностно служили в министерствах. Желчные журналисты, яро разоблачавшие козни агентов Питта, ныне пели дифирамбы властям. Писатели, художники, актеры, ранее кичившиеся своим вольнодумством, на полусогнутых, на четвереньках, ползком пробирались поближе к трону.

Со смешанным чувством я вспоминал наших врагов — Вернио, Жансоне, Гаде и других лидеров жирондистской партии. Ладно. Пусть. Так сложилось. Или мы, или они. Но по сравнению с теперешними политиками, обладавшими одним достоинством — гибким позвоночником, это были ораторы, мыслители.

Память вернулась. Я как бы очнулся в иной стране. Республиканская Франция, провозгласившая свободу, равенство, братство, сама посадила Бонапарта на трон, дважды открытым голосованием вручив ему полноту власти!

А ведь я уговаривал Робеспьера решиться на диктатуру, я предвидел ее неизбежность. «Я уговаривал, я предвидел...» Это походило на склоку под могильной плитой, где гнили кости моих товарищей и единомышленников. Мы были забыты, ни-

кому не нужны. Нас как будто никогда не существовало. Если нас вспоминали, то с ужасом и отвращением.

Разумеется, святотатство, неблагодарность судьбе, однако — клянусь! — я порой завидовал погибшим. Они не ведали, что произошло *потом*, а я, живой мертвец, заключенный в склеп казармы, наблюдал все воочию.

Парадокс был в том, что Франция получила почти все, о чем я мечтал. Рабочие имели хлеб и работу, крестьяне — землю. Главное, во что я вкладывал в свое время столько сил, — была создана Великая Армия, в которой лучшие офицеры выдвигались на командные посты.

Но, словно в издевку, все это произошло вопреки нашим теориям и убеждениям.

Свободе, равенству и братству наш горячо любимый народ предпочел спокойствие, порядок и стабильную зарплату. Генерал Бонапарт повел в Италию голодную, плохо обмундированную армию. В Италии армия, что называется, отъелась и приоделась. По моей теории, грабеж населения подрывал боевой настрой войск. Не тут-то было, итальянская кампания — серия блистательных побед!! Феодалная Европа рушилась не вследствие революционной пропаганды, а благодаря наступлению французских дивизий.

Каюсь, униженно бью себя в грудь — однажды я усомнился в провидческом гении Наполеона Бонапарта. Нельзя, никак было нельзя оставлять экспедиционный корпус в Египте. Одинокое плавание Бонапарта на корвете через Средиземное море, контролируемое полностью эскадрой адмирала Нельсона, представлялось мне чистым безумием. Даже если дико повезет и он доберется до родных берегов, то народ встретит генерала презрением и насмешками: сбежал, бросил армию на погибель...

Франция встретила генерала как Мессию. Пинком под зад Бонапарт прогнал Барраса (я не очень рыдал по этому поводу) и установил консульское правление. И почти тут же исчезли воровство, коррупция, спекуляция, то, чем так прославилась Директория. Народ почувствовал твердую руку.

И тогда я понял, что ничего не смыслю в настоящей Политике, что настоящая Политика (с большой буквы), как и военная стратегия — это искусство появляться в нужный момент в нужном месте, и, на счастье Франции, такой человек появился. Я не смею о нем судить. Он на своем месте, ему решать судьбы страны и Европы. Мое же место — казарма. Мои заботы — подготовка к очередному смотру и подсчеты своих жалких франков, чтоб выкроить себе денежку на рубашки, вино, сапоги.

По-прежнему внимательно я читал газеты и все меньше книг. Сюжетные выдумки романистов казались мне тоскливым бредом по сравнению с причудливыми изгибами моей биографии. Что же касается энциклопедистов, которыми я раньше так увлекался — Руссо, Монтескье, Вольтер, — да, я перечитывал их труды с интересом... и вдруг ловил себя на циничной, озлобленной мысли — дескать, вы целый век искали в муках универсальную истину, а ее играючи нашел генерал Бонапарт: «Во всех запутанных теоретических философских дискуссиях большие батальоны всегда правы».

Оставалась загадка Девятого термидора, над которой, честно говоря, я уже не ломал голову. Те люди, что меня спасли (Зачем? В чем заключалась интрига? Никогда не узнаю!), теперь должны были вести себя тише воды, ниже травы. Ведь полицией правил всемогущий Жозеф Фуше, предатель и мой злейший враг. Тоже романтическая биография: бывший священник, друг и поклонник Робеспьера в Аррасе, комиссар Конвента, потопивший в крови волнения в Лионе (когда я сообщил об этом Робеспьеру, Максимилиен отмахнулся: «Жозеф малость перестарался»), и, наконец, организатор Термидорианского заговора.

Жозеф Фуше. Образцовый шеф полиции. Горе мне и горе тем людям, что меня спасли, если сверхсекретное досье попадет ему в руки. Впрочем, я полагал, что мои покровители из той породы людей, которые умеют замечать следы. Между прочим, их давно могли уволить из полицейских служб (сколько было чисток!). Вообще-то мог проводиться (кем?) эксперимент: сломанная карьера, мизерная зарплата, тупой, тяжелый каждодневный труд — и все это в течение долгих лет! — подрубаали честолюбивые планы человека надежней, чем гильотина. Вот о чем нам надо было задуматься, когда мы устанавливали режим террора. Но у нас не было в запасе долгих лет...

Надо! Не надо! Опять склока под могильной плитой.

Министр Жозеф Фуше выслушивал доклады в своем кабинете и делал пометки на тайных донесениях.

Капитан Готар в своей маленькой клетушке тоже делал записи на клочке бумаги. Какие? Стыдно признаться. Столбики цифр. Сколько, кому и за что должен. Арифметика определяла сознание. И еще требовалось исхитряться, экономить, чтоб набрать необходимую сумму, ну да, на это самое. Конечно, я представлял собой неплохую партию для порядочной девушки из бедной семьи, однако после несчастного романа с Жозефиной мои чувства атрофировались. Выступать в роли соблазнителя? Пардон. Что у меня сохранилось, так это понятие чести. Эпоха

бескорыстных мастериц прошла. Молодые вертихвостки жаждали обогащаться (Чем они хуже ростовщиков и спекулянтов? Бесспорно лучше). Я их понимал. Веяние времени. Короче, примерно раз в месяц. Исключительно для здоровья. Я предпочитал платные услуги.

Подготовленные нами полки уходили в действующую армию, дивизия принимала новых рекрутов. Но сначала устраивали учебный парад, и в этом году маршал Журдан удостоился смотреть своим присутствием, а потом соизволил посетить казарму, побеседовать с офицерами. Беседа заключалась в том, что маршал Журдан говорил, а офицерский состав, выпучив глаза и выпятив грудь, благоговейно слушал.

— Слава Франции, наши великие победы — всем мы обязаны гению Императора. Господа офицеры, в ранце каждого солдата лежит маршальский жезл. Чтоб заслужить его, надо проявлять смелость, смелость и еще раз смелость...

(Никто не осмелился почтительно поправить маршала, уточнить, что в данном случае он цитирует не Императора, а Жоржа Дантона.)

— ...и тут нам пример подает сам Император, когда под убийственным огнем взял знамя, шагнул первым на Аркольский мост!

Далее маршал Журдан скромно сообщил, что нечто подобное, разумеется, никак не сравнимое с великим подвигом на Аркольском мосту, произошло в битве при Флерюсе. Огонь неприятеля был так силен, что наши войска заколебались и какие-то части попятнулись. Но он, Журдан, тогда еще полковник, и маршал Бернадот, тогда еще тоже полковник, подняли древки знамен и повели полки в атаку, и такой был сокрушительный напор, что враг не выдержал, побежал, и победа при Флерюсе решила судьбу Революции.

Господа офицеры стоя аплодировали герою.

...Все было так. Более того, полковник Журдан разработал диспозицию. Все развивалось согласно его плану, пока наша кавалерия не попала под шрапнельный огонь и не начала улепетывать, увлекая за собой пехоту. «Надо сгруппироваться, — кричал Журдан, — даем команду отступить». «Бернадот, — сказал я, — берите знамя или черт знает что, но так, чтоб солдаты нас видели. Офицеры, вперед!» «Вас перестреляют, как куропадок», — причитал Журдан, но мы уже шли с Бернадотом и Бер-

надот держал знамя. Воздух свистел и грохотал, но пехота нас увидела. Справа, навстречу противнику, стремительно выдвигался марсельский полк, и очень скоро я заметил, что слева от меня, обнажив саблю, идет Журдан.

Потом я понял, что нам помогло. Передовые части неприятеля бросились преследовать отступающие войска и тем самым помешали своей артиллерии вести прицельную стрельбу. По всем правилам войны мы должны были пятиться («перегруппировываться» — эвфемизм Журдана). Наша внезапная атака застала противника врасплох и изменила ход сражения.

Однако кому теперь интересно, как все происходило на самом деле? Победителей не судят, победители придумывают лестные для себя легенды, которые входят в учебники Истории.

Вот уж точно, чего не боялся храбрый маршал Жан-Батист Журдан, так это появления в зале неудобного и ненужного ему свидетеля. Комиссар Конвента Сен-Жюст был казнен Девятого термидора на площади Революции. Покойники не воскресают и не корректируют патетических рассказов. А дисциплинированный служака капитан Готар вежливо аплодировал почетному гостю казармы и эгоистически молил Господа Бога даровать ему (Готару, а не маршалу) увольнительную в город, с тем чтобы какая-нибудь красotka с помощью бутылки хорошего вина и профессионального мастерства (плакали мои новые сапоги!) отбила — у Готара, а не у маршала — утомительную привычку вспоминать подробности.

Август 1806 года выдался ужасный. Немыслимые для Парижа жара и духота. Хотелось раздеться донага, прыгнуть в Сену (и никогда не вылезать из воды) или отлежаться в прохладной темной комнате с закрытыми жалюзи на окнах. Однако ежедневно полк выезжал на полигон в Монтрё, и полковник Паскаль Тордо, командир нового типа — молодой, самоуверенный (он отличился под Аустерлицем), — нещадно гонял эскадроны по самому солнцепеку. В этот день четверо моих новобранцев грохнулись наземь в обмороке. Их облили водой из ведерка и заставили подняться в седла. Я предложил Тордо устроить передышку, подождать, пока солнце не так будет печь. Зачем напрасно мучить ребят? Им еще предстоит хлебнуть лиха.

— Готар... — сказал полковник и начал считать про себя до пяти...

Ну не сложились у нас отношения! Он мне нравился, Паскаль Тордо, энергичный, удачливый, знающий себе цену, а я

его явно раздражал. Я был для него музейным экспонатом из прошлого века, сразу родившимся старичком и бездарностью. Думаю, он бы меня вышиб в отставку, но я был единственным в полку, кто обладал тайной удара покойного Лалонда (царство ему небесное!). Правда, Паскаль Тордо утверждал, что в современной войне вольтижировка отошла на второй план, а все решает скоростной маневр. Тем не менее кто-то должен в казарме обучать солдат технике рукопашного боя. То есть Паскаль Тордо был вынужден меня терпеть и, чтоб не срываться в крик, каждый раз говоря со мной, делал паузу. У офицеров его Императорского Величества модна была ироническая интонация.

— Готар, — досчитав до пяти, полковник успокоился, — до вожу до вашего сведения, что в армии, де й с т в у ю щ е й а р м и и, не существует плохой или хорошей погоды.

Нам в утешение существовал календарь. В августе солнце садится пораньше, и к вечеру полегчало. Мы возвращались серые от пыли, прилипшей к нашим лицам и мундирам. Мой эскадрон замыкал колонну. Вдруг впереди раздались крики: «Да здравствует Император!» Подали команду съехать на обочину. Показались всадники в парадной гвардейской форме, а за ними запряженная шестеркой лошадей золоченая карета с буквой N на дверцах. Поравнявшись с полком, карета сбавила ход. И хоть все знали, что Император в Германии, Паскаль Тордо и старшие офицеры сопровождали карету, сабли наголо.

Солдаты подтянулись, повеселели, а когда отодвинулась красная шторка и из окошка выглянула Императрица, опять грянул приветственный клич: «Vive L'Empereur!»

Карета остановилась. Императрица милостиво улыбнулась Паскалю Тордо. Дала знак приблизиться. Нет, не ему. Майору Дефоржу?

Как боевые офицеры разбирались в державной мимике? Разбирались, понимали без слов. Удивленные взоры обратились на меня.

Я медленно, бочком подъехал на коне. За десять лет я видел ее впервые, и было впечатление, что она совсем не изменилась, годы над ней не властны, такая же красота, разве что более строгая.

Жозефина пристально смотрела на меня. Я пытался расшифровать ее, как всегда, загадочный взгляд. Пожалуй, так смотрит принцесса, бывшая Золушкой, случайно попав в свою прежнюю убогую обитель.

«О Боги, неужели я жила тут, в такой нищете?» А я был взволнован, смущен и растроган — меня узнали, меня помнят!

Я забыл, что женщины забывают все, кроме давних обид. И публично получил по морде.

— Бедный Жером! — громко и отчетливо сказала Жозефина. — Вы все еще капитан? Это несправедливо. Надо было написать мне прошение.

Я не успел раскрыть рта, как шторка задернулась, вальяжный кучер хлестнул лошадей, и карета с гвардейским эскортом укатила.

Можете вообразить, какие рожи были у офицеров нашего полка, невольных свидетелей этой сцены.

Через неделю Паскаль Тордо торжественно объявил перед строем, что приказом военного министра маршала Бертье мне присвоено звание полковника. Паскаль Тордо старался быть любезным, даже слишком, но глаза его меня не обманывали, в них читалось: «Я заработал свои погоны в боях, кровью, а не по протекции...»

Да, я все понимал, однако надо понять, до какой степени я опустился за эти годы, ибо первой моей реакцией — признаюсь перед Страшным Судом — была арифметика. Теперь мое жалованье увеличат на 330 франков!

26 августа Пруссия предъявила Франции ультимативные требования: увести все наши войска на левый берег Рейна. Пруссия была самым могущественным государством Северной Европы, и, как в 1792 году, герцог Брауншвейгский грозил походом на Париж. Но Франция стала другой, и армия, уверенная в своей силе, восприняла прусский ультиматум как неожиданный подарок. Война! Можно отличиться!

Для офицеров, естественно, война — хлеб насущный. Удивительно, что солдаты рвались на фронт.

Я давно заметил, как меняется рядовой состав. В лучшую сторону. Тоже закономерно. За десять лет быть военным стало престижной профессией. Думаю, мало кто из ребят надеялся, что маршальский жезл лежит именно в его ранце, но все знали, что путь к офицерским погонам лежит через действующую армию.

Я вспоминал последний смотр, на котором присутствовал маршал Журдан. Ах, как славно проходили эскадроны! Мы подготовили отменную дивизию. И я ловил себя на постыдной штатской мысли: «Пусть ребят подольше держат в резерве». За десять лет в учебном полку поневоле превращаешься в наседку. Еще немного, и вместо армейских команд буду бормотать: «цып, цып, мои цыплята».

Каприз Жозефины нарушил чью-то игру. Капитана Готара можно было «прятать в шкафу». Новоиспеченному полковнику Готару нечего было делать в казарме. Я, что называется, всплыл на поверхность. Меня срочно перебросили в Германию, в корпус маршала Нея.

Приближающийся гул артиллерийской канонады лучше всяких дорожных указателей и карт вел нас на Йену. Мой полк шел в авангарде корпуса. Успеем или не успеем? Мы торопились, словно на свадьбу, словно на дележку пирога. Прибыли в разгар сражения.

Шеренги прусских войск в белых мундирах прицельным ружейным огнем только что отбили атаку нашей пехоты. По диспозиции мы должны были с ходу вступить в бой. Я приказал командирам развернуть эскадроны широким фронтом и — рысью вперед! Мне показалось — командиры не поняли приказа. Я повторил: широким фронтом! Иначе пруссаки — недаром я столько лет изучал их тактику в казарме — искусно отступят, и мы попадем в окружение.

Я получил полк три дня тому назад. Возможно, офицеры с боевым опытом не очень доверяли мне, назначенцу из Парижа. Чтоб рассеять их сомнения, я рубился в первых рядах.

В сущности, битва «стенка на стенку» — это тяжелая, изнурительная работа. Как на казарменном плацу. Но здесь без права на ошибку. Или ты достанешь противника саблей, или он тебя штыком и пулей. Когда бой кончится, если он кончится, если тебе повезет, если останешься в живых, — тогда поговорим об эмоциях.

Прусская «стенка» медленно отступала под нашим натиском, но держалась. Внезапно, без всякой видимой причины, неприятель дрогнул и бросился наутек. И тут я заметил впереди улелепывающих пруссаков синие мундиры французской кавалерии.

Позже мне объяснили, что произошло. Следовавшие за нами полки вклинились в пруссаков колоннами, протаранили пехотные цепи и оказались за спиной противника.

Поздно вечером солдаты жгли костры, пили вино, пели песни. Армия ликовала. Все знали, что пруссаки разбиты наголову. Император объезжал бивуаки, поздравлял офицеров с великой победой.

Я не принимал участия в общих торжествах. Я чувствовал, что совершил серьезный промах. В моем полку было больше

всего потерь личного состава. Служебный эвфемизм. Мои молодые солдаты спешили на Йену, как на свадьбу, а я их завел в мясорубку.

Прискакал нарочный, сказал, что меня вызывают в штаб корпуса.

Когда я вошел в штабную палатку, маршал Ней, оживленный и бодрый (как будто не было трехсуточного марш-броска и утомительного дня сражения), попрощался с корпусным начальством, каждому пожимал руку, говорил благодарственные слова. На меня зыркнул глазом и обратился ко всем:

— Спасибо, господа, и еще раз — браво! Не хочу вам портить праздник, поэтому предпочитаю поговорить с полковником наедине.

— Покорнейше прошу вас учесть, Monsieur le Marechal, — почтительно сказал командир нашей дивизии, — полковник Готар сам повел полк в атаку и бился в первых рядах.

Мой генерал пытался меня защитить!

— Геройски сражалась вся ваша дивизия, — ласково улыбнулся ему маршал Ней.

Улыбка сошла с его лица, как только за последним генералом опустился полог палатки. Страшен был в гневе первый маршал империи, непобедимый Ней!

— Откуда вы свалились, Бурбоны? Что за архаическая манера воевать? Так воевали при Бурбонах и Капетах: выстраивались фронтом и под барабан в атаку, как на параде. Наша армия прорывает оборону противника колонной, массированным кулачным ударом! Так обучают новобранцев в казармах? Чудеса! Недаром я говорю солдатам: забудьте все, чему вас учили тыловики, не нюхавшие пороха! Кто вас назначил в мой корпус? Бертье? Идиот Бертье и прислал идиота. Я бы вам не доверил даже роту пожарной команды. Как прикажете с вами поступить, Готар? У меня боевой корпус, не богадельня.

— Проще всего меня убить, — ответил я, стараясь выдержать его взгляд, — и у вас не будет никаких забот с офицером, которого заперли в казарме и не пускали в действующую армию. Кстати, вы уже пробовали это сделать одиннадцать лет назад, когда мы дрались на дуэли на площади Святой Екатерины.

Маршал нахмурился:

— Дуэль? С вами? Вы, случайно, не сумасшедший? Постойте, мне знакомо ваше лицо. — И вдруг Ней развеселился: — Помню! Хорошо помню! Если бы не вмешалась полиция, я бы вас порубил, как капусту. Однако, Готар, вы же тогда меня выручили. Вы сказали патрульным, что мы устроили урок фехтования

на потеху публике. Ха-ха! На потеху! Я еще подумал: «Отважный малый». Не знаю, долго ли вас мариновали в участке, а меня быстро отпустили. — Теперь маршал смотрел на меня с любопытством: — Да, сколько лет прошло... И вы их провели в казарме. Вас здорово задвинули... Были какие-то основания?

— А вы не помните, из-за кого мы дрались на дуэли?

Судорога передернула лицо маршала Нея, но он тут же взял себя в руки.

— Не помню, полковник. И вам не советую. Ладно, сегодня мы празднуем победу. По этому поводу — и только по этому! — я сохраняю за вами полк, но подержу вас какое-то время в резерве. Набирайтесь опыта. Как видите, я стараюсь вас прикрыть. Но не забывайте, у Императора отличная память. Мне передали, что он наблюдал ваш маневр и воскликнул: «Какая бестолочь!» Он когда-нибудь вспомнит, и тут я буду бессилён.

Мокрый снег, ледяной ветер. Какой уж там аллор! Наши бедные кони вязнут в грязи. Закоченевшие пальцы с трудом сжимают эфес сабли. Снежный заряд слепит глаза. Нас накрывает белая, клубящаяся, обжигающая холодом волна. Небо рухнуло. Земли не видно. Вой снежной бури заглушает ружейные залпы. Слева и справа, как привидения, слабо маячат силуэты моих солдат. Неожиданно, словно разорвали белый занавес, буря уносится. Свет? Светопреставление! Прямо перед нами стена русских войск, и заблудившийся луч солнца играет на их штыхах.

И потом все повторяется. Снова и снова сквозь слепящую белую тьму мы идем (бредем!) в атаку и натываемся на стену русских штыхов.

Это не кошмарный сон. Это восьмое февраля, битва при Эйлау.

Прав был полковник Паскаль Тордо. В армии не существует плохой или хорошей погоды. Я бы уточнил: в армии существует только плохая погода. Кони месят копытами грязь. Снег, ветер, дикий холод. Эйлау.

Русские стояли.

Мы атаковали так, как нас учили наши маршалы: Ней, Мюрат, Даву. Мы вклинивались колоннами, били кулачным ударом.

Русские стояли.

Мой полк поредел наполовину. В других частях было еще хуже. В сумерках последней атаки мы шли по трупам. Император ввел в бой весь свой резерв кавалерии. Никогда не видел

такую массу конницы. Фронтальный напор семи дивизий отодвинул русскую стенку.

На этом сражение кончилось.

При свете факелов мы подбирали раненых. Император объезжал побоище. От его свиты отделился всадник и направился в нашу сторону. Когда он приблизился, я узнал маршала Нея. Маршал задержался у подводы со стонущими людьми, затем выпрыгнул в седле и отдал нам честь:

— Молодцы, ребята! Bravo, полковник Готар!

Но в его голосе не чувствовалось радости.

Густые белые хлопья кружились в воздухе, когда мы подъехали к заиндевевшим воротам немецкого замка, в котором размещалась зимняя штаб-квартира Императора. У меня было недоброе предчувствие, и почему-то я подумал: снег заметает мои следы, я могу исчезнуть бесследно.

Часовые козырнули сопровождавшему меня офицеру штаба, нас пустили во двор, мы спешились, наших коней увели.

В замке на первом этаже громкие, оживленные голоса, мелькание гвардейских мундиров, запах кухни. На втором этаже тишина, в нишах коридора застыли фигуры средневековых рыцарей с закрытыми забралами. И опять тревожная мысль: это не пустые железные панцири Прусского ордена, может, чьи-то глаза наблюдают из прорезей шлема за идущими по коридору? И вообще, вызов к Императору — это предлог (почему меня? с какой стати?), на самом деле я окажусь там, где однажды побывал — в помещении военной разведки, оборудованном для допросов.

...Свет ослепил. В зале пылали сотни свечей. Император в оливковом мундире без эполет сидел за большим столом и что-то писал. При моем появлении он даже не поднял головы. Зато от стены отделился человек в черном сюртуке и пошел мне навстречу. Фуше, министр полиции!

Что все это значило? Великая честь? Или сбывались мои худшие опасения? Мысли закружились беспорядочно, как снежные хлопья в воздухе. Я ощутил себя в разных временах — испытал нечто вроде раздвоения личности. Но в этом хаосе проглядывалась какая-то логика, странная логика. За столом сидел не бригадный генерал артиллерии Бонапарт, которого я видел близко тринадцать лет тому назад в Революционном трибунале, — нет, Император, Наполеон, Сир! И я был для него всего лишь безвестным полковником Готаром. А всесильный министр мог спокойно стереть меня в порошок, однако в моих глазах он

по-прежнему оставался депутатом Конвента, презренным Жозефом Фуше, интриганом и организатором Термидорианского заговора. И поразительно, он это понял, ибо, сладко улыбаясь, шепнул мне приветствие, как раньше, бывало, в Якобинском клубе:

— Салют, гражданин!

— Салют, предатель, — ответил я тихо, но жестко.

Он насупился, поиграл лицом, стараясь произвести самое злое впечатление. Полковник Готар отметил, что технику наведения страха министр освоил великолепно: тонко сжатый рот, раздувающиеся ноздри, обжигающий огонь темных зрачков. Наверно, даже высших полицейских чинов, не угодивших министру, пробирала дрожь. Но тот, кем я был раньше, помнил, что Жозеф Фуше панически боялся моего взгляда, и Фуше это тоже помнил. Театральным жестом он вознес руки к потолку и опять расплылся в приторной улыбке:

— Не надо беспокоить тени прошлого, полковник Готар, они этого не любят.

— О чем вы там шепчетесь, заговорщики? — раздался голос Императора, и хоть в голосе звучала ирония, мы с Фуше отпрянули друг от друга.

Строевым шагом я подошел к столу и отрапортовал:

— Полковник Готар, командир второго драгунского полка из корпуса маршала Нея прибыл по вашему приказанию, Сир!

Я не скрывал своих эмоций. И впрямь, мог ли я мечтать еще года два тому назад, что меня удостоит высочайшим вниманием! Благословенный день! Видеть перед собой Великого полководца, Императора Франции! Готов умереть за него и за Отечество!

Император откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди. Знаменитая поза. Он молча меня рассматривал. Его глаза, все понимающие и схватывающие, обладали такой силой, что я поплыл, скукожился и начал тупо созерцать свои сапоги.

— Тонкая работа, Фуше, — услышал я голос Императора. — Невероятно. Разумеется, полковник Готар выполнит любой мой приказ и героически погибнет, штурмуя русские редуты. У меня хорошая зрительная память, но я, пожалуй, его бы не узнал. Хотя что-то проскальзывает в его взгляде, что-то осталось от Ангела Смерти.

Когда он успел это заметить? Спросить? Императору вопросы не задаются. Мне много раз рассказывали: аудиенция у Императора заключается в том, что Император произносит монологи, а все присутствующие благо разумно помалкивают. Однако, видя, как вольготно, без робости (удивительно!) передви-

гается по залу Фуше (то он за моей спиной, то за спиной Императора), я догадался, что лишь министр полиции имеет здесь право слова. И какое-то мелкое чувство — ревности или зависти? — кольнуло меня.

— Я помню, как он внезапно появился в Революционном трибунале, — продолжал Император. — Я не знал, кто это, но по тому, как судьи пригнулись и пришипилась, понял, что именно он, а не они, будет решать мою судьбу. Фуше, ему ведь отрубили голову? А выглядит он замечательно. Моложе нас.

— Сир, на гильотине казнили глухонемого разбойника, внешне похожего на него, — ответил Фуше (без робости, без робости! — милостивые государи, Фуше беседовал с Императором почти на равных!). — Робеспьер был ранен, Кутон впал в истерику. Царила такая неразбериха, что мне удалась подмена. Ему дали стакан воды, он упал и не приходил в сознание. Ночью я тайком вывез его из Шотландского колледжа..

— Надеюсь, такой стакан воды меня минует?

— Сир! — верноподданнически взревел министр.

— А зачем вы это сделали?

— Услуга за услугу. В тот день он стоял на трибуне, скрестив руки, и не произнес ни слова. Если бы заговорил — Термидор был бы невозможен.

— Вот чему я не верю, так это благородным помыслам моего министра полиции, — язвительно рассмеялся Император. — Если вы что-то задумали, то с дальним прицелом.

— В октябре 95-го года он нам очень помог. И пригодится еще, — бесстрастно ответил Фуше.

— И пригодился ранее, когда спал с моей будущей женой?

— Сир! — невольно вырвалось у меня.

Фуше довольно грубо сделал мне знак — дескать, тебя не спрашивают. Но Император опять соизволил посмотреть в мою сторону:

— Полковник, вы предприняли бестолковый маневр при Йене, — (сбылось предсказание Нея, Император ничего не забывал), — потом вы выравнялись. При Эйлау дрались отменно. В общем, я вами доволен. Полк — для вас мало. Но что вам предложить? Вы были инициатором смелой контратаки при Флерюсе... Маршал Журдан может рассказывать сказки кому угодно, только не мне. Правда, рядом с вами находился Бернадот. — (Император переглянулся с Фуше. Продолжение другого диалога, в котором мне не было места. Еще меньше я хотел бы оказаться на месте Бернадота... Что-то я уловил в воздухе.) — Бернадот мне почти родственник, — без всякой логики (для меня!) добавил Император. Взгляд на Фуше, потом — на

мою скромную особу. — Итак, вернемся к Флерюсу. Совсем неплохо по тем временам, хоть и рискованно. Теперь это прошлый век. Мюрат контратакует играючи. А как Сульт взял плато Аустерлиц кинжальным ударом? Согласитесь, другой класс! На маршала вы не тянете. Кроме того, — в голосе Императора появились капризные нотки, — я не желаю, чтоб в моей армии служил человек, который спас мне жизнь и у которого был роман с моей женой. Такое соседство мне не нравится. Тем не менее я не желаю быть вашим должником. У меня свои принципы. Поэтому выбирайте: королем в Швецию или послом в Россию? И подальше с моих глаз!

Я — король Швеции? Я — посол в России? О чем говорит Император? Может, у меня начались галлюцинации?

— Сир, будьте покойны. Полковник Готар примет новое назначение, — учтиво заверил Фушэ. Затем так же учтиво он кивнул мне, показывая, что аудиенция окончена.

Мне стало жутковато. Любезность министра, не знаю почему, пугала. Словно проснулся звериный инстинкт и я нутром почувствовал опасность. В голове пронеслось: «Снег заметает мои следы. Я исчезну бесследно».

И не презренный интриган Фуше, депутат Конвента, провожал меня по коридору, когда за нами затворились двери приемной Императора, — нет, министр полиции! И он знал, что я это знаю.

— Полковник, сейчас в моем кабинете я вам изложу суть дела, — любезным тоном дьявола объяснял министр. — Император перекраивает карту Европы. В Швеции положение нестабильно. Континентальная блокада там непопулярна. Мотовство и легкомыслие короля Густава раздражают народ. Естественно, проанглийская партия...

На повороте (коридор загибался дугой, следуя конфигурации наружных стен замка) министр чуть-чуть ушел вперед. Такое было впечатление — оглушающее, последнее, — что средневековый рыцарь, застывший в нише, ударил меня сзади алебардой.

* * *

Они, эти каналы и ублюдки, свора эмигрантов, ничего не умеют и не хотят делать сами — только чужими руками! Они боятся привести приговор в исполнение, но держать маршала Нея под стражей еще страшнее — вдруг стража ненадежна? Он, маршал Ней, прекрасно понимает куриную логику дряблого короля и его камарильи. На подмогу вызвали наследного прин-

ца шведского престола — ха-ха! — Жана Батиста Бернадота. Пусть один маршал бывшей империи расстреляет другого! Публике это будет подано, как сведение старых счетов. А мешок с дерьмом — Луи Восемнадцатый выходит сухим из воды. И у шведских солдат не дрогнет ружейный прицел. Вот что придумали, курвы! Тюрьму обложили тройной охраной, да тюремные стены имеют уши. Не сегодня, так завтра появится Бернадот.

Ней подставил табуретку, взобрался на нее и попытался через решетчатое окно заглянуть в тюремный двор. Стекло покрыл иней, и в синеве декабрьского утра он бы все равно ничего не увидел. К тому же, подтягиваясь к окну, он потерял равновесие и чуть не грохнулся с табуретки. От этой неудавшейся глупой затеи маршал пришел в еще большую ярость.

Merde! Как он ненавидит холода! С зимой у него связаны все неудачи: Эйлау, отступление из Москвы, переправа через Березину... По иронии судьбы, что ли, Император дал ему титул Князя Московского? Бр-р-р! Любая выжженная солнцем испанская провинция, только не Москва. Он ведь по темпераменту южанин. А Бернадот прижился в Швеции, не зябнет. Неужели Бернадот придет за ним конвой, а сам будет прятаться за спинами солдат? Нет, Бернадот не трус и в каком-то смысле человек чести, хоть и переметнулся на сторону коалиции. Недаром, когда Император отрекся в Фонтенбло, военные, и Ней в том числе, предлагали кандидатуру Бернадота в правители Франции, да Сенат проголосовал против. Немудрено. Фуше и Талейран уже плели свои интриги... Конечно, лучше всех Бернадота знал Император. То ли в шутку, то ли всерьез повторял (и Ней сам его слышал): «Бернадота надо расстрелять или сделать королем». И сделал. А в благодарность...

«Вот как вы отблагодарили Императора, маршал! — скажет Ней, когда Бернадот перешагнет порог этой камеры. — А теперь не стыдно ли вам быть на посылках у толстозадого кретина и всей этой дряни, которые ничего не забыли и ничему не научились? Видя вашу жалкую роль, я ни секунды не жалею, что в марте присоединился к Императору. Есть и на моей душе грех, ляпнул горяча: «Если Наполеон высадится на юге, я его поймаю, посажу в клетку и привезу в Париж». Продажные газеты это напечатали. Но Император забыл мои слова, Император простил меня. Вот величие души! Увы, нам фатально не повезло при Ватерлоо. Злой рок. Иначе не гулять бы эмигрантской своре по нашей земле. Меня обвиняют в измене. Но одиннадцать лет тому назад вы, Бернадот, и я, Ланн, Массена, Бертье, Даву, Мюрат, Келлерман, получая маршальские звания, присягали на верность Императору. В чем, спрашивается, измена, кто

кому изменил? В Швеции вас избрали наследным принцем, потому что так захотел Император. Я, маршал, нисколько не сожалею, что ухожу из жизни в расцвете сил. Я имел все: славу, почести, богатство, ибо честно служил Императору и своей стране. Разумеется, «заблудись» я с корпусом, как это сделал в решающий момент Ватерлоо маршал Груши, — никто бы меня пальцем не тронул. При нынешнем режиме трусость поощряется. — (Нет, про славу и почести и так далее говорить не стоит. Получаются жалобы, недостойные офицера.) Надо сказать так: — С чем вы приехали, маршал? Привезли радостную весть, что меня не казнят, как вора и разбойника, на гильотине, а расстреляют? Не вам ли я обязан таким снисхождением? Если «да» — спасибо. Встать перед строем — это своего рода продолжение армейской службы. Вы, маршал, достойно воевали в наших рядах, но попадись вы мне под руку после Ваграма, когда вы проявили удивительную пассивность, я бы первый поставил вас к стенке, у Императора было такое намерение, да победа все списала».

Шаги! Множество шагов! Шаги по лестнице, шаги по коридору. Четкий строевой солдатский шаг, приближаясь, гулко резонировал в тюремных стенах.

Маршал Ней накинул на плечи шинель, выпрямился и понаполеоновски скрестил руки. Вот так встретит смерть.

Лязгнули засовы, дверь открылась, солдаты в шведской форме внесли подсвечники, камера наполнилась светом. Ней успел подумать: «Койка не заправлена, беспорядок», но тут вошел высокий человек в зеленой шинели с золотыми эполетами, рывкнул что-то на чужом лающем языке (шведском?), и солдаты оставили их наедине, закрыв за собой дверь.

Маршалы молча смотрели друг на друга, набычившись, как перед дуэлью. Дуэль? Почему дуэль? С Бернадотом он не дрался на дуэли. Ней давно не видел Бернадота, естественно, с годами лицо Бернадота несколько изменилось, исчезло выражение веселой удачи, с которой Бернадот выслушивал поздравления Нея после Аустерлица, а так Бернадот все тот же... Однако цепкая зрительная память подсказывала Нею — странные, нереальные ощущения, — что он встречался с этим человеком в иных обстоятельствах.

Волевым усилием отбросив мистику, Ней начал заранее заготовленную речь:

— Не стыдно ли вам быть на посылках у толстозадого крестина?

— Маршал Ней, — прервал его Бернадот, — у нас мало вре-

мени. В саквояже — как в камере очутился черный саквояж, Ней и не заметил — вы найдете все необходимое. Быстро сбрить бакенбарды. Быстро переодеться. Надеть парик. А я пока буду громко читать приговор. Не обращайтесь на него внимания. Действуйте!

«Что это значит?» — хотел спросить Ней, но подчинился напряженному незнакомо-знакомому взгляду.

— «Именем Его Королевского Величества...» — читал Бернадот, уткнувшись в бумагу, что было весьма деликатно с его стороны: Ней не смог бы раздеться перед посторонним человеком.

Маршал Ней облачился в мундир шведского офицера, надел зеленую шинель, темноволосый парик. Бернадот придирчиво его осмотрел, поправил парик, сложил одежду Нея и синюю маршальскую шинель без погон в саквояж, громко прочел последние строчки:

— «...приговаривается к расстрелу. Онный произвести во дворе тюрьмы 7 декабря 1815 года».

Потом опять рывкнул на чужом лающем языке. Возник шведский пехотинец и, не поднимая глаз, схватил черный саквояж, исчез с ним за дверь.

— Маршал Ней, — сказал Бернадот, — минут через десять за вами придут, выведут во двор и... — тень улыбки замаячила на губах Бернадота, тень улыбки другого человека, — ...посадят в мою карету. Умоляю, никому не слова. Рта не раскрывать.

За Бернадотом со скрежетом захлопнулась дверь. Лязгнули засовы. Четкий строевой солдатский шаг, удаляясь, глухо резонировал в тюремных стенах.

Перед уходом Бернадот загасил свечи. В маленьком решетчатом окне забрезжило мутное зимнее утро.

Никогда не вспоминал маршал Ней, что он передумал, свой хаос мыслей за эти десять минут в полумраке камеры. И шведского офицера, жестом пригласившего его следовать за собой — и говорившего, говорившего на непонятном лающем языке, а маршал Ней в ответ кивал, будто участвовал в разговоре, — и они спустились во двор (тюремная охрана им козыряла!) и сели в большую шестиместную карету с вензелями шведской короны на коричневых лакированных дверцах — все произошло как во сне. Зато каждую ночь — отчетливо, словно наяву — он видел фигуру приговоренного, в синей маршальской шинели с белой повязкой на глазах, которого тюремщики вели под руки через двор, и тот еле волочил ноги; и били барабаны, и взвод солдат (французских!) вскинул ружья, а приговоренный стоял

у стены, пошатываясь (болен или пьян?), и грянул сухой залп, и приговоренный рухнул; ударившись спиной об стенку, и застыл в скрюченной позе.

Перед тем как сесть в карету, Бернадот приказал:

— Маршала Нея похоронить согласно воинскому ритуалу!

В затемненной комнате придорожной таверны им принесли бутылку вина. Шведский конвой расположился в общей зале.

— Выпьем за ваше второе рождение, маршал Ней, — предложил Бернадот, — вам пора взбодриться. Осторожно, не опрокиньте бокал. Я специально не зажигаю свечи. По правилам конспирации. Скоро сюда явится генерал Паскаль Тордо, верный вам человек (кажется, он был начальником вашего штаба?) и уведет вас через черный ход. Куда? Не знаю. Под каким именем вы будете жить дальше — меня не касается. В какой стране? Не ведаю. Думаю, что ваши друзья обо всем позаботились.

— Зачем вы это сделали, Бернадот?

— Меня попросили люди, которым мне трудно отказать. Но я это сделал с удовольствием. Однажды вы меня хорошо прикрыли.

— Под Фридландом, когда Багратион атаковал вас с фланга?

— Именно.

Но маршал Ней почувствовал, что Бернадот имеет в виду совсем другое, только говорить не хочет. И не стал спрашивать, какие люди просили Бернадота, догадавшись, что Бернадот на этот вопрос не ответит.

— Вы привыкаете к Швеции?

— Народ мне доверил свою судьбу, и, кажется, не ошибся. Я вывел Швецию из войны и из континентальной блокады. Шведы мне благодарны.

— Я вам тоже благодарен, Бернадот. Единственное, о чем сожалею, — так это о том бое в Северной Германии, под деревушкой — как ее? забыл! сложные немецкие названия. Я вам проиграл тогда и отступил. Право, досадно. Однако в тринадцатом году побить меня было немудрено. Мы комплектовали дивизии из новобранцев. Великая Армия осталась в российских снегах.

— А вы остались маршалом Неем, — рассмеялся Бернадот, — такая манера благодарить очень в вашем характере.

Без шума и скрипа отодвинулась часть стены. Потайная дверь? В светлом квадрате вырос силуэт во французской военной форме, приложил ладонь к треуголке:

— Votre Altesse monsieur le Marechal Bernadotte! — И этот негромкий голос сразу успокоил Нею. — Генерал от кавалерии Паскаль Тордо. Смею ли я забрать моего гостя?

В карете с зашторенными окнами генерал Тордо докладывал маршалу Нею, что удалось спасти от конфискации половину его состояния, деньги переведены в иностранные банки, паспорта... Тут генерал заметил, что Ней сидит с закрытыми глазами, вроде бы задремал. Он понял: маршал устал. Еще бы! Перезжить сегодняшнее ужасное утро!

А маршал мучился над загадкой. Он обладал прекрасной зрительной памятью, такой же, как у Императора, он знал всех своих офицеров в лицо. Так вот, утром к нему в комнату вошел не Бернадот, то есть копия Бернадота, абсолютно похожий на Бернадота человек, но взгляд другой, выражение глаз другое, характерная манера речи — короче, маршал Ней готов был поклясться, что это был полковник Готар, командир второго драгунского полка, бестолково действовавший под Йеной и отличившийся при Эйлау. Потом полковника Готара зачем-то вызвали в императорский замок, а на обратном пути его убили прусские солдаты-мародеры. Он присутствовал на похоронах полковника, видел, как гроб опускали в могилу. Однако он готов поклясться всеми святыми, что сегодня разговаривал с Готаром (недаром при его появлении он вспомнил дуэль), трясся с ним в королевской карете, пил вино в таверне. Разве такое возможно? А почему нет? Ведь все, кто утром находились на тюремном дворе, поклянутся, что своими глазами видели казнь маршала Нея! И человек в маршальской шинели, с кудрявыми бакенбардами и белой повязкой на глазах, застывший у стены в скрюченной позе, был, конечно, маршал Ней! Тем не менее полковник Готар и наследный принц Швеции Бернадот — в одном лице? Все вопреки здравому смыслу! Но жизнь давно потеряла здравый смысл (уж точно, начиная с Бородино, когда Император отказался двинуть в бой Старую Гвардию и сломить сопротивление русских), и в этом маршалу Нею (или кто он теперь?), наверно, еще предстоит убедиться.

V. ДЖЕННИ

Израиль звонил в семь утра, так было всем удобно: родители как раз приходили с работы, а Дженни выскакивала из ванной. В разговоре с противоположной точкой земного шара

Дженни не покидало ощущение, что кто-то из них (она или родители) стоит на голове. Вышколенные папа и мама лишних вопросов не задавали (сестра — другое дело), но в их интонациях чувствовалась скрытая тревога: еще бы, бедная девочка, разошлась с мужем, всеми покинута, кто ее кормит манной кашей? Они звали дочь в Тель-Авив, обещали сами приехать — пустые обещания, хотя своего рода маленькая поддержка. Отец недавно открыл кабинет, обрастал, так сказать, клиентурой, и Дженни понимала: ему нельзя срываться с места. Видя, что он помощник только на словах, и зная, что дочь озверевает, если тема «манной каши» прорежется, папа мужественно старался вести светские беседы, рекомендовал читать экзотических американских авторов, например Чарлза Буковского, то есть стоял на голове. Мама методично интересовалась подробностями быта и Элей, и так здорово замаскировалась, что Дженни обомлела, когда услышала:

— У тебя в последнее время изменился голос.

— В какую сторону? — осторожно спросила Дженни и посмотрела на дверь в спальне. Дверь закрыта, Тони дрех.

— По-моему, в лучшую.

— Мама, у меня роман. Пока тайна. Не феерия. Не могу сказать, что я безумно счастлива. Но мне очень спокойно. Наверно, сейчас для меня это главное. То, что доктор прописал. Поздравляю, твоя интуиция тебя не обманывает.

Доктор прописал:

В первую очередь сесть за руль. В своем «пантиаке» пикапе она преобразалась. Летчик-истребитель. Ас. Матвей Абрамович, муж Гали и бывший подполковник советских ВВС, так комментировал ее вождение: «Покрышкин в воздухе!» По словам Матвея Абрамовича, во время войны немцы очень боялись товарища Покрышкина и поднимали тревогу, заведя в небе его самолет. Ахтунг, ахтунг! Покрышкин в воздухе! Разумеется, у кота Покрышкина (конечно, кот, нет людей с такой фамилией!) были свои сложности с немцами, зато больше пространства. И полицейские машины на «стоп» кота Покрышкина не караулили. Главное — избегать фривея. Фривей, кроме как ночью, братская могила, там не развернешься. А на магистралях Лос-Анджелеса можно сделать глубокий вираж и огородами (боковыми улицами) выйти на оперативный простор. На светофоре стойбище «ниссанов» и «тойот» — япошки замуровали. И справа поджигает «мерседес». Но мы, пользуясь преимуществом тяжеловесной категории, отодвинем «мерседес», руль

налево, руль направо, газ, в сантиметре разминулись с «фордом» (у дядечки инфаркт!), мертвая петля на бульваре Санта-Моника и... свободный полет на Беверли-Хиллз.

Тормозили у библиотеки. На тротуаре нас ждет и.о. профессора Богомолова, неприступный и недоступный для всего мира. До сих пор Дженни удивляется, что она говорит ему «ты». Ее профессор, ее собственность! Сейчас противным голосом спросим:

— Много накопал сегодня, Тони?

Тони приучен. Ее подковырки пропускает мимо ушей.

— У меня выстраивается курс лекций. К весне подготовлю резюме и разошлю по университетам Западного побережья.

Ага! По американским. Не Сорбонна. Это то, что доктор прописал. Наверно, Тони искоса за ней наблюдает. Какая будет реакция? Сохраним каменную рожу.

— Тема?

— Две войны как предтечи двадцатого века: гражданская в Америке и франко-прусская. Их итоги повлияли не только на исторический ход событий, но и на дальнейшее развитие экономики, философии, нравственности...

А-ап! Фигура высшего пилотажа на Фэрфакс-авеню. Даже у самой дыхание перехватило. Извини, Тони, не было иного выхода. Этот бульдог, водитель «ленд-ровера», видимо, полагает, что едет на танке.

— Дженни, ты чуть-чуть не задела автобус.

— Чуть-чуть не считается. Или я задела, или не задела. Тони, я за рулем с шестнадцати лет. Моя вторая профессия. Сиди. Не дергайся. Я тебя внимательно слушаю.

— О чем я говорил?

— «Генерал Шерман прекрасно изучил военные теории Клаузевица. Прорыв фронта южан и рейд по тылам...» Ты так ясно все излагаешь, что нечего терять время. Пиши резюме.

— Если ясно, то плохо. Для американцев я чужак. Претендую на чье-то место. У тебя в мире бизнеса простота приветствуется. В университетском — наоборот. Им подавай нечто экстравагантное, шибко заумное и сверхзапутанное. Если никто ничего не поймет, тогда меня примут с распростертыми объятиями.

— Профессор, я поднимаю лапки. Каждый дока в своем ремесле. Пойдешь со мной в детский сад за Элей?

Пойдет. Знает, что ей приятно, когда он ее сопровождает.

По Лорел-каньону ползем сомкнутыми рядами. Публика из центра валит домой, в долины. Темная обходная аллея, но и она забита красными тормозными фонарями, не одна Дженни такая

хитрая, все норовят ловчить. С вершины перевала последний взгляд на огни Лос-Анджелеса. Вниз покатались порезвее.

С появлением Эли теоретический диспут в «понтиаке» закончился. Эля сама любительница выступать. Ей зубы не заговоришь. «Мама, почему...», «Мама, а что...» — «Эля, прочти лучше «У лукоморья дуб зеленый». Как дальше? «Златая цепь на дубе том». Как я и Тони. Эля, Тони Пушкина в детском саду не учил, он тебя слушает с удовольствием. «И днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом». Между прочим, кота зовут Покрышкин. Тони, кто такой Покрышкин? Советский маршал авиации? С ума сойти! Откуда ты знаешь фамилии всех маршалов на свете?

На Вентура-бульваре завернули к супермаркету. Тони взял тележку, и Дженни повела свой партизанский отряд по торговым рядам. Пока она выбирала основную еду — мясо, рыбу, овощи, фрукты, йогурты, — ее партизаны шустрили вовсю. Супермаркет единственный магазин, где Тони оживал и развивал бурную деятельность: тащил в тележку воду, спиртные напитки, закуски. Причем высматривал, что подешевле. Эля безошибочно находила всевозможную отраву, выставленную на самых видных местах, а именно: пирожные, шоколадные конфеты, леденцы, «Магс», киндер-сюрприз. Тележка набивалась доверху, и тогда Дженни устраивала ревизию. С Элей был разговор короткий: «Сахар — это яд. Хочешь стать такой же толстой, как эти тетки? Гадость я выбрасываю. Возьми себе орешки и сушеные фрукты». Маленькая притворщица корчила рожицу, как будто слышала мамины слова впервые. Затем наступала очередь Тони. С брезгливой гримасой Дженни выуживала со дна тележки пакет уцененной ветчины, держала его двумя пальцами, как дохлую крысу, перед лицом профессора (Тони отводил глаза), заменяла на что-нибудь приличное. Дженни повторяла Тонин маршрут, выгружала русскую водку, ставила «Абсолют», выгружала дешевые вина. Напрасно Тони бормотал, что он знаток — Дженни верила не этикеткам, а ценам. Сомнениям не подвергались лишь пятилитровые канистры с питьевой водой.

Двигаясь к кассе, Дженни украдкой заглядывала в тележки молодых женщин. Ассортимент продуктов красноречиво свидетельствовал о семейном положении. Точнее, есть мужчина в доме или нет. И гордо платила кредитной карточкой. (Ранее несколько раз Тони пытался рыпаться, но она его отшила.)

Зато в их подземном гараже командовал профессор. Вручил ей и Эле по легкой сумке, остальное навьючил на себя.

Позже всем семейством они спустились в гараж, чтобы загрузить стиральную машину. Дженни отмеривала дозы порош-

ка. Эля кидала в щель кватеры. В обязанность Тони входило переложить белье в сушилку, когда Дженни будет укладывать Элю спать.

На вечерние телефонные звонки Дженни почти не реагировала, лениво прослушивала голоса, записываемые автоответчиком... Знакомая докторша, клиент из Сиэтла, Лариса... Что у них за страсть беспокоить людей после работы? Впрочем, Ларисе надо бы перезвонить, давно не болтали, обидится подружка, ладно, может, завтра... Сегодня почему-то вспомнила, как еще несколько месяцев назад она, шастая по дому, не расставалась с переносной телефонной трубкой и нажимала на кнопку при первом треньканье...

Дженни кормит Элю. Тони смотрит последние известия по телику. Трубка... Где трубка? А черт ее знает!

Наконец Дженни запихнула ребенка в кровать. Появляется профессор с охапкой чистого белья. Успеет ли она погладить? Поздновато, пора накрывать на стол.

— Что было интересного в новостях?

Тони открывает рот.

— Какие суки! — говорит за него Дженни. — Показывают только свою Америку.

— Но действительно, девочка, — возмущается профессор, — форменное безобразие. Что мы видим? Скандал со строительством коттеджей в Сакраменто, недовольство повышением местных налогов, убийство в Сан-Хосе, Клинтон в Вашингтоне оправдывается, дескать, двусмысленных предложений я этой мисс не делал, репортаж о гололеде в Чикаго, концерт рокера в Нью-Йорке, открытие нового магазина биологически чистых продуктов в западном Голливуде. Все! В остальном мире ничего не происходит!

— Ты прав, — вторит ему Дженни, увертываясь из его рук, — такая скучища. Подожди! Не хулигань. Хочешь, включим детектив по двадцать пятому каналу? Предпочитаешь свое кино? Тони, отстань! Хорошо, поглядим. После второй рюмки. Тебе не надоело? Три ха-ха. «Не обещайте деве юной любовь и нежность на земле». За кого пьешь? Ума не приложу. Никаких идей по этому поводу. Тони, ешь. У меня свой ритм. То, что доктор прописал...

Первый раз вместе с Тони Дженни оказалась в гостях случайно, вернее, случайно попал туда Тони. О том, что он живет у Дженни, знала Кэтти, знал Джек, бэби-ситтеры, ну еще пара подружек с работы. Инстинктивно она свой роман не афиширо-

вала. Не хотела пересудов. Дома, пряча его ото всех, она сохраняла камерную атмосферу, если не счастья, то чуда. Посторонним вход запрещен! В гостях, у знакомых (или на следующий день по телефону) будет суд, будут невольные (или вольные) вопросы (полувопросы). Где Тони работает? Какой у него заработок? Что он ей дарит? Какие у вас планы на будущее? В Америке браки со значительной разницей в возрасте уже никого не удивляли, более того, становились модой. Но при условии: 1) мужчина богат, 2) мужчина знаменит, 3) занимает высокое положение в служебной иерархии. В идеале — то, и другое, и третье вместе. Однако ни того, ни другого, ни третьего не было. Деньги за лекции давно истрачены, новых лекций пока не предвиделось. Из повседневных привычек Тони складывалось впечатление, что в Париже он, мягко говоря, не шикавал. И проблема не в том, какова зарплата профессора в Европе, а в том, на сколько человек (домочадцев) она делилась. Вот этого Дженни никогда не спрашивала. Свободных денег, кубышки Тони явно не имел, иначе (тут она была твердо уверена) он бы ее засыпал подарками. До сих пор все, что она получила, — три букета цветов. Если Тони кое-что припрятал в заначке, то лишь на карманные расходы — сигареты он покупал сам, — и Дженни очень сомневалась, что во время своих шаштаний по городу он позволяет себе роскошь посидеть в кафе. Планы? Официально профессор не предлагал руки и сердца. Правда, он и так принадлежал ей с потрохами, но похвастаться, что завтра она станет миссис Сан-Джайст Дженни не могла. Значит...

Жизнь, к сожалению, жестокая штука. У американских сверстников Тони свой бизнес, дом, машины, круглый счет в банке. На худой конец — солидное положение на фирме (и солидный вклад). Даже советские эмигранты семидесятых годов прочно росли в калифорнийскую землю. И в глазах этой публики парижский профессор в джинсовом костюме... М-да, хуже будет, если ее вынудят взглянуть на Тони их глазами...

Короче, пригласили Дженни и она пошла одна. Повод завязать контакт с деканом университетской кафедры Ингой Родней.

Итак, восьмизэтажный кондоминиум на Вилшер-бульваре, восьмикомнатная квартира, служанка в белом фартуке, снобская компания интеллектуалов, белых воротничков, не скрывающих, что их годовой доход за двести тысяч. Хозяин, правда, исключение — известный физик, нобелевский лауреат, милый, учтивый, сильно в летах, засыпающий после каждой второй рюмки, но расталкиваемый его энергичной женой. Ужин чинно катился по расписанию, как электричка на Рижском взморье, с

остановками на очередные блюда, с разговорами о синхрофазотроне, экзистенциализме, парапсихологии и — «вот этот салат с зелеными бобами вам особенно удался, дорогая Мэри». Дженни чувствовала себя как Золушка, попавшая на королевский бал в своем кухонном наряде. То есть одета она была лучше всех (немного перестаралась), но это как раз и раздражало Ингу Родней, бывшую роковую женщину, с подтянутой кожей на лице (сколько сделала операций? две или три?), с еще вполне пристойной фигурой. Добрая Мэри, хозяйка, покровительствовала Дженни, однако Инга Родней догадывалась, зачем она пришла — ей уже передали, что Дженни просит разрешения присутствовать на вечернем семинаре по кино, и заранее упивалась своей властью. Вышедшие в тираж красотики не прощают молодым соперницам того, что мужчины смотрят на них. Инга Родней вела себя как царица бала и в длинных фразах, пускаемых, как из автомата, веером от пуза, успела сообщить о своих давних знакомствах с Апдайком, Олби, Феллини, Кончаловским, Бродским, Аксеновым... Декану кафедры престижного американского университета ничего не стоило заполучить в друзья мировых знаменитостей, думала Дженни, достаточно пригласить их почитать курс лекций, но русские фамилии — это прицельные выстрелы по мне. Родней славистка, знает, что я из России (еще одна причина меня невзлюбить). Прицельные выстрелы — предупреждение: сиди, уткнувшись в тарелку и не высывайся. Дженни так и делала и вдруг чуть не поперхнулась ломтиком помидора.

— Когда у меня на кафедре выступал профессор Энтони Сан-Джайст...

От неожиданности Дженни пропустила фразу, не поняла смысла, зато отлично поняла, что было важно для Инги Родней: заявить, именно у нее на кафедре выступал Сан-Джайст.

Проснулся хозяин, знаменитый физик.

— Я слушал одну лекцию Сан-Джайста. Как говорят в науке — другое измерение. Потрясающее впечатление.

— Сан-Джайст лучший специалист по французской истории, — заметил кто-то из гостей.

Новую тему подхватили со всех концов стола:

— Когда он опять приедет с лекциями?

— Говорят, он еще в Лос-Анджелесе.

— Враки. Он был в Вашингтоне и давно вернулся в Париж.

— Его трактовка якобинской диктатуры чрезвычайно оригинальна.

— Особенно в устах француза, которые помешаны на своей революции.

— Я помню его рассказ о маршале Нее. Такое ощущение, как будто он живой свидетель, лично присутствовал на расстреле.

Тут по ритму ужина должна была последовать реплика: «Вот этот соус к рыбе вам особенно удался, дорогая Мэри», но черт дернул Дженни.

— Профессор Сан-Джайст мне говорил, что маршала Нея не расстреляли. Существует гипотеза, по которой вместо Нея расстреляли другого человека.

На несколько секунд Дженни оказалась в центре внимания, и симпатичный брюнет напротив нее протянул «э-э...», собираясь задать вопрос; несколько секунд всего, ибо последовала автоматная очередь Инги Родней, не веером, а в упор:

— Что меня восхищает в нынешних студентах — это колоссальная мифомания...

(Это я студентка? Я зарабатываю больше тебя, старая ко-рова!)

— Они уверены, что им принадлежит весь мир. Дженни, бесспорно, привлекательная девочка, у нее много поклонников. Утверждают, что она была любовницей одного очень известного у нее на родине артиста. Вполне возможно, у него было миллион девок. Он умер, поди проверь...

(Тони бы сказал: «У нее досье на тебя».)

— Милочка моя, извини за резкость, но все-таки... Если ты и переспала с кем-то, это еще не означает, что он был твоим любовником. Поверь мне, я в таких вещах разбираюсь. Если ты слушала лекцию профессора Сан-Джайста, это не означает, что он тебе персонально говорил. Ты просто прослушала лекцию и запомнила ее, что, согласимся, уже прогресс. У нынешних студентов ветер в голове, я, как преподаватель, увы, это наблюдаю. Не обижайся на меня. Американцы очень доверчивы, все, что им скажешь, принимают за чистую монету. Поэтому я и внесла коррективы.

Дженни чувствовала, что ее щеки пылают, будто их отхлестали мокрой тряпкой.

— Э-э... — протянул симпатичный брюнет, — дорогая Мэри, ваш соус к рыбе сегодня особенно удался...

Сменили тему. Дженни вышла в соседнюю комнату и позвонила бэби-ситтер. Потом набрала номер своего телефона.

— Тони, ты где? Тони, возьми трубку. Привет. Ничего. Эля легла? Сказку ей доскажет Линда. Она сейчас приедет на такси, ты в него садись и едешь. Да, срочно. Вот адрес, записывай. Нажимаешь интерфон на фамилию... Пятый этаж, справа от лифта.

— За мной приедут, можно? — спросила Дженни, отвечая на сочувственный взгляд хозяйки.

— Милочка, куда ты торопишься? — проворковала Инга Родней. — Еще не вечер.

Когда Тони появился в гостиной, Инга завопила:

— Какой приятный сюрприз! Почему скрывали? Темнила ты, хозяйка.

И побежала обниматься с Тони. Хозяйка ничего не понимала. Ей объяснили. Легкий шок. Хозяин встал из-за стола. Чрезвычайно польщен. Не соизволит ли профессор Сан-Джайст разделить их компанию? Тони просек ситуацию. Соизволил. Сел рядом с Дженни, поцеловал ее в щеку. Зажурчала светская беседа. Поразительно, что Инга Родней не спряталась под стол, а весьма активно в ней участвовала. Какое самообладание у бабы!

Через полчаса Дженни сказала:

— Прошу прощения у общества, но мне завтра к восьми утра на работу. Тони, поехали!

Инга Родней (сама!) позвонила Дженни в госпиталь (телефон взяла у хозяйки?) и по-русски, как старой знакомой:

— Дженни? Ну ты вчера дала шороху! Поздравляю! Признаюсь, была бы в хорошей форме, я бы его у тебя отбила. Мэри мне сказала, что ты вице-президент компании? Растет молодежь! Да, ты хочешь записаться на семинар? Нет проблем! С какого дня? Когда решишь, позвони мне домой. И вообще, ребята, заходите ко мне на чаек, всегда буду рада.

Дженни подобострастно заверила, что *они* зайдут, обязательно и непременно.

Естественно, про этот звонок Дженни не могла не рассказать Тони. Пусть профессор знает, что она знает, какой он знаменитый. Его реакция была неожиданной:

— Я скотина и старый болван. Должен бы сообразить, что для тебя заезжать за мной в обеденный перерыв и отвозить в библиотеку — непомерная нагрузка. Отныне встаю вместе с вами, и ты меня высаживаешь по дороге в госпиталь.

Все ее протесты и заверения, что ей лишний раз промчаться по городу, когда нет особого движения, — одно удовольствие, не дали результата. Профессор, по его словам, твердо решил принадлежать к тому младому племени, которое просыпается в шесть утра.

На следующий день встал раньше всех, принял душ, успел

побриться. В машину сел бодрый и веселый. Дженни планировала доставить его хотя бы до Беверли-Хиллз, но они застряли на Лорел-каньоне.

Тони взглянул на часы:

— Ты опаздываешь. Тормози здесь, на углу Голливуд-бульвара.

— Тони, тебе топать полгорода!

— Ничего, через час дотопаю.

— Через час? Это невозможно! Позвони мне сразу из библиотеки.

Тони взял свой атташе-кейс, приветливо помахал рукой.

Ровно через час раздался звонок:

— Прибыл, стою в вестибюле.

В полдень Дженни впрыгнула в «понтиак» и понеслась в библиотеку. Нашла профессора в читальном зале, на его столе толстые фолианты в темно-коричневых переплетах. Тони снял очки, в глазах тревога:

— Что случилось?

— Ничего. Хочу выпить с тобой где-нибудь кофе.

— Дженни, ты с ума сошла!

— Сошла. Ты только сейчас заметил?

Она сразу узнала каменное распятие над воротами, длинный коридор с высоким сводчатым потолком и обрадовалась, как будто попала домой. Инга Родней, молодая, красивая, в полупрозрачном платье с талией, поднятой до груди, бросилась ей навстречу, обняла: «Ты хочешь записаться на семинар? Нет проблем! Мы свободны, Роз, сегодня танцуем до утра». И они танцевали на бульжной мостовой городской площади, меняя кавалеров, и один из них, бесстыжий, прижал ее, навалился и, кажется, получил, чего желал (в темной комнате гостиницы?), но все равно было очень весело, танцы продолжались, пары скользили по паркету в огромном зале с зеркалами и вазами с цветами, а она восседала на тронном кресле, и все подходили к ней, почтительно целовали руку, пока музыканты не заиграли что-то совсем не соответствующее — «Гуд бай, мой мальчик, гуд бай, мой милый» — и Инга Родней (сделавшая три подтяжки) не прошептала со скрытым торжеством в голосе: «Бал кончился, Ваше Величество!..» И страх, животный дикий страх: неизбежное свершится! В опустевшем зале шаги. Она не поднимала головы, видела лишь сапоги и белые в обтяжку военные брюки своего Властелина. И Он сказал: «Ты не можешь иметь детей, мне нужен развод. Это не моя злая воля, так диктуют интересы

Империи». И она плакала и кричала — плакала и кричала про себя, беззвучно — она знала, что внешне изображает на своем лице улыбку, и говорила ласково: «Сир, я родила Евгения и Гортензию, я хочу дать тебе наследника, дело не во мне...» И услышала то, чего больше всего боялась услышать: «Не спрашивай меня, как и почему, но я убедился, что могу иметь детей». И она поняла: все ее обманы и уловки напрасны, она перешла в тот возраст, когда надо просто смириться... «Мой Властелин и Повелитель, все будет так, как ты прикажешь», — и, чувствуя, что уже никого около нее нет, она повалилась на квадратную кровать под балдахином и запричитала навзрыд. Она знала, что эта кровать под балдахином — последнее ее прибежище в последней обители.

Дженни проснулась с мокрыми щеками. Сон улетучивался. Ей удалось схватить что-то за хвостик. Еще минуту назад она ясно различала картины на стенах своей последней обители, теперь все смешалось. Конечно, могут пригрезнуться любые кошмары. Но ее поражало то глубокое отчаяние, которое она испытала, отчаяние отвергнутой, покинутой женщины, вышедшей в тираж. Запомнилось: не Тони ее обидчик (Тони мирно посапывал на боку), им станет кто-то другой, после Тони.

Дверь приоткрылась. Появилась Эля. День закрутился.

Центробежная сила дневного круговорота на скорости, запрещенной в Городе Ангелов, выбросила ее в лабораторию Хоффера, и за час (большим временем она не располагала) Дженни должна была вбить в седую голову упрямого доктора следующее: лаборатория переезжает в новый район. Да, там рядом два госпиталя, но именно туда люди приходят лечиться, поэтому клиентура не уменьшится, а увеличится. В любезном вам квартале, к которому вы так привыкли, уважаемый доктор Хоффер, ныне бродят лишь наркоманы, отпугивающие приличную публику. У наркоты нет социального страхования, и проблемы собственного здоровья их не заботят. Прежняя клиентура потянется за вами, если это действительно стоящая клиентура. Лаборатория должна сверкать, быть идеально чистым помещением. Тогда повышение тарифов, которое компенсирует новые затраты, никого не удивит. В антисанитарной обстановке у людей вообще не возникает охоты раскошелиться. Неужели вы не чувствуете столетний, застарелый запах мочи?

Вбивать свои идеи приходилось ударами молота. Доктор Хоффер покорно втягивал голову в плечи. «Кто-то красиво страдал, правя бал в паркетном зале, — со злостью подумала Джен-

ни. — Посмотрела бы я на сию особу, окажись она не на мягкой кровати с балдахином, а в этой зловонной преисподней!»

Далее надо избавиться от балласта. Увольняем миссис Гарибьян, Джекобсон, Ленард. Сами знаете, они работают плохо, лениво, ошибаются, им не хватает квалификации. Я нашла молодую энергичную лаборантку, она заменит троих. А вы найдете соответствующие слова утешения. Я вам сильно облегчила жизнь: в роли кровожадного серого волка выступаете не вы, а я, точнее — результаты независимой финансовой экспертизы. Человеческий фактор? О'кей, открывайте богадельню, я умываю руки. Догадываетесь, почему мистер В Угол, На Нос, На Предмет сбросил мне вашу лабораторию со своего барского плеча? Если все пустить на самотек, то через полгода лавочка закроется, и весь ваш персонал, двенадцать человек, останутся на улице. Вот арендный договор, подписывайте. Вы же шеф предприятия.

Доктор Хоффер надел на свой фирменный нос очки и стал им водить по страницам. «Астигматизм, — определила Дженни, — доктор тоже выходит в тираж, пора и ему на пенсию. Никому не жалко людей, которые уже не могут. И ведь меня никто не пожалел ночью, вернее, не меня, а ту, что мне приснилась. Какое я имею к ней отношение? Бред собачий...»

Что он там вычитывает? Прекрасно знает, что не исправит ни буквы... Как надоела ей эта игра! Респектабельные стариканы произносят пышные фразы о человеческом факторе и снимают с себя ответственность. За все отвечает Дженни! На аренду, переезд, новое оборудование нужны деньги. Дженни их перевела со счетов своего госпиталя. Разумеется, предупредил Хозяина. Мистер Якимура сладко улыбнулся: «Я тебе полностью доверяю». Что означает: «Если получим прибыль, я тебе продекламирую стихи про Хирохиту с Уолл-стрита; если затраты не окупятся — выгоню в шею!» То есть в принципе рискует только Дженни.

Доктор Хоффер шмыгнул фирменной трубкой и поставил закорючку.

Дженни вспомнила, как в первую их встречу доктор долго хорохорился, как поблескивали надменно его очки. А сегодня он более покладист. А в чем разгадка? Дело в том, что теперь Дженни ему выписывает чеки. Как просто все объясняется в этом лучшем из миров...

— А в обед я ездила в лабораторию и отчитала доктора Хоффера, как мальчишку. Иногда я себя спрашиваю: зачем взялась разгребать авгиеву конюшню? Умный очкастый доктор и ни

хрена не соображает в элементарных вещах! Хоть вешайся с отчаяния.

И подумала: это совсем не то отчаяние, которое я пережила ночью. И решила: не надо рассказывать Тони про сон. Остороженько проверим...

— Профессор, на минуту вернемся к твоей Жозефинке. В монастыре Кармелиток у нее не было подружки?

— С чего-то ты вдруг? — улыбнулся Тони.

— Любопытство бабье.

— Была. Еще похуже вертихвостка, чем виконтесса Богарне. Терезия, которую называли Богоматерь Термидора. Любовница Гальена. Спасая ее, он форсировал термидорианский переворот. Устраивала знаменитые балы жертв гильотины. Сплошной разврат. Кстати, потом стала придворной дамой.

— А что конкретно послужило причиной развода Наполеона и Жозефины?

— Долгая история.

— А ты покороче.

— Наспех сколоченная Империя нуждалась в законном наследнике. Жозефина по возрасту уже не могла иметь детей. Развод был неотвратим. Как ни странно, больше всех (кроме Жозефины, которой это представлялось концом света) противился Император. Он был мнителен и суверен, держался за Жозефину, как за волшебный талисман. А та водила его за нос: дескать, у тебя что-то не в порядке. Несколько дам объявили, что у них ребенок от Императора, однако Наполеона было трудно в этом убедить. А когда родила графиня Валевская, ей он поверил — точно, его сын. Молодая полька его любила беззаветно.

— И он променял ее на австриячку...

— Высшая дипломатия. Требовалась особа королевских кровей.

— Брр... Ну и семейка. Спасибо, профессор. Благодаря тебе подымаю свой культурный уровень. На халяву.

Нет, Дженни его не идеализировала. Например, у ее профессора была отвратительная черта характера: он абсолютно не замечал, во что она одета. Пожалуй, его устроило, если бы она с утра до вечера ходила в синем махровом халате.

Дженни подбирала свой гардероб с особым тщанием. Во-первых, как и все служивые американки, она должна была каждый день менять туалеты, учитывая, что не имеет права появляться в конторе с голыми ногами — обязательно в чулках, колготках или брюках. Это приносило дополнительные сложности, ведь исклю-

чался вариант легкого облегающего платья. Во-вторых, одежда для женщины — оружие. Оружие бывает обоюдоострым. С трудом натянув узкую юбку и встав на шпильки (чтоб выглядеть секс-бомбой), женщина страдает от каждого шага, как святой Иорген в испанском сапоге. Никаких инквизиторских пыток Дженни себе не придумывала. Она покупала только в дорогих магазинчиках, руководствуясь правилом: сначала удобство, потом мода. В принципе в любом своем наряде она могла пробежать восемьдесят метров — правда, без барьеров. Она ощупывала материю, и если прикосновение к ней доставляло удовольствие — примеряла. Поэтому ее вещи давали определенный настрой на рабочий день или развлекательный вечер, она их называла по именам: Арлекин, Дюймовочка, Недотрога, Мишка Косолапый (брючный костюм для визитов в налоговое управление и прочие проверяющие финансовые инстанции), Змея Подколотная, Мужчинам некогда, Вырви глаз (для Кэтти), Броненосец Потемкин, Леопард, Одуванчик, Сейф, Вальпургиева ночь, Белоснежка, Смерть мужикам — эта комбинация из черного свитера, кожаной юбки в обтяжку (длиной двадцать пять сантиметров) и черных узорчатых колготок сразила Роберта наповал...

Увы, теперь ее верные друзья-приятели скучали на вешалках за зеркальной дверью стенного шкафа. Конечно, Дженни их надевала, но без прежнего энтузиазма. Что толку стараться, когда Тони их в упор не видит? Однажды дома за ужином Дженни вырядилась в Красного Разбойника (не платье, не костюм — шелковый динамит, кое-что прикрывающий), и профессор изволил обратить внимание:

— Ты куда-нибудь в *этом* ходила?

— Пока нет. Придумай адрес — пойдем.

— «Шумит ночной Марсель в притоне «Трех бродяг», там пьют матросы эль, а девушки с мужчинами жуют табак».

— Шикарное заведение...

— Разве что туда и при условии: у меня в руках автомат Калашникова. Иначе придется наблюдать, как тебя хором насылуют на столе.

Дженни заперлась в ванной и вышла в махровом халате.

Иногда, забывшись, она спрашивала:

— Тони, в чем я тебе нравлюсь? В брюках?

— В брюках.

— В короткой юбке?

— В короткой.

— В длинном платье?

— В длинном.

ТЬфу! Как жить с таким человеком? Хоть вешайся.

Зато ее зоркий глаз замечал все.

Собралась после работы в женский клуб («Only woman»). Еженедельное мероприятие для поддержания формы. На этот раз взяла с собой Элю, Эля — трехколесный велосипед. Тони сказал, что он их проводит, ибо под горку на Вентуру Эля доедет, а обратно в гору надо будет кого-то волочить — девочку или велосипед. Поднялся за чем-то в кабинет, спустился, и Дженни засекала, что левый бок его пиджака чуть оттопыривается.

Дженни предпочитала не сразу выходить на Вентуру, а следовать по параллельным улицам, тихим, спокойным, где не чувствовалось бензиновой гари. Эля рулила впереди, и темная улица вдруг вспыхивала яркими фонарями — когда Эля пересекала пространство перед домом, на котором было установлено световое автореле, — Эля любила такие эффекты. Вечером явственнее проступал запах цветов, деревьев, травы — зелени Южной Калифорнии, ради чего Дженни и выбрала этот район. Она скучала по запахам. В госпитале или на больших магистралях разве их услышишь? И в темноте можно было прижиматься к Тони, интимная игра телодвижений, справа, слева... Нет, почему-то сегодня он упорно вел ее по правому борту.

По сравнению с глухими боковушками, Вентура-бульвар сиял иллюминацией. Расстались во дворе «Only woman». Эля отправилась в специальную детскую комнату, а Тони — совершать традиционный переход Суворова через Альпы, причем договорились, что он их не ждет, возвращается раньше домой, ведь Дженни не знала, сколько времени ей взбредет в голову трепыхаться на снарядах.

Кое-что ей в голову взбрело. Тони сидел в вестибюле.

— Why?

— Я нагулялся вдоволь, но около клуба слоняется какой-то подозрительный тип.

— Подозрительного типа зовут Родригес. Он охранник.

На обратном пути, к удивлению Эли, велосипед норовил ехать назад. Девочка быстро устала, закапризничала. Тони потащил ее на буксире. В бурлацких забавах Дженни не участвовала. Зря Тони балует девочку, так она никогда не научится рассчитывать на свои силы.

Прибыли домой. Дженни сразу захихнула Элю в ванну и неслышными шагами по лестнице — в кабинет, куда только что поднялся Тони. Он стоял к ней спиной. Обернулся. С профессорской невозмутимостью начал перелистывать какую-то книгу. Дженни испепеляла его взглядом, как Юпитер грешников, однако профессор продолжал изображать из себя ангела.

— Тони, это опасно?

— О чем ты?

На профессорском челе детская невинность, непорочное зачатие.

— Это опасно? То, что ты копаешь?

— А-а, понял... Абсолютно нет. Персональный интерес к архивному делу.

— Дай! — Дженни протянула ладонь. — Не заставляй меня расстегивать твой пиджак.

На ее ладонь лег вороненый пистолет, миниатюрный, но вполне тяжеловесный.

— Осторожно. Он на предохранителе. Лучше его не трогать.

— Ты часто с ним ходишь?

— Крайне редко. Вообще-то у меня есть разрешение. Имею право носить его с собой. Один я ничего не боюсь. Сегодня, зная, какой ты выберешь маршрут, я подумал, что с вами, да в темноте... Наткнемся еще на какое-нибудь хулиганье...

Тонем, не допускающим возражений, Дженни прочла ему лекцию. Хулиганье в ее кварталах не водится. Если забредут гастролеры — спокойнее отдать кошелек. Если бандиты вооружены и ты затеешь перестрелку, то первыми мишенями окажутся она и Эля. Если бандиты безоружны, а ты кого-то ранишь на улице — загремишь в тюрьму. Вот если бандиты ломятся в квартиру, то тогда, согласно закону графства Лос-Анджелес... Понятно, профессор?

Она спрятала пистолет на дно его чемодана под кучу грязного белья (белье надо постирать!), застегнула «молнии» и ремни. Закрыла тему.

— В этом пакете сто двадцать тысяч долларов. В основном — чеки и «мани-ордера». Надо захватить в банк.

Никакого впечатления.

— Тони, ты держал когда-нибудь в руках такую сумму?

Он помедлил с ответом.

— Не было надобности.

В подземном гараже знакомый охранник подсказал, где найти свободное место. Тони следовал за ней как тень.

В зале к ним подошел управляющий. Поговорили о погоде.

— Как поживаете, миссис Галлей? — осведомилась кассирша, прежде чем начать обычную процедуру инкассации.

— Тебя тут все знают, — заметил Тони.

— У госпиталя солидный счет. Я респектабельный клиент.

Кассирша попросила кое-что уточнить. Дженни уточнила.

Дальше нужно было просто ждать у окошка, пока кассирша не закончит операцию. Кассирша пересчитывала толстую пачку столлларовых банкнот. На всех людей сам вид больших денег действует завораживающе. Кэтти, например, балдела, когда Дженни брала ее с собой в банк. Помнится, с Робретом они провели целый вечер, раскладывая пятьдесят тысяч долларов в разных купюрах — острое, захватывающее удовольствие для них обоих и, кажется, гораздо сильнее того, что они получили потом в постели...

Тони откровенно томился, как застоявшийся конь, разве что не бил копытами. Презрение к противному металлу? Второй Джек?

— Тони, почему «не было надобности»?

— Деньги ведь казенные.

Ах, вот что! Пожалуй, честный ответ. А она думала — профессорское чистоплюйство...

— Тогда скажи, ты не хотел бы сменить профессию? Чтоб грести деньги лопатой? Я очень люблю их тратить. Вопрос теоретический.

— Честно?

— Положа руку на Библию. Понимаю, странное требование от правоверной иудейки. Хорошо, на Библию, на Коран, на Талмуд. Я не знаю, какому Богу ты молишься. Клянись хоть статуей Будды.

— Клянусь. Я мечтаю быть твоим телохранителем. Настоящим телохранителем. Запирать тебя в хрустальный шкаф, естественно, с удобствами — ванна, биде, холодильник, компьютер, телефон, — извлекать по надобности и опять в шкаф на замок, чтоб никто не мог до тебя дотронуться.

— И заковать меня в пояс целомудрия, как в средние века, — рассмеялась Дженни. — Ты неисправим. У тебя одно на уме.

Все постепенно входило в свою колею. Вплоть до того, что уже неделю Тони не вставал как ранняя пташка, а вольготно отсыпался. За ним приезжали к полудню, привозили вечером. Кто? Разумеется, бабы, юные поклонницы, закадрил в библиотеке. Им по пути. Ну, на провокации мы не поддаемся. Если рассчитывает вызвать у нас некоторую ревность, мол, не совсем под пятой, появились конкурентки, то не на тех нарвался. Мы гордые, больше вопросов не задаем. К тому же Дженни всегда беспокоилась, наблюдая через боковое зеркало «понтака» фигуру профессора, бодро уходящего, утопывающего по Голливуд-бульвару. Хотя, спрашивается, чего волноваться? В восемь

утра преступный мир Города Ангелов отдыхает от трудов праведных.

Но откуда у нас шпионские наклонности? «Стыдно подсматривать, подслушивать, проверять», — повторяла себе Дженни, припарковав «тойоту» на другой стороне Диккенс-стрит, в ста метрах от дома. «Тойоту» одолжила у Ричарда из административного отдела, сказала, что ее «понтиак» не заводится, а надо срочно. В театральные очки (привет из Риги!) Дженни хорошо видела свою дверь, лестницу... В одиннадцать сорок пять в дверях возник Тони, с атташе-кейсом и мусорным мешком. Мусор отнес к зеленому ящику, вернулся к лестнице. Минут через пять стал прохаживаться взад-вперед. А если приблизится? Выйду навстречу как ни в чем не бывало, объясню, что забыла дома важные бумаги, чего-нибудь наплету.

Черный «рейндж-ровер» притормозил у тротуара. Из него вывалилась юная красотка — усатый амбал в коричневой куртке. Амбал поприветствовал Тони за руку и распахнул дверцу кабины. «Рейндж-ровер» с визгом развернулся, укатил. Американские интеллектуалы выглядят по-разному. Совсем не обязательно худые очкарики, и все-таки морда амбала напомнила Дженни что-то родное, российское... Может, издалека показалось?

Дженни подождала минуты три — и бегом к дому. Вихрем в кабинет. Открыла чемодан. Под стопкой белья (чистого) вороненый пистолет. А это что? На листе бумаги крупными буквами: «Девочка, я свое обещание держу. Умоляю, не трогай игрушку, она заряжена».

Дженни догадывалась, какого цвета ее щеки. Впрочем, выяснять отношения она не будет. Дженни аккуратно уложила все обратно, застегнула «молнии» и ремни. Никто не читал никакой записки. А болтуны — находка для шпиона.

Вот это было именно то, что доктор прописал, скрупулезно соответствовало рецепту.

Нормальный американский прием в нормальном американском доме. А la fourchette. Бумажные тарелки, пластмассовые ножи и вилки. Но бокалы с золотыми ободками дорогого стекла. И на мельхиоровых старинных блюдах и посудинах китайского фарфора искрилась, переливалась яркими цветами, как на европейских натюрмортах, холодная и горячая закуска из фирменного ресторана — не в супермаркете купленная. Ракетные установки («катюши») всевозможных напитков: шотландское виски, французский коньяк, финская водка, вина итальянские

и бургундские, шампанское «Вдова Клико», минеральная вода «Перье». Кока-кола, извините, местного разлива...

Коктейль гостей, взбитые сливки (ну не сливки Города Ангелов, но добротного качества — такими в медицинских и компьютерных конторах не отоваривают), круговорот, вращение, волчком от группы к группе, от пучка редиски к одиноким морковкам, застывшим с бокалом в руке, оброненная фраза, подхваченное слово, диалог в стиле пинг-понга (острее дашь — острее получишь!), лавирование среди магнитных полей (кожей ощущаешь, кто притягивает, кто отталкивает), взгляд, намек, недомолвка, легкое касание, минутный флирт, очередной обход завоеванных позиций (этот на нее глаз положил, а у того явно стоит — фу, грубо...) — и немного кружится голова. В юности это называлось «брызги шампанского».

— Да, мне тоже не нравится, когда гостей усаживают за стол. Тупо ждешь кусок курицы и чувствуешь себя клавишей рояля. Игра по нотам. Наступает твой черед, и ты должна, чтоб не испортить гамму, пропеть свое «ля», то есть сказать что-нибудь умное.

Кажется, неплохо симпровизировала. Неопознанный Объектотреагировал потоком альфа- и бета-частиц (сексуальных? светских?) и с любезной улыбкой произнес:

— Может, вы с профессором Сан-Джайстом посетите мое ателье? У меня любопытнейшая коллекция фотографий. Смеею надеяться, что они пополнятся еще двумя: вашей и профессора.

Протянул визитную карточку.

Волна прилива (отлива) мягко, но цепко уволокла Дженни в другой угол гостиной. Пряча карточку в сумку, машинально взглянула на адрес и фамилию. А-ап! Невероятно! Тот самый, у которого снимается весь Голливуд! Расскажу завтра Кэтти — не поверит. Или сдохнет с досады. Ей-богу, Дженни не виновата, да, видимо, у Кэтти на роду написано: умереть от черной тоски и зависти.

И опять скольжение по кругу. По кругу, в который ее ввел Тони. Чем-то напоминало московские походы с З. А. Но З. А. сразу оказывался в центре внимания, и потом обычно они попадали в разношерстные компании, где можно было нарваться на откровенную лезть и еле прикрытую грубость — от ревности или комплекса неполноценности. Здесь же все равны, один круг, поэтому никакой напряженки, первомайская демонстрация радущия, делать нечего. И если к профессору проявляли чуть больше интереса, то только из-за его оперения заморской птицы. И Дженни знала, что ранее Неопознанный Объект профонтировал альфа-бета-частицами благодаря ее собственному

шарму и обаянию, лавры профессора тут были ни при чем. Она вошла в круг. Точка. В этом кругу она самая молодая (так получилось) и (позвольте набраться наглости) самая красивая. Леди и джентльмены (джентльмены преимущественно), протрите глаза!

В машине Тони заметил:

— Ты хорошо смотрелась.

— А ты смотрел лишь на меня. И много потерял. Там были милые дамы.

— Я кадрил направо и налево.

— Рассказывай сказки. У меня отлично развито боковое зрение.

Как и предполагала, ее сообщение о приглашении к фотографу Тони пропустил мимо ушей. Беда с Тони, он начинает ей действовать на нервы! Неужели не понимает важность таких знакомств? Чтоб скрыть раздражение, перевела разговор на другую тему:

— Ты давно знаешь этого миллионера?

— Какого?

— Не прикидывайся дурачком. Хозяина дома. Твой приятель. Процветающий тип...

— Джордж? — Тони помолчал, — Когда-то у него были трудные времена, он приехал в Париж, и я устроил его к себе на кафедру. По возвращении в Америку европейская репутация ему здорово помогла.

Тони сказал явно половину того, что хотел. Как кассету магнитофона, предназначенную только ей, Дженни прокрутила ход его мыслей, восстановила пропущенные фразы. Пора было бы догадаться, что у профессора тоже комплексы. И какие...

И тут появилась Зина.

Собственно говоря, Зина появилась тогда, когда у Дженни зашаталась семейная жизнь, когда стало ясно, что рассыпается теремок с Джеком, когда Дженни вынуждена была выйти на тропу войны и приключений. Война требует тыла, то есть верной подружки, которой можно сообщать, что муж лицемер и негодяй, а Роберт — шикарный парень (потом — тоже подлец) и т. д. и т. п., и встречать полное сочувствие и понимание. Своего рода сеанс у психоаналитика, не носить же все в себе? Обратная сторона медали та, что со временем тебя нагружают по макушку чужими секретами, большими и маленькими, для подружки ты превращаешься в несгораемый сейф ее конфиденциальной информации, однако чужие тайны не тянут, более того, иногда

даже веселят. Искать приключений тоже сподручнее вдвоем, особенно если компаньонка послушно следует за тобой в фарватере. Дженни не видела в Зине соперницу, хотя Зина прошла жесткую жизненную школу (не везунок, как Дженни) и, в отличие от Дженни, глупостей не делала. Зина была старше, Зина не казалась такой эффектной, но умело использовала свои приемы кадрежки. Один из ее методов: произвести впечатление, дескать, дам сразу, где и когда угодно. И Дженни удивляло, что почти каждый раз этот прием срабатывал: умные опытные мужики глотали наживку, а Зина ловко затягивала сеть.

Позже Дженни поняла, что появление Зины диктовалось сюжетом: без отрицательного персонажа сказок не бывает. И по законам жанра злодейка возникла в детский праздник.

День рождения Эли праздновался сначала в детском саду, где Дженни исполняла роль Затейника, Деда Мороза и Доброй Феи (все дети в Элиной группе получили подарки), а потом Дженни решила его повторить, но уже для взрослых. Пригласили Галю с Матвеем Абрамовичем, Цилю с Виктором Ивановичем, Линду с Флемом, Клаву с Михаил Израилевичем, Лену с Игорем Соломоновичем — то есть всех своих бэби-ситтеров с мужьями, людей, которые не только ей помогали, но и искренне любили Элю. Для родных соотечественников сняла зал в русском ресторанчике. И нельзя было не пригласить Кэтти и других сотрудниц из отдела (обидятся!), Ларису (давно не виделась), а уж Зина сама собой подразумевалась. Словом, народу набежало.

Марк Захарыч — бывший солист Харьковской консерватории, ныне совладелец ресторана — пел с эстрады репертуар военных лет («На позиции девушка провожала бойца», «Синенький скромный платочек»), ветераны утирали слезы, американцы наслаждались русской экзотикой, а профессор Сан-Джайст с изумлением взирал, как отставные офицеры советских войск хлещут водку с двенадцати дня (забыл, забыл, дорогуша, нравы Страны победившего социализма).

Да, все, кто мог, привели с собой внуков. Эля не скучала. Первой шла плясать, когда Марк Захарыч играл на скрипочке.

После киевских котлет и карского шашлыка Марк Захарыч сменил пластинку. Зазвучала Алла Пугачева и Таня Буланова. Шлягер «Скажи мне правду, атаман, зачем тебе моя любовь?» заставил старшее поколение отбросить вилки и ножи. Публика бацала диковинный фокстрот.

Естественно, что Дженни, королева бала, была нарасхват. Ее партнеры — Матвей Абрамович, Виктор Иванович, Флем, Игорь Соломонович — демонстрировали неувядающий класс.

...Боковым зрением отметила, как Зина проскользнула к Тони и увела его на танец. Что ж, нормально. Правда, слишком к нему прижимается. Ладно, сегодня праздник, все дозволено.

Бессмертное аргентинское танго двадцатых годов. Та-ра-та-та, та-та-та. Дженни вел Стенли, хахаль Кэтти. Вел очень плотно. Та-ра-та-та, та-та-та. Южноамериканский темперамент. Там-та-ра-та-та-та — намекала мелодия. Дженни почувствовала, что Стенли в боевой готовности. Зинка, паскуда, просто прилипла к профессору. Пары сблизилась, и Дженни услышала:

Тони:

— У вас довольно редкое для России имя.

Зина:

— Потому что аристократическое. Помните в «Даре» у Набокова: «Ты полуженщина, ты полумнемозина, полумерцанье в имени твоём». И в этих стихах спрятано имя героини. Полумнемозина, полумерцанье — Зина Мерц! А еще...

Там, та-ра-та-та, та-та, та! — зарыдали струнные бурных двадцатых годов, заглушив еще одно литературоведческое откровение Зины. Стенли буквально оторвал Дженни от пола, прогнулся, выставил ногу и прокрутил Дженни так, что...

— Совесть надо иметь, Стенли, — сказала Дженни, обретая равновесие. Отпихнула партнера и скрылась в женской комнате.

«С такой рожей только пугать детей, — думала Дженни, глядя на себя в зеркало. — Сдохнуть можно! Зинка, блядища, чье литературное образование остановилось на «Приключении Буратино», козыряет Набоковым!»

Было огромное желание тут же разоблачить мерзавку, спросив во всеуслышание: «Зинуля, где происходит действие «Дара»? В Америке?» Однако пикантность ситуации заключалась в том, что когда-то в интимной беседе Дженни призналась подружке в постыдном проколе времен своей юности. Рижский поэт, волочившийся за Дженни, процитировал ей эти строчки. Дженни тогда еще Набокова не читала, в Союзе его книги были большой редкостью. Дженни легкомысленно повторила понравившуюся цитату ленинградскому художнику, а тот, не моргнув, осведомился: «Это при их первой встрече в Нью-Йорке?» Дженни поплыла...

Какая память у холеры! И ведь знает, что ничем не рискует, что я не буду выводить ее на чистую воду. Но раз Зинка применила такую домашнюю заготовку, значит, намерения серьезные. Грабеж среди бела дня! Вот и доверяй подружкам...

Дженни решила не портить торжества, не устраивать сцены. А вечером предупредить Тони: отобью все твои мужские причиндалы, если когда-нибудь увижу тебя в Зинкином обществе!

Повесила на лицо улыбку, поправила, чтобы не качалась, и вышла в ресторанный зал.

А потом гости окружили раскрасневшуюся Элю и хором исполнили: «Хэппи берсдей ту ю».

Эля была очень довольна. Праздник удался на славу.

Делая очередное «сальто-мортале» по городу, Дженни увидела на траверзе пиццерию «Неаполитано», где они с Тони пили кофе, когда она заехала днем к нему в библиотеку. По идее, Тони должен сидеть в читальном зале. Пиццерия, если пешком, достаточно далеко. Впрочем, для Тони это не расстояние.

Повинуясь внезапно проснувшемуся охотничьему инстинкту, Дженни заложила крутой вираж (прибавив пару пациентов кардиологам) и спикировала на свободное место перед «Неаполитано». Опустила квотер в счетчик, хотя задерживаться в мафиозном заведении не собиралась.

Застукала. Беглого взгляда хватило, чтоб определить: на воркующих голубков не похожи. Однако вопрос принципа, уговор дороже денег.

Протянула профессору ключи.

— Тони, в машину!

— Мне надо расплатиться.

— Я расплачусь.

Крайне невежливо. Пусть. А теперь посмотрим в глаза подколодной, послушаем, что она наплетет. Подружка называется. Назначает тайные свидания.

Они просидели молча несколько минут, и Дженни поняла, что Зинке ее громы и молнии — как слону дробинка. Было ясно, что профессор ей дал от ворот поворот и отныне ей все равно, семь бед — один ответ. Дженни даже пожалела подружку. За чем подставилась и порвала отношения с Дженни? Глупо. Все-таки их столько связывало...

— Обидно, — сказала Зина, поднимая сухие глаза, — обидно за Сан-Джайста. Ты его бросишь, Дженни. Уж я-то тебя знаю лучше, чем кто-нибудь. Ты его бросишь. И тогда я ему не завидую.

И вышла на улицу, не обернувшись.

Без всяких разговоров профессора отправила наверх, в кабинет. В бессрочную ссылку. «Ужинаешь сам и будь добр помыть за собой посуду». Слава богу, бессонницей не страдала. Засыпая, подумала: «Если поскребется в дверь, набью морду!»

Утром на столе ни крошки, кухня в идеальном порядке. Профессор приветлив. Поехал с ними, сошел, как обычно, на Голливуд-бульваре, поцеловал Элю, потопал в библиотеку.

На третью ночь Дженни ждала. Не скребся. И вообще вел себя так, будто не он, а она в чем-то провинилась.

В пятницу предупредил, что домой его привезут поздно. Кто? Возможность встречи с аристократической Зинаидой Дженни исключала.

Сквозь сон услышала, как хлопнула входная дверь. Полежала полчаса. Облачилась в халат. В общем-то наказание несоизмеримо проступку. Небось плачет и рыдает. Если начнет подлизываться... Посмотрим.

«Сидит милый на крыльце с выраженьем на лице». Милый явно много выпил, что не мешало ему и закусывать. А главное, выражение на лице говорило: Тони погрузился в какие-то свои проблемы, он сейчас далеко-далеко, где кочуют туманы, где нет места ни ей, ни тем более другим бабам. Он ответил ей вымученной улыбкой, Дженни махнула ему ручкой. Бай! И тихо закрыла за собой дверь в спальню.

Опыт подсказывал, что нельзя такую ситуацию пускать на самотек. Самолюбие на самолюбие, камень на камень, кирпич на кирпич, умер наш Ленин Владимир Ильич. И не успеют оглянуться, как между ними вырастет Берлинская стена отчуждения, которую потом и отбойным молотком не пробьешь. Пора было выяснять отношения. Ладно, не будем гордыми, возьмем инициативу на себя. В конце концов, или у них любовь, или пусть сматывается к своим проблемам, к Зинке, к ядрене фене. Ее дом — не общежитие.

Обустроила уик-энд. Уломала Джека, чтоб взял Элю на ночь. Нежный папаша пылал к Дженни лютой ненавистью. Мало того, что день рождения дочери справляли без него, так во главе стола в ресторане сидел твой ебарь! (Еще одно оскорбленное самолюбие! У всех проблемы, только у Дженни безоблачное существование, порхает в небесах!) Пришлось поунижаться, пропустить мимо ушей матерный речитатив в адрес Тони.

— Эля всем говорила, что лучший подарок, железную дорогу, получила от папы.

Джек хмыкнул и смилоствивился.

Короче, вывезла профессора за город. Прогулка по лесу. Сосновый воздух, птички щебечут, солнце прорезается сквозь серую дымку, которую непонятно откуда нанесло на Калифор-

нию. Тропинка уводит подальше от автомобильных стоянок, от крика и плача детей, запаха шашлыков и жареных сосисок, от музыки транзисторов — в глушь, в первобытную природу. То, что доктор прописал.

Герр профессор начал оттаивать.

Свидание с Зиной было чисто по делу. Неужели? Выяснилось, что она знакома с человеком, который его интересует. А больше ничего не выяснилось, она за... тебя не хватала? Дженни, она достойная женщина, немного романтическая, по-своему несчастная. А ты всеобщий утешитель, огнетушитель?

— Дженни, в любом случае не надо было Зине хамить.

— «Я футболистка, в футбол играю, свои ворота я защищаю». Песенка эпохи нэпа. Знает ли профессор историю про советский нэп?

— Знаю. Но ты выступала с позиции силы. Лежачих не бьют. До чего же зануда ее профессор!

Они вышли на поляну с незатоптанной лесной травой, где должны были расти земляника Бергмана, Аленький цветочек, русские незабудки и ландыши, колокольчики и ромашки (если бы они водились в этом климате), в сказочный райский уголок, где речей не произносят и отношений не выясняют, а просто занимаются любовью, ну, хотя бы за теми кустами... Хулиганская идея? Как к ней отнесется резонер профессор? Ведь они неделю постились... «Поцелуй меня, ты мне нравишься, поцелуй меня, не отравишься», — промурлыкала Дженни и инстинктивно кинула взгляд в сторону — нет ли свидетелей?

Свидетели были. В трех шагах. Пятеро парней в голубых нейлоновых куртках, с белыми майками, выпущенными на брюки — представители угнетенного меньшинства, замученные вэлфером, фудстепами и наркотиками. Можно было обсудить модную во всем мире проблему расовой дискриминации (у всех проблемы!), но свидетели определенно желали беседовать на другую тему, ибо один держал пистолет и двое угрожающе подняли бейсбольные биты.

Как они появились? Выслеживали? Или это их застава богатырская, ловушка-сачок для беспечных бабочек-парочек? Вопросы, на которые ответит полиция, если доживем!

— Привет, ребята, погода прекрасная! — натренированно улыбнулась Дженни.

Как и все граждане Города Ангелов, она знала, что когда-нибудь попадет в подобный переплет, просчитала заранее ходы. Непременно надо начать разговор. Спокойно. Отдать сумочку, часы, кольцо. Чтобы обошлось без насилия. Джентльменское

соглашение. Обычно срабатывает. Вот если ребята решили подразвлечься...

Судя по всему, ласковые крошки (двое с битами — футов по шесть ростом) еще ничего не решили. Коренастый вожак с пистолетом не спускал глаз с Тони.

— Эй ты, старая жопа, убери свои грабли из карманов! Вот так. Будешь дергаться, я продырявлю тебя и твою проститутку!

Он проверил, вооружен ли Тони.

Пистолет профессора лежал на дне чемодана. Легко было догадаться, что Тони ей скажет по этому поводу, если у него еще будет возможность высказаться.

— Что ты на меня так смотришь, мудила? — коренастый вожак по-прежнему обращался только к Тони. — Ну, смотри, смотри. Сейчас твоя баба обслужит всю хевру. Она понятливая, ей не привыкать. Пикнешь — изувечим!

Вот оно как! Походная школа полового воспитания. Наглядная передача опыта подрастающему поколению. Фланговые группы, пацаны-акселераты, демонстративно спускали «молнии» на брюках.

И тем не менее надо было продолжать разговор. Но Дженни испугалась. Испугалась непредсказуемой реакции Тони. Если попробует драться — забьют насмерть.

Вожак нахмурился, вскинул пистолет. И вдруг на его лице появилась глуповатая, торжествующая ухмылка. Дженни услышала сзади топот ног, срывающийся, затравленный голос Тони:

— Не отдам деньги! Не отдам деньги!

Она оглянулась и не поверила своим глазам. Профессор Сан-Джайст улепетывал по тропинке за поворот, к лесной чаще.

За профессором неторопливой рысцой проследовали бейсболисты. Вожак даже не счел нужным тратить патроны. Как бы быстро ни бежал Тони, его догонят и пустят в дело биты.

Конечно, Тони пытался ее спасти. Отвлечь внимание (дескать, у него деньги!), пожертвовав собой.

Дженни заметила, что клоунада Тони произвела впечатление и несколько смягчила обстановку. Подростки хихикали, правда, брюки не застегивали. Во взгляде мрачного вожака проступила... нет, не надежда на отмену решения, а, скажем так, тень сочувствия.

— Ну, женщина, — процедил он сквозь зубы, поигрывая пистолетом. — Я много чего видел и в тюрьге, и в кино. Но такого...

Солнце, продавив облачную дымку, зажгло верхушки деревьев.

Больше никогда ей не снилась комната с высокими сводчатыми потолками, длинный коридор, каменное распятие над воротами, дамы в прозрачных платьях, мужчины в мундирах, пролетки, громыхающие по парижской булыжной мостовой — все исчезло, растворилось без следа. Но порой во сне ее охватывал ужас при первых контурах земляничной поляны со светлыми кронами деревьев, и неотвратно надвигалась пятерка шоколадных ребят, пятерка, похожая на букву «М» (двое бейсболистов возвышались по обе стороны коренастого жоака), и презрительный взгляд жоака, как ни странно, сулил спасение, — парень волевой, с характером, с ним можно было договориться — и тут взмыленная лошадь, такая страшная и огромная вблизи, вздымалась на дыбы, и голова с перекошенным лицом и еще живыми глазами, катилась по траве, оставляя красную мокрую полосу.

Часть вторая

І. ПРОФЕССОР САН-ДЖАЙСТ

Какой-нибудь мелочи да не предусмотрешь. Например, неудобно часами просиживать в кафе, когда у тебя под пиджаком за поясом заткнут пистолет. А ведь, казалось, рассчитал все до деталей, вплоть до вынужденной — подчеркиваю, вынужденной — перестрелки, чтоб ненароком не задеть какого-нибудь занудливого типа, который сначала предпочтет доест свой салат, а уж потом нырнуть под столик. Мне возражат: такого не бывает. При первом же хлопке местный народ, воспитанный на гангстерских фильмах, сползает на пол. Однако многолетний опыт, вековой опыт спецслужб учит: в жизни все бывает. Я обладал этим опытом, но не имел элементарных навыков рядового оперативника. Пистолет мне мешал.

Шахматную партию в мавзолеем кафе на Вилшер-бульваре я разыграл ходов на двадцать вперед. В принципе я желал всего лишь побеседовать с глазу на глаз с мистером Кабаном. Разумеется, мистер Кабан такого желания не испытывал, но у меня был веский аргумент за поясом. Усложнение комбинации: мистер Кабан появляется с двумя «буграми», и у них в карманах джентльменский набор последних моделей стрелковых игрушек и на плече болтается АК. Маловероятно? Лос-Анджелес — не Москва, тут так просто носить оружие не разрешают? В жизни все бывает! Тогда в чем смысл комбинации? В том, что товарищ, он же господин Кабанов, займется в свою очередь расчетами. Раз я внезапно возник пред его светлы очи, то, естественно, не один. Искать милого господина в течение года, най-

ти на краю света и так глупо подставиться? Значит, с четырех углов второго этажа на его гоп-компанию наведено как минимум по гаубице. Или публика в самообслужке, включая толстую буфетчицу, — сплошь переодетые полицейские. Человек с травоядной фамилией знал про меня не все, но достаточно, чтоб предположить: я буду действовать, используя официальные каналы. Если дело так далеко зашло, нельзя мне давать повод «при попытке к бегству» или «оказав сопротивление». Тем более что я приглашаю его среди бела дня не в темный лес или пустынный пляж, а в свой номер гостиницы. Поедем на такси (стоянка за углом). Его команда последует за нами и закажет коктейли в баре. Господин Кабанов подумает, что в гостинице в центре города ничего плохого не случится (тут он ошибается: в жизни все случается) и он сможет отмазаться. Он мне будет вешать лапшу на уши или приоткроет серьезный след. Ему же выгодней, чтоб я навсегда исчез с его горизонта. Итак, мы в непринужденной обстановке поговорим по душам. Что он мне скажет — я догадываюсь. Мне важно, как он это скажет. И тогда я кое-что пойму. И сделаю соответствующий вывод. Включая...

Конечно, я предусматривал — вероятность на восемьдесят процентов, — что мистер Кабан никогда в кафе не появится. Предупредили? Не думаю. Я свое пребывание в Калифорнии не афишировал, и он не был связан с университетскими кругами. Причины гораздо прозаичнее: уехал в Мексику, заболел, надоело диетическое меню, познакомился с бабой, которая у себя дома кормит его шашлыками плюс специфическое обслуживание (а здесь — самообслуживание), к тому же у меня могла быть ложная наводка, ну и, главное, чтоб сразу, с первой попытки, мне поднесли на блюдо жареного Кабана? Слишком жирно, такого в природе не бывает! И я сидел в кафе без особой надежды, отработывая вариант, ибо, повторяю, в жизни все бывает.

Кстати, теория и практика рекомендовали сидеть в кафе с женским полом. Одинокая фигура подозрительна. На пятый день я стал подбирать кандидатуры среди постоянных клиентов. Стайки конторских служащих отпадали. Кто оставался? Два крокодила, дама без возраста и нервная эксцентричная особа, которая явно выжидала, когда у нее кто-нибудь попросит соль или перец, чтоб закричать о сексуальной агрессии. В Америке есть такой тип женщин: жаждут, чтоб к ним пристали, жаждут поднять скандал, да к ним почему-то не пристают...

И вдруг. За соседним столиком.

В разных странах, на континентах и даже в родном Париже я привык встречать людей, которых, казалось, знал давным-давно. Точнее, двойников этих людей. Вот парень из мое-

го класса. Он чуть повзрослел, но такие же густые рыжие кудри, веснушки на розоватых щеках, то же выражение глаз. Невольно хочется хлопнуть его по плечу и спросить: «Са ва? Сколько лет не виделись?» Действительно, сколько? Что-то много. И того парня, с которым мы сидели на одной лавке, давно уже нет в живых... Однако природа не ленится, штампует копии.

Она сняла с подноса болик с бульоном, квадратную чашку с рубленой морковкой, отодвинула поднос, окинула зал быстрым пристрелочным взглядом (на секунду задержав его на мне) и углубилась в процесс еды.

Какое знакомое лицо, какие знакомые повадки! Когда она еще раз на миг подняла глаза, мне почудилось, что это молодое создание прямоком сошло с картины Давида. Жозефина Богарне — ну покрупнее, несколько потяжелевшая, но подлинная Жозефина — уплетала за соседним столом рубленую морковку! Жозефина Богарне любила носить шляпки. На американской Жозефине был темно-синий берет, что довольно редко в Калифорнии. Виконтесса Богарне не была красавицей в строгом смысле этого слова, ее преображали глаза. Видимо, я нарушал приличия, уставившись на обладательницу берета как на живописное полотно. Меня опять удостоили взглядом, мелькнули искры — эффект Жозефины, сразу другое лицо!

М-да, такое совпадение! Гражданин Давид, член Комитета безопасности (впоследствии — придворный художник Императора), ворочался и чертыхался в гробу.

На следующий день я заметил темно-синий берет еще в очереди у кассы. Калифорнийская Жозефина чуть замешкалась в середине зала, но, поймав мою улыбку, решительно направилась к моему столику, села напротив.

Тут я только сообразил, что все это значит. Привет от Системы! Я не верю, что люди, регулярно получающие зарплату, настолько пронизательны и любопытны, чтоб заинтересоваться убийством в Париже и связать его с моим визитом в Америку. Однако в Лос-Анджелесе я прикоснулся к Системе. Доул мне купил пистолет и оформил лицензию на ношение оружия. Доул поклялся держать все в секрете. Он был мне многим обязан, и я поверил. Старый осел! Дальше вопрос техники. Техника на грани фантастики. Нынче не шпионы — компьютеры не дремлют. Вот откуда ложная наводка на кафе Вилшер-бульвара. За мной наблюдали и разгадали мои намерения.

— Вам понравилось здесь? — спросила Жозефина из Системы. — Вкусные салаты с малым количеством калорий. Полезно для здоровья.

Перевод с английского на язык Системы: «Мы о вас заботимся. Мы не хотим, чтоб вы натворили глупостей».

Какого хрена они суют повсюду свой нос? Это мое личное дело. И я за него в ответе! Ненавижу...

— Ненавижу, — сказал я, — диетическую кухню. Как все американки, вы озабочены калориями. Национальное помешательство.

Моя реплика явно не укладывалась в их схему. Но Жозефину это не смутило.

— Тогда, извините за грубость, зачем вы сюда приперлись?

Честная постановка вопроса. Потрудитесь выложить карты на стол. Держи карман шире!

— Догадайтесь.

— У вас странная манера заводить знакомства. Начинаете с оскорблений.

Перевод с английского на язык Системы: «Как хотите. Мы не торопимся. Продолжим наши игры».

И все же почему они обращаются со мной, как с мальчишкой? Меня взять фронтальным наскоком? Ведь я же ветеран Системы и сам, бывало, плел такие сети...

— Видимо, элементарная зависть. Девочка, я вам в отцы гожусь. Это мне надо соблюдать диету. А в вашем возрасте...

В любом возрасте, когда кушать подано — надо есть. Иначе ни в какие ворота не лезет. И теперь я мог рассматривать копию с картины Давида без стеснения. Девочка хорошенькая, что лишь подчеркивало: американцы как были, так и остались дилетантами. Я не киногерой, не знаменитость и на миллионера не похож. К такому, как я, красотки не подсаживаются. Раз подседа, значит, подослана — вот нормальная реакция профессионала. Но у детей Голливуда своя схема. Они ее блюдут, вопреки здравому смыслу.

— Ваш салат с креветками вы слопали без отвращения.

Перевод: со мной все же веселее, чем с пожилой каракатицей.

Возможно, они в чем-то правы. У них тоже опыт.

— Faisable.

— Французское словечко? Что оно означает?

Означает: в чужой монастырь со своим уставом не суйся. Принимаю ваши правила.

— В данном случае — «вполне сносно».

Улыбка Жозефины. Мистика!

— Догадалась. Я вам кого-то напоминаю. Кого-то из вашей молодости. Судя по мировой тоске, которую прочла в ваших глазах, вы любили эту бабу.

Система напрашивается на комплимент. А ведь действительно, они классно сработали. Найти в короткий срок двойника Жозефины — невероятно! Мне дают тонкий намек, и я его пока не очень понимаю.

— Bravo! Какая умная девочка! Сейчас ваш обеденный перерыв кончается и вы спешите на службу. Но я приглашаю вас вечером в настоящий французский ресторан. Еда — это не только калории...

— Папаша... извините, сами сказали, что в отцы мне годитесь... Ну и темпы у вас! С места в карьер. Так вот, несмотря на мой юный возраст, я все-таки знаю, что бесплатных ужинов не бывает.

Калифорнийская Жозефина за словом в карман не полезла. Готовый ответ. Значит, их схема такой поворот предусматривала. Пошел охотиться на Кабана, а меня самого гонят, как зайца. Последняя попытка запутать след:

— Бывает. Для меня это воспоминания молодости. И вообще, я не по этой части.

— Жаль...

Тут она неплохо симпровизировала. Способная девочка!

В старые добрые времена, если к человеку из Системы обращался его коллега с конфиденциальной просьбой, человек шел на риск, просьбу выполнял и язык держал за зубами. Особенно, если они с коллегой находились на разных полюсах Системы. Это не считалось должностным проступком, наоборот, негласно поощрялось. Ведь сотрудник таким образом приобретал средство давления на другой лагерь, в нужный момент мог потребовать вернуть должок и получал какую-нибудь информацию, которую, кроме него, никто бы не добыл. Звенья Системы, все крупные разведки и контрразведки мира, функционируют по принципу «услуга за услугу». Довольно часто в процессе обмена продавец обещивает покупателя, что ж — ловкость рук входит в правила игры. Но если пытаются всучить тухлятину, Система этого не прощает и в конечном счете наказывает. Сохранять баланс — в интересах Системы. Когда пишут о славных победах того или иного звена Системы (разведки), обычно умалчивают — что было дано взамен. А взамен давали (не сомневайтесь!) архиважные сведения, да только противоположная сторона не сумела или не успела ими воспользоваться: военное поражение, крутой поворот в политике...

Увы, азартных людей с размахом, с воображением в Системе остается все меньше и меньше. Почему? Служба стала ци-

вильнее, безопаснее. Раньше человек, попав в Систему, мечтал дожить до сорока. Нынче с молодых лет думают о пенсии. Поэтому Доул и повел себя как сукин сын, вернее, как мелкий дисциплинированный чиновник — тут же доложил начальству. Однако идея (кому бы она ни принадлежала) приставить ко мне Жозефину была оригинальна, и я это оценил. Прервать контакт, улететь к чертовой матери? Не очень красиво, и рикошетом ударило бы по Жозефине, дескать, не справилась. Нет, пусть девочка работает, набирает очки. И в Жозефине — Дженни ее звали — чувствовалось что-то неординарное, врожденный талант, с ней было приятно общаться. Мы дважды ходили в ресторан, и, казалось, я кое-что ей подбросил для рапортов. А кому она их адресовала — ей-богу, меня не заботило.

Беззаботный, бескорыстный рыцарь печального образа, каким я себя усиленно изображал!

Ну... не совсем.

Во-первых, я уже не испытывал неудобства от игрушки, заткнутой за поясом. Ведь мне дали понять, что зря я занимался самодеятельностью на Вилшер-бульваре. Игрушку спрятал в чемодан.

Во-вторых, информация о кафе на Вилшер-бульваре не включала, что Кабан водится где-нибудь в окрестностях Лос-Анджелеса. И может, по их схеме, Дженни — Жозефина должна мне будет шепнуть пару слов на этот сюжет.

В-третьих (и главное), зачем они все это затеяли? Оградить меня от моих же импульсивных поступков, непродуманных действий, обеспечить комфортабельный отдых на калифорнийском побережье? (Сакраментальная фраза: «За счет американских налогоплательщиков».) Во что я точно никогда не верил, так это в альтруистичность Системы. Значит, у них есть какие-то свои соображения, о которых они мне найдут элегантный способ сообщить.

И я с восторгом принял предложение прогуляться в воскресенье по пляжу Окснарда.

Океан был тихим. (Гомерический хохот на галерке!) Я в том смысле, что мощные водяные валы, днем и ночью накапывающие на берег Лос-Анджелеса, в Окснарде куда-то исчезли. Серая, с голубыми проталинами гладь уходила к горизонту. Для полноты пейзажа маячило несколько рыбацких лодок и чайки (как же без чаек, Система, когда хочет, все раздобудет), крупные, как курицы, скандально вопили и прыгали по камням.

Нормальные прохожие (или переодетые агенты ЦРУ, КГБ, ФБР, ГРУ, БНД, ДСЖ, ВЧКа и Святой инквизиции) семьями, взявшись за руки, фланировали вдоль океанской кромки по мокрому песку. Дженни, демонстрируя отменную спортивную подготовку, скакала по каменному молу (для прогулок, между прочим, не приспособленному). Я резвым козликком следовал за ней, рискуя сорваться с наклоненных под разными углами гранитных плит (Не гранит? Откуда я знаю, что там под скользким мхом!). Стоп, — сказал я себе, — перестань чертыхаться и материться. С таким же успехом ты мог оказаться в больнице у постели умирающего старика, вдыхать весь букет мазей, набухших бинтов... Радоваться надо, что по их схеме тебе подфартила прогулка с красивой девочкой, вон как хорошо она смотрится на фоне неба, океана и чаек! И влюбленные по традиции всегда карабкаются (скачут, прыгают — любовь окрыляет!) по острым камням. Взялся за гуж, не говори, что не дюж! Все так, но ведь ей поручили охмурить меня, а я делаю вид, что слопал наживку, — то есть мы играем роли, а играть или быть влюбленным — есть некоторая разница для тех, кто понимает. Тем не менее опыт Системы учил: в роль надо войти с головой, увлечься, иначе допустишь фальшь или самому станет противно.

И я говорил себе: гляди, какие у нее стройные, полные ноги, тебе всегда нравились такие, а не двухметровые костыли нынешних топ-моделей; как здорово, что девочка не употребляет ни тонов, ни краски, ни замазки — не штукатурит свое лицо, как большинство дам перед облавой на мужчин, — у нее тонкая, нежная кожа и почти детский румянец на щеках; случай небывалый, она не тараторит, как сорока, пользуясь тем, что собеседнику некуда деваться — она произносит самые необходимые слова («осторожно», «обогни этот камень слева», «дай руку») и улыбается!

Короче, когда мы наконец сели в кафе в закрытой бухте у причала яхт, я был настолько ей благодарен: 1) что не угробила меня на камнях мола, 2) что прогуляла потом вдоволь по ровной местности, 3) что не поленилась, привезла и показала действительно живописный городок, — короче, я почувствовал, что добился желанного состояния: я влюблен!

В приливе вдохновения я рассказывал ей забавные истории из древних веков — специально абсолютно не то, что могло бы заинтересовать ее начальство, — она слушала молча, не спуская с меня глаз, она уплывала со мной в глубь времен, а я тонул в ее огромных зеленых глазах, которые постепенно заслоняли мне интерьер кафе в стиле боцман-шотландец, эклектические постройки на набережной для приманки туристов, яхты, моторные

лодки, шхуны, бригантины, дредноуты, линкоры, авианосцы — весь мир. Спасибо, девочка!

Опытный лектор знает, что перебор имен притупляет внимание. Повторяю, я увлекся и ввел в повествование даже графа Аксея Ферзена, растерзанного толпой у ворот королевского дворца в Стокгольме...

Дженни восторгалась и, наверно, вспомнила, что нужно продолжать игру.

— Тони, по большому секрету сообщаю: в следующий раз, когда пожелаете развлечь подобной историей молодую девушку, вы можете заодно ее изнасиловать. Она не заметит.

Что называется: открытым текстом! Посланный вдогонку комплимент не смягчил топорности заранее отрепетированной по схеме реплики. «Ну и нравы в теперешней Системе! — подумал я. — Впрочем, а когда они были другими?»

Далее нам навистели из суфлерской будки диалог. Я ей сообщил про себя то, что она прекрасно знала, и она изображала удивление. Скучно, граждане. На стенке, за ее спиной, прорезалось деревянное рулевое колесо, шкиперская фуражка, боцманская борода, макет парусника, набор пивных кружек, яркий плакат, где мужчина в красной клетчатой юбке держал бутылку виски, размеры которой превышали башни замка на заднем плане (замок, естественно, на скалах и неправдоподобно синее море)...

— Я развелась с мужем, — сказала Дженни. — Мой муж...

Она опять ломала их сценарий! Система категорически не рекомендует рассказывать подробности из своей интимной жизни. Ну, одну деталь для прикрытия можно взять, чтоб лучше соответствовать легенде. Дженни говорила как на исповеди. Человек сам хочет *vider son sac*, выложить все или почти... Классическая исповедь не требует реакции собеседника. Поэтому в церкви при исповеди лицо священника скрыто плотной решеткой. Я видел, что для Дженни очень важно знать, как я реагирую, ибо ее исповедь была обращена не к Богу, не в небеса, а непосредственно ко мне. Чем я заслужил такое доверие?

...Рулевая борода, красноклетчатый парус, шотландский замок на пивных кружках потеряли очертания, размылись в сиянии ее глаз. Я балдел от того, что слышал, я чувствовал, что сам теряю голову. Господи, что она творила, что она делала — со мной-то ладно — с незабываемыми правилами Системы! А потом, воспользовавшись моим отсутствием (извините, отлучился в туалет), заплатила по счету и заявила, что в дальнейшем в кафе и ресторанах платит только она! Вы поняли или нет? Если нет — объясню: более вопиющего нарушения всех инструкций не бы-

вает! Это равносильно признанию, что ею получены представительские на проведение подобных мероприятий.

В английском «ты» и «вы» различается по интонации. Если бы мы с ней говорили по-французски, то давно бы перешли на «ты». «Ты самая смелая девочка на свете», — вставил я пару раз в ее исповедь о неудачном замужестве. Поняла ли она, что я имел в виду? На моей памяти еще никто так вольно не обращался со священным табу нашей профессии...

Все же называть вещи в лоб не следовало, поэтому, когда мы прощались у гостиницы, мне захотелось ее поцеловать — а как иначе выразить свое восхищение? Я не в восторге от французского обычая целоваться по любому поводу, да у нас так навострились, что прикладываются друг к другу щеками, а на самом деле целуют воздух. Дженни не обладала французскими навыками и... в общем... мы поцеловались вроде бы по-настоящему. Я жутко смутился. Ведь как теперь целуются, я не знал.

— Пардон, — сказал я.

Отчаянная голова, самая смелая девочка на свете, укатила к своему ребенку и мужу, мужу бывшему. Хотя бывает, что уложат ребенка, посидят, поговорят и опрокидываются на постель. В жизни все бывает. Старая любовь не ржавеет. Пожалуй, не тот случай. (Кажется, ты себя успокаиваешь? Ну, ну!) У Дженни накопился заряд ненависти. Ладно, я им не судья, и в том, что они расстались, моей вины нет. Конечно, я должен бы ей активно сочувствовать: беспроектная позиция, когда женщина расправляется с бывшим (а ты разве не поддакивал?) — но в отношениях с Элей я решительно принял сторону Джека. «Счастье, что у Эли есть отец!» Я заметил, как Дженни это не понравилось. Если бы я рассчитывал с ней спать, мог бы потерять все шансы. Но... Во-первых, во-вторых, в-третьих... Не будем повторять пройденного. И главное, у меня были основания полагать: отец для дочери — это счастье. Живой отец.

Сегодняшний вечер я бы с удовольствием провел с Дженни. (Кстати, удовольствие исключалось. Почему? Да потому.) Какое приятное состояние влюбленности — давно забытое, пусть искусственное — все равно хорошо. Детский румянец на щеках, сияние ее глаз... Сидел бы и смотрел. А может, развязался бы язык — неодолимое желание, — не то, о чем вы подумали, — *vider son sac*. Пожалуй, самой смелой девочке на свете ты бы кое-что рассказал. Не про древние века, про себя, естественно. Ой-ой-ой, она явно произвела на тебя впечатление. Или, скажем осторожно, больше чем впечатление.

Где-то за пять миль на том же Голливуд-бульваре бурлит вечерняя жизнь. Около моей гостиницы — темнота, дичь, волки воют. В классных отелях Америки приятно проводить время, на улицу выходить не хочется. В отеле, как мой, не хочется жить. Нормальные люди здесь и не живут, ночуют. Отель облюбовали наркоманы, алкоголики, убийцы, самоубийцы — публика, целиком сосредоточенная на своих проблемах. Такие соседи меня очень устраивают. И я научился организовывать свои вечера. В трех кварталах отсюда призывно сияет вывеска «Макдоналдса». Там я и поужинаю. А пока, самая смелая девочка на свете, я не собираюсь умирать со скуки или тоски. Дела надо планировать заранее, и тогда их всегда будет по горло. Чем развлечемся сегодня? На полу у кровати две высокие стопки: «Лос-Анджелес таймс» и «Панорама», местная газета, издающаяся по-русски. Японскими и испанскими газетами калифорнийского разлива я нагло пренебрег. Отказал себе в удовольствии штудировать даже китайскую. Ярые защитники нацменьшинств обвинят меня. Пробормочу в оправдание, что ни звезд американской журналистики, ни русских гениев я все равно читать не буду, просмотрю лишь страницы с частными объявлениями. Господин-товарищ Кабанов может сунуться или в английскую, или в русскую прессу, на другой фене он не ботаёт. Скорее всего, мистер Кабан предпочтет «Л. А. таймс». Ни одному американскому сыщику не хватит терпения проглядеть километровую рекламу от корки до корки. Но если *подскажут* — он отыщет. По сравнению с «Л. А. таймс» в «Панораме» с рекламой не густо. Выросла капуста. Однако прочесть ее калифорнийским полицейским сложнее. Отсюда и соблазн для тов. Кабанова запустить на тарабарских (для американцев) страницах свою мигалку.

Опыт учил не жадничать, не давиться кусками. Американскую кухню, как более аппетитную, отложим на понедельник, а сегодня ограничимся русским меню.

«Укладка всех видов паркетных полов», «Требуется няня», «Самая выгодная покупка машины в Америке», «Ищу партнера в механический бизнес»... Спасибо, господа, обойдемся. Меня интересовали объявления типа: «Мистер Хейг разыскивает Николая и Петра. Просьба срочно позвонить по...» Еще интереснее: «Петр срочно разыскивает мистера Раска».

Пока все не то. Ладно, вечер длинный. А чем сейчас занята самая смелая и — как мне почудилось днем — самая красивая девочка на свете?

«...Помогаю в исцелении от многих болезней, снимаю сглаз, а также делаю необычный терапевтический массаж».

М-да, опыт — великая вещь. Недаром в Париже ни с одной своей студенткой даже в зоопарк не ходил.

«Ищу партнеров для создания постоянной компании — игра в преферанс высокого уровня». Бред. Русские эмигранты с жиру бесятся. Или элементарная шифровка. Переписать, завтра позвонить, проверить. Рутинка.

«Бизнесмен, 51 года, атлетического сложения, добрый и внимательный, не пьющий, не курящий, ищет интеллигентную эмоциональную, любящую приключения женщину для здоровых отношений, ведущих к браку. Матери-одиночки — о'кей».

Вот это предложение прямоком адресовано Дженни. К счастью, Дженни не подозревает о существовании «Панорамы». К несчастью (чьему?), она прочтет сотни таких объявлений в «Л. А. таймс». И повезет бизнесмена — доброго и внимательного — для здоровых отношений в Окснард. И продемонстрирует ему отменную спортивную подготовку и, взбираясь вверх по камням, ведущим к браку, — размах стройных полных бедер, обтянутых светло-серебристыми колготками.

«Как прекрасно, — подумал я, — какое исключительное везение, что Дженни работает в Системе! Агентурный шарм, леди и джентльмены, на меня не действует».

Проведя предыдущий вечер в «русском обществе, я не обратил внимания на русские надписи в детском садике, на смешанную русско-английскую речь. Наверно, по инерции (или по рассеянности?) я воспринял это как ожившие иллюстрации к «Панораме». Эля меня рассматривала с любопытством, мы общались с ней несколькими фразами, я ей улыбался и строил рожи, пытаясь завоевать ее доверие (матери-одиночки? О. К!), и лишь в машине, когда Дженни пристегивала девочку к креслу, Эля открыла рот, и меня как током пробило.

— Мама, это правда, что Тони не понимает по-русски? Мама, можно я спрошу: это твоя новая кукла вместо папы? Нет, он не как Галя, не как Линда или дядя Мотя. Они садятся рядом со мной, а Тони сидит на папином месте.

— Эля, говорить по-русски невежливо по отношению к Тони. Говори по-английски.

— Зачем ты тогда отдаешь меня в русскую школу? Пусть Тони тоже там учится.

— Тони сам учит. У него больше учеников, чем в твоей школе. Он профессор.

— Он профессор кислых щей! Он профессор кислых щей. Мама, это песенка, которой меня Витька научил. Я не хочу ни-

чего плохого сказать про Тони. Он мне понравился, потому что похож на Железного Дровосека.

— Спасибо, что не на Страшилу, — ответила Дженни, вырывая на Сансет-бульвар.

Свет уличного фонаря скользнул по ее лицу. Я сделал вид, что смотрю вперед. Дженни явно не хотела, чтобы я сейчас ловил какие-то ее гримасы. И я был бы рад забиться в самый темный угол, уйти из-под наблюдения, понять и осмыслить, что происходит. Вернее, что произошло. И тут Эля меня здорово выручила. Прелесть девочка, прирожденная солистка.

— Мама, слушай сюда.

— Ужас, — сказала Дженни по-английски. — Тони, я плачу деньги, и немалые, чтоб ее учили в школе русскому. А ее учат одесскому. Что такое одесский язык, когда-нибудь объясню. — По-русски: — Эля, нельзя сказать «слушай сюда».

— Тогда смотри сюда, взад.

— Тоже нельзя. Ни сказать, ни посмотреть. Я должна следить за дорогой, иначе мы врежем этой «омега» в зад.

— Мамочка, почему можно врезать в зад, а посмотреть в зад нельзя?

— Ну, дочка, ты меня достаешь. Вон Галя. Все вопросы к ней.

«Понтиак» притормозил у тротуара. Задняя дверца открылась, рядом с Элей села женщина — лица не разглядел, голос приятный.

— Гуд ивнинг, — сказал я. — Хау а ю?

— Галя, это Тони, — перевела Эля. — Он не умеет говорить по-русски, поэтому смотрит взад. Он профессор кислых щей и новая мамина игрушка, вместо папы. Но папа все равно к нам будет приходить, правда, мамочка?

— Галя, ты слышишь, что несет эта чертовка? — всплеснула руками Дженни. — Ну кто, когда запрещал Джеку приходить к нам?

Галя оказалась человеком методичным. Сначала ответила мне (разумеется, по-русски):

— Здравствуйтесь, мистер Тони.

Потом Дженни:

— Держи, пожалуйста, руль. Я с ней управлюсь. У детей уши, как антенны, ловят все. Поэтому, когда ты ругаешься по телефону...

Потом Эле:

— Эленька, хорошо, что Тони по-русски ни бум-бум. Иначе бы он обиделся.

— Тони бум! — завопила Эля. — Он такой бум-бум! Он не

может на меня обижаться. Он Железный Дровосек. А Железный Дровосек любил Элю и пошел за ней в Изумрудный город.

Методичная Галя все же заставила Элю сбавить на полтона, и девочка, ко всеобщему удовольствию, занялась вольным пересказом «Волшебника Изумрудного города» — русский пиратский вариант «Волшебника страны Оз». До Диккенс-стрит у меня оставалось время подумать. Я думал.

С Элей все ясно. Сопротивляться ей бесполезно. Она профессиональная покорительница сердец, причем делает это походя, абсолютно себя не утруждая. За Элей я отправлюсь в Изумрудный город и к черту на рога.

Вопрос: как быть с ее мамашей?

Я думал. Вроде идеальной ситуации не придумаешь. Вокруг все говорят на языке, который ты якобы не понимаешь. Таким образом, я играю крапленой колодой. Только мне это ни к чему. Напутали компьютеры. Где-то произошел сбой. Видимо, в моей голове. Не могла Система в данном контексте подставить мне агента русского происхождения. У Системы свои четкие правила. Дженни могла их нарушать. Система — никогда. Дженни нарушала, потому что она этих правил не знала. Она не из Системы и не подозревает о ее существовании. Я случайно вторгся в чужую интимную жизнь. У Дженни свои проблемы, заслуживающие внимания и уважения, но не имеющие никакого отношения к моим. Как честный человек, я должен встать, извиниться и откланяться.

Конечно, не при детях (жаль, что Элю я больше не увижу) и не при свидетелях. Сегодня вечером Галя укладывает девочку спать, а мы поедем в Санта-Монику. Идеальное место, чтоб сделать ручкой.

Променад Санта-Моника. Полкилометра Европы. Любопытно наблюдать за жителями Лос-Анджелеса, когда они вынуждены по собственной воле идти пешком. Не гонки в автомобиле, не бег трусцой, не шастанье по магазинам — совершенно бессмысленное, с их точки зрения, занятие. Оправдание ему можно найти одно — ловить кайф. Поэтому с первых шагов по променаду меняется выражение лица — восторг и упоение, эксайтинг! Так раньше приходили на бал, на каток, в курильню опиума, на первомайскую демонстрацию. Люди двигаются, пританцовывая, преимущественно парами, причем молодые пары начинают целеустремленно обниматься, обжиматься, сливаться в долгом поцелуе — вот-вот займутся сексом (из словаря Дженни). На променаде Санта-Моника любой криворукий жонглер и певец с надтреснутым голосом обречены на успех — эксайтинг! Только здесь у уличных торговцев прагматичные

американцы покупают бумажные воздушные шары, пластиковые змеи, проволочных тараканов, майки с портретами Ленина и Че Гевары, лающих котов, мяукающих собак, «Шанель-пять» сирийского разлива, часы Картье китайской штамповки, жемчужные бусы из стекла, крокодиловые сумки из кожзаменителя и прочую дрянь, которая через десять минут порвется, сломается, лопнет, но пока — эксайтинг! Скачут, прыгают огни витрин, толпа густеет, приобретая причудливую расцветку, из каждого питейного, едального и промтоварного заведения доносится музыка, мы попадаем в общий ритм, пальцы наших рук сплетаются...

— Выпьем кофе, — говорю я.

Мне приносят чашечку настоящего черного кофе, а не буромолочный напиток, сваренный в кастрюле из-под мексиканского супа, — Америка резко прогрессирует! Дженни потягивает через соломку коктейль, заказанный под цвет ее глаз, включивших дальний свет, как фары «понтака», и в них (в глазах, а не в фарах) я вижу отражение своих глаз, и в этом отражении сияют ее глаза и все прочее и прочее, о чем печатно сообщали поэты и писатели, вспоминая о тех счастливых минутах, когда сидели, млели, задыхаясь в эксайтинге, как идиоты, напротив любимой женщины.

«Прошу меня простить, Дженни, за притворство и игру. Ошибочка вышла, я вас принял за другого человека и вынужден был валять дурочку. Всех вам благ и еще раз извините...»

Но я не говорю этого, просто не в силах сказать. Я думаю. В Лос-Анджелесе все заняты активной деятельностью, только я, кретин, думаю.

А если Дженни действительно со мной хоть чуточку интересно? Я совсем заклинился в мыслях на Системе и забыл, что существует Тот, Кто свыше, и то, что со мной происходит, — Его воля, Его предписание. По сравнению с Ним Система — пыль, песок, ну, может, иногда. Его орудие. Зачем же тогда противиться? Да, я знаю, что в большинстве случаев люди, проявляя обыкновенную слабость и плывя по течению, объясняют это промыслом Всевышнего — удобный предлог переложить ответственность на чужие плечи. Ты, естественно, не как все, ты, естественно, исключение. Тьфу!

— Что с тобой? — забеспокоилась Дженни.

— Ничего, немножечко болит голова. — Я улыбался под огнем двух прожекторов. — Бывает, когда я нервничаю.

— С чегой-то, профессор?

Пустил девочку по ложному следу. Или, наоборот, она-то на верном пути? Хорошо, посмотрим на вещи рационально. Я

продолжаю свои поиски, только ни в коем случае не впутываю Дженни. Складывается превосходная легенда. Я застрял в Лос-Анджелесе, потому что у меня роман с молодой, красивой, я по уши погрузился в личную жизнь — какие и у кого могут быть ко мне вопросы?

Уф, отлегло. Сбросил тяжесть. Наконец и я почувствовал долгожданный эксайтинг.

— Дженни, пошли в ресторан. При условии, что я плачу.

Предложение ей понравилось, однако сделала вид, что удивлена:

— Вроде бы рано для твоего ужина, профессор.

— Имею я право хоть раз в жизни доставить тебе удовольствие? — Небрежно передернула плечами. — Всего лишь раз?

Не скрою, в моей жизни бывало, что я оставался на ночь у молодых женщин. Меня поразила стремительность действия. Ведь вечером все шло к тому, что меня с позором выгонят из дома. Дженни метала громы и молнии, мне не понравился ее прокурорский тон, но я понимал — она права. Я хотел объяснить ей, что в моем поведении не было дурных, корыстных намерений, сам попал в собственный капкан и не знал, как из него выбраться. Когда она это поймет, я вызову такси и уеду. И вдруг меня, как котенка, взяли за шкурку и швырнули к себе в постель. Какая сильная рука у девочки!

Утром я проснулся довольно поздно. Дверь в салон была закрыта, оттуда доносились реплики из Микки-Мауса и голос Дженни: «Эля, не сиди близко у телевизора».

Я принял ванну, с сомнением посмотрел в зеркало на свою небритую рожу, вспомнил, что по американским правилам нужно каждый день надевать свежую рубашку — да весь мой гардероб в гостинице. Видимо, по этой причине я, вместо того чтобы, как и положено в подобных ситуациях, ощущать себя победителем, чувствовал некоторую стесненность. Открыл дверь.

— Кофе или чай? — спросила Дженни.

— Тони, ты расскажешь мне новую сказку? — спросила Эля.

Полдня провели в торговом центре Беверли-Хиллз. Дженни обростала элегантными пластиковыми сумками и пакетами, а мы с Элей гуляли и дурачились. Пообедали в ресторанчике. Я с удовольствием слопал пиццу — наверстывал пропущенный накануне ужин.

— Почему ты мне голову морочил, что не любишь обедать? — спросила Дженни.

— Потому что не имеет смысла. К одиннадцати вечера все равно захочу жрать. А излишние калории — по твоей теории — вредны.

— Что ж ты будешь делать?

Я рассказал о «Макдоналдсе» и о припрятанной в номере бутылке виски.

— Шикарная программа! — И, убедившись, что Эля застряла у игрового автомата, продолжила: — Я привыкла, что ты меня балуешь своим вниманием. Как бабе, мне это приятно. Но сегодня ты просто не спускаешь с меня глаз. Что произошло?

Вот как? Значит, я перестал себя контролировать. Однако хорошо вопросик.

— Пытаюсь разгадать...

— Тайну мироздания, — подсказала Дженни.

К вечеру меня отвезли в гостиницу. Дженни лихо развернула «понтиак» и с другой стороны бульвара послала мне прощальный взгляд.

В номере я уселся штудировать последнюю порцию «Л. А. таймс». Буквы сливались. Вместо них я видел в кабине «пontiака» лицо Дженни, высвеченную отблеском уличного фонаря ее улыбку.

Хоть бы на секунду притормозила, змея!

В принципе мне было что вспомнить и даже возгордиться, ведь после длительного поста я, что называется, оказался на уровне, не подкачал... Но я знал, что все могу забыть, и эту ночь тоже, но никогда не забуду это мгновение: прощальный взгляд Дженни при отблеске уличного фонаря из кабины «пontiака». Судьба мне давала какой-то знак, смысл которого я не разобрал.

Два дня от нее ни слуху ни духу. Позвонила в среду, сказала, что к вечеру заедет.

Явилась в номер. Критически его оглядела. Потом так же критически меня.

— Ну, ты подумал, что я исчезла навсегда?

Я продумал много вариантов и такой тоже. И подготовил себя к любому. Ведь в жизни все бывает. Однако откровенничать не стал. Промолчал.

— Работа, Тони. Замучена, закручена, задергана. Но не зае...на. Для этого дела у меня времени до восьми вечера. Дальше надо забрать Элю. Моя лексика шокирует профессорскую нравственность?

Когда мы одевались, она вдруг начала смеяться:

— У тебя вид, как у студента, успешно сдавшего экзамены. Ужасно собой доволен.

Я посадил ее в машину. Она так же лихо развернула «понтак» и с другой стороны бульвара помахала мне рукой из окна машины. Даже не взглянула. Знала, что я торчу на тротуаре и смотрю ей вслед.

При таком темпе я не успел сказать, что завтра уезжаю в Сан-Диего. Детективный поворот? Если бы... Обыкновенные трудовые будни. Последние из запланированных лекций. Первую я прочел отвратительно. Понадеялся на импровизацию, толком не вошел в роль. В середине как бы проснулся и заметил, что аудитория скучает. Никто ни хрена не понимает, о чем я талдычу. Быстренько перевел на академические рельсы, кое-как спас положение.

Жутко расстроился. За ужином (по американской традиции после лекции знаменитость полагается кормить — хоть плачь, но ешь) университетские коллеги меня успокаивали, дескать, нашим студентам нужно чего-нибудь попроще, они привыкли к академическому стилю, вон как вас слушали в конце. (Подтекст: зря вы выдрючивались!) А я привык, что меня слушают с начала и до конца! Словом, я выпал в осадок и, оказавшись в гостинице, поддал, залег спать, в Лос-Анджелес не позвонил.

Вторая лекция собрала большой зал. Ждали провала? Я бросил вызов, специально начав с громоздкой цитаты из Мишле: «Роль его с тех пор была простая и сильная. Он стал крупной помехой для тех, кого он покинул. Деловые и партийные люди, они при каждой попытке делать компромисс между принципами и интересами, между правом и обстоятельствами встречали преграду, которую им ставил Робеспьер, именно — абстрактное, абсолютное право; против их ублюдочных англо-французских, мнимоконституционных решений он выдвигал не специальные французские, но общие, универсальные, вытекающие из «Общественного договора» теории, законодательный идеал Руссо и Мабли», — и как бы сам перевоплотился в Робеспьера:

— В Революции заходят далеко тогда, когда не знают, куда идут.

Через час мне аплодировали стоя. Клянусь, в этом не было моей заслуги, я просто хорошо сыграл Неподкупного. Максимиlien на моем месте повел бы аудиторию на штурм. Чего? В данном случае — студенческой столовой. На большее революционного пыла у публики не хватило бы, нынче не те времена.

Ладно, все это лирика. Главное, что совершенно неожиданно детективный сюжет высунул свой нос, — мы буквально столкнулись носами.

Поясню. Утром, после вчерашнего провала, я был в плачевном состоянии и мечтал тихо побродить по городу. Но пока я отмокал в ванной и приводил себя в порядок, приехали из университета залечивать мои раны. Как? Естественно, обедом в ресторане. Мои протесты пропускались мимо ушей: хоть умри, но обедай — такова традиция (и деньги на представительство отпущены). Коллег интересовало только, какой ресторан я предпочитаю.

— Русский, — сказал я по наитию.

Мы оказались единственными посетителями. Ученые мужи гуляли по меню. Я заказал харчо, и этот грузинский супчик (ностальгический привет московским шашлычным) весьма мило прошел. Далее я вынужден был укрыться в туалете (извините, подействовали вчерашние излишества) и при выходе столкнулся нос к носу с человеком, который пробурчал дежурную русскую фразу по поводу моей матери. Я ответил. Человек опешил. Никак, видимо, не предполагал, что гость из интеллигентной американской компании ботает по фене. Мы разговорились. Хозяин ресторана (именно с ним мы чуть не разбили друг другу носы — колоритный тип, сбежал в Америку прямо с лесоповала, впрочем, возможно, я ошибаюсь) поведал, что в Сан-Диего удастся загрести башли. Я похвалил харчо. Польщенный хозяин сказал, что постепенно обрастает постоянной клиентурой.

— Разве в городе много русских?

— И сколько! Недаром Кабанчик предлагал мне продать ему ресторан.

Повторяю, я еще не очухался, не тянул на интеллектуальную беседу даже с дельфинами в акватории Сан-Диего, но тут словно выстрелил:

— Дима Кабанов?

На меня посмотрели очень внимательно.

— Небось, как обычно, обещал заплатить «кэшем», — продолжал я нейтральным голосом. Что касается экзаменующих взглядов, то ими в меня можно пулять с тем же успехом, как из дробовика в броненосец. Я человек старой закалки.

— У Кабанчика нала навалом, — вздохнул хозяин, — да я не лопух. Неделю назад мы с ним сидели там, за угловым столиком. И я себе врубил: если Кабанчик предлагает купить, значит, моей забегаловке кое-что светит.

Задавать наводящие вопросы я не рискнул. Ограничился философским:

— Все меняется в нашей жизни. В следующий раз вдруг согласитесь.

— Вдруг только пук, — обиделся хозяин. — До следующего раза пахать и пахать. Кабанчик наведывается, как советский ОБХСС, по большим праздникам. К тому времени будет ясно: или я горю, или могу смело послать его на три буквы.

(Это мой эвфемизм. Хозяин три буквы произнес с четкой артикуляцией.)

Я поспешил перевести разговор на кулинарные темы. Иначе хозяин меня бы запомнил и мог бы при случае спросить у мистера Парнокопытного, что, мол, за три буквы (три карты, три карты, три карты!) — тобой интересовался и откуда он тебя знает? А вот это совсем не входило в мои планы.

Так я получил подтверждение, что наводка была верной, Кабан действительно пасется в Калифорнии. Более того, изредка наведывается по определенному адресу.

После лекции и обязательного коктейля двое аспирантов отвезли меня в Лос-Анджелес (им это было по пути). Любезные ребята по моей просьбе остановились у супермаркета, где я в полтретьего ночи отоварился холодной провизией для своего холостяцкого ужина. И вот я у себя в номере раскладываю на тарелку ветчину, копченую колбаску, строгою помидор и огурец. Конечно, не тот закусон, что у хозяина в Сан-Диего — заправливый человек прихватил бы с собой со стола в пакетик (в Америке это принято). Однако настроение превосходное.

В полной тишине затрезвонил телефон.

— Ты куда пропал?

— Безобразия, Дженни, ты почему не спишь? Три часа ночи.

— Я проснулась. Что за фокусы, Тони?

— Фокусы, девочка, показывал фокусы в Сан-Диего. Глотал шпаги, вытаскивал из рукава кроликов. Только что вернулся.

— Лекции? Ну и как прошло?

— Одну провалил, на второй взял реванш. Расскажу подробно, а сейчас живо спать.

— Живо не спят. Спят с живностью, например с профессором, в которого я сдуру влюбилась. Спокойной ночи!

И в трубке гудки. Спокойной ночи, сами понимаете, у меня не получилось.

А в субботу у нее накопилась масса домашних дел. Деловая мне попала девочка. Выясняли отношения по телефону, вернее, не отношения, а кто кому первым должен звонить и почему

кто-то имеет право исчезать без предупреждения, а кто-то такого права не имеет. В конце концов я признал свою вину и то, что всегда был и буду виноват, ибо мои попытки находить компромисс натываются на абстрактное, абсолютное право, на общие, универсальные теории, законодательный идеал Руссо и Мабли и т. д. и т. п. В трубке все это терпеливо выслушали и, когда я иссяк, спросили:

— А попроще нельзя, профессор?

— О'кей, разжевываю, как второгоднице. Ты имеешь свободу передвижения, ты на колесах, появляешься, когда в голову взбредет. Я же сижу в гостинице, занимаю круговую оборону. Образно говоря, ты — кавалерия, я — пехота, в этом твое преимущество.

— Других преимуществ у меня нет? — после некоторой паузы спросили в трубке.

— Как военный историк, со всей ответственностью заявляю: кавалерийские соединения всегда брали верх над пехотными. Римские когорты исключение, им просто не с кем было воевать, не встречали достойных противников. Гениальный Чингисхан собрал огромное количество конницы в кулак, и этот кулак сметал все на пути от монгольских степей до русской границы...

В трубке частые гудки.

Я смотрел на телефон. Телефон залег в зимнюю спячку. Вдруг раздалось короткое «тринь» — я схватил трубку. Доул поздравлял меня с успехом, дескать, все говорят, что ты прочел потрясающую лекцию в Сан-Диего. Я вспомнил, что зря катил бочку на Доула, он, как выяснилось, вел себя корректно. Плюс весьма информированный господин. Раз так, то глупо партизаничить в одиночку. Я рассказал Доулу о своей беседе с хозяином русского ресторана, подчеркнув, что это подтвердило точность наводки (сиречь спасибо, мистер Доул), и спросил, не составит ли ему труда узнать, как товарищ с лесоповала сумел приобрести ресторан на бойком месте — короче, биографию, контакты, рутинное досье. «No problem, — сказал Доул и, помолчав, добавил: — При условии...»

— Доул, — перебил я, — разве я в своем пенсионном возрасте похож на ковбоя-мстителя? Я воспитан на уважении к законам и не самоубийца, чтоб вести активные действия на чужой территории. Хочу лишь разобраться, понять и, если что-то найду существенное, — передам тебе, в твои волосатые лапы, чтоб

ты, в свою очередь, передал от своего имени дело в чистые руки американской юстиции.

То есть, грубо говоря, я предложил Доулу взятку. При минимуме усилий он может стать автором интересной разработки, что приятно удивит его начальство. И Доул согласился. Согласился не потому, что он был ленивый или корыстный человек, а потому, что он был человеком Системы. В Системе принято: кто-то за тебя вытаскивает голыми руками рыбку из пруда, но сам, по каким-то своим соображениям, всплывать на поверхность не желает. Элементарное распределение ролей.

Телефон опять не подавал никаких признаков жизни, и тогда к вечеру я развил бурную шпионскую деятельность. Остановил на улице шпионское такси, заехал по дороге в шпионский магазин, на шпионские деньги купил букет шпионских цветов и в шпионской темноте вышел у дома на Диккенс-стрит, где, не зная условного кода, по-шпионски нажал на кнопку интерфона. Как и положено в шпионском детективе, дверь открыли, не спрашивая, и в шпионской квартире мне с визгом бросилась на шею маленькая шпионка, которую изодренными шпионскими методами пытались уложить спать Галя и Матвей Абрамович.

Главная шпионка отсутствовала. Уехала в гости.

Я попросил поставить цветы в вазу, уклонился от предложенного чая. Поцеловал Элю, спустился на улицу и растворился в шпионском мраке.

Уехала в гости! Дело молодое. Шпионить за ней уж точно не намерен.

Потопал по малознакомому мне Вентура-бульвару, хорошо протопал, до самого Лорел-каньона. Подниматься по каньону отваги не хватило, там не было тротуаров, и машины неслись на субботней скорости. Я завернул на тайную явку — в пиццерию под шпионской вывеской «Неаполитано» и нетерпеливо побеседовал на профессиональные темы с одним графинчиком кьянти, с другим, с третьим — конечно, надо было сразу заказать полуторалитровую бутылку.

Вернулся на такси к полуночи, заплетающейся шпионской походкой вошел в гостиницу. Мексиканский портье, не отрывая взгляда от шпионского фильма на экране телевизора, вручил мне ключ и сложенный вчетверо листок бумаги. В номере я развернул написанную по-русски шпионскую шифровку:

«Дорогой герр профессор! Где тебя черти носят? Воображала и зануда (зачеркнуто, но так, чтоб можно было прочесть). Я люблю вас, легионер римской пехоты (зачеркнуто, но так, чтоб можно было прочесть). Завтра утром занимайте круговую оборону на боевом посту. Чингисханша».

Теперь представьте себе: к вам, человеку пожилому, приходит молодая женщина, которой однажды ночью вы уже шептали безумные слова, садится напротив, молча минут пятнадцать играет с вами в «гляделки» и потом капризным тоном произносит:

— Знаешь, мне это надоело. У тебя есть деньги?

Ваша реакция?

Но я-то заподозрил подвох и прикинулся теленком:

— Сколько тебе надо?

Ух, как она обрадовалась, что я клюнул на наживку!

— Не мне, а тебе. Сможешь расплатиться за гостиницу? Или я покрою «Америкэн экспрессом»?

— Во-первых, я заработал в Сан-Диего, — возмутился я. — Во-вторых...

— Стоп! — сказала Дженни. — Ни слова!

Вытащила из сумки листок, нацарапала на нем что-то шариковой авторучкой, прикрыла бумажку ладонью.

— Говори.

— Во-вторых, польский офицер с женщин денег не берет.

— Читай. — И придвинула мне листик, где было написано: «румынский офицер с женщин денег не берет».

...Потом это стало ее любимым развлечением — угадывать мои интенции раньше, чем я открою рот, — а тогда я опешил и смущенно пробормотал:

— Есть маленькое несовпадение...

— ...в нашем возрасте, — подхватила Дженни. — В твоё время в анекдоте фигурировал польский офицер, в моем — румынский.

Мы опять поиграли в «гляделки». Моя круговая оборона трещала по швам. Я попробовал контратаковать:

— Кстати, по поводу возраста...

— У тебя скверные привычки, — подхватила Дженни, — поздний ужин, злоупотребление алкоголем, ты избалован, так? Это я учитываю и постараюсь соответствовать. Что еще? Ах, да, ты ничего мне не обещаешь, ограничен в средствах, и, вообще, какой смысл с тобой связываться? Видишь, я знаю все, что ты хочешь мне сказать. Наверху кабинет в полном твоём распоряжении. Правда, баб приводить запрещаю и курить будешь на балконе. Если нет возражений, доставай чемоданы.

Я начал суетливо собирать вещи.

— Интересно, — капризным тоном протянула Дженни, — о чем сейчас герр профессор думает?

Заметила! Чутье собачье. Я действительно с некоторой тревогой размышлял: почему так прет карта, почему мне такое ве-

зение? Ведь кроме всего прочего (а прочее — любовный омут, куда я нырял с головой, теряя голову и понимая, что, возможно, мне из него не вынырнуть!) переезд к Дженни — идеальный вариант для моих поисков. Я исчезаю из поля зрения всех (в том числе и Системы), ложусь на дно, выжидаю. Лучше не придумать. Как удачно складываются обстоятельства! Или их складывают? Извини, моя девочка, последняя проверка.

— О чем я думаю? Никогда не угадаешь.

— Попытаемся.

— Не записывай. Не угадаешь. Кабан. Это парнокопытное или непарнокопытное животное?

Беглого взгляда было достаточно, чтобы убедиться: никакие имена или клички у Дженни с кабаном не ассоциируются. На ее лице читалась полная растерянность. Не сошел ли я с ума? В такой момент спрашиваю о каком-то кабане! Я пустился в запутанные объяснения. Мол, на лекции в Сан-Диего я сравнил Мирабо с кабаном и для пущего эффекта повторил: дескать, «этот представитель семейства парнокопытных», а сегодня утром вспомнил и мучаюсь: не совершил ли я ошибки? К какому семейству относятся кабаны — к парнокопытным или непарнокопытным? Видишь, какими глупостями занята моя голова, но профессору полагается знать такие мелочи, иначе университетские эрудиты обхохочутся.

— Как эрудиты, не знаю, — сказала Дженни. — На вопрос ответить не могу. У меня по зоологии была тройка. Да, профессор, вынуждена согласиться, что я выступила в роли жалкой хвастунишки. Парнокопытные! За твоим высоким полетом мыслей мне не угнаться.

Когда я ее сбил с толку, она стала похожа на Элю. В глазах — детская беззащитность. Сейчас она опять намеревалась надеть маску роковой женщины, да почему-то передумала.

— Что ты делаешь со своими рубашками? Ты специально их комкаешь? Брысь от чемодана. Ну и безрукие пошли профессора!

Раньше мужчина, подводя итоги своему мужскому пиратству, молодецки подкручивал ус и заявлял: «У меня бывали красивые бабы».

Нынче усы не в моде. Что же подкручивают? Где? Однако уверенность непоколебима. У всех бывало.

Я могу скромно признаться, что я любил красивых женщин. Или почти, ou presque. (Для справки: любить и иметь — не одно и то же.)

В молодости красота служит приманкой. Но основное — добиться своего. Процесс. Количество. Особо хищным пиратам важно, каким способом они обладали женщиной. Словом, разгул, торжество плоти.

С какого-то времени я осознал, что мне доставляет удовольствие любоваться красивыми женщинами. Звучит чудовищно и неправдоподобно, но в Париже я был этого лишен. *Ou presque*. О студентках вообще не могло быть речи. В массе, потоками, аудиториями, они, на мой взгляд, неразличимы. Остаются университетские кафедры, забитые женским полом. Мои милые коллеги, все как на подбор, ироничны, интеллигентны, чертовски умны. *Ou presque*. А выглядят как патлатые худые ведьмы. Результат борьбы за стройность фигуры и своеобразного протеста против телевизионной рекламы. Ведь как ни включишь ящик — появляется красотка с шампунем. Вымыла голову, тряхнула пышной копной волос — тут из-под земли (из волн морских, из кабины «рено-сафран») выскакивает плейбой с «Картье» на запястье. Поцелуй в диафрагму. Я понимаю, что наших интеллектуалок тошнит от биошампуньялакового бреда, вот и ходят непричесанными чучелами, да мне от этого не легче.

...Самая красивая девочка на свете, пританцовывая, двигается по квартире, хлопочет у плиты, собирает посуду, гладит белье, выговаривает дочери, проверяет счета (прикусив нижнюю губу), читает книгу. Где юпитеры телевидения, почему не стрекочут кинокамеры, не слышны аплодисменты публики? Все оглохло, ослепли? Мне выпала козырная масть, дьявольски подфартило. Бесплатно, леги и джентльмены, неограниченно по времени (*ou presque*) я могу наблюдать это чудо.

Мы с Дженни вернулись из города к шести вечера, когда Джек, после своего «родительского дня» должен был привезти Элю домой. Дженни занималась готовкой обеда. Снизу позвонили. Я нажал на кнопку интерфона. Звонки продолжались. Я открыл дверь на лестницу и услышал задорный вопль Эли:

— Тони! Тони!

— Спустись, — сказала Дженни, — наверно, надо ей помочь. Джек подниматься не будет.

...Женщины обладают даром периферийного зрения. Она за мной следила, не отрывая глаз от ножа, которым шинковала морковь.

Я спустился. Эля нетерпеливо прыгала около полиэтиленового мешка, туго набитого разноцветными коробками.

— Тони, папа мне накупил столько игрушек!

К тротуару припаркована светлая «тойота». Джек сидел за рулем и смотрел прямо перед собой. Я улыбнулся, сделал ему приветливый знак рукой. Никакой реакции. Джек застыл, как могильный памятник.

Я намеревался предложить ему поехать в кафе, выпить все, что он пожелает, поговорить. О чем? В зависимости от обстоятельств. Я постарался бы ослабить шок первой нашей встречи. Я бы нашел слова, которые, возможно, его бы удивили и несколько успокоили. Например, что я ему завидую. Ведь у него с Дженни ребенок и он прожил с ней пять лет. Сильно сомневаюсь, что мне так повезет. О'кей, догадываюсь, тема рискованная. Тогда об отношениях папы с дочкой. Счастье, что у Эли есть отец. Никто ей его не заменит. Моей внучке — она Элина одноклассница — папа тоже приносил игрушки и подарки ящиками, загружал ими лифт, я помогал донести их до квартиры. Я знаю, что такое разорванная семья... Ее папу расстреляли в Париже автоматной очередью... Нет, об этом не надо. Джек поймет неправильно, подумает, что я ищу сочувствия. Моя боль, моя беда, ею нельзя ни с кем делиться. Хорошо, тогда о...

Но Джек гордо игнорировал мое присутствие.

Обеими руками я поднял мешок и пропустил Элю вперед по лестнице.

Светлая «тойота» с визгом рванула с места. Тормозные фары вспыхнули на перекрестке, как залп из двух орудий. «Тойота» скрылась за поворотом.

— Никогда меня не буди, — в полусне сказала Дженни, — забью ногами.

Она спала на боку, повернувшись к зеркальному шкафу (идеальное место для установки скрытой кинокамеры, да я бы не отважился смотреть хронику Дженнинных забав). Я лежал на спине, не смея к ней прикоснуться. Шторы не пропускали в комнату ни малейшего отблеска уличных фонарей, их и не было в закрытом внутреннем дворике, куда выходили окна нашей спальни. Нашей! Пять лет здесь располагался законный муж, который, проснувшись в середине ночи, естественно, желал воспользоваться своими законными правами. Пользовался? Неважно. «Забью ногами» — атавизм их прежних отношений, видимо, не очень нежных. Впрочем, кто знает, кто знает... Неважно. Я не потревожу покой моей девочки. Моей девочки в нашей спальне! — как сказочно звучит, хотя это не мечты, а реальность — протянуть руку, коснуться... В полной темноте я выстраивал светлые планы на будущее, сияющий хрустальный

дворец диковинной конструкции, где четко различал верхние этажи:

Мы с Дженни

с Элей и *нашим* сыном

приезжаем в Израиль останавливаемся в гостинице

на следующий день родители Дженни присутствуют на моей лекции публика рыдает ибо я рассказываю совершенно неизвестные подробности о последних днях шведского посла в Венгрии графа Рауля Валленберга

и потрясенные родители Дженни

альтернативный этаж: крышу оставляю — мы с Дженни и т. д., но сначала я выступаю в дискуссии по израильскому телевидению. Родителям Дженни звонят друзья, поздравляют. И уж потом мы всем *нашим* семейством появляемся у них дома. Плавное течение ужина прерывает телефон. Отец Дженни прикрывает ладонью мембрану и сдавленным голосом сообщает, что со мной хотят поговорить из канцелярии премьер-министра. Я беру трубку. Разумеется, мы с *моей женой* чрезвычайно польщены приглашением. Когда господину премьеру будет угодно. За нами пришлют машину? Сеньку вери мач!

Красивая конструкция?

Самое интересное, что основания для этих бредовых химер имелись. Премьер-министр Израиля обязательно захочет со мной побеседовать в неофициальной обстановке, если Система ему доложит, кто я такой (а Система доложит — у нее свои выгоды). Вопрос в другом. Как забраться в верхние этажи моего хрустального дворца? Чтоб этажи не рухнули, надо заложить фундамент. То есть найти работу в Америке, то есть подвести материальную и финансовую базу и, наконец, жениться на Дженни. По поводу работы и денег: не то положение в академическом мире, чтоб меня в Америке встретили с распростертыми объятиями. Устроиться в рамках Системы? Система злопамятна, мне не простят, что я ушел добровольно в отставку, несмотря на уговоры. А главное — Дженни. Даже если ее чувства ко мне не остынут (что очень проблематично), я не могу ей сделать предложение.

...В темноте спальни я отчетливо видел, как мой воздушный замок распадается на куски.

Я еще не был у нее под каблуком, еще была возможность дать задний ход, но я по себе знал — я стремительно летел в пропасть, которая называется последняя любовь. Мы с ней жили без году неделя, однако и малого отрезка времени хватило, чтоб понять: Дженни моя жена и только так я к ней буду относиться. (На что она рассчитывала, когда приказала мне со-

брать чемоданы, — на приключение, на авантюру? Или интуитивно угадала?) Как прекрасно все складывалось в этом лучшем из миров! Да вот одна закавыка — Дженни пригрела потенциального убийцу. Я не имею права ломать ей жизнь. Если моя наводка подтвердится, то я достану Кабанчика. Значит, мне обеспечено жилье в Америке (зря волновался!) в казенном доме до конца моих дней. Какая радужная перспектива для моей любимой девочки! Кто ты, Дженни? Подарок Господа Бога за мои страдания или ловушка дьявола, чтобы сбить меня с пути? Так или иначе, но я обязан выполнить свою миссию. Вот если окажется, что мистер Кабанов сбоку припека, не замешан, а человек, стрелявший в Париже, исчез бесследно в бескрайних просторах России, куда моя рука не дотянется, — вот тогда, дорогая Дженни, не соблаговолите ли стать моей женой, наше будущее безоблачно... Ищу лазейку? Трусливо надеюсь, что стечение обстоятельств позволит мне укрыться в тихой гавани, изменить своей клятве?

...Закутавшись в плащ (зимние ночи здесь холодные), я вышел на балкон, закурил. Шерман-Окс, спальный пригород Лос-Анджелеса, безмятежно дрых. По Голливуд-бульвару в любое время суток проносились машины, а тут — мертвая тишина. Неспешной походкой Диккенс-стрит пересек кот, уселся под фонарем. Задрал голову. Меня рассматривал? Плавно, почти без звука, подрулил зеленый «ягуар», остановился у противоположного тротуара. Я ждал, что откроется дверца. Не открылась. «Ягуар» постоял-постоял и укатил. Тоже из семейства кошачьих, решил сам прогуляться, без водителя.

Днем дежурный звонок Дженни с работы:

— Ты плохо спал сегодня?

Кто настучал? Кот?

Я рассказал, что такое со мной бывает. Разыгралась фантазия. Представил себе, как мы поедем в Израиль к твоим родителям.

— Мне не нравится твоя бессонница. Или ты недоел или недопил. Пожалуйста, по вечерам не изображай из себя спартанца. Не тот возраст.

...Возраст. Все-таки всплывает тема. Если это ее уже беспокоит...

Вентура-бульвар мне скоро надоел, и я изобретал новые маршруты, например вверх по Стоун-каньону, уютной зеленой улице почти без тротуаров и без машин. Каждый дом не похож на соседний: белое английское колониальное ранчо, миниатюр-

ный замок с башенками, фруктовый торт с окнами, бесхитростный барак, современный слон с четырьмя лапами (второй этаж покоится на железных балках) — и этот шустряк прилепился, как ласточкино гнездо, в середине крутого склона и оттуда гордо взирает на публику... Объединяло их одно: на каждом объявление — дом оборудован электронной охраной такой-то фирмы. Подстриженные газоны, цветочные клумбы, гигантские пальмы, сосны с бесстыжей наготой стволов, скромные березы и какие-то незнакомые мне деревья с зелеными лимонами на ветках, что позволило мне сделать вывод — это... Правильно! Таежная пихта!

Дачный ботанический рай тянулся... Не знаю, мне становилось лень переть в гору и я возвращался. Однажды рано утром я заметил на лысой крутизне трех койотов. Откуда они прокрались, чем промышляли в заповедной зоне? Может, как и я, присматривали себе конуру?

Нет, на конуру я не согласен. Пожалуй, вот этот трехэтажный теремок я бы купил для Дженни и Эли. Фальшивый массивный фасад меня не обманывал. Я видел, как тут возводят стены (несколько домов ремонтировали мексиканские рабочие) — из тонких досочек! Боязнь землетрясения... По сравнению с французским деревенским жильем, сложенным из камня, — фанерные коробки. Однако здешние фанерные коробки весили до миллиона долларов (деньги для Франции неслыханные) — плата не за прочность конструкции, а за место под калифорнийским солнцем.

Прохожих на Стоун-каньоне я встречал редко (разве что выведут собаку), но бывало, только я приценюсь к домику, глядь, поднимается дверь гаража и на синей «хонде» (на сером «мерседесе») выезжает дамочка с детишками, смотрит на меня, как на заблудшего койота, потом приветливо здоровается:

— Хай!

— Хай!

Слова из трех букв. Поговорили. Машина ложится на курс по направлению к Вентуре. Дверь гаража опускается, электронная охрана включена, профессор, не зарясь на чужую собственность.

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Данте на пороге Ада.

Земную жизнь пройдя — скажем так осторожно — до упора... я очутился в живописной долине, куда стремятся попасть все преуспевающие американцы (тогда как остальное сбрендившее человечество грезит об Америке). Профессор Сан-Джайст на пороге. Чего?

Ей-богу, меня не манили эти фанерные дворцы, где внутри, конечно, все было оборудовано по последнему всхлипу моды — копии салонов магазинов мебели и бытовой техники. Телевизоры, принимающие 120 программ, телефоны с переносными трубками и автоответчиками, все круто закондишено и компьютеризовано (интересно, имелись ли книжные шкафы или хотя бы единственная книжная полка?). Да, я знал, что Дженни никогда и никуда отсюда не уедет, что она мечтает приобрести нечто косолапо-аляповато двухэтажное и двухгаражное, с газонем, цветником, апельсиновым или лимонным деревом и бассейном на заднем дворе.

Повторяю, земную жизнь пройдя до, я был уверен, что уперся в стену — тюремную или (в лучшем случае) моей парижской студии, с пожелтевшими от табачного дыма обоями, заваленную книгами и манускриптами (мой дом — моя крепость), где намеревался провести остаток рабочих и пенсионных лет, читая, сочиняя мемуары, общаясь с моими большими и маленькими детьми. И вдруг в глухой стене распахнулась дверь. За ней дорога — в ад, чистилище, рай? — неважно, в жизнь, имя которой Дженни. Поэтому мои прогулки по Стоун-каньону превращались — нет, не в пытки, не надо плести напраслину — в испытание соблазном. Земную жизнь пройдя от А до Я, впервые сожалел, что не накопил на счете в банке несколько миллионов или не зарыл в укромном месте, в жестяной банке, золотые монеты и драгоценные камни. Причитавшаяся мне зарплата и далее пенсия, честно заработанная, вполне обеспечивали комфорт на gue Lougmel, покрывали (я рассчитал до франка) банковский заем, а иначе откуда у меня средства разъезжать по миру, охотясь на парно-непарнокабановых? Но в спальном районе Лос-Анджелеса, под пальмами и табличками электронной охраны, котировались другие суммы, которых у парижского профессора не было.

Взбалмошной девочке пришла в голову идея меня приодеть. Я хотел ответить каким-нибудь экстравагантным подарком... и затаился, как старый скряга. Чеки «Америкэн экспресс» я разменивал только для оперативных расходов.

И еще я составлял конспекты будущих лекций, рассылал письма с обратным адресом ближайшей почты на Вентура-бульваре. На Вентуре моя душа отдыхала. Жуть, а не бульвар. Как тут люди живут? Впрочем, здесь и не жили — покупали, обедали, сидели в конторах, ездили взад-вперед, заправлялись бензином и платили квотеры за стоянку машин. Зато на Вентуре рано зажигали фонари и по его тротуарам можно было топать до посинения.

Топаю и краем глаза фиксирую, мимо чего проношусь. Двухэтажный стеклянный центр ксерокопий, народ там плавает, как рыба в освещенном аквариуме. Магазин пластинок, лазерных дисков и видеокассет — продавец вешает на дверь табличку «closed». Банк, без единого огня внутри здания. Лавочка женской одежды. Кафе, три посетителя у стойки. Магазин электроламп, торшеры вытянули шеи, как жирафы. Китайский ресторан, окна занавешены. Банк. Химчистка. Диетический ресторан, несколько пожилых пар за столиками. Церковь методистов, в витрине книги с изображением Христа. Зубоврачебный кабинет. Лавочка дамского белья. Магазин антикварной мебели. Офис архитектора. Ресторан, у входа сидит мускулистый мексиканец, швейцар и охранник, меня уже заприметил и здоровается, как с давним знакомым (немудрено: после восьми вечера прохожих можно по пальцам перечесть). Перекресток со светофором. За ним — если продолжать движение по бульвару — пустырь (Пропадает земля! Или после землетрясения снесли развалины, а построить ничего не успели?), дальше — мотель. Но мне пора поворачивать обратно, скоро Дженни уложит Элю...

Вечером огни витрин скрашивали чудовищные фасады Вентуры. А днем ощущение, будто попал на Дикий Запад (если не замечать потока машин и пары многоэтажных коробок страховых компаний, торчащих, как плотницкие гвозди, которые забыли забить). Дикий Запад! Наверно, такое же чувство было и у Дженни, иначе зачем она пообещала купить мне ковбойскую шляпу и лассо?

Кого ловить?

Разве похож твой профессор (твой, Дженни, твой) на ковбоя-героя, способного заарканить Золотого Тельца? На этот раз я преследую неаппетитную добычу, и правила охоты таковы, что мой меткий выстрел рикошетом заденет и меня. *Се la vie*, Дженни, и не я ее придумал.

Кстати, получил от Доула объективку на мистера Остапчука, хозяина ресторана в Сан-Диего. Действительно, был в биографии виртуоза русских трех букв лесоповал, но якобы по политическим мотивам. Впрочем, с точки зрения американской администрации судебный приговор за хозяйственные хищения выглядел как подавление частной инициативы. Политика! Короче, Доул нашел поделника Остапчука в том же Сан-Диего, а я объяснил Доулу, о чем с ним надо беседовать. О проблеме перевода. Нюансы юридических терминов. Если перевести «хозяйственные хищения» как воровство, то добренькое иммиграционное ведомство шибко разгневается, со всеми выте-

кающими последствиями. Дружок Остапчука, парень смека-листый, выразил горячее желание встретиться с господином Кабановым и обсудить с ним заманчивые перспективы совместного бизнеса. Нормальное предложение, подозрений не вызывает, а Доулу свистнут, когда Кабанчик появится на горизонте.

На почту, к окошку «до востребования», я регулярно навещался за корреспонденциями от Доула. С ответами на мои письма университеты не торопились. Что ж, логично. Поэтому я очень удивился, получив фирменный конверт университета Джорджтауна. Меня приглашали на две лекции в Вашингтон и просили дать адрес, по которому можно прислать билеты на самолет, дело срочное. Какой приятный сюрприз! Правда, в Джорджтаун я не обращался, считая, что Вашингтон слишком далеко от Калифорнии, но университетский мир тесен. Молодцы, ребята, среагировали первыми. Тут же черкнул записку, указав адрес Дженни. Дженни ничего не сообщил из суеверия. Конечно, Джорджтаун — организация солидная, да ведь и там могли напутать.

Через пять дней курьер «Федерального Экспресса» меня вытащил из ванны и вручил пакет. В пакете письмо от декана исторического факультета, мне предлагалось повторить, с вариациями, лекции, прочитанные в Сан-Диего (вот откуда наводка!), и прилагался билет «Union Airways», причем дата вылета из Вашингтона не проставлена. Гуляет университет? Или хотят на меня посмотреть и, в зависимости от впечатления, поговорить о чем-то более существенном?

В самолет писал тезисы. Я оценил благожелательность декана и все-таки повторяться права не имел, надо было держать марку. Молодой сосед слева с любопытством заглядывал в мои каракули.

— Разрешите спросить: чем вы занимаетесь?

— Готовлюсь к лекциям.

Ну, рассказал немного, на какую тему.

— Интересная у вас специальность, — почтительно произнес сосед, — а я рекламирую холодильные установки. Рутина. Знакомое словечко!

Впрочем, я давно заметил, что реклама тащит в свой лексикон не только цитаты из классики, но и жаргон других ведомств.

Коллеги с факультета встретили в аэропорту (держали в руках картонный плакат с моим именем), в машине мы обсудили некоторые детали. Меня доставили в гостиницу в центре города, на Коннектикут-авеню. Деловые и неназойливые ребята со мной попрощались в вестибюле: дескать, отдыхайте, рас-

полагайте своим временем, а завтра к вечеру, перед лекцией, мы за вами заедем.

Я поднялся в номер. Две комнаты, спальня и кабинет. Апартамент, предназначенный для министров или крупных фирмачей, которым надо с утра принимать посетителей. Жалко, что не удалось привезти с собой Дженни, она бы еще с порога воскликнула: «Отдаться мало!» Пусть бы увидела, как принимают ее бедного профессора. А может, в университетской бухгалтерии спятили? За кого они меня принимают?

В дверь настойчиво стучали. Наверно, я не сразу услышал.

Мой любознательный молодой попутчик, специалист по холодильным установкам, ввел в кабинет двух седовласых джентльменов с генеральской выправкой, в безукоризненных штатских костюмах. Оба, естественно, главные, но тот, кто главнее, первым подал голос:

— Профессор Сан-Джайст? Извините за вторжение. Хотим вас пригласить спуститься в ресторан. Гарантируем отличную кухню.

И все трое улыгнулись: «Чииз».

— У вас фотогеничное лицо, — ответил я. — В том смысле, что часто мелькает в газетах и по телевизору. Минуточку, я сейчас вспомню. Вы...

— Правильно. Я работаю в аппарате Помощника Президента по безопасности.

Второй главный, не гася улыбки, развел руками:

— Не обладаю такой известностью. Зато вы догадались, откуда я. ЦРУ.

— Садитесь, господа. — Я указал на кресла. — Не спрашиваю, откуда молодой человек. Но мои коллеги из университета...

На лицах гостей проступило смятение. Хором:

— Что вы, что вы! Мы не имеем к Джорджтауну никакого отношения. Просто мы решили воспользоваться вашим присутствием в Вашингтоне. Здесь состоится встреча на довольно высоком уровне. Желательно ваше участие.

Ситуация прояснялась, но я хотел понять ее до конца и пошел на мелочную проверку. Генералы в штатском, конечно, поймут, что это мелочная проверка, однако простят меня.

— Я устал, господа. Четыре с половиной часа в самолете, да и в машине было неудобно. В Америке с этим строго, особенно в общественных местах и государственных учреждениях.

Глаза гостей остекленели. Пока никто ничего не понимал.

— Нет сил терпеть. Вы мне разрешите?

И я достал пачку «Малборо». Вторя моим движениям, се-

довласые джентльмены достали из карманов сигары (холодильным установкам по чину не полагалось), сизый ароматный дымок поплыл по кабинету.

— В Америке теперь мода на сигары, — сказал ЦРУ. — Что же касается учреждений... Выдаю государственную тайну. Абсолютно запрещено курить лишь в Белом Доме. И не потому, что Хозяин строго блюдет закон, а потому, что лютует евойная...

Имя не было произнесено, но мы обменялись заговорщицкими взглядами.

Официальный Вашингтон проводил неофициальное мероприятие. Так как местная пресса тут особенно пристально следит за всем неофициальным, то официально это называлось «Конференцией по борьбе с проникновением русской мафии в Америку». Неофициально сообщалось, что официально приглашены представители российских спецслужб и соответствующие ведомства из некоторых заинтересованных стран. Мне, как представителю нейтральной стороны, предназначалась роль сопредседателя конференции, плюс я должен был выступить с докладом. Тема «Организованная преступность в XX веке, исторический анализ». Несмотря на разгар антитабачной кампании в Штатах, напустили такую дымовую завесу, что удалось скрыть от недремлющей общественности суть дела. По сути, это было выяснение отношений между ЦРУ и российской ФСБ. Уточнение сфер влияния. Так как в последние годы произошла легкая путаница, перекроившая карту Восточной Европы, то сферы тоже хотели понять, кто на них влияет и под чьим влиянием им быть выгоднее. Часть неофициальных переговоров проходила у меня в кабинете, сферы предпочитали, чтоб на них (переговорах) официально присутствовал председатель конференции, специалист по истории (как школьный учитель при разборке учеников, чтоб разборка не превратилась в мордобой). Желание поговорить с глазу на глаз возникло спонтанно, нужна была координация, мою же университетскую программу (на жаргоне Системы — «крышу») никто не отменял, поэтому срочно сняли соседний номер и посадили в него специалиста по холодильным установкам (приемная профессора Сан-Джайста).

Разумеется, высокие договаривающиеся стороны, ЦРУ и ФСБ, деликатные вопросы решали без свидетелей, но иногда требовалось назвать вещи своими именами, констатировать очевидные факты, жестокую правду, а это противоречило этике

Системы. В Системе в принципе не может быть победителей. Пусть лучше за круглым столом, на расширенном совещании, французский профессор, следуя французской поговорке, назовет кошку кошкой, а мы демонстративно скептически улыбнемся наивности ученого теоретика.

Поначалу американцы надеялись, что все пройдет по их сценарию (с которым меня ознакомили еще за ужином в ресторане), однако русские не желали допустить игры в одни ворота (о чем мне было официально заявлено на следующий день, когда трое из ФСБ появились у меня в номере с неофициальным визитом).

— Мы не мальчики для битья, — нервничал штатский товарищ из военной разведки, — мы согласились на вашу кандидатуру, рассчитывая на объективность. Если американцы надуются, мы покинем конференцию.

...Я высчитал, что он из ГРУ. Он высчитал, что дает мне полезную информацию. Моя кандидатура согласовывалась! А я-то думал, что гуляю по Вентуре и Стоун-каньону без надзора...

Во встречах такого рода обычно участвуют люди, которые занимают не руководящие, а ключевые посты. Начальники приходят и уходят. Их назначение — вопрос политики. Профессионалы остаются при любом начальстве. Система передает им свои секреты по наследству. Профессионалы знают все и в первую очередь — друг друга. И еще в недрах Системы существуют Глубоководные Рыбы. Они *решают*. Но не всплывают никогда. *Ou presque*.

Так вот, профессионалы вынуждены выполнять (или делать вид, что выполняют) приказы руководства и одновременно придерживать стратегию, выработанной Глубоководными Рыбами. Часто одно другому противоречит. Запутанно? Мне кажется, американская делегация выбрала неправильную тактику силового давления, чтоб заставить русских отступить по всем фронтам, а главное, доложить об этом начальству. Русские готовы были пятиться — ситуация сложилась не в их пользу, — однако с условием, чтоб все выглядело так (в глазах их начальства), будто они не отступили ни на йоту.

В общем, в какой-то момент американцы слишком нажали. Русские обиделись. Переговоры повисли на волоске.

Я внес историческую справку:

Самую большую ошибку в нашем веке совершили американские спецслужбы. Имя этой ошибки — Джимми Картер. Наверно, честнейший и самый порядочный президент за всю историю Америки, но ничего не смыслящий в мировой политике.

Он начал отдавать все Советскому Союзу. Он отдал Иран имаму Хомейни, и страна рухнула в пучину средневековья, мракобесия. У шаха Ирана было достаточно сил, чтоб остановить Хомейни. Картер выкручивал шаху руки под предлогом «борьбы за права человека». Теперь Иран — центр исламского фанатизма и международного терроризма, его поведение — непредсказуемо. Лишь старческая осторожность советского Политбюро спасла Запад от катастрофы. В Кремле не поняли, что Картер отдает все, подумали: «Это какая-то американская ловушка». Когда догадались, было поздно, срок правления Картера истек, и Советы в спешке взяли то, что лежало под боком — Афганистан. Спрашивается: куда смотрела американская разведка? (Потом Картер громил и свою разведку, но это уже ваши внутренние проблемы.) В итоге произошла дестабилизация стратегического региона. Почему американские спецслужбы проявили такую близорукость и допустили в Белый дом некомпетентного и неуправляемого человека? Можно предположить иной вариант: советская разведка (мозг ее Системы) сознательно не воспользовалась игрой Картера в поддавки, с целью сохранить равновесие в Африке и Европе. То есть вам, господа американцы, был сделан царский подарок, причем тогда, когда вы сидели в глубокой заднице. Хорошо бы это помнить, прежде чем говорить о победной стратегии ЦРУ.

...Американцы застыли с каменными лицами. По оживленному взгляду товарища из ГРУ я понял, что переговоры будут продолжаться. Признаться, я ожидал, что кто-то из американской делегации, хотя бы для приличия, бросит реплику: мол, у нас в стране демократия, и президента Картера выбрал народ. Если бы это была официальная встреча в присутствии начальства, то гневная отповедь такого рода последовала бы незамедлительно. Однако профессионалы слишком уважали друг друга, чтобы тратить время на подобные глупости.

К восьми утра я должен был быть помыт, побрит и при галстукке. Мой рабочий день заканчивался в десять вечера. Откровенно говоря, не думал, что выдержу вашингтонский ритм, да вот втянулся. Правда, мне здорово помогали, находили в библиотеках нужные книги и статьи из газет, привозили копии документов. Тексты своих докладов и выступлений я надиктовывал специалисту по холодильным установкам. Он барабанил пальцами по клавишам компьютера, как заправская машинистка, и на телефонные звонки отвечал, что сейчас профессор занят в архиве. Даже когда звонила Дженни. Во всех остальных

случаях, если я был в пределах досягаемости, он тут же соединял ее со мной, а я уж выкручивался по обстоятельствам. Почему ей такой фавор? Наивно спрашивать. После ее звонка в первую ночь он прибежал утром в дикой панике, сказал, что произошла накладка, что они не учли моего расписания, что отныне в любой час мне будут приносить в номер горячий ужин, буквально силой всучил мне конверт с «командировочными», повторяя, что, конечно, деньги маленькие, но командировочные положены всем. Ну, не такие уж маленькие, да и я не очень сопротивлялся. И как ни накалялись страсти во время дебатов в моем кабинете, но около десяти вечера все, как по команде, испуганно смотрели на часы, извинялись и бросались к двери. Я выходил из гостиницы, жадно вдыхал свежий холодный воздух и маршировал под дождем по вашингтонским улицам, еще более пустынным, чем в Лос-Анджелесе, пока не проветривалась голова, а за мной вдоль тротуара, повторяя все мои зигзаги, тихо катилась машина. Я пытался возражать, но мне сказали: так надо. Через минуту после моего возвращения в номере появлялся официант со столиком на колесиках. Телефон, не умолкавший в течение дня, дребезжал лишь когда звонила Дженни. К полуночи я полностью отключался. В 6.30 радиобудильник завел свою музыку.

На конференции я произнес все те слова, которые так жаждали услышать от меня (и зафиксировать) американцы. Но доклад профессора требовал элегантности, академической формы. Просто обозначить кошку кошкой показалось бы примитивом.

Образцы моего красноречия:

«Когда Великая Империя рухнула —

и будет там стоять Генералиссимус и маршалы великие его, да это уже было, было. В двенадцать часов по ночам вставал Император из гроба, а над другой империей никогда не заходило солнце, и гунны нависли над миром, и гнал хан Батый свои несметные орды на Русь и Европу — на рысях, на большие дела — так почему Великая? Потому что дряхлый Генсек мог одним нажатием кнопки разнести к чертовой матери земной шарик? И впрямь, о такой возможности даже не мечтали ни Гай Юлий, ни Адольф Алозьевич; только никогда добрый старикан, лауреат литературных премий, не сделал бы этого лишнего движения, ибо знал: западные краснобаи-демократы хоть и имеют не хуже игрушки, но первыми на кнопки не нажмут, а про него, Генсека, им это не известно — посему обречены трястись от страха перед Великим противником. Так вот,

когда Великая Империя рухнула —

но почему империя, ведь называлась она по-другому — мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз, — да потому, что «императив» означает повеление (партия велела, комсомол ответил: «есть!»), и всюду был порядок: в доме, на улице и в танковых войсках! А если случался бордель, то и он планировался, и Калужская область досрочно заканчивала, и фабрика «Красная большевичка» перевыполняла, и знатный токарь Иванов смело смотрел в будущее — ему светила пенсия 90 рэ (сто долларов по официальному курсу). По велению была невиданная стабильность в мире, правда, постоянно где-то воевали и взрывали, но воевали и взрывали по плану, в рамках договоренности, а если за рамки переходили, то быстро выясняли отношения на тонком дипломатическом языке: «Значит, так, достопочтенные джентльмены, мы своих косоглазых придержим, но и вы своих черножопых прижмите, иначе...» Иного и быть не могло, кто отважился бы пикнуть, какой Саддам Хусейн посмел бы высунуться! Так вот,

когда Великая Империя рухнула —

почему она рухнула? Ведь была построена на века и товарищи шли верной дорогой, и Политбюро строго придерживалось мудрого римского правила: «Народу — хлеба и зрелищ». Разве люди не помнят, что в магазинах всегда имелись в широком ассортименте батоны по 13 копеек (потом по 26), плавленые сырки «Дружба» и «Розовое крепкое» (до 7 вечера)? А продовольственные заказы на предприятиях с дальневосточной сайрой, венгерской курицей и балтийскими шпротами? Разве в последние 30 лет кто-нибудь в Стране Советов умирал с голоду? Что касается зрелищ, то господа из российской делегации подтвердят — они, зрелища, были величественные и захватывающие — военный парад на Красной площади 7 ноября, решающий матч на первенство по хоккею «Спартак — ЦСКА», похороны К. У. Черненко... Так почему она рухнула? Сионистский заговор, ошибки Горбачева, коварство Ельцина? Не ищите ответа. До сих пор неизвестно, почему вымерли динозавры и мамонты, а муравьи и тараканы благополучно пережили природные катаклизмы и от химических ядов только жиреют. Видимо, закон есть в Природе: все Великое обречено...»

На последнем закрытом пленарном заседании, когда мне предоставили слово, все опять приготовились к фейерверку (так оценили мой предыдущий доклад представители ФСБ и ЦРУ), но я говорил сбивчиво, волнуясь, косноязычно:

«Система была основана на противостоянии могущественных сторон. Проследим по разным этапам истории: Франция и Англия; Франция, Англия и Россия; Франция и Германия; Ан-

танта и Германия; Западная Европа и СССР; Америка, Англия — Германия; Япония, Италия — СССР; СССР — Западная Европа, США. Система прекрасно функционировала, когда сохранялось равновесие сил. Наглядный пример — благополучный выход из кубинского кризиса. Карл фон Клаузевиц утверждал: «Война — простое продолжение политики другими средствами». В его время Система только становилась на ноги, потом сколько войн удалось предотвратить благодаря Системе. Я, ветеран Системы, очень озабочен происходящим. Если Россия, как великая держава, сойдет со сцены, это рикошетом ударит по Соединенным Штатам. Гегемония одной силы — хаос и распад мирового порядка. Когда Рим победил всех своих соперников, он был сметен варварами, неконтролируемой массой. Сегодня ни одна супердержава не сможет справиться, нейтрализовать всех этих повстанцев, партизан, сепаратистов, левых и правых террористов, национальных, религиозных, этнических фанатиков. Они рождаются, как микробы в воздухе. Но когда есть две противостоящие силы, весь этот микрокосм крутится возле них, притягивается, как магнитом, ибо стремится использовать силовые центры в своих целях. Микрокосм по сути своей переменчив: этническая уголовная банда может перерасти в крупное сепаратистское движение и, наоборот, национальный религиозный фронт рассыпаться на мелкие террористические группы, элементы микрокосма будут перескакивать из одного политического (идейного) лагеря в другой... Неважно, главное, они вылезли на поверхность, они себя афишировали, а уж как их контролировать — вопрос техники. Супердержава, определяющая мировой порядок, вызывает всеобщую ненависть. Подрывные элементы знают, что не представляют интереса для стража мирового порядка — нет другой силы, против которой их можно использовать, значит, естественная реакция Хозяина — прихлопнуть. Кончилась великая «холодная война», и начались десятки горячих войн. Завтра их будут сотни. И никто не понимает, почему воюют и как эти войны остановить».

...И т. д. и т. п. Поток сознания вслух.

— Я прощаюсь с Системой, — сказал я. — Это мое завещание. Америка не приспособлена к роли мирового жандарма. У нее появится грозный противник: Китай или Иран в союзе со странами, где победит исламский фундаментализм. Поэтому, пока не поздно, поддержите Россию. Теперешняя Россия вам не противник, а соперник. Есть разница. С Россией вы давно нашли общий язык. Великая Империя рухнула, но у нее остался

военный потенциал, опыт и авторитет разведывательных служб, и еще кое-что, чем можно приструнить даже Китай. Извините, что вынужден был повторять азбучные истины и занял у вас столько времени. У меня через несколько часов самолет. Надеюсь, чем-то был полезен. Благодарю за внимание.

Чтоб дойти до двери, мне надо было пересечь зал заседаний. И тут — спонтанно или следуя чьему-то примеру, я не понял — все встали и молча провожали меня взглядами. Я шел как перед торжественным строем и чувствовал, что мои глаза повлажнели. Хотелось сказать «спасибо», но я уже сказал все и мне ответили. Из Системы уходят не оборачиваясь.

Я возвращался в Лос-Анджелес обыкновенным пассажиром и знал, что никто мне не будет заглядывать через плечо. Как всегда бывает после значительного действия (события), вспоминаешь не суть его, а какие-то пустяковые эпизоды, касающиеся лично тебя. В голове вертелись обрывки фраз: «Я отвык выслушивать публичные выговоры. Впрочем, получить нагоняй от легендарного Сан-Джайста — это факт биографии. Обидно, что служащим нашего ведомства запрещено писать мемуары». (Чииз — ЦРУ по поводу моей речи о Джимми Картере). «Профессор, меня давно не спрашивают, что я думаю. Всем некогда и неинтересно. Спрашивают только, что надо сказать в том или ином случае» (Генри Киссинджер). «От имени вымерших динозавров позвольте поблагодарить вас за тараканов. Точно назвали, дорогой профессор, эти твари жиреют на чужой беде. Впрочем, если бы Юрий Андропов был моложе лет на пятнадцать и здоровее — Великая Империя не рухнула, он бы провел перестройку как надо. К вопросу о роли личности в Истории» (товарищ из ГРУ). ...М-да, жалею, что нельзя рассказать обо всем этом Дженни. Может, через несколько лет, если волки будут сыты и овцы целы, и рак на горе свистнет, и каким-то чудом все обустроится, и я найду концы, спрятанные в воду, так вот тогда я шепну своей верной жене... нечто высокопарное: мол, в Вашингтоне встречался с мастерами часовых дел и помогал им налаживать механизм, который крутит земную ось (!!!). Bravo! Ведь сам замечал: у отставников тщеславие растет пропорционально их пенсионному стажу. Уж какой умница Киссинджер, да и он в своем докладе «Россия — США. Геополитика» (для этого пригласили на конференцию) заявил:

— Рейган был слабеньким президентом. Успех его правления связан с тем, что у него имелись две-три идеи, которые совпали со временем.

Перевод с геополитического на пенсионный... Без перевода ясно. Из того же цикла, что и пятнадцать лет, не хвативших Андропову. Вечный плач по временам, с которыми не совпадаем.

Между прочим, теоретически Киссинджер прав. Не случись уотергейтского скандала — не пришел бы Джимми Картер, а старина Генри во главе Госдепа конечно бы не допустил оглушительных провалов («У Америки нет политики!» — в ужасе воскликнул Жискар д'Эстен после своей первой встречи с Картером) и, таким образом, дотянул бы до лучших времен. Но мой опыт работы в Системе (а я работал на разных постах и в разных ситуациях) научил меня одному: времена всегда не те, других в природе не бывает.

Словом, если мне суждена благополучная жизнь с Дженни, то подозреваю, что за отсутствием денег, акций, домов и прочего, положенного джентльмену моего возраста, начну ее потчевать историями типа «каким я был тогда». С чем мы непременно совпадем — так это со старческим маразмом.

Но никогда не расскажу о приватной беседе с Глубоководной Рыбой, всплывшей, разумеется, не на конференции — на коктейле в университете, последовавшем за лекцией. Круглый, толстый человек в круглых, толстых очках взял меня за пуговицу пиджака и спросил по-французски:

— Приятно себя чувствовать свадебным генералом, давать мудрые советы и не отвечать ни за что?

Пахнуло океанскими водорослями, и я покорно поплелся за ним (за ней?) в полутемный бар, на морское сонное дно. Рыба заказала себе дринк, мне черный кофе (демонстрируя прекрасное знание моих привычек) и сообщила, что присутствовала в Копенгагене.

Два года назад в Копенгагене я официально подал в отставку.

Теперь Рыбе поручили проинформировать меня кое о чем. Вон как? А я и не догадывался. Спасибо за заботу.

— Отныне будете заботиться сами о себе, — сказала Рыба. — Мы умываем руки. Вам стоит только намекнуть американцам, что застреваете в Лос-Анджелесе, что ведете архивные поиски, а они связаны с некоторыми расходами. И вам позвонят из какой-нибудь фирмы, производящей калькуляторы или туалетную бумагу, и предложат место консультанта с приличным окладом. Работа непыльная: приезжать раз в неделю за чеком. Это вполне соответствует американскому менталитету. Намекнуть надо сейчас, на конференции, пока вы герой дня. Психология чиновника: он точно знает момент, когда его похвалят за широкий жест. Через неделю будет поздно.

Американский бюрократ вспомнит, что у них, как всегда, сокращают бюджет.

Пауза.

— Естественно, вы этого не сделаете. Вы хотите уйти из Системы красиво. (Если бы Дженни слышала! Она бы меня убила...)

— Почему вы упорно пытаетесь отослать меня к американцам? — спросил я. — Почему после моего возвращения во Францию вы ведете себя так, будто меня не существует на свете?

— Не преувеличивайте. Впрочем, отчасти *vous avez raison*. У нас национальные интересы. А вы давно превратились в международную фигуру. Мало управляемую. Вы еще способны наломать дров. Так что увольте.

В начале разговора, когда Рыба вещала от имени Системы, я не услышал того, что ожидал. В том числе и завуалированных упреков. Хватило такта. Но французская манера выглядеть благодетелем за чужой счет, да при этом еще читать мораль, меня возмутила:

— Назовем кошку кошкой. Вы боитесь, что я потребую какого-то вознаграждения. Психология французского бюрократа. Прошлые заслуги забыты, а сегодняшний бюджет, как всегда, сокращают.

— Мы не боимся. Мы достаточно вас изучили. Вы последний идеалист в Системе. Вы никогда ничего не потребуете. Кстати, у вас профессорская пенсия. Для справки: все оформлено соответствующим образом. Вы можете ее получать с любого момента.

Пауза.

— По поводу идеализма. В принципе хорошее качество. Во многом утерянное в наши дни. Почитайте, что пишет «Либерасьон» о коррупции в полиции.

Рыба оставила газету и, вильнув хвостом, растворилась в Вашингтонских сумерках.

Конечно, газету я сохранил и теперь, в самолете, созерцая в окошко Америку, проплывающую внизу в просвете облаков, перечел опять.

Что ж, как всегда в «Либерасьон», — задиристо, лихо, аргументированно. Попытка если не разгрести, то приоткрыть дверцу в святая святых французских спецслужб — авгиевы конюшни. На публику, естественно, произвело впечатление, но для человека сведущего — это продолжение драки под ковром между спецслужбами. Во Франции их несколько, и они очень друг друга не любят. Когда есть возможность (и повод) залепить соперникам в ухо, через левацкую независимую «Либерасьон»

организуется утечка нужной информации. Автор статьи с нескрываемым ехидством приводил выдержки из документа, найденного им(!!!) в архиве: мол, вот на каких высоких принципах основывалась полиция Французской Республики:

«...Полиция Французской Республики призвана защищать идеи Революции, интересы государства, жизнь и собственность простых граждан... служба в полиции оплачивается государственной казной, однако главное для стража порядка — моральное удовлетворение от чувства выполненного долга, уважение и признательность народа. Страж революционного порядка является собой образец неподкупности и бескорыстия. Полиции Французской Республики многое дается, но и многое с оной спрашивается. Все поползновения любого чина добыть себе дополнительные денежные или иные вознаграждения, используя свою власть и служебное положение, будут рассматриваться как тягчайшее преступление против Закона и жестоко наказываться, вплоть до расстрела на месте.

Подпись:

*Член Комитета общественного спасения,
Начальник Бюро общего надзора полиции
Антуан Сен-Жюст.
11 фримера 1793 года».*

* * *

Произошло чудо: я заснул в самолете. Как правило, мне не удается спать даже на межконтинентальных рейсах, а тут, наверно, сказалось напряжение последних дней. Тридцать минут сна начисто смазали вашингтонские встречи, переговоры — та жизнь кончилась, забыта, — я проснулся другим человеком, решившим соответствовать другому времени. Я перевел стрелки часов. Самолет снижался над кварталами южного Лос-Анджелеса.

Выйдя в зал ожиданий, я сразу увидел Дженни в кремовом брючном костюме (значит, прикатила прямо с работы). Увидев меня, Дженни сделала инстинктивное движение, будто хотела спрятаться, а лицо ее светилось радостью, и глаза ее...

Леди и джентльмены, клянусь Богом, у нее были глаза счастливой женщины.

И я подумал: «Как я мог от нее уехать? Почему я занимался какими-то глупостями? Целую неделю без Дженни! Все, больше никуда и никогда! Какой мне отпущен срок — несколько лет или несколько месяцев? (Мечтаю о нескольких десятилетиях, пока судьба не вмешается, не выдернет меня своими костлявы-

ми пальцами из этой сказки.) Все равно я буду благодарен за каждый год, за каждый день, за каждое мгновение, проведенное с Дженни, моей женой. Моей женой — только так.

Эйфория продолжалась до следующего вечера.

Красную полотняную веранду этого ресторана (пусть он горит синим пламенем!) я заметил, еще прогуливаясь по Вентуре. На веранде около столиков поставили мощные лампы-обогреватели, и получилось уютное место для прокаженных Калифорнии, бедных курильщиков, — по-моему, гораздо лучше, чем внутри ресторана, где была общая шумная тусовка. И вот мы с Дженни сидим напротив друг друга, воркуем, как два милых голубка, пьем винишко, закусываем диетически-рыбным, культурно отдыхаем.

Вдруг...

Черт бы меня побрал! С годами я явно потерял защитную реакцию, способность быстро реагировать, то есть расслабился. Раньше, мне кажется, ничего «вдруг» со мной не происходило, ибо я был постоянно в боевой готовности. Нынче сплошные «вдруг» выскакивают бешеными собаками из раскрытых ворот.

Вдруг:

— ...Я думала, думала и решила. Я не хочу быть твоей женой. Слишком много осложнений. Боюсь, я их просто не выдержу. Пустим все на самотек. Нам ведь и так хорошо?

Приехали. Правда, за несколько секунд до этого я обратил внимание, что она как-то загадочно на меня смотрит, не смотрит, а *рассматривает* отстраненно, будто видит меня впервые. Ее инквизиторский взгляд кого-то мне напомнил, но вспомнить «кого» было некогда, я получил удар, который сбил меня под столик.

...Размечтался. Будем жить-поживать, добра наживать, народим детишек. Будем благодарить Всевышнего за каждый счастливый год, за каждое счастливое мгновение. Только выясняется, что у моей «жены» совсем иные планы.

В армии, когда фронт прорван, применяется отвлекающий маневр. Пришлось выложить кое-что из вашингтонской записки. Дженни заинтересовалась, и я тем временем встал с четырех лап на две, отряхнулся и принял подобающую приличию позу.

Ночью я опять вышел на балкон. Покурить и поразмыслить на трезвую голову.

Значит, так, о тихой гавани забудь. Сколько лет тобой командовала Система, ты из нее вырвался и... попал во власть сумасбродной девочки. Ходы Системы можно было хоть как-то предугадать, но смену настроений у Дженни... А она небреж-

ным щелчком валит тебя с ног. С чем и поздравляем... «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая». Заруби на носу. Скоро от таких зарубок он у тебя будет полыхать роскошными цветами. И потом, за долгую и безупречную службу человеку полагается пенсия и, если начальство благоволит — очередной чин, крупная денежная сумма, плюс орден. Пенсию мне оформили (Любопытно, что они там нахимичили? По правилам французского социального страхования никак не дотягиваю до срока. Приедем в Париж, посмотрим), чин определили — «свадебный генерал». Денег от них фиг дождешься (сокращают бюджет), орден зажали. Могли бы, между прочим, вручить «Почетный легион». Ни стыда ни совести! Ладно, орден, допустим, — предмет для дискуссии. Однако ни в одном воинском уставе (или уставе спецслужб) не записано, что за выслугу лет дают Дженни! В каком бредовом сне это тебе приснилось?

Дженни придется завоевывать. Прилагая максимум усилий. Сантиметр за сантиметром. День за днем. Всю жизнь (если эта жизнь у тебя имеется в запасе — помни предупреждение Глубоководной Рыбы).

...Чуть-чуть колыхались тени от листы на крыше красной «тойоты», припаркованной, как и старый «шевроле», к противоположному тротуару, наверно, еще в начале века. Ни кот, ни «ягуар» — никто из ночных бродяг не нарушал покой Диккенстрит.

Вчера у нашего дома (нашего?) остановилась шестиместная карета, вызванная моим воображением, карета с вензелями шведской короны на коричневых лакированных дверцах. Далеко ли ты уедешь в карете прошлого? «Чем ты меня взял, Тони? Своими историями». Золотые слова, моя девочка. И впрямь, в резерве главного командования ничего нет, кроме историй. Козырай, пока они ей интересны. Кстати, новелла про короля Карла XIV должна понравиться.

II. КОРОЛЬ КАРЛ XIV

Башенные часы на дворцовой площади пробили десять раз. Метель гуляла по улицам Стокгольма, стуча в закрытые ставни темных окон. Законопослушные шведы рано ложатся спать, а может, вообще не просыпаются в эту пору полярных ночей. Зачем вставать, одеваться, когда не успеешь нос высунуть на улицу, как опять стемнело? Лишь в кабинете короля Карла Четырнадцатого ярко горели свечи. Патрульный жандарм остановился у засыпанной снегом конной статуи Густава-Адольфа, отдал

честь крупу лошади и устало подумал: «Кому нужен ночной дозор, когда сейчас ни одной собаки в городе не встретишь?» Однако, увидев на фронтоне дворца три освещенных квадрата, солдат взбодрился: «Наш добрый король еще работает!» — и продолжил свой путь, миновав стороной свежие сугробы.

Вообще-то жандарм мог смело вернуться в казарму, снять обледеневшие сапоги и греть у печи замерзшие ноги. Под вой метели, налетевшей с просторов Балтики, все живое в объединенном королевстве Швеции и Норвегии посапывало, посвистывало, причмокивало, похрюкивало, давило сон. Забились в чашу, в берлоги, в подземные гроты волки, лешие, медведи, россомахи, тролли и тролльчихи, гномы и белоснежки. Ничто не нарушало покой мирной страны. Дураков нет нарушать его в такую погоду. И если был кто-то, замышлявший недоброе против доброго короля, то ночной страж все равно бы его не обнаружил, ибо в данный момент злодей не прятался в сугробах, скалах и берлогах, а сидел в королевской приемной.

Барон Рапп не услышал боя башенных часов, окна приемной выходили во внутренний двор, но часы с длинным медным маятником в полированном шкафчике из светлого дерева, стоявшие рядом с флигель-адъютантом справа от дверей кабинета, повторили десять ударов. Барон Рапп криво усмехнулся. Точность — вежливость королей! Ему было назначено на девять. Впрочем, барон Рапп тут же стер усмешку со своего лица и тревожно глянул на адъютанта. Бывший французский гвардеец застыл в наполеоновской позе, скрестив руки на груди, и, кажется, ничего не заметил.

Метель за стенами дворца была слабым отголоском той бури, что бушевала в душе барона Раппа. Стараясь успокоиться, он следил за мерным движением медного маятника, но мысли барона металась от одной крайности к другой. Он знал, что получает неожиданное повышение, затем его и вызвали в Стокгольм. Утром во дворце с ним отечески беседовал Государственный секретарь граф Платтен. В тридцать лет занять одну из ключевых должностей в Норвегии — какая блистательная карьера! И все же не приходят на аудиенцию к монарху, заткнув за пояс под мундиром кинжал. Довольно странная манера благодарить за королевскую милость. До сих пор барон Рапп не решил, что ему делать: с почтением выслушать благую весть и откланяться, броситься на Короля с кинжалом или, войдя в кабинет, молча вонзить холодное лезвие в свое сердце. Разбитое сердце.

Ну кто мог подумать! Как хорошо день начинался. После беседы с графом Платтеном барон Рапп примчался домой поде-

литься новостью со своей женой. Красавица Диса надула губы. Разве угодишь женщине? Опять в Норвегию? Меня оставляешь в Стокгольме? Барон доказывал, что в Тронхейме Диса умрет от скуки, в Стокгольме привычная ей светская жизнь. В Тронхейме у барона масса работы, с Дисой придется снимать дом, лишние расходы. Барон хотел как лучше. В ответ — слезы, скандал, выяснение отношений. Разве женщину переубедишь? Я о семье забочусь, работаю не покладая рук, видишь, дослужился до... И вдруг холодный надменный взгляд и убийственные слова:

— Это ты дослужился? Ты бы до конца своих дней бегал на посылках у Хаммерфильда, если бы я не выпросила для тебя вице-губернаторство, обслуживая Его Величество за «шведским столом»!

«Шведский стол»! В придворных кругах шептались о королевских забавах. Швеция слишком маленькая страна, чтоб хранить тайны. Более того, дамы рвались наперегонки к «шведскому столу», в укромный охотничий домик Карла Четырнадцатого. Злые языки, не стесняясь, сообщали, каким образом предприимчивые красотки добывают королевскую благосклонность своим рогатым супругам.

И вот выяснилось: главная фаворитка — жена барона Раппа, гордая, нежная, неприступная Диса. Воистину мужья узнают последними.

...Удачливых соперников вызывали на дуэль. Но не бывает дуэлей с королем, королевским расположением принято гордиться. Графа Ферзена толпа растерзала на дворцовой площади, заподозрив его в убийстве наследного принца. Теперь граф Ферзен — легенда страны, ибо шведы узнали, что он был любовником французской королевы Марии Антуанетты. Любовником, а не обслуживал ее за «шведским столом»! Все так, но войны в Европе кончились, время тридцатилетних генералов миновало, должностей мало, а сколько кругом жадных ртов? Чтобы проявить себя, надо прорваться наверх, но Хаммерфильда обойдешь только королевским указом. Король — гасконский мужлан, а Диса позволяла ему то, на что барон даже намекать не осмеливался. Кинжал! Месть за опозоренное имя. И сразу заколоться самому, чтобы избежать публичной казни. «Дорогой мой, не натвори глупостей, — сказала Диса. — Мы уедем в Норвегию, и все забудется». Уедем в Норвегию! Значит, она все-таки его любит... А если король ее не отпустит? Как воспротивиться высочайшей воле?

От этих мыслей у барона кружилась голова. Невероятным усилием он удерживал на своем лице маску исполнительного

чиновника. Чиновника? Да. Но не льстивого придворного, готового на все и позволяющего жене позволять... Часы пробили четверть. Где же хваленая королевская вежливость?

Когда он вошел в кабинет, король в военном мундире без погон стоял у окна, повернувшись к барону спиной. Удобный момент подкрасться и выхватить кинжал. Барон замер у дверей. Текли мгновения, превращаясь в минуты. Король что-то рассматривал на площади. Наконец король отклеился от окна и очень мрачно взглянул на барона:

— Докладывайте!

Разумеется. Конечно. Существовал порядок: вызванные из провинций чиновники докладывали королю о положении на местах.

Барон, подойдя к столу, докладывал. На столе, поверх других бумаг, лежала папка с надписью: «Досье барона Раппа». Французское нововведение, нынче на всех составлялись досье, барон тоже составлял на своих подчиненных... Король кружил по кабинету, иногда присаживаясь на свое кресло, напротив барона. Мрачно слушал. И чудилось барону, что король не сводит глаз с его пояса, словно видит под кителем кинжал. Один раз поправил барона:

— Вашему департаменту выделено не сто двадцать тысяч крон, а сто двадцать пять тысяч.

«Каждую мелочь он помнит», — подивился барон и продолжал.

Король опять его прервал:

— Сто двадцать пять тысяч крон не мелочь.

«Да он читает мои мысли», — подумал барон.

«Читаю», — светилось в глазах короля.

Барон замешкался, его речь потеряла плавный ход. Раз король все знает...

— Достаточно, — сказал король, — остальное мне известно.

Король откинулся на спинку кресла и хмуро уставился на досье. Открыл папку. Захлопнул.

— Расскажите мне о Хаммерфильде. Он ладит с депутатами стортинга?

«Не натвори глупостей», — вспомнил барон слова Дисы и внутренне мобилизовался. Доклад о Хаммерфильде был им отрепетирован заранее.

— Граф Хаммерфильд строгий, сведущий начальник, с ним приятно работать, но...

И снова длинная рулада комплиментов, с вкрапленными, как бы случайно, ядовитыми «но». Интуиция чиновника подсказывала барону Раппу, что король еще не принял решения,

может, поэтому и был таким мрачным, и все теперь зависит от искусства барона запускать свои отравленные стрелы. Не переборщить! Образцовый чиновник обязан трепетно любить начальство, каким бы оно ни было.

Однако король разгадал его игру:

— Откровенно говоря, я не понял, насколько граф Хаммерфильд соответствует должности. Понял, что ваши отношения не сложились, что он вас топит.

«Ваше Величество, если вы меня видите насквозь...» — хотел сказать барон, но не сказал. И так было ясно: видит! И барон опустил глаза.

— Вам не мешает эта штука, слева под ремнем? — услышал он вкрадчивый голос.

Барон вытащил кинжал и осторожно, держа в ладони лезвие, положил его на стол. «Вот и решилась моя судьба!»

— Ваше Величество, я не помышлял об убийстве...

— Меня уже дважды убивали, — заметил король, наверно, вспомнив какие-то эпизоды из своего военного прошлого.

— ...я желал сам покончить с собой...

— ...оставив баронессу без средств, в долгах и маленького Густава без отца?

Их взгляды перекрестились. Барон почувствовал, что этот властный человек без возраста, точнее, остановивший свои годы где-то между сорока и пятьюдесятью, обладает мощным силовым полем. Он может сломать любого. Зачем тогда упрекать слабых женщин?

— Договоримся: никогда никому не рассказывайте про кинжал.

Король спрятал кинжал в ящик стола, но мрачность с его лица не исчезла.

«Решает, как со мной поступить, — подумал барон. — Тюрьма, ссылка, отставка. Или...» Затеплилась надежда.

Король прочел и это. Неожиданно в его взгляде промелькнула боль.

— Садитесь, барон. Придвиньте кресло. Я заставил вас ждать в приемной. Не нарочно. Я изучал ваше досье. Я не знал, понимаете, не знал, что вы записались добровольцем в русскую армию и в тринадцатом году сражались под Лейпцигом в дивизии, откомандированной в мои войска. Ну, что теперь делать?

Как будто снежный заряд пробил окно и белая пелена залепила глаза барона. Он беззвучно выговаривал бессвязные фразы: «Я боготворил вас, маршал Бернадот. Вы подъехали на белом коне в фиолетовой гусарской куртке с золотыми шнурами и сказали перед строем: «Солдаты! Наполеоновские пушки от-

стрелялись, порох кончился. Вперед, в атаку! Вы вернетесь со славой домой!» Пруссаки гнали под картечь полки... Вы не давали приказ наступать, вы выбирали момент. Великий маршал Бернадот умел беречь жизнь своих солдат... Я видел вас потом в гуще боя. На белом коне в фиолетово-золотистой куртке... Яркая мишень для французских гренадеров. Я подумал: «Если маршал не боится смерти, будь как он». Но лучше бы мне тогда погибнуть. Погибнуть, сохранив честь и иллюзии молодости. Что теперь делать? Вы же специально стояли ко мне спиной, проверяя намерения жалкого заговорщика...» — поток беззвучных, бессвязных слов, которые король прекрасно понимал.

— Иногда мне тоже кажется: лучше бы меня убили под Лейпцигом, — услышал барон ровный, спокойный голос. — Вы предполагаете, мне было легко воевать против французской армии, где я прошел службу от солдата до маршала? Император посчитал меня изменником. В своих письмах со Святой Елены он повторял: «Бернадот ознакомил англичан и русских со всеми секретами нашей военной стратегии». Не я изменил Императору, разум изменил Наполеону. Поход на Москву — чистое безумие. Оголенные на тысячи километров тылы! Тем не менее, особенно после смерти Императора (неужели его отравили на Святой Елене?), я чувствую тяжесть в груди.

И спала белая пелена. Если король говорит о самом сокровенном, значит, барона Раппа простили, более того, барону доверяют.

— В каком чине вы оставили русскую армию?

— Низший офицерский чин, Ваше Величество. Прапорщик.

Король скривил губы:

— Есть ли награды?

— Всего лишь одна. Георгиевский крест.

Король шлепнул ладонью по столу. Глаза его вспыхнули. И уже барон без труда прочел в них: «Какой же ты осел, братец! Что ж ты раньше мне не сказал?»

— Вот чего мне не хватало в вашем досье! В Швеции всего пять офицеров имеют Георгиевский крест. В русской армии Георгиевский крест так просто не давали.

...Позже, значительно позже, барон осознал второй смысл фразы, спасительной для его самолюбия.

Король встал, прошелся по кабинету, опять опустился в кресло.

Глаза в глаза.

«Сейчас он скажет: «Я ни одну женщину не принуждал». И это будет сушая правда», — подумал барон.

Глаза в глаза.

Король помолчал, покачал головой:

— Барон Рапп, жизнь неисправимая злодейка. Мы ждем от нее справедливости, а справедливости не бывает. Вы получаете высокое назначение. В ваших руках окажутся судьбы многих людей. Вы будете стремиться все делать по справедливости. Постарайтесь хотя бы причинять как можно меньше зла.

Глаза в глаза.

— В Тронхейм обязательно возьмите с собой баронессу и сына. Все наладится, все забудется. Поверьте мне — все забывается. *Ou presque.*

И на прощание, как удар кинжалом:

— Кого надо точно забыть, так это фрекен Элеонору. Если баронесса узнает...

«Ого, — подумал барон, пятясь к дверям и почтительно кланяясь. — Какая у короля информация! Небось Хаммерфильд строчил донос...»

Граф Хаммерфильд не строчил доносы. Он информировал. Он умел анализировать ситуацию, за что король его весьма ценил. И никогда бы молодой Рапп не перескочил через седую голову Хаммерфильда, если бы граф, несколько увлекшись, не начал поставлять сведения русскому императору Александру Первому. В беседах с русским послом король почувствовал, что тот как-то слишком осведомлен. Поручил проверить возможные источники. Король предполагал: русский двор информирует не любитель-самоучка, а человек, поднаторевший в этом деле. Ниточка разматалась и привела в Тронхейм. Служба перехватила образец эпистолярного стиля Хаммерфильда. И вот, когда барон покинул кабинет, король достал из ящика стола искусно вскрытый конверт и перечитал избранные места.

«Разговоры о том, что шведская аристократия противится вступлению Швеции и Норвегии в Священный союз под эгидой Вашего Императорского Величества — дипломатическая болтовня. Даже в правительстве существует мнение, что Россия — надежный гарант безопасности страны. В действительности лишь король и его ближайшее окружение резко выступают против этой идеи. Карл Четырнадцатый видит для Швеции и Норвегии особый путь, путь нейтралитета... король не верит в прочность монархии Бурбонов... Суть внешнеполитической доктрины Карла Четырнадцатого такова: «У России и Англии разные интересы. Франция возродится (свергнув Бурбонов!), и опять начнется военный передел Европы. Если мы примем участие в этой сваре, европейские гиганты будут воевать друг с

другом до последнего шведского солдата. Нам нельзя ни с кем ссориться, нам надо держаться от всех в сторонке». ...Пацифистские статьи в шведских газетах инспирированы и поощряются королевским двором. Фраза, так возмутившая Ваше Императорское Величество: «Если бы шведская армия сражалась под Бородино, у нас бы не осталось ни одного батальона», — не журналистская шалость, а скрытая цитата из недавней речи Карла Четырнадцатого в сейме. Вы правы, любой человек, произнесший такие слова, был бы воспринят шведским офицерством как трус. Но их произнес прославленный наполеоновский маршал и они произвели соответствующее впечатление... Карл Четырнадцатый очень популярен. Его литографические портреты висят в каждом шведском доме. В народе его называют «добрым королем» или «республиканцем на троне». Отмена королевских балов, королевской охоты, пышных дворцовых празднеств, которые так раздражали при Густаве Шестом и опустошали казну, — импонирует простому люду. При Карле Четырнадцатом удалось сбалансировать государственный бюджет. Шведы говорят: «Наконец мы живем по средствам...» В этих условиях русской партии в Швеции не имеет смысла проявлять активность (Норвегия вообще не в счет), слишком высок авторитет короля... О «шведском столе» я вам докладывал — альковные забавы, известные лишь узкому кругу. Для нас, право, было бы лучше, если бы Карл Четырнадцатый уделял побольше внимания дамам, однако он, подражая Бонапарту, вникает во все детали государственного правления... Почему королева Дезидерия вот уже двенадцатый год живет в Париже — загадка... Наследный принц Оскар целиком находится под влиянием отца. Сможет ли переезд королевы Дезидерии в Стокгольм изменить положение и в какую сторону? Нижайший совет Вашему Императорскому Величеству: запросите русскую агентуру во Франции...»

«Не деньги, честолюбие — главный мотив предательства, — подумал король. — Канцелярская крыса наслаждается тем, что дает советы Императору Александру». Король по личному опыту знал: русский царь не терпит советчиков. Вернее, выслушивает их и поступает наоборот. Что делать с письмом? «Франция возродится, свергнут Бурбонов!» (подчеркнуто) — зловредный донос. Но положительной информации там больше. О популярности короля пусть доносят его враги.

Вошел флигель-адъютант. Король протянул ему кинжал. Говорил по-французски:

— Спасибо, Жан-Люк. У тебя зоркий глаз.

На «ты». Высшее проявление доверия. У Жан-Люка глаза

были не только зоркие (ведь он предупредил, перед тем как впустить барона в кабинет: «Нервничает и что-то прячет под мундиром»), но и все понимающие.

Немой вопрос.

— Барон Рапп не опасен, — отмахнулся король. — Будет служить верой и правдой. Ожидаю, что будет исправно сообщать мне про графа Хаммерфильда, а это важно.

Немой вопрос.

— Граф, как мы с тобой и полагали, русский шпион. Убрать? На русское золото царь найдет другого. Хаммерфильд теперь под нашим контролем. Быть в курсе шпионской информации — великое преимущество. Да, возьми письмо и отдай Друо. Он знает, как его запечатать и вернуть в секретный багаж русского фельдъегеря. Фельдъегерь еще болен? Что за манера у лесных разбойников глушить человека по голове! И это в нашей тихой Швеции... Пора навести порядок на дорогах, я подпишу указ.

Часы на дворцовой площади пробили полночь. Король вздохнул:

— Ты же не уйдешь спать, пока я работаю... Ладно, на сегодня все. Отдыхай. И прикажи принести мне в спальню кубок вина.

В спальне, медленно раздеваясь, отхлебывая из кубка и расслабляясь, король подводил итог прошедшему дню. С графом Платтенем они подробно обсудили проект медицинских и социальных реформ, включая такие детали, как открытие родильных домов, детских приютов, помощь бедным вдовам и инвалидам войны. Государственный секретарь обещал, что министерства подготовят проект к весне, и тогда вынесем его на утверждение в Государственный совет. Надо обязать законом, чтоб в отдаленные сельские дистрикты посылали компетентных врачей. «Ваше Величество, вы слишком большое внимание уделяете мелочам», — заметил граф Платтен. «Нет мелочей, когда речь идет о здоровье нации», — ответил король. Граф Платтен, естественно, донесет эту реплику до парламента, и там она произведет благоприятный эффект... Только ли до парламента? «Для нас было бы лучше, если бы Карл Четырнадцатый уделял побольше внимание дамам», — вспомнилась строчка из письма Хаммерфильда. Тот же словесный оборот... Хаммерфильд вот уж год не был в Стокгольме, а в его письме много тонких наблюдений. «Подражает Бонапарту...» Действительно, люблю, чтоб в кабинете горели сотни свечей, принимаю визитеров в мундире без погон, откидываюсь на спинку кресла... Информация к Хаммерфильду поступает из дворца. Кто? Логично заподозрить

графа Платтена, однако Государственный секретарь — самый преданный мне человек в правительстве. Проверено. Значит, на него искусно наводят тень. Письмо Хаммерфильда слишком уважительно ко мне. Значит, берут в расчет, что письмо может быть перехвачено. Умно. Слишком умно для чиновника в Норвегии. Почерк другой школы, той, которую еще Жозеф Фуше впервые назвал Системой. А ты думал, что, посадив тебя на шведский трон, Император и Фуше не внедрят здесь своих шпионов? Тогда все сходится. Хаммерфильд не предатель, просто после отречения Наполеона он продолжает служить Системе. А ты строишь свою Систему, свою тайную полицию, во главе которой Жан-Люк и Друо. Достойный ученик Фуше... Кто у кого учится? Кто поручил революционным комитетам во всей Франции выявлять врагов и сообщать их имена в Бюро общего надзора полиции? Революция использовала рвение фанатиков. Фуше систематизировал революционный эксперимент и из дилетантов сделал профессионалов. У Фуше люди опытнее, и они связаны с английской и русской агентурой. Кроме того, не забывай...

Король не забывал. Поставив кубок на ночной столик, он заходил по спальне, как по кабинету, взад-вперед.

Противник сильнее. Копии доноса Хаммерфильда попадут в Париж, Вену и Лондон. Как? А как он сам узнавал о содержании писем Императора со Святой Елены? Система! Конечно, фраза о Бурбонах шокирует. Но в европейских столицах нейтралитет Швеции предпочтительнее, чем союз с Россией. Значит, примут как меньшее зло. Далее. Назначение вице-губернатором Норвегии барона Раппа, человека, награжденного русским орденом, польстит царю. Надо будет несколько раз громко сказать про Георгиевский крест, чтоб быстрее дошло до Александра. Назначение барона Раппа обрадует норвежский стортинг. Там вообще с трудом терпят диктат шведских чиновников. Властного Хаммерфильда в Норвегии побаиваются. По сравнению с ним барон выглядит слабой фигурой. Разумеется, понижение Хаммерфильда в должности встревожит Санкт-Петербург и Париж. Фуше точно что-то заподозрит. Завтра вечером у короля «шведский стол». Намекнуть фрекен Кристине на примере Дисы, как король умеет благодарить своих фавориток. Альковные сплетни обгоняют шпионские депеши. И Фуше утихомирится. Ему не привыкать к тому, что дамы добывают благосклонность на императорском или королевском ложе... Между прочим, никто из дам не удостоился чести побывать в постели Карла Четырнадцатого. Забавы в охотничьем домике — другое дело. Супружеское ложе королевы Дезидерии девствен-

но чисто. «Почему королева Дезидерия вот уже двенадцатый год живет в Париже? Загадка...» Загадка даже для Системы? Действительно, почему? У короля были какие-то идеи по этому поводу, впрочем, довольно смутные..

Ладно, на сегодня хватит. Утомительный выдался денек.

Король осушил кубок до дна и задул свечу.

Ворочаясь на широком ложе (пора, пора устроить «шведский стол!»), король медленно отходил ко сну. Возникало лицо Дисы, ее глаза... «Я бы вас любила, Ваше Величество». Он понял, что она хотела сказать, он не знал тогда про службу барона Раппа в его армии, тогда бы связь с Дисой автоматически отпала, — маршал Бернадот берег своих солдат... «Я бы вас любила, Ваше Величество». Признание смелой, достойной женщины. Для нее «шведский стол» был приключением, не изменой мужу — попыткой изменить свою судьбу. И Диса, не колеблясь, отправилась бы за ним в изгнание, даже на Святой Елене была бы счастлива, ибо там могла бы ему доказать, что ей важны не королевские почести... «Desolé, ma belle, у меня жена в Париже». Ответил, как отрубил. Иначе бы у нее остались иллюзии. Утраченные иллюзии приносят страдания. Зачем? Его неприятно удивило, когда баронесса попросила продвинуть Раппа в должности, от Дисы он этого не ожидал. Подумал: «И она, как все, цинична и расчетлива». Теперь в темноте, увидев ее глаза, король догадался: она нарочно так сделала! Раз он отверг ее любовь, пусть думает, что и она, как все, цинична и расчетлива... Жена в Париже. Дезидерия. Дезире Клери, невеста генерала Бонапарта, от которой Наполеон отказался, влюбившись в Жозефину. Как замысловато все перепуталось. Почему она не приезжает в Швецию? Стокгольм — не остров Святой Елены... Впрочем, она пишет ему милые письма, рассказывает парижские новости со шпильками в адрес мадам Рекамье... Не забыла? Нет, что-то другое. Двенадцать лет тому назад Дезире Клери спала с ним, здесь, во дворце. Исправно исполняла супружеские обязанности. И он, маршал Бернадот, тогда еще наследный принц Швеции, чувствовал, что для нее это — исполнение обязанностей. Никаких вольностей. Очень благопристойно, благонаравно, как религиозный обряд, как будто за ними наблюдала вся Швеция.

Король засмеялся. Легкий, освобождающий смех. Он смеялся не над Дезире Клери — к супруге отношение самое почти-тельное! — над собой. Опять произошло смещение во времени. Он вспомнил, что Фуше давно уже не министр внутренних дел, Луи Восемнадцатый не принял услуг первого полицейского Франции, не простил ему, что тот голосовал в Конвенте за казнь

Луи Шестнадцатого, и сослал Фуше на Адриатику. Лишиться поддержки создателя Системы? Воистину Бурбоны — самоубийцы, их прогонят из Франции. Если бы сейчас Фуше попросился на службу к Карлу Четырнадцатому, король взвесил бы все «за» и «против», трижды бы подумал, что разумнее: иметь под боком опасного союзника или держать в отдалении коварного противника?

Вот так сама жизнь постепенно убирала его врагов. Король мог спать спокойно.

* * *

Дом оптового торговца Гюнтера Олафссона настолько пропах соленой рыбой, что Кристине казалось, будто запах преследует ее и здесь, в карете, что она принесла его с собой, он впитался в ее шелковое платье и лисью шубу. Чуть! Ведь она вылила на себя полфлакона французской туалетной воды. Когда-то этот запах, проникающий в дом из амбара, где Олафссон хранил товар, был для Кристины символом достатка, благополучия — сорокалетний Олафссон взял ее в жены бесприданницей. Все изменилось после бала в городской ратуше: с Кристиной танцевал адъютант Его Величества, на молодую красавицу обратили внимание высокие особы.

— Куда ты собралась? — проворчал Гюнтер, тасуя колоду карт, хотя прекрасно знал куда — она предупредила мужа заранее.

— Баронесса Рапп прислала за мной карету, — кротко ответила Кристина, и это было то, что Олафссон хотел услышать, вернее, чтоб услышали его партнеры по карточной игре: булочник, мясник, портной. До полуночи они будут резаться в карты, пить дешевую местную водку, курить трубки и брюзжать про рост цен. Их, почтенных буржуа Стокгольма, раз в год приглашали с семьями на бал в городскую ратушу. Но попасть в дом к баронессе Рапп они даже мечтать не могли. Как повезло жене Олафссона!

...Карета плавно покачивалась на мягких рессорах. Кучер на облучке, закутанный в черный плащ, не понукал лошадей, они сами неслись в темноту ночи, по хорошо известной им дороге, оставив далеко позади уличные фонари и постылый дом Олафссона, пропахший соленой рыбой. Впервые сев в карету, Кристина сожалела, что она не сделала круг по городским площадям: пусть бы все увидели ее, дочь бедного скорняка из Мальме, в аристократическом экипаже! Потом, привыкнув к таким поездкам, она поняла, что желанный круг почета ей не

нужен, она попала в другой круг, круг избранных, и те, кому надо, об этом осведомлены. На приеме у графини Платтен (графиня Платтен!), на который пригласили и слушательниц Женской академии при королевском дворе (их обучали хорошим манерам, танцам, музыке), к Кристине подошла баронесса Рапп (сама!), смерила ее холодным взглядом и сказала: «Ты и впрямь недурна». Но Кристина ей ответила таким взглядом, что надменная баронесса смутилась и примирительно предложила: «Пойдем в уголок, поболтаем». У них нашлось много общих тем для разговоров, и назавтра баронесса прислала к дому Олафссона карету. В салоне баронессы Кристина пила с хозяйкой чай, беседовали полунамеками, понимая с полуслова. Они не видели друг в друге соперниц, они чувствовали себя соучастницами, избранными узкого круга. А кто еще? Вы не заметили на руке маркизы Эссен золотой браслет с серебряной стрелкой? «И эта тоже? — изумилась баронесса. — А прикидывается святошей и недотрогой! Вот про фрекен Фаину я догадалась, там такие излишества форм...» И они обе заговорщицки засмеялись, ибо каждая представляла себе, что делает недотрога маркиза под «шведским столом» и как именно обнажает свои формы фрекен Фаина.

«Как ужинает король?» — припев старинной песенки. Когда-нибудь Кристина поведает своим внукам, что на столе у короля гусиная печенка из Страсбурга, копченый байонский окорок, соленый лосось из Норвегии (бр!...), черная икра из России, жареные куски филе оленя, спаржа, пирожки с капустой, а главное чудо — свежий зеленый салат! Зеленый салат посреди зимы! И, конечно, белые немецкие и красные французские вина, французское шампанское в серебряном ведрке. Король называет это «шведским столом». Почему «шведским»? Потому что такой порядок придумал король: все блюда холодные, принесены заранее, и никто из слуг не посмеет войти в залу, где ужинает король. «Откуда ты это знаешь?» — спросят внуки. «Народное предание», — ответит Кристина. Она никому не расскажет, что король еще любил сладкие блюда, и одним из «сладких блюд» (слова короля!) была она, Кристина. Не расскажет, ибо никто не поверит. Не поверят, что она сидела напротив короля, что он подливал в ее кубок вино и следил, чтоб она все ела, не стеснялась, и следил, чтобы она правильно держала нож и вилку (спасибо Женской академии, этой наукой она овладела!). Но вот же она сидит напротив короля, и свечи начинают оплывать, и король ласково на нее смотрит. Не сказка. Не сон. «Шведский стол». Tete-a-tete. Французское словечко. И Кристина понимала, что оно означает, ибо сказав: «Мы с тобой tete-a-tete», —

король поднимал ее на руки, как пушинку, и нес к софе у тлеющего камина, и ставил Кристину в «позу», а она сама задираала платье и нижнюю юбку из брабантских кружев (подарок короля!), и король восклицал: «Какое великолепие!» Не брабантские кружева, она, Кристина, была великолепна! И она получала от короля то пронзительное удовольствие, которое никогда не испытывала с мужем. И после, оправив платье и юбки, целовала королю руки и была готова целовать... Но король говорил: «Потом, потом, дай мне передышку, *ma belle*». И опять они сидят за столом, и король, в расстегнутом военном мундире без погон, подливает вино в ее кубок, кладет ломтики окорока и оленины в ее тарелку, листья салата. «Почему ты не ешь лососину? Ах, да, извини, я забыл!..» Король заметил, запомнил, что она не любит соленую рыбу! «Я доволен, — говорит король, — ты перестала стесняться. Нагота женщины — это ее красота, ее сила. Неужели шведские мужчины этого не понимают?» Кристина презрительно фыркает. Олафссон закрывает ставни, задувает свечу, лезет к Кристине под пуховое одеяло, давит толстым животом и, справив свое дело, отваливается на бок. Пожалуй, он ее ни разу не видел голой. «Где ты сегодня?» — спрашивает король. «У баронессы Рапп». Кристина рассказывает о приеме у графини Платтен, о том, что баронесса подошла к ней первая, об их разговорах («Ну и болтушка!» — смеется король), и вот с тех пор баронесса ей покровительствует: «Говори, что я присылаю за тобой карету, твоему мужу лень выглянуть в окно». И Кристина позволяет себе вольность: «Все-таки странно, что аристократка проявляет ко мне внимание. Этим я вам обязана, Ваше Величество?»

— Этим ты обязана Французской революции. — Улыбка сходит с королевского лица. Он пристально смотрит на Кристину: — Ты, наверное, даже не знаешь, что во Франции была революция. Аристократов вешали на фонарях. Революция уравнила в правах всех женщин. Благодаря ей красивые модистки становились герцогинями. Когда двенадцать лет тому назад Дезидерия приехала в Стокгольм, ей представляли придворных дам: «Вашему Величеству, конечно, известно, что это дочери графа Сен-Ромэн?» «Да, мадам, — ответила Дезидерия. — Мне также известно, что я сама дочь марсельского торговца».

Кристина затаила дыхание. С ней говорили о королеве. Будет о чем посудачить в Женской академии.

— Будет о чем посудачить в Женской академии? — угадал ее мысли король. И Кристина внутренне сжалась. Она вообще боялась, когда король так на нее смотрел. Но король ободряюще улыбнулся: — Нормально, женщине язык заменяет ум. Я до-

волен, что ты посещаешь курсы при академии. Вон сколько у тебя появилось новых знакомств. Курсы — моя инициатива. Швеции нужны демократические преобразования. Ты заметно прогрессируешь. И нет ничего странного в том, что баронесса тобой заинтересовалась. Диса понимает, что времена меняются, она девочка сообразительная. Кстати, ее муж получил важный пост в Тронхейме, и баронесса уезжает в Норвегию.

Кристина с трудом вникала в королевскую речь. И не потому, что король говорил с акцентом (к акценту она привыкла), а потому, что половины слов не понимала. «Ты прогрессируешь» — это хорошо или плохо? Зато про баронессу она все поняла сразу, вернее, не поняла, — смысл сказанного к ней придет потом — почувствовала. Место фаворитки свободно! И Кристина опустила перед королем на колени и преданно глядя ему в глаза, прошептала:

— Мой повелитель, хочу французскую любовь...

Поздно ночью Кристина возвращалась в дом Олафссона; она знала и кто правит лошадьми (адъютант короля, который танцевал с ней в ратуше), и что на следующей неделе за ней приедут опять (место баронессы свободно?), и всю дорогу она вспоминала чудесный вечер и то наслаждение, которое она испытала, когда король грубо, по-военному, разложил ее на софе (точно так же, как тот ефрейтор, затащивший ее, шестнадцатилетнюю, на сеновал — первый мужчина), и как она долго занималась тем, что король называл «*faire l'amour*», и она, ничего уже не стесняясь, кричала и просила: «Еще, еще!» Король научил ее быть женщиной. А рука в левом кармане шубы поглаживала кошечек с золотыми монетками. Тоже приятно. От Олафссона за всю жизнь столько не получишь. И Кристина вспомнила все, что говорил ей король в этот вечер, и лицо ее горело. «Смотри мне в глаза, *ma belle*». Придумали же французы пикантную любовь! И Кристина не оплошала, исполнила не хуже французских *grande dame*... И, наверно, не хуже, чем баронесса. «Диса — девочка сообразительная». Однако баронессу отправляют в Норвегию. Времена меняются. И красивые модистки...

Войдя в дом, Кристина зажгла свечу и сняла шубу... Да, нарядное шелковое платье безнадежно измято. Если Олафссон спросит... «Еще, еще, мой повелитель». Кристина поднялась в столовую. На столе пустые бутылки, на тарелках остатки еды. Ненавистный запах соленой рыбы. Если Олафссон спросит, она кинет на него презрительный взгляд и скажет: «Я была у короля».

Но из спальни доносился залиvistый храп.

Башенные часы на дворцовой площади пробили... Сколько? Не считал. Знал, что поздний вечер. Надо обязательно закончить письмо к Дезидерии. «Почему ты не приезжаешь, моя радость?» Король отложил перо и зашагал по кабинету взад-вперед. Письмо к Дезире Клери требовало такта и дипломатии. Кажется, нет ничего проще объяснить: Швеция нуждается в стабильности, стабильность связана с укреплением монархии, королева должна жить в Стокгольме, династия — иметь продолжение, то есть их сын, наследный принц Оскар, должен жениться. Думает ли мать о его будущем? Если думает, почему не видно результатов? Почему Оскар застрял в Париже? На что уж Император мнил себя выше всех смертных, однако превосходно понимал приоритет интересов династии — предпочел Марию-Луизу Валевской, которую любил, отказался от Жозефины. Все просто и ясно, безукоризненная мужская логика!

...Беда в том, что женщины эту логику не воспринимали. Им подавай нечто сумасшедшее, нереальное. Мечтала же всерьез мадам де Сталь в 1813 году посадить Бернадота на французский трон, развести его, Бернадота, с Дезире, самой развестись с Рокка и стать французской королевой! Или, наоборот, сугубо земное, чувственное «еще, еще, мой повелитель...» Вот тогда они преданны и послушны.

Король с удовольствием припомнил вчерашние забавы. Как старалась Кристина! И это не было с ее стороны притворством, уж в таких вещах король разбирался. С Кристиной просто и весело. И Кристине ничего дополнительного от него не нужно (деньги, подарки — само собой разумеется, король платил всегда и всем), ей нужен был он, мужчина с гасконским темпераментом. Диса — другое дело. Она честолюбива, с характером. Она вела сложную игру, прикидывалась пайнкой и попутно выясняла у простушки Кристины («Баронесса мне покровительствует» — дуреха, поверила!) подробности. Хотела знать, в чем различие ее, Дисы, свиданий в охотничьем домике и королевских развлечений с другими дамами. Обижалась, таилась и ждала. Ждала, когда король к ней привыкнет, когда она, молодая, красивая аристократка наберет огромную силу, чтоб ставить свои условия. Смышленная девочка. Король вовремя почувал опасность. Интересы династии превыше всего.

Почему же Дезидерия не приезжает?

Не простила ему мадам Рекамье? Глупости. Старые истории не в счет. Ведь пропустил он, маршал Бернадот, мимо ушей сплетни, что император изволил проявить благосклон-

ность к своей бывшей невесте Дезире Клери. Императорская благосклонность, как и его, королевская? Император был благосклонен к Дезире, а он, король, к Десе? Императорам и королям все дозволено? Нет. Решил момент прозрения, истины. Конечно, когда маршала, тяжело раненного в Польше, привезли в Париж, Дезире трогательно за ним ухаживала, пока он выздоравливал. Но он хорошо помнил то мгновение, тот первый миг... Он вынырнул из небытия. Открыл глаза. У постели сидит женщина. Лицо печальное, тревожное. Чужая женщина с незнакомым лицом. Она обрадовалась, увидев, что он открыл глаза. Улыбка сделала ее сразу очень привлекательной. И память, его память, словно проснувшись, услужливо подсказала: «Это твоя жена, Дезире Клери». И все как будто встало на место. Он, маршал Бернадот, князь Понте Корво. Где же мой маленький сын Оскар?

...Чужая женщина с незнакомым лицом.

Король подошел к столу и быстро начертил на листке недостающие фразы: «Ты сидела у моего изголовья, когда я, с простреленным горлом, в бессознательном состоянии, боролся со смертью. Благодаря твоей любви и заботе я смог выжить. Ты была со мной рядом в тяжелое время. Почему ты не хочешь разделить со мной счастливые дни?»

Вот так. Дезидерия по каким-то причинам демонстрирует ему, что ее не купишь, даже короной. Теперь ее просят совершить благодеяние. В этом случае можно принять во внимание и интересы династии. Женская логика.

Он не изменил королеве Дезидерии. Дезире Клери, ставшая королевой Дезидерией, сама по каким-то причинам предоставила ему полную свободу.

Видимо, сказывался гасконский темперамент Бернадота. Осенью 1806 года Бернадот, Мюрат и Суль ворвались в Восточную Пруссию и гнали остатки прусских войск к Любеку. С особенным азартом действовал Бернадот. Император, которому докладывали об успехах его маршалов, заметил: «Это уже не война, это охота».

Охота... Король вошел в азарт. Женщины ему покорялись, как в ту осеннюю кампанию прусские города. Прусские гарнизоны в знак капитуляции поднимали белый флаг. Женщины, уткнувшись лицом в подушки на софе, задирали свои нижние белые юбки. Прусские полки маршал сметал лихим натиском. Женщины сдавались без боя. Король никогда и никого не принуждал. Во время дворцовых приемов, на королевских и город-

ских праздниках король фиксировал очередную кандидатку. По ее глазам. Угадывал, какие страсти скрыты в этом хорошеньком, якобы флегматичном нордическом создании.

Король ощущал дикую жажду жизни. В конце концов, его дважды убивали, и он знал, что не хозяин своей судьбы. Наверно, отсюда желание наверстать упущенное, а может, и взять авансом.

Казалось, король достаточно изучил женщин, мог предсказать их поведение, но потом наступал момент, когда он ничего не понимал. Когда города капитулировали, оставалось лишь следить за порядком, чтоб солдаты не грабили дома, и благодарные жители вручали Бернадоту подарки и удостоивали званием почетного гражданина. «Еще, еще, мой повелитель» — сколько раз он это слышал! Полная сдача всех позиций в определенной позиции. Через месяц вдруг узнаешь, что покорная красота, ужасно обиженная, навсегда уехала в Данию.

На войне было проще.

Женщины сами бросались в крайности, они не имели сдерживающих поводов. Ведь Грета (та, что потом уехала в Данию) долго уговаривала короля пригласить за «шведский стол» ее и подружку одновременно. Они посещали охотничий домик по очереди, для них обеих это не было тайной, напротив, с живейшим интересом обсуждали между собой проведенные вечера. Король отнекивался. Грете хотелось остренького. Ну что ж, получилось весело и забавно. На софу взбирались с энтузиазмом. Обеим понравилось. Но при ритуале «французской любви» (Грета исполняла первой) король увидел в ее глазах унижение и страдание. Ведь за Гретой внимательно наблюдала ее подружка, наблюдала, обняв короля, и у Греты, наверно, было чувство, что не король, а подружка ее делает. Подружка, когда настал ее черед, исполнила все со страстью, явно предыдущая сцена ее очень возбудила, королю приходилось повторять: «Полегче, полегче». Грета, естественно, тоже пытливо заглядывала в глаза подружке, но реванша не получила. Подружка и дальше (пока не появилась Диса) была частой гостьей за «шведским столом» и признавалась королю, что никогда не испытывала такого упоительного удовольствия, торжества, как в тот вечер. А Грета исчезла. Королю нашли ее адрес в Дании, он послал ей письмо. Ответа (ответа на королевское письмо!) не последовало. Спрашивается, чья вина, кто был инициатором? Женская логика.

Король берег репутацию своих любовниц, не желал ранить ничье мужское самолюбие, поэтому старался держать поездки в охотничий домик в строгом секрете. Но даже замужние дамы

сами афишировали свою причастность к «шведскому столу» (если бы только в узком кругу избранниц!), хвастались этим, как хвастаются сержанты-ветераны ратными подвигами. Случился у короля роман и с примадонной стокгольмского театра. Развитая была дамочка, с большим опытом и амбициями. Так получилось, что Жан-Люк умчался по неотложному делу. Свидание срывалось. Тем не менее актриса прибыла в назначенный час. Признаться, король обрадовался и спохватился лишь тогда, когда услышал за дверью шаги Жан-Люка. Произошел диалог в духе Мольера:

— Как вы сюда приехали, проказница?

— На крыльях любви, мой повелитель.

— Обычно я посылаю эти крылья за вами. Наняли городскую пролетку?

— Не извольте беспокоиться. Меня с комфортом привез мой муж в семейной карете. Я объяснила, что приглашена к вам на интимный вечер друзей читать монологи из Расина и Корнеля. Вы остались довольны первым актом. *N'est ce pas?*

— Муж к вам равнодушен?

— Ко мне? Обижаете, Сир!

— Где он сейчас?

— Я вижу, вы разгневаны? Напрасно. Мой муж меня ждет в таверне «Горный олень», что на полдороге к Стокгольму. Он найдет там чем развлечься.

Король, с трудом сдерживая охватившее его бешенство, вызвал Жан-Люка и приказал тут же отвезти мадам в таверну «Горный олень». Адьютант скорчил недоуменную рожу (такого еще не бывало за «шведским столом»!) и удалился готовить лошадей.

Актриса превосходно изобразила немую сцену. И голосом, точно копирующим интонации трагедий Расина, добавила:

— Я вижу, Сир, вы решили вернуться к якобинскому пури-танству. Какая жалость! Интересно, что бы вы со мной сделали в эпоху революционного террора? Приказали бы выпороть кнутом на площади?

— Приказал бы отрубить голову.

«Я бы вас любила, король», — сказала Диса. Однажды она спросила: «Зачем вы требуете, чтоб вам смотрели в глаза? Наслаждаетесь своей властью?» Дерзкая девчонка! Никто так не смел разговаривать с королем за «шведским столом». В наказание король мог бы вызвать Жан-Люка и немедленно отправить баронессу домой. Просила бы она прощения или уехала с гор-

дой усмешкой? Вот этого король не знал. В любом случае был бы для нее хороший урок. Однако король сделал вид, что не услышал дерзости. Он застегнул мундир, разлил вино и как бы между прочим начал рассказывать о превратностях военной фортуны. Как с ходу взял Галл, неприступную крепость, которую сам Император, по его же словам, не решился бы штурмовать, не имея пятидесяти тысяч войск. Про Ваграм, где ему поручили командовать саксонскими дивизиями, а саксонцы дрогнули под напором австрийцев, побежали, и Император с насмешкой бросил Бернадоту: «Это что, маршал, ваш хваленый отвлекающий маневр?» Про страшную рубку в снежном месиве Эйлау, когда все атаки разбивались о русскую стену.

...Грохот сотен орудий, батальные сцены с участием такого количества пехоты и конницы поразили воображение Дисы. Она притихла, она жадно ему внимала... Теперь бы она исполнила любой его каприз. В этот вечер король изменил привычный ритуал. Увлечшись воспоминаниями и вином, он как будто забыл про Дису. Зато в следующий раз баронесса была так нежна...

Король понял, чем была вызвана дерзость Дисы. Диса проверяла, заимела ли она власть над ним и до какой степени. Заимела. Поэтому король предпринял шаблонный ход, каждый офицер поступил бы точно так же, чтоб вернуть расположение женщины. И в дыму артиллерийской канонады растворился меткий одиночный выстрел. Ведь Диса спросила, словно выстрелила в упор...

Что он мог ответить? Что хочет представить себе, как смотрела Жозефина в глаза Баррасу, когда она ему делала то же самое под столом (начинала под столом, потом Баррас ее вытягивал на свет божий, любому мужчине любопытно заглянуть в глаза даме, которая прилежно трудится...). И Жозефина знала, что в этот день капитана Жерома Готара отпустили из казармы, что он мучился неделю в ожидании свидания, что он сходит с ума из-за любви к ней. И она, Жозефина, любила Готара... Так нет, поехала к Баррасу сразу, как тот ее позвал, встала на колени, исполняла... И Баррас говорил ей: «Смотри мне в глаза, май дарлинг», и она смотрела... Как? Что было в ее взгляде? Притворство, смущение, удовольствие, унижение, страсть, фатализм, капитуляция, покорность? И король сравнивал с тем, что наблюдал в процессе (в процессах!), и, получая наслаждение (сказывался гасконский темперамент Бернадота), умирал от ревности к той первой своей, любимой, женщине и пытался понять — почему она поехала к Баррасу, и понимал, что ответа ему никогда не найти.

Оскар привез письмо от Дезидерии. Королева сообщала, что приезжает в Стокгольм на помолвку сына. Интересы династии... Король порекомендовал Оскару побольше участвовать в государственных делах и поручал своим министрам Д'Эндестрему и Ветерстедту взять шефство над принцем. Теперь Оскар засиживался допоздна в королевском кабинете, помогал отцу разбирать горы бумаг, которые поступали из сейма и Государственного совета. Король почти свободно говорил по-шведски, но с чтением было хуже, поэтому король боялся пропустить какой-нибудь двусмысленный канцелярский оборот, ловушку законодателей, хотя в принципе граф Платтен бдил... А у Оскара молодая голова, прекрасная память, и шведский язык стал для него как родной.

Король еще не был знаком с невестой, но безоговорочно одобрил выбор Оскара. Разумеется, даже если бы Оскар вознамерился жениться на пастушке, король... ну, сделал бы слабую попытку переубедить, но... нет, не запретил бы. Раз любовь, раз сын так решил, досадно, конечно, да нельзя ломать ему жизнь. Тут же все совпадало — и чувства, и интересы династии. Серьезный мальчик. Будущая принцесса Швеции и Норвегии была внучкой короля Баварии и дочерью бывшего вице-короля Италии Евгения Богарне. Это поднимало престиж шведского трона в августейших домах Европы. Девушку звали Жозефиной.

Шведский корвет с Жозефиной Богарне — *Vis* встретили в стокгольмском порту пушечным салютом.

Молодые поселились во дворце и вместе с графом Платтенем начали активную подготовку официальных церемоний. Король и королева не вмешивались в их деятельность. Они уединились в летней резиденции. Королеве нужно было отдохнуть от длительного морского плавания и вообще после стольких лет разлуки...

После стольких лет разлуки они говорили на «вы». Король был предельно любезен и внимателен, королева — предельно вежлива. В первую же ночь королева удалилась в свою опочивальню, сославшись на недомогание. На прощание обронила загадочную фразу: «Завтра, Ваше Величество, я прошу у вас аудиенции».

За завтраком они обсуждали молодых: смотрят только друг на друга, счастливы, девушка — очаровательна; дай им Бог.

— Жозефина сказала, что отец ей много рассказывал про вас. Вы были с ним в дружеских отношениях?

Вопрос был задан нейтральным тоном. Нелепейший, глупый вопрос, особенно в устах Дезире Клери. На службе у Императора пути Евгения Богарне и Бернадота неоднократно пересекались. Дезире ревновала мужа, что он, как и Евгений Богарне, был всегда гаем салона мадам Рекамье. Но это все из биографии Жана Батиста Бернадота.

...Повеяло холодом из подвала казармы, где капитана Готара допрашивала военная разведка. Неужели Дезире известно?..

— Не думаю, что он меня помнит. Когда-то мы гуляли с его матерью, с ним и Гортензией в Пасси и Булонском лесу. Он был еще мальчишкой.

По ее глазам понял: угадал.

— Как мало я о вас знаю, Ваше Величество. Впрочем, и не стремлюсь. Мы могли бы побыть наедине, чтоб нам никто не мешал?

После долгой разлуки? Вполне нормальное предложение. Если бы не голос. Уверенный голос чужой властной женщины, которой от короля ничего не надо. *Ou presque.*

Речь Дезидерии была на редкость логична. Явно давно продумана и взвешена. Вы, король, замечательный правитель. Compliments. Вы, Король, человек чести, только что я в этом убедилась. Я вам благодарна за заботу о моем сыне (мой сын — подчеркнуто). Я все сделаю, чтоб помочь Оскару быть достойным наследником шведского престола...

— И норвежского тоже... — вставил король.

— Норвежского? — Дезире рассмеялась. — Пардон, забыла.

...Вот это чисто по-женски. Страной больше, страной меньше — какая разница?

...Королевские забавы со шведскими дамами меня несколько не касаются, — продолжала Дезире. — Я вам благодарна, что вы не пускаете их в мою спальню (привет от дворцовых шпионов!). Интересы династии — превыше всего. (Compliments.) Со своей стороны я веду себя и буду вести очень лояльно по отношению к вам. Поэтому я вынуждена скрывать свою личную жизнь. Личную жизнь с моим мужем. Единственное, о чем я вас прошу, — учитывать, что я для вас — замужняя женщина, и после свадьбы Оскара отпустить меня в Париж...

— Высокий бородач, которого вы прячете в своей свите — минуточку, я не сказал... в своей спальне, — ваш муж?

В глазах Дезидерии вспыхнули воинственные огни.

— Меня предупреждали, Ваше Величество, что у вас хорошая информация. Да, этого человека я люблю и любила всю жизнь. Если хоть волос упадет с его головы...

- Я даю вам, мадам, королевскую клятву. Если пожелаете, его будут охранять лучше, чем Оскара.
- Я вам верю, Ваше Величество.
- Смею ли я узнать его имя?
- Зачем вам оно?
- Мадам, до сих пор вы говорили со мной как королева. Сейчас начинается женское кокетство.
- Как прикажете, Сир. Имя моего мужа Жан Батист Бернадот.

Пора было зажигать свечи. Что Дезидерия и сделала. Король слушал историю маршала и смотрел на своего двойника (если снять парик и сбрить бороду и усы — сходство разительное! Недаром Жан-Люк докладывал ему накануне о «телохранителе» королевы с некоторым замешательством. У адъютанта зоркий глаз), и у него было ощущение физическое: все, что рассказывал маршал, как будто произошло и с ним, вплоть до галлюцинаций, потери памяти, острых приступов головных болей. После ранения в Польше этот Бернадот очнулся в маленькой крепости в горах Корсики. Ему объяснили, что его, графа Ферзена, участника роялистского заговора, прячут от наполеоновской полиции. Врачи, опекавшие его, представились верными соратниками. Они следили за здоровьем «графа Ферзена», устраивали регулярные прогулки по лесным горным тропинкам (для поддержания формы). Естественно, в сопровождении. Под конвоем. Категорически запрещалось посещать ближайшие деревушки. Дескать, опасно. Словом, комфортабельная тюрьма. Без всякой связи с внешним миром. «Граф Ферзен» недоумевал: почему он забыл шведский язык? Объяснили: последствия мозговой травмы, он упал с лошади. Успокаивали: язык вернется. В крепость доставили даже шведские учебники. (Король сразу про себя отметил эту подробность.) Потом стали доставлять старые парижские газеты. Промашка вышла. В одной из газет Бернадот прочел сообщение о смерти графа Ферзена в Стокгольме. Впрочем, к тому времени он уже о многом догадывался. Благодаря газетам он обо всем узнавал, но с большим опозданием. Он прочел об отречении Императора в Фонтенбло, а ему объяснили: ваш главный враг — Жозеф Фуше, который при реставрации Бурбонов обрел огромную власть. Если Фуше проведает, что вы живы, подшлет наемных убийц. Он прочел о высадке Бонапарта на юге Франции, а ему рассказали о Ватерлоо и о том, что Императора сослали на остров Святой Елены! В Париже опять Жо-

зеф Фуше, и Луи Восемнадцатый не простил наполеоновским маршалам измены. Маршалу Бернадоту (маскард с графом Ферзенем был отброшен) настойчиво советовали выждать дальнейшего хода событий. Роли изменились. Бывшие тюремщики (впрочем, они всегда были почтительны и внимательны) теперь видели в Бернадоте своего защитника, их судьбы сплелись, они стали как бы единой командой с маршалом во главе и чувствовали себя жертвами чудовищной интриги. Маршал ввел ночные посты, кто-то постоянно дежурил на сторожевой башне — боялись внезапного нападения. Когда Фуше прогнали, стало еще тревожнее. По агентурным сведениям, в Париже шла беспощадная война тайных полиций. Люди Фуше не собирались так просто сдаваться и были готовы на все, чтобы замести следы своих преступлений. Бернадот и его команда являлись нежеланными свидетелями, а значит — мишенью. Дезире (как с ней связались — отдельный рассказ) в своих письмах, доставляемых верными курьерами, умоляла мужа не покидать Корсики, крепость в горах ей казалась единственным надежным убежищем. Вы не знаете, король, коварство и силу этих людей, сверхъестественную силу, объяснить которую невозможно.

— Знаю, — ответил король, — как мне не знать! После Эйлау Император назначил мне аудиенцию в замке Финкенштейн. При разговоре присутствовал Фуше. По каким-то отрывочным репликам между ними я понял, что против вас, маршал, затевается интрига.

Две пары глаз буравили короля. Король осторожно выбирал слова, чтоб не давать дополнительной информации. Его пригласил Император. Этого достаточно. О чем они беседовали — неважно.

— Даже если бы я захотел вас предупредить, то не смог. Через две минуты после аудиенции, когда я следовал за Фуше по коридору замка, меня оглушили по голове страшным ударом. Я очнулся только через полгода, приняв ваш облик. Дезире за мной ухаживала. Даже она не заметила подмены. Я же стал о чем-то догадываться, когда на мне уже лежала ответственность за Швецию. Если помните, в 12-м году Даву вошел в Померанию и начал брать в плен шведские гарнизоны. Великой Армии тогда ничего не стоило захватить Стокгольм. К счастью моего народа (король подчеркнул *моего народа*) — Император был нацелен на Москву...

Пауза. Король ждал вопроса. И, в свою очередь, подготовил свой: уж не его ли, наследного принца Швеции, боялась Дезире, когда умоляла мужа оставаться на Корсике? В принципе логич-

но. Если кто-то и был заинтересован, чтоб настоящий маршал Бернадот исчез без следа...

— Когда вас привезли раненого из Польши, вы были так слабы... — сказала Дезире. — Потом мы увиделись в Стокгольме, и я почувствовала, что вы чужой мне человек... Женская интуиция! Поэтому так странно я себя вела...

Ах, вот оно что! У каждого свои проблемы. Дезире учитывает гасконский темперамент мужа. Женская логика.

— Конечно, конечно, — подтвердил король. — Я был удивлен, но... Нет, я не покушался на честь вашей жены, маршал.

И подумал: «Какая умная баба! Повернула так, что я не смог ответить по-другому. Зато я приобрел союзницу».

— Даву всегда был солдафоном, — заметил маршал. — В двенадцатом году вы оказались в критической ситуации. Я внимательно проследивал ваш путь. И поражался вашему искусству маневрировать. И сколько раз я говорил себе: на его месте я бы действовал точно так же. Знаю, что короли привыкли выслушивать комплименты, но позвольте заявить: для меня, старого воюки, важнее всего, что вы не уронили честь моего имени.

— Всегда бы вы поступали, как я?

— Всегда?.. — Бернадот замялся. — ...Разве что Ваграм. Хотя понимаю, интриги Бертье. Он и раньше не давал мне кавалерии...

— Благодарю вас, маршал, за попытки найти мне оправдания, — растроганно произнес король. — Вы должны меня простить. При Ваграме я впервые командовал такой массой войск.

— Какие глупости вы вспоминаете, Ваше Величество! — воскликнула Дезире. — Для нас с Жаном главное, что будущее нашего сына в надежных руках. Вряд ли отец мог позаботиться лучше об Оскаре. Бог, Дьявол, Судьба — не знаю уж кто — поставили всех по местам. И второго Карла Четырнадцатого быть не может. Ведь вашими усилиями и стараниями династия Бернадотов взошла на престол. Интересы династии превыше всего! Надеюсь, Жозефина в скором времени народит нам внуков.

— Мадам, за молодых я не беспокоюсь. Однако история есть история. Никогда бы шведы не предложили мне баллотироваться на престол, если бы маршал Бернадот не отпустил с почетом из Любека шведский полк графа Густава Мернера. Именно тогда была заложена добрая репутация фамилии Бернадотов.

Теперь видно было, что растрогался маршал.

Приятная беседа подходила к концу... Узнав, что маршал в резиденции, он потребовал от Дезире привести его в кабинет — лучше сразу дать бой! Король готовился защищать свою корону. Тринадцать лет он правил Швецией. Он имел в запасе вес-

кие козыри. При нем Швеция избежала наполеоновского вторжения, он присоединил Норвегию, он... Но ничего этого не понадобилось, все ограничилось обменом комплиментами, все наладилось само собой. Мир и взаимопонимание. Дезире — верная союзница. Маршал — признателен, ведет себя в высшей степени порядочно. Достоянейшая семья!

«За кого же они меня принимают? — возмутился король. — За ловкого узурпатора, который использует благородные человеческие качества в своих корыстных целях?»

— Мадам, — резко заявил король, — благодарю вас за лояльность ко мне, но я вынужден изменить наш договор. В Париж вы не вернетесь. Вы останетесь в Швеции. Трон принадлежит вам и вашему мужу.

...Еще минуту назад он и сам не предполагал, что дело примет такой оборот. По реакции четы Бернадотов он понял: они ожидали чего угодно, только не этого. И король обрадовался. Значит, его решение правильное. Он поломал игру Системы. Мастера закулисных интриг упивались своим могуществом, он казался им куклой, которую они будут дергать за ниточки. А все ниточки — король не сомневался — до сих пор тянутся к Жозефу Фуше. Можно себе представить рожу Фуше, когда он получит эту новость. Салют, гражданин! Дух революционного Конвента не умер...

Достойное семейство еще не верило своим ушам, и король пустился в пространные объяснения. Восемь лет он был наследным принцем, пять — королем. Он перестроил шведское общество, но потратил столько сил. Он устал. Он устал физически. Он устал от дворцовых интриг. Он предпочитает жить отшельником где-нибудь на берегу фиорда и любоваться дикой природой. Ведь маршалу тоже нравилось созерцать красоту корсиканских гор со стен крепости. Он, король, убедился, что маршал полон энергии и в курсе всех событий. В конце концов, об интересах династии Бернадотов должны думать в первую очередь сам маршал Бернадот... и королева. Что же касается языка, то во дворце все будут стараться говорить с ним по-французски. Придворные полагают: знание французского способствует карьере. Если вы сможете развеять это предубеждение...

Жан-Люка отослали во дворец присматривать за Оскаром и Жозефиной. В летней резиденции распоряжалась новая хозяйка (кстати, королева проявила себя умелой парикмахершей и гримершей). Король заперся в кабинете, как обычно много работал, но умудрялся возникать в самых неожиданных местах.

Немногочисленной прислуге иногда казалось, что у них двоится в глазах.

Обсуждение внешней и внутренней политики заняло короткое время. Трогательное совпадение взглядов. В архиве у Жан-Люка Бернадот найдет досье на каждую значительную фигуру в Швеции и Норвегии. Однако в досье — общие данные. Король диктовал свои личные характеристики каждому. Маршал прилежно записывал: «...Граф Платтен: верить! Д'Эндестрем: самый талантливый министр в правительстве, его заносит, рвется на место Платтена, не пускать. Барон Рапп: честен, под каблуком жены, хорош на вторых ролях. Граф Хаммерфильд: умен, если есть по какому-то вопросу сомнение — выслушать совет и поступить наоборот, впрочем, через раз. Линдеберг: дерзкий и опасный газетчик, дерзит, ибо мечтает прославиться, прославиться же хочет, став мучеником (чтоб посадили в тюрьму за памфлеты) — стараться не замечать. Бургомистр Андерсон: хитрый пройдоха, но в городе порядок, жители Упсалы им довольны, ворует, поймать невозможно, на аудиенциях улыбаться ему и повторять: «В следующий раз — повешу!» — для острастки. Олафссон, глава торговой гильдии: принимать с почетом в день национального праздника, улыбаться (улыбаться надо всем, маршал!), если захочет большего — гнать в шею. Русский посол: чрезвычайно амбициозен, жаждет преподнести Швецию на блюдечке Императору Александру, расплодил шпионов — найти повод (или придумать предлог), чтоб посла отозвали в Санкт-Петербург...»

На отдельном листе маршал записал имена дам, которых при встрече надо целовать в щеку и спрашивать: «Как поживаете, ma belle?» «Это трофеи вашего королевского правления, — сказал король, — постарайтесь припрятать список, хотя Дезире все равно его выудит. Если будут интересоваться — нравится ли вам «шведский стол» (Дезире объяснит, что это такое, а может, и нет, не знала, в вашу семейную жизнь не вторгаюсь), отвечайте: «С приездом королевы я предпочитаю провансальскую кухню». «Вы правы, маршал, вы прекрасно входите в роль, для короля не бывает мелочей, и королевское окружение замечает только мелочи». Иногда, забыв про все, они с жаром обсуждали поход Императора на Москву или битву под Лейпцигом, и тут уж больше говорил Бернадот, а король предпочитал слушать. Маршал чертил диспозицию войск и доказывал королю, что даже русскую кампанию 12-го года можно было бы спасти (отведя после Бородино армию назад к Смоленску и сохранив людские резервы), а сражение под Лейпцигом выиграть у

союзников. Они чувствовали взаимную приязнь, им было интересно друг с другом, они бы точно стали неразлучными друзьями, но оба понимали: Карл Четырнадцатый может существовать лишь в одном лице...

Однажды, походя, вскользь, как бы между прочим, как будто речь шла о сущей ерунде, король осведомился: «Что они вам говорили обо мне?» Маршал сразу догадался, кого король имел в виду. «Мы расстались в Лионе, когда весной 19-го года я возвращался к Дезире. Мне посоветовали избегать Парижа, держаться в тени, памятуя о благе Оскара и будущем династии Бернадотов. Сказали, что вы человек справедливый, а если когда-нибудь Дезире решит посетить Стокгольм, я могу ее сопроводить».

«Вот оно что», — подумал король и на секунду прикусил губу.

Он послал нарочного к Жан-Люку с приказом отправить Дру в Тронхейм с секретной депешей для барона Раппа и подписал последний свой декрет: выплачивать графу Карлу Валленбергу пенсию полковника.

Поздно вечером накануне торжественной церемонии в Стокгольме — обручения Жозефины и Оскара, к летней королевской резиденции подъехала легкая двухместная карета. Недавно сменившаяся стража бесстрастно наблюдала, как знатного гостя, седобородого и седовласого графа Валленберга, провожает сам король.

— Да хранит вас Бог, граф Валленберг, — громко произнес король, а затем тихо спросил: — Могу я все-таки знать, зачем вы это сделали?

Граф Валленберг улыбнулся, поглаживая приклеенную бороду:

— Есть два резона. Каждого достаточно. Объясню один: много-много лет тому назад, когда наши французские дивизии дрогнули под ударом неприятеля, вы, тогда еще полковник, первый пошли за мной со знаменем в руках, и наша внезапная контратака привела к победе. Вы это помните, маршал?

В бледном сумраке белой ночи было видно, что король мучительно соображает:

— Где? На правом берегу Рейна? В Бельгии? Во Фландрии? Я в стольких сражениях участвовал...

— Я вас хорошо понимаю. Это действительно трудно вспомнить, а еще труднее вообразить... Пусть Бог хранит династию Бернадотов!

Сидевший на облучке старый капрал Дюпон тронул лошадей.

Тронхейм — столица Норвегии, казался Дисе провинциальной дырой. Красивый городок, сохранивший средневековые постройки и средневековые нравы. С кем было общаться? Норвежские аристократы заискивали перед ней, женой высокопоставленного шведского чиновника, да в свой круг не пускали. И потом — языковой барьер. Норвежцы из принципа говорили на родном языке, шведский не учили, впрочем, на официальных приемах все изъяснялись на французском. Французский вошел в моду. Мода диктовалась из Стокгольма. Королева Дезидерия и принцесса Жозефина говорили только по-французски, двор к ним подлаживался, и даже король начал требовать, чтоб рапорты к нему составлялись по-французски. Жизнь в шведской колонии Тронхейма напоминала Дисе террариум: слишком мало пространства, слишком много змей, все шипели из своих углов, неосторожное движение — укусят. Вернуться в Стокгольм, чтоб не умереть от скуки? Барон мог истолковать это желание по-другому, хотя из Стокгольма сообщали: после приезда Дезидерии с королем произошла метаморфоза, он стал примерным семьянином. Злые языки сплетничали: король сменил «шведский стол» на провансальскую кухню королевы.

За шесть лет лишь два события нарушили монотонное пребывание супругов Рапп в Тронхейме.

Рождение дочери Каролины, конечно, не в счет, появление Каролины было радостно и окончательно помирило Дису с бароном, барон забыл или делал вид, что забыл все. «Все забывается...» — как и предсказал король. Нет, случилось два происшествия, и весьма странных. Еще когда в Стокгольме праздновали обручение Оскара и Жозефины, прискакал гонец от короля, ночью стучал в дверь, разбудил всех. При виде гонца барон побледнел и долго дрожащими руками вскрывал письмо. Баронесса почувствовала, что ее сердце рвется из груди. Плохая или хорошая весть, она не знала, но ночью срочная депеша от короля! Барон прочел, его брови удивленно поползли вверх, потом он спрятал письмо в карман халата. «Располагайтесь на ночьлег, — сказал барон гонцу, — у меня в доме комната для гостей. Вам придется задержаться в Тронхейме, нам поручили деликатную миссию». Майор Друо, так звали гонца, прожил у Раппов неделю. Утром куда-то уезжал с бароном. Возвращались поздно. Баронесса ждала с ужином. Майор Друо был галантен, как и все французы. Хоть какое-то развлечение. После отъезда Друо барон еще несколько дней важничал, избегал вопросов, но Диса знала, как ему развязать язык.

— Знаешь, кто такой Друо? Королевская инквизиция! Верно, я испугался. А кто б не задрожал, когда в середине ночи врываются? Зачем его послали? Разрази меня гром, не понял. Смотри.

Диса прочла на листике семь строчек:

«Любезный барон Рапп!

Найдите повод держать майора Друо в Тронхейме в течение недели. Не отпускайте от себя ни на шаг. Придумайте какой-нибудь заговор, проведите сыск. Надеюсь на вашу исполнительность и скромность. Помните, что у Хаммерфильда повсюду уши.

Всегда к вам благосклонный

Карл Четырнадцатый».

Никакого продолжения этому не последовало. Никаких больше персональных посланий от короля барон Рапп не получал.

Второй эпизод можно считать плодом фантазии Дисы. После крещения Каролины они спустились по ступенькам церкви Святого Олафа. Девочка — на руках мужа. Баронесса мельком глянула на толпу любопытных. Возвышаясь над толпой, буквально в метре от Дисы стоял король. По инерции она сделала еще шаг, оглянулась. Высокий человек с курчавой белой бородой, в черном плаще и надвинутой на лоб шляпе ласково смотрел на Дису. Ей ли не узнать этот взгляд! Голова закружилась, Диса чуть не упала с лестницы. Хорошо, что ее тут же подхватил адъютант барона. Когда она пришла в себя и начала шарить жадными глазами по лицам толпы — высокий бородач в черном плаще и шляпе уже успел исчезнуть. Словно сквозь землю провалился.

Диса не спала несколько ночей. Ее романтическая натура разыгралась. Без сомнения, это король, инкогнито приезжал в Тронхейм, чтоб присутствовать на крещении Каролины. Ведь девочка могла быть и его дочерью. Так поступил бы человек, которого она собиралась любить всю жизнь.

Барон забеспокоился. Диса объяснила свой обморок на лестнице слабостью после недавних родов. Ничего страшного. Просто ее мучает загадка. Ей почудилось, что она увидела в толпе около церкви Святого Олафа своего дядюшку Кристофа, который отплыл в Америку одиннадцать лет тому назад и пропал без вести. Вдруг это он? Пожалуйста, наведи справки, кто из иностранцев или знатных шведов побывал в Тронхейме последнюю неделю. Как он выглядит? Высокий, с седой курчавой бородой... Я его плохо помню.

Барон поднял на ноги норвежскую полицию. Ищем, мол, английского шпиона (не дядюшку Кристофа — это же курам на смех!), высокого бородача в черном плаще и шляпе, мог выдавать себя за шведа, за немца, за американца... Шансы на успех равнялись нулю, ибо в Норвегии все мужчины были высокими, отпускали бороды, а в дождливую погоду облачались в черные плащи. Правда, шляпам предпочитали морские или рыбацкие фуражки. По шляпе и отыскивали. «Если кто-то по внешним приметам соответствует твоему дядюшке Кристофу, — сказал барон, — то это граф Карл Валленберг. Я запросил его досье. Авантюрист, служил во французской армии, порвал со своими родственниками, живет где-то на Севере, иногда навещается в город, чтобы в кассах шведского казначейства получать пенсион...»

Подробности о графе Валленберге Дису не интересовали. Она продолжала верить, что Тронхейм инкогнито посетил король.

В 1829 году барона Раппа назначили вице-министром внутренних дел. Диса возвращалась в Стокгольм с трепетом и неясными ожиданиями. Разумеется, за шесть лет норвежской каторги она не помолодела, однако и Ее Величеству, Дезидерии, пора бы нянчить внуков. «Шведский стол» отменен — тем лучше, нет соперниц. И если король... С мужем отношения нормальные, муж поймет и примет.

Барон, несмотря на свое честолобие, застрял на вторых ролях. В цивилизованных столицах любовница монарха тасует министерскую колоду. И если король... Шесть лет в норвежском болоте! Вот барону урок, за гордыню.

Диса была готова на все.

Они явились во дворец в парадной одежде, а церемониймейстер сообщил, что в последний момент Его Величество перенес аудиенцию из тронного зала в рабочий кабинет.

Стопки бумаг громоздились даже на паркете. Король в военном мундире без погон, с седыми висками, встал из-за стола, пошел к ним навстречу:

— Мой дорогой барон, прошу извинить, завален бумагами и делами. И потом, я не люблю театр в тронном зале. Какие настроения в Норвегии? Депутаты стортинга опять заболели сепаратизмом?

Король говорил по-французски и обращался преимущественно к барону.

— Мне вообще не нравится положение в Европе. Пахнет бунтом и революциями. Кашу, как всегда, заварят во Франции, а нам придется расхлебывать. Что это у вас? — Король ткнул в

Георгиевский крест на груди барона. — Вы сражались в русских войсках?

— Всего лишь в чине прапорщика... — скромно потупился барон.

— Чин не имеет значения, — рассмеялся король. — Имеют значение отвага и находчивость. Когда я был сержантом, маркитантка не давала моему взводу продовольствия, дескать, в лавочке шаром покати. Я снарядил трех гренадеров...

Тут король (наконец-то!) обратил внимание на присутствие баронессы и, словно что-то вспомнив, милостиво осведомился:

— Как поживаете, моя красавица?

И поцеловал ее в щеку. Поцеловал как дочку, как внучку, как собаку Жучку, как картинку, как сардинку, как стенку. Как пустое место.

— Смею надеяться, что Ваше Величество пребывает в добром здравии? — спросила Диса по-шведски, вежливым ледяным тоном, на который король — раньше! — реагировал мгновенно.

Король поморщился и ответил по-французски, как бы оправдываясь:

— Старость — коварная спутница, моя красавица. Я чувствую себя в приличной форме, а шведский язык уходит. Не та голова. Я забываю элементарные слова. Память стала выборочной. Я помню имя той маркитантки, имена трех гренадеров, все, что было в молодости. Вот вчера подписал указ о назначениях, а имена вылетели из головы. Слава Богу, что Оскар рядом.

Любой придворный был бы счастлив, услышав от короля такие откровения. Признак доверия! Поэтому барон Рапп, очень довольный и польщенный, без умолку делился с Дисой своими впечатлениями об аудиенции — всю дорогу, пока они возвращались в карете домой.

— Король заметно изменился, годы берут свое, — говорил барон, — тем не менее он в курсе последних событий и хорошо информирован. Если король предвидит волнения в Европе, значит, так и будет. Если волнения перекинутся к нам — возрастет роль моего министерства. Понимаешь? Король — великий труженик. Правда, он жалуется на провалы в памяти, это естественно...

И быстро добавил, чтоб баронесса не заподозрила его в каких-то намеках на прошлое:

— Он даже забыл, как послал к нам с поручением майора Друо. Казалось бы... Что ты хочешь, возраст...

Но Диса уже ничего не хотела. Во всяком случае, от человека, который принимал их в королевском кабинете.

III. ПРОФЕССОР САН-ДЖАЙСТ

Я эти новейшие научные теории в гробу видел. Пусть взрослые бабы себя уродуют, сгоняя лишние килограммы — ничего не поделаешь, мода. А ребенок должен быть кругленьким, полненьким. Мало того, что ребенка дома травят корнфлексами и салатами, так приводят в супермаркет, где столько соблазнов — печенья, пирожных, конфет, шоколада, карамели, — и всего этого нельзя. Возьми, Эля, орешков и сушеных фруктов, утешься. Мамаша, глазом не моргнув, предложила бы сушеных кузнечиков, да, к счастью, их в американских магазинах пока не продают. Какой-то там святой — Фома? Епифан? — питался в пустыне сушеными кузнечиками и был за свои подвиги канонизирован церковью. Я не богохульствую, однако полагаю, что Эля и святому Фоме, и святому Епифану сто очков вперед даст, в пустыне таких прилавков не было, одни миражи. Эля — прелесть, Эля — лапочка, самая послушная дочка на свете уныло грызет чернослив. Мамаша-дрессировщица катит свою тележку к овощной секции. Мы рулим к винно-водочным рядам. Мамаша спокойна, там я ничем побаловать Элю не смогу.

— Тони, где моя булочка? — шепчет святая Эля.

Я достаю из кармана булочку с изюмом или шоколадом, купленную заранее в библиотечном буфете. Ребенок съедает ее стремительно. Кто сказал, что у Эли плохой аппетит? Глупо, конечно, лакомиться библиотечной булочкой, когда вокруг кондитерское пиршество. Но магазинные булочки и пирожные — в коробках, по несколько штук. Мамаша у кассы непременно засчет, что коробка вскрыта. Я и так дико рискую. Если Эля проговорится, то мне расцарапают морду. Ведь я применяю антипедагогические методы: нарушаю режим и учу ребенка врать. Я не учу ребенка врать. Мы коробки не берем и не вскрываем, крошек в тележке не остается и мамаша не спрашивает: «Эля, ты съела булочку?» Сама же Эля, на что уж любительница поболтать, на эту тему помалкивает. Смешленный ребенок. С таким — в разведку.

Совершив противозаконный акт, Эля верхом устраивается в тележке, как кучер на облучке кареты, и теперь мы не прячемся за стеллажами, а наоборот, прокладываем свой маршрут так, чтоб держать мамашу в поле зрения. Для мамыша день без магазинов — потерянный день. Только супермаркет для нее — сущее наказание. Она предпочитает заведения, где можно проводить часы в примерочных кабинках, а какой мне смысл туда ходить, если я ее не вижу? Вот в супермаркете я ловлю кайф. Самая красивая девочка на свете разгуливает между стелла-

жей, как топ-модель по подиуму, и я с удобной мне дистанции наблюдаю это чудо. Нас разделяет фруктовый прилавок. Маша в банановой кофточке, в зелено-яблочном платье, в апельсиновом пеньюаре... Россыпь черешни опять меняет цвет ее одежды, совпадая с тоном губной помады. Она набирает совок ягоды в пакет, в глазах сосредоточенность — какие мировые проблемы нас волнуют? В моей голове словно фотоаппарат отщелкивает кадр за кадром. Любой кадр украсил бы обложку популярных журналов. Твое счастье, что фотокорреспонденты дежурят у ворот виллы какой-нибудь Памелы Андерсон. Что Памела, я против нее ничего не имею, пусть живет... Как делают голливудских див? Присматривают загорелую задницу с длинными ногами и, если рожа задницу не портит, шпаклюют рожу макияжем, разрисовывают косметикой, приклеивают ресницы — готово, очередная звезда сходит с конвейера, открывает пасть: «Я согласилась на эту роль потому, что героиня фильма, как и я, темпераментна, следует своему инстинкту вопреки рассудку...» Но профессионалы журнальных джунглей помнят, какой основополагающий элемент у киноактрисы, и стараются ее снимать через задницу. Так вот, повторяю, радуйся тому, что фотокоры игнорируют супермаркет. Хоть специфический ракурс приносит им заработок, однако осталась у них изначальная тяга к прекрасному, ведь учили их ремеслу не в женской бане, знакома им, хотя бы по репродукциям, итальянская и французская классическая живопись... и увидят они ангельский лик с картин Рафаэля и Боттичелли в рамке лимонов и ананасов, вздрогнут, перекрестятся, протрут свои зенки и сообразят запечатлеть на пленку. «Наконец-то нашли! — воскликнет умный просвещенный редактор (такие существуют? а вдруг?). — Куда же вы раньше смотрели? (куда? все туда же, через то же самое)» Тиснут портрет на глянцевого обложке в миллионах экземпляров. Закрутится маховик рекламной индустрии. И улетит твоя девочка, зазнается.

Пока не поздно, увези ее в Иран или Саудовскую Аравию, где женщины в общественных местах носят паранджу. Есть и в мракобесии здравая идея...

Приближается контрольная проверка. Пальцы с лиловым маникюром извлекают со дна тележки мои слабые попытки экономии семейного бюджета. Инквизиторский взгляд. Крупный план.

— Я же выбрасываю эту гадость из холодильника! Она тухнет на следующее утро.

Можно вас поцеловать? Можно обхватить ваши колени?

Публика была бы в шоке? Нет. Подумали бы, что снимается кино, репетируют сцену.

Дисциплинированный и вышколенный профессор смущенно бормочет, что, дескать, уценка товара не влияет на качество, дескать, это правило маркетинга, уловка для привлечения клиентов.

Мне отвешивают фунт презрения. Бесплатно. А в глазах пляшут искры. Ей нравится быть повелительницей.

И платить в кассе мне не разрешается. Ты же дал мне деньги!

...Когда, сколько веков с тех пор минуло?

— Ладно, блок «Малборо» отдельно. Отраву покупай себе сам.

Я читаю одну за другой книги о гражданской войне в Соединенных Штатах. Я выписываю на листки подробности, которые никому, кроме меня, не интересны: цвет пуговиц на мундирах северян, калибр орудий у южан. Я безмолвно участвую в споре историков, людей чрезвычайно эрудированных, знающих, понимающих. Меня увлекает аргументированность логики то одной, то другой стороны. Гражданская война изучена до малейших деталей. И сколько остроумных концепций! Американские специалисты давно поделили между собой время и пространство, и нет плацдарма, на который я мог бы высидеться и откуда сунуть нос в почтенный академический мир.

Есть.

Но кто меня туда пустит? Кто позволит мне об этом вякать? Я не верю, что прозорливые ученые мужи не замечают одной очевидной вещи. Значит, своего рода национальная смычка, патриотический сговор. Заминированная территория. Посторонним вход воспрещен.

Суть моей теории? Пожалуйста. И южане, и северяне были отважными солдатами, меткими стрелками, лихо держались в седле. Немаловажную роль играл фактор человеческой выносливости (дети первопроходцев и пионеров), самопожертвования. Офицеры и генералы — инициативны, решительны. То есть по кадровому составу — прекрасная армия. (Дисциплина хромала — с этим все согласны.)

Беда заключалась в том, что ни северяне, ни южане абсолютно не умели воевать. Тактика — на уровне боев с индейскими племенами и архаичными мексиканскими подразделениями. Стратегия? Такого понятия вообще не было. Взаимодействие войск — за семью печатями, как китайская грамота. В этом

смысле любой наполеоновский полковник мог посадить американских главнокомандующих, генералов, Гранта и Ли, за школьную парту.

Конечно, опыт приходил. На войне набираются опыта быстрее, чем где-нибудь. Вопрос: какой ценой?

Но я готовился не к дискуссиям в Генштабе, я готовился к лекциям. Теперь, представьте себе, я рассказываю студентам:

— Прорыв генерала Шермана на узком фронте и глубокое вторжение в тыл южан, перерезавшее их коммуникации, изменили ход войны. Это вам известно если не по учебникам, то по фильму «Унесенные ветром» — помните пожар в Атланте, колонну янки на мосту и голос за кадром: «Шел генерал Шерман». Менее известно, что поначалу Шермана встретили в штыки не южане, а его непосредственное начальство, генерал Грант и лично сам президент Линкольн. Главное командование северян было в ужасе от плана Шермана: армия не обеспечена прикрытием с флангов, ее окружают и уничтожат! Шерман, как и его коллеги, тоже привык действовать методом силового давления, стенка на стенку. Но в штабе у него служил шведский полковник Валленберг. Жуткий педант и зануда, который умолил, упрямил, буквально заставил Шермана пролистать книгу Клаузевица: «Мой генерал, если я для вас не авторитет, что естественно, то посмотрите, как немец анализирует двадцатилетние войны в Европе». Из уважения к своим немецким предкам и чтоб Валленберг от него отстал, Шерман раскрыл наугад книгу, прочел пару страниц, заинтересовался, прочел от корки до корки. Задумался. Умный был генерал. Если вы решите, что я намекаю на роль личности в истории, — ошибаетесь. И я вовсе не призываю прекратител ь глазеть телевизионные клипы. Моя мысль до безобразия примитивна: как бы странно это ни звучало, но чтение книг иногда приносит практическую пользу.

Хорошо, разговор о пользе книг возражений не вызовет. Однако поймут, что за этим вырисовывается. Войну Севера и Юга выиграл покойный немецкий генерал Карл фон Клаузевиц!

И не дрогнуло звездное знамя?

Такой курс на ура прошел бы в Сорбонне, моих соотечественников хлебом не корми, дай только поехидничать над супердержавой. Гордые галлы до сих пор не простили штатникам, что те их освободили от немецкой оккупации в 1944 году. Кровная обида. Либеральные американские профессора, конечно, выше национальных предрассудков, слово «патриотизм» не выговаривают, фу, стыдно, поэтому на ученом совете мне вежливо похлопают:

— Замечательно, уважаемый коллега, мы ничего подобного не слышали. Укажите, пожалуйста, ваши источники. На кого ссылаетесь? Все-таки история — точная наука.

Вот с источниками сложнее. И, соответственно, с перспективой получить место в здешних университетах. Но я в себя верю. Что-нибудь да придумаю. И Дженни в меня верит. А главное, мне самому интересно вернуться в то время. Когда-то я все это проходил. И натурально позабыл к чертовой матери, как забывает после экзамена студент вызубренный накануне учебник.

...Над ночной Филадельфией полыхала гроза. Шквальный ливень обрушился на площадь. Молнии резали небо сверху вниз и поперек. Гром грохотал, как будто к городу подтянулась вся артиллерия южан.

— Дьявольская погода, — проворчал генерал Шерман, наливая виски в два стакана, — циклон с океана надолго. Мы завязнем в грязи и потеряем преимущество внезапной атаки. Скажите, полковник, в Европе тоже воюют под дождем?

— В Европе бельгийский дождик, мой генерал. Есть такое выражение. Меня учили, что в армии не существует плохой или хорошей погоды. Впрочем, по опыту знаю: погода всегда плохая...

— Минуточку, профессор, — прерывают меня голоса с кафедр, — мы привыкли к игре вашей фантазии, она оживляет лекцию, но все-таки откуда у вас такие сведения?

Откуда? Не помню.

...Но сколько было бравады! Капитан Гопкинс ведет свой батальон развернутым строем. Приказ не стрелять, пока не сблизимся на тридцать шагов. Покажем этим задрипанным янки, как дерутся настоящие мужчины!

Капитан Чемберлен выстроил своих солдат в два ряда и прет навстречу. Парад. Не хватает лишь полкового оркестра, под который Гопкинс и Чемберлен маршировали в балтиморской военной школе. Самый тупой прусский офицеришка, чтящий устав, давно бы скомандовал остановиться, сгруппироваться и открыть прицельный огонь по движущимся мишеням. А капитан Чемберлен не может себе такого позволить, иначе сопливые плантаторы-аристократы подумают, что мы их боимся.

Стенка на стенку. Они сойдутся у ручейка, где ничего не подозревающие коровы и теленок мирно щиплют траву. Самолюбивые отчаянные мальчишки, цвет американской нации. Через несколько часов их подберут санитарные фуры... Уцелеют ли корова и теленок — неизвестно...

Неотвратимый ход судьбы нарушает вестник из госпиталя. Стреловидный синий «понтак» на огромной скорости влетает

в пока еще свободное пространство, с визгом притормаживает. Улучшенная и омоложенная копия Жозефины Богарне демонстрирует воинству полные колени и то, что выше, обтянутое «Вальпургиевой ночью».

— Профессор, пойдем пить кофе.

Раз так — стоп, ребята. Перекур. Хорош виргинский табачок. А собственно говоря, чего мы тут столпились? Задрать бы этой девчонке юбку...

— У тебя, профессор, одно на уме.

— У меня? Я не решаюсь до вас дотронуться, госпожа моя. Созерцать, как произведение искусства. Радуюсь, что бесплатно.

— Созерцай, созерцай. Сахар не подсовывай. Возьми мне плюшку. Ну и что там было дальше?

— Дальше? Война прекратилась. Два батальона южан и северян окружили нежданную гостью плотным кольцом. Она им давала...

— Давала двум батальонам? Бесстыдник!

— Она им давала заработок. Ведь началось паломничество со всех штатов. С посетителей брали по два доллара, большие деньги по тем временам. Но всем хотелось посмотреть...

— На корову и теленка?

— Повторяю, куда подевались корова и теленок — не знаю. Пегие такие, в черных яблоках. Может, их и съели. На войне как на войне. А все хотели посмотреть на это чудо. Иногда, по настроению, девочка чуть-чуть приоткрывала колени, еще на три сантиметра. Приезжал генерал Ли. Приехал даже генерал Грант.

— Им со скидкой?

— Нет, в Америке равенство, два доллара с носа, независимо от чинов.

Она прихлебывает кофе мелкими глотками. В глазах веселые искры. Я люблю, когда у нее такие глаза. Невероятно, немыслимо, не могу поверить, что я с ней сплю каждую ночь.

* * *

Когда это все случилось в Париже, я был в Бордо на университетской конференции. Мне кажется, если бы я не уехал в Бордо, я бы в тот вечер позвонил ему: «Не выходи на улицу, не пускай никого в квартиру, не подходи к двери». У меня должно было сработать шестое чувство, называемое предчувствием, сигнал беды. Послушался бы он меня? Последнее время мы виделись не часто и редко-перезванивались... Разверзлась земля, и его унесло в черную бездну. Иногда во сне я вижу эту

пропасть, от ужаса кружится голова, я подползаю к краю и кричу в клубящуюся тьму:

— Сережа! Не выходи на улицу, не пускай никого в квартиру, не подходи к двери!

Ей, правда, объяснили, что папа тяжело болен, и она не спрашивала, почему он вдруг исчез, почему не приходит, не говорит с ней по телефону, однако в ее взгляде, во взгляде пятилетнего ребенка, появилось взрослое выражение тревоги. По обыкновению, мы с ней гуляли, пели, читали, дурачились, но она следила за мной глазами затравленного зверька и, казалось, ждала: вот вот я ей что-то скажу. Потом был день рождения Лели. Мама постаралась его отпраздновать торжественно и шумно. Пригласили всех знакомых детей. Накупили дорогие подарки. Словом, все, как при Сереже. И Анька носилась с подружками по комнате, бесилась, танцевала и на детском концерте спела песенку про жаворонка.

После десяти вечера за столом осталось лишь несколько гостей и шестилетняя Диана, за которой ее мама должна была приехать через час. Маленький Леля давно спал, а Анька ворочалась в своей постели, раскидывала подушки, пыталась чуть ли не встать на голову. Я понимал, что девочка перевозбудилась, и сидел рядом, рассказывал сказку. Глаза у Аньки слипались.

— Деда, позови Диану, я хочу с ней попрощаться.

Диана, несмотря на обилие сладкого, с аппетитом уплетала кружочки копченой колбасы. Тут же пошла за мной в Анькину комнату.

— Анна, спокойной ночи!

Анька капризным сонным голосом пробормотала:

— Диана, а где твой папа?

— Ты же видела, он уехал по делам.

— Дина, — Анька попыталась в очередной раз встать на голову, — а где твоя мама?

— У мамы спектакль в театре.

Анька села, повернулась лицом к Диане и совсем другим тоном быстро спросила:

— А ты не знаешь, случайно, где *мой* папа?

Было, наверно, так...

Они подъехали к полуночи, остались в машине и с противоположной стороны улицы наблюдали, как на освещенном

крыльце respectable буржуазного дома появилась группа веселых мужчин и женщин. Женщины громко смеялись, кто-то кого-то обнимал, договаривали то, что недоговорили на вечеринке. Потом подвыпившая компания спустилась в маленький дворик и через калитку в железном заборе, увенчанном острыми пиками, высыпала на тротуар. Прощание, ритуальные поцелуйчики. «Безлошадные» пары сели в «БМВ» Жан-Поля и «ситроен-ХМ» Филиппа. Укатили. Обратил ли кто-нибудь внимание на... Не могли. На этом необычно широком для Парижа авеню стоянка в шесть рядов. И улица, хоть и в центре, полутемная — ни кафе, ни ресторанов. Так поздно ни одна собака по ней не шастает, а если и вылезла с хозяином по своим собачьим надобностям, то им, хозяину и собаке, абсолютно нет дела до двух (трех?) хорошо одетых месье, изучающих в машине план города или занятых оживленной беседой.

В 0.25 машину покинул мужчина в плаще и шляпе, со скрипичным футляром в руке. Насвистывая, пересек авеню, подошел к забору, уверенно набрал код, распахнул калитку, поднялся на крыльцо, ключом открыл парадное. Свет в подъезде музыкант зажигать не стал, лифтом не воспользовался, потопал вверх по лестнице. Физкультурник.

Через три минуты спутник музыканта проделал тот же маршрут, поднялся на крыльцо и нажал кнопку интерфона.

Сережа решил, что это вернулся кто-то из гостей (забыли что-нибудь или недопили?), и отправился к экрану монитора посмотреть, кто именно. Телекамера над подъездом показала ему незнакомое лицо (или знакомое? Это бы важно знать, да никто теперь не узнает). Телемонитор в салоне сломался еще утром, второй был оборудован у двери в квартиру. Солидная дубовая дверь, а в середине — овал из небьющегося матового стекла (в половину человеческого роста), укрепленный стальными узорчатыми разводами. Мода была такая в Париже в начале двадцатых годов... И вот в светлом овале возник силуэт Сережи. Тем временем музыкант-физкультурник уже стоял на площадке шестого этажа перед дверью, уже расчехлил скрипичный футляр и вытащил оттуда автомат с глушителем.

Очередь. Промахнуться невозможно. Бронебойные пули прошли матовое стекло, как тонкую материя.

Никто ничего не слышал. Соседи по лестничной площадке отдыхали в Ницце.

Музыкант-физкультурник отбросил ногой ненужный скрипичный футляр, на пятом этаже аккуратно положил автомат у

лифта и неторопливо продолжил спускаться. Респектабельный буржуазный дом спал.

Когда полицейские сирены разорвали ночную тишину, машина с субъектами (двумя? тремя?) уносилась из города. Вряд ли к аэропорту. Требовалось всего два часа, чтоб домчаться до Бельгии. Думаю, они (он?) свернули с автострады и пересекли границу по какому-нибудь пустому деревенскому шоссе.

Выводы. Они (музыкант и подручные) обладали прекрасной информацией. Узнать код — дело плевое, Сережкина квартира была проходным двором для так называемой парижской светской шелупени. Но они (музыкант и подручные) знали, что охранник Сережи ночует у себя дома, что заказана бронированная дверь, которую вот-вот должны поставить, что в это утро сломался (сломали?) телемонитор в салоне, что гости уйдут к полуночи, что Сережа с дамой, значит, сразу спать не ляжет. Никакое самое квалифицированное «наружное наблюдение» такой информации дать не может. Сережу продал кто-то из его ближайшего окружения.

Кто?

— Сережа, умоляю, сегодня вечером не выходи из дома. Не пускай никого в квартиру. Не отвечай на звонки. Не подходи к двери.

Даже если бы я почувствовал опасность, послушался бы он меня?

Не знаю. Маловероятно. Еще менее вероятно, что это что-либо изменило. Раз прислали профессионалов, то они бы его достали в какой-то другой день. Однако мой опыт подсказывает, что другой день — это всегда *другой* день. Теоретически он приносит счастливый шанс. Много может произойти за сутки. Дурацкая автомобильная авария. Рутинная полицейская проверка. Острый приступ аппендицита. Музыкант поскользнулся на ровном месте и сломал ногу. Отмена команды...

Теоретически шанс на отмену команды ничтожен. Дело запущено в ход. Не остановить. Однако мне как историку известны случаи, когда выигрыш во времени отворачивал злой рок. Например, после казни виконта Александра Богарне Жозефина на сутки напролет рыдала в своей келье монастыря Кармелиток. (Не успел еще рассказать Дженни, а надо.) Жозефина ждала неминуемой гильотины. И вдруг непредвиденный инцидент в Конвенте (Робеспьер не захотел назвать имена заговорщиков), закончившийся Девятым термидора...

Другой день.

У меня нет доказательств. Просто интуиция, опыт. Настораживает вот что: те, кто дали команду, те, кто руководил «музыкальной группой», не только обладали прекрасной информацией, — они *просчитали*, какую информацию получит следствие! Они все взвесили заранее, обсудили и порешили, что эта информация устроит французскую полицию, что французам невыгодно будет копать глубже. Знакомый почерк мощной организации, самого крупного ответвления Системы. В чем они всегда были непревзойденные мастера — так это в искусстве запускать дезу. А тут все укладывалось в нужную французам схему. Сережа заработал миллионы на торговле с Россией, а потом свернул бизнес, ибо ему там угрожали. Очень важный для французов аргумент! Далее. Сережа разошелся с женой, коллекционировал топ-модели, купил в восьмом районе роскошную квартиру, кутил, посещал ночные клубы — то есть вырисовывается типичный (и привычный обывателю по газетным статьям) портрет русского мафиози.

Стоп. Опыт учит сдерживать эмоции и не поддаваться увлекательным гипотезам. Убийство в центре Парижа видного международного бизнесмена — нонсенс, скандал, пощечина французской полиции — автоматически подымет на ноги все государственные спецслужбы. Если убийство заказано одиночкой — ему, одиночке, плевать на последствия. Если за всем этим стоит упомянутая нами организация, то это вопиющее нарушение негласной конвенции, причем в самый неподходящий для России момент. По идее, организация не осмелилась бы на такой шаг. Ведь в первую очередь французы зададут себе вопрос: у кого в Париже длинные руки? У наследников славных ВЧК, ГПУ, КГБ, под какой бы невинной аббревиатурой они сейчас ни чирикали. И изучат внимательно этот след. Как ни натаскивать профессионалов, они обязательно где-нибудь наследят. Следы не оставляют лишь херувимы — прилетают на крылышках.

У советских с французами всегда были сложные отношения (естественно, на уровне разведок). Даже в период своего расцвета и могущества советские аббревиатуры толком не понимали, когда французы знают и когда делают вид, будто не знают. Французы на многое закрывали глаза, ибо правила игры определяла высокая политика. А тут им бросали публичный вызов! Французы поднатужатся, кое-что найдут и заготовят ядовитый и очень неприятный ответ. Говорят, российские органы сильно перестроили и перетрясли. Но не до такой степени, чтоб они разучились смотреть дальше собственного носа. Значит, надо исключить участие российских аббревиатур. Риск непропорционален результату. Неужели Сережа кому-то так мешал?

Логично? Логично. Правда, при условии, что французы будут искать настоящих убийц, а не возможность сохранить свое благообразное лицо. В том-то и заковыка. Французам главное не подмочить репутацию Парижа, города, безопасного для иностранных бизнесменов. И легенда про русскую мафию для нынешних комиссаров Мегрэ — манна небесная!

Я читал все, что писала французская пресса про «загадочное убийство». Писали взхлеб. Разумеется, под диктовку полиции. Так вот, уважаемые леди и джентльмены, это внутренние разборки между русскими. Это русские дела. Кто-то у кого-то зажил миллионы. И русская мафия скорректировала. К вам, почтенные леди и джентльмены, герры, синьоры, шейхи и ханы и прочие мадамы и месье из Японии, Малайзии и Сингапура, — к вам русская мафия не имеет никакого касательства. Можете спать спокойно под сенью «Девушек в цвету» и Эйфелевой башни.

Насколько мне известно, были существенные детали, которые никак не укладывались в версию про русскую мафию, упрямо выпирали острыми углами. И я хочу знать, действительно ли следствие их сознательно не заметило, или следствие по о м о г л и не з а м е т и т ь, или совпало то и другое?

* * *

С каждой женщиной (не очередной бабой, а Женщиной Твоей Судьбы) надо начинать все сначала. Как будто заново родился. Это не армия, где тебя перебросили в другую часть (в другую страну) и ты продолжаешь служить в прежнем чине. Нет, начинаешь рядовым. Прежние заслуги тут не признаются, наоборот, вредят. Допустим, в прошлой жизни (с другой) вы были генералом, и если женщина вас принимает таким (что логично с точки зрения мужчины), это не показатель сильной любви, это показатель, что женщина еще не уверена в своей силе. Не беспокойтесь, уверенность придет. И тогда вас, лопоухого салагу, погоняют с полной выкладкой по плацу, вам напомнят ваше генеральское бахвальство, три шкуры сдерут, пока в ее глазах, женщины, вы не заработаете первую сержантскую лычку. Внешняя похожесть — обманчива. Каждая женщина — особая планета со своим неповторимым климатом. Не приспособитесь — сдохнете от перепадов давления, от мороза или солнечного удара. Женщину надо изучать, приручать (приручаться), вы зубрить наизусть имена тех, кто с ней был раньше (Постепенно вам их сообщат. Не всех. Минимум, необходимый для вашей акклиматизации), и полные имена ее многочисленных родственников

(ближних вы быстро запомните, но если пренебрежете дальними — совершите серьезную ошибку!). Классический пример — роман Жозефины с капитаном Жеромом Готаром. Оба пылали страстью, и капитана отпустили из казармы с субботнего вечера до утра понедельника. Так о чем с ним говорила Жозефина в течение воскресного дня? О чистой и высокой любви? Нет, перемалывала косточки всему семейству Богарне и без умолку болтала о своих тетках, кузинах и кузенах, оставшихся на Мартинике. Правда, Жозефине и капитану казалось, что у них в запасе вечность.

Всем так кажется.

Не успел еще рассказать об этом Дженни, а надо бы...

Словом, выражаясь современным индустриальным языком, требуется длительный период обкатки, притирки, регулирования клапанов, зачистки контактов и подкручивания гаек.

У нас с Дженни произошло чудо. Точность космической стыковки. Космическую стыковку готовят годами, репетируют на тренировках, просчитывают компьютерами. Впечатление, что нас давно подготовили друг для друга и безукоризненно вывели на единственную встречную орбиту. Я ее органично принимаю такой, какая она есть, будто она специально для меня создана. А Дженни утверждает, что меня ей доктор прописал. Лишь однажды она подкрутила гайки (и мне мозги), когда я слишком уж важный вернулся из Вашингтона. Молодец! Среагировала сразу, не холит, не хранит в себе отрицательные эмоции...

Каждая женщина — особая планета. После долгих странствий я попал туда, где мне легко дышать. И не имеет значения, кем (и с кем) я был раньше. Ваше Императорское Величество, сделайте божескую милость, примите своего верного слугу из парижского дистрикта!

Дженни тормозит у светофора. Я выскакиваю на тротуар (нет даже времени поцеловать Самую Красивую и Самую Любимую девочку на свете — сзади гудят), машу рукой Эле и чешу по стритам и авеню Лос-Анджелеса. Держу приличную скорость. Скорость рейсового автобуса (в час пик). Быстрая ходьба, как всегда, доставляет мне удовольствие. В принципе, я неприхотливое животное. Для полного счастья мне надо: а) спать с Дженни, б) десять километров пешком ежедневно. И еще я предвкушаю, как засяду в библиотеке, погружусь в книги, буду выписывать на листки цитаты — моя привычная работа. Не волнуйтесь, я придумаю курс лекций, это поначалу я нервничаю —

вдруг не получится? В данном случае «вдруг» исключено. Всегда получалось.

Поток машин, спускающийся с Лорел-каньона, развозит клерков по офисам. В Лос-Анджелесе на службу не ходят. Ездят. На магистралях интенсивное движение, а тротуары пусты. Скоро откроются продуктовые лавочки, магазинчики одежды и радиотоваров, парикмахерские, ресторанчики, поликлиники, врачебные кабинеты, двери госпиталей. (Медицинских учреждений в городе огромное количество. Люди здесь или портят глаза за компьютерами или лечатся.) Тогда появятся прохожие. Пока лишь редкие бомжи проверяют свой убогий инвентарь на скамейках, где они ночевали.

Но что это? То тут, то там я замечаю бестелесные фигуры. Словно призраки возникают в бензинном мареве. Они, шатаясь, бредут мне навстречу, глотая воздух ртом, как рыбы, выброшенные на песок. Приглядываюсь. Конечно, это не фантомы. Старики, страдающие от бессонницы, от артритов и склерозов, от сердечных и почечных приступов, старики — лысые, с седыми патлами, сгорбленные, с вздутыми на ногах венами — старики, одетые кто в майки и шорты, кто в ночные пижамы, кто в светлые и темные цивильные костюмы...

В Шерман-Окс их не видно. Они ведут другой образ жизни. Наверно,купаются в своих бассейнах и играют в теннис на закрытых кортах. А в этом районе города, лишенном тени деревьев (Правда, вот торчит высоченная пальма. Кому, когда пальма давала тень?), старики утречком выползают на улицы, чтобы подышать прохладой. Через час безжалостное, раскаленное, стальной голубизны небо Лос-Анджелеса сольется с землей и загонит их, как тараканов, в щели до позднего вечера. Но поздним вечером в центре города старики предпочитают не высывать носа из многоквартирных домов...

Почему я раньше не обращал на них внимания? Почему мне кажется, что они заполнили тротуары? Да нет, не заполнили. Они действительно двигаются, как призраки, бочком, по кромке тени от домов, стараясь не попасться никому на глаза. Однако я невольно вздрагиваю, когда мимо косолапит очередной двадцатикилограммовый фантом с отвислым животом, с дряблыми щеками в красных прожилках, с отвратительной бородавкой на подбородке и бессмысленным — точнее, устремленным в глубь себя, в свои болезни и хвори — взглядом. Это мне знак? Предупреждение?

Прочь! Я не был таким и никогда не буду! Не хочу!

Резко увеличиваю обороты. Чувствую, как приятно пружинят мышцы ног. Я сильный и здоровый зверь, способный отма-

хоть двадцать, тридцать километров без усталости. Давно остались позади кварталы, где водятся привидения, я шагаю по широкой авеню с дорожными магазинами и ресторанами (пока закрыты-ми), и впереди вырастает здание библиотеки.

Жизнь прекрасна и удивительна!

Удивительна тем, что в девять утра, то есть среди бела дня, кто-то меня преследует. И не из области духов. Черный «рейнж-ровер» неторопливо катит за мной. Ну, если я вообразил себя зверем, то тогда, естественно, охота. Сворачивать на боковые, совсем безлюдные улочки глупо. Я сильное животное, но у «рейнж-ровера» больше — как их? — лошадиных сил. И потом мне самому интересно: от кого привет?

До библиотеки два блока. Черный «рейнж-ровер» меня обгоняет, останавливается, из кабины вылезает блондин в кожаной куртке. Комплекция штангиста. Ждет. И по мере моего приближения его лукавая рожа расплывается в улыбке.

— «Я милого узнала по походке». Еще помните русские песни? А я думаю, кто это несется с такой скоростью? Что-то больно знакомое... Антон Валентинович, какими судьбами?

Какими судьбами? Много чудес было во время горбачевской перестройки, а одно из них — когда в Москве пропали такси. То есть вроде бы такси не отменяли, зеленые огни мелькают здесь и там, но никто не тормозит. Почему? Или все спешат по вызову, или их прикрепили к учреждениям, или таксистам надоело возить пассажиров и они решили просто так кататься? Загадка. Однако ушлый народ ломать голову над загадкой не стал, ушлый народ мигом сообразил, что если такси не существует (или существует лишь в качестве декорации, части городского пейзажа), то появилась замечательная возможность левого заработка для тех, у кого собственная «тачка», или «мотор». Ну, а самые хлебные места подкалымить — у вокзалов и в аэропортах. И конечно, самый выгодный пассажир — иностранец. И вот однажды дежурит Саня в Шереметьево, радио объявило прибытие самолета из Парижа рейсом «Эр Франс». Значит, смекает Саня, иностранец попрет фирменный, неподдельный, советские летают только Аэрофлотом. Иностранец, естественно, прет на стоянку такси и ничего не понимает. Нет «волг» с зеленым огоньком и с шашечками на борту, исчезли, как динозавры, зато со всех сторон ушлый народ предлагает подбросить в столицу страны победившего социализма без счетчика и цену запрашивает феерическую. Иностранцы хоть и прибыли из царства свободной инициативы, но к такому беспреде-

лу не привыкли. Сбились в кучу на стоянке, балакают между собой на ихнем наречии и, видимо, надеются на Второе Пришествие, мол, с небес спустится государственный таксомотор... У Сани свой метод. Он заприметил молодого иностранца богатырского роста с маленьким чемоданчиком (такой не испугается сесть в машину к частнику, а то ведь распустили слухи, будто в Шереметьево орудует банда уголовников), протиснулся к нему (к иностранцу, не к чемоданчику) и вежливо продекларировал выученную наизусть английскую фразу: «Добро пожаловать в Москву. Меня зовут Саня. Домчу с ветерком по любому адресу за 50 рублей. Совсем недорого, сэр». Саня полагал, что если уж он, Саня, выучил эту фразу, то иностранец, из какой бы Африки ни приехал, обязан ее понять, а далее они объяснятся на пальцах. Иностранец ответил длинной руладой черт знает по-каковски, и Саня выдержал ее, руладу, как выдерживал арт-обстрел в Афганистане — с бесшабашной улыбкой, чуть втянув голову в плечи.

— Твою мать, Саня, — сказал иностранец на чистом русском, — учить тебе надо английский, без английского в этом мире пропадешь. Согласен меня возить целый день за триста рэ?

Саня не поверил своему счастью. Триста рублей? В конторе «Моспосжоптрансэнерго», где Саня числился экспедитором, ему платили сто шестьдесят пять рэ в месяц. Триста в день? Не иначе как с неба. Ну, а бюллетень оформить в поликлинике не проблема.

Саня подъезжал к гостинице «Советская» ровно в 8.00 утра. Рабочий день иностранца был расписан до минуты. Мотались по министерствам, комитетам, техническим институтам. Вечером он ужинал с кем-то в ресторане, и по рылам приглашенных, по их манере поведения Саня догадывался: номенклатурные пташки. Саня честно ужал в назначенном месте, не соблазнялся возможностью улизнуть на часок, подхалтурить — сидел в машине, читал газеты, перекусывал бутербродом, пил из термоса кофе. Иностранец знал: в любой момент Саня с «жигуленком» под рукой. Домой Саня возвращался за полночь (с тремя сотнями в кармане), но ровно в восемь утра вымытый, выбритый, в свежей рубашке (научился у иностранцев!) Саня у «Советской».

Как-то раз они пообедали в «Якоре» (иностранец настоял), и Саня успел немного рассказать о себе: воевал в Афганистане, в спецназе, ранен, награжден, вернулся в Москву героем, и тут выяснилось, что «афганцы» на Родине никому не нужны. Саня не жаловался, наоборот, напирал на то, что ему еще повезло: купил по дешевке старенький «жигуль», заменил почти все

узлы на новые (шахер-махер с конторским автопарком), и вон как «жигуль» хорошо бегаёт, помогает свести концы с концами. Сане важно было показать иностранцу, что он, Саня, парень не промах, может ещё пригодиться, когда иностранец опять придет, а то ведь даже адреса Сани не записал, ни телефона, ни фамилии, но иностранец про мухлевку с запчастями слушать не стал — взглянул на часы.

В последний день совсем запарились. Всюду опаздывали. Тем не менее за пять минут до объявления посадки на вечерний парижский самолет Саня подрулил к перрону Шереметьево. Иностранец достал из чемоданчика пластиковый мешочек с пачками советских банкнот:

— Саня, здесь семьдесят тысяч. Мне их вручили сегодня, и я не успел ими распорядиться. Боюсь, что на таможне могут застукать и отобрать. Прилечу через неделю рейсом «Эр Франс». Встретишь и отдашь.

Саня вел машину из аэропорта, намертво вцепившись в баранку. Чокнутый иностранец! Доверить человеку с улицы семьдесят тысяч! Это же целое состояние — хватит на новую «Волгу», на дом, на полжизни!

Иностранец не прилетел ни через неделю, ни через месяц. Каждый день Саня упрямо приезжал в Шереметьево к назначенному рейсу. Ждал, высматривал, чертыхался. Через полтора месяца Саня увидел в толпе пассажиров знакомую высокую фигуру и чуть не заплакал:

— Сережа, твою мать, за что ты меня так мучил?

Вот так переплелись их судьбы, и неизвестно, кому больше повезло. Скажут, Сане. Мог ли он себе представить, в горах Афгана или в подвале конторы «Моспос» (и так далее), что когда-нибудь переседет на «вольво», на «ауди», на «пежо-605», «мерседес-500» (вехи для шофера, который собственноручно перебрал свой первый «жигуленок») и будет крутить руль по ухоженным автострадам Франции и Швейцарии, жить на приморской вилле на Корсике, кататься на лыжах в Альпах, летать на частных самолетах? А я скажу: повезло Сереже. В период, обозначенный еще Марксом как первоначальное накопление капитала, в период, где нравы американского Far West перемешались с российской дикостью, когда считалось хорошим тоном облапошить, нагреть, кинуть ближайшего друга и партнера, рядом с Сережей (или за его спиной, вплотную, не отходя ни на шаг) оказался самый преданный ему человек, надежный тыл, охрана и прикрытие.

Потом наступил период (не предсказанный ни в каком учебнике мировой экономики — русское изобретение!) планомер-

ного отстрела отечественных и зарубежных крупных предпринимателей. Сереже сняли копию со списка на «уничтожение». Сережа числился на пятнадцатом месте. Тринадцать перед ним были убиты. Четырнадцатого, Березовского, будущего секретаря Совета Безопасности при президенте Ельцине, только что взорвали в «мерседесе». Березовский чудом остался жив. Сережа понял, что никакая охрана в Москве (а его охраняли отставники-ветераны Девятки, бывшего управления КГБ) не спасет от пули снайпера. Сережа закрыл все свои дела в России...

Но это уж другая история.

Саня знал про Сережу все (до момента, пока Сережа окончательно не покинул Москву), он presque. Гораздо больше, чем я. Нам было о чем поговорить.

— Антон Валентинович, — по русской привычке Саня называл меня по имени-отчеству, — местные черные товарищи (видите, в Америке я тоже научился не произносить слово негр) кожей чувствуют, с кем имеют дело. Попал я тут вечером в район, в который лучше и утром не попадать. Спустило колесо. Я его подкачал. Смотрю, под фонарем стоит группа черных товарищей — кричат, громко смеются. Может, и не надо мной, может, анекдоты рассказывают, может, у них такая манера беседовать, но мне это как-то не понравилось. Я пошел на них. Они смолкли, расступились. Я дошел до перекрестка, повернул обратно. Они снова в куче и громко «ляля-ляля». Я опять прямо на них. Они сделали вид, что не обращают на меня внимания, но пропустили, как по коридору. Ну не шляться же мне взад-вперед, я не рейсовый автобус. Сел в машину и уехал. И на лбу у меня не было написано, что я спецназовец.

«Они подумали, — подумал я, — что если человек так упорно лезет на рожон, значит, из полиции».

Саня сообщил много историй, вполне пригодных заполнить пустые страницы моего досье. Однако именно эта история, сбoku припека, к делу отношения не имеющая, заставила меня задуматься. Ведь я не похож ни на полицейского, ни на спецназовца, обученного приемам рукопашного боя без оружия. И годы, увы, не те. И если я попаду в такую ситуацию — передо мной не расступятся. Разумеется, в отличие от Сани, я не буду искать приключений на свою голову. Но особенность подобных ситуаций в том, что они сами тебя находят, причем в неподходящий момент. (А бывает подходящий?) Дженни бесстрашно разгуливает по своему кварталу, где муниципальные власти экономят на освещении улиц. Неужели она не боится за себя

или хотя бы за Элю? О преступности в городе ежедневно трубят по всем каналам телевидения. Моя любимая девочка не смотрит ящик? Нет, она просто привыкла, что с ней и Элей всегда был Джек, профессиональный боксер. Как-нибудь отобьется. И эту привычку чувствовать себя в безопасности рядом с мужиком автоматически перенесла на меня.

Я польщен, моя девочка. Спасибо за доверие. Такое доверие надо оправдывать. И еще я подумал: о чем же я раньше думал? Ведь думать-то нужно!

И в очередной раз, когда Дженни собралась вечером в «Only woman», я тихонько заткнул себе под пиджак, слева за пояс, пистолет.

...Если выбирать окружной путь к «Only woman», не пилить прямо на Вентуру, то вечером Шерман-Окс — сказка. Вся эта ботаника, от пальм и лимонных деревьев до цветочных клумб и подстриженных лужаек, все посаженное и взращенное, чтобы подчеркнуть индивидуальность домов, — все это вечером создает атмосферу таинственности и загадочности, а главное, дает то, чего не хватает Лос-Анджелесу, — прохладу. И есть улицы (те, которые мы выбираем), где хоть на одной стороне тротуар, и Эля может спокойно рулить до перекрестка, не опасаясь редких машин. И машины в здешнем ботаническом раю воспринимаются не как законные хозяева города, а как заблудившиеся заводные жуки со светящимися глазами. Когда Эля проезжает перед домом, защищенным сигнальным автореле, вспыхивают направленные фонари. Беззвучный салют! Снова ныряем в темноту. Моя правая рука спускается с плеча Дженни, ниже и ниже... Пользуюсь темнотой и безнаказанностью... Я иду с любимой женщиной. Всего лишь. Миллионы людей на земле так гуляют. Привыкли. Для них это обыденность, рутина. Не понимают своего счастья. Я понимаю. Люди по природе своей — мечтатели. Как бы замечательно им ни было сегодня, они надеются, что завтра или в обозримом будущем им станет еще лучше. Два королевства, два миллиона, еще одна выигранная война! В моей жизни тоже случалось хорошее, да я, как и все, не умел этого ценить. Теперь научился. Будет ли Дженни моей женой или я буду мерить шагами тюремный дворик — никому не известно, решается где-то в небесной канцелярии. Однако я знаю точно, что в последний момент перед тем, как попасть на баланс небесной канцелярии, я увижу — если не наврала, если правда, что перед смертью вспоминают самый счастливый миг, — я увижу темные улицы Шерман-Окс и себя, идущего в обнимку с женщиной (В обнимку? Гм...) за трехколесным велосипедом ее ребенка, и умру в надежде продолжать прогулку в том же составе

(когда-нибудь!) по райским облачным кущам, скопированным с этого ботанического ансамбля.

Голос доктора Фауста: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Эля послушно останавливается. Велосипед почему-то не желает влезать на тротуар. Нет пологого съезда. Мы помогаем Эле преодолеть бордюры, и она весело катит под горку. Дженни пытается прижаться ко мне слева, но я, как бы машинально, пропускаю ее вперед и обнимаю правой рукой. Слева ко мне нельзя, моя девочка, иначе возникнут ненужные вопросы.

Шпионка! Поднялась в кабинет неслышно, как тень, застала меня врасплох:

— Тони, это опасно?

Проигнорировала мою слабую попытку запудрить ей мозги. Протянула ладонь.

— Дай. Не заставляй меня расстегивать твой пиджак.

То, что потом она говорила, не имело значения. Имело значение то, что меня заподозрили в трусости. Это я прочел в ее глазах. Не прямой упрек — сомнение, скажем так, в моих каких-то качествах...

Я жутко обиделся. О'кей. Обещаю, больше такого не повторится. Я тоже гордый. Конечно, зря ты меня обезоруживаешь. Если... Впрочем, если да кабы, я всегда буду виноват. Так уж устроена жизнь. Придется надеяться на Бога, что само по себе ненадежно, учитывая наши сложные с Ним (да простят мне дерзость!) отношения, сложившиеся вопреки элементарной логике или по логике, которую я, честно говоря, до сих пор не могу понять.

Иногда я думаю (все-таки я еще думаю, уже похвально!), что я олух царя небесного. Сидишь дома, как старый гриб под кустом, и уверен, что молодой женщине такой образ жизни тоже нравится. Осел и болван! Ей же нужно общество, нужно, чтоб на нее смотрели, нужны *выходы*, и на *выходах* — сверкать, мелькать, привлекать внимание особ мужского пола. Как Дженни обрадовалась, когда нас пригласили на прием к Джорджу! Я принял меры предосторожности: категорически выступил против ночной прозрачной рубашки (чуть прикрывающей попу), которую Дженни почему-то называла модным платьем для выходов. Вдохнув, Дженни облачилась в светло-серебристые колготки, светло-голубой костюмчик (длина юбки совпадала с длинной пиджака), поверх накинула белый двухметровый шелковый шарф. Простенько? Но ведь взрывчатая смесь составляет-

ся из простых компонентов. Получилась бомба адской силы. Гостей в доме Джорджа набилось человек сто, и моя бомбочка рванула уже в дверях, в смысле рванула от меня (никакая цепь, золотая или якорная, ес бы не удержала), и пошла по рукам. Здравомыслящий муж в этих случаях обязан не возникать и не мешать молодой жене кружиться, как говорили в старину, в вихре вальса. Пару раз мне показалось, что ее вот-вот уволочут на второй этаж в спальни и там трахнут... Дженни сказала бы: «Ну и комплексы у тебя...» На самом деле, конечно, мне доставляло удовольствие наблюдать за ней и сознавать некоторую свою принадлежность к возмутительнице спокойствия.

На приемах такого рода обычно несколько центров притяжения (кроме столов с закуской и выпивкой). Народ крутился около Дженни, народ крутился около пожилого джентльмена (по виду Морган Рокфеллерович или Рокфеллер Морганович), народ ошивался возле вальяжного типа в костюме, как будто пошитом из стодолларовых купюр (черт знает из чего пошит, однако даже для меня, ничего в этих высоких материях не смыслающего, было ясно, что костюмчик тянет тысяч на десять зелененьких. А всезнайка Дженни потом сказала: «От Версаче»). Вальяжный тип стоял ко мне спиной и веселил публику шуточками и прибауточками. Я же уединился с бокалом «Chateau «Cadet Bon» и следил за траекторией передвижения белого шелкового шарфа. Тут меня зацепил Джордж, хозяин дома, и не успел я опомниться, подвел к вальяжному типу, развернул его за плечи на 180 градусов и представил меня.

— Элитарный профессор собственной персоной! — со светской небрежностью воскликнул вальяжный тип. — Приятно удивлен встретить вас в Штатах.

Он был действительно приятно удивлен. Известный парижский прохиндей, мифоман, ничтожество. Во Франции он бы не посмел ко мне приблизиться. Я бы ему руки не подал. Увы, было бы некорректно портить настроение Джорджу. Пришлось пожать вялую клешню соотечественника-гастролера, произнести: «Чииз», и стремительно отвалить как можно дальше.

«Chateau «Cadet Bon» в моем бокале приобрело вкус уксуса. Так тебе и надо, олух царя небесного, осел и болван! Давно пора принять аксиому, что в Америке принимают по одежке. Я все еще живу, как во времена битников и хиппи. Мне плевать, во что человек одет. Джордж ничего плохого не хотел, он руководствовался американскими понятиями. К нему на прием затесались два француза. Один, в скромном костюмчике, скучает в уголке. Другой, в роскошной шкуре от Версаче, блистает в обществе. Долг радушного хозяина — подвести того, кто по-

беднее, к тому, кто пошикарнее: пусть не чувствует себя золушкой...

Если копнуть глубже, то все дело в моей собственной гордыне. Я забываю, какая эпоха на дворе. Император мог позволить себе оливковый сюртук. Король Карл Четырнадцатый носил военный мундир без погон. Мишура в одежде им не требовалась. Все и так знали, кто они. А заплутавший в истории профессор Сан-Джайст полагает, что потертый костюм от Ив Сен-Лорана, купленный в доисторический период, придает некий романтический ореол...

«Ладно, — подумал я (на приеме все развлекались, а я думал), — вернешься домой, тщательно помоешь руки и забудешь клешню от Версаче». Джордж сказал, что у прохиндея дела в Голливуде? Очередной прохиндейский миф, крючок для наивных американцев. Впрочем, нынче голливудская продукция на таком низком уровне, что вполне совпадает с интеллектуальным уровнем парижского прохиндея и ничтожества.

Что касается меня лично, то я, блудя репутацию европейской элиты, решил подняться на другой уровень — на несколько ступенек по лестнице! — и не с тем, чтобы перехватить Дженни в момент, когда ее уговорят совершить экскурсию в спальню второго этажа, а с тем, чтобы насладиться редким спектаклем: моя девочка снимает сливки Лос-Анджелеса!

Все-таки иное зрелище, чем ее ординарный визит в супермаркет. Больше выбора. Иные стимулы. Что отражается, как в зеркале, на ее лице. Тоньше нюансы. Улыбка, пол-улыбки, четверть улыбки, улыбка краешком губ, розовеют щеки... Какая богатая палитра! И внезапный искренный смех, захватывающий ее собеседников...

И я загадал: если Дженни почувствует, что я на нее смотрю, если обратит на меня внимание — значит, у нас все будет хорошо.

Чем она так увлеклась? Какие сети ей расставляет бульдожий толстяк в богемной бабочке? «Дорогая незнакомка, у меня в кармане сто тысяч долларов. Не соблазняет?» Дженни с легкой усмешкой сверлит его глазами, и я представляю себе вызванный этим эффект. Толстяк на седьмом небе (с новой бабочкой) или (мысленно) в спальне второго этажа.

Короткий приколочный взгляд в мою сторону. Проверка, удостоверилась, что я никуда не делся. Уф!

В машине Дженни сообщила: нас пригласили на виллу в Малибу к модному фотографу.

— Тоничка, нам нужны такие связи. И я тебе куплю новый костюм. Заметил, там был один француз в тройке от Версаче? Ты еще к нему подошел.

(Я к нему подошел?! Вот так теперь все и будут говорить, и прохиндей — в первую очередь. Несмыслимое пятно в моей биографии.)

— Скажи, тебе трудно быть прилично одетым? Морально тяжело? Отречение от святых принципов молодости? Ты у меня скрытый санкюлот.

— А кто такие санкюлоты?

Как я подозревал, Дженни полагала, что санкюлоты — это революционеры-якобинцы, которые не носили штанов. В чем же они тогда ходили, моя девочка?

Я ревностно заполнил пробел в ее образовании, хотя осталось ощущение, будто ждали от меня не этого исторического опуса...

— Ты давно знаком с Джоржем-миллионщиком? Ну твой приятель, хозяин дома. Процветающий тип.

В двух словах я рассказал о наших с ним отношениях. И все соответствовало истине. Но, говоря о Джордже, я имел в виду и другого типа, ханурика от Версаче. Так получилось, что когда-то я и ему помог (не Версаче, а ханурику). И по инерции я смотрю на него сверху вниз. А времена меняются, люди — правильно, что делают люди? — растут, и лишь я застыл на месте. Или, скажем так, мир несется по фривеям на автомобильных скоростях, а я плетусь по задворкам в карете прошлого.

За что я все-таки люблю своих соплеменников? Они выдали миру гениальную формулу: *cherchez la femme!* Наверно, было так. Алхимик мучился в поисках магического камня, залез по уши в долги, король субсидировал расходы, потом королю надоело. Вызвал алхимика пред светлы очи. Золото на бочку или повешу! «Ваше Величество, — завопил, как бы сейчас у нас написали, лжеученый, — не велите казнить, велите миловать, я нашел, нашел магические слова (король встrepенулся) — да не для золота, для руководства в повседневной жизни. Вот они: «Ищите женщину». «Каналья, — взревел король, — пове... впрочем, стоп, в этом что-то есть. Вы как хотите, а я пошел. Каналью — гнать со двора. Пусть живет».

Ищите женщину! Вот волшебный ключ ко всему.

Генерал Бонапарт легко и играючи провел свою итальянскую кампанию. Ни один полководец за всю историю человечества не одерживал в такой короткий срок на ограниченной территории стольких блистательных побед. И никогда больше Наполеон не смог повторить своего шедевра. А почему? Авст-

рийцы подставлялись? Мечтали, чтоб их побили? Такого не бывает. Австрийцы искали тактику и стратегию, как отразить сумасшедший натиск французских войск. А генерал Бонапарт искал женщину, искал свою Жозефину. Где Жозефина? Почему не приезжает в Италию? Приехала? С кем? Неужто правда у нее роман с этим жалким интендантом? Где они прячутся? Бонапарт и на Аркольский мост поперся под убийственный огонь, ибо ему было плевать, кто и из чего стреляет, он искал Жозефину. Австрийцы оторопели. Их учили, что генералы должны командовать с высоты, позади батальонов, а не бежать впереди солдат со знаменем. Грубейшее нарушение всех военных заповедей! Немудрено, что у австрийцев ружья опустились...

Ну ладно, меня опять занесло в Историю.

Моя история понеслась галопом в день рождения Эли, в русский ресторан, когда с 2.35 пополудни (засек время) все приглашенные — милые приличные люди (я же их знал ранее) и, между прочим, в солидном возрасте — начали пить водку и коньяк, уплетать селедку, ветчину, копченые и вареные колбасы, салаты «оливье» и с крабами, красную рыбу и красную икру, соленые огурцы и квашеную капусту, котлеты по-киевски, шашлыки по-карски... И это в городе, жители которого падают в обморок от каждой лишней калории! Выпьют, закусят, попляшут. Попляшут, выпьют, споют. Поедят, попляшут, выпьют. Галоп. Я взирал на разудалое русское пиршество и уже ничему не удивлялся. Не удивился и тогда, когда меня подхватила накрашенная дамочка с глазами — я знаю эти глаза, точнее, не глаза, а на что способны обладательницы таких глаз: это гусары в юбках, они атакуют мужчин сломя голову! Дамочка прижалась ко мне и оглушила литературной цитатой. Повторяю, я решил ничему не удивляться, но тут было явное смещение жанров. Дорогая, или демонстрируете свои телеса, или образованность — одно из двух. Я попробовал взять некоторую дистанцию, перейти с галопа на рысь. Как вас... ах, да...

— Зина, я, наверно, разучился танцевать. Отсутствие тренировок. Извините. Вернемся к столу?

— Профессор, вы шикарно танцуете. С вами так приятно. Вот неделю назад в ресторане «Арбат»... Не бывали? Клевое заведение. Дженни вас держит взаперти, а я готова служить гидом... Так вот. Последний раз я танцевала в «Арте» с Димкой Кабановым, есть такой жуткий приставала, так это был стыд. Он еле ноги волочил. Может, сильно выпил?

«Там-та-ра-та-та, там-та-та!» — взвыло с русским акцентом аргентинское танго. Я спешно вытащил из заначки самый свой

обвораживающий взгляд (если только он подействует, если не истек срок годности) и крепко прижал к себе Зину. Дурак! Столько времени потратил попусту. *Cherchez la femme!*

Наконец-то я нашел нужную мне женщину.

Я рассказал Сане о своей неслыханной удаче. И пока он меня вез от дома до библиотеки (тоже сложился ритуал), мы обсудили разные варианты. Сане надо было бы работать не в гараже, а в прокуратуре. Он не ведал сомнений. Конечно, Кабан, кто же еще? Он подвесит Кабана за... и тот, визжа и вереща, выложит все. И вообще, он всегда относился подозрительно к партнерству Сережи с Кабановым, считая, что Кабанов пользуется щедростью Сережи и обманывает его. Кабанов пытался переманить Саню к себе, обещая большие башли. Саня ответил, что на первый раз он прощает Кабана, при повторном предложении — переломает ему ребра. Поэтому, как только Саня окажется с Кабаном в закрытом помещении, Кабан сам тут же расколется и сообщит все, что знает, и все, что не знает — на всякий случай. А потом Саня все равно подвесит Кабана за... Кабан этого заслуживает.

— Саня, есть такой термин, как презумпция невиновности, — возражал я. — Доказательства нельзя выбивать угрозами или физической расправой. Мы проверяем одну из версий. Если господин Кабанов станет юлить и врать, я это пойму. И сделаю соответствующие выводы. Включая...

— ...подвесить Кабана за...!

— Саня, ты был бы незаменим в Революционном трибунале!

— Это где и когда?

— Это во Франции и далеко в Истории.

— И там подвешивали за...

— Тогда рубили головы.

— Крутые ребята! — восхитился Саня.

Я не сказал Сане, что не хочу его впутывать ни в какие истории. Он бы не понял и обиделся. Память о Сереже ему была так же дорога, как и мне. Я лишь туманно намекнул, что благодаря старым связям у меня есть возможность выйти сухим из воды, а Саня загремит. И накроется его бизнес. И пропадут даром все его усилия наладить в Америке новую жизнь. И Сережа, который содействовал Сане в получении эмиграционной визы в США, — Сережа, будь он жив — этого бы не одобрил.

— К тому же, — добавил я, — Мы еще не оказались с Кабаном в закрытом помещении. Вот это надо организовать, организовать через Зину. А с Зиной дело тонкое и щекотливое.

— Подумаешь, — фыркнул Саня. — Эту тонкость могли бы поручить мне. Вы, Антон Валентинович, разучились общаться с дамочками. Я ничего не хочу сказать про вас плохого. Вы просто забыли, что бывает с бабой, когда она получает седьмую палку в ночь. Наутро в назначенное место она мне приволочет черта лысого. Как уж исхитрится и изловчится — ее проблема. Но приведет. Помню, в Афгане попал в санчасть. Медсестра ко мне льнет. Взводный оценил обстановку. «Саня, ребята на тебя надеются. Отдери девочку так, чтоб отоварила нас спиртом». Антон Валентинович, я не хвастун. Спирт в Афгане был дороже валюты. Но я обеспечил спиртом мой взвод.

Признаться, такая аргументация была для меня неожиданной. И не в конкретном случае, а, скажем так, в плане философском или общежитейском. Действительно, какая-то область отношений между мужчиной и женщиной, вернее — нюансы отношений, вернее — количество нюансов — увы, мне уже недоступны. Недоступны мне. Что же касается Дженни... Если когда-то кто-то ее коснется, получит доступ, если даже рассматривать гипотезу Сани теоретически, гипотезу «седьмой палки» (...извините...), то... Мне лучше зажмурить глаза и «то» не рассматривать.

— Я забегу на полчаса к русской маникюрше. Ты погуляешь или зайдешь со мной?

Когда так ставят вопрос, значит, надо зайти.

Полутемная квартира с мрачными низкими потолками. Русская маникюрша-надомница (между прочим, чистопородная еврейка) зажгла лампы над столиком, разложила режущие и пилящие слесарные инструменты. Я сел рядом с ней. Маникюрша занялась руками Дженни, а я занялся созерцанием светлого лика моей визави. Иногда светлый лик прикусывал губу, и я шипел: «Зачем вы ей делаете больно?» «Я зачищаю», — хладнокровно отвечала слесарь-инструментальщица. Дженни делала вид, будто не обращает на меня ни малейшего внимания и обсуждала со своей мучительницей какие-то глупости. Из углов безмолвно вылезали домашние. Тоже полюбоваться божественной красотой? Боюсь, что это меня демонстрировали публике. Когда публики скопилось достаточно, Дженни, не отрывая глаз от своих пальчиков, бросила небрежную фразу: «Вот возьму и уеду в Париж»...

Раздался голос доктора Фауста.

И еще я помню дождь. Настоящий дождь (Калифорния когда хочет, то может!), с потоками воды на мостовой, с водяными

пузырями, прыгающими по лужам. Мы с Дженни вышли на балкон и слушали музыку низвергающихся струй и вдыхали пьяняще-свежий запах ливня.

«Остановись, мгновенье!» — опять взывал доктор Фауст. Честное слово, я понимал, что мгновение прекрасно, но остановить его не мог.

К тому времени, повторяю, события понеслись галопом, я их подстегивал (продолжая интригу с Зиной), я носился за ними на «рейнж-ровере» Сани, и вот эта нечаянная радость мгновений, приоткрывающих смысл жизни, мне казалась всего-то лирическим отступлением от основного сюжета.

С Саней мои отношения были простые и ясные. Тогда, на Беверли-Хиллз, сев в его «рейнж-ровер», я сказал: «Саня, если бы ты был в Париже в те дни, ничего бы с Сережей не случилось». Я сказал это без всякой задней мысли, ибо действительно так думаю до сих пор. Для человека с характером Сани этих слов достаточно, чтобы следовать за вами сквозь огонь и воду, прямо в медные трубы. К тому же у Сани имелась необычная цель, своего рода идефикс: подвесить Кабана за... Я нуждался в его помощи, однако поставил себе задачу не доводить Саню до медных труб. То, что называется «медными трубами», я пройду сам в гордом тюремном одиночестве. Я опасался лишь того, как бы его бизнес не вылетел в элементарную трубу. В гараже машины ждали ремонта, а Саня мотался со мной по Большому Лос-Анджелесу. Французы в подобных ситуациях говорят кратко и исчерпывающе: *desolé*.

Моя интрига с Зиной была противоречива и запутанна. Зина являлась ключевой фигурой, я должен был ее использовать. Но мне всегда претило использовать женщин в каких-то корыстных целях, кроме как по прямому назначению. В данном случае «прямое назначение» (пардон) абсолютно исключалось. Поэтому отношения с Зиной строились по принципу сослагательного наклонения. Я встретил вас, ах (если б не Дженни), такую привлекательную и подходящего мне возраста (если б не Дженни), вполне вероятно, я нашел бы с вами тихую гавань (почему-то в общении со мной тема тихой гавани — главный козырь у всех баб. Неужели я похож на отставного пирата?), да, возможно, сложилась бы семья (если б не Дженни) и кого-нибудь бы родили, я еще на это способен, но моя судьба — Дженни. Сослагательное наклонение — это проявление вежливости и хороших манер, не более того. И я не понимал, почему Зина, женщина весьма пронизательная и сообразительная, готова была раз-

биться ради меня в лепешку. Удивительно быстро она догадалась, что мне надо. И ей хватило ума и такта не спрашивать: зачем? «Раз вам это надо, я сделаю». Она подставляла Кабана, зная, что подставляется сама. Кабанов был не из тех людей, которые прощают подобные штучки. Я, правда, надеялся, что после свидания со мной товарищ К. растворится как дым. Я не мог этого обещать, только намекнул. И Зина мне поверила. Доверилась мне. А когда женщина мне доверяет, я чувствую за нее ответственность. И хоть она с безумным упрямством продолжала возводить на Дженни поклепы («она вас бросит, вы ей нужны как трамплин, она вас погубит»), я не слышал этих слов. Мало ли что может наговорить женщина от отчаяния и безнадеги? В такой ситуации мужчина должен быть чутким, внимательным. Не совершать резких движений. Сослагательное наклонение. Да, милая Зина, наверно, вы правы, и если меня бросят, то тот, кому я нужен, подберет... Жизнь длинная (длинная ли?), проживем — увидим... «Есть у тучки светлая изнанка». Это не я придумал. Старая американская песенка.

Короче. Не имея ничего предложить существенного, я сервировал стол. Сервировка отвлекает и успокаивает.

Дженни ворвалась в пиццерию, как слон в посудную лавку. Брызнули черепки. Со мной обошлась как с нашкодившим мальчишкой. Показала свою власть и тяжелую поступь. Зря она это сделала. И несправедливо.

Но Зина проявила поразительную мудрость, тонкость и великодушие. Она позвонила утром, когда Дженни уехала на работу, и сказала:

— Дорогой профессор, наш договор остается в силе.

Положила трубку, прежде чем я успел что-то промямлить.

Полчаса (до приезда Сани) я размышлял на оригинальную тему: о странностях любви.

Профессионалам известно, что если вы желаете организовать тайную встречу, в результате которой может случиться... гм, летальный исход, то самое подходящее место не темный гараж, не одинокий домик на пустыре, не дешевый мотель с облупленной штукатуркой — фиг туда кого заманишь! — нет, лучшее место для такого рода экзерсисов — двухкомнатный номер на пятнадцатом этаже шикарной гостиницы в престижном районе города. Обычно в вестибюле крутится столько народу, что никакая служба безопасности не засечет, кто куда вошел и кто откуда вышел. И в дорогом отеле солидная звукоизоляция, в номерах двойные двери, персонал не беспокоит. Естественно,

подымут тревогу, если вы затеете в номере стрельбу из противотанковых орудий, да зачем это шумовое оформление, когда, уверен, как ваш услужливый собеседник, у вас под рукой, в выдвинутом ящике стола, лежит предмет меньшего калибра...

Дмитрий Кабанов не был профессионалом. Визитная карточка президента хренсредькойкорпорейшен, New-York, 5th Avenue, и адрес отеля, в котором остановился прилетевший бизнесмен, на набережной в Санта-Монике, произвели впечатление. И Кабанов соответствовал: он облачился для визита в полосатую сорочку, повязал галстук, принес в атташе-кейсе копии контрактов и рекомендаций. Правда, по русской хитрожопости, он сунул в карман брюк пистолетик, но Саня его выудил оттуда на пороге номера. «Ай-яй-яй, Дима, разве деловые люди так поступают? У тебя есть лиценс на ношение оружия? Тюрьма по тебе плачет!»

Полагаю, что в этот момент Кабан предпочел бы все же сидеть в казенном доме под охраной полиции, а не в уютном номере с видом на океан (через наглухо закрытое окно), хотя ему предлагали на выбор виски, вино, пиво. Он понял, что, если даже будет орать во все горло, — никто не услышит. То есть когда-нибудь и услышат, однако Саня в соседней комнате, долго голосить не даст.

В общем, Саня оказался прав. Ни один человек за всю мою жизнь не испытывал такого непреодолимого желанья говорить со мной. Нечто вроде словесного поноса, физиологическое недержание речи. Возможно, это была инстинктивная попытка скрыть свой страх, но страх проявлялся в дрожании рук, в тембре голоса, в заискивающей улыбке. Почему он впал в такую панику? Я же его не колол, не резал, не пытал каленым железом, а терпеливо выслушивал. И возник я не как призрак из преисподней, — когда-то мы были знакомы, пили за рождественским столом у Сережи, на той самой квартире...

Эффект неожиданности?

Кстати, воспользовавшись редкой паузой, я «отмазал» Зину. Дескать, как вы могли подумать, Дима, что такую вульгарную бабу пустят в такой отель? У вас есть причины прятаться от французской полиции? Значит, плохо прятались. Мы, скромные дилетанты, просто шли по следу, засекали вас с этой особой и сказали ей, чтоб не путалась под ногами, проваливала. Таким образом «отмазав» Зину, я в глазах Кабана вывалил ее в грязи. В благодарность за все хорошее... Зиночка, прошу прощения, издержки ремесла. Зато теперь у Кабана к вам не будет претензий. Он убедился, что виноват сам. Потерял бдительность.

В рассказе (в рассказах? в Кабаньей исповеди? в приключенческом парнокопытном романе? определить затрудняюсь), словом, в потоке речи, который на меня обрушился, названия французских, немецких, швейцарских фирм, фамилии российских министров и имена главарей русской мафии: Кореец, Япончик, Тайванчик, Бирманец, Сингапурец — почти все народы Юго-Восточной Азии были тут перечислены (почему — пусть ломает голову московская милиция) — причудливо переплетались с историей большого зуба. Дантист содрал с Кабана не шкуру (к моему сожалению) — огромные деньги и не вылечил. И чувствовалось, что если незлобивый рубаха-парень Дима (таким он хотел себя представить) имел на кого зуб, то на этого дантиста. В ту роковую для Сережи неделю несчастный господин Кабанов лез на стенку, не спал ночами, никакие болеутоляющие таблетки, даже с морфием, на него уже не действовали, и зуб невозможно было вырвать, ибо не могли подействовать и все анестезирующие средства.

Я понял, что избрал неверную тактику. Мой излюбленный прием не срабатывает. Кабан способен нести свой помет еще в течение суток, и из всех выловленных мной деталей и подробностей нарисуетя картина не последнего вечера, а история зубной болезни — случай, бесспорно, редкий и занятный для специалиста, но меня-то интересовало другое.

Кабан оказался совсем не глуп, быстро сориентировался и психологически рассчитал тоньше. Он хотел перво-наперво выиграть время. Чем дольше мы сидим так с глазу на глаз, тем сложнее будет для меня запустить руку в ящик стола, ведь я уже как бы привык к собеседнику, столькоих вспомнили общих знакомых, подружались, можно сказать, с товарищем Кабановым... С глазу на глаз — дуэль обоюдоострая. Он тоже что-то угадывал, и я заметил в его взгляде уверенность — мол, как-нибудь выкрутимся. Теперь мальчик Дима посматривал с опаской лишь на дверь смежной комнаты, где затих другой мальчик. Какая роль предназначалась Сане? Этого Кабанов не знал.

Менять тактику на ходу всегда рискованно. Увы, видимо, у меня не было прежней хватки. Я задал несколько вопросов в лоб. Сначала это Кабана напугало и озадачило. Он почувствовал отступление от сценария. В глазах опять мелькнул страх. Решив развить успех, я опять спросил в лоб и вдруг получил тираду — в лобешник же:

— Я тоже был в этом списке. Когда мы бросили свои дела в России, нас бы, наверно, не тронули. Список послужил предупреждением, чтоб мы очистили территорию. Но Сережа сам подписал себе смертный приговор, полетев в Киев по приглаше-

нию президента Украины. У него с президентом были старые связи, еще со времен, когда Кучма руководил военно-промышленным комплексом Днепропетровска. Сережа предложил президенту проект снабжения Украины нефтью из Арабских Эмиратов, через Средиземное и Черное моря. Кучма проект одобрил. Ведь нефть получалась дешевле российской в два раза. Вы понимаете, кому это могло сильно не понравиться. Дата? Сережа летал в Киев 5 ноября, вернулся в тот же день. Он собирался основать фирму в Киеве, там президент гарантировал Сереже полную безопасность. Вот почему они поспешили опередить.

Спрашивать «кто они?» было наивно. Я попросил рассказать подробнее о проекте и о планах переезда в Киев. Кабанов отвечал внятно и четко. Кончился поток большой фантазии заганного животного. Мне давали точную информацию. Восстановилось недостающее звено в цепочке.

Я взглянул на часы и на дверь в смежную комнату. Мне тоже надо было спешить.

— Дима, вы сможете тихо спуститься в вестибюль?

Он посмотрел умоляюще:

— Проводите меня, пожалуйста, до такси.

...В отличие от президента Украины я мог гарантировать ему безопасность только своим присутствием.

В лифте Кабана опять понесло. Облегчался.

— Почему Саня меня ненавидит? Он хочет подвесить меня за... верно? Он жил с моей женой, и я ему это простил...

Я чувствовал себя вне игры. Или играл на чужом поле по незнакомым правилам. Кто с кем жил — не так уж было важно (Важно. Любая мелочь весома. Смутно припоминаю. Приятная дамочка. Говорили, что Кабанов ее третировал), но я не знал об украинском проекте и, главное, я не знал, что Сережа летал в Киев! Пошел в воду не зная броду... Отпуская Кабана, я понимал, что совершаю ошибку. Да выбора не было. Точнее, выбор между меньшей ошибкой и капитальным ляпом...

— ...Меня ищут все. Французская полиция как основного свидетеля. Российские спецслужбы — думают, что я был причастен к проекту. Украинцы — думают, что это я продал Сережу. И меня предупредили: тесть Сережи, наверно, тебя тоже будет искать, а его в молодости называли Ангелом Смерти.

— Глупости, Дима. Я старый профессор.

Кто предупреждал? Откуда у них такие сведения? Не успел спросить. Мы уже пересекали вестибюль.

Перед тем как плюхнуться в такси, мистер Кабанов взглянул на меня с нескрываемой злостью. Нормально. Реакция на пережитые треволнения.

— Руку вы мне все-таки не подадите?
— Я вам советую, Дима, скорее мотать отсюда.
— Не беспокойтесь. Через час я улечу куда-нибудь в Аризону или Кентукки.

Ну, можете себе представить (нет, не можете!), как меня встретил Саня и какой у нас с ним произошел разговор, хотя я выложил все карты на стол и постарался все объяснить? И была фраза. Жуткая.

— Антон Валентинович, за сколько он вас купил?

— Саня, — сказал я, — постарайся сосредоточиться, постарайся меня услышать. Я совершенно не в курсе ваших московских дел. Ты все наблюдал своими глазами. Сам рассказывал, что Сережа в последний приезд в Москву ночевал у знакомых дипломатов, не выходил на улицу, даже с тобой виделся тайком. Так вот ответ на один вопрос: по твоему мнению, это вероятно, это реально, что Сережа летал в Киев?

Решительным жестом Саня придавил сигарету в пепельнице.

— Да. Если Кучма его пригласил, то Сережа полетел бы в Киев обязательно и непременно.

— Понимая, что...

— Понимая все. Характер.

Убедил ли я Саню? Сомнительно. Саня считал, что я проявил себя слабаком. Он доставил меня поздно вечером на Диккенс-стрит в целости и сохранности, однако расстались мы прохладно. Очень трудно убедить человека в том, во что он сам упорно не желает верить. Дима Кабанов, как бы он ни ловчил и ни прятался, теоретически был в сфере нашей достигаемости. Саня надеялся когда-нибудь его найти и свершить суд скорый и правый. Если же Дима отпадал, то дело уплывало в другие сферы, для Сани не доступные ни в практике, ни в теории. Кто же с этим согласится?

Любопытно, что я тоже был склонен винить во многом Саню. Вместе с собой, естественно. Мол, используя Саню в качестве устрашающей дубины, я пошел по легкому пути. Саня мне помогал. Саня мне мешал. Торопил. Дышал в затылок. Поэтому я бездарно провел операцию. Не спеша, в своем ритме я бы дождал Кабана. Ведь выяснилось, что поначалу он меня боялся больше, чем Саню. Ангел Смерти... Напридумают. Ангел Смерти... Смешно. Пенсионер! Инвалидная шляпа! Ротозей! Не ухватился за ниточку, не потянул. «Дима, кто это вам наплел про Ангела? С вами устанавливали контакт? Почему? За какие заслуги? Значит, вы где-то им подмахнули?» Надо было немедленно звать Саню и подвешивать Кабана... Но про Ангела я

узнал только в вестибюле, на выходе!.. Запутался. Так нужен был мне Саня или мешал? С одной стороны — да. С другой стороны — нет. Ничего не сходилась...

В гостинице, оставшись вдвоем, — чтоб успокоить Саню, чтоб самому успокоиться — мы изрядно подчистили бар в номере. По дороге домой я следил, как Саня ведет машину. За рулем Саня мобилизовался. Опыт и тренировка российского шофера. Он аккуратно доедет до своей хаты, повернет ключ зажигания и... задряхнет в кабине.

Что касается меня, то я, поднявшись в квартиру, сервировал стол на одну персону, механически сготовил себе холодный закусок, принял рюмку, другую и развалился на куски, расплылся по паркету дождевой лужей. Мои мысли прыгали без всякой логики и исчезали, как водяные пузыри. Упустил, проворонил, прошляпил, перемудрил? Надо было то, что не надо? Не надо было то, что нужно? Не получалось. Не сходилась.

И почудилось, на мгновение мелькнул светлый лик моей девочки... Нет, не должно такого быть, она давно баиньки, с ней был напряг, не те отношения, чтобы меня ждали после полуночи. Померещилось. И уже в полном распаде, уползая наверх, «у койку», я спросил себя: «Не обрадовался ли ты первой подвернувшейся okazji обелить Кабана? Не уцепился ли сам за его версико жадными руками?»

Почему? Ведь с какой стороны ни смотреть, если подтвердаются все твои прежние гипотезы, то можно без малейших угрызений совести продолжать райскую жизнь с Дженни до гробовой доски.

Гробовая доска. Фу, вспомнил на ночь. Скажем, так... Ничего не скажем. Ничего сказать нельзя, если это Система. С Системой не воюют. С Системой бороться бессмысленно. Гробовая доска. Прощай, Сережа. Прости, Сережа.

Известный шахматный синдром. Шахматист проиграл партию и не спит ночью, терзает себя: «Зачем продвинул на h5? Надо бы конем на f 3». Дурью мучается. Ведь партию не перестроишь, и в таблице ему записан ноль. Я, правда, ночью проспал как убитый, но весь следующий день мысленно переставлял фигурки на шахматной доске. И дивился, как это я, имея подавляющее преимущество, зевнул мат. Неожиданный выпад Кабана (сообщение об украинском проекте) расстроил мои планы. Кабан сымпровизировал или комбинация была у него в заглашнике? Теперь на этот вопрос мне никто не ответит. Поездка

Сережи в Киев нигде не фигурировала. Французские газеты писали о чем угодно, вытаскивали на страницы черт знает какие интимные подробности... О встрече с президентом Украины — молчок.

И французская полиция до сих пор в неведении? Странно. Впрочем, такое бывает. Проверляли списки пассажиров, летевших в Москву, а проверить киевское направление в голову не пришло. С какой стати? Почему тогда не проверять рейсы в Таллин или в Алма-Ату? И застенчивый мальчик Дима рванул в Америку сразу после убийства своего бывшего компаньона, то есть наводку французам не дал.

А если на набережной Орфевр все знают про Киев, да намеренно не трогают этот взрывоопасный сюжет? Тогда можно возобновить игру, расставить фигурки на доске. Французы не поддержат, но заинтересуются. Вопрос: захотят ли с тобой играть те, кто двигает фигурки на другом конце доски (гробовой?), вернее, заставишь ли ты их играть по правилам? Чрезвычайно сомнительно. Ты им предложишь классический северный гамбит с жертвой трех пешек, в ответ получишь неординарную комбинацию с применением снайперской винтовки или инсценировки автомобильной катастрофы. Кстати, об автомобильных авариях. Подумай о Дженни. Она за рулем.

Подумай о Дженни.

Кабан непременно доложит своему «контакту» о моей партизанской вылазке. Лос-Анджелес далеко, да руки у них длинные. Реакция может быть совершенно непредсказуемой.

Подумай о Дженни. Давно пора бы подумать. Поведение молодой женщины более взрывоопасно и непредсказуемо, чем поведение всех спецслужб на свете. Если она пошлет тебя на три буквы, столь милые владельцу русского ресторана в Сан-Диего, то апелляции бесполезны. Взывай к Богу, к всеобщей справедливости, вой на луну — бессмысленно.

Хорошо, что Дженни, моя умница, подумала сама. И воскресная прогулка по райским зеленым кушам пришлась как никогда вовремя. И погода благоприятствовала любви. Да, Дженни, ты права. Я занимался какой-то ерундой. Конечно, завязал. Теперь только ты. «Only you» — пели пташки в зеленых кронах деревьев. «Остановись мгновенье, ты прекрасно!..» — заклинал доктор Фауст, примостившись в сюртуке, отглаженных панталонах и шляпе на толстой ветке.

Не остановилось, сволочь. Улетучилось. Испарилось.

Увидев «великолепную пятерку» с бейсбольными битами и пистолетом, я, признаться, подумал, что это запланированный и скорый ответ мне за операцию в гостинице на набережной

Санта-Моники, что на той стороне доски заранее просчитали комбинацию — на все у них в кармане домашние заготовки.

Когда машина сбивает человека на улице — это непреднамеренно в девяноста девяти случаях из ста.

Через несколько секунд я понял, что мы просто попали под колеса. В небесах крутанули колесо фортуны, и нам выпал такой жребий — им же надо заботиться о цифрах криминальной статистики в солнечном штате Калифорния.

Полцарства за коня! Полжизни за пистолет! Бог создал человека свободным, а полковник Кольт уравнил его в правах! Кольт — это роскошь, кольт сразу бы дал преимущество. Мне бы мою маленькую игрушку, что лежит на дне чемодана и пользоваться которой Дженни строжайше запретила. (И проверяла: на месте ли игрушка. Почему я это знаю? Ну, есть профессиональные уловки...)

— Эй ты, старая жопа, убери свои грабли из карманов!

Как говорил Саня, черные товарищи кожей чувствуют, с кем имеют дело. Любезный джентльмен с пистолетом полагал, что я из тех людей, которые носят при себе оружие.

— Вот так! — Любезный джентльмен победно усмехнулся. — Будешь дергаться, я продырявлю тебя и твою проститутку!

Зачем меня дырывать? Он же собьет меня с ног вторым ударом! Первый я, может, выдержу, постараюсь предупредить. Но второй...

Оглушить их чем-нибудь неожиданным? Например: «Послушай, сынок, я с твоим прапрадедом сражался в армии генерала Шермана. И воевали мы с южанами за освобождение негров от рабства. Был у меня ординарец, симпатичный черный сержант...» Прием называется запудрить мозги историей. И получится мирная беседа. Не получится. Чтоб кому-то запудрить мозги, надо, чтоб кто-то их имел. У джентльменской компании были хорошо накачанные бицепсы и инстинкт хищников. Они уже почуяли запах крови. Мои жалкие и непонятные слова они сочтут как проявление трусости и еще больше озвереют. Впрочем, в глазах главаря угадывался интеллект, хитрый и безжалостный ум мародера. Его лицо, по-своему привлекательное, должно было вызывать доверие. Таких пускают в дом погреться, после чего они преспокойно перерезают горло мужчинам, насилюют женщин, забивают ногами детей. Я звал таких. Мародеры! Они возникают на поле боя после битвы, по ночам, грабят мертвых, закалывают раненых. Но когда их ловят, то расстреливают на месте без суда и следствия.

Кажется, любезный джентльмен кожей почувствовал, на кого нарвался. Однако на этот раз он был хозяином положения.

— Что ты на меня так смотришь, мудила? Ну смотри, смотри. Сейчас твоя баба обслужит всю хевру. Ей не привыкать. Пикнешь — изувечим!

А ведь верно: мудила! Как всегда, я думал о себе, а он выбрал более изощренный способ схватиться с такими, как я. И вспомнились слова Димы Кабанова про Ангела Смерти, только теперь я понял, что Дима их произнес со скрытой издевкой. И впрямь, какой из меня Ангел Смерти? Старая жопа! Не способен защитить даже свою девочку!

И вот это сознание собственного бессилия, унижения и ожидания еще худшего унижения привели меня в бешенство. Мой мозг заполнила всего лишь одна фраза, повторяясь с вариациями: «Революция рубила головы преступникам! Революция рубила головы мародерам! Революция рубила головы убийцам!» Я стремглав помчался назад по лесной дорожке, выкрикивая что-то бессвязное, и я знал (почему — не спрашивайте!) — надо добежать до того поворота, исчезнуть за теми кустами, чтоб меня никто не видел. Полцарства за коня! Полжизни за коня!

И я бегу, задыхаюсь — скорее, успеть, успеть! — и чувствую, что у меня обрывается сердце.

Часть третья

I. ПРОФЕССОР САН-ДЖАЙСТ

Я открыл глаза — надо мной в ослепительно голубом небе кружились зеленые верхушки деревьев. Я закрывал глаза и куда-то проваливался. Я открывал глаза — надо мной кружился белый потолок, иногда подсвеченный солнечным зайчиком, иногда люминесцентной лампой. Я закрывал глаза и опять проваливался в пустоту, и мне не хотелось открывать глаз, ибо я не знал, какая на этот раз будет карусель: небо с деревьями или потолок? И было ощущение, что я привязан — к дереву, койке, потолку? — и было ощущение, как будто я прячусь от чего-то страшного, уже происшедшего, о чем я категорически не желал да и не мог вспомнить. Состояние небытия. Почему-то оно казалось мне привычным, словно я бывал в нем, и не однажды.

Наконец, открыв глаза, я убедился, что все застыло на месте: неоновая длинная лампа под потолком, темное окно, столик у постели, металлическая штанга с капельницей, и от капельницы к моей левой руке тянулась узкая прозрачная трубка. Методически, не спеша я произвел инвентаризацию собственного тела. Пошевелил пальцами рук и ног, провел ладонью по лицу. Подбородок и щеки обросли щетиной, зубы целы. Я чувствовал общую слабость, что-то колело под лопаткой, ныло в груди, но так вроде ничего особенного. Я попытался приподняться и вскрикнул от острой боли в левом плече. Вот там явно сквозная дыра, недаром плечо перебинтовано.

Возник человек в белом халате, озабоченно глянул на меня.

— Вам нельзя делать резких движений.

«А кому можно?» — подумал я и обрадовался, что так подумал: это был мой нормальный ход мыслей.

Доктор пощупал пульс, смерил давление. Я задал несколько вопросов, совершенно естественных, которые он проигнорировал.

— Отдыхайте. Через час я вернусь. Тогда поговорим.

Возникла медсестра, напоила чаем. Улыбаясь, вынула из-под меня судно (*pardon, monsieur dame!*), протерла мне лицо ваткой со спиртом, подкрутила сбоку койку так, что теперь я полусидел. Улыбаясь, шепнула:

— Ждите гостей.

Вернулся доктор и снова очень внимательно посмотрел мне в глаза.

— Вы способны разговаривать?

— С большой охотой, — сказал я.

— Насчет охоты не знаю. Будь моя воля, я бы их еще сутки не пускал. Но полиция настаивает. Я обещал, что сразу им позвоню, как только вы очнетесь. Учтите, вы находитесь под действием сильных медикаментов и в том числе — транквилизаторов. В любой момент вы имеете право прекратить беседу, сославшись на усталость. Зовите меня.

Полиция? Почему полиция? (Голова, заблокированная лекарствами, медленно заработала.) Что-то случилось с Дженни. Авария? Мы разбились на машине?

Дженни!!!

Слава Богу, я не успел испугаться. В палату вплыл черный полицейский — вылитый положительный герой из американских телесериалов: лысый, в очках, с серебряными усиками, а за ним... Дженни. Дженни была в сером брючном костюме («Броненосец «Потемкин»), пиджачная куртка застегнута на все пуговицы.

— Дженни, ты жива? — воскликнул я непроизвольно по-русски.

Она взглянула на меня как-то странно. Ну да, непроницаемый взгляд Жозефины!

— Он спрашивает, жива ли я! — повторила Дженни мою фразу по-английски.

— Спокойнее, мистер Сан-Джайст, — мягко сказал полицейский, — вам нельзя нервничать.

— Он говорит, что тебе нельзя нервничать, — сказала Дженни по-русски. — Я тебе объясню ситуацию, потом ему переведу. По моей настойчивой просьбе допрос — а это допрос, Тони, — пойдет по-русски. Ты плохо владеешь английским, а после перенесенной травмы вообще можешь что-то не понять. Крайне

важно, — она артикулировала губами каждое слово, — чтобы ты все понимал и отвечал не сгоряча, а подумав и вспомнив. Он сейчас тебя предупредит, что все твои показания могут быть использованы против тебя.

Моноotonно перевела все полицейскому.

— Позвольте вопрос? — Полицейский снял очки, протер их платком, и таким образом мы посмотрели друг другу в глаза. Знакомый прием. — Профессор Сан-Джайст читал лекции в американских университетах. Без бумажки. Может, он предпочтет говорить по-английски?

— Профессор Сан-Джайст учил свои лекции наизусть, — ледяным голосом ответила Дженни. — И я редактировала текст. У профессора был инфаркт. И мне быстро по-русски: — У тебя был инфаркт, Тони. Поздравляю. Инфаркт ослабляет речевую память. Проконсультируйтесь по учебнику медицины. Разумеется, профессору легче всего говорить на родном французском. Тогда ищите переводчика. Я свободна, капитан?

— Миссис Галлей, вы опять сердитесь, — проворчал полицейский. — Ол райт, все будет так, как мы условились. — И ко мне: — Мистер Сан-Джайст, в прошедшее воскресенье, в лесу, когда вы убежали от группы... Миссис Галлей утверждает, что вам угрожали... Вы не заметили всадника?

Дженни послушно перевела, а тем временем я кое-что сообразил. У меня провал памяти. По какой причине? Этого еще не хватало! В первую очередь надо восстановить события.

— Я прошу вас рассказать, что со мной произошло. — Я говорил по-русски, но смотрел на полицейского. — С кем я был в лесу? В каком? Если я был с Дженни, то кто нам угрожал? Куда мы с Дженни бежали? Какой всадник?

— Бежали не вы с миссис Галлей, — вздохнул полицейский, — убежали вы один.

Видимо, у меня сделалась такая морда, что они встревоженно переглянулись.

Дуэтом по-русски и по-английски:

— Позвать врача?

— Не надо врача, — процедил я сквозь зубы. (Как будто внутри меня нажали на все болевые точки. Получился мощный аккорд. Что ж, самое время содохнуть. Нет, сначала я хочу знать продолжение занимательной истории. Потом, когда они уйдут, оторву трубку от капельницы). — Рассказывайте.

— Врач предупредил, — сказала Дженни полицейскому. — В результате перенесенного шока он может все забыть.

— Сожалею, мисс Галлей. — Полицейский изобразил сочувственную гримасу. — Однако я обязан задать необходимые воп-

росы. Мистер Сан-Джайст, вы гуляли с миссис Галлей по лесу. На опушке к вам приблизилась группа... Гм, цветной молодежи. У них были две бейсбольные биты и заряженный пистолет. Биты, пистолет и гильзы от патронов найдены на месте и хранятся как вещественные доказательства... Так вот, миссис Галлей утверждает, что пятеро парней ей угрожали насилем.

Дженни перевела и добавила по-английски ядовитым тоном:

— Шалуны-мальчишки утверждают, будто намеревались подарить нам цветы. Скромный букетик. И вы им поверили.

— Я никому не верю! — буднично проговорил полицейский. — Я хочу разобраться и понять, что произошло. Итак, мистер Сан-Джайст, вы убежали от них в кусты. Извините, я не точно выразился. Вы пытались привлечь к себе внимание и кричали: «Не отдам деньги, не отдам деньги». Тут все показания сходятся. Наверно, вы надеялись, что пятерка в полном составе последует за вами и оставит вашу даму в покое. За вами побежали двое с бейсбольными битами. И тут из-за поворота, за которым вы скрылись, выскочил всадник. Он был одет в форму офицера французской кавалерии и в руке держал саблю...

«Обычно саблю держат ногой», — хотел вставить я, но не успел. И вообще, рассказ полицейского меньше всего требовал иронических комментариев.

— Всадник догнал двух парней с битами и срубил им головы. Вожак группы (так называет его миссис Галлей) не сдвинулся с места и стрелял во всадника. Выпустил всю обойму. Всадник срубил ему голову. Потом мы провели экспертизу. Всадник не ранил, не калечил своих жертв. Это были отработанные удары военного кавалериста старой школы. Он убивал одним взмахом сабли. Кстати, сейчас нет военной кавалерии. Есть национальная конная гвардия, но таким ударам гвардию не учат.

Выслушав перевод, я спросил:

— Где же был я все это время?

— А вы не хотите знать, где была миссис Галлей и двое оставшихся в живых ребят? — вежливо осведомился полицейский.

Очки скрывали выражение его глаз, но что он думал, я догадывался. В тяжелом взгляде Дженни читалось: «Молчи лучше в тряпочку».

— Миссис Галлей проявила редкостное самообладание и мужество, — продолжал полицейский. — Она скомандовала мальчикам лечь плашмя на землю и закрыть голову руками. А сама...

— Не приукрашивайте картину, — возразила Дженни, — сама я вопила от ужаса как сумасшедшая.

— На непонятном языке...

— Конечно, по-русски, капитан. Когда смерть в двух шагах, то кричат «мама» на родном языке. А мальчики увидели, что от всадника им не убежать. Двое старших с бейсбольными битами уж как петляли по поляне... И они прижались ко мне, словно я была их матерью и бормотали: «Мэм, спасите». И я сказала им: «Ничком, на землю и не шевелитесь!» Наверно, мои вопли надоели всаднику. Он вздыбил коня и ускакал обратно по лесной дороге... Кто-то в лесу услышал крики и выстрелы. Прилетел полицейский вертолет.

— Да, нам позвонили из машины...

Теперь я лишь присутствовал при их диалоге. Дженни переводила, даже не глядя в мою сторону.

— Вы спустились с небес, как посланцы Бога. Кажется, мы втроем хором заревели...

— А потом мы нашли недалеко от поляны, за тем поворотом, куда ускакал всадник, мистера Сан-Джайста. Он лежал без сознания, в крови. У него была сквозная пулевая рана в плече.

— Тот парень, что заварил всю эту кашу, выстрелил вслед Сан-Джайсту.

— Мальчики утверждают, что Дейв стрелял только во всадника.

— Вспомните, капитан, сначала мальчишки говорили про букет цветов.

— Но мальчики сразу сказали, что вы, миссис Галлей, спасли им жизнь. И врачи доказывают: мистера Сан-Джайста ранили выстрелом в грудь, а не в спину.

— Значит, профессор, убегая, обернулся. Тут его и настигла пуля. Какие могут быть еще объяснения?

— Никаких, миссис Галлей. И в этом вся сложность. Инцидент произошел среди бела дня...

— Что вы называете инцидентом?

— Ну вашу встречу с Дейвом и компанией. До появления всадника...

— Какое безобидное словечко. Вы бы желали вашей жене и дочери такого «инцидента»?

— Пожалуйста, не придирайтесь к терминам. Я хочу сказать, что лес был полон народу, особенно в районе стоянок машин и вдоль шоссе, опоясывающего лес. И никто, никто не видел всадника! Он растворился в воздухе. Зато мы имеем три обезглавленных трупа. Ведь не с неба они свалились?

— Это уж точно, капитан. Тут наши свидетельства ни на йоту не расходятся.

— Почему всадник был одет в форму французского офицера? — встрял я и нарушил их оживленную беседу.

На меня покосились с неудовольствием. Дженни перевела, полицейский без особой охоты объяснил:

— Мы тщательно проанализировали показания миссис Галлей, мистера Джефферсона и мистера Франклина. Они единодушно утверждают, что на всаднике был синий военный мундир. Костюм, взятый из музея американской кавалерии? Но даже в прошлом веке американские кавалеристы не носили на груди шнурков. Мы навели справки. Выяснилось, что всадник был облачен в парадную форму французского драгуна эпохи Наполеона: белая перевязь наискось, желтые эполеты...

— Красные эполеты, — поправил я.

— Что он сказал? — встрепенулся полицейский.

— Как всегда, глупости, — ответила Дженни.

— Нет, что он сказал? Переведите!

— Профессор демонстрирует свою эрудицию. Он специалист по французской истории. Он может обрисовать форму одежды всех видов войск до мельчайших деталей.

— Пожалуйста, — попросил полицейский.

Я обрисовал. Полицейский строчил в блокноте. Потом полицейский перелистал блокнот, перечел какую-то запись.

— Потрясающе! Все совпадает.

Он снял очки и впервые взглянул на меня как на уважаемого субъекта.

— Вы нам дали очень ценные сведения, профессор. Этот маляк-убийца, наверно, захочет раздобыть и другие атрибуты французского военного обмундирования. И тут...

Полицейский не закончил фразы, не стал меня вводить в курс операции.

Дженни перевела.

— Вы на правильном пути, — сказал я. — Надо проконтролировать точки сбыта антиквариата.

Я старался не замечать испепеляющих молний Дженни.

— Мистер Сан-Джайст, — как бы мимоходом поинтересовался полицейский, — вам никогда не приходилось служить в полиции?

— Я рядовой читатель детективной литературы, — быстро пробормотал я, поняв, что несколько высунулся. — Кстати, Голливуд, случайно, не проводил массовку?

— Проверяли, — поскуцнел полицейский. — Никаких мас-совок в этот день не проводилось. Никаких фильмов с участием французской кавалерии в Голливуде давно не снимают.

И захлопнул блокнот.

— Спасибо, мистер Сан-Джайст. Благодарствую, что вы нашли силы хоть в чем-то нам помочь. Миссис Галлей, я бы желал побыть с профессором буквально минуту наедине. Уверяю вас, у следствия больше нет и не будет к нему вопросов. Мы объяснимся на пальцах, но без присутствия дам.

Дженни передернула плечами и вышла. В дверях, правда, обернулась и со слабым подобием улыбки:

— Выздоровливай, Тони.

Полицейский проводил ее глазами, покрутил в руках очки и, решив их не надевать, повернулся ко мне. От его взгляда было некуда деваться.

— Профессор, я говорю очень медленно и надеюсь, вы уловите суть сказанного. Я принимаю во внимание ваш возраст и искренне вам сочувствую. Именно поэтому я позволю себе... Да, есть разница: читать детектив, лежа на диванчике, или влипнуть в детектив самому. Конечно, миссис Галлей отчаянно храбрая девочка, но в той страшной и неожиданной ситуации, в которой вы оказались, нельзя, никак было нельзя оставлять женщину одну. Вы меня понимаете?

— Ай андестенд, — ответил я.

Дженни взяла меня из госпиталя через четыре дня, объяснив, что каждый день стационара стоит очень дорого, а моя страховка вряд ли годится в Америке. О страховке мы говорили неоднократно и подробно. Дженни послала от моего имени письмо в соответствующие инстанции с просьбой возместить лечение в госпитале. Разговоров на другие темы Дженни старательно избегала, да и я не рвался.

Меня поселили наверху в кабинете, посадили на вегетарианскую диету, возили в госпиталь на перевязку, следили, чтоб я не поднимал на руки Элю и выполнял медицинские предписания — в частности, прогуливался по квартире, ежедневно увеличивая количество шагов.

Вообще, Дженни вела себя идеально, но ближе чем на метр ко мне не приближалась. Держала дистанцию. Она научилась смотреть как-то мимо меня, да и я не ловил ее взгляда. И тем не менее — вот это было ново! — я чувствовал, что за мной все время наблюдают, ведь у женщин очень развито периферийное зрение.

Иногда, собравшись с духом, я намеревался задать Дженни множество вопросов, однако все вопросы, да и желание их задавать, мигом исчезали после того, как, закрывшись в ванной и побрившись, я взирал на себя в зеркало.

Я постарел лет на десять.

Ни ранение, ни инфаркт (из которого я вроде выбрался), ни психологический шок не могли привести к таким резким изменениям.

Оцепенело я разглядывал в зеркале свое *чужое* лицо и думал, что теперь мне надо привыкать к нему и в конце концов я привыкну, но привыкнет ли Дженни? Никакой суд присяжных ее к этому не приговаривал. И в моей башке звучали слова Глубоководной Рыбы, сказанные в Вашингтоне. Почему я не принял их всерьез?

Как-то мимоходом я поинтересовался:

— Писали что-нибудь в газетах?

— Писали, — со змеиной улыбкой ответила Дженни. — И все мои знакомые прочли. Тебе этого лучше не читать.

Я быстро выздоравливал. Я совершал прогулки на средней скорости по Вентура-бульвару (на холмы не взбирался), ежедневно увеличивая километраж. Побаливало левое плечо, иногда сдавливало грудь. «Что это такое?» — спросил я у доктора. Доктор радостно пояснил: «Начальная стадия стенокардии». Я не стал сообщать новость Дженни, хотя по ее глазам видел, что она в курсе. Наверняка тоже беседовала с врачом.

Я обозлился. Вы меня мало знаете! Я эту начальную стадию переломаю. Я двигательное животное. Мне надо двигаться и двигаться. Я приведу себя в былую форму.

Утром я просыпался несколько разбитым, но заставлял себя скорее выйти на улицу. Во время многочасового марша мои хвори отступали, и я успевал еще вздремнуть дома, до приезда девочек. И спускался опять на улицу, на этот раз с Элей.

Я ужинал в одиночестве. Наш распорядок дня не совпадал. Да и трудно было бы проводить вечер с любимой женщиной в молчании — повторяю, Дженни избегала разговоров, кроме как на госпитальные темы, а этих тем и всего, что связано с моим здоровьем, я старался не касаться.

Однажды Дженни задержалась на кухне, потом присела к столу:

— Я вижу, ты ведешь спортивный образ жизни. Готовишься к всемирной олимпиаде? И прекрасно обходишься без спиртного и курева.

Подразумевалось: ...и без спанья со мной.

Я подумал: это намек? Но ведь ты сама установила барьеры. Или мне намекают, что пора съезжать с квартиры, дескать, мой дом не санаторий.

Про то, что пора отчаливать, я думал постоянно. Однако прежде надо бы найти деньги за лечение (и лежание) в госпитале. Или найти организацию, которая эти расходы покроет. Для меня сумма была неподъемная. Вот когда доктор скажет, что я пришел в норму, я задействую свои каналы. С женщиной расстаются красиво или некрасиво. В данном случае красота меня не волновала. Сначала я должен погасить долг, снять финансовую удавку с Дженни, а уж потом со спокойной душой и чистой совестью повеситься.

— Да, я готовлюсь.

Подразумевалось: найду деньги, расплачусь и уеду. Но если тебе все обрыдло...

Она поняла.

— Оставайся. Ты мне не мешаешь и вполне устраиваешь, как бесплатный бэби-ситтер.

Что называется — получил слегка по роже. Проглотим. И потом с Элей у меня действительно любовь и дружба. Мы с удовольствием гуляем, я ее кормлю, купаю, укладываю спать, когда Дженни отправляется куда-то по вечерам. Куда? Я не спрашивал.

Впервые после долгого перерыва мы поиграли в гляделки.

— По твоему мнению, мою квартиру еще продолжают прослушивать?

Вот оно что! Я не знал каких-то обстоятельств, ей известных. Или Дженни узнала нечто про меня, о чем я ей ранее не сообщал. Тогда объяснимо, почему ко мне такой пристальный интерес, почему держат дома и втихаря за мной наблюдают. Поведение женщины диктуется двумя стимулами: любовью и любопытством. Любовь, видимо, кончилась. (А как могло быть иначе? Постыдное бегство в лесу не прощают.) Но любопытство порой сильнее любви.

— Кто прослушивает? — спросил я по инерции и тут же был наказан.

— Любопытны не только женщины. Наверно, полиции тоже любопытно знать, что меня связывает со старым профессором-импотентом.

Ушла в спальню, хлопнув дверью.

Я стоял на балконе и курил. «Хорошо, — думал я. — Я забыл, что Дженни обладает даром угадывать мои мысли. Но почему уж так, наотмашь? Нельзя позволять вытирать о себя ноги...»

— Тоничка, — раздался за спиной негромкий голос.

«Не будь тряпкой», — сказал я себе. Потушил сигарету. Обернулся. И приготовленные слова застряли в моей глотке.

Под маской нахальной девчонки я различил на ее лице... страх. Она боялась — я понял! — она боялась, что сейчас я произнесу какую-то чушь, которая приведет к разрыву.

Значит, еще не все потеряно?

Умный человек на моем месте бросился бы на колени.

Глупый человек, каким я оказался, прочел холодным тоном, плохо скрывающим обиду, короткую лекцию о следственной практике. Полицейский явился в госпиталь с миниатюрным магнитофоном. Почему мы не заметили? Их учат тому, чтоб никто не замечал. Сверхчувствительный микрофон мог быть спрятан у него в часах, в авторучке. Специальная аппаратура. Затем кассету прокрутили в присутствии русского переводчика. Рутинная проверка. Если бы твой текст отличался от моего, это бы насторожило следствие. Но ты переводила буквально слово в слово. А ставить квартиру на прослушивание — дорогое развлечение. У полиции, тем более в Лос-Анджелесе, других дел хватает.

В ответ:

— Будешь изображать из себя Железного Гуго?

— Кто это?

— У меня тоже есть вопросы, но я их не задаю. Да, я боюсь. Боюсь за твое здоровье. Ведь каждый вечер я сидела около тебя в госпитале, пока ты валялся без сознания... Ты представить себе не можешь, что я пережила... Когда я так трогаю, тебе не больно? Тони, не изображай из себя героя. Ого, я думала, у тебя эта штука уже не функционирует... Тони, дойдем до спальни... А ты совсем меня не хотел, нисколечко? Тони, не хулигань... Тони, я же не смогу надеть завтра прозрачные колготки... А если Эля проснется? Ладно, ладно, давай здесь... Подчиняйся мне. Не делай резких движений...

Авторы старых добрых романов заканчивали фразой:

«Так они прожили тридцать лет и три года и умерли в один день».

М-да, граждане... Если быть честным... На самом деле моя гусарская атака на ковре хоть и выглядела красиво, да результа-

ты имела жалкие. Не то чтобы полное фиаско, но так с молодой женщиной любовью не занимаются. И не глотают потом какую-то гадость (Дженни сбегала наверх, принесла), чтобы утихомирить сердцебиение.

Короче, были все основания гнать меня в шею. Вместо этого Дженни сказала:

— Без паники. Я приведу тебя в порядок.

Выставила коньяк. Накормила. Уложила с собой.

Описание следующей недели могло бы послужить яркой страницей в книге о сексуальном воспитании. Назовем сие школой новобранцев под руководством опытного сержанта. Подробностей не ждите, у нас с Дженни свои тайны.

Мною командовали. Я подчинялся. И признаться, уже не очень разбирался, кто для меня Дженни — медсестра или любовница.

На уик-энд злодейка мамаша сбагрила ребеночка Гале и Матвеем Абрамовичу. Мы уехали в Окснард. Сняли номер в гостинице.

Прогулки по памятным местам. Ужин в ресторанчике с деревянным рулевым колесом, шкиперской фуражкой, боцманской бородкой, макетами парусников. Морские регалии явно прибавили мне силы (не претендую, будто открыл чудодейственное средство, однако, если у кого проблемы — попробуйте).

Утром опять прошлись по пляжу, а как солнце стало припекать — вернулись в гостиницу и задернули на окне шторы.

И вот тогда я почувствовал, что кое-что умею, что роли переменились: моя девочка в моих руках. И в награду получил волшебные слова, которые не повторю даже перед страшным судом.

И после мы заснули, причем если я привык прикладываться днем, то с Дженни такого не бывало.

...Чтоб не будить Дженни, я осторожно глянул за штору. Закатный красный шар отражался в окнах соседнего дома. Сзади, из глубины комнаты, я услышал:

— А теперь, чудище, рассказывай, кто ты есть.

Странная субстанция человеческая психология. Рассказать? С великим удовольствием! Ведь если не Дженни, то кому? Если не сейчас, то когда? Однако я еще смутно надеялся свести все или к шутке, или к очередной истории.

— Мой отец, Дженни, был значительно старше моей матери. Профессиональный военный. Выйдя в отставку, он купил до-

мик с садом на углу улиц la Chouette и Jeu-d'Arc. Через год он умер. Мне как раз исполнилось десять лет. Я хорошо помню сад, густую траву, заросли кустов... Зажечь свет?

— Не зажигай. Не в эти ли кусты ты опять намереваешься сбежать?

Произнесено было со смешком, но я не обиделся. Женщина, которую я любил, женщина, которая меня любила, женщина, которая доказала, что может буквально вернуть меня к жизни, имела право на любую интонацию. Последняя неделя определила наши отношения. И если я рассчитывал не просто жить, а жить с Дженни и не терять ее, то мне оставалось только слепо ей подчиняться.

— Дженни, увы, у меня бывают провалы в памяти. Что произошло в лесу? Как я мог тебя бросить одну?

— Я не поверила, что ты меня бросил. Я думала, что ты заметил кого-то и побежал звать на помощь. И когда эти двое с бейсбольными битами, как по команде, припустили обратно, когда из-за поворота вылетел всадник в синем мундире, я безумно обрадовалась. Конечно, это Тони попросил его вмешаться!.. Понимаешь, они хотели употребить меня, хором, все впятером... Я не успела испугаться. Я думала, мол, как-то обойдется, ограничится разговорами, откуплюсь... Или умру сразу от омерзения... Я испугалась, когда всадник снес голову первому. Парень пытался парировать удар битой, он стоял еще несколько секунд, без головы, и кровь хлестала фонтанчиком. Второй петлял по поляне как заяц и орал благим матом. Мы наблюдали эту сцену, парализованные. Потом Дейв начал стрелять и сказал мне: «Мэм, стойте рядом, иначе он вас догонит и убьет». Представляешь, Дейв почувствовал себя моим защитником! Всадник на ходу зарубил второго и повернул к нам. Дейв, с серым лицом — клянусь, Тони, у этого черного парня было серое лицо! — застыл, будто каменный, держал пистолет двумя руками, целился и стрелял. Лошадь с глухим топотом приближалась, она вырастала в размерах, она неслась на нас, огромная, как электричка. Блеснуло что-то длинное, узкое, и голова Дейва покатилась по траве... столько крови я никогда не видела. Всадник сделал круг и неторопливо, бочком, поехал к нам. Я приказала ребятам лечь наземь и закричала:

— Тони, опомнись! Тони, не трогай мальчиков!

— Почему «Тони»?

— Потому что это был ты. Лицо всадника было мне незнакомо, довольно молодое, впрочем, не разобрала, не помню. Но его глаза, твой взгляд я узнала. Я засекала однажды у тебя такой

взгляд. Обычно ты себя контролируешь, но тогда он вдруг прорезался...

— Тони, — кричала я, — не надо, не трогай мальчиков!

Ты мрачно с высоты на меня посмотрел (не узнавая! Тот, кем ты был, и не мог меня узнать. И смотрел надменно, как на полоумную бабу), вздыбил лошадь и ускакал не оборачиваясь.

* * *

При первом же посещении библиотеки я поднял газеты за соответствующие числа. Естественно, журналисты уделили основное внимание таинственному всаднику. Фамилия Дженни фигурировала. Юные мистеры Джефферсон и Франклин выражали признательность миссис Галлей: своим хладнокровным поведением она спасла им жизнь. Указывалось также, что спутник миссис Галлей, мужчина почтенного возраста, в самый разгар событий предпочел смыться. Имя мужчины почтенного возраста не упоминалось. В двух строках сообщалось, что он тоже пострадал и с огнестрельной раной был увезен в военный госпиталь. Публиковались соболезнования семьям погибших. Представитель генерального прокурора США в Южной Калифорнии заявил, что поставил расследование этого дела под свой персональный контроль. Полицейские детективы допросили персонал трех конно-спортивных школ...

Трагедия в лесу вызвала в прессе широкую дискуссию, и, как всегда, столкнулись противоположные мнения. Молодая женщина, брошенная своим спутником, попала в критическую ситуацию. Кто же был таинственный всадник в опереточном (так и написали — опереточном) мундире французского кавалериста? Сумасшедший маньяк-убийца или самаритянин-доброхот, который, рискуя жизнью (в него стреляли), избавил женщину от насилия и унижения? Правда, все соглашались, что всадник действовал не совсем адекватно ситуации и лучше бы он ограничился превентивными мерами (то есть снес бы только полголовы?). Особенно резкими были читательские отклики. В одних утверждалось, что полиции, как обычно, никогда нет на месте происшествия, поэтому в штате Калифорния необходимо разрешить ношение оружия, ибо граждане вынуждены рассчитывать только на свои средства обороны, и если бы не всадник, банда бы изнасиловала женщину, а в следующий уик-энд спокойно подстерегала бы очередную жертву — и никого бы это не заинтересовало и не привлекло внимание прессы, пока бандиты кого-то не убили, но и тогда бы их

не нашли, они перекочевали бы развлекаться в соседний лес. Авторы других писем возмущались неслыханным проявлением расизма; для них было очевидно, что если бы к женщине приставали белые, то всадник продолжал бы тихонько совершать свой дневной моцион или сам бы наблюдал из-за кустов, как ребяташки проказничают...

Я понял, что Дженни имела в виду, когда с нехорошей улыбкой отчеканила: «И все мои знакомые прочли». Для ее лос-анджелесских знакомых (для наших общих знакомых!) главным в этих публикациях была не расовая полемика, не пересмотр законов и правил самозащиты, — главным для них была информация о поведении спутника Дженни. Кто был ее спутником, они догадывались.

Дженни специально ездила по гостям (пока я сидел с Эли) и, рассказывая подробности «инцидента», повторяла, что это профессор заметил всадника и побежал звать его на помощь. Знакомые Дженни сочувственно ахали, однако, как комментировала Дженни, ее аргументация их не очень впечатляла.

Кто-то из великих сказал: «Репутацию теряют раз и навсегда».

Даже Кэтти, приглашая Дженни на свой день рождения, осторожно намекнула, дескать, как хочешь, но приходи лучше одна, я устраиваю девичник.

У меня появился враг. Его появление нетрудно было предвидеть. Просто раньше у нас был негласный уговор: солнце бесчинствовало до пяти вечера, а я до пяти носа из библиотеки не высывал. Теперь солнце вспомнило, что по календарю весна, и безжалостно укорачивало теньевую кромку от домов и деревьев до размера бикини, превращая тротуары города в сковородку. Долго и быстро по такому пеклу не прошагаешь.

Дженни выезжала навстречу и подбирала меня где-то на трети пути. Из финской сухой бани я прыгал в холодильник на колесах и наслаждался благами цивилизации. Молодцы, американцы! Без всякого европейского высокомерия установили в каждой тачке эр-кондишен. Когда же мы, забрав Элю, застревали в неизбежной пробке на Лорел-каньоне, моя подозрительность к разным техническим штучкам-дрючкам просыпалась, и я представлял себе: вдруг система охлаждения откажет и мы втроем заживо сваримся в «понтиаке»? Но система не отказывала (в отличие от другой Системы, которая, если судить по газетным публикациям, пальцем не пошевелинула,

что, кстати, весьма для нее характерно), и мы весело болтали, я любовался открыточно-курортными пейзажами с вершины перевала (щедрая администрация штата показывала их задарма широкой публике), а Дженни плавно вписывалась в крутые виражи, постепенно набирая скорость на спуске. В нашей металлической стеклянной коробке я чувствовал себя в безопасности, и это чувство безопасности исходило в первую очередь от Дженни.

Грубо говоря, я спрятался за ее спиной (в ее машине, в ее квартире), и Дженни храбро взвалила на свои плечи (красивые плечи — когда она перешла на летнюю форму одежды, это особенно стало заметно) мои финансовые проблемы, мою подмоченную репутацию, мои перепады настроения, мнительность и все комплексы человека, неожиданно оказавшегося в критическом мужском возрасте.

Мы опять поменяли распорядок дня («Ты должен жить в режиме, к которому привык»), вернулись наши совместные ужины, и Дженни мне позволяла несколько рюмок, и перед ужином или в самом его начале, мне позволяли охотно (надеюсь!) еще кое-чем заниматься с ней («Извините, профессор, после третьей рюмки вы уже не годитесь»). И я «извинял». А что мне оставалось делать? Я ей доверился.

Повторялась история с Жозефиной, и точно так, как Жозефина, Дженни лепила меня заново заботливыми руками (иногда, особенно ночью, было ощущение, что я попал в те же умелые руки), и мне нравилось быть зависимым от нее, и я угадывал, что ей нравится быть владычицей морской и земной, хозяйкой положения. Разумеется, я помнил драматический финал той истории, но тогда я (вернее, тот, кем я был) совершил чудовищную ошибку. Нет, такого больше не произойдет, отныне Дженни не только моя любовь — моя икона, и я на нее молюсь.

Раз в двести лет можно довериться женщине.

...Минуту назад были произнесены наши волшебные слова. Мы лежали рядом, касаясь ладонями друг друга. Едва слышным шепотом она спросила:

— Тони, ты будешь опять молодым?

Я ждал этого вопроса. Я понимал, что когда-нибудь она его задаст, что мне рискованно ставить на кон свое будущее, свое счастье, и есть иллюзии, которые предпочтительнее сохранить. Поколебавшись (и сразу презирая себя за эти колебания), я честно ответил:

— Нет, Дженни, ведь я все тебе рассказал. Мои путешествия по времени кончились.

В темноте я не видел ее лица.

А был ли я когда-нибудь молодым? Конечно, в первой моей жизни. И вот, — парадокс! — молодость тогда мне здорово мешала. Например, из-за возрастного ценза я не смог баллотироваться в Законодательное собрание, хоть считался чуть ли не самым авторитетным революционером в своем департаменте. Будь моя воля, я бы «проходил» два года за один, как студент, который сдает экстерном экзамены сразу за несколько курсов. Меня сжигало честолюбие? Нет, если принимать за честолюбие жажду власти. Да, если понимать под честолюбием желание скорее совершить то, что только тебе по силам.

...В Париже, в здании Тюильрийского манежа, кипели страсти. Я проводил скучную зиму в глухой провинции, работая над брошюрой «Дух революции». Между прочим, там есть такая фраза: «Если революция потеряет разум, то напрасны будут попытки ее образумить. Лекарства окажутся хуже, чем болезнь, порядочность и честность — ужасающими, законы погибнут на эшафоте». А ведь никто тогда и подумать не смел ни о терроре, ни о его последствиях.

В двадцать пять лет меня избрали в Конвент. Самый молодой депутат. Но я смущался своей молодости. Я не решился подняться на трибуну. И лишь когда начались дебаты — судить или не судить Людовика Шестнадцатого? — и все знаменитые ораторы, красноречивые витии, как-то разом оробели, я вынужден был взять слово. И я сказал: «Нельзя царствовать невинно».

В январе 1793 года, спустя всего полтора месяца после выступления в Конвенте, я стал председателем Якобинского клуба. И далее якобинцы всегда шли за мной, враги и заговорщики из числа жирондистов смертельно меня боялись. И только ближайшие друзья и соратники по Комитету общественного спасения при случае попрекали меня моей молодостью. Если Лазарь Карно, с которым мы вместе курировали армию, исчерпывал свои аргументы в споре, он раздраженно бросал: «Мальчишка!»

Да, Максимильтян мне покровительствовал. Вернее, я был правой рукой Робеспьера. Однако, окажись я на пять лет старше...

Вот так. Я ненавидел свою молодость. Она была мне помехой.

...Не совсем так. Время а п р и о р и искажает картину прошлого, и за два века нафантазировано столько от лукавого... Даже я забыл, с каким напряжением работал Комитет. В Le Comité de Salut public ежедневно поступало не меньше пятисот дел. Министерства, мэрии, коммуны, трибуналы, штабы армий

фактически были исполнителями, а все решалось в Комитете и его секциях. Дела требовали срочного рассмотрения, и последние бумаги мы визировали в два-три часа ночи. Естественно, мы разграничили свои обязанности, но границы были так неочевидны, какие-то дела приходилось разбирать сообща... Копаюсь в парижских архивах, я с изумлением обнаружил, что подпись Сен-Жюста чаще всего соседствует не с подписями Робеспьера и Кутона (как давно принято считать), а с подписями Билло-Варенна и Барера, особенно в первый период существования Комитета. Объяснение простое. Билло-Варенн и Барер обладали колоссальной работоспособностью. Не хочу умалять роль других членов Комитета, но они скорее блистали на трибунах Конвента и Якобинского клуба, а Робеспьер определял направление общей политики и старался в текучку не вникать. И вот быть на равных с Билло-Варенном и Барером мне помогали моя молодость, еще неизрасходованный запас сил. И помнится, я этим гордился.

Как теперь вернуть мои юные годы? Извечная дилемма. Поиски квадратуры круга. Начальная стадия старческого маразма.

В конце концов я перестал ломать себе голову над вопросом, ответить на который не мог. Видимо, так было запрограммировано заранее: ответа мне не найти. (А вы можете? Тогда скажите, как появился на Земле *гомо сапиенс*? Кто его создал? Бог? Природа? Эволюция от амебы? Инопланетяне побаловались! Согласно строгой научной точке зрения... Такая имеется? Ну-ну...) Я не знаю, как и почему я перевоплощался в других людей, жил другой жизнью. Знаю только, что я понимал, *кто я есть*, будучи уже зрелым мужем. И Система держала меня в этом возрасте до неприличия долго, я всегда был человеком, который выглядел моложе своих лет, но никогда — никогда больше! — я не был молодым. Экономной и расчетливой Системе не имело смысла и резона водиться с юнцом.

По приказу Системы (иногда по собственной прихоти, импульсивно — наверно, замысел и конструкция Системы не были безупречны) я мог совершать путешествия во Времени, принимать свои прежние облики, но мне не было дано вернуться к Сен-Жюсту. Меня неоднократно предупреждали, да я и сам предчувствовал — это путешествие было бы последним. Слиться со своей натуральной плотью и кровью? Второй раз из нее не выйти.

Кто я есть? Капитан Жером Готар физически и психологически был ближе всего к Сен-Жюсту, но уже проявлялась серьезная разница в характере и поступках. Король Карл Четырнадц

цатый, несмотря на то что его называли «якобинцем на троне», очень мало похож на члена Комитета общественного спасения. Полковник Валленберг при штабе генерала Шермана — совсем другая личность. Понимание, *кто я есть*, приносило мне определенную информацию, пробуждало некоторые навыки, однако я не становился мудрее или проныцательнее. Вопреки расхожему мнению, я с полной ответственностью заявляю: опыт прежней жизни (прежних биографий) годится лишь для прошлого, а в настоящем — все иначе. Между профессором Сан-Джайстом и Антуаном Сен-Жюстом непреодолимый провал глубиной в два столетия. Разумеется, мне чужды политические взгляды пламенного революционера, меня ужасает то, что он натворил, но я восхищаюсь его идеализмом, целеустремленностью, одержимостью. Нельзя долгое время быть сверхчеловеком, энергии не хватит. Сен-Жюсту хватило несколько лет, ему отпущенных. Тем лучше для него. Тем лучше для меня, что нас разделяет такая дистанция. Я не отрешиваюсь от Сен-Жюста (было бы глупо!), у нас есть с ним, скажем так, нечто общее, больше, чем родственные связи, но я не примазываюсь к его звонкой славе. Профессор Сан-Джайст всего лишь эрудированный историк и профессиональный офицер разведки. *Ou presque*. На мировую известность не претендую. Кроме обыкновенных житейских проблем меня заботит то, о чем писал Марсель Пруст, — поиски утраченного времени. Впрочем, думаю, Пруст допустил в заголовке своей книги намеренную неточность. Герой Пруста ищет не утраченное время, он вместе с автором ищет утраченную молодость. А вот «В поисках утраченной молодости» — звучало бы не оригинально. Утраченную молодость ищут все.

Раньше мои раны заживали быстро, как на собаке. Теперь плечо зажило, но левая рука ныла и болела. Я пытался не обращать внимания, да Дженни засекла, наорала («Не смей от меня ничего скрывать!») и повезла к врачу... Мне бы ее водить в дансинги и рестораны, развлекать и баловать! Так нет, она меня возит на скучные медицинские процедуры: анализы, рентген, уколы. И платит из своего кармана (в моем кармане стерильная чистота и пустота), причем сошел секьюрити ей ни хрена не компенсирует, я же иностранец («Тони, не занудствуй, выбрось из головы!»)...

Врач направил меня на массаж. Чтоб несколько сэкономить, Дженни позвала русского массажиста, который приходил домой и брал за сеанс меньше, чем американские патентованные

специалисты. Про него Дженни сказала: «Забавный тип. Самоучка. Когда-то он мне массировал спину. Руки волшебные, характер вздорный. Ни с того ни с сего попросил две тысячи в долг. Я поняла, что он проверяет; дескать, верю ли я ему? Я дала. Вернул через месяц».

Мое воображение разыгралось. Мужчина, потребовавший две тысячи в долг, в женском лексиконе не соответствует «забавному типу». Значит, было так: Джек уезжал на теннисные корты и появлялся массажист... Дженни лежит на постели голая по пояс. Массажист склонился над ней, «волшебные руки» разминают плечи, спину... Женщину массаж расслабляет, а «вздорный характер» при виде такого богатства натуры возбуждается. Пальцы осторожно скользят чуть ниже спины, еще чуть ниже...

В одной из прежних жизней я знал врача, который мне хвастался, как он делал массаж молодым завлекательным дамам. Если после разведки (ниже спины) дама не реагировала, он стаскивал с нее остатки одежды и ставил пациентку в позу. Причем ни она, ни он не произносили ни слова. Считалось, что это как бы продолжение массажа...

Однако повторяю, опыт прежней жизни годится лишь для прошлого. Может, сейчас все иначе? Я Дженни вопросов не задавал.

Массажист почему-то панибратствовал со мной на первом сеансе, а дальше повел себя очень почтительно («Антон Валентинович, не беспокоит?»). Я спросил из любопытства у Дженни, чем вызвана перемена.

— Русская хамская манера. Я сразу заметила и провела воспитательную беседу. Рассказала, какой ты знаменитый... Тони, я рассказала только, какой ты знаменитый профессор! Он проникся...

То есть она предугадывала даже мелочи, которые могут мне не понравиться! И наоборот, находила такое, что должно было льстить моему самолюбию. Например, в разгар ужина, когда я таю под ее взглядами (как женщина под ласковыми пальцами массажиста?), следовал якобы спонтанный вопрос:

— Тоничка, тебе не было страшно скакать на этого парня? Ведь он мог бы тебя убить каждым своим выстрелом.

Как я заважничал! И ответил небрежно: мол, полковник Жером Готар имел привычку скакать — как ты говоришь, Дженни — на прусские и русские полки, а пехота того времени стреляла более метко.

И наверно, именно в такой момент полного распада я ей признался:

— Дженни, я паршивый эгоист и рад, что мне не суждено увидеть тебя в преклонном возрасте. Ты останешься для меня всегда молодой и ослепительно красивой.

...Опыт прежней жизни подсказал бы: женщина мечтает прожить с любимым человеком как можно больше лет и умереть с ним в один день.

Увы, повторяю, прошлый опыт не делал меня ни мудрее, ни проницательнее.

«Меня не смущает разница в возрасте, — сказала Дженни. — Между прочим, это сейчас модно». Модно? Допустим. В Америке действительно наступил сезон охоты на знаменитостей и миллиардеров. По сути дела, он никогда не прекращался, однако юные прелестницы сообразили, что гораздо легче отстреливать дичь шестидесятилетней кондиции. Дичь потеряла скорость (не только мышления), уверенность в себе, попадала в нехитрые ловушки, а профессиональная охрана — жены и любовницы — ослабила бдительность, полагая, что залежавшийся товар не будет пользоваться спросом. Заграбастав добычу, предприимчивые Артемиды получали наслаждение в интимном гнездышке (какая-нибудь трехэтажная вилла), а именно: потчевали своего драгоценного избранника супом из протертых овощей, шпинатом, брокколи и широким набором медикаментов от поноса, запора, желудочных колик, сердечной недостаточности. В сумерках за километровой оградой, оборудованной новейшей электроникой, бродили другие двуногие хищницы и скулили от зависти.

(А я чем занимаюсь? Как благородный человек, чуждый зависти, я, господа, иронизирую.)

Не обладая ничем, что могло бы разжечь аппетит этих альтруисток, я энергично строил планы светлого будущего. (У всех свое хобби: зарабатывать миллионы, покупать картины импрессионистов, сниматься в главных ролях, получать «Оскары». У меня — воздвигать хрустальные дворцы.) Конституция, составленная Сен-Жюстом двести лет тому назад и обещавшая блага Франции и всему человечеству, так и не была задействована. Что не удалось в отдельно взятой стране, может, удастся в отдельной семье? (В отдельно взятой голове.) Как ни странно, проблемы, связанные со здоровьем, меня не очень волновали. Я вошел в хорошую форму и надеялся ее сохранить на обозримый остаток лет. Когда-нибудь моей райской пташке надоест слушать мои рассказы — соловья баснями не кормят. Но к тому времени я придумаю совершенно феноменальный курс лекций

по истории, который принесет мне известность не только в университетских кругах. Далее — ап! — меня пригласят на телевидение. Программа профессора Сан-Джайста для американских интеллектуалов (без рекламы!)... Я обрисовываю лишь контуры хрустального дворца. Кто, почему, за каким лешим меня пригласит — цементная каша, железная арматура, прозаический мусор. В конечном счете мы с Дженни появляемся на официальном приеме в Белом Доме, и тогда Дженни, девочка честолюбивая, понимает, что ее игра в каком-то смысле стоила свеч. Ее паршивый босс, «император Хирохито», увидев Дженни в телевизионных новостях на пороге Белого Дома, тут же повышает своей престижной сотруднице годовой оклад в два раза, но Дженни имеет и более интересные предложения... К тому же с моей еженедельной программы по телевидению капает какая-то мелочишка на молочишко. Дженни открывает свой бизнес или входит на равных паях в крупную корпорацию.

В этом месте меня захлестывали варианты, я тонул в их круговороте. Исключался лишь один: вариант размеренной неторопливой жизни с чтением книг, посещением музеев, путешествиями по миру, буколическими прогулками и прочими радостями пенсионной жизни. Дженни с ее бешеным темпераментом разобьет вдребезги любую золотую клетку. Итак, крупная фирма с филиалами в других странах, чтоб моя девочка могла летать в первом классе (инспекторские поездки) и иногда брать меня с собой. Но таким образом на авансцене возникали партнер (партнеры!), помощники по бизнесу, секретари, шоферы, охранники и прочие «контакты» из породы голден боев, с которыми требовалось подписывать контракты.

...Я не обольщался. Естественно, когда-то у нее будут романы. Я живо представлял себе некоторые ситуации на горнолыжном курорте, на пляже во Флориде, где в пятизвездочных отелях продвинутые фирмачи предпочитают устраивать конференции по продвинутому бизнесу и куда меня точно не затанешь. Что ж, я сумею соответствовать. Опытный всепрощающий муж, не реагирующий на подозрительные телефонные звонки, на поздние возвращения жены с деловых party. Потом она сама мне все расскажет. Доверие и любовь восстановятся. Дженни не нужен молодой ревнивец (достаточно она нахлебалась с Джеком), пусть чувствует себя свободной женщиной (в разумных пределах), это в ее характере.

То есть я загадывал на много лет вперед, и картинки будущего, несмотря на свою экстравагантность, выглядели если не розовыми, то вполне приемлемыми для нас обоих.

Какими-то своими прожектами (кроме моей всепрощающей

терпимости) я с ней делился. Удивительно, лекции по телевидению для интеллектуалов не показались ей бредовой идеей (я-то опасался, что Дженни сразу отвезет меня в свой госпиталь и запрет в палате для буйнопомешанных).

— Это реально. У тебя уникальные знания. Ты сможешь превратить свои выступления в театр. Ты не умеешь, как говорят американцы, себя продавать. Этим займусь я. Назови программу так: «Поиграем в Историю».

Поиграем в Историю? Почему нет?

Для тренировки, когда у Дженни выпадал свободный час, я устраивал театр на дому. Театр одного актера, но Дженни подавала мне нужные реплики. Я ей объяснял обстановку, и она поначалу держалась в рамках, потом импровизировала. Например, я разыграл суд над Дантоном. Дженни в роли Люси Демулен должна была повторять одно слово — *scélerat* (злодей! негодяй!) — словечко, ныне редко употребляемое во Франции. Словечко ей понравилось. Только я делал паузу, как она мне бросала явно с удовольствием: «*Scélerat! Scélerat!*» По ходу действия Сен-Жюст доказывал сомневающемуся Робеспьеру необходимость казни Дантона и Камилла Демулена. Дженни вошла в раж и стала кричать: «Палач! Убийца!» Я даже несколько обиделся.

— Ты мне заменяешь телевизор.

...Хоть что-то заменяю. Эрзац. Заменитель. Впрочем, заставить американочку смотреть вместо полицейского сериала домашний спектакль, согласитесь, не так уж плохо.

По просьбе трудящихся я вернулся к роману Жозефины Богарне с капитаном Жеромом Готаром. И тут мы застряли. Дженни взяла в свои руки режиссуру, театр превратился в сплошное выяснение отношений. Стоило мне открыть рот, как в ответ сыпался град упреков. Мадам Богарне обвиняла месье Готара в том, что служила для него лишь физическим и телесным объектом (куда вставить), для плотских скотских желаний, и, дескать, никакой возвышенной любви с его стороны не было. (И это говорила женщина, учившая меня приоритету секса! Здорово перевоплотилась, вжилась в роль.)

В субботу днем, когда Элю уложили спать, я попробовал продолжить.

— Давай поиграем, — сказала Дженни и опустила в спальне шторы.

Я попал в объятия Жозефины. Блаженство. Полузабытье.

Вдруг я услышал змеиный шепот:

— Как я ненавижу твоё хвастовство! Король Карл Четырнадцатый! «Шведский стол»! Диса, Кристина ему подставляли

жопы! Так ведь это не ты. Это маршал Бернадот. Бернадот, он настоящий мужик, он мог и с двумя. А ты всегда был в постели ноль. Как ты смел променять меня на шведских блядей? Конечно, я тебе казалась старой бабой, да? И почему ты придумал особняк в Пасси? Я имела квартиру в центре Парижа на улице Шантерейн.

— Ты забыла, — возмущился я. — Ты потом переехала с Пасси на Шантерейн. Тебе выгодно забывать какие-то факты. И я первый начал называть тебя не Роз, а Жозефиной. Бонапарт многое слямзил у меня!

Тут я, конечно, сморозил глупость. Генерал Бонапарт не подозревал о моем существовании и не мог знать, как я называл виконтессу Богарне. Но я тоже вошел в раж, был оскорблен и уязвлен. Откуда у нее такие сведения о Бернадоте? Сведения точные, я-то был в шкуре Бернадота, однако ей почему известно о его галантных подвигах? И с какой уверенностью заявила... Ну да, по Парижу ходили слухи об оргиях, послетермидорианских балах, которые устраивала Тереза, тальеновская проститутка и, между прочим, ближайшая ее подружка. А Бернадот с солдатской непосредственностью мог их трахать обеих, он эту работу любил. Смотри, проговорились... Надо бы у нее еще выпытать... Сделаем обходной маневр.

— Меня поражает твое легкомыслие. Всегда жила, не заглядывая в завтрашний день. С Бонапартом тебе подфартило. А я не смогу подарить замок в Мальмезоне.

— Обойдусь. У меня большая зарплата.

— Что толку от твоего большого заработка? Ты все тратишь, ничего не откладываешь. Купи в кредит дом или квартиру. Хоть какое-то вложение денег.

— Лос-Анджелес — зона повышенного риска. И страховки огромные, не имеет смысла. Если случится опять землетрясение — плакали мои денежки.

— Они и так плачут. Ты их пускаешь на разную ерунду, на ветер. Кто покупает солнечные очки в Беверли-Хиллз?

— Знаешь, мне надоело! Наполеон меня тоже пилил ржавой пилой, но он хоть имел на то право. Мне полагалось два миллиона в год, и все равно я зарывалась, делала долги. Тысяча триста платьев было в моем гардеробе. И каких! Они нравились Императору, когда он их видел на мне. Он впадал в ярость, проверяя мои счета. Думаю, он просто психологически не мог понять, что платья — тряпки, по его мнению — стоят так дорого.

— Ты его очень боялась?

— Я его очень боялась, и я его очень любила.

— А твоя интрижка с капитаном Шарлем?

— Чистое безумие. Баловство, — однако голос ее дрогнул. — Забавный тип. В отличие от вас всех с ним всегда было весело. Баррас даже в постели решал государственные проблемы, Бонапарт готовился к очередному сражению, да и ты появлялся с мрачной рожей. А Шарля ничего на свете не интересовало, кроме этого дела. — Короткий смешок. — Он каждую минуту меня хотел... Бонапарт должен был приехать ко мне в Милан. Заслуженный отдых после боя. А я умчалась к Шарлю в Геную. Дура, могла потерять все... Ничего не соображала. Как я мучила моего маленького генерала.

— Потом ты с ним встречалась?

— С Шарлем? — Вызов в голосе. — Если это называется «встречаться», то да.

— Долго?

— Кончилось само собой... Когда Наполеон возложил мне на голову корону и несколько раз ее поправил, как шляпку, я почувствовала себя счастливейшей женщиной в мире. Я стала образцово-показательной супругой. В Фонтенбло была скука смертная. Император ввел во дворце военный распорядок. Я знала, что он мне изменяет, но простила ему все. И он любил спать со мной. Если бы не его сволочное семейство, каркающее как вороны, и требовавшее куска пожирнее... Да происки Фуше и Талейрана... Плевала я на них! Если бы я могла родить ему сына, никуда бы он от меня не ушел! И Мария-Луиза, ничтожество, плоскодонка, боялась меня. Ведь Император тайно приезжал в Мальмезон... Ты не знал? Никто не знал. Я не афишировала. Ладно, время твоей прогулки. Good bye, my love!

Я шагал по Вентуре и размышлял о странностях судьбы. Бедный Бонапарт! Перед ним дрожала Европа, а Жозефина ему изменяла с мразью, интендантшкой, заурядным ходокон по бабам. И на Аркольский мост он бросился от отчаяния. Схватил знамя и вперед, под пули! Не героизм, а попытка самоубийства... И ты два столетия был уверен, что она тебя любила больше всех, что не простила разрыва, страдала... и уж потом, когда ей возложили императорскую корону, корона, понятно, перевесила все и всех. Оказалось, не ты был героем ее романа, а Шарль. Интендант! Тыловая крыса! Знал самый простой путь, чтоб завоевать женщину: с шуточками и прибаутками лез на нее каждую минуту. Вон как осветилось ее лицо, когда ты спросил про Шарля.

Чье лицо?

Вспыхнул красный светофор на перекрестке, застопорив мои движения. Машины плавно заворачивали с Вентуры. Тут только до меня дошел смысл нашего разговора.

Дженни гладила белье. Эля маячила перед телевизором. Я уселся на диване и не спускал взгляда с Дженни. Она улыбнулась и, по обыкновению, начала пританцовывать под музыку мультфильмов. Я дождался рекламной паузы.

— Дженни, ты помнишь, о чем мы с тобой говорили?

— Господи, опять? Опять про то, что я бросаю деньги на ветер?

— Нет, о чем мы говорили после?

— Когда после? Ты сразу отправился на прогулку.

Я смотрел на нее в упор. Ее глаза не лгали. Она не помнила. Не было никакого разговора, и точка!

Хочу подчеркнуть: это был блокадный период. Дома телефон трезвонил часто, да все спрашивали Дженни. Меня — ни одна сволочь. И вдруг позвонил Доул. Привет, куда ты пропал? И т. д.

— Лечусь, привожу себя в порядок.

Жду, как отреагирует. Моя фраза пропускается мимо ушей.

— Я давно обещал пригласить тебя в рыбный ресторан. Завтра к восьми вечера подъезжай с Дженни. Вот адрес...

В рыбный ресторан? Первый раз слышу. Может, Дженни и обрадуется «выходу в люди», но ведь я ей рассказывал про Доула и получил инструкцию — держаться от него подальше. Надо поблагодарить и отказаться.

— Будут Z и Y, — продолжал Доул, — со своими ближайшими помощниками. Сейчас я тебе обрисую ситуацию.

Z и Y! Ветераны Системы, когда-то мы с ними пересекались. Где и когда? Припоминаю с трудом, но они-то меня запомнили. У чиновников выборочная память: помнят вышестоящих. Теперь они главы здешних интересных ведомств, а ты — отставной козы барабанщик, и в твоём положении...

— Завтра не могу, — сказала Дженни. — Ленч с шефом и партнерами из Сиэтла, в китайской «Красной розе». Два обеда в день, я лопну. А куда нас зовут? Ты шутишь! Никогда не думала, что попаду в этот ресторан.

Мы застряли в пробке на фривее. Дженни нервничала. Я ее успокаивал: «Без нас не начнут».

На дверях висела табличка: «Closed». Бой в зеленой ливрее и турецкой шапочке взял у Дженни ключи от машины. Мы вышли. Ресторан был пуст, лишь в углу за длинным столом сидела компания. Большие бы деньги заплатили местные газетчики, чтоб ее сфотографировать!

Мы сели рядом с Y, напротив Z. Официант тут же принес мне пепельницу. Я удивился: «Запрещено же курить!» За столом сдержанно засмеялись.

Ладно, что мы тянем? Слюнки текут. Американские «дары моря» отличались от французских тем, что устрицы крупнее, креветки — калибра куриной ножки, лангуст — размером с теленка. Вкусноты необычайной. Я поспешил сообщить свое мнение, чем вызвал благожелательность публики. Дженни как-то выпала из моего поля зрения, ибо мы сидели с краю, а я был занят. Жратвой? Конечно, не брезговал, но я наблюдал за собравшимися, прислушивался и пытался понять — правильно ли меня проинформировал Доул. (Доул присутствовал за другим концом стола, исполняя роль тени отца Гамлета.) Похоже, правильно.

Z и Y. Два старых кота. Мышей не ловят. Не могут, или надоело, или считают это занятие ниже собственного достоинства. Мышей ловят их заместители, молодые (сравнительно), въедливые, энергичные котофеи. Ловят ревностно, когти у котофеев острые (надо делать карьеру!), поэтому невольно (или вольно?) задевают соседнюю команду, наступают на лапы, вцепляются в хвосты — шерсть летит клочьями. Словом, возникли междуведомственные трения. Старые коты не могут приказать замам убавить рвения (такие приказы не дают, и такие приказы не приемлют). Старые коты договорились устроить встречу на нейтральной территории в узком кругу с женами. Повод? Французский профессор, которому обещали продемонстрировать чудеса американской кулинарии. Кто этот француз? Вам его имя ничего не скажет, а мы его давно знаем. Главное, ребята, поужинать в неофициальной обстановке, поболтать, посмотреть друг другу в глаза, а там, глядишь, догадаетесь, что лучше жить в мире и дружбе, а не усердствовать в игре «поцарапаемся».

На мой взгляд, мудрое решение. Не самый плохой способ тушить тлеющие конфликты.

Беседа за столом развивалась по намеченному плану, котофеи бархатными лапами касались щекотливых тем, что-то само собой сглаживалось, но у старых котов была еще своя, скрытая цель, для чего они старались вывести меня на сцену, — незаметно, настойчиво готовили мне площадку. Z заговорил о недавней конференции в Вашингтоне — пример, как без всякого шума провели важнейшее мероприятие, расставили точки над «i». Котофеи вникали и облизывались, чувствуя себя причастными к событиям, происходящим на высшем уровне. Y, вторя коллеге, начал цитировать доклад Генри Киссинджера, намеренно иска-

жая какие-то места. Я понял, что пора встывать, за этим и поехали.

— Фрэнк, позволь поправить. Киссинджер заявил следующее: «...»

— Где вы это прочли? — прервал меня котопей из команды Z. — О конференции писали очень сжато.

И в глазах хищный блеск. В службах таких людей называют бульдогами. Вцепляются мертвой хваткой. Лорд Байрон ему продекламирует: «Я одинок. Среди волн морских корабль меня несет». «Стоп, — скажет котопей с бульдожьей челюстью — Кем зафрахтован корабль? Какой груз? Когда вы ощутили себя одиноким? В семь часов пятнадцать минут? Утром или вечером? Куда подевались матросы? Кто находился в рулевой рубке? Направление и сила ветра?»

То есть котопей не хотел мне хамить. Просто характер.

Я сделал вид, что не услышал вопроса, и закончил цитату.

Кот Y, ласково жмурясь, поведал публике:

— Профессор Сан-Джайст председательствовал на конференции.

...Что не соответствовало истине. Я был всего лишь сопредседателем.

Молодые клыкастые больше не возникали. Их жены сияли улыбками (дополнительная подсветка для бутылок белого вина на столе, праздничный антураж), и я заметил, что у дам приятные лица. Позже я понял: Дженни заметила, что я это заметил.

Итак, трое профессиональных шулеров — Z, Y (я, наверно, в кошачьем обществе котировался как X) — перевернули карты, захватили инициативу, и волны морские понесли нас к кубинскому кризису, — «холодной войне», Берлинской стене, в старые добрые времена, когда мы были еще ого-го! И занимались делами посерьезней. Подтекст: а вы, молодежь, тогда еще лакали молоко из блюдечка. Хороший тон в такого рода «экзерсисах» требует не бахвальства, а, наоборот, вспоминать разные ошибки и ляпы. ЦРУ сбрасывало с самолетов над Кубой листовки религиозного содержания, полагая, что, поверив в Христа Спасителя, кубинцы восстанут и свергнут бородатого Фиделя. КГБ завалил половину своей европейской агентуры, пытаясь перехватить Светлану Аллилуеву. Англичане ровно в шесть часов полудни прекращали слежку за советскими шпионами, считая, что джентльмены вечером не работают. Что же касается западногерманской контрразведки — тихий ужас, инкубатор для цыплят...

Я рассказал любимую байку Наполеона. Когда Бог создал австрийскую армию, старик был очень собой недоволен: никуда

не годится, все в ней плохо, кого она будет бить? И тут ему в голову пришла счастливая идея — и он создал итальянскую армию. Так вот, переиначивая байку на современный лад, когда Бог соорудил...

— ЦРУ!

— Французские спецслужбы!

— Нет. — Я отбросил шпаргалки котов-злоумышленников. Непедагогично поливать родные ведомства. — Когда Бог соорудил канадскую разведку...

Стол закачался. Опрокинулся бокал с водой. Канадская разведка! Даже жены развеселились.

— Так вот, когда Бог соорудил канадскую разведку, старик был очень собой недоволен. Кого она сможет водить за нос? И вдруг ему в голову пришла светлая мысль и он создал БНД.

— И все-таки, профессор, вы несправедливы к западным немцам. Они разоблачили этого парня, гэдээровского крота в канцелярии Вилли Брандта, — заметил котофей из команды Z.

Сказано было сверхпочтительным тоном. Котофей хотел замаять свое предыдущее выступление и заодно щегольнуть эрудицией.

— БНД разоблачило?

Мы с котами переглянулись. Коты заурчали в предвкушении. (Между прочим, я не уверен, что они знали все подробности, но в общих чертах имели представление.)

— К этому времени ЦРУ, над которым мы тут подсмеивались, давно прошло период ученичества и крепко стояло на ногах. Американцы засекли утечку информации. Причем информации секретной, которой обладали только главы союзных правительств. Возникло убеждение, что шпион входит в кабинет канцлера Вилли Брандта. Однако туда сунуться ЦРУ не смело, дипломатический скандал. А БНД намеки игнорировало, дескать, мы сами с усами, у нас все чисто. И тогда в Восточный Берлин приехали два преподавателя из американского и французского университетов. И случайно забрели в унылый, пустой ресторанчик на задворках Карл-Маркс-штрассе. И случайно к ним за столик подсели два местных жителя. Кто был второй, убейте, не помню, а первый, холеный красивый немец, хоть и не назвался, но нам случайно было известно, что это генерал Маркус Вольф. Что-нибудь его имя вам говорит? Фрэнк, невероятно! Какая нынче образованная и сведущая молодежь!

— Высокого класса профессионал, — вздохнул Z, — умнейший человек. Хватка железная. Когда его службы взяли меня в оборот, было ощущение, что даже в собственном туалете за мной наблюдают.

— А какая у тебя была «крыша»?

— Второй секретарь посольства.

— Дипломатический иммунитет, — вздохнул У. — Ты бы поработал, как я, торговым представителем в Лейпциге. Из туалета выходить не хотелось. Извини, Энтони, мы слушаем.

— Так вот, мы объяснили Маркусу Вольфу, что его агента в окружении Вилли Брандта рано или поздно обязательно найдут. Но лучше бы раньше. Уж очень он надоел. И еще нам поручили передать, чтоб за этого парня не беспокоились. Подержат его пару лет в комфортабельной тюрьме, а потом обменяют. «А что мы будем иметь с гуся?» — спросил Маркус Вольф. Это русская поговорка. Маркус Вольф учился в Москве, и о некоторых аспектах моей биографии ему было доложено. Мы начали торговаться. В какой-то момент генерал рассвирепел: «Что вы мне тухлятину предлагаете? Мне ведомо, кто меня курирует в КГБ. Мой человек стоит двадцати ваших. Давайте список!» В конце концов, охая и причитая, мы вручили ему список. Вот так происходит в разведке.

Я сделал паузу.

— Только все это был театр. Люди, перечисленные в списке, уже находились под колпаком штازی, и Маркус Вольф это знал. Из двадцати человек лишь один не имел никакого отношения к западным спецслужбам, но именно его генерал искал. Этот офицер из его ведомства втайне собрал компромат на своего начальника и передавал его сложными каналами через советское посольство лично геноссе Вальтеру Ульбрихту. Тут необходимо пояснить. Разведку ГДР нельзя сравнить с ЦРУ или КГБ — не тот размах, не те масштабы. Но там, где они работали, они работали лучше всех, ибо почти сразу после войны восточные немцы перевербовали доставшуюся им в наследство заграничную агентуру бригаденфюрера СС Шелленберга. В ГДР была повальная слежка. И в спецслужбах страны все следили друг за другом и стучали друг на друга. Информация сортировалась и поступала наверх. По своей должности Маркус Вольф был одним из самых информированных людей в ГДР. Разумеется, он регулярно докладывал в политбюро, однако Вальтер Ульбрихт подозревал, что кое-что генерал прячет в заглазнике. Как ни странно, Вальтер Ульбрихт знал себе цену: типичный партаппаратчик, педант — не более того, и опасался, как бы советские товарищи не решили провести «ночь длинных ножей» (на этот раз бескровную) и заменить его, Ульбрихта, какой-нибудь другой фигурой, поярче. Естественно, генерал не был ему соперником, но мог быть союзником его возможного соперника. Ульбрихт предпочитал иметь на месте Маркуса Вольфа серого по-

слушного чиновника, целиком ему, Ульбрихту, обязанного. Убрать просто так главу образцового ведомства Ульбрихт не мог, поэтому и копил компромат. А всезнающий генерал хотел, чтоб сначала этот компромат проходил через его руки. Короче, Маркус Вольф отдал шпиона в канцелярии Вилли Брандта за стукача в своем штабе. Вы скажете: неравный обмен. Да самому генералу было виднее. Инсценировка в ресторанчике ему понадобилась для прикрытия. В случае чего он отмажется — мол, мы получили за нашего засветившегося агента девятнадцать ихних. Арифметика.

Я сделал паузу.

— Операция была задумана и проведена в недрах ЦРУ теми, кого я называю Глубоководными Рыбами. Мы с американским коллегой служили лишь курьерами. Маркус Вольф сдержал слово. Через пять дней после нашего отъезда из Берлина БНД обнаружило у себя под носом такие материалы, что опрометью бросилось к канцлеру за визой на арест шпиона. Потрясенный Вилли Брандт подписал, понимая, что тем самым он подписывает свою отставку. На «этого парня», Гюнтер Гийом его звали, надели наручники.

— Ты был сегодня в ударе, — пропела Дженни в машине. — Небось доволен, что оказался в центре внимания?

Доволен? Конечно. Кроме всего прочего Система дала знак: у нее ко мне претензий нет. Это не означало, что если полиция графства Лос-Анджелес опять заинтересуется профессором Сан-Джайстом, то меня прикроют. Не в правилах Системы прикрывать кого-то, кто уже вне Системы. Это означало, что если у Глубоководных Рыб появились какие-то свои идеи по поводу таинственного французского кавалериста, то эти идеи окажутся на дне морском, рядом с другими, не менее экстравагантными. Относительно «всего прочего» я думал, Дженни понравится вращаться в избранном обществе (разумеется, далеко до приема в Белом Доме — жиденькая репутация моей грядущей популярности, скажем так), но меня настояжил ее тон. Опыт научил: когда Дженни начинала «петь», значит, чем-то она была раздражена. Быстренько разберемся. Во-первых, она привыкла сама быть в центре внимания, а тут как-то очутилась сбоку припека. Твой промах, твоя ошибка. Во-вторых... Что же во-вторых? Ага, ты забыл, что человеку, чуждому Системе, твои соловьиные трели могут показаться хвастовством старпера.

Я объяснил Дженни, зачем нас позвали. Плюс моими устами коты-хитрованы хотели напомнить бойкой молодежи о своих прежних заслугах, мол, существует высшая каста «неприка-

саемых», где всем известно who is who, поэтому вам, малыши, рановато под нас подкапываться.

Дженни выслушала и подытожила:

— То есть ты присутствовал в качестве свадебного генерала.

Повторение слов, сказанных «Глубоководной Рыбой» в Вашингтоне! Разные критерии, разные точки отсчета, а выводы совпадают. Вот как я выгляжу со стороны.

Еще тревожнее тот факт, что у Дженни накапливаются отрицательные заряды. Может, ей самой пока неизвестно, но я почувствовал: в воздухе пахнет грозой!

Я сделал обиженную рожу и заткнулся. И добился нужного эффекта. Дженни забеспокоилась и искоса на меня посматривала.

Как обычно, перед сном она принимала ванну. Как обычно (редкая привилегия!), я тер ей спину. В полном молчании. Высушил полотенцем, отвел в спальню. Вообще-то, за насмешки над старшими ее полагалось жечь каленым железом. Наверно, она намеревалась ублажить меня другим способом. Методично я «клеячил» ее своими губами с ног до головы, не пропуская ни одного сантиметра. Я никогда не был искушен в любовных науках, обычно предпочитал говорить, обольщал женщин разговорами, но тут — как я еще мог ей доказать свою преданность, рабскую покорность?

И тогда она сказала глухим голосом (была в ее голосе интонация, от которой я сходил с ума):

— Умная собака. Понимает. Вот так всегда у моих ног.

Чисто материальные заботы звали меня во Францию. Лекции в Калифорнии вилами на воде писаны, а пенсия во Франции реальна. Пусть накапливается на моем счету в парижском банке «Лионский кредит», и по мере надобности я буду переводить деньги в Лос-Анджелес. Но чтоб ее оформить, нужно собрать грудку бумаг, необходимо личное присутствие. Во всем мире полагают, что легкомысленные французы интересуются лишь винами, бабами и каникулами. Наивное заблуждение! С младых лет, поступив на работу, француз скрупулезно подсчитывает, сколько очков ему набежало в разных пенсионных кассах. От количества очков зависит конечная сумма. Бережнее, чем бабушкины драгоценности и дедушкины облигации, француз хранит свои *fiche de paie* (квитанции зарплаты) — пенсионные кассы их потребуют, чтоб проверить трудовой стаж. Пенсию француз получает в 65 лет или ранее, если его трудовой стаж равен сорока годам. Исключение только для военных, по-

лицейских и водителей электропоездов — у них льготный режим.

В принципе мой трудовой стаж с лихвой превышал все установленные сроки, но как его доказать? Согласно официальным документам я родился в Москве в 1945 году, репатриирован во Францию в 1971-м. Преподавать в университете начал в 1974 году, после командировки в Восточный Берлин. Значит, в свои пятьдесят лет я никак не попадал в категорию обычных пенсионеров. Любопытно знать, что Система придумала, по какой профессии меня провели (машинист электропоезда?), в каких странах мне набрали недостающий стаж, в какие пенсионные кассы начисляли очки. «У вас профессорская пенсия, — сказала Глубоководная Рыба, — все оформлено соответствующе». Каким образом? Ведь французская бюрократия придирчива.

У меня не было оснований не верить Глубоководной Рыбе, однако я желал сам удостовериться, проделать все необходимые процедуры и вернуться в Америку хотя бы минимально обеспеченным человеком.

Я сообщил о своих планах Дженни. (Заботливо заменяя русское слово «пенсия» на французское *retraite*. Конечно, Дженни привыкла к нашей ситуации, но все же есть слова, которые в определенном контексте могут шокировать двадцатилетнюю женщину.) Планы она одобрила:

— Разумно. Я вижу, ты нервничаешь из-за того, что не дашь мне денег. — Помолчав, добавила: — Ты устал жариться на южном солнце, ты соскучился по детям, ты хочешь передохнуть от интенсивных общений со мной. Заодно ты попытаешься добыть кое-какие сведения у французских спецслужб, используя информацию, полученную тобой от Кабана. Ты не выбросил это дело из головы и не выбросишь.

Я ответил пылкой тирадой, дескать, всегда мечтал жить на содержании баб и завидовал капитану Отеро, у которого был романчик с молодой вдовой, хозяйкой ресторана «Провансаль» — она кормила и поила Отеро бесплатно! Далее, развивая тему, вспомнил пикантные подробности своих отношений с прелестницей Лили (прокутила со мной заработанные «определенными услугами» франки в кабачке), с фрекен Эльзой в гостинице Тронхейма, где граф Карл Валленберг останавливался, приезжая с Севера, и с миссис Барнс в Филадельфии.

Дженни сдвинула брови:

— Про миссис Барнс первый раз слышу.

Я с охотой поведал, как в отсутствие мистера Барнса, почтенного банкира, имевшего лучший дом в квартале лучших

домов Филадельфии, забирался через окно к миссис Барнс, и миссис Барнс в лучших традициях лучших домов Филадельфии потчевала меня ужином (в перерыве между утехами), и однажды, когда мистер Барнс вернулся домой раньше, чем его ждали, мне пришлось выпрыгнуть из окна в сад, и я подвернул ногу. В общем, своими историями я изрядно позабавил мою девочку и был рад, что ее последняя реплика как бы осталась незамеченной.

Ведь Дженни в двух фразах четко сформулировала то, о чем я частенько подумывал, сам боясь себе в этом признаться.

Накануне она запаковала мне чемодан, утром доложила все, что я забыл в ванной (бритву и зубную щетку), мы отвезли Элю в детский сад, я поцеловал ее, как обычно, в щеку, потом мы поехали в аэропорт, не по фривею, а через город, и по дороге обсуждали какие-то будничные проблемы, и в аэропорту было не до лирики: найти место в паркинге, найти тележку, маршбросок по переходам и коридорам в поисках стенда компании «Юнион Эрэйз», регистрация билета, сдача багажа, и опять по коридору мимо бесчисленных «бутиков» и «Макдоналдсов» к залу ожидания, всюду полно народу, все спешат, на ходу пьют кока-колу, жрут биг-маки, у всех деловое приподнятое настроение — нет, современные аэропорты для лирики не приспособлены (романтика почтовых дилижансов — в мареве дождя появляется упряжка, интимность заснеженных железнодорожных полустанков — все в прошлом), здесь не прощаются (некогда!), здесь отовариваются во фри-шопах.

Дженни протянула свой фотоаппарат японцу, и он нас щелкнул.

И вот я стою около двухвагонного автобуса (похожего на трамвай), солнце шпарит, водитель в маечке поторапливает зазевавшихся пассажиров, которые спускаются по винтовой наружной лестнице из зала ожидания, и, пока автобус набивается живым фаршем (как трамвай в час пик), я смотрю на зеркальную стену аэровокзала и не вижу, не могу понять — там ли еще Дженни, стоит ли и смотрит на меня или давно уехала в госпиталь (как всегда, у нее завал работы), на всякий случай несколько раз машу рукой зеркальной стене, слепящей солнечными бликами, и потом автобус долго везет публику, петляя между ангарами, на другой конец аэропорта, к самолету, который должен перенести нас — всего-то за четырнадцать часов! — на другой конец света. И я думаю, что напрасно не уговорил вчера Дженни купить в супермаркете вторую канистру питьевой

воды. В канистре пять литров, до моего возвращения им не хватит, и Дженни придется самой тащить канистры на четвертый этаж.

Какая ерунда у меня в голове! Вот лорд Байрон чувствовал значительность момента, принимал байроническую позу, закутывался в плащ и вещал: «Прощай навек, а если уж навек, то навсегда прощай». Тоже любил путешествовать, хромой бесенок. Между прочим, когда он встретился во Флоренции с Карлом Валленбергом (Байрону рекомендовали графа как человека *информированного*), граф посоветовал ему не ехать в Грецию: «Милорд, зачем вам эта авантюра? Там странная война с непредсказуемым исходом, и на самом деле совсем не ясно, кто и за что воюет». Но Байрон не мог отказаться от своей затеи, ведь в Равенне торжественно объявил: «Прощай навек, а если уж навек...» Вынужден был соответствовать своей репутации. И красиво у него получалось.

Мне на таком пекле в плащ не закутаться, впору снять пиджак, да там документы, выпадут из карманов... У Байрона был высокий полет мыслей, а меня заботят канистры... «Прощай навек». Ну почему, моя радость? У нас же нормальная житейская ситуация. Я уезжаю, так сложились обстоятельства. «А если уж навек, то навсегда прощай!» Нет, я вернусь, и мы обязательно поженемся. Я, правда, не знаю, когда вернусь. Не от меня зависит.

В общем, что-то свербило у меня в груди, но, поднявшись в самолет, я с облегчением вдохнул лимонный эр-кондишэн.

* * *

За двести с чем-то лет (я нахожусь в том возрасте, который обычно стараются не уточнять) я имел всего лишь одну официальную жену. Этот мировой рекорд, видимо, не скоро будет побит. Правда, Дезире Клери выходила замуж не за меня, и не я ей клялся в верности перед церковным алтарем. Более того, если верить Дезире, то между нами ничего такого не было (вот и верь после этого женщинам!), тем не менее мы вместе с ней присягали шведской короне в 1811 году как законные престолонаследники. И король Карл Четырнадцатый, занимаясь проказами с придворными дамами, помнил, что у него жена в Париже. И нас с Дезире не разводили, просто я сам исчез с горизонта. Первый, хоть и двусмысленный, брак навсегда определил мои отношения с другими женщинами. Я заранее предупреждал: дескать, воля ваша, моя драгоценная возлюбленная, вам решать, как нам жить дальше, однако учтите, у меня есть жена. И дамы в зависи-

мости от своего воспитания и темперамента (и моего общественного положения) или посылали меня к чертям собачьим, или всеми силами пытались увести меня от особы, которая давно уже почил в бозе. Конечно, следовало бы им говорить: у меня *была* жена. Да, была. И она была Королевой. И на меньшее я был не согласен.

Создается впечатление, что я порхал, как ловец, от цветка к цветку. На мой же взгляд, я выбрал единственно правильную линию поведения. Вообразите, я связываю с собой женщину брачными узами, а потом, по прихоти Системы, буквально испаряюсь в воздухе, не оставив никаких следов, и возникаю, материализуюсь непонятно в какую эпоху, непонятно в какой стране, непонятно в каком облике. То есть только лет через тридцать я вдруг спохватываюсь, что где-то за тридевять земель меня ждет (если ждет) близкий человек. И вот я являюсь к почтенной матроне: «Bonjour, Madame, comment allez-vous? Случайно меня не припоминаете?» Разумеется, среди слабого пола бывают любительницы острых ощущений, но, думаю, несколько иного рода.

Кстати, о родах. Каролина, которую Диса родила в Тронхейме, вполне могла оказаться моей дочерью. У меня в голове иногда всплывает трогательная сцена: Диса спускается по ступенькам собора с очаровательным младенцем на руках, запеленутым в розовое одеяло с белыми кружевами.

...В конце 1896 года в Стокгольм вернулся граф Алекс Валленберг, молодой американский офицер, сын знаменитого полковника Карла Валленберга, доблестно сражавшегося в армии генерала Шермана во времена гражданской войны в Штатах. Титулованного гостя с охотой принимали в знатных домах. Однажды граф вычислил, что его приглашают в дом, хозяйка которого может оказаться дочерью баронессы Рапп. Граф бегом бросился в порт и сел на пароход, отправляющийся во Францию. Увидеть свою дочь сгорбленной, шамкающей старушкой — помилуйте, это за пределами человеческой психики! Между прочим, в тот раз во Францию я попал после восьмидесятилетнего отсутствия. Мудрая Система планировала мне очередное место жительства там, где не было никакой вероятности встретить своих отпрысков (если такие имелись) и где я не был бы подвластен родственным сантиментам.

«Я одинок. Средь волн морских корабль меня несет. Зачем мне думать о других? Кто обо мне вздохнет?» Дело прошлое, но тогда во Флоренции лорд Байрон мне не понравился. Богатый сумасброд, с жиру бесится, жаждет сочинить себе биографию. Подкинуть ему парочку моих? А ведь было что подкинуть. Все,

кроме капрала Дюпона, полагали, будто я на севере Норвегии, а я в ту же ночь, расставшись с четой Бернадотов (отныне — королевской четой), сменил карету, домчался до Мальме, пересек на рыбацкой лодке пролив и из Копенгагена на перекладных через всю Европу — до Италии. Зачем понадобилась такая авантюра? Затем, что авантюрой было ехать туда, где меня могли ждать. Тогда мной руководила еще не Система, а здравый смысл. Отречение от престола — слишком рискованный шаг, и за благородные поступки, как правило, наказывают. Спустя несколько месяцев мне сообщили, что капралом Дюпоном никто не заинтересовался, и я понял: можно спокойно возвращаться в Норвегию, можно доверять королю.

Адрес во Флоренции я выбрал не случайно. По агентурным сведениям, там, в одной неприметной кафетерии, собирались бывшие офицеры Великой Армии, выброшенные на итальянский берег, как матросы после кораблекрушения. Местная полиция вынюхивала заговоры карбонариев, а на ностальгически настроенных старых вояк смотрела снисходительно. Идеальное место, чтобы залечь на дно. В кафетерии меня узнал лишь один человек и тут же подсел ко мне за столик. Мы беседовали вполголоса:

— Кто вы теперь, маршал Бернадот?

— Граф Карл Валленберг. А вы, маршал Ней?

— Итальянский негодяй Микаэль Тампорелло. У меня здесь прибыльные магазинчики и фабрики. Я не задаю вам вопросов. Если вас занесло в это захолустье раннего Возрождения, значит, так нужно. Я все помню... граф. Услуга за услугу. Располагайтесь в моем доме как в своем собственном.

Синьор Тампорелло ввел меня в круг избранных отставников и в курс событий на Средиземноморье, о которых, признаться, я имел слабое представление. Поэтому, когда в кафетерию заявился сэр Джордж Гордон Байрон, я смог ему подробно объяснить положение в Греции:

— Милорд, борцы за независимость ненавидят турок, но в первую очередь ненавидят друг друга. Дело кончится гражданской войной и иностранной оккупацией. Милорд, в Греции вы ничего не поймаете, кроме сифилиса или пули в лоб.

Грубо, конечно. Надо отдать ему должное: милорд не обиделся, воспринял это как солдатский юмор.

Время расставило свои акценты. Мои прогнозы были отчасти верны. Байрон погиб, Греция пережила гражданскую войну и оккупацию египетской армии, однако в итоге милорд оказался прав. Греция добилась независимости, Джордж Байрон вошел в историю как герой борьбы за освобождение, а я на старо-

сти лет могу хвастаться: мол, мне посчастливилось разговаривать с Великим Поэтом.

«Мой пес, быть может, два-три дня повоет, и тот, другим накормленный, меня укусит у ворот». Лорд Байрон имел в виду себя, а получился мой портрет. Призрачный корабль переносил из эпохи в эпоху вечного странника. Ни жен, ни детей, ни собак, ни кошек. Никакой живности. Никто не вспомнит, зато никто и не укусит. Классическое одиночество. Специфическое одиночество, как правило, в большой мужской компании. Опять крутанули штурвал, и отчетливо проступили зеленые холмы, обветренные каменные ущелья, высокие водопады. Южная Африка, англо-бурская война, третий не прикуривает. Британский журналист, юный сноб и спортсмен (про него рассказывали, что в Кейптауне он не пропускал ни одной бабы), некий Уинстон Черчилль мне объяснил: «Первый прикуривает — бур берет винтовку. Второй прикуривает — бур целится. Третий прикуривает — бур стреляет». (Странно, почему сейчас в Америке не применяют это радикальное антитабачное средство?)

...Так продолжалось до 3 мая 1975 года. (Дату запомнил. Еще бы не запомнить!) После лекции в университете Дофин подваливает ко мне... Тут надо тщательно выбирать слова. Почему? Сами поймете. Назовем ее Небесной Красоткой, Н. К. И на очень плохом французском осведомляется: не узнаю ли я ее?.. Я завожу механическую шарманку, дескать, пардон, мадам, пять лет тому назад на Кавказе попал в автомобильную катастрофу, отшибло память.

— А по-русски вы говорите?

— По-русски говорю.

— Хотите, я вам расскажу, Антон Сангустов, каким вы были в России?

И поехали мы с Н. К. в Бельвиль, где в арабском квартале она снимала крохотную квартирку в доме, обреченном на снос. На кой хрен мне это понадобилось? Примо: обязан бы докладывать (естественно, не университетской кафедре) о всех своих контактах с выходцами из Советского Союза; контакты не возбранялись, а поощрялись — надо было установить, кто и с какой целью на меня выбежал. Секондо: в моей легенде кое-что не стыковалось. Отца Антона Сангустова, французского военнопленного, увезли из немецкого лагеря Треблинка в Россию и там интернировали. То есть он был в числе «пропавших без вести». Тем не менее в шестидесятых годах, когда отец умер, меня разыскали. Причем хлопотало не французское посольство,

а шведское. Благодаря дипломатическим демаршам я получил эмиграционную визу и прилетел в Вену. Тут неувязка: шведы меня не принимают, да и французы особого энтузиазма не проявляют. Вот с этого момента я как бы *пробуждаюсь*. Хорошо помню: сижу в номере «Хилтона» и бесконечно повторяю строчки из Лермонтова (зря Дженни меня обвиняет в пренебрежении к русской поэзии): «Нет, я не Байрон, я другой». То, что не Байрон — никаких сомнений. Но кто? И опять провал. В поезде по дороге в Германию постепенно начинают проясняться контуры «другого». Свободно читаю немецкие надписи. Сопровождают учтивые молодые люди. Говорим по-французски. Потом едем на машине в Гармиш и начальник американской разведшколы меня приветствует на английском:

— Как поживаете, мистер Сан-Джайст?

В Москве Антон Сангустов учил французский и шведский. Я же бодро отвечаю:

— Fine! Thanks. And you?

Ладно, извините за лирические отступления. Важно, что я почти сразу увидел странности в биографии Антона Сангустова. Теперь мне понятна суть интриги, сдержанность французов и шведов, а тогда я долго пытался разобраться, поэтому и ухватился за Н. К., подумав, что из ее рассказов выужу подробности, меня интересующие.

Итак, мы за столом чинно пьем кофе. На противоположной стене я замечаю таракана, преспокойно выползшего из кухни. Среди бела дня. Ну и дыра! А Н. К. похоронным тоном повествует историю Антона Сангустова, который, будучи аспирантом Московского университета, соблазнил студентку. Правда, немедленно следует поправка: не соблазнял, была большая взаимная любовь. (Для справки: в подобных случаях маленькой любви в природе не существует.) Затем влюбленный аспирант робко признался девушке, что он женат, и жена, племянница советника французского посольства, ждет его в Париже. Гордая студентка, хоть и была беременна, про беременность ничего не сказала, залепила Антоше в морду и перешла в педагогический институт, чтоб мерзавец навсегда исчез из ее жизни, ибо порядочные люди так не поступают.

Разумеется, я уже догадался, куда Н. К. клонит. В конверте на столе небось фотографии приготовлены. Ограничится ли наша свиданка банальным требованием денег (что неудивительно в ситуации Н. К.) или начнут меня шантажировать? И кто там в соседней комнате? Дверь плотно прикрыта, да стены картонные. Все слышно. Товарищи из КГБ подстроили западню? Какая топорная работа!

Н. К.:

— Антоша, неужели ты ничего не помнишь? Еле-еле тебя разыскала. Фамилию изменил, законспирировался, как чистый шпион.

«Чистый шпион» бубнит:

— Гололед. Машину занесло на вираже. Десять раз перевернулись, пока не врезались в дерево. Отшибло память.

Крик:

— Надо было бы, чтоб другое тебе отшибло! Все мужики сволочи! Как в постель лезть — помнят...

И так далее и тому подобное. Полный подарочный набор. Базар русской бабы. Никогда не слышали? Ваше счастье.

Ну, думаю, какой ты везунок, Антон Сангустов. Легко отделался, всего лишь по роже вмазали. Кто же тебя, сердечного, надумил вовремя брякнуть про жену в Париже? И еще я думаю, что пора «товарищам» высунуться, ведь истомились за дверью. Любопытно, с чем они высунутся. Местная инициатива или нарушение конвенции? По правилам Системы я в акциях против страны, в которой родился, не участвую, но и меня *оттуда* не трогают.

Действительно, дверь скрипит. Появляется девочка лет восьми в синем длинном платье безобразного советского пошива. Короткие вьющиеся волосы закрывают лоб. Смотрит на меня волчонком.

Я смотрю на девочку. Красивая, похожа на мать. А глаза мои. Я бы ее и на улице узнал.

Ее Высочество Моя Дочь.

— Пойдем, — говорю, — купим тебе джинсы.

Пошли.

Через неделю я их перевез в новую двадцатиэтажку на бульваре Сульт. Я понимал, что Н. К., бесспорно, женщина выдающихся качеств. Отважилась родить, не рассчитывая на мою материальную помощь. Растила девочку самостоятельно. Прошла все унижения в ОВИРе и добилась выездной визы по израильской линии, хоть сама была стопроцентно русской. Сломала сопротивление французской бюрократии (французы советских эмигрантов не жаловали) и приехала в Париж. Все так. Но я никогда не простил Н. К. этот ор в присутствии ребенка.

...Впрочем, может быть, и простил. Однако чуть что — базар возобновлялся. Основной мотив: ты для Нас Никогда Ничего Не Делал! Поэтому с девочкой у меня отношения налаживались долго.

(В скобках замечу, что до сих пор для меня загадка, почему Система дала сбой. Повторяю, не в правилах Системы посы-

лать родственников к Особому агенту. То ли противоречия двух сторон обострились настолько, что не пожелали согласовывать? То ли в Москве порешили таким образом выбросить меня из игры? Или убедились (что вероятнее всего): Н. К. — замечательная скандалистка, любые системы разнесет в клочья, лучше с ней не связываться, отправить ее к Сангустову, он, дурень, эту кашу заварил, пусть расхлебывает.)

А может, мне за труды праведные награда с неба выпала? Моя дочь!

Лет в шестнадцать девочка четко осознала, что она для своего отца не просто дочка, а Ее Высочество Принцесса. И характер у нее прорезался властный, максималистский. Мне-то знаком этот характер. Из-за него она и с Сережей... стоп. Трусливо замолкаю. Если хотите поддерживать хорошие отношения со своей взрослой дочерью (Современные девочки в шестнадцать лет взрослые. У вас иное мнение? Выбросьте его в форточку), настоятельно рекомендую: 1) закрыть глаза и ничего не замечать, 2) принимать на веру то, что вам сообразоволят сообщить, 3) не давать никаких советов, 4) выполнять беспрекословно то, что скажут — то есть делать все вопреки тому, чему меня учили в Системе. По контрасту с разведчиком любящий отец должен быть слеп, глух и нем. Впрочем, я уже догадывался, что пришел конец моим скитаниям во времени и пространстве. Я тянул резину на службе, не проявляя прежнего рвения (правда, были две успешные командировки на Ближний Восток и Фолклендские острова), а когда родилась Анька и я как бы увидел свою дочь в младенчестве, то понял — пора ставить точку! На страшном суде отвечу за все содеянное, но Высшая кара пусть меня минует. Самое страшное наказание человеку — пережить своих детей. Избавьте.

В 1992 году нашелся удобный повод. Рухнула Империя Зла. Я подал в отставку.

— Папа, что *они* с тобой сделали? Ты болен? Никогда больше не пущу тебя в Америку!

Под *они* подразумевались некие абстрактные нехорошие люди, которые имели скверную привычку еще с ее школьных лет ломать наши каникулы. У профессора два с половиной отпусковых месяца. Благодать! Но только мы с ней устраиваемся где-нибудь в Ментоне, зажигаем на пляже, катаемся на водном велосипеде, поглощаем мороженое в огромных количествах, как вдруг мне необходимо лететь в Норвегию или в Гонконг. Зачем? Вызывают для консультаций. Кто вызывает? *Они*, нехоро-

шие люди. Из Парижа на пересменку приезжала мамочка (Н. К.), и потом ребенка отправляли в летний детский лагерь. Отмечу, что в данном случае Н. К. смягчила конфликт. «Папа едет на заработок, он вернется с деньгами».

Деньги тогда для нас много значили.

И вот, став свободным человеком, я прилетаю из Копенгагена на Корсику к дочери. Моя дочь живет как принцесса. Сережа снял дворец на берегу бухты. Шофер, охранник, обслуга, няня-воспитательница. Утром я купаюсь с Анькой и Лелей в невероятно теплом море. А вечером Ее Высочество сама кормит меня ужином. Расслабившись, я вспоминаю прошедший день и неожиданно вижу на ее лице слезы: «Ты только сейчас понял, как приятно быть с детьми? А я ждала каникул, так хотела проводить их с тобой, ты же отправлял меня в летний лагерь!»

Ничего не забыла.

На этот раз я вернулся из Америки без денег, привезя лишь подарки, заботливо купленные Дженни для всех моих парижских родственников от мала до велика. Ее Высочество была удивлена. Раньше такого за мной не наблюдалось.

— Папа, ты изменился. Что произошло?

Я напел с три короба. Вскользь упомянул и про ранение. Лос-Анджелес для поздних прогулок не приспособлен. Нарвался на разборку уличных банд, шальной пулей продырявили плечо. И плохо выгляжу потому, что еще не совсем оправился от лежания в госпитале.

— Отныне гуляешь в Париже. Шаг вправо, шаг влево из Парижа будет рассматриваться как побег.

Сообщение, что вроде мне полагается пенсия, обрадовало и насторожило.

— Прекрасно. Отдыхаешь и сидишь с детьми. Но сначала пройдем все медицинские анализы. Завтра веду тебя к врачу.

Разумеется, о своих калифорнийских планах (то есть о возможных заманчивых предложениях из американских университетов) я предпочел пока не распространяться. Ее Высочество любила повторять: «Отец никогда не болеет, даже не простужается». А тут мне предлагают пенсию. Явно заподозрила что-то серьезное. Пусть убедится, что я абсолютно здоров, и тогда...

В полночь позвонил в Лос-Анджелес. Отчитался за минувшие двое суток. И слышал в трубке, как Дженни стучит по клавишам компьютера.

— Скоро вернешься?

Ну, нахалка!

— ...А я не сразу уехала. Смотрела, как ты стоишь у автобуса и машешь мне рукой, меня не видя. Потом знаешь, что случилось? По дороге на работу я заблудилась. Дважды свернула не туда. Маршрут аэропорт — госпиталь выучен наизусть. И вот такое приключение... Когда тебе удобно, чтоб я звонила? Я буду сама звонить, иначе тебя разорят телефонные счета.

— За удовольствие надо платить.

— Какое удовольствие?

— Слушать твой голос. Будь я поэтом, я бы сравнил твой голос с шумом океанского прибоя, шелестом трав, эхом в горах...

— Ревом реактивного самолета...

— Дура. Эхо в горах, пожалуй, точнее. Оно аукается, замолкает вдалеке, оставляя после себя ощущение загадочности и недосказанности.

— Теперь поняла, почему мне утром звонил Доул.

— Кто?!!

— Твой Доул.

— Зачем?

— Просто так. Наверно, тоже хотел послушать эхо в горах.

...Я всегда умел себя контролировать. Контроль заключался в том, что я закрывал свой мозг наглухо, как на задвижку, дабы не выскользнуло какое-нибудь ненужное воспоминание. В Париже решил не пить, не курить, гулять по многу часов и сбросить эти проклятые десять лет, свалившиеся на меня в результате «инцидента» в лесу. Наверно, я не пришел еще в былую форму. Что-то в голове разладилось. И, словно наяву, я видел солдата без куртки, упавшего на колени, прислонившегося лбом к трактирной стойке. На белой рубашке расплывалось красное пятно, он харкал кровью, и глаза его угасали. Теперь все окружающее было ему безразлично, он не отвечал на мои вопросы. А ведь несколько минут тому назад он яростно сражался за полногрудую служанку трактира, его сабля лежала на полу... Мне доложили про дуэль. Я опоздал. Я приказал задержать убийцу и судить военным трибуналом. Не нашли и не судили. Сработал ложный кодекс чести, никто якобы не знал удачливого соперника...

Я пил коньяк, курил и размышлял, что означает звонок Доула. Проверка? Что проверять? Я его предупредил о своем отъезде. И он тут же воспользовался... Ты забыл, герр профессор: существует безжалостный мир мужчин. За женщин дрались и стрелялись. Женщин отбивали и уводили. Ты полагал, что тебя уважают за какие-то прежние заслуги и, дескать, не посмеют... Почему? Доул подумал: старый хрыч отчалил, неиз-

встает когда вернется, девушка осталась одна, небось скучает, он, Доул, помоложе, попробуем подвалить...

М-да... Звонок Доула мне не понравился. Но постепенно коньяк, сигареты — мои обычные психотерапевтические процедуры! — а главное, голос Дженни, опять наполнивший комнату (я вспоминал, повторял каждую ее фразу), меня успокоили. «Ну и как приняли подарки? Ах, так? Можешь обижаться, в следующий раз я ничего не буду покупать твоему семейству!» Я рассмеялся. «В следующий раз» — значит, не только у меня дальнобойные планы. Звонок Доула — ерунда, не обращай внимания...

Голос ректора звучал не загадочно, не таинственно, не аукался эхом в горах. Голос человека, которому предстоит неприятная встреча, встреча, которой при всем желании никак не избежать.

— Конечно, я вас жду. Я получил ваше письмо о пенсии.

...Я писал письмо? Ему? О пенсии? Впрочем, когда шла речь об интригах Системы, я привык ничему не удивляться.

В назначенный час я возник на пороге его кабинета, ректор встал из-за стола, двинулся навстречу, взглянул на меня, вздрогнул, застыл на секунду, и вдруг лицо его просияло.

— Энтони, вы больны! А я месяц ломаю себе голову и не понимаю, почему вы бросаете университет.

Затем он спохватился и сделал соответствующую скорбную рожу.

— Ничего, ничего. Не надо отчаиваться. Нынешняя медицина все может. Надеюсь, это скоро пройдет.

Что «это»? Что может медицина? И если «это» серьезно, почему должно скоро пройти?

Шквал телефонных звонков, сотрясавших мою квартиру в течение недели, и несколько посиделок с коллегами в кафе позволили разобрататься, что именно про меня думали и думают в университете.

Слухи о том, что я подал в отставку и что мне положена пенсия, вызвали veritable stuperfaction (русский перевод: «настоящее изумление, ошеломление» — теряет в красках). В пятьдесят лет, в расцвете сил, профессора из университетов не уходят. Неужели какая-то темная история (совращение малолетних? — кстати, модная тема в газетах), и Сан-Джайста хотят тихо убрать, вытолкнув на пенсию, чтоб замять дело?

Но когда я наконец вернулся из затянувшегося академического отпуска и все воочию убедились, что я неожиданно поста-

рел лет на десять, общественность облегченно вздохнула: «Слава Богу, наш профессор ни в чем не замешан, просто у него обнаружилась тяжелая болезнь, рак или СПИД, спрашивать не удобно». И мне намекали, что, если выпроваживают на пенсию из-за СПИДа, дайте только знак, мы подыдем на ноги все кафедры, студенты подпишут петицию, устроим такой скандал, это ж чистая дискриминация!

Я мягко дал понять, что ничего устраивать не надо. Спасибо за беспокойство и поддержку. Я прохожу усиленный курс лечения.

Я стал очень популярен на факультете.

В общем, все складывалось отлично. Университетский мир, хоть и разбросан по пяти континентам, узок. Американцы, если решат предложить мне нечто интересное, сначала наведут справки. Моя репутация будет выглядеть безупречной. Санджайст заболел и, не желая висеть балластом на кафедре, ушел по собственной инициативе. Теперь, выздоровев, он готов пересечь океан не в погоне за деньгами, а из-за любви к науке. Ценный кадр.

Я чувствовал, что над моей головой разгорается нимб.

Перед тем как войти в здание, я воровато снял нимб и спрятал его в атташе-кейс, набитый бумагами. Я невольно сторбился, и почему-то мне стало безумно стыдно. Оглянулся. Никто за мной не наблюдает? Персона, которой я боялся попасться на глаза, в это время, по моим подсчетам, сладко спала на Диккенс-стрит (хотелось верить, что в одиночестве). Вечером я расскажу ей по телефону о сегодняшнем демарше, но без подробностей.

Вот не думал, не гадал, что доживу до этого момента.

Переступить порог. Собраться с духом.

На фронтоне здания огненными буквами написано: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Впрочем, из-за аберрации зрения, астигматизма и близорукости можно было прочесть и по-другому: «Страховая пенсионная касса по старости».

Вошел. Внутри множество табличек. Спросил у вахтера, где это самое заведение. (Вахтер рассердился: «Что вам там надо, молодой человек?» Я с благодарностью пожал ему руку.) Вахтер вежливо указал на дверь первого этажа. Значит, у него не возникло сомнений. Я обратился по адресу.

В зале ожидания оторвал от рулона бумажный номерок — 50. На электрическом табло горела цифра 43. Мистика-каббалистика: 4350 — номер дома на Диккенс-стрит. Что бы все это значило? Я уселся в кресло (удобное, мягкое) рядом с нарядно

одетыми, напомаженными, парфюмированными старушками и стал перелистывать брошюры. Заведение предлагало своей клиентуре разнообразные развлечения: специализированные курсы для паралитиков, водолечебные и грязевые курорты, дома отдыха для «третьего возраста», пансионаты для инвалидов и полуинвалидов (телевизор в холле), курсы кройки и шитья, клубные вечера с танцами и хоровым пением, а также льготные страховки для оплаты похорон.

Короткий гудок. На табло выскочила цифра 50. Меня будто смахнули с конвейера и запихнули в бокс.

Квадратная дама за столом с рыжим перманентом поприветствовала легким кивком, заграбастала мои бумаги и начала их потрошить.

Поверьте мне: раньше женщины в администрации не работали. Их можно было встретить в церкви, гостинице, таверне, лавчонке, а в основном они сидели у себя дома (или в домах терпимости). К женщинам-администраторам я привык в своей последней жизни и изучил их повадки. Американки — деловые и агрессивные. Советские — наглые и ленивые. Немки — деловитые и отзывчивые. (Про шведок ничего не скажу. Со шведскими клерками в юбках не приходилось сталкиваться. Но неужели мои бывшие подданные, такие нежные и романтические... Ладно. Помолчим.) А вот француженки даже на конторских стульях в первую очередь чувствуют себя женщинами. С ними сразу возникал контакт, причем не обязательно положительный (француженки кожей ощущают, как вы оцениваете их женские качества), однако улыбка мужчины, его взгляд создавали определенную атмосферу.

В боксе-отстойнике, куда я попал, пожалуй, не подействовал бы и шарм Алена Делона. Квадратная дама меня в упор не видела. На пенсионеров не смотрит. С какой стати? Для пенсионеров это предпоследняя станция. Следующая — кладбище. Смотрят на номер досье и на матрикул социального страхования.

— Где квитанции о зарплате с шестьдесят пятого года? — спросили строгим голосом.

И поразительно, я занервничал, заволновался. За два с лишним века своей общественно-полезной (надеюсь!) деятельности я мог предъявить только университетские *fiches de paye* с 1974 года. А в пенсионных бумагах, которые мне прислали и которые я предварительно изучил, мой рабочий стаж начинался в 1965 году. Я еще подумал: откуда его взяли и как я его докажу?

В соседнем боксе взвился возмущенный мужской баритон. Моя визави отреагировала сардонической усмешкой: мол, кричи, кричи, голубчик, много вас тут шастает...

Я решил не спорить и тихо уйти. Правда, тогда срывались все мои планы. И вообще, непонятно, зачем мне пудрили мозги?

...Что-то квадратную даму заинтересовало. Не во мне. В моем досье. Она устала в компьютер и нажимала на клавиши.

— Вот в чем дело! — обрадовалась милая женщина. (Не за меня обрадовалась. За себя. Нашла ключ к загадке.) — У вас же основная пенсия — военная. С шестьдесят пятого по девяносто второй. А вы мне говорили...

Я ничего не говорил!

— ...ваше счастье, что в армии аккуратно оформляют документацию.

Не спорю, было желание ответить: а) мое счастье в данный момент видит десятый сон на четвертом этаже в Шерман-Оксе, б) в 1965 году Антон Сангустов слушал в Московском университете лекции по истории СССР, марксизму-ленинизму и понятия не имел, что прилежные французские штабисты его уже зачислили на службу в инфантерию.

Догадываетесь, свой ответ я проглотил, как сладкую слюну. И получил указание: каких бумаг и откуда ждать, какие бумаги куда посылать. Морока месяца на три.

Параллельная жизнь. Слежу по часам. Сейчас она в ванной, чистит зубы и прочее. Застряла в пробке на Лорел-каньоне. Сдаст Элю в детский сад. Подсчитывает на компьютере калории. Наливает из автомата кофе в пластмассовый стаканчик. Ее шеф, Квазимодо, вызывает к себе в кабинет. Как его фамилия — Сикимура, Куросава? Забыл. Пусть будет Квазимодо, звучит вполне по-японски. Отвратительный горбун, не опасен. Ленч с Кэти или Ларисой, новой русской девочкой, приятной во всех отношениях, которую взяла в свой отдел. Меню: диетический салат, креветки в остром японском соусе (от японцев никуда не деться). Снова экран компьютера. Тысячи долларов извиваются хвостиком. Вдруг входит красавец доктор. Что ему, паскуде, там надо? Или она была с ним на ленче? Смотрю на часы. В любом случае она уже вернулась в контору.

Набираю Лос-Анджелес. Лариса узнает меня по голосу:

— Профессор, мы без вас скучаем. Дженни, возьми трубочку. Париж.

И наконец слышу:

— При-и-вет!

От одной лишь интонации я на седьмом небе. Парю под потолком.

Докладываю о своих подвигах. В университете, естественно, запрягли, весенняя экзаменационная сессия. Пока я не получил свой *retraite*, имею право работать. Как видишь, на боевом посту. Общаюсь с молодежью. С молодежью женского пола? И то и другое. Плотно общаюсь? Всякое бывает. Бывает? Честно сказать, немного устаю. Особенно, когда молодежь вдвоем пытается сесть мне на шею. Поодиночке я их катаю на плечах по квартире, но они норовят вскарабкаться на меня одновременно, и тут я пас.

— Тебе хорошо с детьми?

— Очень.

В трубке пауза.

Понимаю, не нужно было бы так педалировать. Да чего скрывать? Она должна свыкнуться с мыслью, что придется изредка (и регулярно!) отпускать меня в Париж. Я с огромным удовольствием гуляю с Аней и Лелей. Мы пьем кока-колу в кафе. Плюс — мороженое. (Страсть к мороженому — в Ее Высочестве.) Во дворе играем в футбол. Правда, я пользуюсь тем, что они маленькие, и безбожно жульничаю. Заставляю их бегать (бегают они быстро), а сам распасовываю мяч. Мне бегать врачи не советуют. Рекомендуют прогулки размеренным шагом. По-настоящему в футбол мы играли последний раз с Сережей. Команда на команду. Он с Лелей, я с Аней. Он прилетел откуда-то (уж не из Киева ли?), позвонил няне, узнал, что мы во дворе, и примчался. Дети крутились вокруг него, как бесенята... И мне до сих пор кажется, что вдруг открывается дверь их парадного, и появляется Сережа, и дети бегут к нему...

Во время паузы родилась идея.

— Дженни, я застряну здесь как минимум до сентября. В июле меня увезут с детьми на океан. Я обещал. А в августе — свободен. Приезжай с Элей. Устроим праздник. Расходы беру на себя. Деньги откуда? Из подкожных запасов верблюда. В августе Париж замечателен. Народу мало. Раздолье для туристов. Выпроси хоть две недели у Квазимоды-Сикимурь?

В ответ довольный смешок. Чувствую, что такой прыти она от меня не ожидала.

— Я польщена. Идея завлекательная. Я подумаю.

Повесив трубку, продолжаю парить под потолком. Парить, тем более на радужных крыльях, медицина не запрещает.

На двери треугольник с изображением черепа на скрещенных костях. Отчаянно смелый паренек, я толкаю эту дверь. В камере пыток — мужчина и женщина в белых халатах и марлевых масках, закрывающих нижнюю половину лица. Раздеваюсь до пояса и ложусь на нечто вроде стола. Женщина пристегивает меня ремнями и заводит мою левую руку под голову.

— Не двигайтесь.

Я не двигаюсь. С урчанием, медленно-медленно движется массивная плита, похожая на крышку гроба, и почти утыкается мне в нос. От неудобной позы ноет, болит левое плечо. Голос женщины:

— Не двигайтесь, иначе смажется вся картина.

Садистка! А плита, распластав меня на столе, явно вознамерилась передохнуть. Начинаю считать. До ста. До двухсот. Сколько еще выдержу? Плита поехала обратно в ноги...

Женщина снимает ремни и замечает мою перекошенную рожу.

— Что с вами?

— Был ранен в плечо. Не совсем зажило.

— Всего-то?

Женщина проводит ладонью по плечу. Легкое касание. Потом сильнее и сильнее. Через минуту боль утихает.

Мужчина по-прежнему в глубине комнаты за пультом. Женщина усаживает меня на бесколесный велосипед, приклеивает на грудь и спине пластинки с проводами.

— Думаете, буду пропускать через вас электрический ток?

Я так не думаю. Делать мне массаж не входило в ее обязанности. Да и прикосновения бывают разные. Я немного в этом разбираюсь. Женщинам идет нижняя полумаска. Видны только глаза, и когда в глазах красноречивый блеск...

— Крутите педали. Если появятся какие-то неприятные ощущения — тут же останавливайтесь.

Кручу. Женщина смотрит на датчики приборов. Но я помню про периферийное зрение, коим обладает слабый пол. Кручу.

— Переключаю на вторую скорость. На третью.

Кручу.

— Вам не тяжело?

— Нормально. Замечательное упражнение для ног. Надо бы мне научиться кататься на велосипеде.

— Я катаюсь каждое воскресенье в Булонском лесу.

Приглашение?

— Все. Вы свободны. Я пошлю результаты вашему кардиологу. Если вы мне дадите время их обработать, я вам сообщу свое мнение. Подождете минут сорок?

Сию час. Наблюдаю за контингентом, который, как и я, ждет своей, своего, своих. Спрашивается, что еще ждать, раз уж попали в отделение ядерной медицины? Априори тут ничего не должно сказать хорошего, если вообще что-нибудь скажут. Ну да, каждый убежден, что такое случается со всеми, кроме него самого. И ругаюсь последними словами. Ибо теперь понимаю, как нелепо и смешно выглядел в глазах этой бабы. Не хуже и не лучше, чем моя одутловатая соседка справа или седой очкарик слева, с индюшачьей шеей. А баба — садистка (первое впечатление всегда правильное), ей просто было забавно смотреть, как я изображал из себя молодца-удальца! Она уже привыкла, что все старики чокнутые и рассчитывают завести шуры-муры с красивой врачихой... Наш бывший декан, умный мужик, выйдя на пенсию, стал рассказывать, что в вагоне метро обязательно какая-нибудь мадемуазель ему строит куры... М-да, у меня в этом смысле тяжелая наследственность. Бывали периоды, когда женщины начинали проявлять ко мне повышенный интерес. Например, в Гонконге. В отеле буквально скреблись в дверь. Романтическая цветочница... Недотрога стандартистка с невинными глазками, вдруг готовая на приключения... Я, правда, быстро догадался, что меня элементарно «засветили», и пытался вычислить, какая разведка подсовывает очередную юную китаяночку.

— Профессор Сан-Джайст?

Я не сразу ее узнаю. В темном платье, без марлевой повязки, она потеряла половину своей элегантности. Обтянутые щеки и заостренный носик выдают возраст: за тридцать и далее — везде. Почему она называет меня профессором?

— Я была вашей студенткой, профессор. Конечно, вы меня не помните...

...Однако короткий проверочный взгляд. Вдруг? Нет, не помню.

— ...на третьем курсе решила, что исторический факультет плодит безработных, и перешла на медицинский. В досье, — она протянула мне широкий плоский заклеенный конверт, — телефон вашего лечащего врача. Я только что с ним говорила.

— Мадам, может, спустимся в вестибюль, выпьем кофе?

— Профессор, наше госпитальное бистро мне осточертело. Одни и те же физиономии. Сделайте милость, пригласите вашу поклонницу хотя бы в кафе напротив госпитальных ворот.

Неважно, как ее звали. Не имеет значения. Мы очень мило провели полтора часа в кафе, и она даже позволила себе стакан бордо. «Смену сдала, могу расслабиться». Я старался быть зани-

мательным, обаятельным, стряхнул пыль с ушей, кувыркался на ковре. Она ни разу не улыбнулась. Ее глаза меня буравили, но было ощущение, что я беседую с рентгеновским аппаратом. Без малейших эмоций давала понять: все мои ужимки и прыжки на нее не действуют. Не возникло контакта, не проскочила искра? Просто с самого начала мне сказали, что когда-то поджидали профессора Сан-Джайста в университетских коридорах, а профессор не обращал внимания. Затем — неудачная семейная жизнь. А вы, профессор, сейчас выглядите отвратительно, недостойно вашего возраста. Я вижу, что не возбуждаю вас как женщина (рентгеновские лучи!), но, может, женщина вам и не нужна. На первых порах вам требуется медсестра, сиделка, кухарка, служанка. Вы чего-то испугались. Надо снять испуг, все остальное восстановится.

Было излишне спрашивать, где найти эту самаритянку.

Не скрою, такая прямая постановка вопроса впечатлила. Я осторожно заюлил, стал рассказывать про детей, то есть, простите, про внуков, как мне хорошо с ними...

— Не надо разжевывать, профессор. Намеки я схватываю на лету.

Выйдя из кафе, мы направились в разные стороны.

Она не дала даже номер своего домашнего телефона. За чем? Знала, если приспичит — припрусь в ядерную медицину...

Ни разу не улыбнулась. Интересно, у нее такое же каменное лицо, когда ей задирают юбку? Интересно, что в этом гиблом, неинтересном месте сидит баба, которая, сделав строгие глаза, сумела тебя заинтересовать. Как говорит Дженни, у каждого свой метод кадржки. Сколько же может быть неожиданных соблазнов у Дженни, которая посещает более интересные места? Вот о чем ты должен помнить. А имя бабы забыть. Запасный аэродром тебе не нужен.

Имело значение то, что она сказала по поводу всех моих анализов: «У вас ничего нет. Ничегошеньки. Начальная стадия стенокардии? Ерундистика. По общему состоянию здоровья (не знаю, как зрение и слух, тут я некомпетентна) вы пригодны для службы в десантных войсках. Тем не менее не волнуйтесь, с годами все это придет. Никуда не денетесь.

Никуда не денусь от чего или от кого?

Я доложил особам королевской крови о своих успехах на медицинском фронте. Естественно, имелись в виду результаты анализов.

Ее Величество выразило надежду, что ей с Элей удастся прилететь в Париж на две недели августа.

Ее Высочество безапелляционно заявило, что теперь мне ничего не мешает пробыть с детьми на пляже в Круазике до сентября.

Я залепетал о своих американских планах. Естественно, университетских. И, дескать, в августе я обещал показать Париж профессору из Стенфорда. Необходимо поддерживать связи. Дочь пришла в восторг:

— Папа, это прекрасно! Устроишься в Калифорнии, и потом мы все к тебе переедем.

Я пришел в тихий ужас. И не потому, что идея меня не привлекала. Собрать всех под одной крышей в огромной вилле с садом в полтора гектара (виллу перегородить, два отдельных входа, особам королевской крови лучше лишний раз не мозолить друг другу глаза) — голубая мечта идиота, которым я являюсь. Для идиота упоительно размышлять о бытовых подробностях. Значит, виллу перегородить, два разных телефона, а дети пусть играют в саду, с Элей они подружатся. Все реально, если найти парочку миллионов долларов в огороде, который я успел нагородить в своем воображении. Но дело в том, что жизнь Ее Высочества, а значит, и детей, уже определилась... Я человек суеверный, поэтому предпочитаю помалкивать. Она была счастлива с Сережей, потом их брак превратился в бой боксеров-тяжеловесов. «Папа, не вмешивайся в наши отношения!» Я вмешивался? Забился в темный угол на rue Lourmel и тихо скулил, наблюдая, как они калечат друг друга. И вот... Молчу. И вот когда, кажется, возник идеальный для нее вариант... Молчу. Суеверие. Но какого дьявола она опять хочет срыгаться с места, когда у нее здесь все наладилось? Легкомыслие или страсть к переменам? Я совсем не уверен, что идеальному варианту будет комфортабельно в Америке, то есть уверен в обратном. Идеальный вариант прочно стоит на ногах в своей родной Франции, за граница ему противопоказана. Ну что взять с молодых женщин? У них восемь пятниц на неделе.

В одной из присланных мне пенсионных бумаг я обнаружил, что мое воинское звание — капитан. Дослужился за двести лет! Однако координационный центр сообщил о причитающихся мне небольших суммах в других кассах и также о поступлениях из Германии и Швеции. Я увлекся занимательной арифметикой, считал и пересчитывал на калькуляторе. Вместе с университетской моя годовая пенсия выростала до приличных размеров. Приличных для пожилого профессора в отставке, коротающего свои дни за чтением книг и газет, походами в кафе с

детьми и покупками продуктов в магазинах, где бывают распродажи — soldes. Я мог транжирить деньги на сникерсы, батманы, киндер-сюрпризы, карамбер, клейки, поги и прочие детские сокровища, изобретенные предприимчивыми жуликами, чтобы вытаскивать монеты из карманов родителей. Более того, приличные размеры (я про пенсию, а вы о чем подумали?), видимо, позволяли — если я в эйфории не напутал в расчетах — иногда приглашать приличную даму в приличный ресторан. Таким образом, успокаивал я себя, двести лет не пропали даром и, по сравнению с капитаном Готаром, меня не душит жесткий бюджет. Но всех моих богатств (начиная с сентября) катастрофически не хватало для возмещения задолженности американскому госпиталю. Дамоклов меч висел над головой Дженни. Сошел Секьюрити и штатные конторы Лос-Анджелеса не мычали и не телились. «Забудь, — повторяла Дженни по телефону, — я выкручусь». Как? Крупный специалист в этом вопросе и по совместительству классик французской литературы Оноре Бальзак утверждал, что самая бездонная пропасть в мире — финансовая.

...Ленивый июньский вечер лиловыми лапами цепляется за верхние этажи. Я редко гуляю в районе Вандомской площади, а тут прилип к витринам ювелирных лавок. Двухъярусное брильянтовое кольцо со слезинками изумрудов и сапфиров на минуту привлекло мое внимание. Не скрою, красиво. Но когда-то я держал в руках и получше. А вообще все это ширпотреб для арабских шейхов. Работяге-французу такие цены недоступны. Я выбираю и мысленно примериваю на пальцы Дженни кольцо с рубином. Конечно, вон то, незатейливое, красивый цветок, обрамленный мелкими камешками. Чего? Тридцать шесть тысяч франков? Озверели! С моей приличной пенсией сюда соваться неприлично. Между прочим, в Париже я ни разу не переступал порог ювелирного магазина. Даже соблазна не было. Или свободного времени не нашел за свою короткую жизнь. Иной мир, иная планета.

Зато равнодушно дефилирую мимо отеля «Риц», «Интерконтинентал», под арками улицы Риволи подгребаю к «Крийону». Вот уж чем меня не удивить, так это пятизвездочными гостиницами. В последние двадцать пять лет в служебных командировках Система рекомендовала квартироваться не ниже чем на уровне «Хилтона». Однажды я возмутился: «А подешевле нельзя?» Забеспокоились: «По каким соображениям?» — «По соображениям экономии». — «Сан-Джайст, выполняйте вашу работу, а в нашу бухгалтерию, пожалуйста, не лезьте». Но если устраивать настоящий праздник для Дженни, то ее надо

бы поселить в «Крийоне». В конуре на улице Лурмель им с Элей будет тесно. В «Крийоне» высокие потолки, ванная комната в половину моей студии, махровые халаты, инкрустированная мебель... Впрочем, точно не знаю. Никогда не жил во французских дорогих отелях, никогда туда даже в бар не заходил. Ну зайди сейчас, из любопытства, закажи стаканчик, ведь не разоришься... Ботинки прилипли к тротуару. Не могу. Стаканчик в баре «Крийона» мальчишество, пижонство, стыдно, профессор! Из дверей отеля вываливает шумная компашка — толстые меcье, расфуфыренные дамы. Громкий говор, нарочитый смех... Конечно, раз они в «Крийоне», все должны видеть, как им весело.

На площади Согласия зажгли ромбовые фонари. Подделки под старину. Машины огибают выхваченный из темноты прожекторами Луксорский обелиск. Гигантомания Наполеона. Египетский сувенирчик он прихватил, а армию во главе с Клебером оставил на погибель... Когда-то эта площадь носила имя Революции. Она была меньше, мостовая вымощена булыжником... Закрыв глаза, я пытаюсь вспомнить, где же тут стояла гильотина.

Звонил Лос-Анджелес. Голос, при звуках которого я нарушаю все законы аэродинамики, сообщил:

— Я изменила прическу.

Что ж, тоже новость. Я, правда, ждал других. Например: «Пришел пакет для тебя из университета Южной Калифорнии. Вскрыть?» Тонкий конверт — скорее всего отказ. Пакет — это уже кое-что. В пакете обычно анкеты (заполнить и отослать!), план лекций, университетская реклама, приложение медицинской страховки и договор. Моего коллегу из Женевы пригласили в занюханый колледж во Флориду с окладом десять тысяч долларов в месяц. Сумасшедшие американцы! Я был бы согласен и на три. Под такое дело взял бы кредит в банке и побежал в «Крийон» заказывать номер на август... Нет пакетов, нет конвертов и, видимо, не будет. Наступают каникулы.

Бумажная душа! Погряз в своих пенсионных листках. Ему звонит женщина, Голубая Мечта, Ее Величество, а он мечтает о каком-то пакете с бумагами. Если Дженни вдруг проведает, о чем ты думаешь, разговаривая с ней по телефону...

Распускаю крылышки и резко взмываю к потолку.

— Постриглась или покрасилась?

— Все вместе.

— На кого же ты похожа?

— Угадай.

— На Самую Красивую и Самую Любимую девочку на свете!

— Хочешь посмотреть?

— Хочу — не то слово. Вот появлюсь в твоей конторе через четверть часа.

— Тони... — волшебный голос замирает на несколько секунд. — Тоничка, это возможно?

— Шучу, моя девочка. Боцманские шутки. Сама знаешь, что все это кончилось.

Первый признак мужской холостяцкой квартиры — отсутствие зеркал. Но в ванной у меня есть тусклое трюмо. Плечусь в ванную, включаю свет. Как выглядит Дженни с новой прической, я могу себе представить: мужики теряют дар речи! Потянуло полюбоваться на свое мурло.

«Профессор, вы отвратительно выглядите». Садистка. Врач, называется, успокоила пациента. Да ведь права баба. Со стороны виднее. И когда-нибудь Дженни это тоже заметит.

Истину сказала Глубоководная Рыба в Вашингтоне. «У вас, Сан-Джайст, шагреневая кожа. Отныне за каждую вашу эскападу, путешествие в пространстве и времени вы будете расплачиваться как минимум десятью годами жизни. Сколькими точно? Определить затрудняемся. Эксперимент с вами уникален. Десять, а может, пятнадцать, а может, и двадцать невозвратимых лет. Организм изнашивается...»

Старую колымагу отбуксировали на свалку.

Отдых на океане начался по-боевому. По дороге Лелю рвало. Ну, думаем, укачало в машине. Прибыли в Круазик, взяли ключ в агентстве от дома, дочь распотрошила чемоданы, извлекла градусник. У Лели 39,8°. Вызвали врача. Я побежал в центр города в аптеку и заодно купить продукты первой необходимости по списку. В «Intermarche» столпотворение, июльский заезд курортников. В темпе наполнил тележку, да застрял у молочного прилавка. На стеллажах сотни йогуртов, йориков, творожков, сырков, сыров, а таких, как в списке, нет. То бишь, конечно, все есть, других фирм с другой этикеткой, но откуда я знаю, что чему соответствует? Стою, вою, как сирота в темном лесу. Хорошо, что нашлись добрые дамы, помогли. Разложил по сумкам и пакетам, доволоч до дома. Марш-бросок новобранца с полной выкладкой. Я забыл, что левая рука у меня не совсем еще функционирует, а она, рука, не забыла. Права Дженни, надо учиться водить машину.

Утром Леле лучше. У Аньки — 39,5°. Пришел врач и по-

советовал везти детей в госпиталь Сан-Назера. Ее Высочество села за руль, и после некоторых блужданий по окраинам судостроительной индустрии прибыли в Urgence. Там почему-то решили обследовать всех троих, включая дочь. В течение дня мне поочередно вручали Аню и Лелю, я играл с ними в детской комнате. А где дочь? Ее положили в отдельной палате, и к ней не пускали. Медсестры пичкали детей лекарствами, промывали им нос и горло, сделали уколы. Не самое веселое времяпрепровождение, и, чтобы подсластить пилюли, я приносил им из ближайшей булочной бутерброды, круассаны, конфеты, банки с кока-колой и соком. Вечером приглашают в кабинет к врачу, и он мне говорит:

— Ваших детей мы вам можем отдать, а вашу жену оставляем на сутки.

Тут врывается дочь и вопит:

— Папа один с ними не справится! Я тоже еду в Круазик.

Врач (многозначительно):

— Вы понимаете, чем вы рискуете?

Дочь:

— Выписывайте меня под мою ответственность. Завтра, когда вы получите результаты из лаборатории, я позвоню.

Возвращаемся в Круазик, дочь наскоро готовит горячее, кормим детей, укладываем спать. И тогда я осторожно интересуюсь: мол, что происходит?

— Папа, они паникеры. Просто я плохо себя почувствовала. А ты разве не знаешь, что я беременна?

...Слава Богу, врачи и впрямь оказались паникерами. Но почему они паниковали? Этого мне не сообщили.

Дети выздоровели так же моментально, как и заболели. Дочь откасалась травить их антибиотиками, однако приняла к сведению запрет врачей на купание: «Круазик коварное место. Солнце припекает, а ветер холодный. Неделю не пускайте детей в море».

Легко сказать. Мы выходили на пляж к вечеру, гоняли мяч, воздвигали песочные замки. Я экстерном овладевал профессией массовика-затейника. Но кругом все от мала до велика плескались в воде. Вы когда-нибудь пытались объяснить ребенку, почему другим можно, а ему нельзя? И он понимал? Не канючил, не капризничал? Научно-показательный ребенок, выставьте его в музей, заработаете капитал.

...Леля делает вид, что не слышит, и прет к воде, он упрямый (в кого бы это?), на него надо прикрикнуть. Я отпускаю дочь покупаться, пока не пришли большие волны прилива. Анька,

послушная девочка, просит разрешения набрать в бутылку морской воды. Разумно. Польет себе и Леле на голову. Освежатся. Закрывается детская площадка, а Леля хочет попрыгать на натянутом тенте. Я поднимаю Лелю на тент и слежу, чтоб он с него не свалился. Где Анька? Стоит по шиколотку в воде. Нормально. Иначе бутылку не наполнишь. Леля прыгает, падает на спину, на живот, тент его подбрасывает, как батут в цирке. Леля хохочет. Наконец-то радость у ребенка! Где моя дочь? Я вижу ее розовую шапочку. Далеко заплыла. В ее теперешнем состоянии нужно бы держаться поближе к берегу, прилив в Круазике надвигается стремительно. На тент взбирается крупный загорелый мальчик и скачет как лошадь. Вот-вот сбросит Лелю. Предлагаю Леле слезть. Не желает. Уф, моя дочь повернула к берегу (приятно иметь умного ребенка, утешение в старости!), я знаю, она видит меня, видит, что я слежу за ней, и в случае чего даст мне знак. Где Анька? Сидит на корточках, набирает воду в бутылку.

Набирает воду в бутылку другая девочка.

Где Анька?!!

Верхом на большом камне, покрытом зелеными водорослями, который, словно корабль, отъехал в море. Через несколько минут его захлестнут белые буруны.

Снимаю Аньку с камня, и волна мне накатывает на плечи. Мы выбираемся на сухой песок. Прилив съел половину пляжа. Курортники оттаскивают матрасы и одежду к стене набережной. Вытираю полотенцем мокрую, дрожащую Аньку. Краем глаза замечаю выходящую из пены морской Афродиту в розовой шапочке.

— Деда, видишь, я расцарапала ноги об ракушки.

Расцарапала? В кровь? А зачем ты пошла в море? Зачем полезла на камни? Кто тебе разрешил?

Я ору. Анька отступает на шаг и смотрит на меня долгим удивленным взглядом. Взгляд взрослого человека. Как в тот раз, после смерти Сережи. Анька в растерянности. Я понимаю причину. Я никогда на нее не кричал. Никогда. Она к этому не привыкла.

...И еще я подумал, что при жизни Сережи никто, кроме мамы, не смел повыситься на Аньку голос.

У Сережи была путаница с географией, притом что он бесконечно летал. Самолетам он доверял, в самолете он или работал или спал, а работал он по девятнадцать часов в сутки. С железнодорожным транспортом у него возникали постоянные

сложности. Поезда имели обыкновение уходить, не дождавшись Серези, и если в дороге предстояла пересадка, он, как правило, уезжал в другую сторону.

В то лето он снял для детей дом в Сулаке, маленьком приморском городишке в ста километрах севернее Бордо. При детях была команда: няня (болгарка Младена) и шофер Юра, бывший чемпион Белоруссии по классической борьбе. «Технический персонал» ладил с детьми, но не ладил с французским языком. К тому же оставлять малышей без семейного надзора никому не хотелось. Моя дочь распределила дежурства: в июне ее отпуск, в августе — Серезин, мой черед в июле, а в мае — Н. К. продолжала обитать на бульваре Сульт, я к ней относился крайне почтительно, однако старался нигде с ней не пересекаться, и дочь это знала.

...Гораздо хуже было то (и это я заметил впервые в Сулаке), что дочь и Сереза не горели желанием пересекаться. Причины, как водится в подобных случаях, лучше всех знал «технический персонал», и информацию я получил от Юры: «Он (Сереза) не понимает, почему *Она* (ваша дочь) не сидит с детьми, ведь все материальные заботы *Он* взял на себя, а *Она* не понимает, почему *Он* не понимает, как ей важно самой делать профессиональную карьеру, иначе зачем она кончала университет? *Он* обижен, думает, что *Она* не верит в будущее его бизнеса. *Она* обижена, думает, что *Он* хочет припечатать ее к коврику, то есть заставить вечно быть домохозяйкой». Согласитесь, весьма стройное изложение событий в устах заслуженного мастера спорта СССР. Впрочем, внешняя видимость хороших отношений сохранялась. Дочь приезжала из Парижа на каждый уик-энд. Сереза прилетал, как только ему позволяли дела, и Юра встречал его в аэропорту Бордо.

И вот в середине недели, вечером, звонит Сереза. Мол, самолет из Москвы опоздал, рейсов на Бордо больше нет, а я так мечтал увидеть детей. Как Леля? Как Анька? Сопливит? Простудилась? Есть последний рейс в Тулузу, сможет ли Юра за мной подъехать?

Я объясняю: расстояние от Сулака до Тулузы почти такое же, как от Сулака до Парижа, Юре чесать всю ночь.

— А если я прилечу в Нант?

Объясняю: паромы через Гаронну ночью не ходят, Юре делать крюк через Бордо — те же пятьсот километров. Ты откуда звонишь?

— Из «Шарля де Голля». Устал, вымотался.

Я не спрашиваю Серезу, почему он не едет на квартиру в Париж, где его ждет молодая жена. Вопрос бы звучал провока-

ционно. Я терпеливо объясняю, что до нас сейчас добраться нет никакой возможности. Устал? Сними номер в «Шарантоне», рядом с аэропортом, и прилетишь утренним рейсом.

...Сквозь сон я слышу под окном урчанье мотора. Утром спускаюсь в столовую. Младена кормит Лелю. По ее глазам вижу, что произошло. Осторожно заглядываю в спальню взрослых. Сережа, развалившись поперек широченной кровати, мощно похрапывает. Анька, притулившись маленьким колечком к его боку, тонко посапывает.

Взял в «Шарле де Голле» такси и примчался.

Пока дочь готовит ужин, я веду детей по узкой тропинке между скал к каменной башне, обнесенной высоким каменным забором. Дети требуют от меня сказок, и я пользуюсь тем, что на берегу наглядное пособие. В этом замке, говорю, живут добрые разбойники. Мы храбро распеваем песенку, сочиненную общими усилиями. «Мы разбойники, пираты, нам не страшны ураганы, ходим мы как три-та-та, ловим глупого кота...» Пардон за некоторые поэтические шероховатости. У забора Анька и Леля замедляют шаг. Я ставлю их на забор, придерживаю за ноги, и мы внимательно рассматриваем проржавевшую железную дверь с узорами, круглые окна с квадратиками толстого цветного стекла. Верхнее окно под крышей разбито. Из него вылетает птица. Объясняю, что это разбойник, он превратился в птицу и полетел на разведку. Дети млеют от ужаса и восторга. Далее плету про сокровища, спрятанные в подвалах замка. Целый год разбойники собирают сокровища (не уточняю, где и каким образом), а под Рождество раздают их ребятишкам как подарок.

По личному опыту знаю: добрые разбойники бывают только в сказках. А я что рассказываю?

За ужином Анька повествует маме про нашу экскурсию: «Мы видели ужасный замок, где прячутся ужасно добрые разбойники».

— Папа, — говорит дочь, — ты научился гениально общаться с детьми.

Я хочу сказать, что гениально общался с детьми Сережа, а меня двести лет обучали несколько иным занятиям, но, как понимаете, ничего такого не говорю.

Наступает время моей прогулки. Я иду по шоссе вдоль моря. Машин мало. Все добропорядочные французы за столом. Внизу волны белым языком лижут черные скалы. Красно-бордовый солнечный шар повис над серой кромкой горизонта. И розовые перистые зигзаги на небе отражаются в окнах домов по ту

сторону шоссе, домов без финтифлюшек и украшений, зато сложенных из каменных плит и облицованных гранитом. Им не страшен шквальный ветер Атлантики, здесь строят на века. Это моя земля, моя природа, моя погода, то, к чему я привык. Мне вообще нравятся северные пейзажи, меня тянет, как перелетную птицу, к крутым фиордам, в ту страну, где солнце летом низко плывет по кругу, не касаясь океанской глади. Я могу (я еще могу!) птицей спланировать над фиордом к неказистому домику на отвесной скале и под могильным крестом откопать сокровища.

Забудь.

Сокровища собраны не тобой и не трудами праведными. И тех, кто их собрал, назвать разбойниками можно лишь условно, но никак и никогда — добрыми людьми.

Этих людей давно нет. Да кто тебе сказал, что сохранился домик, что скала, подточенная ветром и водой, не рухнула в фиорд, что бульдозер, прокладывая дорогу, не зацепил плиту и... Совет дистрикта не постановил мудро пустить чудом найденное богатство на строительство рыбоконсервного комбината? Забота о рабочих местах для местного населения.

Забудь. Экая ерунда приходит в голову!

Красно-бордовый шар утонул в серой дымке. Отвалил поджаривать Южную Калифорнию. Время звонить моему сокровищу.

Открываю стеклянную дверь телефонной будки (внутри еще чувствуется дневное тепло), вставляю в аппарат карточку, набираю номер Лос-Анджелеса.

— При-и-и-вет! Как дела? А я купила новую спальню. Старая надоела, отдала ее Кэтти.

Мне хватает ума (удивительно, как еще хватает!) не спрашивать: зачем ты это сделала? Ведь старая, на мой взгляд, была в хорошем состоянии. Я знаю, какую тираду получу в ответ (уже получал): «Если бы все люди на свете придерживались твоих взглядов, то остановились бы заводы и фабрики, началась чудовищная безработица. Для тебя слово «купить» — если только речь не идет о жратве и выпивке — звучит как «мотовство». На гильотину преступника! Тебе надо жить отшельником в пещере и спать на голых досках»... Жил, моя радость, правда, не в пещере, а в каменной хибаре на отвесной скале. Спал на жесткой деревянной кровати из неструганых досок. И странно и весело было сознавать, что сплю на золоте и изумрудах. Или почти на... Клад покоился под могильной плитой у забора внутри дворика. Сколько там было и чего? Не считал, не проверял. Хватило сообразительности не проявлять любопыт-

ства. Они, хранители сокровищ, наверно, потом проверяли: проверял ли я? И если бы я проверял, они бы точно догадались (существует множество методов verification. Я, например, знал, что Дженни заглядывала в чемодан, где лежит пистолет) и провели бы элементарную рокировку: хозимущество куда-нибудь в Круазик, а меня — под могильный крест у забора.

— Ты купила или еще только заказала?

— В субботу привезли в разобранном виде. Представляешь, я все сама перетаскала наверх.

— Идиотка! Сумасшедшая девчонка! Таскать на четвертый этаж такие тяжести! Меня ты не могла подождать? Приеду и первым делом тебя выпорю!

— Ин-те-ре-сно. Как и чем?

...Вопросик. Воображаю картину. Меня бросает в жар. Я не видел Дженни уже два месяца. Не видел, не занимался с ней любовью.

На другом конце провода добавляют фразу, которую я не осмелюсь повторить.

— Дженни, имей совесть!

— А что? Не я от тебя уехала. Ты от меня уехал. Ладно, не волнуйся. Лучше похвали меня. В уик-энд я все сама смонтировала по схеме. Приедешь — посмотришь. Клево получилось.

Продолжаю свой маршрут по берегу, который здесь называют «диким». Дома здесь держатся кучно, как волки стаяей. Потом поля, перелески, маленькая гостиница с ресторанчиком. На столбах вдоль шоссе зажглись фонари, и их свет мешает различать робкие звезды, проклюнувшиеся на блеклом небосводе. Дикость... Минут через сорок попаду в центр Круазика, где на набережной гирлянды огней кафе, ресторанов, магазинов, и это будет называться цивилизацией!

Шальная девка! Ну с чего бы ей вздумалось сменить спальню? Попала вожжа под хвост? Ладно, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

...А над фиордами в угольном небе сияли крупные созвездия, и тропинку под ногами надо было угадывать на ощупь. Дни угасали, не успев проснуться. Я собирал сухие ветки, рубил дрова. Ночь накатывалась вместе с воющим ледяным ветром, ночь разрывали полярные сполохи, а я, уютно устроившись у деревенской печки, подкладывал в огонь поленья. Те несколько лет, что я провел в отшельничестве (ou presque) на севере Норвегии, были не то чтоб счастливыми — очень спокойными. Наконец я избавился от государственных забот, от дворцовых интриг. Я не командовал полками, не произносил речи — бывало, неделями не произносил ни слова. Я много думал о тех, кого уж нет, о

трибунах революции, об Императоре, о природе власти. Так безмятежно жить мне больше не довелось, вернее — не давали. Ведь, отрекшись от престола, я нарушил чью-то игру, и они пока не знали, что со мной делать.

Время искажает память. Тогда я был совсем другим. Я открывал печную заслонку, запикивал очередную порцию дров и смотрел, как они сгорают, и размышлял над судьбами людей, которых уже нет — сгорели. Я не могу вспомнить свои мысли, но до сих пор мне кажется, что такой силой и ясностью интеллекта я больше никогда не обладал. В следующих своих жизнях я имел более обширную информацию. И только.

Так вот, когда я узнал (случайно) о хозимушестве, зарытом в десяти метрах от печки (откуда танцуем?), помнится, — да, помнится! простые вещи не забывают, забывают сложные теоретические трактаты, — я очень развеселился. Я подумал: 1) случайно ли я узнал? 2) кто подстроил эту случайность? 3) неужели они рассчитывают, что король Карл XIV (долгий период после отъезда из Стокгольма я все еще воображал себя королем), добровольно отказавшийся от короны Швеции и Норвегии, польстится на какие-то жалкие камешки и монеты? Это теперь, прослужив полтора века в Системе, я думаю, что правильно сделал, не проявив любопытства. Изменилась психология, у меня рефлексыв разведчика. А тогда я пытался понять, кто это из тех, что сгибались передо мной в три погибели (не я их принуждал, сами гнулись, такова природа царедворцев), имеют наглость надеяться, что я проглочу их наживку и тем самым себя унижу? Пусть сдохнут со своим золотом, а я буду подкладывать дрова в печку, смотреть на огонь и вспоминать людей, перед которыми тоже все гнулись и которых уже нет.

Хорошее то было время! Отшельничество на Севере прерывалось редкими визитами в Тронхейм, где я получал военный пенсион, положенный графу Валленбергу. За несколько месяцев накапливалась кругленькая сумма! Часть этих денег перекочевывала в шкатулку к фрекен Эльзе, в чьей гостинице я останавливался, и у меня не было и не могло быть никаких претензий к милой, исполнительной женщине, ибо опыт научил: не хочешь иметь в будущем осложнений — пользуйся платными услугами! И еще я старательно избегал центральных кварталов норвежской столицы. Встреча с Дисой грозила бы нарушить мое безоблачное существование.

Зимой, когда метели заносили по крышу снегом одинокий скит на отвесном фиорде, я перебирался в соседнюю деревушку. Крестьяне с радостью сдавали мне лучшие комна-

ты, готовили еду. Для местных жителей мои деньги были манной небесной. И каждую зиму я проводил в другой деревушке (сейчас бы сказали: менял адреса). Однако потом я почувствовал по каким-то одному мне понятным признакам, что мое присутствие в стране нежелательно. Маршал Бернадот, теперешний повелитель объединенных королевств, человек глубоко порядочный, никогда бы не совершил против меня враждебного поступка даже из соображений государственной важности. Но он мог так думать (на Севере скрывается его двойник, двусмысленная ситуация!), и так могла думать королева (интересы династии превыше всего!), а при дворе всегда много искусников, профессия которых — угадывать королевские желания, не произнесенные вслух, и действовать соответственно.

Я уехал (отплыл на каботажной английской шхуне) в Амстердам, и там неведомые мне ранее друзья сняли для меня трехэтажный дом на канале Принцев. На этаже — по комнате, в комнате — два окна, винтовая лестница, мебели достаточно, все очень рационально и функционально. Я привыкал к голландской архитектуре, к голландскому быту и к тому, что какие-то силы мягко, неназойливо, но весьма целеустремленно втягивают меня в особую игру. Я втянулся в эту игру, хотя предвидел, что для нее не гожусь. Не бывает короля без королевства, не бывает правителя без власти, остается лишь амбициозная личность, которой трудно манипулировать. И когда это поняли те силы, что планировали игру, меня убрали с авансены, и я очнулся, пришел в себя (как бы еще поточнее выразиться?) в качестве лейтенанта кавалерии, окончившего балтиморскую военную школу, и предел моих амбиций был — дослужиться до полковника, что всех устраивало.

Но это другая история. А рассказываю ее вот к чему. Дворец в Стокгольме принадлежал королевскому семейству. А далее меня во дворцы не допускали. Я снимал апартаменты (иногда шикарные), жил в гостиницах, на постоянных дворах, в казармах, в палатках, в пещере (Южная Африка), в тюремной камере (Лубянка), в московской коммунальной квартире, но никогда у меня не было своего дома. Студия на Лурмель — первый мой дом, моя собственность.

Внес аванс, получил в банке кредит. Мне посоветовали поторговаться в агентстве. Я сказал: «Пусть хозяева снизят цену или продадут студию вместе с мебелью. Я выкладываю все свои деньги, в пустой квартире мне не на чем будет спать». Агентство запросило хозяев, и те мгновенно согласились. Я избавил их от хлопот по перевозке ненужного им скарба. Таким образом

я приобрел мебелированную студию в приличном состоянии и подкупил только книжные полки.

Чтоб так, одним махом, поменять спальный гарнитур?

Правда, моя дочь сменила мне кровать. Обычно, уезжая в командировки, я оставлял ей ключи от студии. И она провела на Лурмель несколько ночей с Анькой. Поссорилась с Сережей... Поссорились — помирились, тогда еще войны между ними не было. Возвращаюсь, а Ее Высочество мне говорит:

— Папа, как ты можешь спать на такой развалюхе? У тебя же в середине матраса выпирает острая пружина.

Я объяснил: пружина мне не мешает и необязательно спать на середине матраса.

Дочь знала, что в каких-то вопросах со мной бесполезно спорить. Но когда я вернулся из следующей поездки, то нашел в студии новое ложе, словно материализовавшееся из телевизионной рекламы. Предполагаю, как это произошло. «Ну, — ехидно спросил Сережа. — Вам понравилось на Лурмель?» «Понравилось, — ответила Ее Высочество, ехидно добавив, что, мол, там никто их не доставал, не трепал нервы, — вот только Анька спала на острой пружине».

— Анька спала на пружине??! На, возьми чек и купи своему отцу что-нибудь пристойное.

...К полдвенадцатому ночи обход полуострова Круазик завершен. Я набрасываю петлю на калитку, чтоб дети спозаранку не выскочили без присмотра на улицу. Хороший мы сняли домик, с хорошим садиком, детям здесь раздолье.

На кухне, где мы обычно ужинаем, меня ждет салат, сыр, бутылка вина. Дочь знает, что я захочу посидеть, расслабиться, пропустить пару стаканчиков. Надеюсь, она уже спит, ей вставать вместе с детьми, она следит, чтоб утром они меня не будили.

Курортный режим. Укрепляю здоровье и сторожу покой моих маленьких. Ведь о такой жизни я мечтал, когда три года тому назад подал в отставку.

Мы ставили точку. А точка превращается в многоточие. Продолжение следует. Встреченный восторженными детскими воплями из Парижа приехал Идеальный Вариант, и его приезд совпал с окончанием запрета на купание. Теперь я мог спокойно созерцать, как Анька и Леля барахтаются в океане, поддерживаемые мощными руками человека-волнолома, за спиной которого, надеюсь, моим разбойникам-пиратам не будут страшны никакие ураганы.

Из суеверия замолкаю. Боюсь сглазить.

Сам я начал практиковать заплывы, постепенно увеличивая дистанции. И гордился каждым завоеванным лишним метром. Но если сравнить, как и куда заплывал... Не надо. Когда-нибудь Дженни сравнит мой экономный собачий стиль с лихим кролем или баттерфляем молодого, загорелого, со скульптурным торсом (на пляже Санта-Моника много молодых и загорелых, они берут на руки, как перышко, своих девиц, несут их в океан, девицы визжат и дрыгают ногами) и подумает... Я догадываюсь, о чем она подумает.

Ладно, позволим себе теоретические рассуждения. Беспощадный пожар спалил рощу. Остались обугленные стволы, черная земля. Снег ложится могильным покровом под меланхолическую музыку «Времен года» русского композитора Чайковского. Весенние дожди и солнце топят снег, на пустынном пространстве появляется мох, потом — островки травы, искалеченные деревья выстреливают свежими побегами, и вот зеленая роща шумит листвой (с лица моей дочери не сходит улыбка) — нормальный процесс природы, торжество жизни! Однако человек, дни которого уже сочтены в небесной канцелярии, наблюдает это чудо со смешанным чувством радости и боли. Радость естественна, тут ничего не нужно объяснять, а боль потому, что он помнит прежний пейзаж (здесь возвышался дуб, на этом месте благоухали кусты сирени), сейчас тоже красиво, но он любил те березы, ту опушку, тот пенек... Не уверен, что я достаточно ясно выразил свои мысли. Что вы хотите от старого пня? Но у старого пня есть право оплакивать (желательно незаметно для окружающих) тех, кто погиб, сгорел — сгорел и погиб бессмысленно или по чьей-то злой воле. Старый пень не возродится, не вытянется в стройное дерево, и скоро притопают с лопатами рабочие лесопарковой зоны его выкорчевывать. Можно сказать: воспоминания — это эгоизм старости. Можно сказать: воспоминания — это попытка защитить тот мир, которого уже нет. Попытка обреченных, ибо она вопреки мудрым законам природы. И защищать тот мир надо было бы еще до пожара. Все так.

Ужас в том, что независимо от благих помыслов пейзажи меняются. Ничто никогда не сохраняется на долгий срок. И я, прожив на три мига больше (по сравнению с вечностью), чем остальные, могу это засвидетельствовать.

- Вы не хотите начать все сначала? — спросил я Серезу.
  - Не знаю, как она, я — нет.
- Он посерьезнел, кажется, он ждал этого вопроса.

— Антон Валентинович, я ей не могу простить одной вещи. Помните, когда моя первая фирма на бульваре Осман лопнула? Компьютеры, посланные в Москву, разбились при транспортировке. Или их халтурно упаковали, или это была скрытая диверсия. Я перехватил у немцев выгодный контракт, и в отместку мне подставили подножку... Лопухом я тогда был. Доверился Этьену, который меня продал. Короче, потерял миллион. Пришлось закрывать лавочку и объявлять банкротство. И вот я вернулся домой в слезах и соплях, а ваша дочь мне сказала: «Я же тебе говорила — не лезь в бизнес. Сидел бы, как раньше, в страховой компании, получал бы свои пятнадцать тысяч в месяц». И каким прокурорским тоном это было сказано... С тех пор у нас все пошло наперекосяк.

Я подумал, что я бы тоже не простил. Хотя редко какая женщина откажет себе в удовольствии ткнуть мужика мордой в лужу и сказать: «Я же тебе говорила». Умение поддержать в трудную минуту приходит с годами. А моей дочери было двадцать пять лет. Откуда опыт? В двадцать пять все шибко умные, каждый желает доказать свою правоту. Сколько раз на своем веку (умножить на два) я слышал сакраментальное «яжетебеговорила!». Пожалуй, исключением была Жозефина Богарне. Но она до встречи со мной успела пройти огонь и воду. Термидор ее буквально вытащил из-под ножа гильотины, по сравнению с которой медные трубы, коих все боятся (почему?), показались бы безобидными причиндалами духового оркестра. И проходила она все это с таким количеством народа, что просто уже не помнила, что кому говорила.

Стыдно, профессор, сводить запоздалые счета! Тебе давно не двадцать пять, однако и ты не хочешь признать простую истину: Жозефина была умной бабой, гораздо умнее тебя.

...Когда семейная жизнь моей дочери превратилась в сведение счетов, я не встал грудью на защиту Ее Высочества (по принципу: «Нашу Сарочку обижают!»), я заметался, перебежал из одного лагеря в другой, вел себя как трусливый соглашатель, выслушивал доводы обоих (сепаратно) и соглашался с каждым. И не потому, что надеялся залатать прорехи в том, что трещало по швам, и не потому, что уже была Анька (хотя, конечно, именно потому) — нет, я пытался сохранить объективность, рассуждать логически, а по логике получалось: каждый из них по-своему прав.

По-звериному, инстинктивно, я любил и люблю мою дочь. И я любил Сережу.

Я им восхищался.

Мне не приходилось встречать таких одаренных людей. Разумеется, я общался (повезло) с Великими, с Гениями, с мудры-

ми политиками, талантливыми военными, проницательными разведчиками. Я понимал, из какого теста они сделаны и что они, в первую очередь, сделали себя сами — упорным трудом, жесткой дисциплиной, устремленностью.

А Сережа был самородок, самоучка. И учился он так же легко, как дышал. Он пролистывал книгу и запоминал ее с первой до последней строчки. Иностранные языки он схватывал на лету, без учебников. Профессией бизнесмена он овладел играючи, ибо, по сути, он был игрок. Азартный игрок. Недаром потом он дважды сорвал банк в Монте-Карло.

Я его спрашивал: «Почему ты снял контору на бульваре Осман? Это же безумно дорого».

— Адрес, А. В. (иногда он звал меня по инициалам — А. В.), важен адрес. Контора в пригороде Парижа мне обойдется в десять раз дешевле. И когда туда придет клиент, он предложит контракт на тридцать пять тысяч. Тот же клиент, придя ко мне на бульвар Осман, предложит контракт на два миллиона.

Конечно, это только для меня была наука за семью печатями, для любого бизнесмена — элементарная азбука. Но Сережа, сняв контору на бульваре Осман, вытащил все из заначки, за второй месяц *louer* ему нечем было бы платить. Кто бы еще так рискнул? Какой финансовый авторитет такое порекомендует? Сереже оказалось достаточно одного месяца, чтобы развернуться. Он подписал контракт на полмиллиона.

Он рисковал. Он все время рисковал и выигрывал. Он ставил себе вроде бы недостижимые цели, и у него получалось.

Разумеется, смешно сравнивать, не те масштабы, однако я сравнивал взлет Сережи с итальянской кампанией Бонапарта. Тогда будущий Император побеждал играючи, вопреки всем военным доктринам, он выигрывал даже на своих ошибках. Но Бонапарт был генералом, профессиональным военным, и в его активе уже значился блистательный штурм Тулона.

А я случайно наблюдал, как Сережа принимал у себя на бульваре Осман советскую делегацию во главе с министром. Беседовали на равных. Ну кто этому научил мальчишку, у которого за спиной была лишь среднеобразовательная школа?

Эмигрировав во Францию, он расклеивал афиши, перебивался работой «по-черному», относительно стабильный заработок у него появился после того, как он окончил компьютерные курсы.

И сначала недостижимой целью была для Сережи моя дочь. Он слышал, как я ее иногда называю, и повторял за мной: «Ваше Высочество, не изволите ли?..»

Ее Высочество упорно отбрыкивалось, отказывалось изво-
лить.

Уломал, упросил, добился.

И принцесса наивно поверила, что навсегда останется для милого скромного мальчика Ее Высочеством, а мальчик, устроившись в страховую компанию (есть все же разница между страховой и итальянской), будет прилежным клерком и приходить домой в семь вечера.

И вдруг он пустился в самостоятельное плавание, сделал ставку на торговлю с Москвой, где пропадал месяцами.

«Его испортили большие деньги, — говорила моя дочь, — ты не видел, папа, как в Москве около него выются холоуи, выются и раболепствуют, а я это видела».

Потому она искренне обрадовалась, когда Сережа прогорел, подумала, что отныне все будет, как раньше, она снова станет главной в его жизни, она и Анька.

Да, Сережа упал, больно ударился, но не разбился. Теперь он работал дни и ночи, наверстывая потерянное. И эту его работу моя дочь ценила и всячески ему помогала, это ей казалось нормальным. Как-то она дала мне прослушать кассету, на которую он диктовал технический перевод. Сразу после последней фразы раздался мощный храп. «Он диктовал до пяти утра, — с гордостью комментировала дочь, — и уснул тут же за столом».

Я никогда не спрашивал Сережу, чем он занимается и почему фрахтует самолет за сорок тысяч долларов, чтобы прилететь на пару часов в Берлин или Женеву. «Кто не любит спрашивать, тому не соврут». И моя дочь, в какой бы стадии отношений она ни была с Сережей, никому не рассказывала о его делах. Во время того разговора в кафе, о котором я вспоминаю, Сережа сам много говорил о банковских операциях, о танкерах, сухогрузах, о том, что пора уходить из России (там становится опасно вести бизнес), о своих связях с крупнейшими финансистами Америки, Израиля, Арабских Эмиратов (очень удивлялся, что мне неизвестны их имена), о планах внедрения на рынок Юго-Восточной Азии — я пропустил все это мимо ушей (Биржа, импорт, экспорт — абракадабра для моего слабого ума), я просто им любовался. Большому кораблю — большое плавание! Правда, моя дочь предупредила: «Папа, все, что говорит Сережа, дели на двадцать». Но даже если разделить на двадцать...

— Если ты сколотил себе такое состояние, остановись, отдохни. Пользуйся благами жизни.

Он посмотрел на меня очень внимательно:

— А что прикажете делать, А. В.? Перетрахать всех телок? Скучно. — (Это он мне говорил, отцу его жены. Увы, ни для кого уже не было тайной, что у Сережи — букет топ-моделей, а у Ее Высочества — Идеальный Вариант...) — Мне интересно то,

чем я сейчас занимаюсь. Представить себе не можете, как интересно. По сравнению с этим рулетка — игра в подкидного дурака. Знаю, что я рискую. Я сижу на переговорах и чувствую: меня фотографируют скрытой камерой. Проверяют.

Вот эти слова меня насторожили. Да, я отстал от нынешних темпов, науку бизнеса мне не постичь, но все-таки кое в чем я еще разбираюсь и понимаю, когда и для чего снимают скрытой камерой.

И я чуть было не сказал: «Сереза, я не смогу тебе помочь. Не смогу тебя выручить. Ведь я ушел из Системы».

Не сказал. Не имел права этого говорить. Никто из моих близких не догадывался, что я был в Системе. И предложение о помощи в сослагательном наклонении звучало бы как попытка продать прошлогодний снег. В ответ молодой преуспевающий бизнесмен только бы рассмеялся...

Они нажали на гашетку автомата и решили, что поставили точку. Та-та-та-та. Очередь прошла стеклянную дверь. Та-та-та-та. А получалось многоточие. Неужели они думают, что я это забуду? Что они уйдут безнаказанно? Что заткнули мне рот пенсией?

Леди и джентльмены, месьедам, господа-товарищи или как вас там? — продолжение обязательно и неотвратимо последует.

Вечером я пошел в центр города кратчайшей дорогой, чтобы успеть купить новую телефонную карту до закрытия табачного киоска. Налетел ливень, и я спрятался в телефонной кабине. Как-то сразу стемнело. Капли барабанили по стеклу, а при сильном порыве ветра — били шрапнельным зарядом. Глупо торчать в кабине и не звонить, но старой карточки хватит минуты на три. Разговаривать три минуты — еще глупее.

Дождь не собирался утихомириваться. Набрал номер Лос-Анджелеса. Слава Богу, секретарша в момент соединила меня с Дженни.

— Ку-ку! Ты заказала билеты на самолет? Говори быстрее, у меня кончается карта.

— Дай мне номер твоей кабины. Я перезвоню. Не спорь. Разговор будет долгим.

Я всегда за долгий разговор. Тем более что при такой погоде ни одна собака не станет топтаться возле будки, намекая, дескать, месье, просьба закругляться. Никакой хозяин в такую погоду собаку на улицу не выгонит. Однако мне не понравилась интонация.

Аппарат утробно загудел. Я снял трубку.

— При-и-вет! Как дела?

...Вроде бы тон нормальный.

— Порядок. Плаваю. Гуляю. Молодежь отбивает у меня хлеб, в том смысле, что все заботы о детях взяла на себя. В общем, веду паразитический образ жизни, который, естественно, должен вызывать активную неприязнь у рабочего класса в Лос-Анджелесе.

— Что это за шум?

— Какой шум?

— Я слышу какой-то шум.

— Это дождь. Хлещет по стеклу.

— Здорово. А у нас жара как в печке.

— Поэтому я и спрашиваю о билетах.

— Я написала тебе письмо.

— Письмо куда?

— В Круазик «до востребования». Через неделю пойдешь на почту.

— Первое письмо от тебя. Прочту с превеликим удовольствием.

— Насчет удовольствия — не знаю.

— Дженни, что-нибудь изменилось?

— Ничего не изменилось, Тони. Я по-прежнему тебя жду. Просто я не смогу приехать в Париж. Не получается.

— Самурай-кровопийца не отпускает? Эксплуатирует детский труд?

— И то и другое, Тони, кто-то из нас двоих должен зарабатывать деньги. Ну вот, обиделся. Теперь понимаешь, почему я предпочла подробно объяснить все в письме? В Америке туго с отпусками. Япощка со скрипом разрешит мне одну поездку. Либо Париж, либо Израиль... Тони, если бы ты был миллионером и взял нас с Элей на содержание...

— Значит, все дело в деньгах?

— Тони, ты как ребенок. Всегда, всюду все дело в деньгах. И моя работа на фирме заключается в том, чтобы следить за балансом...

Дождь прекратился так же внезапно, как налетел. С цивилизованной набережной Круазика смыло публику. Официанты скучали в дверях ресторанчиков. Зато на рыбном причале орли и суетились чайки. Рыбный причал служил для них домом. Рыбачьи суда приходили утром, а чайки тут дежурили круглосуточно. То, что называется: «не отходя от кассы». Они плотными рядами сидели вдоль бортиков, сталкивали друг друга, взлетали, пикировали в воду, находили себе свободное место на бортике и опять собачились и базарили. Что они делили? Ведь

рыбы не было... Я прислушался к их крику, и мне показалось, что на разные голоса они вопили одно слово:

— Деньги, деньги, деньги!

Удивительно, но я воспринял эту новость с некоторым облегчением. И не потому, что я мог себе позволить остаться в Круазике еще на пару недель (хотя кто знает? такое близкое и продолжительное общение с детьми случалось не так часто, и учитывая мои намерения слинять из Европы...), и не потому, что тем самым снимались финансовые проблемы (программу-минимум я бы обеспечивал, однако я замахивался на программу-максимум), — нет (ехидный вопрос: почему «нет», профессор? а если «да»?), нет, десять раз «нет!» (десять раз достаточно?) На мой взгляд, Дженни поступила разумно, согласно моей (мужской) логике. Если у нас, у обоих, действительно серьезные планы на будущее, то тогда ее поездка в Париж — авантюра. Конечно, обидно, досадно — ждал, готовился, хотелось бы увидеться, и, вообще, своего рода подстраховка — но это, скорее, женская логика. Как будто мы с Дженни поменялись местами. Я торопил события, как влюбленная баба, а она рассудила строго, по-мужски. Над нами висит госпитальный долг, и я пока ничего не добился от американских университетов. Сначала надо решить эти вопросы, капитальные, все остальное — блажь. В конце концов, от арифметики никуда не денешься, и, наверное, Дженни выписала цифры...

Интересно, что все-таки она мне написала?

Я приходил на почту к окошку «до востребования», как на работу. Письмо затерялось. Что естественно. Ведь Дженни не знает почтовый код Круазика.

Глазам своим не поверил, когда мне вручили конверт.

Вскрыл дрожащими пальцами. Прочел. Сел в кафе, выпил кофе, закурил, перечитал. Посмотрел листок на свет.

«Не обижайся. Тебе только кажется, что если все идет не так, как ты задумал, то это личное оскорбление. Ничего подобного. Факт, что все идет не так, как ты задумал, говорит о том, что грех претендовать на роль Г.Б. (На роль Господа Бога, Тони. А ты что подумал?) (Я уже говорил, скажу еще раз. Колоссальную вещь сотворил русский язык, по еврейским законам имя Бога нельзя упоминать вообще — никакого панибратства! Если бы ортодоксальная церковь переняла этот канон, то Гос. Безопасность и Господь Бог имели бы двуликое сиятельство. Г.Б. и Г.Б. Вот это да! Молох и созидание — классический закон единства и борьбы противоположностей.)

...Странно, что сегодня есть прямая возможность поспать, а я ни свет ни заря глаза продрала и строчу это письмо. Мне обидно тебя обидеть, потому что такое чувство, будто я обижаю саму себя. Я не могу ехать в Париж, хотя мне, конечно, очень хочется увидеть тебя на фоне этого города. Я вдруг поняла, что у меня нет сил превратиться из миража в реальность. Я могу от этого умереть...

...Мне очень скучно часто, хотя бывает и хорошо тоже. Элю досрочно перевели в последнюю группу садика, специально звонили мне в офис, поздравляли. Я родителям звоню, хвастаюсь, говорю: «Представляете себе? Ее перевели досрочно! Вот это да!» А папа мне: «Да, доченька, мы представляем, представляем». Я на секунду обижаюсь, потом смеюсь — действительно, уж кто себе представляет, так это они, родители самого показательного ребенка в радиусе 100 км, какой я была в Риге.

Как смешно тасуется колода или причудливо — Булгаков так говорил. (Булгаков — это что-то тебе говорит, герр профессор?)

...Сегодня я буду бездетная на часов шесть — восемь, вот уж разгуляюсь...

Ты знаешь, я порой удивляюсь, почему искусствоведы пытаются найти у Босха признаки какого-то потустороннего источника вдохновения, потому что, по мне, жизнь — не на Марсе, просто жизнь — такая причудливая штука, что лучше, чем картиной Босха, ее не охарактеризуешь».

Еще раз прочитал. Да, много туманного, тревожного и загадочного. Особенно по поводу боязни превратиться из миража в реальность. Но потом я подумал, что это чисто женская логика — ведь я еще не вернулся в Лос-Анджелес, и Дженни элементарно себя подстраховывает. Все правильно. А главное, вместо того чтобы тыкать мне в нос цифрами, Дженни написала красивое и, в общем-то, ободряющее письмо. И намеки, что, мол, бывает хорошо и вот разгуляюсь — понятны. Она любит повторять: «Не я, ты от меня уехал». Значит, не заплывай жирком, сомневайся, нервничай и помни: нельзя женщину оставлять одну на долгий срок.

Какая умная девочка!

Словом, я себя успокоил. Ou presque. У меня был богатый профессиональный опыт находить в каждой критической ситуации нечто благоприятное. Нутром я, конечно, чувствовал: это очень плохо, что она не приедет. И может, она ждет, что я устрою истерику по телефону с упреками и мольбами, но это лишь усугубит дело, и меня же побьют моей, мужской, логикой. Причудливо тасуется колода. Мне больше не прет козырная масть,

значит, не надо ломать карту. Принять как должное. В любом случае нельзя делать глупости, которые от тебя ожидают (первая заповедь разведчика!). Не помню, есть ли в Лувре картины Босха? Если нет, куплю альбом, полистаю, может, озарит...

А когда соберусь с духом и позвоню, то не буду выспрашивать, что именно она имела в виду за каждой строчкой. Не нужно допытываться, не нужно комментировать. Просто скажу: «Дженни, ты написала хорошее письмо».

* * *

В августе в Париже ничего не происходит. Парижане, все, кто мог, уехали к морю или в горы. На Лурмель закрылись соседние булочные и кафе. Даже почта работала с прохладцей. Правда, в июле она поднатужилась и навалила мне бумаги пенсионных касс и пять вежливых отказов из американских университетов. Бумаги я заполнил и отослал в первый же день по возвращении. С тех пор в моем почтовом ящике выросла капуста. И вообще, было ощущение пустоты. Реакция на напряженный и приятный месяц в Круазики? Или я все-таки настроился на роль гида, а показывать Париж оказалось некому...

Я симулировал активную деятельность, сочинял, отправлял послания в штаты Среднего Запада. И понимал, что это арьергардные безнадежные бои. Раз университеты на Тихоокеанском побережье, где кое-что про меня слышали, не изъявили желания, на что прикажете рассчитывать в американской глупинке?

Права моя девочка: кто-то из нас двоих обязан зарабатывать деньги. Я даже догадываюсь, на кого она намекала. Посмотрим, какую пенсию мне выведут, но вряд ли это будет решение проблемы.

Цыганка раскидывала карты, колода тасовалась причудливо, и дорога дальняя (не знаю, как казенный дом) мне не грозила.

Хандра.

Тем не менее то ли благодаря Круазику (купаниям?), то ли правильному, полуспортивному (и аскетическому!) образу жизни, я привел себя в полный порядок. Физически я был ого-го! И даже «иго-го», хоть запуская как рысак на ипподром. В разговорах с Лос-Анджелесом я старался не показывать своего плохого настроения, однако Дженни чувствовала, что я — цитирую ее слова — «в дауне», и всячески меня успокаивала: мол, не волнуйся, вернется из отпуска Инга Родней, я с ней поговорю, не может такого быть, чтоб она для тебя чего-нибудь не придумала.

Какая вера в мою репутацию (не столько в профессорскую, сколько в мужскую)!

И, кладя телефонную трубку, я каждый раз расправлял крылышки и делал пируэты под потолком... А наутро опять переход из миража в реальность. И однажды, просчитав варианты, включая самые мрачные, я осознал одну вещь: да, надо быть ко всему готовым, сердце красавицы склонно, разница в возрасте и тпр и прр, и, скорее всего, карта ляжет не причудливо, а логично — все так! все можно пережить! — но если наступит момент, когда мне некому будет звонить в Лос-Анджелес, я от этого просто умру.

В августе в Париже ничего не происходит. Газеты высасывают из пальца новости и раздувают из мухи слона. Я вздрогнул, увидев в журнальном киоске на первой полосе «France-Soir» фотографию Сережи. Старая фотография, уже публиковавшаяся в «Figaro» сразу после Сережиной смерти.

Принес номер домой и стал внимательно вчитываться. Сереже была посвящена целая страница. Подпись под фотографией: «Известный golden boy, жертва русской мафии в Париже». Подзаголовок, набранный жирным шрифтом: «Дмитрий Копытин, предполагаемый убийца, арестован в аэропорту Франкфурта и передан в руки французской полиции».

Собственно говоря, новость заключалась вот в чем. Французская юстиция не дремала и в ходе рутинной проверки списков пассажиров, прилетавших из России, обратила внимание на некоего Юрия Козлова, который побывал в Париже в трагические для Сережи дни. Запросили немцев. Немцы ответили, что эта фигура им знакома. Часто навевается в Германию и, похоже, выполняет «деликатные» поручения. Похоже, за ним тянется мокрый след. Но прямых улик у немецкой полиции нет. Запросили Москву, российское МВД медлило с ответом и потом вдруг сообщило: мол, знаем субчика. Только никакой он не Юрий Козлов, а Дмитрий Копытин, бывший уголовник, ставший во время перестройки бизнесменом. И за границу он выезжал с паспортом на имя Юрия Козлова, был разоблачен за подлог, однако попал под амнистию. Теперь юридически он перед законом чист, но МВД на всякий случай хранит в своем архиве часть документации, конфискованной у Копытина-Козлова при обыске.

Французский следователь не поленился, полетел в Москву, получил доступ к архиву и обнаружил в бумагах среди прочего фотографию Сережи, план его парижской квартиры, фотогра-

фию входной двери, номер кода. Зная коррумпированность московской милиции (так пишет «France-Soir»), французский следователь никому ничего не сказал о важной находке, попросил лишь разрешение снять копии, дескать, ему тоже нужно для архива.

Далее в Париже была разработана хитроумная комбинация. Через Интерпол в европейские страны, связанные Шенгенским соглашением, разослали ордер на арест Дмитрия Копытина. И стали ждать. Дело в том, что Москва наверняка отказалась бы выдать российского гражданина, против которого имеются лишь косвенные улики, а сам Копытин мог быть предупрежден. Возможно, Копытин предполагал, что Интерпол разыскивает некоего Юрия Козлова, но о существовании Дмитрия Копытина Интерполу ничего не известно. И вот 17 апреля Дмитрий Копытин, ни о чем не подозревая, прилетел во Франкфурт, чтоб пересесть на самолет Люфтганзы, отправляющийся в Нью-Йорк (Зачем пересадка? Почему не прямой рейс из Москвы? «France-Soir» ставит три вопросительных знака), и тут при регистрации билета голубчика взяли под белы ручки. В карманах у Копытина оказалось семь с половиной тысяч долларов, а в чемодане — фотография Дмитрия Кабанова и его домашний адрес в Бруклине, план квартиры, фотография дома. Дмитрий Кабанов, пишет «France-Soir», не кто иной, как друг и компаньон русского golden-boy, убитого в Париже. Ранее Кабанов тоже проживал во Франции, но после ночной автоматной очереди в восьмом районе сбежал в Америку и там прятался, опасаясь мести русской мафии. Что же касается Дмитрия Копытина, то тот, будучи в немецкой тюрьме, нанял за большие деньги адвоката, и адвокат ходатайствовал, чтобы его клиента оставили в Германии или выслали в Россию. Видимо, ехидно замечает «France-Soir», Дмитрию Копытину очень не хотелось отвечать на вопросы французского правосудия, да отвечать придется. Копытина два дня тому назад привезли в парижскую тюрьму Санта.

Что еще? Газета во фривольном духе пересказывала биографию Сережи: любитель длинноногих девиц и ночных заведений, деньги делал как будто из воздуха. Знал, что ему угрожали, но в роковой для себя день дал отпуск своему телохранителю. Пассаж по поводу загадочной русской души...

На той же страничке были подверстаны другие материалы о «новых русских». Как они сорят долларами на французском Лазурном берегу, как отмывают деньги через оффшорные фирмы или скупая недвижимость. Информационная колонка о деятельности русской мафии на Западе: торгуют наркотиками, ору-

жием, нефтью, плутонием, привозят проституток, занимаются рэкетом.

Все статьи без подписи.

И вроде бы подверстанные статьи не имели прямого отношения к Сереже, рисовали общую картину, но получалось, что Сережа и русские мафиози — одного поля ягоды.

Противно.

Между прочим, благодаря Сереже Франция получила доступ на российский продовольственный рынок, заключив миллиардные контракты. И Сережа как посредник имел с этих контрактов проценты официально и законно.

Об этом ни слова.

А ведь когда-то самая серьезная французская газета «Монд» писала о Сереже как о лидере нового поколения *французских* бизнесменов. И его приглашали прочесть курс лекций на экономическом факультете в Жусье.

А ведь когда-то... Думаю, что Великая французская революция допустила существенную ошибку. В эпоху террора надо было принять декрет и согласно ему рубить голову людям, которые говорят: «А ведь когда-то...» Жестоко, конечно, но дураков было бы меньше.

Ну что требовать от желтой прессы? Им плевать на Сережу. У них свои проблемы. Август. Читатели разъехались. Залегли на морском песочке, на лодке, на бабе. Тиражи падают. Надо как-то стащить читателей с пляжных лежаков, заставить покупать газеты. А тут полиция сливает информацию. Грех не воспользоваться и не порезвиться на модную у публики тему.

Опыт учит сдерживать эмоции. (Вранье! На самом деле опыт ничему не учит, иначе мы бы не бились лбом в одну и ту же стену.) Ты в данном случае пристрастен и не можешь судить объективно.

И все-таки попытаемся обмозговать новые факты.

Московская милиция арестовала гражданина Копытина. Провели обыск, изъяли документацию. Искали, естественно, местный компромат. Ясно, что фотография Сережи заинтересовала! Почему обратили внимание на листок с планом квартиры и фотографию какой-то двери? Для москвичей это китайская грамота. По принципу — пусть лежит в папочке, а там что-нибудь всплывет. Подозревали, что у Копытина параллельно бизнес особого рода? Вполне вероятно.

Чертова амнистия. Приходится выпустить птичку из клетки. Обидно. А бумаги сохранили. У милиции на Копытина зуб. Может, еще пригодится. Логично.

Французы запрашивают сведения о Козлове, сиречь Копы-

тине. Не в традициях МВД делиться секретами с иностранными службами. Здесь ставим большой знак вопроса. Но, с другой стороны, почему не воспользоваться случаем и не подстроить гражданину Копытину гадость руками французов? Очень даже заманчиво. *Faisable*.

Представляю себе, как французский следователь подпрыгнул до потолка, наткнувшись на план, код и фотографию, которые ему так много говорили.

Пока все логично!

И ловушку французы придумали элегантную. Поздравляю. Научились мышей ловить. И какой улов! Ведь ежу понятно, с какой целью господин Копытин хотел навестить мистера Кабанова в Бруклине. Правда, это косвенная улика, но сколько совпадений!

Слишком много совпадений. Слишком много счастья.

Наверно, я мегаломан, сошел с ума на старости лет (вполне допускаю!), но впечатление, что вся эта информация, полученная французами, адресована не столько им, сколько мне, персонально.

Правда, не стыкуется одна вещь. Французский следователь побывал в Москве явно раньше предполагаемых событий. Подчеркиваю, предполагаемых. То есть многоходовая шахматная комбинация. Вручили французу на блюдечке с голубой каемочкой бумаги, которые он и не мечтал заиметь, и спрятались за удочку. Это называется домашней заготовкой.

Далее, я считаю по календарю. Через двадцать дней после нашей задушевной беседы с Димой Кабановым в Лос-Анджелесе выпускают из Москвы Копытина. Техника элементарна: некто «заказывает» Кабанова, заказ срочный, и так как запасной паспорт отсутствует (добиваться его хлопотно и рискованно, однажды уже нарвался), Копытин решает лететь со своим. Вдруг пронесет? Ведь посулили небож солидную сумму. (Спизнозы в московских спецслужбах неукоснительно руководствуются правилом: жадность фраера сгубила.) Копытин не знает, что в Европе ждут не Козлова — его самого. А пересадка в Европе обязательна. Российские киллеры набрались опыта, известно, что в первую очередь начнут просматривать списки пассажиров из Москвы и Санкт-Петербурга. Но полиция во всех европейских аэропортах на стреме, фамилия Копытина в компьютере. И как бы Копытин ни петлял и ни мудрствовал лукаво, он угодит в сети Интерпола — промахнуться невозможно.

А в чемодане у Копытина отмазка на Диму Кабанова. Дескать, мальчик Дима не только не замешан в убийстве Сережи, но за ним еще и охотятся. Как будто мне послание открытым

текстом: «Уважаемый профессор Сан-Джайст, вот вам жирный след русской мафии. Пожалуйста, успокойтесь и прекратите партизанские вылазки».

Малость переборщили. Не удержались от издевательской ухмылки: Копытин, Козлов, Кабанов — все с копытами!

Повторяю, или это паранойя, тогда все просто: бегом к психиатру. Или... Тогда все очень сложно, учитывая, что по ряду обстоятельств прямых путей на Кэ д'Орфевр у меня нет.

Вчера волшебный голос из Лос-Анджелеса сказал:

— Иногда иду по нашим с тобой маршрутам, ты же любил кружить по соседним улицам, и клянусь себя. Ведь рядом со мной шагала живая история — История с большой буквы, герр профессор, — а я болтала какие-то глупости и не задала миллиона вопросов, которые можно — и нужно — было задать.

Не скрою, мне было приятно это услышать. Конечно, для приличия я возмутился, — мол, мой вечерний театр одного актера уже забыт? — и пообещал, что, когда вернусь в Лос-Анджелес, не буду закрывать рта и кто-то еще взвоят от моих мемуаров.

Мне кажется, я догадываюсь, как она каждый раз воспринимает звонок из Парижа — действительно ему рада или только делает вид...

Там все время меняется настроение.

Уезжая из Гармиша в Париж, я спросил в частной беседе у начальника школы: могу ли я в экстремальных ситуациях обращаться за помощью к французам? Толстяк американец добродушно рассмеялся:

— Разумеется, Сан-Джайст. Если к вам в квартиру ломятся вооруженные грабители — немедленно звоните в полицию. А так, других поводов не вижу.

Франция меня приняла нормально, согласно легенде (сын французского военнопленного вернулся на родину), никто палок в колеса не вставлял и никто не оказывал протекции, — свое профессорское звание я заработал честно. Сначала я поселился в университетском общежитии, рядом с парком Монсури, в корпусе для младшего преподавательского состава и аспирантов. Все было бы хорошо, если б не впечатление, что мою комнату регулярно посещают. Я решил схулиганить, написал на листке: «Господа из Д.С.Т.! Не хочу мешать вашим трудам праведным, однако извольте все мои бумаги класть на место. Je vous prie

d'agreer, Messieurs, l' expression de mes sentiments distingues», — и сунул листок в конспекты лекций. Сунул и забыл. И вот как-то прихожу домой часа в три ночи после... гм, галантной свиданки, зажигаю свет, в комнате порядок, а на середине стола, отдельно от конспектов и книг, лежит мой листок. Я еще подумал: может, я сам его вытащил? Да зачем мне его класть так, чтоб он сразу бросался в глаза?

Загадка осталась неразгаданной, но с тех пор в мои апартаменты во Франции (включая, естественно, и студию на Лурмель) привидения не являлись.

В «служебные» командировки меня всегда отправляли в загранку, и Боже упаси, чтоб они затрагивали «национальные интересы» (цитирую Глубоководную Рыбу) моей страны. Более того, когда действия координировались, французы меня прикрывали, как, например, в Бейруте. С Жан-Пьером мы просидели двое суток в подвале разрушенного дома, тепленькое было местечко, наверху все полыхало, друзья бомбардировали город из тяжелых орудий, мы пытались высунуться, но невозможно было понять, где христиане, где мусульмане, а ошалевшие от жары, дыма и наркотиков боевики палили во все четыре стороны, во все, что двигалось. У нас имелась бутылка воды, и мы отпивали из нее крошечными глоточками, экономили. «Герд, — говорил мне Жан-Пьер (не знаю его настоящего имени, а я был западногерманским технарем), — если мы выберемся целехонькими из этого пекла, то ставлю тебе шампанское». Да, помнится, по легенде, Жан-Пьер был бельгийским журналистом, однако после первой моей фразы он спросил: «Ты, немчура, в каком квартале живешь в Париже?» Когда над головой трясется потолок и в любой момент фугасный снаряд может распотрошить наше убежище — языки развязываются. Мы обсуждали достоинства и недостатки каждого рестораника на бульваре Сен-Жермен. Жрать было нечего. В ночь на третьи сутки нас нашел посыльный от генерала Ауна... Разве такое забывается?

Забывается, когда прикажут забыть.

Я встретил Жан-Пьера на авеню Клебер, он сделал стеклянные глаза и прошел мимо.

Все правильно. Ведь я числился по иностранному ведомству.

Лет десять тому назад мне потребовалось навести справки по одному вопросу. В принципе можно было позвонить куда надо, представиться, взять rendez-vous — дело было вполне невинное. Нет, решил я, раз французы меня не замечают (якобы!), зачем возникать первому? Найди пенсионеров, они словоохот-

ливы. Короче, раскопал по телефону отставного дипломата, который, по моему разумению, был в курсе некоторых событий, объяснил ему, кто я и что мне от него нужно. Отставник надулся от важности (это я почувствовал по его тону) и назначил мне свиданку в здании на Кэ д'Орсэ. Я еще удивился, почему не на нейтральной территории? Потом понял: дипломат желает мне продемонстрировать, что он до сих пор причастен к министерству. В ресторанчике мы бы с ним беседовали на равных, в здании Кэ д'Орсэ — в библиотеке, в кантине или хоть за столиком в вестибюле — я поневоле проникнусь уважением к старому грибу.

Ладно, о'кей! Я его подождал у метро «Инвалидов», мы пересекли улицу, направились к служебному входу. За дверью — полицейский. Дипломат ему тычет свое удостоверение (наверняка просроченное) и что-то вещает. В ответ надменный жест: не положено!

Я уж не знал, куда глаза девать, чтоб не быть свидетелем такого унижения. Человек проработал в министерстве всю жизнь, а теперь его не пускает рядовой охранник.

В этом вся суть французский бюрократии. Сейчас ты не служишь — не суйся!

Потрясенного отставника я долго отпаивал в кафе бордольской Сан-Эмильонского розлива.

Как бы встретили меня, личность постороннюю?

Мордой об стол.

Это я к тому, что старые связи забываются, а прямых путей не существует.

Неоднократно размышлял на тему: почему французы меня в упор не видели? (Только не говорите мне про политес, в Системе его не бывает.) Думаю, по двум причинам, взаимно друга исключаящим. Или были раздосадованы (своего рода ревность), что я на них не работаю. Или решительно не хотели, чтоб я у них работал.

«Вы превратились в крупную международную фигуру, мало управляемую», — сказала Глубоководная Рыба. В сущности, комплимент сказала, как человеку в отставке, чтоб потешить его самолюбие. Если бы я продолжал работать в Системе, мне бы такое не сказали, ибо неуправляемые в Системе не работают. В Системе все управляемы. Ведь только после Копенгагена я начал вспоминать подробности, кем я был когда-то. До этого вспоминать было некогда. Вызывали и поручали: «Шеф отдал нам приказ лететь в Кейптаун...» Есть, будет исполнено!

Но могло вот что случиться. Всплывают Глубоководные Рыбы — не для того, чтобы мне мозги прочистить (для этого

есть начальство), а для того, чтобы разъяснить сложность, запутанность и пикантность предстоящей миссии. Отечественки наставляют, разъясняют, а далее неизбежно следует:

— И вот, молодой человек, — (у Рыб все в Системе юноши), — когда я работал с А...

Подразумевается, что учились службе и всем ее секретам у знаменитого и почитаемого А.

Другая Глубоководная подхватывает:

— Когда А. еще работал с В.

То есть перенимал опыт у В.

— В. работал у С.

— С. работал у D.

— D. работал у E.

— E., он же ученик того самого легендарного F.! Господа, мы просто забываем прошлое. Именно так, молодой человек, выстраивалась преемственность...

А молодой человек, ваш покорный слуга, вдруг как бы мимоходом замечает:

— Да знаю я F. Только его всему научил G., а G. я посылал в лавку за вином.

И разом рушатся все Святое, Неприкасаемое, Традиционное. Легендарное, на чем стоит, на чем основана Система. Святотатство!

И главное, такое я могу сказать лишь своим соотечественникам. Факт, никуда не денешься. Действительно, зимой 1793/94 года я посылал G. в лавку, правда, не за вином — за чем-то еще, не помню.

Интенсивная жизнь с Лос-Анджелесом (по телефону) протекала в заранее назначенные вечера. Этот звонок был неожиданным.

— Я говорила с твоей — (моей???) — Ингой Родней. Она мне все подробно объяснила. Им срезали бюджет. Она не смогла продлить контракт двум своим преподавателям. На кафедре плач и стенания. В такой ситуации приглашать кого-то со стороны, да еще из Европы — нонсенс, скандал. Она абсолютно ничего не может для тебя сделать.

— Спасибо за хлопоты, — ответил я. — Сам бы не согласился. Не хочу никого лишать заработка. Мне с сентября определили пенсию (сказал все-таки словечко, само вырвалось), что-нибудь придумаем. Надеюсь, ты не настаивала?

— Не настаивала. Не имело смысла.

Повесив трубку, я не проделал, как обычно, фигур высшего

пилотажа под потолком. Куда девался волшебный голос? Дженни разговаривала со мной (а я различаю все ее интонации) так, будто я был занудливым, надоевшим клиентом. Разозлилась на Ингу, и мне влетело рикошетом? Или разозлилась на меня, дескать, сидит, увалень, в Париже, размечтался, а здесь от него все отбрыкиваются?

Но я заранее считал вариант с Ингойдохлым. Почему Дженни в него упорно верила?

Отправил очередные конверты в Монтану и Небраску. Климат северных штатов мне более привычен. А в Лос-Анджелес буду летать с пересадкой в Солт-Лейк-Сити.

Вернулись с океана дети — загорелые, веселенькие. У моей дочери — идиллия. Ожидается прибавление семейства.

...Стучу по дереву и удаляюсь на цыпочках.

3 сентября на мой счет в банк перевели дополнительную пенсию. Если бы такую сумму получать ежемесячно! Фигу, дополнительная пенсия — раз в квартал. Основную буду получать по одиннадцатым числам, а она в девять раз меньше дополнительной. Все равно, спасибо Франции, в кои-то веки можно жить ни хрена не делая, совершать для здоровья моцион, покупать Аньке и Леле сникерсы, булочки, а там, глядишь, скоро еще кто-то появится — судя по папаше, очень энергичный...

Благодать!

Заведу шуры-муры со строгой дамой из ядерной медицины, приобретаю предварительно, как осторожный француз, счетчик Гейгера. Начнет дама юбку расстегивать, а я незаметно ей спину счетчиком поглаживаю: если не затрещит — пожалуйста, дорогая, в постель. А какие у нас будут волнительные, страстные беседы за столиком в ресторане! «Дорогая, бокал сотерна?» — «Возьми лучше красного вина, по последним исследованиям американцев, оно хорошо для сердечно-сосудистой системы». — «Рыбу или мясо?» — «Рыба полезна для головы, говядина повышает содержание гемоглобина. В качестве приправы, милый, закажи брокколи. Это тебе против холестерина».

И чтоб совсем скучно не было, стану завсегдаем кафе, где коротают свой досуг отставники из министерства внутренних дел. Нет такого кафе? В Париже все найдешь, если поискать. Еще один путь, неординарный. Связаться с журналистом из той же «France-Soir», который вхож на Кэ д'Орфевр. Связаться, подружиться, заинтересовать. Разумеется, полиция ему сливает дозированную информацию, он лишь ушами хлопает. Но ты

ему подготовишь конкретные вопросы и не в лоб (иначе полицейский чин заподозрит подвох), а вокруг да около, называется это неводом, вытаскивает невод много тины и, по теории вероятностей, кой-какую живность. Наметанный глаз разом эту живность ухватит.

— При-и-вет! Как настроение?

Я ответил длиннющей тирадой. Дескать, как человек допотопный и не доверяющий калькуляторам, купил в антикварном магазине бухгалтерские счета. Щелкаю костяшками направо и налево. Определяю, какую сумму из та *retraite* оставить на покрытие неизбежных трат — содержание квартиры, налоги и т. д., а какую можно безболезненно переводить в Лос-Анджелес. Однако по сравнению с заработком твоих докторов, которые кадрируются к тебе в госпитале, капитал получается жалким. Поэтому жду с нетерпением письма из Небраски, обещали пригласить (тут я вру безбожно!) на второй семестр.

— А тебе никогда не говорили, что не в деньгах счастье? — спросил волшебный голос.

— Да ну? Первый раз слышу!

— Представь себе, такое бывает. Что же касается докторов — ты прав, кадрируются с утра до вечера. Я даже малость запуталась. Хочу разобраться, навести порядок в своей личной жизни, отсечь ненужное.

— Дело хорошее, разобраться — всегда полезно. Отсекай недрогнувшей рукой.

— Не беспокойся. Рука не дрогнет.

Что-то мне было тревожно за дочь. Не знаю, чем объяснить. То есть знаю; с годами (моими) начинают мерещиться разные страхи. И поехал я (что делаю не часто) на бульвар Сульт к Н. К. Пили чай, мирно беседовали. Надо сказать, вот она с годами изменилась к лучшему. В том смысле, что поумнела. Н. К. догадывалась, зачем я к ней прихожу. Не ради прекрасных глаз, а как к посреднику. Дочери вопросов не задаю, задаю мамаше. И через мамашу получаю отредактированные ответы (правда, не всегда). В общем, перед Н. К. я всячески заискивал: у тебя с нашим ребенком особые отношения, она доверяет твоему мнению, а мне она доверяет только детей...

— Антон (покорно откликаюсь; всю жизнь для нее буду Антоном), тебе надо было в свое время всевозможное заниматься

воспитанием девочки, а не развлекаться с бабами по заграницам.

...Так она воспринимала мои служебные командировки.

Не возражаю. Пропускаю мимо ушей. И для нее это уже не упреки, а своего рода бесплатное угощение к чаю. Далее она говорила по существу, и если отбросить эмоциональные всплески и еще несколько «домашних пирогов», то вот резюме:

У них все отлично. Родить третьего — разумнейшая идея. Тем самым глава семьи будет любить всех детей, как своих. Он человек очень ответственный. Не напоминай ей про Сережу. Забывать — защитная реакция женщины. Ты не понимаешь женщин и никогда их не понимал. Женщина инстинктивно забывает ужасы, чтобы сохранить силы на детей. А у тебя привычка пальцем ковырять чужие раны. Губительная страсть к правдоискательству любой ценой. Все у них будет хорошо, если ты не влезешь. Надеюсь, тебе хватило такта промолчать о публикации во «France-Soir»? Пойми, Антон, нам неизвестна подоплека гибели Сережи. Да, я тоже плачу, но если бы Сережа думал о детях, он бы не пускался в авантюры. И вот что наша дочь велела передать: «Скажи папе, чтоб он не рыпался. Полиция мне гарантировала безопасность детей при условии, что не будет выхода в прессу. Пусть забудут про них. Иначе у подъезда нашего дома начнут дежурить фотографии, а газеты — смаковать подробности. Я не знаю, кто стрелял в Сережу, но я не хочу, чтоб эти люди заинтересовались его детьми».

И в заключение:

— Антон, я тебя достаточно изучила, вижу, ты возмущен выступлением «France-Soir» — грязь, сплетни, враки — и жаждешь где-то высунуться, опровергнуть. Не высывайся. Искать убийц — дело полиции, а не профессора-дилетанта. У тебя же намечались какие-то лекции в Америке? Впервые приветствую твои заграничные планы.

Словом, женская логика. Ее можно оспорить по многим пунктам, но в ней есть свой здравый смысл. Здравый смысл хотя бы в том, что журналист, которого ты намеревался использовать, как рыболовную снасть, задаст себе вопрос: почему этот месяц проявляет такое любопытство. И если он не полный болван, то быстро выяснит, кто ты, и взамен потребует красочных деталей для очередной статьи. Ты откажешься, он в отместку напишет о твоих «коварных происках», да еще наплетет такое!

То есть ты чуть было не попал в собственную ловушку и чудом избежал справедливейшего гнева Ее Высочества.

Мораль:

Продать студию на Лурмель, перевести деньги Дженни, чтоб она погасила долг и чтоб я, хотя бы поначалу, не выглядел бедным родственником? Это было бы по-мужски.

Но студия на Лурмель — наследство Ее Высочества, наследство детей. Должен же я им что-то оставить.

Сдать студию внаем перед отъездом в Лос-Анджелес? Финансово выгодное решение, только куда я дену свои архивы? Ими забита половина книжных полок.

Который час в Лос-Анджелесе? По идее, Дженни в конторе, сидит за компьютером.

Набираю номер.

— При-и-вет! Получил приглашение из Небраски?

— Наверно, затерялось на почте. Короче, я как парашютист-десантник. Жду твоей команды. В любой момент готов спрыгнуть на Диккенс-стрит.

Пауза.

— ...А что ты будешь делать? Я же целые дни в госпитале.

— Что делать? Ходить в библиотеку. У меня обширные планы. Завалю факсами все университеты Дикого Запада. Когда я за тридевять земель, им легко от меня отмахиваться, а когда я под боком... Почему-то не слышу энтузиазма в твоём голосе.

— Плохое настроение. На работе жалуются, что я ко всем цепляюсь и придираюсь.

— Разборка с докторами?

— Разборка с докторами. И вообще, я стала какой-то вредной. Со мной сейчас тяжело общаться. Я бы на твоём месте не торопилась в Лос-Анджелес.

— Дженни!!!

И я понес, понес, понес. Дескать, я не буду тебе в тягость. Наоборот, помощник в трудную минуту, верный друг, утешитель и домработница. Стерплю все твои капризы. Сочту за счастье.

Бессмысленный набор слов.

Пауза.

— Ладно, дай мне время подумать. Я позвоню на неделе.

Звонка не последовало. И я решил, что недостойно мне выступать в роли мучителя моей девочки. Надо взять инициативу на себя. Через десять дней позвонил сам:

— Жива, здорова? Мое настроение? Превосходное. Знаешь, чем я занимался? Штудировал в парижской национальной библиотеке своды юридических законов. Начиная с Нантского эдикта. И не нашел ни одного декрета, который бы тебя обязывал.

вал. Никакие присяжные заседатели, никакой народный суд не может тебя заставить жить со мной. Не существует в природе такой юрисдикции. Зато вычитал аналогичную историю. Он: «Кармен, тебя я обожаю, Кармен, тебе я все проща-а-аю». Она: «У любви, как у пташки, крылья». Новелла Мериме, написана в прошлом веке. Нет ничего нового под солнцем. Цитирую не Мериме, а либретто оперы? Вот видишь, какие мужики обманщики. Я рад, что удалось тебя развеселить. Буду продолжать в том же духе по телефону с твоего, конечно, позволения. Позволяешь? Целую тебя, моя девочка.

* * *

Когда Дженни еще не было (неужели когда-то Дженни не было?), я мечтал: выйду на пенсию — планировалось сие лет через пятнадцать — и засяду за трехтомный исторический труд, посвященный ключевым событиям последних двух веков.

Французская революция.

Наполеоновские войны и передел Европы.

Гражданская война в Американских Штатах.

Первая мировая война и Русская революция.

Вторая мировая война.

Мир в эпоху «холодной войны».

Часть материала взял бы из своих старых лекций, перекомпоновал, выстроил по схеме. Материал надо строго отредактировать, очистить от полемики. Например, в моем курсе по истории Французской революции я постоянно полемизировал с Оларом и Мишле, хотя отношусь к ним с глубоким почтением. У лекций своя специфика, но в книге полемизировать с классиками считаю недостойным приемом — сколько людей сделало себе имя в науке на конъюнктурной полемике! Моя задача — обосновать свою концепцию, и тут требуется не кавалерийский наскок (чем я, каюсь, злоупотреблял на лекциях), а годы упорной пахоты. В первую очередь желательно перечитать те книги, которые когда-то меня многому научили, а это — полтысячи томов! То есть, в сущности, у меня времени — в обрез. Дай Бог здоровья и сил проработать с полной выкладкой еще лет двадцать...

Ведь предчувствовал, что попаду в цейтнот, и это послужило дополнительным поводом для ухода из Системы! Хватит оперативных игр и странствий, не тебе решать судьбы мира, вернись к себе самому — не буквально, буквально вернуться невозможно, — но ты был задуман как личность, которая впитала в себя идеи Монтескье и Руссо, ты был теоретиком.

Автоматная очередь в Париже через застекленную дверь напомнила библейскую истину: кто-то предполагает, а кто-то на самом деле располагает.

А потом появилась Дженни. И ты тоже кое-что предчувствовал...

Нет, так просто я ее не отдам. Что бы там ни было — увлечение, роман, перепад настроения — не важно, не хочу знать! — ты должен вести себя так, как вел под Эйлау свой полк на русскую стену штыков, а более безнадежной ситуации в твоей жизни не встречалось.

Рассмотрим хладнокровно диспозицию.

Госпитальный долг. Пусть он тебя не волнует. Как-нибудь выкрутишься, где-нибудь что-нибудь сдвинется. В крайнем случае купишь билет на самолет в Осло и отправишься к северным фиордам. Не бывало такого, чтобы женщины не получали от тебя денег. С какой стати традиция будет нарушена?

Дженни, Дженни, Дженничка... Сними розовые очки, вспомни все ее вольные или нечаянные исповеди. «Мы — поколение, совершившее сексуальную революцию». Она — современная девочка, ты у нее... десятый... тридцатый... сотый... по счету любовник (к черту арифметику!), у нее с ними сложился стереотип отношений. Она их неожиданно бросает (любовников, не отношения, впрочем, по логике — есть логика? — отношения тоже), и гордые мужчины ни хрена не понимают (ведь еще вчера клялась, божилась, любила!), ревнуют, причитают, хнычут, надоедают, преследуют ее... Раньше мужики уходили первыми, теперь первыми уходят женщины, — поветрие, мода изменилась, а мужики все еще не разобрались, не очухались!

По настороженной интонации ее голоса чувствуется, что она ждет подобного поведения и от тебя.

Сломай стереотип, и все встанет на место.

Повторяй себе: нет ничего отвратительнее влюбленного старикашки, лепечущего жалкие слова. Ты профессор и по великой милости разрешаешь своей студентке быть с тобой на «ты».

...Но, как студент к экзамену, я готовился к каждому телефонному звонку в Лос-Анджелес. Следил за тем, чтоб мой голос был бодр и весел, старался ее рассмешить какой-нибудь заранее придуманной байкой. И когда это удавалось, — удавалось! — я говорил: «Целую тебя, моя девочка» — и вешал трубку.

Особенно тяжело ранним утром. Просыпаешься совершенно беззащитный, не успев облачиться в дневную броню. И сразу как током бьет: «Нет Дженни!»

Недаром изощренные палачи казнят приговоренных к смерти на рассвете.

И мне, чтобы справиться с болью, надо было тут же вскакать и мчаться куда-то по неотложным делам (чаще всего иллюзорным) или, наоборот, продолжать валяться в постели, постепенно погружаясь в сладкий поток химерических планов, в апофеозе которых я вручал Дженни чек на шесть миллионов долларов (почему шесть? а почему нет? какая, в сущности, разница...) или приносил примерно такую же сумму в наволочке наличными (причем всерьез размышлял, поместятся ли банкноты в наволочку), а потом с непроницаемой рожей удалялся, даже не прикоснувшись к руке моей девочки.

Слабо?

Мною овладела идефикс: сделать Дженни подарок, ведь, кроме цветов, я ей ничего не дарил. Подарок — «Мерседес-500»; «БМВ-328i», дом на Беверли-Хиллз — получай, пожалуйста, ключи, а я отваливаю и ни на что не претендую. Естественно, подразумевалось, мол, дальше посмотрим. Но дальше смотреть было неинтересно (честное слово!), я категорически себе запрещал (и это удавалось) воображать какие-либо постельные сцены. Бредовые фантазии с наволочкой, набитой банковскими пачками зеленых бумажек, служили мне чем-то вроде пуленепробиваемого жилета, и когда я его на себя натягивал, то с легким сердцем и чувством исполненного долга топал в национальную библиотеку.

В «Мемуарах» Талейрана (том III) обнаружил такое место:

«Осенью 1828 года по какой-то надобности я оказался в Брюгге (пропускаю описание красот этой северной Венеции) и там случайно встретился с одним любопытным человеком. Мне его представили как шведского аристократа (не помню имени), выправка и манеры вполне тому соответствовали, более того, угадывалась военная биография. Впрочем, как только он произнес несколько фраз — беседовали по-французски, — я понял, что этот швед парижской закваски, вырос на парижских дрожжах. Неудивительно. По Европе тогда бродило множество авантюристов, осколков Великой империи. Ведь Император в благом расположении духа мановением руки чеканил в больших количествах «фонов», графов, баронов — поди теперь проверь, кто из них подлинный, кто фальшивый.

Мне сообщили, что этот «швед» обладает обширной информацией. Действительно, кое-что он знал.

Но когда он сказал: «Граф Д'Артуа не сможет долго управлять Францией, его прогонят» — я чуть не грохнулся на пол от изумления.

Меня поразили не столько его слова (как приверженцу Орлеанской династии мне их приятно было услышать, к тому же они подтверждали и мои наблюдения), сколько слог. Мой собеседник говорил на жаргоне французских санкюлотов! О Боги, революция кончилась почти тридцать пять лет тому назад, сменились эпохи, а «шведский аристократ» каким-то чудом сохранил младенческую прямолинейность суждений Якобинского клуба!

Я ответил, что желаю долгого царствования Его Величеству королю Шарлю Десятому, и поспешил перевести разговор на другую тему.

Я не боялся, что это был провокатор или шпион из департамента, получившего мировую известность при моем «друге» Фуше, хотя шпионов мне подсылали регулярно. Не тот профиль. Революционеров по заказу полиции не делают, революционерами рождаются, и то поколение практически уже вымерло. Откуда такой феномен? Прятали в пирамиде, как египетскую мумию? Возможно, шведский санкюлот был бы чем-то полезен, однако, по моему мнению, в политической интриге, которую мы, орлеанцы, вели в ситуации, назревавшей во Франции, имело смысл использовать военных, банкиров, крупных торговцев, фабрикантов, журналистов, противников реставрации, сторонников Шарля Десятого — сторонников, в первую очередь, вернее, их ошибки, — но никогда и ни в коем случае фанатиков! После диктатуры Робеспьера у меня от них расстройство желудка.

И потом меня спросили, надо ли продолжать контакт с этим информированным человеком? «Не надо, — ответил я. — Даже если у него масса достоинств, то они перечеркнуты одним изъяном: он живет в прошлом».

Хромьга Талейран, какая паскуда! Изображает из себя целочку: «И там случайно встретился с одним любопытным человеком». Как будто он сам не просил организовать эту встречу! Верно разве то, что он искал не «любопытного человека», а человека, у которого есть связи с разветвленной сетью офицеров-бонапартистов в эмиграции. Вот ему меня и порекомендовали. Это я упирался, ибо не понимал, какой смысл ехать в Брюгге к старой развалине (сколько ему тогда уже было? лет 76?), не имевшей никакого политического влияния и заседавшей в архаичной палате пэров, созданной специально как кунсткамера огородных чучел.

Раньше мы практически не пересекались. Когда он тусовал-

ся в учредительном собрании (Не блистал. Рядом с Мирабо и Ламетами все остальные ораторы казались статистами), меня еще держали в пленках. Когда я появился в Конвенте, его отправили послом в Англию и вскоре объявили изменником. Маршал Бернадот вернулся в Париж после Ваграма, и тут Император отобрал у Талейрана министерство иностранных дел. Чистое совпадение. Императору надоело, что Талейран противится его планам экспансии в Европе. Проницательный Талейран уже тогда, в 1809 году, угадал губительные для империи последствия грядущих войн в Испании и России. А я это запомнил и решил: ладно, поеду в Брюгге, пусть мой визит будет как дань уважения автору Венского мира.

«Император в благом расположении духа мановением руки чеканил в больших количествах «фонов», графов, баронов...» А кто дал Талейрану титул принца Перигора? Принц Перигор — подлинный или фальшивый? Вот граф Д'Артуа, принц Прованский — старинные аристократические титулы — и братья Луи Шестнадцатого носили их по праву.

Все-таки интересно слушать рассуждения о подлинности родословной династии Бурбонов от человека, первым потребовавшего казнить короля Франции! Прежде чем сводить счеты с Талейраном, сведи их с самим собою.

Попробуем.

В Брюгге ты ожидал увидеть огородное чучело. И хотел (признайся!) ощутить превосходство человека если не вечной молодости, то, скажем так, вечной хорошей физической формы над своим сверстником (ну не совсем, на пятнадцать лет он тебя был старше) и взять реванш за те годы, когда ты глотал пыль на кавалерийском плацу и готовил новобранцев для очередной мясорубки, а министр Талейран готовил дипломатические победы империи.

Реванш не получилось. Да, старость никого не украшает, и бывший епископ был похож на облезлую обезьяну. (Ура! Хоть что-то урвал для своего самолюбия.) Но какой острый ум и язык! Любезным тоном, ни разу не повысив голоса, Талейран нашинковал меня, как кочан капусты.

Выглядело примерно так. Я заводил разговор на серьезные темы (меня же за тем и позвали!), Талейран обрывал на полуслове:

— Кто вам сказал, что причины рождают следствия, а не следствия — причины?

— Таков ход истории...

— Вы видели этот ход? Где именно он проходит? Укажите место. Любопытно взглянуть.

— Но есть же исторические факты...

— То есть хронологический набор людских нелепостей. Это вы называете ходом?

— Допустим, что результаты не всегда соответствовали замыслам. Однако люди старались делать как лучше.

— А я всегда приказывал своим чиновникам: «Поменьше рвения, господа».

— И все-таки почтенные мужи, с бесспорными заслугами перед обществом, пишут воспоминания, анализируют события и тем самым восстанавливают закономерность, логику происшедшего...

— То есть под маской псевдонаучности прячут собственные ошибки. И вы им верите?

...Я себя чувствовал, как провинциальный актер, попавший на прием к столичному мэтру. И убеждался в элементарной истине: европейскую политику вершили в Париже, Вене, Лондоне, Санкт-Петербурге. А я слишком долго просидел в захолустной деревне, называемой Стокгольмом. Для меня многие факты были абстрагированы. Талейран знал их реальную подоплеку. Я обладал конкретной информацией в каких-то областях. Талейран видел картину в целом. Другой уровень мышления.

Олух Царя Небесного! Это я. И не в Брюгге, в Брюгге мне было простительно. Но как же я умудрился только через сто семьдесят лет (округляю срок) допереть, причем лишь случайно наткнувшись на эту сцену в «Мемуарах», что Талейран имел непосредственное отношение к Системе! «Младенческая прямолинейность суждений». Прав, хромьга. Когда ум хромает, это похуже инвалидности с рождения. Ведь как я рассуждал? Дескать, Систему задумали в полицейских ведомствах, а у Талейрана иная епархия. Не соприкасаются. Однако без такого человека, как Талейран, Система не могла обойтись, он ее отшлифовал, усовершенствовал. Талейран изменял Луи Шестнадцатому, Богу (отрекся от сана епископа), Революции, Директории, Императору, королям Реставрации — он бы изменил и Луи Филиппу Орлеанскому (если бы успел), — но никогда он не изменял самому себе, всегда действовал согласно собственной интуиции (не рискую приравнять интуицию к убеждениям). Так это же краеугольный камень Системы, основа основ! У Системы нет привязанностей ни к правительствам, ни к религии, ни к идеологиям — она верна лишь себе самой. Теперь понятно, в Брюгге я разговаривал не с просителем, а с начальством, мне это было неизвестно, а князь Перигор веселился от души (превосходство информации!) и смотрел на меня, как на винтик, болтик, запасную часть в обширном хозяйстве. «Сме-

нить, спрятать в шкаф», — приказал Галейран (или посоветовал? не знаю, не знаю...). Короче, вот кому я обязан передислокацией («перебазировкой») в балтиморскую военную школу.

До и после Система перебрасывала меня во времени и пространстве, в зависимости от профиля работ. Сейчас выяснилось, что в 1828 году я был впервые в моей жизни отправлен в отставку не по своей воле.

С Дженни получился аналогичный вариант. Меня не спрашивали. Послали к чертовой матери.

Лос-Анджелес больше не звонит. Звоню сам. Не так часто, чтобы не надоест, не так редко, чтобы не сложилось впечатление, будто я от нее отдаляюсь.

Интересуюсь подробностями быта, Элиным воспитанием, отношениями с японским адмиралом Квазимодо, лабораторией доктора Хоффера. Никаких лишних вопросов, которые бы воспринимались как вторжение в ее личную жизнь. Мы оба играем. Я в жмурки. Дженни играет роль усталой, задерганной работой женщины. «Зря я взяла лабораторию Хоффера, приходится вкалывать дома, ты бы посмотрел на меня: круги под глазами, стала похожа на сову. Не сплю ночами». (Не спит ночами с кем?) Словом, статус-кво. Ничего не произошло. Просто она с головой нырнула в бизнес, а я застрял в парижской командировке. Бывает.

Дженни с жаром одобрила мои научные планы: «Здорово! Напиши десять томов. Их выставят на полки в каждой университетской библиотеке. Университеты любят многотомные сочинения. Введут тебя в учебную программу. Обретишь мировую известность». Десять томов! Я хмыкнул. Такое пожелание в нашей нынешней ситуации звучало двусмысленно.

Иногда в ее голосе появлялись интонации, от которых я начинал трепетать, ожидая, что сейчас, по логике, следует... Не следовало. (Все-таки, уважаемый принц Перигор, для следствия нужны причины. Вы меня не переубедили. А причин, видимо, не было.) Иногда, кладя трубку, я думал, что телефон остается единственным нашим средством общения, но в конце концов Дженни обязательно и непременно прилетит в Париж — тут я в нее верил! На мои похороны.

Ура! Ура! Ура! Я в работе, я начал писать. Не ведаю, на сколько томов замахнулся, но первый в голове, конструкция готова, все встало на место. И есть название: «Мир, который

предвидел Талейран». Читая его мемуары, я долго и зло с ним спорил, и в этой полемике выкристаллизовался сюжет. Если бы я мог рассказать его в двух словах, то незачем было бы писать книгу. Задача сложная, и это меня вдохновляет. На Талейране ярлык, приклеенный ему Шатобрианом (знаменитая фраза: «Вошло Предательство в обнимку с Преступлением» — Шатобриан о Талейране и Фуше). Кажется, принц Перигор сделал все и даже чуть больше, чтобы заслужить столь хлесткую репутацию.

Моя отправная точка:

Талейран не предавал. Он предвидел. Он не изменял. Изменялись обстоятельства. Альтернатива была такова, что приходилось выбирать не лучшее решение, а меньшее из зол. И тут Талейран выбирал безошибочно, поэтому пережил (для политиков пережить соперников — значит победить) всех.

К примеру, после отречения Императора в Фонтенбло Талейран предложил реставрацию Бурбонов. Русский царь не осмеливался на такую инициативу! Трудно было придумать худший вариант. Однако благодаря этому ловкому демаршу Франция была спасена от территориального раздела (а ведь соседи не забыли унижений и поражений, точили зубы на лакомые кусочки). Естественно, растроганный король Луи Восемнадцатый поспешил отстранить Талейрана от власти. Талейран и это предвидел. Он предвидел, что правление королей Реставрации не вечно. Но в 1814 году, а уж после Ватерлоо — особенно, иной альтернативы не было.

Правда, в угоду моей концепции придется опустить один факт. Осторожность была главной чертой характера Талейрана. В 1829 году он пошел на поклон к Шарлю Десятому, хотя чувствовал, что королевский трон шатается. Почему? Талейрана одолевали сомнения, он не был уверен в будущем. А в Брюгге за год до «коленипреклонения» князя Перигора (закончившегося фиаско) швед Карл Валленберг твердо заявил: «Графа Д'Артуа (то есть Его Величество короля — как трусливо поправил Талейран) прогонят с престола». Вот кто на самом деле четко предвидел ход событий!

Увы, шведский граф по ряду причин выпал из Истории. А в уважаемой науке не принято ссылаться на свидетельства фантомов.

Сегодня мой «родительский день». Брал Аньку из школы. К полпятому у железных барьеров, отгораживающих двери, собралась толпа разнокалиберных мамаш. (Справка для исто-

риков. Почему барьеры? Средство борьбы против террористов. Когда на протяжении веков в Европе свирепствовали войны, бомбы к школьным зданиям все же не подкладывали. Похоже, что в дальнейшем, по мере торжества миротворческих идей на планете, у каждой школы выставят бронетранспортер.) Дамы в основном молодые. Цветник. Но я давно заметил, что в отличие от солдат женщины, построенные в каре, теряются, тушуются. Женщина хороша в мужском обрамлении, а тут выделялись лишь стопятидесятикилограммовая негритянка — гренадер, с шахматным полем на голове (говорят, моднейшая прическа!), в ярко-зеленом пятнистом платье, и здешняя примадонна — благодаря своей оранжево-фиолетовой копне волос. Примадонна дымила сигаретой и раздаривала папашам, присутствующим в явном меньшинстве, благосклонные взгляды.

Я вспоминал скромный детский садик в Лос-Анджелесе и как мы туда подъезжаем за Элей.

Анькин класс вышел последним. К этому времени элегантный строй поредел. Анька сразу меня увидела, обрадовалась. Я поднял девочку на руки, поцеловал, снял с ее плеч огромный ранец, по весу предназначенный для зелено-пятнистой гренадерши.

— Деда, ты купил конфеты?

Покупать конфеты мне было строжайше запрещено. (Угадайте — кем?) Вредно для зубов. Согласен. А ребенок не согласен. И зачем тогда в семействе завели деда?

И вот деда гордо шествует, держа за руку довольного ребенка (у Аньки конфета за щекой). Так немного надо для блаженства! И еще деда думает, что тем самым он наверстывает упущенное — ведь со своей дочерью, когда она была в Анькином возрасте, ему гулять не пришлось. И еще деда думает, какое невысказанное счастье испытывал бы Сережа, если бы смог сейчас оказаться на его месте...

У меня нет прямых путей на Кэ д'Орфевр. Хотелось бы знать, насколько продвинулось дело Дмитрия Копытина. Идут допросы, протоколы допросов аккуратно складываются в папочку, папка запирается в сейф. Заглянуть бы в эту папочку.

Опыт подсказывает, что ничего интересного в ней не обнаружу. Пока Копытин с адвокатом выстраивали свою линию Мажино. Все, что я вычитал во «France-Soir» — косвенные улики. С ними эшелонированную оборону не взломаешь. Но даже

если имеются веские аргументы (если имеются!), о которых не сообщили широкой публике, умный следователь не бросится сразу во фронтальную атаку. Зачем торопиться? Время работает на следствие. Время раздвоилось. Для чинов на Кэ д'Орфевр оно проносится стремительно, масса других забот. А в тюрьме время остановилось. И эта остановка наводит господина Копытина на грустные размышления. Чудодейственных заступников не видно. Обещали? Почему же тогда к воротам Санте не подъезжает дипломатический лимузин с российским флагом? С каждым днем все меньше надежды, зато пропорционально растет уверенность, что бедолагу элементарно подставили, кинули и умыли руки. И тогда возникает вопрос: что лучше — сидеть в Бутырке или в сравнительно комфортабельной парижской камере с цветным телевизором? На телевизор, конечно, можно наплевать, да в Бутырке могут втихаря придушить. А у французов все-таки законность и порядок. И Копытин начинает бить копытами, понимая, что в Германии он несколько погорячился, когда требовал вернуть его в родные пенаты. По совету адвоката Копытин меняет тактику. Теперь он готов кое-что рассказать, если следователь даст ему гарантию...

Заглянуть в папочку? У меня нет ни прямых, ни окольных путей на Кэ д'Орфевр. Вернее, есть один. Самый кратчайший. В былые времена, когда у меня не было проблем со Временем, я им иногда пользовался. И ночью в кабинете следователя мог спокойно полистать документы. Но в этом случае придется ставить крест на моих отношениях с Дженни. Я помню слова Глубоководной Рыбы про шагреновую кожу. Я убедился в их справедливости — достаточно посмотреть на себя в зеркало.

Пожалуй, пока рановато.

Я в гостях у Дженни и... Джека. И еще там какие-то люди. Джек приветлив и даже смотрит на меня несколько виновато. Я понимаю, что возобновилась их семейная жизнь. А потом Дженни говорит, мол, ей надо куда-то идти. Я предлагаю: давай тебя провожу. Нет, не надо. Ну хоть немного. Не надо. Дженни исчезает. Я ловлю сочувственный взгляд Джека. Мы с ним о чем-то болтаем, он хороший парень, Джек. И почему-то Канада. Чистый, ухоженный кленовый лес, без всяких кустарников. Я вижу удаляющуюся пару — Дженни и Джека...

Такой вот сон. Или то, что удалось из него запомнить. И я проснулся с ощущением не душевной, а настоящей физической боли в сердце. Давно этого не было.

Позвонил в Лос-Анджелес. Незнакомый женский голос начал по-английски, перешел на русский:

— Не узнаешь, Энтони? Инга Родней.

— Инга! Быть тебе богатой.

— Думаю, тебе быть богатым. Две тысячи в месяц тебя устроят? Клянусь, больше не наскребу. Зато студию около университетского кампуса предоставляю бесплатно. Чтоб тебе не таскаться по утрам через весь город. Впрочем, полагаю, тут будешь решать не ты, а Дженни.

— Инга, держи студию за мной. Дженни на другой конец города не поедет. И я не хочу эксплуатировать детский труд.

В трубке смешок:

— Благородная ты личность, Энтони. С таким бы крутить роман.

— Ты меня приглашаешь на роман? Я старая зануда, Инга. Намеков не схватываю. Растолкуй, что происходит.

Значит, так. Разбился на фривее преподаватель. Перелом основания черепа. (Я захохал. Инга повздыхала.) Есть надежда, что выживет. Нет надежд, что вернется в университет в этом учебном году. Повис курс новейшей европейской истории. Был на кафедре еще один специалист, но в связи с сокращениями уехал в Сизтл. Университету выгоднее нанять временного лектора, без контракта. Когда я могу прибыть в Лос-Анджелес? Инга вышлет билет на самолет.

— Инга, я подумаю.

— Энтони, на первый раз я тебя прощаю. Ты действительно отстал от века. В Америке нынче так не делают. В Америке сначала говорят «да», а потом думают. Таким образом отсекают других претендентов.

— Yes, my darling!

— О'кей! Don't play games with me. Подтверди завтра звонком. Иначе пеняй на себя.

Сутки на размышления. Могла бы дать и неделю. На самом деле решение обычно принимают быстро, остальное время уходит на его обоснование. В общем, через двадцать минут я твердо знал, что лечу в Лос-Анджелес. Надо было лишь выработать линию поведения.

Меньше всего меня смущал курс лекций. Инга сообщила программу, и я сказал, что полмесяца мне достаточно для сбора материалов.

Проблема, как легко догадаться, заключалась в другом. Жить в одном городе с Дженни и не жить с ней. Сохранять

непринужденные отношения, не надоедать, не приставать, не намекать. Возможно, Дженни пожелает меня познакомить с... С кем? Лично я в этом щекотливом вопросе никакого рвения проявлять не буду. Однако (кто знает?), Дженни захочет намеренно поставить точки на «i». И это тоже придется выдержать.

Спрашивается, зачем я обрекаю себя на казнь египетскую? До сих пор за мной не наблюдалось мазохистских наклонностей. По причине финансов? Глупости. То, что мне наскребла Инга (спасибо, голубка!), не только не заполнит наволочку, которую в розовых мечтах я торжественно вручал Дженни, но даже не покроет госпитальный долг. То есть, если реально смотреть на вещи, поездка в Л.-А. — абсолютная бессмыслица. Все так. Я не строил иллюзий. С другой стороны, это последняя возможность увидеть мою девочку. Посидеть с ней в кафе. Полюбоваться на нее. (И на злые сполохи в глазах? Ко всему надо быть готовым.) Нельзя упустить уникальный шанс, чтобы попробовать переломить ситуацию. Вдруг? И потом Дженни привыкла появляться со мной на официальных мероприятиях, ведь я престижный партнер... Генерал Бонапарт в итальянской кампании никогда не уклонялся от боевых действий, поступал по принципу: вяжемся, а там посмотрим. Бонапарт в Италии был, несомненно, моложе меня. Благоразумнее, конечно, не рыпаться из Парижа. Ждать у моря погоды? Но время работает против меня. Через год Дженни попросту забудет о моем существовании...

Вечером я набрал номер Лос-Анджелеса. Дженни на совещании.

Часам к одиннадцати Лариса откуда-то ее выудила.

— При-и-вет, — пропел волшебный голос.

Я рассказал о предложении Инги, о том, что, наверно, его приму. Поспешил, пока не перебила, добавить, что буду жить в кампусе и стараться не высовывать носа за пределы университета. Естественно, о своих планах переломить ситуацию я умолчал, но намекнул, что если соблаговолит выпить со мной чашку кофе в любом заведении, то с великим удовольствием порасуждаю о международном положении.

— Здорово! — сказал волшебный голос. — Приеду в аэропорт встречать.

— Дженни, прошу тебя не приезжать в аэропорт. — Я говорил как можно строже. — Прошу это запомнить. Какое бы каменное лицо ты ни сделала, я до последней минуты буду надеяться, что ты привезешь меня не к Инге, а на Диккенс-стрит.

Увы, человек слаб. И вот, представь себе, я стою около дома Инги, а твоя машина разворачивается, тормозит... Фигу ты затормозишь! — уедешь, послав мне на прощание дьявольскую улыбку. Все это я уже проходил, но тогда у нас были иные отношения. Конечно, если у тебя прорезалась страсть заниматься вивисекцией — воля ваша, барыня-государыня. Всегда рад хоть чем-то вас развлечь.

В солидном конверте американского «Федерального экспресса» принесли домой билет в Лос-Анджелес. Дата вылета — 29 октября. Дата возвращения — 30 ноября. Странно. Звоню Инге. «На какой срок ты меня приглашаешь?» — «Как и договорились». «Но в билете...» — «А ты не вникай. Это маленькая французская компания, у нас с ней блат, здесь на месте за 50 долларов они тебе проставят любое число. Наша обычная практика. Все равно получается значительно дешевле, чем на «Дельте» или «ТWA».

Ага, подумал я, мне прислали билет как бедному студенту. Чартерный рейс, самолет переполнен. Обидеться на Ингу? За что? За то, что у нее куцый бюджет и она экономит на спичках? Это в Системе не считают денег, хотя, точнее, смотря когда. А ты ищешь повода для обиды, чтоб отменить поездку. Почему? Нервничаешь, боишься, как тебя встретят в Городе Ангелов. Твой Ангел обещал не встречать. А вдруг она сама придет, первой, к тебе на лекцию? Послушать. На твоих лекциях, настоящих, для студентов, она еще ни разу не присутствовала. Козырную карту вытягиваешь. Ну, ради этого можешь через океан и на моторной лодке.

Ее Высочество выразило желание отвезти меня в аэропорт Орли. Я был польщен, тем более что испытывал за собой чувство вины. Прибавление семейства уже угадывалось невооруженным глазом, а я отваливаю за тридевять земель и, видимо, вернусь после родов. Правда, теперь всем верховодил Идеальный Вариант, но я же все-таки не сбоку припека... Давненько мы не были с ней наедине, поболтаем в машине. Я только настоял, чтоб она доставила меня не в аэропорт, а на площадь Данфер-Рошро, откуда уходит в Орли скоростное метро. И давай выедем пораньше: пятница, вечер, в городе пробки...

— Папа, с каких пор ты разбираешься в уличном движении? Я шофер, я знаю. Домчимся до Данфер-Рошро за пятнадцать минут.

Возражений моя дочь не допускает, тон у нее прокурорский. В кого бы это?

Действительно, поехали резво, дочь рассказывала смешные милые подробности о детях и о своей семейной жизни, от нее, от моего ребенка, исходило такое душевное тепло, что я млел и таял, как свечка. Пятнадцать минут nirваны! Потом мы прочно застряли на бульваре Распай. Машины бампер к бамперу, почти не двигались. С бешеной скоростью двигалась секундная стрелка на моих часах. Каким-то чудом, следуя за автобусом, игнорируя красные светофоры, заезжая колесами на тротуар, моя дочь сделала рывок, и мы попали на Данфер-Рошро. Пересечь площадь заняло бы минут сорок. Я вылез из машины, вытащил из багажника новый огромный чемодан, подарок дочери (пустой он весил тонну, а был набит под завязку), и в обход, по пешеходным дорожкам, поволок его к станции «воздушки».

В Орли на мой самолет, наверно, уже объявили посадку.

В вагоне «воздушки» я смотрел на циферблат и через окно вниз, на бесконечную реку желтых фар, медленно текущую по южной автостраде. Хороши бы мы были, если бы отправились в аэропорт на машине...

«Воздушка» — гениальное изобретение. Когда я выскочил на Западном Орли, до отлета оставалось двенадцать минут. Тероретически я еще успевал!

Опять бегом в вагон. Южное Орли. Широоченные залы. Бегом к стойке проклятушей авиакомпании.

— Посадка на самолет закончена!

Что ж, не судьба. Вернусь к детям, позвоню Инге, извинюсь.

— Минуточку! — Девушка подымает трубку, говорит с пилотом и... регистрирует мой билет. Я ставлю чемодан на весы, он уплывает в багажное отделение.

— Бегите к пятому терминалу, вас ждут.

Иду быстрым шагом по длинному безлюдному коридору, похожему на резиновую кишку. Раз багаж взяли — без меня не улетят. Нигде не записано, чтоб пассажиры участвовали в спортивных соревнованиях. Такой кросс по пересеченной местности согнал бы с меня семь потов, да, к счастью, я одет не попарижски — в Париже холодный осенний дождик, — я одет в джинсовый костюм (подарок Дженни), предназначенный для климата Южной Калифорнии.

Не опоздал, удачно выбрал, что надеть... Слишком много счастья!

У открытого самолетного люка стоит стюардесса и... торопливо курит. Меня пронизывает страшная догадка.

— Разве нельзя курить в самолете?

— У нас не курят.
— Даже на американских международных рейсах разрешено!

— У нас свои правила.

— Почему в агентстве не предупредили?

— А вы спрашивали?

...Билет куплен в Калифорнии и не мной. Наверно, Инга послала в агентство кого-нибудь из студентов. Ему в голову не пришло, что уважаемый профессор курит. Хочу разорвать билет и швырнуть его в кукольное личико стюардессы. Какие сволочи французы! Пытаются перещеголять американцев в ихнем идиотизме!

— Скажите вашему руководству, что тем самым вы теряете клиентов. Первый и последний раз лечу вашей компанией.

Пожимает плечами.

Я зажигаю сигарету и лихорадочно затягиваюсь.

«Шеф отдал нам приказ лететь в Кейптаун». По приказу Системы я накрутил в общей сложности витков десять вокруг земного шара. На всех видах транспорта, включая почтовые дилижансы, парусники, поезда. Тихоходное средство по сравнению с авиацией. Но там можно было созерцать пейзажи. Впрочем, однообразие морского пространства или сыпучих песков тоже надоедает. Основные тяготы моей бывшей профессии связаны с ожиданием. Активные действия — употребим такой эфемизм — это все же экзотика. А так — ждешь. Ждешь конца путешествия, ждешь на явочной квартире, ждешь письма, курьера, звонка, нужного человека. Сидишь в гостинице или в собачей дыре, убиваешь время (а вы думали — кого?). Пьешь кофе, если он есть, и куришь, куришь, куришь, куришь.

В самолете, когда летишь куда-нибудь на противоположную точку глобуса, время останавливается. Как в тюрьме. Однако раньше самолеты ходили полупустыми. Устаешь от чтения, от сигарет, откинешь ручки кресел, ляжешь вдоль сидений, поспишь. В сидячем положении я спать не научился. Но тогда я легче переносил бессоницу.

Удивительно, до чего неприхотливая публика! Или сильно тренированная? С помощью каких инженерных генов выращивают нынешних пассажиров ночных рейсов? Их накормили ужином, показали фильм, затем погасили свет, и они дисциплинированно задряхли в узких креслах, локтем к локтю, голова к голове... Мой персональный фонарик на потолке отбрасывает блеклый кружок. Читать трудно. Я стараюсь не смотреть на

часы — и так знаю, что стрелки смазали клеем, даже секундная вращается неохотно, словно во сне.

Мы взлетели в восемь вечера. Сейчас по-парижски четыре утра. А всего лететь тринадцать часов с хвостиком. Значит, в Лос-Анджелес прибудем к полуночи по местному времени. Но мой растянувшийся по океану и материкам день, боюсь, на этом не кончится. Инга предупредила, что к ней придут гости. Случайное совпадение? Подозреваю, она сначала потащит меня к себе. Продемонстрировать гостям свои особые отношения со знаменитостью. И гастролер-профессор обязан быть в форме, улыбаться, отпускать утонченные французские шуточки... Чума. Она забыла, сколько мне лет? Что я плохого ей сделал? Зачем она мне прислала такой билет? Никогда ей не прощу. Эх, покурить бы.

Простишь. Инга не виновата. И всегда тебе делала только хорошее. Ты сам жаждал, чтоб тебя принимали за молодого. Ou presque. И вот результат — будь добр соответствовать своей репутации. Проклятье! Одну сигарету! Представляю себе, в каком виде я выползу из самолета. Инга будет явно разочарована. Впрочем, говорят, у нее теперь юный бой-френд. Благодарю небеса (они за стенкой, помахай им панибратски ладонью!), что тебя встречает Инга, а не Дженни.

Извиваясь ужом, чтоб не разбудить соседей, вылезая из кресла. Иду к туалету. В салоне кроме моего горят еще три фонарика. Сонное царство. Даже стюардессы где-то закемарили. Воровато оглядываюсь и закуриваю. На подносе с пустыми пластмассовыми стаканчиками замечаю чинарик. Кто-то тоже не выдержал. Привет тебе, мой незнакомый товарищ — великомученик.

...В моей пестрой, длинной, запутанной биографии есть страница, которую я упорно не желаю вспоминать. Лубянка. Недаром о Лубянке я ничего не рассказывал Дженни. Там меня избивали. В прежних своих жизнях я получал ранения в боях, это другое дело, но меня никогда не били. На Лубянке били. Привязывали к спинке стула и молотили в кровь. Дикое, непереносимое унижение. Однако самой изощренной пыткой было, когда не давали папирос.

В глубине темного прохода возникает фигура. Последняя затяжка. Тушу окуроч.

Выспавшиеся, повеселевшие пассажиры выстраиваются в очередь у паспортного контроля. Для многих из них сбылась мечта — они в Америке! Моя мечта была скромнее. Следуя за

всеми по лабиринтам аэропорта, я искал курительную комнату. Дохлый номер. Ладно, скорее бы выйти на улицу, там уж мне никто не запретит.

Скорее не получается. По одному нас пропускают к регистрационным стойкам. Сначала работали четыре таможенника, потом двое. Понятно. В Лос-Анджелесе полночь, и, наверно, больше с неба никто не свалится.

Неожиданно выплескивается толпа мексиканцев. Прибыл запоздавший рейс. Как-то все перемешивается, и я оказываюсь в хвосте. А на таможне остался лишь седой негр. Он не торопится.

К едреной фене! Спрошу у полицейского, где тут место для прокаженных, выкурю там пачку, затем поменяю билет на первый же самолет в Европу (если не поменяют — куплю), и в гробу я видел вашу Калифорнию!

Так и скажу: не хочу, передумал! Первым же рейсом — в Париж.

Но Инга простояла час у выхода. Как я смогу ее предупредить?

Таможенник рассматривает мой билет:

— Вы возвращаетесь 30 ноября?

Объясняю, что должен задержаться, что у меня лекции в университете до июня. А сам злорадствую: «Сейчас он потребует доказательств. Откуда я их возьму? Пусть штампует вылет из Америки 30 ноября. Инга напортачила, ей и расхлебывать кашу. Почему только мне головная боль?»

Таможенник берет мой паспорт. В нем, еще со старых времен, постоянная американская виза.

— Сэр, — вежливо предлагает таможенник, — я перепишу дату отъезда на 31 мая. Вас устраивает?

Какой любезный папаша. Я ему желаю good night.

И вот, волоча чемодан на колесиках, подвигаюсь в вестибюль, где мексиканские семьи в полном составе, с грудными младенцами, встречают своих дорогих родственников. Встречают радостными воплями, будто на арену выбегает бык. А за спинами этой буйной корриды я замечаю Дженни, которая вытягивает вверх руку, чтобы привлечь мое внимание.

Я подхожу, обнимаю ее, церемонно целую в щеку (как дочку) и матерюсь:

— Та-та-та! Зачем ты приехала? Ты же устала! Второй час ночи.

— Завтра суббота. Инга попросила, у нее гости.

— Это ее проблемы. Пусть выкручивается.

— Да я сама захотела. У меня для тебя хорошая новость.

— Потом расскажешь. Умираю. Пятнадцать часов не курил. В паркинге зажигаю сигарету. Какое блаженство! Чувствую прилив бодрости. Моя девочка рядом. Мой взгляд скользит по ее ногам, она без колготок, я различаю шрам на левой коленке, сувенир из Риги (бег на восемьдесят метров с барьерами). Моя девочка, моя! Я знаю наизусть каждое пятнышко на ее коже. С сигаретой совсем иная жизнь. Как будто и не было бессонной ночи. Какой теплый вечер в Лос-Анджелесе! Вечер, ночь? Теперь мне без разницы, я ощущаю каждый мускул своего тела, включая... Поразительно! Словно ключ повернули, я ожил, и мне двадцать лет.

Мы садимся в синий «пontiак». В кабине все привычно и знакомо. Не было и дня разлуки. Париж мне просто приснился. Дженни за рулем, а я — справа от нее, на своем законном месте. Юбка у Дженни чуть задрана...Бесстыдница. Хочу дать волю рукам. Не надо, успокойся... Выруливаем на фривей. Дженни сосредоточенно смотрит вперед, а губы расплываются в улыбке, ибо знает, что я обычно не слежу за дорогой. Я смотрю на нее.

— Тоничка, все в порядке.

— Даже не верится.

— Я получила бумаги. За твое лечение в госпитале заплатило министерство здравоохранения.

Вон она о чем... Однако новость ошеломляющая. Впрочем, я же говорил себе: не дергайся, не лезь на стену, все образуется. Странно только, что министерство, а не Сошел Секьюрити Южной Калифорнии.

— Какая там формулировка?

— Подожди, вспомню... «Учитывая, что до этого мистер Сан-Джайст выполнял поручения Федерального правительства в Атланте и Мейконе и тем самым как бы находился на государственной службе, министерство считает возможным...» Честно говоря, я не поняла. Когда ты был в штате Джорджия?

У меня приступ хохота. Нервная разрядка.

Дженни озабоченно притормаживает. Делаю ей знак — продолжай и, успокоившись, расшифровываю загадку. Конечно, заплатила Система, провела, как положено, через министерство. Умники из Системы по каким-то своим соображениям не хотели упоминать о совещании в Вашингтоне, искали хитрую формулировку, поэтому так долго и тянули. В Атланте и Мейконе я действительно был, тут все верно, не придерешься. Я прошел через эти города с армией генерала Шермана, то есть находясь на государственной службе. Ну а даты решили не уточнять.

Дженни смеется:

— Бюрократы! Виртуозы!

Мелькает панно: «До Шерман-Окс 3,5 мили». Но мы плавно сворачиваем с фривея. На стрелке обозначен Вествуд.

Я кричу. Я безобразно жутко кричу... без звука. Потом закрываю глаза.

Мы не едем на Диккенс-стрит. Дженни везет меня к Инге.

Загулявшие у Инги остатки гостей, остатки ужина, остатки выпивки (я плохо различал, кто есть что и что есть кто) встретили с энтузиазмом останки профессора Сан-Джайста. Оле!!! Начавшаяся в аэропорту мексиканская коррида возобновилась. Останки профессора Сан-Джайста влили в себя стакан коньяку. — Оле!!! — поклевали с тарелки и говорили нечто бессвязное, воспринимавшееся публикой как высшее проявление остроумия. Распахнули настежь окна, чтоб останки профессора могли дымить (сигарета за сигаретой) — невероятная побрякка в американском доме для тех, кто понимает. С кем-то я целовался — Инга? Голое плечо? Носатая брюнетка? Блюдо с креветками? — не с Дженни. Дженни присутствовала слева от меня. Под занавес Инга произнесла тост за мужчин старой школы, которые — ого-го! — дадут сто очков форы нам, молодым.

Гм... Явные счеты с Ларри, ее бой-френдом. Вечно меня впутывают...

Затем я услышал:

— Дженни, все-таки профессор устал. Разумнее ему остаться у нас, комната готова. Утром мы с Ларри перевезем его в студию, это неподалеку. Не возражаешь?

Злодейка не возражала.

Я вышел ее проводить в крошечную — как мне казалось — тьму южной ночи. Но сработало автоматическое реле, над дверью зажегся фонарь.

Тот, кто воевал, знает, что одна из самых страшных ран, это когда штыком или саблей распарывают живот. Несколько мгновений человек еще на ногах, он бросает оружие и руками инстинктивно придерживает вываливающиеся внутренности (простите за подробности), а в глазах...

— Тоничка, не смотри на меня так, — прошептала Дженни, — будет тебе кофе и какао. Позвони.

Села в свою черную в темноте стрелу, сделала полукруг, укатила.

Я должен был сдохнуть, откинуть копыта, сыграть в ящик, дать дуба, приказать долго жить. Я должен был тихо окочуриться, не вызывая «скорую помощь», чтоб не тревожить моих гостеприимных (слишком) хозяев. Инга и Ларри нашли бы мой хладный труп на краю кровати и записку на столе: «Прощай, Дженни, будь счастлива!» Врачи бы констатировали смерть от перепоя, от перекура, от тропической малярии, заворота кишок, инсульта, желтой лихорадки или просто от разрыва сердца, которое не выдержало женского коварства.

Не повезло. Я проснулся с мерзким ощущением симптомов всех вышеперечисленных напастей. Настенные часы показывали шесть утра, мои — три часа пополудни. В Париже я никогда не спал в это время и глупо было стараться.

Я выпил на кухне горячего сладкого чая, съел таблетку аспирина, принял ванну, побрился, оделся, поставил на защелку замок входной двери, совершил прогулку по незнакомым окрестностям (где уже бегали спортивного покроя студенты, вызывая у меня жгучую зависть), вернулся, опять разогрел чайник.

Инга в халате заглянула на кухню, охнула:

— Я морду не успела накрасить. А ты как огурчик.

«Внешнее впечатление всегда обманчиво». Пятый постулат разведки.

Звонить? Рано. Эля, конечно, будильник, но если Эля у Гали и Матвея Абрамыча, то в кои веки у моей девочки есть возможность выспаться, а я будильником работать не собираюсь.

Ларри отвез меня в мою берлогу. Интересный дом. Я его заприметил еще утром. Опоясан двухэтажной палубой балконов. Балконы перегорожены решетками из деревянных прутьев, соломенными циновками, синтетическими ковриками. В доме только студии, и у каждой свой кусок палубы, туалет, душ. В углу, около стеклянной балконной двери (надо бы повесить занавесочку), — электрическая плита, холодильник. Под потолком большой вентилятор с пластмассовыми лопастями. Проверил, вертится. Ну, мне-то жара не угрожает. Я уеду раньше курортно-душегубного сезона, хотя в Лос-Анджелесе погода сумасшедшая (как и его население).

Разобрал чемодан и сумку с постельным бельем, заботливо предоставленную Ингой. Если Дженни пожелает поменять на свое... Из чистого суеверия не надо на это надеяться.

Поднял телефонную трубку. Молчание. Да, Ларри предупредил, телефон включают в понедельник.

Поперся к Инге. Есть деловой повод: обговорить мой курс лекций.

Инга предложила съездить в супермаркет. Превосходная идея. Можно позвонить? Ради Бога!

Моя птичка улетела. На автоответчике — волшебный голос. Оставил мессидж, то бишь сообщение. Или, если хотите, послание. Так странно и дико ходить по американскому супермаркету без Дженни и Эли.

Противоестественно.

Набираю в тележку бутылки, банки, картошку, овощи, чтоб потом не волочить на себе тяжести. Когда еще подвернется машина? Здесь не Париж, другие расстояния.

На обратном пути милые ребята помогают выгрузить мою добычу в студию. Инга подмигивает: «Действительно, профессор, нужна занавесочка. Обеспечу».

Дома Инга прокручивает автоответчик. Ей послания относительно завтрашнего вечера в университете. И вдруг я слышу волшебный голос по-русски:

«Тони, мы с Элей в городе. Масса дел. Если попадем в твой район, обязательно заедем к Инге».

— Кстати, профессор, — говорит Инга. — Я пригласила Дженни на завтра в университет. Не помнишь? Она сказала, что пойдет с тобой, а ты сказал, что она любит представлять.

Разве такое было? Ни хрена не помню. Хорошо бы выяснить, что я вообще напозволял себе сегодня ночью... Неудобно спрашивать. Ладно, в любом случае мне как-то становится легче на душе. Принимаю ужасно озабоченный вид и излагаю по пунктам мою программу. Инга вносит коррективы. Все разумно.

По американской манере, даже когда хозяйева дома, включен автоответчик. В зависимости от того, кто звонит, Инга делает знак Ларри брать или не брать трубку. Ларри отбивает телефонные атаки, чтоб нам не мешали работать. Тем не менее у меня ушки на макушке. Отмечаю, что Инга очень популярная женщина в Городе Ангелов. Ей звонят из Большого Лос-Анджелеса, из Калифорнии, из других штатов, из Нью-Йорка (тут Инга подходит к телефону), из Канады и вроде бы из соседней Галактики. Все интересуются завтрашним вечером. Понимаю, что для университета это важное мероприятие. Только куда-то пропал волшебный голос. Не прорезается.

Пора бы и совесть знать, и избавить хозяев от моего присутствия. Не допекать Ингу своей дотошностью (объясняется сие элементарно: жду волшебного голоса. Догадывается ли об этом Инга?), дать ребятам отдых. Ухилиять в каюту — так я называю

студию в двухпалубном доме, — отоспаться. Разумное и логичное решение. Я собираюсь откланяться, но появляется кто-то из вчерашних (сегодняшних?) гостей, которые горят желанием общаться с французским профессором и которым я что-то обещал (что?), извлекается на свет божий пиво и вино, количество гостей увеличивается в арифметической прогрессии (прыгают с потолка? лезут через окно?), начинается вакханалия, неразумная и нелогичная, в духе богемы нашей университетской молодости, и все почему-то этому рады, и я в том числе.

В девять вечера по местному времени звоню. Говорю бодрым, парижским тоном:

— Может, приедешь? Здесь весело.

Волшебный голос устало отвечает, что они замотались в городе, а теперь она моет Элю в ванной, и что сложно искать бэбиситтера в субботу, сам знаешь, отложим до завтра. Завтра, перед мероприятием, я за тобой заеду.

Спешу заявить, что всегда одобрял здравые, осмысленные поступки. Своим бодрым тоном пытаюсь смазать впечатление от ночного отвратительного зрелища — человека с распоротым брюхом. Хотя женщины такие вещи отлично запоминают...

А я из дальнейшего сумбура запомнил:

Сию в каюте. Не в своей, а на первом этаже. Видимо, мое намерение увести публику от Инги и Ларри все же осуществилось. Мужская компания. Крутится огромный вентилятор под потолком. Пользуясь отсутствием туземцев, курят трубки и сигары. Собрались такие же гастролеры-преподаватели, как я, — из Англии, Шотландии, а хозяин студии немец (угадайте с трех раз его имя — правильно, Ганс). Так вот, Ганс, щедро подливая в стаканы виски, рассказывает, как одна датчанка, аппетитная аспирантка-интеллектуалочка, ему не давала, и они долго возились на полу, и он ободрал колени, скользя по старому паркету, а потом она в экстазе стала орать: «Еще! Еще! Еще!»

И запомнил я это, потому что Ганс вдруг обратился ко мне, персонально:

— Энтони, тебе надо постричься. Убрать седые пейсы. И не горбиться. У тебя юная подружка, а ты смотришь на нее заискивающе. Забыл, что ли? Женщины уважают и любят силу.

Уползая в свою каюту (в котором часу?), я думал: наверно, бывают такие отношения между мужиками и бабами, и хвостовство немчуры тому подтверждение, однако при чем тут Дженни? Она не от мира сего, у нас было по-другому, и если даже все кончилось, то для меня Дженни навсегда останется прекрасной романтической сказкой.

Опять просыпаюсь ни свет ни заря. Обычно, всем на удивление, я быстро приспосабливаюсь к разнице во времени. Увы, мой механизм забарахлил. Зато являюсь свидетелем любопытной сцены: по моему балкону — занавесочку не повесил! — преспокойно шествует мужская особь в одних трусах, перешагивает соломенную перегородку, исчезает из поля зрения. Ну и нравы в домике! С кем он (она) провел ночь? С ней? С ним? В Лос-Анджелесе не угадаешь. Балконы служат как бы тропой любви. Лень спускаться по лестнице, обходить коридорами...

Лежу. Размышляю. Через балконную дверь вижу, как розовеет, проясняется небо. Понемногу проясняется и у меня в голове. Почему Дженни приехала в аэропорт? Наплевала на мои просьбы и мольбы? На Дженни это так не похоже. Почему? Да потому! У нее иная логика. Женская. По женской логике все мужчины озабочены денежными проблемами. Мани, мани, мани — на первом месте, эмоции потом. А тут с розовых небес свалился подарок, списали сорок тысяч долга! Почему же не поехать и не сообщить хорошую новость? Далее. Наверно, я выглядел ужасно вымотанным. От усталого мужика какой прок? Дженни — девочка практичная. Пусть отдохнет в чужом доме, поскулит, попереживает. Небось профессор привык, что Дженни у него на подхвате — кухарка, прачка, шофер, мягкая подстилка. Что имеем — не храним, потерявши — плачем. Пусть поплачет, произведет переоценку ценностей. А вчера? К субботе у нее всегда набираются дела. Не успела с ними расправиться. Или надеялась, что профессор, протрезвев, бросится на Диккенс-стрит дежурить под окнами, как и положено порядочному влюбленному. Сквалыга профессор не потрудился даже взять такси, продолжал веселиться, ожидая, что она сама к нему попрется. Хрен ему с морковкой! То есть все логично. Классический пример из учебника!

Привожу себя в порядок водно-бритвенными процедурами. Надеваю спортивную рубашку, купленную Дженни, облачаюсь в джинсовую пару. В кастрюльке (спасибо, Инга!) варю кофе. Спускаюсь на улицу и неторопливо прогуливаюсь возле дома. Не горблюсь. Готов к ратным подвигам. Каким?.. Если память не изменяет, то вроде Ганс говорил, что намыливается утром на антикварный базар, типа парижского блошиного рынка.

Из подъезда вываливается Ганс с двумя ветеранами вечерней антиалкогольной баталии. Вид у них помятый. Обмен междометиями. Вспоминаем, какое количество противника в пересчете на бутылки и градусы мы вчера уничтожили. Славно поработали!

— Как вы едете?

— Через Лорел-каньон, Вентура-бульвар...

Вентура-бульвар! Сегодня явно небеса мне улыбаются.

...Прошу остановить машину на Вентуре. Топаю по знакомым мостовым, читаю знакомые вывески бутиков и ресторанчиков. Неяркое солнце, свежий ветерок — мой день! Открыт ли цветочный магазин на углу? Ведь воскресенье... Разумеется, магазин открыт. Возможно, хозяин намеревался понежить-ся в постели, да его растолкали и сообщили: сегодня — мой день!

И вот с красиво завернутым букетом, перевязанным розовыми под цвет небес ленточками, и с плюшевым медвежонком (или хрюшкой? — не знаю, ничего другого в цветочном магазине не обнаружил) я иду на Диккенс-стрит. В тишине непробудившейся улицы громко гремит победный марш, слышный лишь мне одному. Иду и не верю собственному счастью: еще полтора месяца назад не думал, не гадал, что когда-нибудь сюда попаду.

Прокол! Сквозь решетку подземного гаража замечаю, что синий «пontiак», имеющий скверное обыкновение по ночам принимать мрачные тона, отсутствует. Стоять как дурак у крыльца с цветами и игрушками? А вдруг Эля с кем-нибудь дома? Зайду, оставлю подарки.

Звоню условным звонком. Дверь сразу открывают. На четвертом этаже дверь тоже приоткрыта. Рев пылесоса. Линда драит ковер (я забыл, что по воскресеньям она убирает квартиру), Эля сидит у телевизора с цветными карандашами, смотрит на меня как-то странно, лицо застыло, будто не узнает. Но вправду сегодня мой день, ибо из ванной появляется мамаша в желтой майке и черных обтягивающих штанах чуть выше колен.

— При-и-и-вет! Хотела побегать.

Я извиняюсь за неожиданное вторжение. Вручаю Эле медвежонка-хрюшку, Дженни — цветы. За букет получаю комплимент. Линда зверствует с пылесосом. Дженни ищет вазу для цветов.

В гостиной все на прежних местах. Ощущение, что я опять в своем доме. Вспомнил!

— Какую спальню ты приобрела? Можно поглядеть?

— Погляди.

По коридору следую в спальню. Там действительно перемены. Новая широченная кровать с деревянной резной спинкой отодвинута от стенного стеклянного шкафа, поставлена перпендикулярно к окну. По бокам белые продолговатые тумбочки. Около кровати, на стоячей вешалке, темно-зеленый мужской костюм и бордовый галстук.

Я выкатываюсь из спальни и очень миролюбиво предлагаю:
— Давай перед твоей пробежкой выпьем кофе на Вентуре?
— Давай.

Мы спускаемся на Вентуру как будто по разным тротуарам. Ни на секунду наши руки не соприкоснулись.

Садимся за столик под тентом. Дженни отправляется к бару и сама приносит кофе.

Закуриваю. И ловлю на себе взгляд, полный ненависти.

— Ну, разведчик, доволен? Разнюхал, проявил оперативную сноровку? Как это называется на вашем жаргоне?

— Дженни, не сердись, — мой голос дрожит, — если б я знал, то не заходил бы в спальню. Скажи, на сколько же я опоздал? Когда ты перестала меня ждать?

— Глупости, — Дженни смахивает с плеч прилипшую паутинку, — почему я обязана была тебя ждать? Вела нормальный образ жизни. А вот тебе было удобно жить у меня. Как это на вашем жаргоне — превосходная «крыша»? Залег на дно, чтоб втихаря обделявать свои делишки?

Ой-ееей! Удар ниже пояса. Предательство. Меня продал Доул. Это же ему я в шутку сказал про «крышу», дно и удачный расклад карт. Почему он меня предал? Ляпнул сдуру? Или намеревался тем самым заслужить благосклонность молодой женщины?

Я вижу блеклый шрамик на левой коленке. Так близко, дотронуться пальцами, это же все мое! Нет, теперь не твое — темно-зеленого костюма на вешалке.

— Допивай, а я побежала.

Убегает вперевалочку, не оглядываясь.

Часа два я шагаю по Вентура-бульвару. Потом сажусь в такси. Потом валяюсь на постели в каюте-студии. И говорю, говорю, говорю с Дженни. Пытаюсь ей все объяснить, хотя понимаю, что объяснять бессмысленно. Она и слушать не будет. Поезд ушел.

В такси мелькнула мысль: взять манатки, и в аэропорт. Долг заплачен, какого дьявола мне торчать в Городе Ангелов? Но тогда Дженни еще больше укрепится в своем мнении. Если нельзя восстановить отношения, надо попробовать восстановить справедливость. Я же всегда был борцом за справедливость! И обязательства перед Ингой, которая уж точно ни в чем не виновата. Пусть Дженни меня не ждала, но ждут студенты. Срывать им курс?

Все переплелось.

Человеку распороли живот, вываливаются розовые потроха (под цвет небес), он шатается, закрывает ладонями рану и молит Бога и Дьявола послать ему мгновенную смерть, избавиться от страшных мучений, а с небосвода (из преисподней?) раздается зычный глас:

— Что за глупые сантименты? Ты же обещал! Сегодня пойдешь на вечер в университет. Иначе Инга и Ларри жутко обидятся.

Встаю под душ. Переоденусь в костюм от Ив Сен-Лорана. О'кей, раз надо, раз обещано — буду исполнять роль механической куклы, которая механически улыбается, механически раскланивается, механически отвечает на все вопросы. «Почему Дженни не пришла?» — спросит Инга. «Эля заболела». — «Очень жаль». — «Очень досадно». Грех, конечно, накликать хворь на ребенка, нужно придумать что-нибудь другое. Придумую.

Увлечшись переживаниями, я как-то запамятовал о времени. Между тем мероприятие начнется через пятнадцать минут. Что делать? Ждать Ингу? Топать к ней на квартиру? Она, наверно, уже в университете. Я даже не знаю, в каком здании соборище. Придется бегать по кампусу и определять на глазок, по количеству машин. Выскакиваю на балкон. Коричневая колымага Ганса отсутствует. И вообще, паркинг опустел. Мне так не хотелось идти на вечер, а теперь я понимаю, что худший вариант — сидеть одному в каюте. Повешусь на вентиляторе. И включу его, пусть крутится. Отчетливо представляю себе зрелище...

С улицы во двор дома вырывается синий «пontiак». Рука из окошка дает мне знак: спускайся!

Скатываюсь по лестнице с изяществом бегемота.

Паркинг забит. С трудом находим место где-то за километр. Я иду рядом с Дженни, чуть пропуская ее вперед и вроде бы поддерживая за локоть, не осмеливаясь дотронуться. На ней длинное красное платье с высоким разрезом. Новое. Как же она его назвала? «Для любопытных парней»? Раньше в зеркальном шкафу его не было. Искоса наблюдаю за ней в профиль. Она тщательно поработала с косметикой. Такое знакомое и незнакомое лицо. Я привык видеть ее ненакрашенной — милая, любимая, *моя* девочка. Макияж делает ее по-настоящему красивой, но холодной, пугающе недоступной.

— Тебе нравится, как я одета?

Первые слова, произнесенные ею после нашего утреннего randevu.

— Очень. Ты самая красивая девочка на свете.

Никакой реакции.

У входа народ. Спрашивают билеты. Оказывается, нужно было о них позаботиться, а я прохлопал ушами. Дженни уверенной походкой направляется к двери, над которой плакатик: VIP. Для важных персон. Ну, снобы! Университетский вечер. Какие, к черту, VIP? В Париже подняли бы на смех, однако в Америке... Правит капитал? Свои нравы? Сексуальная революция? — выбирайте по желанию, так надоело закруглять фразы...

— Билеты для профессора Сан-Джайста.

— Для кого??? — Студентка-контролер просматривает пачку конвертов, будто подозревая подвох, но тут же ее суровый лик расплывается в лучезарном «чиизе». — Ах, да, конечно, профессор Сан-Джайст!

Девушка протягивает Дженни конверт. Я, мгновенно оценив ситуацию, нагло беру Дженни за руку. Терпит.

В фойе пестрая публика. Сборная солянка студенческой молодежи (в спортивных маечках и джинсах), преподавателей (в строгих костюмах и галстуках), VIP(ов), флипов и клипов, с дамами разного возраста, блистающими дорогими нарядами и побрякушками. Кто-то с нами здоровается. Смутно припоминаю, что видел эти рожи на коктейле у Джорджа или еще где-то. «Смотри направо, — шепчет Дженни. — Не узнаешь? Фильм Эндрю Лайна «Сделка состоялась»... Я согласно киваю, хотя никогда даже не слышал про фильм, отстал от жизни, впрочем, название фильма меня устраивает. Кто-то надвигается с объятиями, не вернуться. Знакомлю его с Дженни, чтобы узнать, кто именно. Проректор из Стенфорда. Дженни польщена. А у меня впечатление, что неуклюжего бегемота в старомодном костюме от Ив Сен-Лорана признают за человека только потому, что с ним под руку красивая женщина в длинном красном платье.

Проходим через заполненный зал и садимся в кресла седьмого ряда. Кругом сплошные VIP(ы). Слева от нас Инга и Ларри. Инга классно отретуширована, затянута во что-то фиолетовое, выглядит замечательно. Целуется с Дженни как с закадычной подружкой. Вспыхивают блицы. VIP(ов) фотографируют для потомства.

На сцене появляются. На сцене начинается. Концерт вперемишку с поздравлениями. Какой-то юбилей? На сцене поют, на сцене танцуют, исполняют сатирические скетчи, толкают речуги. Я не слежу за сценой, я слежу за меняющимся выражением лица моей соседки в красном платье. Вроде все происходящее ее не очень забавляет. Соседка. Ни разу не покосилась в мою сторону.

И вдруг:

— А теперь предоставляем слово нашему гостю из Парижа, профессору истории Энтони Сан-Джайсту, который в этом году будет читать у нас лекции.

Показываю Инге кулак. Надо же предупредить заранее! Может, предупредила, да у меня вылетело из головы?

Чтоб обойти ряды и подняться на сцену, в моем распоряжении двадцать секунд — ни малейшей идеи не возникает. О чем говорить?

В трех шагах от микрофона конферансье дает мне шпаргалку, просвистев в ухо: «После вашего выступления, пожалуйста, объявите французский канкан».

Поправляю микрофон. И скучнейшим голосом:

— Как вам хорошо известно, в 1871 году немецкие генералы разгромили в пух и прах непобедимую французскую армию. Столица Европы должна была переместиться в Берлин. Но этого не случилось, потому что парижанки на эстрадах кабаре стали танцевать новый танец, задирая юбки, — знаменитый канкан. Неожиданный и коварный ход французов ошеломил германских стратегов. Железный канцлер Бисмарк так и не нашел адекватного ответа. Первенство осталось за Парижем. Вот и я свой курс лекций начинаю с канкана. Прошу вас, mesdamoiselles!

В зале смешки и даже аплодисменты. Возвращаюсь в седьмой ряд. Соседка в красном платье наконец-то обращает на меня прекрасные очи:

— Неплохо. И самая короткая речь. А то все жуют резину и выпендриваются.

И этого достаточно, чтоб взлетел с седьмого ряда на седьмое небо.

...По ее прихоти парю под потолком, взмываю в небеса. Не переqualificироваться ли мне в космонавты? Денежная специальность. Надо подумать.

Приземляюсь. На сцене танцуют канкан. Средненько. Я напряженно размышляю. Есть серьезная тема для размышлений: заграбастать белу ручку моей соседки в свою или переждать, не давить, действовать тихой сапой?

Пока я размышляю, объявляют антракт.

Публика медленно, чинно вытекает в фойе. Других посмотреть и себя показать. А мы что, не люди? Мы должны продемонстрировать интересующимся высокий разрез. Мы тоже встаем.

— Могу я угостить даму кока-колой, лимонадом?

— Неплохая мысль.

Вторично получаю «неплохо». Сколько это по французской

двадцатибалльной шкале оценок: двенадцать? тринадцать? Во всяком случае, проходная отметка.

— Кэтти? И она тут? — восклицает Дженни. — Мне нужно сообщить ей одну вещь.

Делает рывок и через секунду исчезает с моих глаз. Напрасно я наостренным взглядом разведчика рыскаю по сторонам. Нет красного платья. Невероятно! Опять появляется тема для размышлений. Дженни меня обманывала. Она говорила, что занималась бегом на 80 метров с барьерами, но скрыла, что была чемпионкой республики, Союза или... Развить такую скорость с места в карьер способна лишь чемпионка Европы!

Минуты через три и я протискиваюсь в фойе. Дефилирую в густом потоке. Рассматриваю стенды с книгами, фотографии прославленных выпускников университета на стенах. Захожу, пардон, в туалет. На улице с группой студентов выкуриваю сигарету. Меня принимают за своего. Выпиваю в баре лимонад. Кто-то говорит, что я хорошо выступил. Кто-то с кем-то знакомит. Нагрудный карман пиджака пухнет от визитных карточек.

Дженни нигде не видно.

Звонок. Плыву в зал к седьмому ряду. Кресло моей соседки пустует.

Инга перехватывает мой взгляд и грозит пальцем:

— Мог бы вякнуть пару слов про университет, для проформы. А Дженни сидит в баре с какой-то бабой.

На сцене начинается. На сцене продолжается. Поют, танцуют, толкают речи. Репризы голливудского комика вызывают взрывы смеха.

Кресло соседки пустует.

Конферансье острит:

— Вот наш гость профессор Сан-Джайст волнуется, а Дженни с Кэтти сидят в баре.

Зачитывают поздравление супружеской четы, Хилари и Билла Клинтон. В поздравительном адресе тоже упоминается, что Дженни сидит в баре.

Но я уже точно знаю: Дженни давно смылась в Шерман-Окс. У них заранее было условлено! И когда в антракте возник темно-зеленый костюм, вернее, темно-зеленый костюм с начинкой — к нему она и совершила рекордный бросок.

Сквозь сон, сквозь бред, сквозь немыслимую концентрацию винных паров и табачного дыма (вроде бы проветривал, да фиг проветришь — живу в косматой космической атмосфере) в середине ночи наблюдаю мужскую особь в трусах, которая шле-

пает по моему балкону, перешагивает через соломенный заборчик-цинковку. Кого употреблял, голубь? Кто кричал и что кричали под тобой или на Шерман-Окс? Какие картинки отражались при свете ночника в зеркале шкафа? В гостиной в бешеном ритме канкана крутится датчаночка-аспирантка, задирая юбку — лица не различаю, различаю блеклый шрамик на коленке. Толстый Ганс надвигается, раскрыв объятия, он нашел адекватный ответ, ей не увернуться...

Меня будят звонки. Ну да, понедельник, заработал телефон. Голос Инги сообщает, что из-за суматохи при подготовке юбилейного вечера напутали в расписании, и моя первая лекция сегодня в 2.30.

Две ошибки. Примо. Путать расписание — их забавы, а мне не надо было впутываться. Твердо заявить: сегодня не готов. Нет, покорно поплелся и читал. Скверно читал. И что бы там потом ни говорили, я-то знаю — так новый курс не начинают. Секондо. Нужно было нахально попроситься к Инге домой, устроить для студентов экскурсию в зоопарк (Рановато его закрывают? Хорошо, пригласить Ганса в турпоход по барам Санта-Моники) — все что угодно, лишь бы не оставаться одному в своей каюте! Однако понадеялся на усталость, дескать, еще не отошел от парижского распорядка и, может, задряхну где-нибудь к восьми вечера, полезно для здоровья.

И вот сижу и не свожу глаз с телефона. Прекрасно понимаю, что звонить нельзя. Никак нельзя. Ни в коем случае. Если человеку надавали по морде, а он приползает на брюхе, по грязи и лужам — ну как на него посмотрят? С брезгливостью и презрением! И я бы сам на месте Дженни сказал бы темно-зеленому костюму, чтоб он брал трубку и рывкал в нее — вдруг кое у кого сохранились иллюзии, а услышит мужской голос... Хотя какие к черту иллюзии? Ясно, четко дали понять. Публично по роже. Круто, зато без экивоков. Поставили точку.

Сволочи, гады! Повесить мало!

Это я о ком? О тех, кто изобрел телефон. Не было бы телефона, потопал бы я в сторону Шерман-Окс, да часа через три меня бы сморило или здравый смысл взял верх, — ботинок на тер ногу, собака выскочила, укусила, машина сбила — бывает же в жизни везение? — короче, повернул бы обратно, доковылял до палубного кораблика и заснул как сурок.

Снять трубку, нажать на кнопки. Легкое движение, всего-то...Непреодолимый соблазн.

Скота, который включил мой аппарат в сеть, — на гильотину!

В старые времена оседлал бы коня и помчался сломя голову. Но на длинном подъеме Лорел-каньона конь бы притомился, подкова отлетела. Пожалев беднягу, свернул бы на бензоколонку раздобыть ведро питьевой воды и охалку сена. И пока автослесарь прилаживал бы подкову, все бы и утряслось: глядь, Эля уже спит и вообще в такой поздний час порядочные люди в гости не ходят.

Рука тянется к трубке.

Ну что их дернуло изобретать эту игрушку-погремушку? Гильотинировать? Революция была гуманной, а Святая Инквизиция не церемонилась, сжигала на костре.

Представляю себе, как прозвучит мой приветливо-фальшивый, бодро-испуганный, выбритый, плешивый, с шестимесячной завивкой голос: «Дженни? Хочу узнать, все ли у тебя благополучно, и сообщить номер своего телефона. Может, когда-нибудь пригодится. Привет горячий!»

Вот и все. Разве я навязываюсь? Рука тянется к трубке. Что делать?

Как справедливо, как верно, как метко писал Марат:

«Что делать? Обрубить большие пальцы на руках всем рожденным холопам. Наделайте из них живьем чучел, и пусть они в течение трех дней будут выставлены перед народом на зубцах стен сената».

Правда, он писал это не про меня конкретно, а несколько по иному поводу.

Идея! Если ответит темно-зеленый костюм, я просто положу трубку.

— Алло?

Дженни. Я произношу свой тошнотворный текст.

— Слушай, Тони, я, конечно, должна перед тобой извиниться. Некрасиво получилось. Но это был ужас, не концерт, а школьная самодеятельность. Я кипела от злости. И чтоб не срывать ее на тебе, поехала домой, мне же рано вставать.

Откровенная, плохо завуалированная ложь. Я знаю, что она знает, что я это знаю. Нечто вроде логического трюизма. У нас с ней так бывало. Трюизмы... Но не ложь. Теперь она уверена, что я скушаю все с радостным визгом.

Комнатному пуделю бросили кусочки со стола, он подпрыгнул, поймал на лету, схавал, завилал хвостиком. Торопливо докладываю, как прошла первая лекция. Будто ей это интересно, будто рука темно-зеленого костюма — пиджак снял, остался в полосатой сорочке и бордовом галстуке — не блуждает, не путешествует («Уймись», — шепчет моя девочка, прикрыв ладонью трубку и одергивая юбку). Однако я же ничего не вижу, ничего

не слышу, значит, этого не существует. М-да, в общении по телефону есть свой шарм. Отменить гильотину.

— Кстати или некстати, тебе решать, нас с тобой пригласили на завтра к этому... как его?.. приятель Инги с рыжей бородой. Что там будет? Выпивка, закусон — не прельщает? — и этот, ты мне на него еще указала в фойе, ну который играл в фильме «Сделка состоялась». Адрес? Понятия не имею. Спросить у Инги?

В трубке пауза.

— Я подумаю. Рыжий с бородой... У него жена беременна. А ты не заметил? Ладно, завтра позвоню и, наверно, заеду за тобой часов в семь.

Завтра в семь часов! Какая жирная кость мне досталась от барских щедрот. Вцепляюсь зубами, урчу и жадно ее обгладываю.

Я сам, в общем-то, рассказчик. Умею рассказывать. И знаю всякие там уловки, чтобы, когда излагаешь скучный материал, оживить аудиторию.

Ничего подобного не видел.

По голливудским масштабам — малоизвестный актер. Лет сорока, с непримечательным лицом. Пока рыжая борода угощала гостей аперитивом и витийствовала — вежливо помалкивал. Ну правильно, думал я, его роль в массовке. Сели за стол, он раскрыл рот. И не закрывал. Кажется, никто больше слова не произнес. Он рассказывал. Изображал. Вскочил даже на стул. Гости сползали под стол. Он пользовался передышкой, выпивал, закусывал и, как только все опять размещались на своих местах, начинал новую новеллу. Многократно отрепетированная программа или вдохновение? Или то и другое? Наверно, он не был избалован успехом и ему льстило, что он раскачал, раскопегарил, зажег чопорную, на его взгляд, университетскую компанию. Профессионал! И он старался. Тем более что напротив него самая красивая девочка на свете не сводила восторженных глаз с затейника и умирала от смеха. Впрочем, умирали все. Лишь жена рыжебородого сдерживала себя, зажав рот ладонями: «Не могу смеяться, нет уж сил, нынче будет выкидыш». И я тоже блаженствовал, ибо моей соседке сегодняшний вечер доставлял истинное удовольствие. (А кто ее сюда привел? Кому она обязана? То есть я нахально прикарманывал часть актерских лавров.) Я пьянел не от вина (от вина тоже) — от близкого соседства оголенных рук и плеч, я прикладывался к этому богатству...

Хозяйка в хорошем настроении, увлечена и не замечает шалостей комнатного пуделя. Пусть. Главное, чтоб не гавкал, не мешал.

Потом все шумно прощались.

— Тебя отвезут Инга и Ларри, им по дороге. Я устала, ты же знаешь, мне рано вставать.

Аргумент действует безотказно. Я всегда на страже ее драгоценного здоровья.

Основные события следующего дня: на балконную дверь повешена занавеска и к телефону подключен респондер, автоответчик.

Хотя бы позвонила и сказала спасибо за вчерашнее.

Моей выдержки и силы воли хватает на сутки. Я, конечно, не навязываюсь, но почему не было звонка? Вдруг, возвращаясь той ночью, попала в аварию? Ведь тянула винишко, сам подливал. По ее меркам даже слишком... Не дай Бог! А я? Не беспокоюсь, в ус не дую, играю в детские игры «кто первый позвонит».

У меня лекция через три часа, а у нее через час ленч. Раньше, бывало, мы успевали пересекнуться. С ее скоростями...

Отважно набираю номер госпиталя. Там гарантировано, что зеленый костюм не подымет трубку.

Трубку берет Кэтти, узнает меня по голосу, спрашивает, как поживаю. Почти полгода мы вели с ней по телефону обрывочные разговоры. А тут я приехал и еще не заглянул к ним в контору. Чувствую, она в возбужденном состоянии.

— А где Дженни?

— Профессор, ее дать не могу. Она занята.

— Очередное совещание?

— Нет, у нас визитер! — и как сенсацию, с придыханием, сообщает имя визитера. Тот самый краснойбай из Голливуда.

Тогда понятно. Администрация госпиталя — женщины — в шоке. Приход Мессии вызвал бы меньший ажиотаж. Но мне нравится формулировка: у нас визитер! Он явился лечиться в этот задрипаный лепрозорий? Любоваться прелестями Кэтти, Ларисы? Беседовать с Якимуро-Квазимодо о проблемах японского флота?

Когда же она успела всучить ему свою визитную карточку? Ну и темпы! Тебе, впрочем, известны ее скорости.

К нему никаких претензий. Лучше других ты знаешь, что ни один мужик не устоит, если Дженни на него призывно посмотрит. И вот он приехал получить гонорар за выступление. Не зря

же так выкладывался. Теперь в ее коллекции будет голливудский актер. Вдобавок к тому, московскому.

Кто должен ревновать — ты или зеленый костюм? Кому она наставит рога?

— Ладно, — говорю я Кэтти, — занимайтесь вашим визитером. Позвоню завтра.

Сегодня предпочтительно не возникать. Сегодня Дженни не до меня. И боюсь, что попадет Кэтти от начальницы за длинный язык.

Завтра ей тоже не до меня. Догадываюсь, что на голливудского затейника большой спрос, поэтому дело нельзя откладывать, динамо ему не покрутишь. Кому, когда она крутила динамо, пламенная революционерка Сексуальной Революции?

И послезавтра ей тоже не до меня.

Какой мерзавец изобрел автоответчик? Без него я мог бы утешаться — дескать, она, конечно, звонила, а я, как на грех, отсутствовал.

На гильотину!

Кто?

Через тысячу лет, то есть в субботу, набираю номер на Диккенс-стрит. Хватит, девочка, пора бы и совесть иметь. Оставляю мессидж. Сижу дома, жду.

Ни ответа, ни привета.

Звоню в воскресенье. Готов беседовать даже с зеленым костюмом. Товарищ по несчастью, найдем общие темы.

Куда они все запропастились?

В понедельник Кэтти безропотно соединяет меня со своим шефом.

— Да, получила твои послания. Вернулась очень поздно. Мы сейчас с Элей проводим уик-энды в Сан-Диего, у родственников. Разве я тебе не рассказывала?

Есть вопросы? Нет вопросов.

Третья ошибка. Совершенная давным-давно, когда я жил на Диккенс-стрит.

Античный хор: «Неужели это когда-то было?» Герой, забыв текст Софокла, суетливо крестится: «Было, было, вот вам крест на пузе!» Античный хор, возмущенный нарушением классических канонов: «Не верим!»

Правильно делают, я и сам не верю, что это когда-то было — пригрезилось, почудилось, враки! — но когда это было и, главное, казалось, что так будет всегда, так вот однажды то ли в шутку, то ли всерьез Дженни предложила:

— Давай изменим отношения, будь мне отцом.

М-да. Тогда, по логике, получалось, что пятнадцать минут назад мы, к явному ее удовольствию, активно занимались кровосмесительством!

Я понимал, откуда эта странная идея: Дженни тосковала по своим родителям, ей их не хватало в Городе Ангелов, где имелся джентльменский набор всех крылатых созданий, кроме ее собственных ангелов-хранителей. Не знаю, до сих пор загадка, удовлетворял ли я ее в качестве любовника, но в роли отца я бы ее определенно устроил. Однако с негодованием отверг эту идею. Я помнил, каких трудов и мучений мне стоило наладить отношения с моей дочерью, я видел, как переживает Анька (переживала!) отсутствие Сережи. Я мог претендовать на место Джека — зарвался, помутился разум, но место отца для меня святыня. И отец Дженни, судя по ее рассказам, превосходнейший человек. Короче, я назвал эту идею кощунством и пожелал ее отцу, глубокоуважаемому М. С., жить до ста лет в добром здравии ей же на радость.

...Теперь я бы мечтал стать временно исполняющим обязанности ее папаша. Почему? Имел бы законное право ее видеть. Ибо если Дженни еще думает обо мне (в чем сильно сомневаюсь), то она думает, что я в первую очередь ее хочу. Это так, но с существенной и, может, не очень лестной для нее поправкой — в первую очередь я хочу ее *видеть*. Точно так же я хотел видеть мою маленькую дочку, сходил с ума, а Н. К. — по дремучей глупости, обидевшись на меня — запрещала свидания.

— При-и-вет, это ты?

Волшебный голос предназначен кому-то другому, а мне перепадает от полноты душевной. (...Смутная картина из какого-то детства: в саду на костре в большом чугушке варят варенье, выкипает, стекает сладкий сок — все, кому не лень, подбирают его ложками.) Не выясню, кому предназначен, попытаюсь воспользоваться благорасположением.

— Нет, не я. Я зарос бородой, мхом и лишайниками. Подаю жалобу в общество охраны природы. Мы с тобой так не договаривались. Мы договаривались, что по моему прибытии в Лос-Анджелес посидим вдвоем тихо и спокойно в кафе.

— А зачем?

За что я ее люблю — за искренность. Ну, конечно, не только за это.

— Представь себе, что кто-то жаждет на тебя посмотреть. Просто полюбоваться красивой девочкой. И вообще, ты мне обещала, что будет еще кофе и какао.

— Я обещала??!

Она неподражаема.

— Хорошо. Я знаю, ты очень занята госпиталем, Элей, годовым балансом, лабораторией доктора Хоффера и так далее...

Особенно «так далием». Мог бы подробно перечислить этих «так далиев». Не перечисляю.

— ...Найди какой-нибудь час в любое удобное для тебя время. Если совпадет с моей лекцией, я ее отменю.

— Как идут твои лекции?

— Будет повод рассказать. Тема для беседы. Не заставляй меня заниматься попрошайничеством.

А что я делаю? Попрошайничаю, навязываюсь, скулю, как собачонка, встав на задние лапки... Я готов к тому, что сейчас меня пошлют к едреной фене. И шмякнут трубкой.

Не посылают. Завтра она подъедет к факультету и повезет меня в едальное заведение.

— Интересное кафе, связанное с историей Голливуда. Тебе понравится.

На стенах фотографии разнокалиберных голливудских звезд. На стенах, под стеклом меню с автографами. Мебель а-ля XIX век. Деревянные барьеры. Она говорит, что и поныне еще кое-кто сюда заглядывает. Не уточняет. А я не спрашиваю, откуда у нее такие сведения. Мне до лампочки.

Бесспорно, есть какой-то шарм, амбьянс. Наверно, тут вкусно кормят.

Я не ем в это время. Дженни — на разгрузочной диете. И знаменитостей не видно. И курить, естественно, запрещено.

Не в коней сегодня корм.

Раза три я оставляю свою даму и нервно затягиваюсь сигаретой на улице. Потом возвращаюсь, и с меня продолжают методично, живьем снимать шкуру. Без наркоза.

— Тони, это была цепь случайных совпадений. Видимо, я привыкла к семейной жизни и боялась остаться одной.

...Денежный вопрос? Бред сивой кобылы! Мне не нужны твои миллионы, даже если бы они вываливались у тебя из карманов. До сих пор ты меня с кем-то путаешь. Я никогда не беру у мужиков деньги. Все зарабатываю сама.

...Человек, уже поживший, с опытом и несколько подуставший, чувствуя, что легкий приятный роман может переродиться в нечто затяжное, мучительное, которое обязательно дает боль, — останавливается, начинает пятиться, уходит. Это не страх или злой умысел. Это инстинкт.

...У нас не было никакой перспективы. Для счастливого брака с тобой я опоздала лет на двадцать. Претензии к моей маме, бабушке. Моей вины нет, что мы разошлись во времени.

...Клянусь, Тони, получилось совершенно неожиданно. Увлелась, влюбилась. И длилось это пару месяцев. Ну не такая любовь, как с тобой, но для меня два месяца — большой срок.

Тут, прекратив стенания, вздохи и всхлипы, я вставил в ее монолог нечто членораздельное, дескать, подобных увлечений у нее еще будет штук сто или двести, и вообще я удивляюсь, почему после моего отъезда к ее дому не выстроилась очередь.

— Ты сейчас увлечена.

И в этот момент между нами проскочила какая-то искра, что-то от прежних отношений, искра доверия. Она поняла, что я обхожу дипломатическим молчанием темно-зеленый костюм и, главное, в дальнейшем тоже буду его не замечать, а зеленый костюм в ее жизни присутствует. Но я закрыл глаза, в упор не вижу, точка. А намекаю на романчик, который то ли уже прошел, то ли не состоялся, а если состоялся, то без особых для нее эмоций. И все перед моим носом, глупо отрицать.

— Я — женщина слабая. Красноречием он даже тебя забил. Но там жена, дети, официальная любовница. Там завязнешь, как в трясине.

«Значит, вы провели достаточно времени вдвоем, раз ты имеешь столь подробную информацию», — подумал я, продолжая сидеть с улыбкой идиота. Навязывался в подружки. Не соображал, что если превращусь для нее в бесполого друга, в священника, коему исповедуются, то попаду из огня в полымя. И будет хуже.

Она сообразила. Усмехнулась. Махнула рукой. Отмахнулась. От него и от меня. Миг доверия кончился.

— Тони, да, я такая. Ну как тебе объяснить? Я пять месяцев рьяно помогаю бездомным, а после, все забыв, полгода занимаюсь спекуляцией недвижимостью. Не понял? Хорошо, еще одно сравнение. Я три месяца стою в церкви со свечкой (извини, я иудейка, но это для сравнения), а потом на восемь месяцев пускаюсь в дикий разгул. Я — качели. Меня бросает то вверх, то вниз. Но в любом положении это я, я остаюсь самой собой. Я такая. Ты же привык идти по прямой линии, без отклонений. Тебе меня не выдержать и не принять.

Я в ответ... Да что мои слова? Пустое колебание воздуха.

Она повезла меня обратно к университету, и где-то на полдороги я сказал: «Стоп, спасибо, теперь сам дойду». Мне нужно было протопать километры, чтобы все это осмыслить, переварить. И у нее наступал цейтнот (заметил, как она украдкой косилась на часы): Элю надо взять из детского сада, домашние дела, и т. д. и т. п. — разумеется, все так, но я догадывался, что сегодняшний вечер у нее ангажирован. С зеленым темно-зеленым или тружеником кино, страдающим от обилия жен и любовниц? То, что картинно махнула на него рукой — ничего не значило. У девочки на качелях большая амплитуда, в болоте не застрянет. Спросить, с кем именно? Ей-богу, не волновало. Я вычислил, что ни тот, ни другой не был первым, с кем она мне изменяла. А тогда — без разницы. И решалась моя судьба.

Дженни поставила «пontiак» к тротуару, машина немного накренилась (все мостовые — дугой) и правое сиденье оказалось ниже, а ее, водительское, выше, и с этой вышины, с верхотуры трона, она молча смотрела на меня несколько минут, а я, вобрав голову в плечи, чувствовал себя склизкой раздавленной лягушкой. Сгущаю краски? Одно я знал точно: так уже было, так уже смотрели на меня, вернее, не на меня, так смотрела Жозефина Богарне на капитана кавалерии Жерома Готара из окошка Императорской кареты. Взгляд принцессы, бывшей Золушки, случайно попавшей в свою прежнюю обитель. «Неужели я жила тут, в такой нищете?» То есть — неужели я жила с этим типом? Что я в нем нашла? И если нашла, где все это?

Жозефина отвесила Готару пощечину — произвела его в полковники! — и он перестал для нее существовать.

Перевернула страницу.

В глазах Дженни читалась жалость. Жалость к себе или ко мне? Или к нам обоим? Но вот ее взгляд стал непроницаемым.

— Тони, вытащи из-под сиденья пакет. Там твоя игрушка. Давно собиралась тебе передать.

Моя «игрушка»! Улетая в Париж, я оставил свой пистолет Дженни. Не проходить же с ним паспортный контроль в аэропорту? И пока пистолет хранился у нее дома, у меня теплилась надежда, что не все потеряно, есть общая тайна, которая нас связывает.

Я вытащил пакет и засунул его под пиджак, за пояс.

Дженни перевернула страницу.

— Будь осторожен, Тони.

— Будь осторожна, моя девочка. Не гони по улицам.

Поцеловать ее? Я ощущал себя склизким, мокрым, раздавленным. словно лежу в госпитале, и опять открылась страшная

рана, разошлись швы на животе. Человек в таком состоянии заслуживает всяческого сочувствия, но к нему стараются не прикасаться. О нем позаботится медперсонал, а не женщина, спешащая на свидание.

* * *

Разумеется, я знал этот принцип американского преподавания на гуманитарных факультетах. Выбирается что-то конкретное и изучается достаточно глубоко. Если студент заинтересовался, обо всем остальном он прочтет сам. О'кей, в чужой монастырь со своим уставом не суются. И я не в восторге от нашей французской системы, когда гонят галопом по Европам, а в результате мало что запоминается.

В прошлом году они проходили гражданскую войну в Штатах и Парижскую коммуны. Из любопытства я задал несколько проверочных вопросов и получил множество полезных для себя сведений. А после того как мулатка Молли Горд, которую я никогда на лекциях не видел в юбке длиннее двадцати сантиметров, перечислила по алфавиту имена коммунаров, расстрелянных у стены Пер-Лашез, я подумал, что стал жертвой грандиозного розыгрыша и вместо студентов мне подсунули группу академиков.

И все-таки начинали вкрадываться какие-то сомнения, поэтому на семинаре я попросил господ студентов не стесняться и рассказать об основных событиях XIX века в Европе. Да, предварительно я договорился с Питером, чтобы он помалкивал, — Питер, гениальный мальчик, глотал книги, как гамбургеры, и знал все.

Общими усилиями (без Питера, Питер сардонически ухмылялся) они восстановили картину.

Значит так: была Французская и Английская революции...

Я уточнил:

— События XIX века, пожалуйста.

Мои балбесы даже обиделись. А мы про что? Дальше я не вмешивался. Слушал.

Итак, сначала Французская и Английская революции. Казнили французского короля-солнце Луи Четырнадцатого и английского Ричарда-Львиное Сердце. Потом войны. Наполеон воевал с Кромвелем. Затем Наполеон и Кромвель объединились и пошли походом на Москву, но русский царь Иван Грозный разбил их на Куликовском поле. Казаки заняли Париж и перетрахали всех парижанок. Возмущенные горожане восстали и понастроили баррикады, на которых погиб Гаврош. Наполеон

сбежал с русской графиней Еленой на Корсику, где его отравили англичане. Во Франции Реставрация. Король Луи Филипп правил безобразно: «После нас хоть потоп». Перетрахал всех парижанок. Италией управлял Папа Римский. К нему германский Император Барбаросса приполз на коленях. Испания вела кровопролитные войны с арабами, оккупировавшими полстраны. Австрийский Император Меттерних натравил турок на Грецию и Россию, турки заняли Крым. В Бельгии изобрели знаменитый белый шоколад. Рабочий класс эксплуатировался беспощадно. И тогда Карл Маркс написал «Манифест...» Призрак коммунизма стал бродить по Европе. Испугавшись, русский царь (Петр? Николай?) отменил рабство крестьян, однако его убили революционеры-декабристы и перетрахали всех парижанок. Чтобы покончить с революционной угрозой, немецкий канцлер Бисмарк создал мощную прусскую армию...

Теперь они заговорили хором. Пройденный материал. Я попросил опустить период франко-прусской войны и Парижской коммуны. Что было после?

Тут возник спор:

Во Франции начали танцевать канкан, профессор сам на вечере рассказывал... Итак, они танцевали до первой мировой войны?.. Нет, сперва татары напали на Россию. Не татары, а японцы. Пирл-Харбор, извините, Порт-Артур!.. Адмирал Нельсон разбил немецкий флот под Трафальгаром... Ну, посмешил, парусные суда — другая эпоха. Гарибальди выгнал турок из Италии... Откуда там турки, турки в это время резали армян... Убийство в Сараеве. Убили Карла Маркса и Розу Люксембург, что послужило поводом для Первой мировой войны. Первая мировая — это 1917 год, американцы высадились в Европе и перетрахали всех парижанок. Профессор спрашивает про XIX век. Построили Версальский дворец и Эйфелеву башню путем нещадной эксплуатации рабочего класса...

— Основное событие девятнадцатого века произошло в 1870 году, — заявила Сарра Джейн, — 21 декабря родился Василий Ильич Ленин.

Я был потрясен. Я не ожидал такого знания подробностей и имен. Ни один мой студент в Дофине не назвал бы ни Розу Люксембург, ни Куликовское поле (Куликово, но я уже слишком требователен) даже под пытками гестапо. Не назвал бы по той простой причине, что мы этого никогда не проходили. Правда, наблюдался некоторый идеологический перекосяк. Тоже объяснимо. В процентном отношении количество марксистов среди преподавателей американских университетов больше, чем на Кубе или в Северной Корее.

— Ребята, вы замечательные эрудиты, — сказал я. — Мне бы только хотелось навести в вашем энциклопедическом образовании хронологический и географический порядок. Устроим дополнительные занятия.

Класс приуныл.

— А зачем? — спросила Сарра Джейн.

...Кажется, недавно мне задавали подобный вопрос.

О дополнительных часах (на добровольных началах) надо договориться с Ингой. С Ингой договориться можно, а вот придет ли кто-нибудь из класса?

В воскресенье к вечеру позвонила Инга:

— Что делаем, профессор?

— Готовлюсь к дополнительным занятиям.

— Ты мне не нравишься, Сан-Джайст. Давай поедем куда-нибудь развлекаться. Ларри нас отпускает. Он тебе доверяет.

В машине я попросил, дескать, нельзя ли сделать крюк, нужно забросить письмо. В этот момент Инга обгоняла автобус и не услышала или не захотела услышать, а я не стал повторять.

Беседуем на академические темы. Я говорю:

— Возьми Сарру Джейн. Она уникал. В Америке никто, кроме нее, не укажет точно день рождения Сталина. И если бы она не перепутала всего остального, то цены бы ей не было. Как редкий экспонат — в музей?

Вдруг замечаю, что мы катим по Вентура-бульвару.

— Куда мы едем?

— На Диккенс-стрит. Тебе же туда надо забросить письмо?

Я молчу. Инга молчит. Сворачиваем на Диккенс-стрит. Подруливаем к дому. Выхожу. Направляюсь к почтовому ящику. Бросить письмо невозможно. Нет щелей для писем. Когда я жил здесь, у меня был ключ, чтоб брать почту, а как ее доставляют — меня не интересовало. На всякий случай нажимаю на дверной звонок к Дженни. Естественно, никто не отвечает. Дженни с Элей в Сан-Диего. У родственников. Теперь это называется родством. Темно-зеленый костюм, голливудский краснойбай с женами и любовницами и тот первый, с которым она решила мне изменить — все нынче в Сан-Диего, по-родственному, единая дружная семья! Да и я хорош, разведчик, не обратит внимания на такую деталь с почтовым ящиком. Гнать пора на пенсию! Гм... Что давно и сделано. И Системой, и Дженни.

Сконфуженный, возвращаюсь в машину.

— Так принято во многих домах Лос-Анджелеса. Иначе завалят рекламой, — говорит Инга. Говорит очень тихо, спокой-

но, без всякого ехидства в голосе, наоборот, словно извиняясь. — Но ты бы мне не поверил. Знаешь, пожалуй, это к лучшему. Завтра перечтешь письмо и порвешь. Или перепишешь. Или пошлешь по почте. У почтальона общий ключ, доставка гарантирована. К сожалению. Ибо по личному опыту могу сказать: письма — дело бесполезное.

— Инга, ты умная баба. И прекрасно знаешь, что опыт других никогда никого ничему не научил. Обратное поедем через Лорел-каньон? Там неподалеку есть пиццерия «Неаполитано». Рекомендую. Однажды я там здорово надрался. В одиночестве. Поэтому никаких ностальгических воспоминаний не будет. Вдарим по кьянти?

Поехали, засели, вдарили. Я плохой специалист по едальным заведениям, чему свидетельствовало почти полное отсутствие публики (может, публика тоже смылась в Сан-Диего? Мода нынче такая?), да нас это как раз устраивало.

Задушевная беседа получилась. Разговор двух разбойников-авантюристов. Оба владели сокровищами, у одного их сперли, и он, потерпевший, делится опытом — как и когда проморгал, проворонил. Вот в данном случае чужой опыт очень полезен (по аналогии: недаром криминальные структуры делятся опытом!), удачливый разбойник слушает и соображает: «Замок надо повесить, забор починить». Ведь у Инги схожая ситуация — молодой бой-френд, пятнадцать лет разницы. Для женщины это много, для женщины это слишком, но Инга держит Ларри стальными когтями. Инга — авантюристка похлеще меня. Я знал таких. Терезия, «богоматерь Термидора». Сильные натуры.

Как мне казалось (подчеркиваю — мое сугубо личное впечатление), я не жаловался, а читал лекцию. По технике безопасности. Инга была предельно внимательна.

Будут ли так же внимательны мои балбесы на дополнительных занятиях? Если выступлю на эту, всех интересующую тему, то прибегут из соседних классов. Всем полезно послушать.

А если бы слушала Дженни? Для меня, мысленно, она присутствовала за столиком, клевала вилкой салат. Контролер. Конечно, какие-то вещи я выбалтывал. В душевных беседах, как в разведке, баш на баш. Инга мне про Ларри: не устоял ее парень перед кофейными бедрами Молли Горд (я его понимаю), ну а я — про темно-зеленый костюм. Ни в чем я Дженни не винил. Только самого себя. В кризисных ситуациях нельзя, Инга, раскрываться, никакие рассудочные доводы тут не действуют. Ларри смотрит на тебя, а видит блядскую юбку и кофейные бедра Молли (что видит Дженни, когда смотрит на

меня, я решил не уточнять. Впрочем, действительно не знаю. Спросить при случае?). К Дженни нет претензий, она честно предупреждала. Я вышел из самолета, как средневековый рыцарь, в металлических доспехах, с закрытым забралом. Не ждал, не гадал, что она меня встретит. Инга, ты не виновата, у тебя были гости, стечение обстоятельств. Я мудак, я осел, на радостях сбросил панцирь, теплая, понимаешь, погода в Лос-Анджелесе. Вылез голышом, как на пляж. И получил сокрушительную оплеуху. До сих пор в нокауте. А письмо не для нее. Письмо для себя. Раз ты уже в нокауте, в нокдауне — путаюсь со спортивными терминами, — короче, раз ты тонешь, то письмом, высказав в нем все, ты снимаешь с себя тяжесть и барахтаешься на поверхности. Очень важно выговориться. Слова типа: люблю, все прошу, буду ждать — произносятся не для партнера, произносятся в его присутствии для себя. Дескать, он услышал, прочел, значит, остается проблеск надежды. Ты писала Ларри? Пять писем? Допустим, он их не читал, он их подкладывал под жопу Молли Горд, перед тем, как ее... (а что сделает Дженни с моим письмом — думать не хотелось), но ты выиграла время, ты выплыла. И вернувшись, он обнаружил не кисель, не скисшее молоко, а энергичную бабу, которая послала его на... Ползал на коленях, спал в саду под твоим окном на надувном матрасе? Видишь, как романтично.

Я подумал, что о матрасике можно было упомянуть, красивая подробность, а вот о ползанье на коленях — тут она его продала. Продала — значит, не простила. Инга из тех женщин, что не прощают. И Ларри это известно. Не обнаружив под юбкой Молли ничего сверхъестественного, он поостыл и смекнул, что Инга вскоре использует свое служебное положение. А как развивались события, если бы я был деканом, а Дженни преподавателем на кафедре по контракту? Риторический вопрос, от черной зависти. Ларри симпатяга, ну увлекся, с кем не бывает? И все мои измышления — плод испорченной фантазии.

И еще. Исповедуясь, разрывая на груди тельняшку, я тем не менее зорко следил за выражением ее лица. Я пытался понять, знает ли Инга о романчике, который закрутился на вечере у рыжебородого перед ее глазами, или Дженни, опытная конспираторша, провела интригу так, что никто не пронюхал?

Нет, решил я, не знает. Инга сильная, волевая баба, однако есть вещи посильнее. Не обсудить со мной такой пассаж или не дать скрытый намек, мол, в курсе, но молчу — на такой подвиг женщины не способны. С каким бы рвением она перемыла косточки, да и я бы кое-что почерпнул для общего развития — обмен информацией к обоюдному удовольствию! — но впрямь

лихо тогда работал парень, будем к нему справедливы, всех обольстил, очаровал, ослепил, и, кроме него самого, никто ничего не видел. Мастерство. Снимаю шляпу. С вешалки.

И еще. Мой рассказ про зеленый костюм (он светлеет в моем сознании, со временем превратится в светлый образ) — это обыкновенная житейская история, где-то выигрышная для Дженни. Подтверждает истину: хороший товар не залеживается. А если бы я упомянул о пикантном продолжении того вечера, я бы продал Дженни, продал с потрохами.

В конечном счете, после очередной бутылки кьянти (не считал какой) мы с Ингой пришли к выводу, что были созданы друг для друга, и как жалко, как досадно, что мы не познакомились в школе, не поженились в университете, — увы, не пересекались, прошлепали лучшие свои годы, как пароходы на параллельных курсах, — что не она сидела в диетической самообслужке на Вилшер-бульваре («Ненавижу диету! Неужели это у нее всерьез?») «Инга, если Дженни предложить на выбор баранину, зажаренную на шампуре, на костре, как мы любили в нашей молодости, — помнишь? слюнки текут! и банку сушеной сои, жирность — 0%, соль — 0%, то Дженни не колеблясь предпочтет сою»), что не я поехал с ней в горы («Жили в палатке, ловили рыбу, ночью — жуткая холодина, но с Ларри не замерзнешь»), — ну не сложилось, не получилось, разные судьбы! И так повздыхав и поохав, мы весело расстались около моей двухпалубки. Инга помчалась домой, где ее ждал Ларри (ночь выдалась прохладная), а я поднялся в свою каюту, прокрутил автоответчик, чертыхнулся и лег спать.

С Ингой мне с самого начала было бы просто. Не сахар. Однако ее поведение предсказуемо, я таких женщин вижу насквозь. Предсказуемость — основа нормальной семьи.

Завтра пошлю письмо Змее Подкольной. Звонить не буду, просить о встрече не буду, пошлю по почте. Понятия не имею, как она отреагирует. Казалось, для меня моя девочка прозрачна как стекло, а выяснилось, что ничего я про нее не знаю.

Восхищаюсь Ингой. В учебных канцеляриях меньше всего любят перемены в графике. Даже если снизойдет Папа Римский и заявит, что выдался свободный денек и он благоволит прочесть лекцию, университетские крысы падут на колени, заплачут от умиления, но скажут: «Аудитории заняты, часы расписаны». Инга, как маг, шелкнула пальцами, и мне нашли «окно» и комнату для дополнительных занятий.

Пришли 9 человек. Цифру пишу прописью — девять!

Разумеется, был Питер, хотя мог смело отдыхать. Бросились в глаза (не могли не броситься, там освоена наука, как их подавать) кофейные бедра Молли.

Что ж, все правильно. Первая твоя лекция была жиденкой, и сразу создалась репутация. А тут еще полез на рожон, потребовал лишних часов.

Элегантный метод поставить на место гастролера. По рожел!

И тогда распахнулись двери, а с небес спустилась моя девочка. Контролер со змеиной улыбкой: «Ну, профессор, как будешь выкручиваться?»

И я сказал: «Останься. Смотри. Тебя никто не видит, но мне достаточно, что я тебя вижу. Для тебя и буду читать».

И обратился к остаткам класса, разбросанным по аудитории, как матросы в океанских волнах после кораблекрушения:

— Ребята, вы, наверно, меня не поняли. Явка с повинной на дополнительные занятия не обязательна. И на экзамене я не буду снижать отметки за незнание материала, который не входит в программу. Так что у вас есть возможность провести время более интересно... Ладно, как хотите. Садитесь поближе ко мне и считайте, что я рассказываю анекдоты. По сути дела, во Франции девятнадцатый век начался раньше, чем у всех, за пятьдесят дней до официальной даты. 18 брюмера 1799 года глава Директории Баррас собирался пообедать. Накануне у него была бурная ночь с очередной фавориткой (Молли, он любил красивых женщин, вас бы он не пропустил), проснулся поздно, лениво читал какие-то депеши, пока не прорезался аппетит. И вот он ждет, когда ему принесут жареного цыпленка, а цыпленка не приносят. Он в гневе звонит в колокольчик, но вместо метрдотеля появляется генерал и на серебряном блюде подает бумагу, где каллиграфическим почерком начертано, что правительство Франции добровольно уходит в отставку, и он, Поль Баррас, собственноручно заверяет сие своей подписью.

— За границей, — почтительно сообщает генерал, — вы будете получать пенсию в миллион франков ежегодно.

Баррас выглядывает в окно. Дворец окружен солдатами.

— Раз дело добровольное, — говорит Баррас, — то я подписываю отречение. Правда, желательно знать, кто мне гарантирует пенсию.

— Пенсию вам гарантирует Первый консул Франции Наполеон Бонапарт. ,

— Как это любезно с его стороны. Я не спрашиваю, когда он успел стать Консулом. У меня один лишь вопрос: успею ли я съесть цыпленка?

У меня один лишь вопрос: получила ли она письмо? Все, я ее оставил в покое, не навязываюсь, но могу я позвонить, чтоб проверить работу почты?

Трубку берет Лариса (Хорошая примета! Я становлюсь суеверным — если трубку возьмет Кэтти, то нарвусь на какую-нибудь пакость) и без лишних слов соединяет меня с начальством.

— При-и-вет! Это ты?

При звуках волшебного голоса балдею. Как наркоман. Никогда не был наркоманом. Значит, как балда.

Однако мы же мужчины! Нельзя начинать разговор с всхлипов и стонов!

— Слышу стук компьютера. Опять горишь на работе!

— Горение — мое перманентное состояние.

...Двусмысленно.

— Здоровье?

— Молоко коровье.

— Ну, главное узнал, и на том спасибо. Теперь второстепенные детали. Получила письмо? Ведь я старался, сочинял, выстраивал концепцию. В газетах пишут, что почта работает отвратительно.

— Письмо? — Пауза. Голос резко меняется. — Тони, прекрати меня обкладывать херами!

Обкладывать чем? Осторожно кладу трубку. Конечно, я не думал, что она не спит ночами и перечитывает письмо. И все-таки должна была как-то ответить. Она начисто забыла о нем! И вспомнила только в разговоре со мной.

Звонок. Инга предлагает передвинуть час лекций.

Звонок. Ганс находит мою идею турпохода по барам Санта-Моники весьма заманчивой.

Звонок.

— Почему у тебя занято?

— Обкладывают.

— Ты что, обиделся?

Я срываюсь:

— Эта фраза не из твоего лексикона. Ты ее приготовила заранее, чтобы побольнее меня ударить.

— Кто первым начал? Кто написал... Минуточку, вот: «После развода ты боялась одиночества, депрессии, и я был нужен. А когда ты выплыла, то послала меня подальше». Так ты видишь наши отношения?

— Дженни, я понимаю, что это не довод. Когда женщина уходит, она уверена, что ей будет всю жизнь хорошо, а было плохо только потому, что жила с человеком, от которого уходит.

— Тони, у меня руки чешутся бить тебе морду.

— Наконец-то приятная новость. Появится возможность лицезреть мою девочку на близком расстоянии.

Лицезрел и восхищался, как это она профессионально делает. Определила уязвимые места клиента, угадала систему его защиты и методично лупит. Спокойно, иногда даже с улыбкой. И всякий раз стопроцентное попадание. Любо было смотреть. Несколько смазывало зрелищный эффект лишь то, что били морду не какому-нибудь доктору Хофферу, а мне персонально.

Итак, я могу хоть сейчас переезжать на Диккенс-стрит. Она не шутит, у нее нет времени на шутки. Вот ключи. Пожалуйста. При условии, что беру ее и Элю на полное содержание... Я сказала, что не нуждаюсь в твоих миллионах? Женская бравада, пора бы привыкнуть — женщины мелют языком несусветную чушь. Очень даже нуждается. Миллионы всем нужны. С миллионами некоторый пробел? Выпали через дырку из кармана? Ол райт, будь добрым приносить домой зарплату равную моей. Семь тысяч. И тогда свою зарплату она сможет откладывать на приобретение недвижимости, иначе зачем ей вкалывать в госпитале, как папа Карло? Действительно, глупо пускать деньги на ветер, платить за съем квартиры. Тони, ты говорил это неоднократно и был абсолютно прав. Надо думать о своем будущем. А тебе надо сегодня же купить машину. С Шерман-Окс, кроме как на машине, до университета не добраться. Работать шофером она отказывается. Не умеешь водить? Найми шофера. Хорошо, ради меня она пойдет и в шоферы. При условии, что я ей компенсирую госпитальную зарплату. Семь тысяч. Такая у нее ставка. Ее требования экстравагантны? Тони, оглянись вокруг, все так живут, особенно когда имеется значительная разница в возрасте. Правда, она знает случаи, когда пожилые бабы берут на содержание молодых парней. В этом есть какая-то логика. Она не ханжа, она никого не осуждает. Но чтоб молодые бабы содержали пожилых мужиков — таких случаев она не знает. Может, ты знаешь? Скажи! Ол райт, бывают исключения. Бывают инвалиды, калеки от рождения, неприспособленные к жизни люди. Женщинам их жалко, женщины им помогают. Но ты был на вершине власти, вторым человеком Франции! Почему ты не позаботился о своем будущем?

...Она нашла это кафе. Легкие дачные столики на улице. Кури на здоровье. Она взяла себе тарелку биодietetической смеси из кукурузы, фисташек, оливок, морской капусты, айвы и ревеня. И мне рекомендовала: вкусно и полезно! От этого я ук-

лонился. Пил кофе, наливая его из керамического кофейника. Благодать! Правда, мне чистили рожу. Она это называла «чистить репу». И тут уклоняться не получалось. Зато нас разделял всего лишь столик. Когда еще я увижу ее так близко? Сиди и помалкивай. Но я встрял. За *него* я обязан был заступиться.

— Дженни, он принадлежал к особому поколению. Поколению идеалистов. Это были последние честные революционеры в нашем тысячелетии. Недаром их звали Неподкупными. Потом все защитники угнетенных и обездоленных, как только захватывали власть, первым делом прятали для себя деньги в иностранных банках. Тут ты можешь мне верить. Я занимался революционными движениями и как профессор-историк, и как офицер разведки.

Я заговорил о честности? О честности она давно мечтала со мной побеседовать. «О доблести, о подвигах, о славе» — цитата из русского поэта, тебе неизвестного. Хорошо, не трогаем юного идеалиста. Предположим, он не ведал, что творил. Хотя это очень сомнительно. Тут ты можешь мне верить, я в его возрасте, Тони. Но потом ты стал Королем. И за «шведским столом» занимался не совсем революционными движениями. Она имеет в виду движения как физические упражнения. И щедро платил своим шлюхам. Тебе в голову не приходило, что у тебя складывается странная судьба и, возможно, предстоит весьма долгая жизнь, которая потребует некоторых расходов? Почему ты не спрятал для себя деньги? Заграничных банков не было? Или возникали бы сложности с переводом крупных сумм? Пошатнулась бы репутация Короля-якобинца? Зарыл бы в землю сундук с золотом. Шито-крыто. Где-нибудь на берегу северного фьорда в Норвегии.

Я посмотрел ей в глаза. В них отражалась небесная синева похожего дня Южной Калифорнии. Нет, подумал я, это случайность. Она прирожденный снайпер, поражает цель, стреляя вслепую.

— Ты серьезно? Грабить государственную казну?

— Опять разговоры об идеалах? Все короли так или иначе проматывали казну, бросали деньги на ветер: войны, любовницы, балы, реформы, развлечения, парады, наряды. Если не они сами, так их наследники. И ты мог разумно распорядиться, взяв свою долю, нанеся шведской казне, которая, кстати сказать, захлебывается от богатства, минимальный ущерб. Нет, ты считал себя честнейшим человеком! И теперь тоже так считаешь? Для вас, дьяволов, путешествующих во времени, годы не имеют цены. Плюс минус два века — какая разница! У женщины, обыкновенной смертной, ее истинное богатство — мо-

лодые годы, пятнадцать — двадцать лет. И если она связывает свою жизнь с женщиной в солидном возрасте, она должна получить что-то взамен. Кстати, порядочные, *честные* мужчины это понимают и оставляют молодым женам наследство, а если нечего оставить, то они не сочиняют письма, не выстраивают концепцию, а сидят тихо на печи со своими старыми бабками. Тони, я внимательно читала письмо, я знаю твою манеру работать над текстом. Ты обвиняешь меня во всех смертных грехах — поправка: прямых обвинений нет, есть скрытые намеки, это я и называю «обкладывать херами». Да, у меня много смертных грехов, ибо я смертная. И почему ты думаешь, что мне было бы противно жить на вилле в Малибу и разъезжать на «феррари» или на «БМВ-328»? Твой знаменитый соотечественник Ален Делон (знаю, у тебя на киноактеров аллергия, извини) сказал цинично и откровенно: «Мы хищники, нам нужна молодая кровь». Что ж, с Аленом Делоном, может, я бы и согласилась. Какой он был очаровашка в «Рокко и его братьях»! Пусть пьет кровь стаканами. Нормальный обмен: деньги — товар. И еще одна проблема в подобных отношениях, пожалуй, самая главная. Нет, не угадал, не сексуальная. С какого-то момента про эти шалости забудем. С какого-то момента, Тони, мужчина начинает распадаться. Физически. Все новые недуги: здесь болит, тут колет, давление подымается, давление опускается, то понос, то запор, ой, как подскочил процент холестерина! Снимаю сразу твое возражение. Да, ты ничего не сказал. Ты хотел это сказать. Тони, я не живу на Малибу и не общаюсь с кинозвездами. Я работаю в госпитале и общаюсь с врачами, плотно общаюсь. У меня специфическое поле для наблюдений. Так вот, безобразнее всего стареют мужчины, которые не привыкли болеть и всю жизнь чувствовали себя здоровяками. Они становятся капризными и мнительными. Их логика: ведь раньше этого не было, значит — происки врачей, не так лечат, сознательно сажают на лекарства, как дилеры сажают на иглу наркоманов, чтобы выкачивать с клиентов деньги. И свое скверное настроение они ушатами выливают на любящих и преданных жен, превращая их существование в каторгу. А потом на последнем вздохе: «Прости, дорогая, что оставляю тебя у разбитого корыта. Будешь получать половину моей пенсии. Зато я умираю как честный человек». Честный? Стибрив лучшие годы у молодой женщины, полакомившись, как хищник, ее кровью? Если когда-нибудь еще будешь королем, позаботься заранее...

— Хватит, — взмолился я, — перестань меня размазывать по стенке. Все-таки я этого не заслуживаю.

У нее явно было еще что-то припасено увесистое, но, взглянув на меня, решила: и так достаточно. И сбавила напор.

— Сколько я тебе должна?

— ???

— Ты же платил у стойки.

— Дженни, ты спятила?

— Это несправедливо. Я же тебя пригласила.

Сумасшедшая девчонка! Теоретически с меня причитались миллионы, однако в кафе она хотела платить сама.

— Что у тебя с деньгами?

— В смысле?

— В смысле нужны ли тебе деньги?

— Инга мне положила зарплату в две тысячи.

— Всего??! Вот с первого взгляда она мне не понравилась.

Понимаю, у вас сейчас большая дружба, но учти, она мухлюет и употребляет тебя даром под амбаром. После того как они отгрохали этот юбилей, пусть не рассказывает сказки, что ей срезали бюджет. Кто тебя кормит ужином? Инга и Ларри?

— Я привык к одиночеству.

— Это хорошо. Это полезно. — В ее голосе зазвучала прежняя жесткая интонация. — До дома доберешься? Я в цейтноте, опаздываю... Отлично. Привыкай к самообслуживанию. Время бесплатных извозчиков кончилось.

Она пересекла улицу, дошла до темно-синей стрелы, открыла дверцу кабины и, не оборачиваясь, помахала рукой. Знала, что я смотрю ей вслед.

У меня профессорская рассеянность, но не совсем типичная. То есть я погружаюсь в свои мысли (словно ныряю с головой в темный омут), а все остальное делаю автоматически, причем автомат работает безупречно. Я перейду дорогу только на зеленый свет, я заверну в супермаркет, чтоб пополнить запасы, и не ошибусь ни в выборе продуктов, ни в цене (и подумаю: «Как странно, как дико, как неестественно быть в американском супермаркете без Дженни и Эли». Автомат). Завалившись в каюту (в отличие от корабельной, я прозвал ее «каюткой без компании»), даже не разобрав пакеты, кинусь к телефону прослушать респондер. Сегодня точно там не должно быть волшебного голоса. Но реакция автомата! Затем, задернув занавеску на балконной двери (вспомню про ночного бродягу в трусах: совершает ли он свои регулярные рейсы?), выложу жратву в холодильник, поставлю варить картошку и в ожидании ужина уткнусь в книгу, иногда выписывая из нее фразы на отдельные

листки. Готовлюсь к лекции. Автомат. И в то же время я не вылезая из омота.

Брожу по тропинкам вдоль обрывистых скал. Ищу развалины рыбацкого домика. Все изменилось. Сосну спилили или она рухнула, но вон этот огромный камень, заросший мхом, он мог быть в трех шагах у забора... Неужели не найду? Неужели буду искать? Неужели меня настолько поломали и изничтожили, что я, забыв про честь и порядочность, полечу к северному фиорду? «Для вас, дьяволов, путешествующих во времени...» Почему во множественном числе? Ей встретился еще один? Зарыть сундук с золотом. Не во Франции или в Америке, не в Швеции, не в Южной Африке, где я жил подолгу, нет, сказано было — в Норвегии. Почему такая точность попадания? А главное — сумасшедший дом. Почему тебе, в тупую, безмозглую башку, не пришло, что когда-нибудь у нее возникнет ассоциация, перекинет мостик от этих паралитиков, трясущихся дебилов, у которых отовсюду течет, — к ее профессору (особенно после того, как увидела меня на госпитальной койке с капельницей), вот, мол, его светлое будущее. Работай она в спортзале с юными атлетами... Нет, ежедневно приезжает в свой госпиталь, «специфическое поле для наблюдения». Ты до сих пор не понял? Это была не просто тренировка, «чистка репы» для поддержания формы, это был смертный приговор, который обжалованию не подлежит.

...В кастрюльке выкипела вода. Запах подгорающей картошки вытащил меня из омота. И тут я обнаружил, что занят не совсем привычным делом: верчу в руках пистолет и запикиваю патроны в обойму. Значит, я вынул со дна чемодана коробочку, распаковал. Как? Когда? Абсолютно не помню. Сижу Бог знает сколько времени, играю.

Автомат разладился?

Как будто я самолет с включенным автопилотом. Ноги мои несут меня по Диккенс-стрит. Зачем? Почему? Так надо. Я в плаще, и под плащом, за поясом, — пистолет. Зачем? Так надо. Холодный ночной ветер кружит на мостовой опавшие листья, и я кружу возле ее дома. От одного уличного фонаря к другому. Почему? Так надо. Наконец поднимаюсь по лестнице и стучу деревянным молотком в дверь. Могли не открыть, или на пороге мог ждать темно-зеленый костюм, или заспанная физиономия голливудского затейника, или фантом в трусах, путешествующий по моему балкону, или черт лысый — я ко всему был готов. Открыл слуга, молча принял

плащ, проводил на второй этаж в гостиную. Появилась Дженни в длинном красном платье с глубоким разрезом, без косметики, глаза не подведены, но для меня — еще более красивые. Легкий кивок вместо приветствия. Ее лицо ничего не выражало.

— Девочка моя, я пришел не по своей воле. Я услышал, что ты меня зовешь. Говоря это, я говорю ложь. Я пришел бы все равно, чтоб тебя увидеть. Я не могу жить без тебя.

Дженни смотрела на меня... Нет, не совсем на меня. На левый борт моего пиджака. Я достал пистолет, протянул ей:

— Если хочешь, убей меня. Только не прогоняй. Я буду говорить жалкие слова: люблю, все прощаю и т. д. Слова предназначены не тебе, предназначены самому себе. Раз ты их слушаешь, значит, у меня остается проблеск надежды. Иначе я загнусь, превращусь в постыдную развалину. Разве ты хочешь меня таким видеть?

Она взяла пистолет обеими руками, положила на колени.

— Осторожно, — сказал я, — он снят с предохранителя.

— Жером, ты услышал меня только сейчас? Ты знаешь, что было в письмах, которые я послала тебе в казарму и которые ты не потрудился даже прочесть? Я просила и умоляла приехать ко мне. Хоть как к уличной девке, ты же ездил к ним? Пожалуй-ста, я на все была согласна, но с тем, чтоб ты меня выслушал, дал мне возможность сказать все слова, пусть жалкие, пусть неубедительные, но важные для меня самой. С их помощью я надеялась удержать тебя, продлить если не любовь, то связь, чтоб устоять на ногах, чтоб не сойти с ума, чтоб найти в себе силы выжить. Ведь у меня были дети, к которым ты хорошо относился, хотя бы ради них ты меня пожалел... Нет, ты был нагл, молод, жесток, начисто лишен сострадания, ты избрал самый страшный путь — обрубить все сразу.

— Однако ты выжила и потом взяла блистательный реванш!

— Это было потом, Жером. А тогда каждый день мог стать для меня роковым. Ты не знаешь женщин, Жером. Женщины, когда любят, живут одним днем, сегодняшним.

— Дженни, я не понимаю, где я и в каком времени. Если это сон, то лучше меня не будить, я счастлив тебя видеть. И все-таки не трогай курок. Мало ли что. С оружием не играют.

— Как ты боишься меня. Это превосходно, это меня радует.

Ее взгляд стал темным, непроницаемым. Она подняла пистолет, направив дуло в мою сторону.

— На, возьми его. Я сделаю так, что ты поймешь — это не было сном. А когда я захочу тебя убить, я просто скажу: «Посмотри на себя в зеркало». Теперь уходи. И будь осторожен.

Зря ты приехал в Лос-Анджелес. За тобой следуют демоны, злые и беспощадные.

Внизу слуга помог мне надеть плащ, и я сунул пистолет в карман. Я помнил про демонов. Мне показалось, что я их увидел на улице крутящимися под фонарными столбами с бешеной скоростью мини-смерчей. Но я не смог различить даже контуры их очертаний.

И когда я проснулся, я удивился не тому, что так подробно запомнил сон, а тому, что не мог различить контуры вертящихся под уличными фонарями безликих, бестелых... ну, не знаю каких, но знаю, что опасных, — это я почувствовал.

Под все это дело я здорово продрых до десяти утра. Настроение прекрасное. Люблю выспаться. Полежать и спокойно поразмыслить, да надо было бежать в душ. Через два часа — моя вторая дополнительная лекция. Придут ли и сколько? Вот где действительно демоны водятся, так это в моем классе. Злые и беспощадные. Возьмут и не придут, порешив тем самым начистить мне репу. Значит, сезон такой, чистки репы. Или морда у меня такая, сама кирпичка просит. Кстати, обычно бреюсь на ощупь, а тут достал маленькое зеркало... Ну, не Алэн Делон, отнюдь, но вполне терпимо, с такой рожей в петлю не лезут.

У вешалки, натягивая брюки, якобы случайно (и отдавая себе отчет в комичности сцены) проверил карманы плаща. Естественно, пусты. Пистолет в кобуре и в коробке — на дне чемодана. Где же ему еще быть? Заглянуть туда? Не сходи с ума. А вот позвонить Дженни — это идея. Имею я право позвонить и пожелать доброго утра? И если Дженни благорасположена к беседе — позабавить девочку, рассказать про сон.

Звоню. Кэтти. Расположена к беседе. Давно вас не видно, профессор. Наступает сезон дождей, не боитесь простудиться? Ах да, вы в Париже привыкли... В Сан-Франциско льет, она по радио слыхала. Дженни уехала с хозяином в Сан-Франциско. Переговоры с клиентом. Вернется завтра.

Не судьба. Завтра так завтра. Будем жить сегодняшним днем.

Выхожу на балкон, чтоб сообразить, какая нынче погода и надевать ли плащ. И столбеню. Пистолет в кобуре висит на наружной ручке двери, причем ремешок привязан к ручке бантиком. Ни хрена себе! Правда, по моему балкону путешествуют преимущественно ночью, а в это время все соседи уже утопали в университет. А если кто-то заглянул из любопытства спозаранку, продрав глаза?

Сдернул кобуру, спрятал пистолет на место, сел, закурил. Как и когда, на каком автопилоте я умудрился выкинуть такое

антраша? Я бы еще понял, если бы обнаружил пистолет в холодильнике. Ну убирал после ужина остатки еды, автоматические движения. За каким чертом я поперся с пистолетом на балкон? Почему повесил пистолет на ручку? Совсем рехнулся, старый дурень? Между прочим, раньше у меня никакой профессорской рассеянности не было...

«Их логика: ведь раньше этого не было, значит — происки врачей... Они становятся капризными и мнительными». Из приговора.

Допустим, что так. Однако, когда среди бела дня видишь свой пистолет висящим снаружи на балконной двери, какие тут, к черту, капризы и мнительность?

Мистика?

Да, я всем говорю, что верю в мистику, и, в общем, больше, чем у кого-нибудь, у меня есть на это некоторые основания. На самом деле я в мистику не верю. Слишком долго я проработал в Системе и знаю, как фабрикуется мистика, прозрения, откровения, совпадения и тому подобные чудеса на постном масле.

Квартал у нас спокойный. Многие, как и я, спят с приоткрытой балконной дверью, чтоб шел свежий воздух. Привыкли, что кто-то из своих шастает по ночам. Полубогемные нравы. В такой обстановке забраться на мой второй этаж — проще пареной репы. Кстати, какую репу чистят, сырую или пареную? Хороший повод позвонить Дженни, спросить. Можно спросить и у моих студентов, если охламоны придут на занятия. Этот вопрос мы как-нибудь решим.

Остается нерешенным другой вопрос: кто и зачем начинает мне посылать приветы?

Мистика, сплошная мистика! Вошел в аудиторию и глазам своим не поверил. Мой класс почти в полном составе! Что ж, тогда про мистику и расскажем. Император, господа студенты, в свободное от сражений время баловался бабцом (И вы, Молли, были бы у него в фаворитках). Во дворце Фонтенбло спальни Императора и Жозефины находились рядом, но без приглашения Жозефина не осмеливалась навещать к своему супругу. Однажды она осмелилась — в самый неподходящий момент. Разгневанный Император приказал забить дверь между их спальнями наглухо. Вся придворная челядь про это знала, представьте себе, каково было императрице! (Я не жалел ее. Вот, мадам, кого вы любили, кому вы все прощали, от кого вы готовы были все вытерпеть. И не надо мне пудрить мозги. Правда, Жозефина стала на десять лет старше. В жизни

женщины это кое-что значит.) Тем не менее тайком и весьма регулярно Император появлялся в спальне Жозефины. Привычка? Любовь? Похоть? Ответить не могу, в Императорские покои не заглядывал. (Клянусь честью! И даже если бы мне приказали заглянуть — никогда! Пожалуйста, расстреляйте перед строем.) Люди осведомленные, а во дворце таких — пруд пруди, утверждали, что в этом для Императора было нечто мистическое. Суеверный человек хоть раз в день прикасается к своему талисману, будь то икона, крест, магический камень, четки, старинная сабля, ствол дуба, домашняя кошка, пареная репа (соскочила с языка, проклятая!)... Дюрок в мемуарах писал, что Император искренне полагал: если бы он, Император, спал с Жозефиной в дни Трафальгара, то французская эскадра разбила бы адмирала Нельсона. Теперь перейдем к вещам серьезным. Наполеоновская континентальная блокада не имела ни малейшего шанса на успех, потому что английский флот... Привожу несколько цифр...

Где-то потом, переведя дыхание, я заметил, что они конспектируют мою лекцию. Конспектировать курс, по которому не надо сдавать экзаменов и писать зачетных работ? Фантастика!

Хорошие ребята. Заинтересовались предметом. А ты на них был готов вылить ушаты помоев (как полчаса назад на Жозефину). Думаю, однако, это не моя заслуга, а европейской методики. И немец-педант прочел бы курс лучше и компактнее, без моих экстравагантных отступлений.

В перерыве — далее следовало плановое занятие — я увидел приближающиеся кофейные бедра.

— Профессор, извините, я не поняла одного. Император, когда он тайком появлялся у Жозефины, он только прикасался к ней или они спали? Или прикосновения — это какая-то особая форма французского секса?

Глаза у Молли были чисты, как у школьницы-первоклассницы, а сзади меня возникал смешок.

— Молли, — сказал я довольно агрессивно, — я преподаю историю, а не сексологию. Спросите у Ларри, он более сведущ в этом вопросе. Но если вы хотели не спросить, а просветить меня, расширить, что называется, мой кругозор, то я предоставлю вам слово в начале лекции. Думаю, господа студенты протестовать не будут.

Смех, но, так сказать, уже в мою пользу.

На лице Молли смущение и удивление. Она явно ждала иного ответа. Не такого категоричного и... информирующего.

Если бы я в подобном тоне мог разговаривать с Дженни!

То есть я ее отлично понимаю. Сидит человек все утро перед компьютером и напряженно выискивает: «...200 тысяч долларов, 150 тысяч, 74 тысячи... 35 тысяч — мелочь, не пригодится. Ага, вижу еще 120 тысяч. Осталось найти 130 тысяч — и все сойдется. Где их взять? А если копнуть здесь? Рискованно. Вроде бы получается. Вроде — на природе, а нам нужно точно. Проверим, подсчитаем». — То есть по уши человек погружен в работу, ну не Бог весть какой важности, но все-таки не хухры-мухры, не маникюр делает.

И просила ее не трогать, и ни с кем по телефону не соединять. Кроме...

Зуммер. Неужели кроме?.. Лариса докладывает: «На проводе такой-то. Будешь говорить?»

Черт бы его побрал! Только нащупала ниточку. Не потерять бы ее. Однако, говорить придется, иначе такой-то обидится. А обижать не хочется, почтенный папаша.

Почтенный папаша несет ахинею. Дескать, ему приснилось, что у нас была свиданка в доме на Пасси, дверь открыл твой слуга в старой ливрее, не помнишь его? И ты сказала, а я ответил, и ты сказала, а я сказал, и ты сказала... А потом студентка на занятиях спросила: как именно Жозефина спала с Императором? Не правда ли, смешное совпадение?

Еще как смешно! Минуту назад видела эти 130 тысяч, за хвостик их ухватила, да тут в трубку бу-бу-бу, мол, Жозефина через десять лет стала уж не той Жозефиной, бу-бу-бу, — и проклятушие 130 тысяч долларов исчезли с экрана. Вернее, на экране они есть, а в реальности — мираж. Качало-мочало, начинная сначала. Куда же они запропастились?

Короче, у любого самого благовоспитанного человека терпение лопнет.

— Тони, ты кончай свой бред с Жозефиной. Не ищи во мне того, чего нет и быть не может. Меня зовут Дженни. Дженни, а не Жозефина. Это ты вдруг стал на десять лет старше, а не я. Мне — двадцать семь! Ты пристаешь ко мне со своей Жозефиной, как с пареной репой или с писаной торбой!

Телефонная трубка обожгла мне пальцы. Но упоминание о пареной репе... Опять совпадение?

— Ты права, моя девочка. Я кончаю свой бред. На прощание позволь заметить, что если мне не изменяет память, по-русски говорят «пристал, как банный лист». С пареной репой и писаной торбой не пристают. Извини за занудство. Привычка поправлять студентов.

— «Вы не знаете по-русски, госпожа моя». Цитата из русского поэта, тебе не известного. Ты прав, мой профессор. Прав,

как всегда. Извини за резкий тон. У меня запарка с репой, торбой, банными листами и зелеными бумажками, столь презируемыми тобой. Что же касается студентки, такой любознательной, я схватываю намеки. Не сомневаюсь, что ты пользуешься успехом. И если заведешь с ней роман и успокоишься, то я буду искренне за тебя рада.

Девять вечера. Она должна укладывать Элю. Еще можно звонить, не рискуя вызвать недовольство.

Сижу в «каоте без компании». На столе разложены книги, приготовлена чистая бумага. Только я не делаю записей. Я верчу в руках пистолет, вынимаю и ставлю на место обойму, подымаю и опускаю предохранитель.

Не автомат. Не профессорская рассеянность. Очень осмысленные движения.

Да, я ее отлично понимаю. Но еще лучше — теперь, наконец-то, не прошло и двухсот лет! — я понимаю психологию самоубийц. Добровольно уходят из жизни не от слабости, не от расстроенных чувств, неудач или горя. И не в состоянии аффекта. (Все, конечно, бывает, да я про здоровых людей.) Нервный срыв, отчаяние, повторяю, — все это преодолимо. Стынуть зубы. Или закурить.

Уходят из жизни, когда больше нет весомых аргументов, когда больше нечем ответить. Там убеждены, что тебя раздавило или поставили по стойке «смирно». Так нет, получай! Самоубийство — это самозащита, последний удар обидчику.

— Извини за поздний звонок, моя девочка. Прощай!

И нажать курок. Какой сладостный, дикий соблазн!

Половина десятого. Еще можно звонить. Я верчу пистолет.

Десять. Уже неудобно. Уже поздновато. Наверно, она уже спит, ведь ей рано на работу.

Ладно, отложим до завтра.

С Дженни мы всегда сразу находили место в паркинге (Мы находили! Она находила). С Гансом тупо утюжим третий подземный гараж — и напрасно, все занято. Что людям дома не сидится, зачем они приперлись на променады Санта-Моники, что они тут потеряли?

— Ганс, да ну их к чертям собачьим, — взмолился я. Но Ганс изловчился и приткнул свою тачку в угол.

Два пешеходных квартала. Продвинутая молодежь Лос-Анджелеса неспешно двигается сомкнутыми рядами взад-впе-

ред, изображая эксайтинг и веселье. Дабы публика не спутала променады с кладбищем, присутствуют номенклатурные фигуры эксайтинга: негр-атлет показывает трюки с мячом, чумазый мексиканец — трюки с огнем (дракон: Змей Горыныч глотает вонючее пойло, выпускает изо рта струю пламени), гипсовый мим — трюки с мыльными пузырями, китаец — иероглиф дрессирует пеструю бумажную спирохету (почему не тигра?), а у фонтана играет джаз. Якобы джаз. Гитарист, флейтист, ударник — бух, бух, бух, — ритм без мелодии. Якобы музыка. Юный бородач-тучник, облизывая микрофон, в такт выкрикивает короткие слова: «Я — тебя, ты — меня, сверху — вниз, снизу — в рот, слава — дрянь, коп — смерть, бой — бей, герлс — дай, мани-мани-мани, ты со мной!!» Якобы поет. Якобы песню. Смысла в словах не ищите. Байрон и Гете могут отдыхать. Мода нынче такая.

Мой глаз выхватывает из толпы парочку. Она обнимает и целует его, что-то взволнованно говорит, густую копну волос треплет ветерок — Она на уровне, Она соответствует, ну прямо героиня голливудского боевика. А Он... рыло как сапог, как ботинок, без намека на мысль или эмоцию. Видимо, все, что надо, он уже получил сегодня от девушки, и ему скучно, ждет не дождется, когда она от него отлипнет, отвяжется, отпустить его в бар пить пиво со своими друзьями и хвастаться: «Пять палок кинул».

Шестствует загорелая девица. Формы — мировой стандарт. Любо-дорого смотреть. На нее и смотрят. И она это знает. А что еще она знает? Что в ее светлой головке? Мешанина из клипов, телесериалов, кадров полицейских фильмов и фильмов ужасов (нынче не в моде сентиментальные), историй, вычитанных в глянцеваж журналах про звезд рока и кино, топ-моделей и спортсменов, зарабатывающих миллионы — что еще? — несколько фраз, застрявших из детских книжек, две-три остроты, сказанные последним, с кем сидела в ресторане и спала (извините, занималась сексом), несколько примитивных мелодий — да нет там мелодий, они уже полуоглохли в дискотеках, где их всех травят звериной дозой децибелов! Раньше она хоть умела считать, а теперь зачем, когда есть карманный калькулятор? Спрашивается, о чем мне с ней разговаривать?

— Это кафе называют литературным, — сообщает Ганс.

Действительно, музыка тут не гремит и народу немного. Кто-то пишет (столбиком расходы за неделю), кто-то читает (учебное руководство по компьютерам), кто-то листает газету (биржевой курс). Бармен задрал на стойку ногу, засучил штанину и демонстрирует черной девице свои татуировки. Напро-

тив нас сидит дама с милым лицом, уже чуть тронутым возрастом. В руках у дамы толстый роман в бумажном переплете, — бестселлер! — и сама дама явно настроена завести роман, длинный и красивый. С Гансом, пожалуйста, не со мной.

И впервые за отмеренный мне срок — приговорили! — я почувствовал, как все мне чуждо, безразлично, неинтересно. Дженни меня бросила, жизнь кончилась.

— Что будем пить? — спросил Ганс.

Час ночи. Я устал и здорово поддавши.

И все-таки я позвонил. Ну не было сил терпеть. Вдруг накатило: узнать, что там, как там. Обычно для звонков я выбирал другое время, а тут подумал, что количество спиртного, которое мы с завидной лихостью приняли с Гансом на грудь, придаст мне веселость и беззаботность.

— Я тебя не разбудил?

— С какой стати? — возмутилась моя дочь. — У нас десять утра, и я уже отвела детей.

— Но при твоём состоянии. Небось тянет прикорнуть?..

— Папа, у нас все нормально. Что с тобой случилось?

— Порядок в танковых войсках!

— Мне не нравится твой голос.

Я начал с живостью объяснять, что устал — не от лекций и семинаров, нет! — от обязательных для университетских преподавателей в Америке коктейлей, обедов, парти (клянусь, ничто не выдумывал), вот и сегодня с одним немецким профессором мы форсировали линию Мажино, укрепленную коньяком, виски и пивом, эшелонированная оборона, танки Гудериана непременно бы завязли. И, набалтывая слова, я ощущал благодатный, облегчающий прилив нежности. Молодец, доченька! Несмотря на старания Н. К., образовалась у нас внутренняя связь, ведь сразу она что-то почувствовала неладное.

— Папа, ты не забыл, сколько тебе лет?

...Увы, вот чего я не забыл, так именно этого.

Я пообещал завтра, то есть сегодня утром, совершить оздоровительную прогулку километров на тридцать, а ее попросил рассказать подробнее о детях.

И все эти подробности про Аньку и Лелю я увлеченно, с энтузиазмом пересказал за ужином у Инги и Ларри, хотя заметил, что они, мои истории, воспринимаются хозяевами без должного энтузиазма. Видимо, от меня ждали других историй, для

чего и пригласили некую особу, особенностью которой было делать большие глаза после каждой моей реплики: «Ой, как интересно!» Клянусь, кроме меня самого, это никого не интересовало, все любят слушать лишь про своих детей, но я не голливудский затейник, и не было той, перед кем мог бы выкладываться. Решил: я почтенный профессор, мне позволены старческие причуды. То есть мелко пакостить ни в чем не повинным хозяевам. Почему не повинным? Кто меня вытащил в Лос-Анджелес на муку адскую? Пусть терпят. Логично, не правда ли? Ведь гулял бы спокойно с детьми в парке Жоржа Брассенса.

Кстати, вернем и про парк.

— Ой, да вы замечательный отец! — воскликнула особа, а у меня закралось подозрение, что если бы я так же красноречиво выставлял себя в роли людоеда, пожирателя маленьких детей — она бы верила и точно так же восторгалась.

— Какой я отец — не знаю, существуют разные мнения, — поправил я, — а вот дед — замечательный.

Последовала новелла про наш отдых на берегу океана. Вдохновение прорезалось.

— ...Жаль, что жена моя с нами не поехала.

Инга поперхнулась и отложила вилку:

— Разве ты женат?

— Здравсьте, дочка у меня от кого? От святого духа? Разумеется, с женой были сложности, я тебе рассказывал. Давно все наладилось.

— Так приятно встретить примерного семьянина, — вздохнула особа.

— Примерного? Не совсем уверен. Однако стараемся.

И я старался. Перед милой особой. И почему я на нее вначале взъелся? У Инги в доме сложилась традиция, что все изображали из себя молодых (хронический младенец!), ну и разговоры соответствующие, а тут благодаря присутствию доброй гостьи (наверно, сестра той дамы, что сидела в литературном кафе и мечтала о романе, длинном и красивом) я смог оттянуться, вспомнить своих маленьких котят. Древнему деду только дай волю побалакать о внуках. Возрастное. Чего же это скрывать?

Добрая душа предложила подвезти до дома. Я вежливо отказался, мотивируя: а) здоровьем — мне необходима вечерняя прогулка, б) и тем, что Инга меня держит за кухонного мужика, надо ей помочь убрать после ужина.

Испепеляющий взгляд Инги проигнорировал. Но проводил гостью до ее машины. Спортивный двухместный кабриолет. Развлекаются дамочки в Лос-Анджелесе, однако.

Возвращаюсь. Впечатление, что Ларри успели начистить

репу. Ему-то за что? Так или иначе, основной удар он принял на себя. Мне досталось по инерции.

— Так всегда, профессор. О мужике заботишься, в ответ получаешь помой. Его была идея, Ларри. А я что, сводня? Думаешь, легко было организовать тебе интеллигентную бабу? Да ты такую клоунаду устроил... Тебе в цирке выступать.

— Инга, лапочка моя, ты что, офонарела? — изумился я. — Не видишь разве, в каком я состоянии? Какие еще бабы? Дай Бог живым ноги унести из Лос-Анджелеса.

— Вот этого она и боится, — проябедничал обиженный Ларри. — Плюнет Сан-Джайст на контракт и улетит в Париж.

Я растрогался. Ребята, вот вам крест на пузе. Умру на факультете. Мне мой класс очень нравится. Студенты довольны? Приятно слышать. Инга, работаю, пока не прогонишь. Почему? Откуда я знаю, ты работодатель, не я. Не заклинай, мало ли какие бывают ситуации. Ну плесни еще вина. Давай по последней. Ты хочешь позвонить? Кому? Змее подколодной? И что сказать? Знаешь, напиши ей лучше коллективное прошение от губернатора Калифорнии. У тебя же связи. Ходатайство губернатора, глядишь, подействует. Пусть бумагу привезут в госпиталь с нарочным на мотоцикле. Эффектно. С вами, ребята, не соскучишься. Припев из советской песни? Ты помнишь? Я не помню. Как?.. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Классика. Дай списать слова. Есть на эту тему *chansonnette francaise*: «*Quand tu sera la-ba, arrange-toi, arrange-toi pour me rester fidele. Meme si elle t'appelle...*» Перевожу: «Когда ты будешь там, сделай так, чтоб остаться мне верным. Даже если Она тебя позовет, чтоб посмеяться в глаза — все равно, опасайся *la Grande Verta*». Кто такая Большая Берта? Ты знаешь? Умница. Ларри не знает, что естественно. Другое поколение. Ларри, Большая Берта не кто, а что. Так называлась дальнобойная пушка, из которой немцы лупили по Парижу. Почему в случае неверности ее надо опасаться? На этот вопрос ответить не могу. Французские глупости. Невнятно, но красиво.

Воскресенье. Время ленча. То есть те, кто не уехал к родственникам в Сан-Диего, или в загородные рестораны, или делать променады в густой толпе по деревянному настилу набережной Вениса, сейчас сидят у себя дома за обеденным столом. Это я к тому, что только в Лос-Анджелесе в середине дня, где-то в центральном районе можно оказаться в совершенно безлюдном квартале. Даже машины по улицам не ездят. Как будто объявили учебную атомную тревогу. Лично меня это очень уст-

раивает. Я выбираю улицы потише, позеленее и накручиваю пехом свой километраж.

Воздух чист и прохладен. И, наверно, где-то кто-то щебечет. Не обращаю внимания, ибо в голове у меня прокручиваются, увы, все те же мысли — дескать, что мне прокрутит респондер, когда я вернусь в «каюту без компании», и прокрутит ли что-нибудь, а если не прокрутит, то тогда я сам поговорю по телефону на автоответчик в Шерман-Окс, и может, мне перезвонят — словом, чушь собачья.

Да, такая деталь. Не угадываю я здесь погоду. Высовываю нос на балкон — холодно. Выхожу в плаще — нормально. А потом, когда набираю скорость — пар с меня валит. Иду, распахнув плащ, руки в карманах, чтоб полы не развевались.

И вот выруливаю в глухой проулок, замечаю справа на другой стороне двух парней, бредущих в моем направлении (белых парней; на черных я бы инстинктивно сделал стойку, и пусть те, кто никогда не жил в Городе Ангелов, меня осудят), но они далеко, метрах в трехстах. Я еще подумал... Наверно, что-то умное, раз не помню. Я поворачиваю налево, спускаюсь к пешеходному мостику с железными перилами. Внизу хилый ручеек, который в сезон дождей вспухнет в солидную речку. В голове проскакивает мысль, мол, какое место, ниоткуда не просматривается. Впрочем, в Лос-Анджелесе никто в окно не смотрит, все смотрят телевизор. Ощущаю как будто ветерок, предшествующий грозовому вихрю. Оборачиваюсь. Парни в двух шагах за моей спиной.

Рефлекс вековой давности: не останавливаться, не шараться (куда тут шарашнешься, через перила?), продолжать движение, чуть повернув голову, следя краем глаза за теми, кто вас обгоняет. Остановиться? Развернуться навстречу? а) Это проявление страха. б) Это вызов. Даже если они еще не решили — начинать акцию или нет, то теперь вы им не оставляете выбора. Продолжая движение и держа их в поле зрения, вы им даете понять: а) что вы их засекали, б) вы их принимаете за обыкновенных прохожих, торопящихся по своим надобностям (Скажем, к бабам. Приспичило.), — обгоняйте, пожалуйста, господа! То есть вы им предоставляете свободу выбора. Пусть они думают (вам думать уже некогда), почему объект так спокоен, так уверен в себе. Вдарить вас по затылку — секунда, да, может, вы прореагируете стремительно — в долю секунды? Черт знает, что там у вас в руках, в карманах плаща (черт-то знает, в карманах у меня ничего нет, но он им сообщить не успевает), и не лучше ли отложить дело до следующего раза, когда вы, выпивши, поковыляете в темноте от Инги домой и не услышите за спиной даже паровоза...

«Ах, это сладкое слово — свобода». Свобода выбора. Откуда цитата?

Интереснее знать — откуда они свалились на мою голову? Короче...

Короче длится несколько секунд.

Меня обгоняют. Я невольно замедляю шаги. Они — убистряют. По их упругой походке я чувствую: спортивные, накачанные ребята. Затылки одинаково стриженные.

Дорожка с мостика поднимается и выводит нас на цивилизованную стрит с заборчиками, палисадниками, пыльными пальмами. Перед раскрытой дверью гаража лысый джентльмен в очках, в желтом резиновом фартуке и фиолетовых резиновых перчатках трет губкой с мыльной пеной черный «олдсмобиль» и поливает его тонкой струей из шланга. Редкое зрелище в Лос-Анджелесе, где все предпочитают пользоваться автомойками на заправочных станциях.

Спортивная парочка удаляется по прямой в бодром темпе. Когда я выхожу на перекресток широкой шумной улицы — их и след простыл. Или сели в свою машину, или зашли вон в тот ресторанчик (заглянуть проверить?), или еще раньше завернули в домик, к бабам, к которым так спешили.

Теперь я могу поразмыслить на досуге. Благодаря добрым молодцам появилась новая тема, а то я закис, закручинился (в том смысле, то кручусь на одном месте, вокруг респондера, заело пластинку) — спасибо, родные.

Мальчики сделали молниеносный рывок. Триста метров за минуту, ну за полторы, не больше. И я не услышал ни топота, ни дыхания. Профессионалы. Профессионалы чего? От скуки такие рывки не делают, и даже если мальчики решили просто поразвлечься, то должны были продолжить. Как? Каким образом? Мне неведомо. Моя реакция притупилась, я их почуял в последний момент. Это минус. Однако я еще произвожу впечатление человека, с которым при ближайшем рассмотрении связываться не желают, хотя мостик ниоткуда не просматривался. Это плюс, это меня обнадеживает.

Хорошо, отбросим криминальный вариант и вариант встречи с двумя городскими сумасшедшими, которые полчаса тому назад перемахнули через забор психушки, и их разыскивают санитары. И вариант, что я сам свихнулся. Мне лишь почудилось, померещилось.

Тогда что остается? Проверка. На жаргоне Системы это называется «проверка на вшивость». Проверка рефлексов, реакции, манеры поведения.

Странно.

Странно не то, что они возникли неожиданно. Это в плохих фильмах объект долго преследуют, идут по пятам и т. д. В реальности — всегда возникают неожиданно и с противоположной стороны. Странно другое. Я отовсюду ушел, никуда не лезу, нет никаких причин, чтоб мной кто-то заинтересовался. Впрочем, это не довод. То, что мне кажется, будто нет причин, не означает, что причин не существует. Просто у меня на этот счет нет никаких идей.

Но если это было, возвращаюсь к первоначальной версии — местной шпане, то я здорово перемудрил или, скажем так, моя старая выучка оказала мне медвежью услугу. Зачем я угрожающе оттопыривал правый локоть? Ну, ударили бы мне по кумполу, и делу конец. Не сидел бы вечерами у телефона, не доставал бы из чемодана игрушку. Они сильно облегчили бы мне жизнь. Такой шанс проморгал!

Месяца не прошло, а я так резко сдал позиции. Березина!

...24 июня 1812 года Император приказал переправляться через Неман. Маршал Ней наблюдал, как полк кирасир, пройдя гуськом по наведенному плавучему мосту на русский берег, буквально за минуту развернулся в боевой порядок, готовый... «И амуниция сверкала на солнце, а у солдат залихватские улыбки. Это была действительно Великая Армия, — вспоминал маршал Ней, — но ни единого казака не маячило на горизонте». По мнению Мишеля Нея, такую армию никто и ничто не могло остановить. «Мы били русских всюду, где их настигали. Под Бородино они дрались отчаянно, но если бы Император ввел в дело Старую Гвардию! Мы взяли Москву. Несмотря на пожар, провианта было достаточно. Русские не посмели бы приблизиться к окраинам города, в котором на зимних квартирах расположилась армия, не проигравшая ни одного сражения. Была еще возможность, не задерживаясь в Москве, — но именно не задерживаясь! — повернуть на Санкт-Петербург. Мы бы взяли русскую столицу без боя, второго Бородино Кутузов не мог себе позволить. Нас сгубили не русские морозы, нас сгубило отсутствие логики. Инициатива была в наших руках. Мы могли выжидать, мы могли наступать, однако ни в коем случае не отступать! Великая Армия привыкла побеждать. Она не умела отступать, просто такого опыта не имела, поэтому движение назад по Старой Смоленской дороге воспринято было как проявление слабости. Отступление превратилось в бегство».

И вот спустя всего несколько месяцев после начала Русской кампании маршал Ней, получивший титул князя Московского,

пытался увести остатки французских войск по хрупкому льду Березины. Только Старая Гвардия переправилась, сохраняя достоинство и боевые порядки, Великой Армии уже не существовало. «Это было направляемое стадо замерзших испуганных животных. Они в панике сталкивали друг друга с понтонов и проваливались в ледяную воду. Ничего более кошмарного и позорного в своей жизни, — вспоминал маршал Ней, — я не видел». Но если бы маршал Ней увидел меня, сегодняшнего, он бы к кошмарному и позорному прибавил свежий пример.

Последнюю фразу я, естественно, вслух не произношу.

Класс полон. Я замечаю двух или трех незнакомых студентов. И почти все конспектируют.

После лекции вокруг меня образуется некоторое окружение. Почтительные лица. А Питер спрашивает:

— Профессор, вы несколько раз цитировали воспоминания маршала Нея. Очень интересно. Но ведь известно, что он не оставил мемуаров, он просто не успел их написать.

«Ехидина, — подумал я, — все знает».

— Питер, вы правы, маршал Ней не успел написать мемуары, его расстреляли. Когда? Верно, в 1815 году. Но он успел мне кое-что рассказать. Такой ответ принимаете?

Окружение вежливо улыбается. Эти убийственные улыбки американских студентов! Дескать, профессор, мы ценим ваш юмор, да по существу вы не ответили, нам факты подавайте. Спешу добавить:

— Шучу, конечно. В архивах национальной библиотеки в Париже хранятся тысячи писем разных деятелей времен Наполеона. Если читать все подряд — кто что кому сказал, — то восстанавливается общая картина.

— И вы читали все? — округлил глаза Питер.

— Разумеется, не все. Признаюсь честно, трудно разбирать рукописные тексты. Люди той эпохи блистали множеством талантов, плюс — блистали остроумием, орденами, эполетами, но не хорошим почерком!

Что называется — произвел впечатление. Чувствую, растет на факультете мой авторитет.

Между прочим, нормальные американцы производят машины, компьютеры, жевательную резинку, женские прокладки. Жеребец-производитель производит племенное потомство. А ты осваиваешь профессию производителя впечатлений. Пора бы на старости лет производить что-нибудь полезное...

Понимаю, прекрасно понимаю: стыдно врать детям! Но когда я сказал правду — мне не поверили. Приходится выбирать ложь, которая всех устраивает.

К вопросу о лжи, которая всех устраивает.

Вдруг совершенно неожиданно: не прошло и ста лет! — звонок:

— Тони, меня тут пригласили на ленч в субботу. Не бог весть какой ресторан, но люди симпатичные, и нужно поддерживать с ними отношения. Ты не хочешь со мной пойти?

Голос не волшебный. Голос такой, дружески небрежный, однако угадывается, что в данном случае в моем присутствии заинтересованы.

Любой неграмотный бандюга, отчисленный из школы за неуспеваемость и торговлю наркотиками, в полицейском досье которого, в графе «интеллектуальность», стоит жирный *ноль*, — так вот, он бы на моем месте не задумываясь, ответил: «С удовольствием, май дарлинг, только сейчас на моей постели лежат две герлс с задранными юбками и требуют еще. А третья расстегивает мои брюки. Когда разберусь с ними — позвоню».

Абсолютно правильно. Три недели вас размазывали по стенке и вдруг, разом, все прощать?

А человек интеллигентный в солидном возрасте, но не потерявший опыта общения с женщинами, вежливо бы извинился. Мол, как жалко, как досадно. В котором часу ленч? Нельзя ли перенести на вечер? Ах, как обидно. Дело в том, что именно в это время ему назначена встреча с помощником губернатора, сенатором штата Айова, конгрессменом из Небраски, вице-президентом First American Bank (ненужное зачеркнуть). Воскресенье вечером? Desole, сожалею, съемки на телевидении. Неизвестно, утвердят ли программу, но отменить невозможно. Я тебе перезвоню в понедельник. Чао-какао!

Так бы залихватски (сверкая амуницией на солнце) ответили солдаты Великой Армии, никогда не прекращающей битвы с прекрасным полом. Что касается меня, испуганного, замордованного животного, которого загнали в Березину, то я, потеряв остатки разума, в панике, сам себя сталкиваю в ледяную воду... Я радостно замычал, заблеял, захрюкал и заверил, что в субботу в назначенный час примчусь на Диккенс-стрит впереди собственного визга.

В трубке снисходительно сказали, что мчаться, повизгивая, на Диккенс-стрит профессору несолидно, заедут за мной сами.

Опять же тема для размышлений. Куда запропастилась свора родственников из Сан-Диего? Как они переживут уик-энд без? Ведь они уже привыкли получать товар с доставкой на дом. Или родственников всем скопом отправили в служебную командировку на Восточное побережье?

Я хорошо изучил мою девочку и знаю: ради поддержания отношений с симпатичными людьми она ни за что не пожертвует другими отношениями, для нее более важными — дня не пропустит, не тот темперамент. Или там разрыв отношений? Или их выяснение? Наказывают родственников в Сан-Диего, отлучают от церкви, дескать, милый, помучайся без, а если не выдержи — заколачивай гвозди. Конечно, могли быть обычные женские дела, и тогда надо было как-то заполнить паузу: вспомнили о встрече с симпатичными людьми, давно назревшей.

Одно я сразу отмел начисто — это не предлог, чтоб увидаться со мной. Я, как маршал Ней, наблюдал со стороны заколоченного бедолагу, закутанного поверх шинели в рваное одеяло (победный трофей из Москвы!), спотыкающегося по льду Березины. Вот так я выгляжу, и таким свиданку не назначают.

...Они в Лос-Анджелесе не имеют ни стыда ни совести: вторая половина ноября, а день раскопегарили градусов под тридцать Цельсия! Дважды переодевался и вот стою посреди двора в летних брюках и рубашке с закатанными рукавами. Стою и думаю, мол, приезжает человек, а я уже решил было, что никогда его не увижу. Соответствующих мыслей — воз и маленькая тележка. Специально спустился во двор, чтоб она не подумала, будто я хочу заманить ее в свою студию с какими-то корыстными целями. Злопамятный. Ведь в тот раз она не поднялась, махнула рукой из машины, а я тоже схватываю намеки на лету.

С улицы вырывает темно-синяя стрела. Резко тормозит, поравнявшись со мной. Отодвинулась бархатная штора императорской кареты. Пристальный, непроницаемый взгляд Жозефины. Все перепуталось в моей башке — не нырнуть бы под лед Березины, не грохнуться на асфальт...

— Тони, пойдешь переодень рубашку.

От такого приветствия я даже обретаю человеческий голос. Не мычу, не блею, спрашиваю с нотками обиды:

— Почему? Твоя любимая рубашка, ты мне ее купила.

— Пятно на боку. Не отстиралось.

Пятно? Верно. Ну и глазастая девка...

Симпатичные люди оказались тремя симпатичными дамами из адвокатской конторы. Значит, отметил я, у Дженни возник интерес к каким-то юридическим проблемам. Лет тридцать тому назад дамы непременно заинтересовали бы и меня, правда, в несколько ином качестве (и в отсутствии Дженни), а пока глава конторы мэтр Вирджиния Джейн, с присущей юристам четкостью разрешила все мои сомнения — расставила все точки над «i», пока официант расставлял на столе закуски.

— Профессор Сан-Джайст, моя дочка взвыла, узнав, что я ленчю с вами в субботу. Она сказала, что этого не может быть, вы такой гордый, неприступный, французская знаменитость! Я сказала: «Моя клиентка, Дженни, обещала вас привести». Она сказала: «Держу пари, что он не придет. Твоей клиентке, кем бы она ни была, далеко до Молли Горд, Молли — чемпионка университета по кадрежке, а я сама видела, с каким треском Сан-Джайст ее отшил, когда она попыталась клеиться...»

Я покосился на Дженни. Дженни — правильно, угадали! — невозмутимо ковыряла вилкой салат.

Далее мэтр сказала, что ей сказала дочка по поводу, а я, как человек воспитанный, сказал, что, по моему мнению, Сарра Джейн — очень умная девочка, то есть произошел обмен комплиментами. И мне бы, конечно, хотелось, чтоб Змея Подколотная не пропустила славословия в мой адрес мимо ушей, однако Змеюка посчитала, что с меня достаточно, я свою роль отыграл, пора бы мне заткнуться. Она сдернула с плеч шарфик, осталась в платье на бретельках и перевела беседу на нужную ей тему.

Больше в умные разговоры я не вступал. Не отрывая глаз от такого роскошества, я урчал, пускал слюни, чавкал, старался с хрустом отгрызать по кусочкам — словом, делал вид, будто имею на ее плечи какие-то права, а она, Змея Подколотная, делала вид, что это соответствует действительности.

Ложь, которая всех устраивала. Ложь, которая доказывала простую истину, столь милую симпатичным дамам: неприступных мужчин не бывает, бывают мужчины неоприходованные.

...Финита комедия. Я прошу остановить машину. Небо чуть заволочло, потянуло свежачком, самое время мне прогуляться.

Актеры снимают маски, смывают грим. Она сказала, что очень мне благодарна, а я сказал, что был счастлив, она сказала, мол, была потрясена тем фактом, что я пил и ел за ленчем, а я сказал, что, дескать, старался вжиться в роль. И она сказала (сказала еще в дороге), что вечером идет на прием в адмиралтейство к обормоту Якимото (японский праздник у хозяина), будут сплошные американцы, форма одежды — парадная.

Короче, все было сказано. Нет, не все. Мягкой кошачьей лапой, вобрав когти, она погладила мою ладонь.

— Тони, не надо думать обо мне плохо. Обещаешь?

— Обещаю. Ты самая любимая девочка на свете.

«Синяя стрела» развернулась и укатила, а я пошел накручивать свой километраж и размышлять о пользе невинного вранья. Не скрою, мне было приятно услышать эти слова, но я знал — прежний опыт подсказывал, — что такие слова женщина говорит своему старому мужу тогда, когда убегает на свидание

к любовнику, причем любовнику не случайному, а проверенному, с которым заранее известно, что будем исполнять и каким способом.

Тем не менее я сдержал свое обещание. И в полдесятого вечера, несколько расслабившись доступными мне (в холодильнике) средствами, решил ей позвонить. Поблагодарить за прекрасный день, за то, что она умница, и за то, что сегодня впервые за долгий период я даже не вспомнил про игрушечку в чемодане. (Впрочем, про игрушку желательно промолчать. Промолчим.) Я смело набрал ее номер. Она точно уже вернулась с приема (конечно, прием у Якимото, никаких сомнений!), ведь время укладывать Элю, петь ей в постели песенку.

Увы, моя диспозиция была ошибочной. Я-то держал свое обещание, но и родственники из Сан-Диего держали круговую оборону на Диккенс-стрит. Молодой мужской голос неприязненно, с раздражением ответил, что Дженни еще нет и неизвестно, когда будет. Я понял, что говорю с темно-зеленым костюмом. Думаю, и темно-зеленый костюм понял, с кем он говорит. С моим появлением в Городе Ангелов Дженни стала отлучаться из дома гораздо чаще, чем раньше. (В будни все ее передвижения контролировались по телефону из Сан-Диего? Безусловно.) И вероятно, свои вечерние выходы она мотивировала светскими мероприятиями, связанными со мной. «Обязаловка, дорогуша. Ты же заезжал на юбилей в университете, сам видел, какая тоска. Что же касается профессора, он трогателен, но посмотрел бы на него — песок сыплется». Не ручаюсь, что именно так она говорила зеленому костюму (совсем не ручаюсь, что ее дорогуша постоянно в темно-зеленом костюме — отнюдь), но если говорила, то что-нибудь в таком духе — невинная ложь, которая устраивала всех. Однако у зеленого костюма имелись явно свои идеи по поводу ее скучных светских мероприятий, и он не знал, служу ли я ширмой или... Во всяком случае, в его голосе я услышал не только раздражение, я услышал боль. Похоже, что в Сан-Диего меня еще принимали всерьез.

Я положил трубку. Как ни странно, весьма успокоенный. Может, чуть-чуть со злорадством. Скорее, с сочувствием. И пусть ему, зеленому костюму, спать этой ночью с Дженни, — и не только этой, через неделю тоже, по расписанию — да ведь кончится тем, что она размажет его по стенке. Круче и жестче, чем меня. Товарищ по несчастью... Пора, пора организовывать нам с ним Товарищество по Несчастью, акционерное общество с уставным капиталом — впрочем, тут я профан, устав напишет Дженни, она у нас специалист по финансам.

Звоню ей в понедельник в госпиталь. Просто так, проверка интонации. Разговаривают крайне любезно.

И во вторник. И в среду. Город Ангелов.

В четверг спрашивают: а ты чего, собственно, звонишь? И так как вопрос задан не волшебным, но почти ангельским голосом, покорно объясняю. Домашняя заготовка: дескать, ты была, как всегда, права, в моем возрасте преобладают корыстные интересы, а интересы у меня какие? Сохранить здоровье! И я заметил, что общение с тобой, даже по телефону, благотворно действует на мое моральное и физическое состояние.

Тогда говорят, пожалуйста, тогда говорят, ради Бога. Только звони мне лучше домой, сам знаешь, какое время для меня удобно.

Чужой опыт никого не учит? Собственный опыт ничему не учит!

Ведь зарекался не затрагивать скользкой темы, а тут вкунул, мол, звонил в субботу, в удобное время, да нарвался.

Разительное изменение голоса. Интонации немецкого генералитета. Фельдмаршал Роммель, генерал-полковник Гудериан. Дранг нах Остен!

— С каким парнем ты разговаривал? С американцем? Молодой голос? Этого быть не может! Во сколько это было? Полдесятого вечера? Я вернулась домой в час ночи, прием у шефа затянулся до безобразия. А с Элей дежурил Матвей Абрамович, старичок, муж Гали, помнишь? Он по-английски не чирикает. Ты просто ошибся номером. Американец назвал мое имя? В Лос-Анджелесе сто тысяч Дженни. Совпадение. Надо было перезвонить.

И почти убедила. Я тут же дал задний ход, и она смиловилась, сбавила напор:

— Ты, наверно, сам не замечаешь, что разговариваешь со мной, как жена-домохозяйка с загульным муженьком. Таким же тоном. Попреки и упреки. Не загоняй меня в угол. Ты мне сразу напоминаешь Джека, будишь во мне очень плохие ассоциации. Я от этого зверею и могу ответить очень грубо. Не подставляйся.

Урок зарубил на носу. Звоню в полдесятого вечера. Говорю лишь на дозволенные темы, утвержденные военной цензурой. Мне устраивают мелкие провокации. Не поддаюсь. Иду прямо по обозначенной трассе. Я знаю повадки советского конвоя. Там шаг в сторону считается побегом. Стреляют на поражение. Постепенно ее голос опять обретает ангельские интонации. Мне обстоятельно сообщают, как прошел день, что сказала Кэтти, что сказала Лариса, что сказала Кэтти про Ларису, что сказала

Лариса про Кэтти, что сказал адмирал Якимото, он же Якимура, вчера на приеме и что он сказал сегодня про вчерашнее — не правда ли, смешно?

Конечно, смешно, моя девочка. Смешно и грустно, ибо я вспоминаю то блаженное время, когда звонил в госпиталь из Парижа и получал такие же подробные доклады, кто что кому сказал, но разговор со мной для нее был разрядкой, отдыхом, а не обязанностью.

Хватит. Забудем. Теперь наше дело маленькое — поддакивать. Уезжаете на уик-энд в Сан-Диего? Да-да-да! Полезно сменить обстановку. Элю ждут с нетерпением тетя Клара и дядя Сэм? Они так любят Элю? Ни секунды не сомневаюсь, особенно по поводу нетерпения и любви. Ты про кого? Я про Элю, тетю Клару и дядю Сэма, а ты про что подумала? Да-да-да, в Сан-Диего совсем другой воздух, дуют океанские бризы, а в Лос-Анджелесе бензиновый смрад и смог, не продышаться ребенку. (Действительно, откуда в Лос-Анджелесе взяться океанским бризам? Он же в тысяче миль от моря, огорожен Кордильерами и Альпами! — ироническая фраза, естественно, проглатывается.) Йес, яволь, да-да-да! Знаю ли я, что Эля учинила сегодня в детском саду? Нет. Продолжай. Про Элю мне всегда интересно. А про кого не интересно? Про президента республики Сальвадор. Постой, разве я что-нибудь про него сказала? Нет, поэтому и неинтересно. А если бы сказала? Тогда не пропустил бы ни слова.

И вот, в том же ряду, как бы между прочим:

— ...Но вообще я ужасная врушка. Вру с вдохновением даже тогда, когда этого не требуется. Мне в детстве читали тысячи сказок. Привычка фантазировать вошла в кровь. И Эля вся в меня, хотя ей я прочла сказки три, не больше. Она рассказывает в детском саду такие басни, их там принимают за чистую монету. Например, оказывается, ее мама была стюардессой и прыгала с самолета на парашюте. Рассказывает, нисколько не смущаясь моим присутствием. Я слушаю, смеюсь и вижу, что ничего нельзя поделать. Гены.

Позже, в процессе жевания своей стряпни, я тщательно пережевываю услышанное. Что означает ее откровенность? Признак доверия? Очередная провокация? Или все сказанное мне не имеет для нее никакого значения, просто сотрясение воздуха (отравленного бензиновыми парами и не продуваемого океанскими бризами)?

В любом случае должен ей сказать спасибо, ибо получил занятную тему для размышлений, которые отвлекают от дур-

ных намерений, а значит, способствуют здоровью, моральному и физическому.

В конце концов, *que demande le peuple?* Что хочет народ?

Каждое ее слово, каждую ее фразу я анализирую, пробую на зуб, просматриваю на свет. Однако за последний месяц я ей тоже умудрился кое-что наговорить. Экскурсы в историю и беседы на бытовые темы отбросим. Поищем перлы. Обычно бормочут: не помню, мол, в состоянии аффекта. Нет, помнят. Надо помнить. Вот несколько перлов для искателей жемчуга:

1) Я теперь понимаю, какую власть может занять женщина. Скажешь: убей. Пойду, убью.

2) Под твоим взглядом я себя чувствую как раздавленная лягушка.

3) Я умираю при звуках твоего голоса.

4) .....

(Язык не поворачивается произнести. Но ведь повернулся!)

19) .....

20) Я тебя и прокаженной приму. И так же буду любить.

Последнее, по-моему, шедевр. Прямо как генерал Бонапарт в Египте посещает чумной лазарет! Самое удивительное не то, что я это говорил, а то, что она это слушала. Слушала, правда, без всякого удовольствия, но не принимала никаких мер. Например: привезти меня в свой госпиталь и запереть в палату для буйнопомешанных. Значит, реакция не самая страшная, не та, которой я больше всего боюсь. А боюсь я простой вежливой фразы типа:

— Дорогой, достопочтенный, многоуважаемый профессор, ну, пожалуйста, фак-аут.

Появился Доул. Буднично. Позвонил, приехал. Признаться, когда он позвонил, я малость закипел, но к тому времени, когда он приехал, весь пар из меня вышел. Глупо, тупо и нелепо выяснять с ним отношения, мол, зачем ты ей сказал про меня то-то и то-то. Ведь с тех пор я сам успел наговорить такое, что злейший мой враг не придумает. И вообще, сейчас все это всхлипывания о прошлогоднем снеге.

Без лишних слов (то есть без восклицаний типа: «Вчера только узнал, что ты вернулся в Лос-Анджелес», «Встретил N, и он мне сообщил твой телефон», «Покупал в киоске журналы, и мне случайно всучили, я же по-французски не читаю...») Доул протянул мне свежий номер журнала «Paris Match», раскры-

тый на странице с заголовком «Русская мафия». В журнале уже такая постоянная рубрика. Чем же порадовал читателя «Paris Match» на этот раз?

«Свободен! После трех с половиной месяцев заключения в тюрьме Санте Дмитрий Копытин освобожден под залог без права выезда из Франции».

Далее то, что на полицейском жаргоне называется «салат с майонезом». Якобы Дмитрий Копытин (публикуется московская цветная фотография с какой-то бабой) должен был убить крупного русского бизнесмена Дмитрия Кабанова, проживающего ныне в Бруклине (цветная фотография Кабанова у подъезда своего дома), для чего и летел в Нью-Йорк, но был арестован Интерполом при посадке на рейс Люфтганзы в аэропорту Франкфурта. «Расследование ни к чему не привело, — заявил адвокат Копытина мэтр Жан Дидье, — одни лишь подозрения не доказывают вины». В свою очередь Дмитрий Кабанов подозревался в том, что был как-то связан с нашумевшим и до сих пор не раскрытым убийством голден-боя русского происхождения, Прекрасного Сержа, в квартире этого Сержа в центре Парижа. Журналист напоминает подробности дела, причем не высасывает из пальца (это ему невкусно), не пересказывает слитую полицией информацию, а смело дает полет своей буйной фантазии:

«В Париже Сергея... все звали не иначе как Прекрасный Серж, и ему были открыты двери ночных клубов, особенно тех, где в моде кокаин».

«В своей шикарной двухэтажной квартире в Восьмом районе устраивал шумные пирушки, приглашал даже цыганский хор с медведем».

«Его любовница, венгерская манекенщица, во время стрельбы спряталась под кровать и ничего не видела».

Ну заглянул бы, сволочь, в старое «Фигаро», где черным по белому написано, что в Серезу стреляли через стеклянную дверь из автомата с глушителем и его подружка сидела на втором этаже, смотрела телевизор и ничего слышать не могла!

Бросилось в глаза: насколько журналист вольно жонглирует фактами и собственными домыслами, настолько он осторожен и точно цитирует мэтра Жана Дидье. А Жан Дидье очень сдержан в своих высказываниях. К адвокату не придерешься. Он ни в чем Серезу не обвиняет. Моральный облик Прекрасного Сержа он оставляет за скобками. Он лишь полагает, что ни Дмитрий Копытин, ни Дмитрий Кабанов к убийству в Париже не причастны. Да, Прекрасный Серж хорошо заработал на французском контракте с Москвой, но дальше у него крупных

контрактов не было, были крупные расходы. Вполне вероятно, что он пытался урвать крупный кусок в других делах и с другими партнерами, которые следствию пока неизвестны. Увы, нравы русской мафии таковы, что вместо разборки с помощью адвокатов предпочитают разборки с помощью автоматов.

Я оценил, что мэтр Жан Дидье умолчал о загадочной русской душе.

И еще деталь: журналист перечислял кого угодно, включая корсиканских бандитов и нигерийских торговцев оружием, однако ни словом не упомянул Сережиных детей...

Час назад я приготовился разговаривать с Доулом сквозь зубы. Но теперь он был для меня лучшим другом, ведь это единственный человек из Системы, с которым я мог еще общаться. И, естественно, он в курсе всего.

Я обрушил на него весь свой запал эмоций. Пойми, говорил я Доулу, отныне информация в прессу будет поступать из уст этого адвоката. Французской полиции нечего сказать, французы никого не поймали или поймали не то, что хотели, похоже, они умывают руки. А адвокату потеть и потеть, он должен отмазать своих клиентов, отмыть черного кобеля. Он не рискует сам катить бочку на Сережу, зная, что его могут привлечь за клевету. Кто? Не важно. Опытный профессионал, он не желает подставляться. Ловко и тонко адвокат (или те, кто за ним стоит) запускает свои инсинуации в прессу, а пресса уже закусила удила, для нее это лакомый кусок, это товар, который хорошо идет. Не удивлюсь, если в следующих газетных статьях Сережа предстанет как содержатель притона, или как глава какой-нибудь челябинской мафии, или как резидент в Европе колумбийских баронов наркобизнеса. Пресса почуяла, что за Сережу никто не заступится, на него можно вешать всех собак. А я вынужден молчать в тряпочку, я не имею права раскрыть рот, ведь моя дочь мне приказала не высовываться. И ее тоже можно понять. Французы выполнили свое обещание: все забыли о Сережиной семье, о детях, следствие ушло далеко в сторону. Если вопреки запрету (то есть испортив отношения с дочерью) я высунусь, то сразу привлеку внимание (или его искусственно привлекут) к детям, к новой семье, где ждут третьего ребенка. Один этот факт — находка для желтых газетчиков, любителей сальностей и скабрзностей. И могут шантажировать, угрожать, не мне — детям! Рассчитывать на защиту французской полиции, которая не сумела спасти жизнь последнему премьер-министру шаха Ирана, хотя превратила его дом в вооруженную крепость? Доул, сколько времени прошло, а мы до сих пор не знаем ис-

тинной подоплеку дела, мы не знаем, кому мешал Сережа, мы не знаем, зачем понадобился этот вызывающий, наглый театр в Париже. Да, у меня есть свои предположения, не доказанные, а параллельно им могут существовать еще пять-шесть вполне правдоподобных версий. Я давно догадался, что в данном случае теория русской мафии всех устраивает...

— Мы тоже ничего не можем сделать, — прервал меня Доул. — Репутация русских бизнесменов очень подмочена в Штатах. Наша четвертая власть пишет, что русская мафия перегнала через официальные фирмы миллиарды долларов в Америку и подкупила иммиграционные ведомства, полицию, федеральных функционеров! Поэтому любой окружной прокурор звереет при упоминании русских фамилий.

Ну да, конечно. Мой получасовой эмоциональный выплеск Доул расценил как завуалированную просьбу о помощи. Психология чиновника, который служит в Системе. Привычка искать всюду и во всем подтекст. Особенно когда он разговаривает с человеком, который в Системе уже не служит.

Между прочим, различие между Доулом и мной приблизительно, скажем, такое же, как между сержантом и полковником. Я должен был ответить: «Доул, пшел вон!» Точно так же профессор Сан-Джайст давно должен был заметить недоучившейся студентке Дженни: «Май дарлинг, извини, мне надоело твое вранье. Гуд бай, май лав». Вполне бы соответствовало табели о рангах и было бы правильно понято. Вместо этого я пытаюсь понять и объяснить себе смысл их слов и поступков. Понять и объяснить себе — две разные вещи. Понимаем мы причину, а, объясняя себе, приспособливаемся к изменившимся обстоятельствам.

— Доул, — сказал я как можно спокойнее, — я никогда ничего не просил у американцев. (Я имел в виду американские подразделения Системы.) Я получаю французскую пенсию и здесь по приглашению университета. Я сам ушел из Системы...

— Ну и глупо, — опять перебил меня Доул. — Так из Системы не уходят. Обычно договариваются и получают приличные откупные или пристойную должность в какой-нибудь фирме. Ты же ушел, просто хлопнув дверью. Я тебя не понял, и никто тебя не понял.

Меня покорило: «Я тебя не понял». Тем самым Доул подчеркивал, что больше никаких различий (дистанции, что ли?) между нами не существует. Но у меня же особые обстоятельства, нестандартная ситуация!

...— Но у меня же особые обстоятельства, сложная ситуация, — басил тучный бородач в белой чалме. — Я не могу оста-

вить этих людей. Это все мое семейство, родственники моих жен и детей.

Тем временем в левом крыле дворца уже польхало пламя. Английский офицер с перебинтованной рукой пустил очередь из станкового пулемета и, обернувшись к бородачу, заорал:

— Ваше Величество, через десять минут мятежники будут здесь и первым делом они вам вспорют брюхо. Бегом вниз, к причалу. В шляпке есть место только для вас и для моих солдат. Я снимаю оборону. Пока мы еще успеваем, и миноносец на рейде нас прикроет огнем. Живо!

И офицер добавил такое английское ругательство, услышав которое Ибн-Шейх-Паша имел полное право замуровать английского подданного на всю жизнь в каземат, а то и посадить на кол согласно нравам своей страны. И непременно бы это сделал еще месяц тому назад. Неделю тому назад? Пожалуй. Два дня тому назад? Маловероятно. А сейчас тучный бородач в белой чалме проявил редкую проворность и вприпрыжку бросился вниз по лестнице.

Не до этикета было. Так диктовали обстоятельства. И как он себе объяснил внезапное изменение табели о рангах, мне неизвестно. Никогда не носил белую чалму.

В общем, хорошо, когда есть что вспомнить. Помогает. И я здраво рассудил, что нечего мне лезть в бутылку, а надо, наоборот, вытащить бутылку из холодильника и предложить Доулу дринок. И это было правильное решение, ибо я увидел, как Доул сразу повеселел.

Зря я обвинял Доула в хамстве. По американским меркам это именно я принял его хамски: для американца сначала дринок — как «How age you?», как для француза обязательное «Ca va?» — уж потом все прочее. А я вцепился в статью и тут же, без намека на дринок, вылил на Доула разные свои особые обстоятельства, перемешанные (вместо коктейля) с семейной ситуацией, в которую Доул совсем не обязан вникать, ему за это зарплату не платят. И вообще, Система устами Доула или рядового констебля должна была когда-нибудь выразить мне свое «фэ», ткнуть носом, дескать, ушел от нас, что ж, пеняй на себя. Как же ей отказать от такого удовольствия?

Логично.

Дринкнули по маленькой. Я извлек из холодильника соленые маслины. Повторили. В башке просветлело.

Поведению американца присуща некоторая хамоватость — продолжал рассуждать я, — и это по-своему проявление честности. Раз он не может в чем-то помочь, он и слушать не желает. Тем самым он как бы говорит: не будем терять понапрасну

времени. Время для американцев — деньги. Тогда, естественно, возникает вопрос: за каким чертом Доул поперся ко мне? Показать статью в «Paris Match»? Конечно, весьма любезно с его стороны, только не те у нас отношения. Мог бы просто звякнуть по телефону. Значит, повод. Повод для чего? Из оперативных дел я выпал. Тем не менее человек тратит на меня время.

И тут озарило. Или я, старый дурень, совсем выжил из ума, или запахло деньгами. Причем деньгами, которые подкладывают в огонь под сковородки в аду. Паленый запашок.

Мне стало интересно. Что ж, поиграем. И я начал толковать о достоинствах дринка, только, Доул, не той крепленной гадости, что пьют в Америке, Англии или России, а о великих французских и испанских винах. Я, например, Доул, не могу отличить Сан-Эмильон 1990 года от Сан-Эмильона 1993 года, двухлетнюю разницу мне не осилить, а есть знатоки, которые точно определяют Сан-Эмильон 1990 года и Сан-Эмильон 1991 года, причем укажут, какой именно виноградник и было ли лето в том году засушливым или дождливым.

Доул спросил, собираюсь ли я возвращаться во Францию. Я ответил, что, кроме университета, меня в Америке ничто не держит. Мое начальство послало меня к едрене фене. (С жалобой я обращался явно не в ту инстанцию. Увы, человек слаб.) А вот густые тягучие вина Сарагосы...

Доул сказал, что я абсолютно прав. Французы умывают руки и больше ничего не хотят. Они в Америке давно поняли, что дело из категории нераскрываемых, однако со мной было бесполезно говорить, пока я сам не набью себе шишек на лбу, пытаясь протаранить головой стену.

Мысленно я прикрепил к погонам Доула две звездочки. Не за понимание моего характера (сие он вычитал в «объективке») — первую за то, что не спросил, кто мое начальство (мужская солидарность!), вторую за то, что внимательно, оказалось, прослушал мой эмоциональный полчасовой выплеск. Растут люди!

Мы еще раз дринкнули, и я завел речь о бургундских винах. Бургундских, Доул, с большой буквы.

И тогда Доул сказал. Я навострил уши. Заманчиво. И Доул сказал, что это пока проект, но проект серьезный и, главное, там все чисто, они проверяли.

— А зачем им это нужно? — спросил я.

— Ну. Скажем, чтоб подправить себе репутацию. Теперь во всем детант, разрядка, и они желают выглядеть добропорядочными джентльменами, которые способны делать и добрые дела.

— А я в качестве этикетки качества? Как французы указывают на этикетках хороших вин *appellation controlee*?

— Видимо, так.

— А как вы смотрите на это?

(В английском *you* равнозначно «ты» и «вы». Получалось, что я запрашиваю мнение Доула персонально. М-да.)

— А мы, — подчеркнул Доул, — мы смотрим на это очень положительно. Мы тебя и рекомендовали.

Азбучная истина: когда в безнадежную личную ситуацию вмешиваются внешние обстоятельства — это помогает. Правда, это не меняет безнадеги, помогает лишь продержаться на плаву. Представьте себе картину.

Баба скинула мужика в воду, а сама сидит в лодке и созерцает, как он барахтается. Иногда советы дает, мол, я бы на твоём месте плыла к берегу. Впрочем, как хочешь, и не смей цепляться за лодку, заеду веслом по кумполу, надоел, старый хрыч. И вдруг в женской сумочке тренькает портативный телефон. Звонят из банка, требуют ейного мужика. «Что-нибудь ему передать?» — «Нет, мы желаем говорить лично с ним». Что делает злодейка? Злодейка милостиво разрешает хрычу подержаться рукой за борт и вручает ему телефон. Ведь ей любопытно знать, зачем позвонили из банка. Может, перевели на счет пару миллиончиков? То есть мужику передышка. Да откуда миллионы? Банк выяснял, почему он выписывал чеки без покрытия. Ну, раз так, бабеч отбирает телефон, отталкивает хрыча веслом — иди на дно, дорогуша.

...По ее тону научился определять, что у нее происходит с темно-зеленым костюмом. Какие-то нелады. Раскачивают лодку, кто-то кого-то сталкивает за борт, кому-то заехали веслом по кумполу. Короче, жизнь кипит, и ей явно не до меня.

— Профессор, — голос пока холодно-вежливый, — нарушаете конвенцию. Мы условились о беседах по телефону, а ты придумываешь повод, чтобы вытянуть меня на свиданку.

Проглотил фразу, рвалась с языка: «Если я для тебя, как орангутанг, если тебе противно со мной встречаться...» Или она меня вымуштровала, или испугался идти на обострение. Но мотивировал сие не страхом, а заботой о человеке, дескать, это ей плохо, это у нее обострение — дома, в лодке... не будем уточнять. И потом, на руках козырь, — внешнее обстоятельство! — глупо упускать такую возможность.

И рассказываю подробности. Чувствую, заинтересовало. Спрашивает:

— А твое мнение?

— Тот самый случай, когда у меня нет мнения. Надо сперва послушать и посмотреть. Мне показалось, что тебе будет интересно взглянуть глазом профессионала.

— Подожди. Дай сообразить. — Голос в трубке теплеет. — Четверг? День напряженный, сплошные митинги. Вечер — еще хуже. Но попробую выкрутиться.

Между прочим, «митинг» на ее лексиконе — это совещание. Прямой перевод с английского. Я ее не поправляю, мне так нравится. Пусть митингует. Весь вопрос — с кем?

Похоже, что к темно-зеленому костюму я уже не ревную. Как к законному мужу. «А вечером — еще хуже». От кого она собирается выкручиваться? Фиг она скажет. Ведь честно предупредила: «Я ужасная врушка».

А мужики — ужасные луны. Врут, как дышат. И я первый. Сказал с самой искренней интонацией: «У меня нет мнения». Конечно есть. Предложение Доула я обдумал со всех сторон. Прибавил к нему происшествие на мостике и мой пистолет, привязанный к ручке балконной двери. Знаки. Каждый знак отдельно ничего не означает, надо разгадывать в совокупности. Как ребус. Да, важная деталь: Доул ничего не предлагает, предлагают через Доула, зная, что американцы за это схватятся, что им выгодно занять своего человека в лавке. Так вот, мне усиленно намекают, советуют, рекомендуют прекратить погоню за призраками. Соорудили даже, если верить Доулу, своего рода золотую клетку. Мышеловку. Но в отличие от мышеловки гарантируют безопасность. Сиди там, наслаждайся жизнью (наслаждение, правда, не гарантируют, Дженни им неподвластна), зарабатывай денежку и, главное, не рыпайся.

Впрочем, не настаиваю, что все именно так. Одна из версий, имеющая право на существование.

До четверга мы несколько раз созванивались с Доулом. Доул был явно в тесном контакте с мистером Литвиновым и сообщал мне новости. Два крупных нефтяных промышленника из Техаса обещали фонду финансовую поддержку. Бостонский симфонический оркестр дает для фонда благотворительный концерт. Приедет на гастроли Большой драматический театр (БДТ) Санкт-Петербурга. Иегуди Менухин, Питер Устинов, Михаил Шемякин (все выходцы из России!) согласились вести семинары. Для семинаров по науке привлекают нобелевских лауреатов. Проект фонда вызвал восторг у губернатора Калифорнии. Фонд будет утвержден как культурная, некоммерчес-

кая организация. Никакой финансовой прибыли быть не должно. Выручка за концерты, плата за обучение, всякого рода пожертвования пойдут на покрытие административных и хозяйственных расходов (в том числе и на вашу ставку директора, месье!). Телевидение (компания NBC) готовит репортаж, посвященный фонду.

Через Доула я спросил: почему бы не объединиться с фондом Сороса?

Передай своему профессору, ответил мистер Литвинов, что деньги Сороса, пока доходят до России, разворовываются почему зря. Сорос своим фондом не занимается, ему некогда, к фонду Сороса присосалась масса жуликов. Из каждой тысячи долларов, посланной российским ученым, девятьсот оседают в карманах так называемых посредников в Нью-Йорке и Москве. Поэтому мы, калифорнийский фонд, ни цента переводить в Россию не будем. Будем отсюда приглашать студентов и преподавателей в Лос-Анджелес, студентов (малоимущих) обеспечим стипендией, преподавателей — зарплатой.

— Это так? — спросил я Доула, имея в виду фонд Сороса.

— Хуже. А Сорос человек амбициозный и критику своего фонда считает происками злопыхателей.

И тогда я подумал, что дело затевается действительно серьезное и полезное. А вот у меня амбиции Зайца из немецкой сказки. Заяц решил, что битву под Аустерлицем устроили специально для того, чтобы выгнать его, Зайца, из норы.

— Передай дословно своему мистеру Литвинову: идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Только это сказал не я, а один известный идеолог.

— Кто? — полюбопытствовал Доул.

— Мистер Литвинов знает. Изучал его труды в советском вузе.

В назначенный час мы с Дженни подъехали к гостинице Доула, и Дженни оставила свою темно-синюю красавицу «стрелу» в паркинге, ибо мистер Литвинов прислал за нами немножечко «роллс-ройса», немножечко с шофером. В Лос-Анджелесе «роллс-ройсами» никого не удивишь, но мне показалось, что это немножечко перебор. Далее мои опасения подтвердились. Когда открылись ворота феодального поместья (не ранчо, не виллы — поместья!), я увидел на лужайке немножечко скульптуры Боттеро — массивного чугунного кота, которого хорошо запомнил по экспозиции на Елисейских полях. Из окна третьего этажа (феодалы оторвали себе немножечко земли на верши-

не холма за Голливудом, никогда не был в этом районе) обозрелась красочная панорама вечерних огней Города Ангелов.

Ополоумели! Благотворительный фонд, а сняли усадьбу, которая и миллионеру немножечко не по зубам. Русский купеческий размах!

Ну да, Дженни предупредила: не выступай, помалкивай, отвечай лишь на вопросы, ты в бизнесе ничего не смыслишь. И я вспомнил, что еще Сережа мне объяснял, как важен адрес, когда снял контору на бульваре Осман. Но Сережа снял свой офис, буквально заложив последние штаны, а здесь что заложили, с кого и что сняли?

— Зовите меня просто Васей, — сказал мистер Литвинов по-английски.

В меру подтянут, в меру спортивен, в меру в возрасте, интеллект на уровне, улыбка «чииз», одет с витрины — стопроцентное попадание, такой будет брать американцев голыми руками. С Доулом у него вась-вась, Ван Доул для него Ваня, они начали толкать друг друга локтями, как школьники на перемене. И Дженни произвела впечатление на мистера Литвинова своей строгостью и линиями. Вот кто не произвел, так это ваш покорный слуга. Это как на смотрах приводят невесту, и жених тут же решает: «Такую кривоногую? Да никогда в жизни!», но продолжает улыбаться, ведь пригласили гостей, родственников, старинный обряд, уважать надо. И невеста, если не дура, тоже чувствует, что тут ей не обломится. То есть мы с мистером Литвиновым оба сразу поняли: потерянный вечер.

И даже в мелочах раздражающее несовпадение.

— Ваня, тебе виски? Лед из Гренландии, биологически чистый. Прочтем, учтем, посмотрим. Дженни, мартини? С долькой лимончика? Исполню, золотко. Прочтем, учтем, посмотрим. Профессору коньячок фирменный, французский, естественно? Простите, не расслышал... Томатный сок? Конечно, извольте.

— Пепельницу? Нижайшая просьба: курите на балконе. Я свой персонал вымуштровал — не курить в помещении. Нам с американцами работать.

...А персонал присутствовал. Подходил получать от мистера Литвинова ценные указания. На какие деньги он содержит столько народу? Не твоя забота, тебе с ним не работать.

Провел он нас по коридорам, по классным комнатам, где мировые знаменитости будут преподавать студентам всех возрастов и национальностей, никакой дискриминации, господа, кто в состоянии платить за обучение — милости просим. А стены увешаны картинами русских художников-модернистов, запрещены они тогда были, понимаете? Дашь художнику

пятьсот рублей, он не верит собственному счастью, а сейчас все это стоит — ого-го! Посмотрите, профессор, какой зверь этот Зверев.

— Мистер Литвинов, я не специалист в живописи. — И чтоб все было ясно, чтоб подчеркнуть полную нестыковку: — Боттеро, которого я увидел в саду, вы приобрели тоже по дешевке?

Дипломат. Настоящий дипломат. Сделал вид, что не заметил шпильки. Пошел подробный рассказ про Южную Америку. Ах, какие страны! Там, извините, Дженни, молодые женщины лифчик не носят. Нет надобности. Груды стоят, как литые. А Боттеро не всегда был знаменитым Боттеро, и когда-то ему льстило, служило рекламой, что первый секретарь советского посольства приезжает в его мастерскую. Кот, вернее, одна из трех авторских копий кота, считайте — мне персональный презент. Ах, какое было славное время в Латинской Америке. Вот только была накладка, выслали из Бразилии. Господа, посмотрите на меня, ну какой я шпион, разве похож на шпиона? Небось, Ваня, это твоя работа. ЦРУ требовало отчетности, ты ткнул пальцем наугад в список советских дипломатов...

Шутник, балагур мистер Литвинов — Вася распорядился, чтоб накрывали ужин.

— Тони, тебе надо высунуться, — шепнула Дженни.

Я пожал плечами и демонстративно ушел на балкон курить. Курил долго. Возвращаюсь. Стол в главной зале накрыт. И мистер Литвинов — Вася глядит на меня, как на невесту, которая хоть и кривонога, но за ней в приданое обещают огород, корову, козу и виноградник. Заколебался мужичок.

— Профессор, ваша девушка мне такое про вас насплетничала. Оказывается, вы известный во всем мире историк! Лишь по характеру бука. Родом из России? Верно, Доул мне говорил. Я бы с удовольствием побалакал на родной фене, но Ванюша не поймет, невежливо будет.

Я подумал, что если уж Дженни за меня вступилась, то надо самому что-то сделать, иначе она больше никогда никуда со мной не поедет.

— Если я правильно понял, это будет нечто вроде Луизианы?

— В Луизиане нет русской эмиграции, и такого фонда быть не может, — вмешался Доул. — Профессор, очевидно, имел в виду сравнение с парижским центром Помпиду.

Доул видел, что мои смотрины проваливаются с треском, и желал тоже мне как-то помочь.

— Доул, — сказал я как можно мягче, — я имел в виду не штат Луизиана, я имею в виду музей Луизиана под Копенгаге-

ном. Там постоянная экспозиция картин и скульптур, плюс это международный культурный центр, где проводятся конференции, симпозиумы.

Давно-давно, пожалуй, полтора века тому назад, я наблюдал, как разворачивается линейный парусный корабль, выставив навстречу неприятельской эскадре свой борт, ощетинившийся тремя палубами пушек. Подобный маневр совершал теперь мистер Литвинов.

— Да, вы правы. Луизиана. Частный музей, принадлежащий...

— Датскому миллионеру, интеллигентному старикану. Как его имя-то?

— Я тоже фамилии не помню... И вы там часто бывали, профессор?

— Однажды на одном семинаре.

Я назвал дату. Доулу эта дата ничего не говорила, он тогда (со служебной точки зрения) под стол пешком ходил. А вот мистер Литвинов — Вася, если я его правильно вычислил, должен был знать, какая публика и на каком уровне собралась тогда в Луизиане поглазеть на художественные экспонаты.

— Мне сказали, что вы в это время не ужинаете? — Голос у мистера Литвинова был поникшим.

— Почему, с удовольствием съем шампиньоны, запеченные в сметане.

Может, потому, что выпили вина, все как-то разом повеселели. Или мои сваты почувствовали, что жених вдруг круто изменил первоначальное мнение и решил просить руки и сердца деревенской дурнушки. Любви с первого взгляда не получилось, так, видимо, в приданом что-то прельстило — коза или виноградник. А я себе сказал, что не хрена корчить недотрогу. Или действительно мой потолок быть председателем фонда товарищей по несчастью, отставных бедолаг, которых Дженни выбросила на помойку (тогда сиди там и не чирикай), или пользуйся редкой возможностью — идея фонда перспективна, и не надо ограничиваться русским культурным и научным потенциалом. Вот, например, наше великое кино, французский кинематограф шестидесятих годов — американцы, затюканные своим ширпотребным Голливудом, небось понятия о нем не имеют. А я бы мог связаться с оставшимися в Париже мастодонтами — ностальгия по шестидесятым годам, по хорошо забытому старому приведет в Калифорнийский Интернациональный Культурный Центр (так я мысленно уже называл детище мистера Литвинова и К°, результат непорочного зачатия) зрителей и слушателей всех возрастов, от студентов до

пенсионеров. Да вот, конкретно. Цикл по Жерару Филипу, от «Фанфана-Тюльпана» до «Пармской обители», из Парижа пришлют ленты, затраты минимальные, а пожилые дамы Калифорнии разнесут зрительный зал. В общем, из меня поперли идеи, ведь я приготовился к разным вариантам, в том числе и к тому, что вариант окажется серьезным, и я видел, что мистер Литвинов (если он оставит себе финансы, администрацию и не будет вмешиваться в культурные программы, то мы сработаемся) теперь очень хочет меня послушать, да и Дженни будет интересно и неожиданно услышать вместо привычных вариаций на тему «Зачем ты меня покинула?» занимательные подробности про молодых тогда еще Монтана, Симону Синьоре, Азнавура, Марину Влади. И я открывал рот, но... тут возник Доул:

— Вася, угловую комнату на втором этаже отремонтировали?

— Вася, трубы в гараже поменяли?

Ну, господа, мы же не на диспуте, ритуал ужина, приходилось тыкать вилкой и затыкать себе рот грибом.

И чего это Доул так разошелся? Талдычит о конференции дантистов: «Контракт подписан? Дантисты сняли наш дом — (так и сказал: «наш дом») — для своей ежегодной конференции, а это большие деньги!» Какой ремонт, какие трубы? При чем тут дантисты, когда мы обсуждаем проект культурного фонда? Или — я похолодел — наши ребятишки с ума спятили?

— Подождите, господа, — я отложил вилку, — уж не намерены ли вы купить эту усадьбу?

— Я ее купил три года назад, — потупил глаза проказник Вася. — Очень выгодное было дельце. Как раз после землетрясения. Цены на недвижимость резко упали, хозяин умер, дом обветшал, с наследников требовали огромный налог, и они предпочли живые деньги. Пришлось вложить много в ремонт, зато сегодня мы с вами, ужиная здесь, буквально, можно сказать, сидим на миллионах.

Класс, подумал я, нынешние умеют работать.

Я имел в виду не дом — неторопливость ответа. Луизианой я застал Литвинова врасплох, а сейчас сам прошляпил шарил подозрительной трубой по горизонту, а эскадра появилась с тыла. И я козырял прошлым, а Литвинов — настоящим. Есть некоторая разница. Надо бы по справедливости, хоть в шуточной форме, сделать ему реверанс.

Но вмешалась Дженни. Весь вечер (во всяком случае, в моем присутствии) она помалкивала, и ее молчание придавало значительности нашим разговорам. Скажем так: она демонстриро-

вала умение молчать. И вдруг ехидным, резким, таким знакомым мне тоном она спросила:

— Вася, ты с детства такой гениальный? Мне легко подсчитать, на скольких миллионах ты сидишь. Я финансистка, финансы — моя профессия. А кто тебя этому выучил?

— А чем я занимался в Бразилии? — обиделся мистер Литвинов. — Это американцы — дураки, — он кивнул на Доула, — полагали, что я по шпионской части. Я в Бразилии шесть лет скупал земельные участки. Приобрел опыт.

Мы засиделись (на миллионах?) у гостеприимного хозяина. Я даже еще чего-то пожевал и промочил горло вином. Прощаясь, Литвинов перешел со мной на русский:

— Профессор, спасибо, очень рад, лучшей кандидатуры, чем вы, не вижу, да, не откладываете, прямо завтра факсаните мне свою курицу, а детали мы обсудим в рабочем порядке.

Английская драндулетина с комфортом доставила нас к гостинице Доула (вызвав легкую панику у портье), и шофер был готов везти меня дальше до дома, мол, так шеф приказал, однако Дженни с ледяной вежливостью возразила, что с профессором она до сих пор как-то сама разбиралась, без чьих-то приказов.

И вот ночными пустынными улицами мы несемся на «пантиаке» к моей хате, моя любимая девочка сама вызвалась (я честно проскулил: «Дженни, тебе надо домой. Поздно». В ответ получил: «Слишком поздно». Понимай, как знаешь), и я чувствую, что ей нужно сейчас мое общество, наконец-то со мной захотели побыть. Но я знаю, кожей ощущаю, что если позволю себе какой-то двусмысленный жест (положить руку ей на колено), то она взорвется с яростью осколочной гранаты. Да, я ей нужен. Как аудитория. Как сведущий человек. Чтобы высказаться. Впрочем, закладывая виражи, она проглатывает половину фраз, и до меня доносятся их охвостья:

— В Москве я организовала подпольный пошивочный цех, давала на лапу участковому, тряслась, что настучат в ОБХСС... Перестройка, но в любой момент могли повернуть к старому... Для нас Перестройка была неожиданностью, а им заранее все было известно, они ничего не боялись... Считала себя удачливой бизнесменшей. Тони, как тебе нравится бизнесменша женского рода? «Факсаните свою курицу». Я не сразу догадалась, что курица — это жаргон от curriculum vitae, то бишь резюме... А ты откуда знал? Инга сказала? Просвещает. Да, что тут мы все делаем с великим и могучим! Как я гордилась когда заработала первые свои сто тысяч деревянных! А тут, лежа на печи, миллионы зеленых... Скупать землю — самый выгодный и надежный

бизнес. Надо только знать где и иметь свободные деньги в сейфе. Купил и жди. Жди, пока стоимость вырастет в двадцать раз. Ждать, правда, трудновато. Так не свои же они вкладывали, над ними не капало!.. В каком он чине? Тони, тебя спрашиваю, в каком чине Литвинов?

Я объяснил, что в этих ведомствах высокие чины редкость. Традиционно полагают, что ведомственные погоны капитана равны погонам армейского майора. Но если ведомство в силе, как во времена Сталина, Гитлера или Франко, то капитан может оказаться повыше подполковника. Думаю, у Литвинова погоны полковника.

И еще я подумал... но благоразумно промолчал в тряпочку. Церемонно чмокнул подставленную мне щеку. Посмотрел, как задние огни «понтака» прочертили во дворе красный полукруг.

Какая сука меня будит? Все-таки все люди, с которыми я общался в Лос-Анджелесе, знали некоторые странности моего распорядка и без особой нужды рано не звонили.

Женский молодой-деловой-американский голос (американский характерен тем, что уже в девять утра лопается от переизбытка бодрости и энергии) просил проспеленговать мою фамилию, имя, указать дату и место рождения, научную степень. Сенкью, мистер Сан-Джайст, мы оформляем на утверждение список директоров нашего фонда, мистер Литвинов просил напомнить, что ждет по факсу ваш *curriculum vitae*. Диктую номер факса. Записали? Бай!

Какое бай-бай, чертова кукла! Тем не менее я ворочаюсь еще в постели, а мистер Литвинов, хоть был вечером весьма тепленьким, развел спозаранку бурную деятельность! Я пошел в душ, обрушил на голову, чередуя, потоки горячей и холодной воды, привел башку в рабочее состояние, и правильно сделал, ибо вскоре (но уже в пристойный час) позвонил Доул и обрушил на меня потоки своего красноречия:

— Как тебе это нравится? Литвинов был кадровым разведчиком, а забывает элементарные вещи! — (Мысленно я отметил прошедшее время глагола.) — Я ему десять раз про тебя рассказывал, а он все перепутал и поначалу принял тебя за другого человека. Вот ротозей! Правда, у него столько забот, что поневоле голова пойдет кругом. Его сводят с Биллом Гейтсом, он может в любой момент улететь в Сизтл. — (Мысленно я спросил: «Кто сводит, уж не вы ли, друзья?») — Представляешь себе, если Билл Гейтс отключит в фонд из тощего кошелька своей

корпорации? Да, скажи спасибо Дженни, прекрасная была идея взять ее на встречу, не знаю, какие между вами отношения, но она так тебя подала! Моя жена максимум вымолвит про меня хорошего, дескать, умеет бросить бифштекс на сковородку и сам заправляет стиральную машину. Если бы ты слышал, что говорила Дженни! «Сан-Джайст самый честный человек на свете, и скромность его поведения обратно пропорциональна его талантам... Последний из могокан того поколения людей, для которых делать себе рекламу считалось дурным тоном». Думаю, теперь все будет в порядке, надо лишь ждать, утверждение благотворительных фондов всегда занимает массу времени, инстанции придираются, ищут — не осталось ли лазеек для личного обогащения устроителей. Рутину.

...И много еще чего нелестного про бюрократию.

— Доул, я задаю вопрос. Мысленно. И сам на него отвечаю. Вслух. Вы, если я правильно понял, ни ухом, ни рылом к фонду Литвинова касательства не имеете, проталкивать его через бюрократические рога не собираетесь...

— Боже упаси! — воскликнул Доул. — Я хотел тебе сказать, но ты и сам усек! Вчера мы совершенно случайно завернули на огонек к Литвинову. Вася пригласил в гости Дженни, а мы составили ей компанию. В нашем городе страшновато по вечерам отпускать молодую женщину одну.

Доул отчалил. Я пил чай и смотрел на телефон. Если он с утра проявил такую активность, чего же ждать дальше? Не Доул, телефон. С Доулом ясно, он поспешил отметить, ибо жизнь внесла коррективы. Жизнь умнее запланированных легенд. Правда, не ясно, почему он старается слегка смазать картину. Как будто он мне показывает свежие фотографии вчерашнего вечера, а я вижу, что их уже успели подретушировать. Тема для размышлений. Билл Гейтс? Для понта, для вдохновения. Нет ни одного благотворительного фонда в мире, который бы не протягивал скрюченные пальчики к Сиэтлу. Впрочем, по тому, как Доул отбрыкивается от фонда, замечает свои следы, ясно, что Литвинову не только не препятствуют, но и помогают раскручиваться! И тогда... Тема для размышлений.

И я размышлял. Почему Дженни избегает свидания со мной, шарается, как от облезлой обезьяны, и за глаза поет мне дифирамбы? Деловые переговоры? Ее-то за язык никто не тянул. И если она до сих пор обо мне такого мнения...

Я косился на телефон. Трубка, как котенок, поджала хвостик, выгнула спинку и всем своим видом показывала, что намерена дрыхнуть до вечера.

Я потопал в университет.

— Где тебя черти носят? Я звонила целый день.

Доложил начальству, где именно. Как будто это ее интересовало.

— Факсанул курицу?

— А процесс приготовления? Потрошу, нашпиговываю, жарю.

— Прочти.

Прочел. Забраковала.

— Что значит «читал лекции»? Забрел случайно в аудиторию? Пиши: преподавал в Стенфорде, Гарварде. И сейчас ты преподаешь, а не читаешь лекции. Кого интересует твой официальный статус? Ты пишешь *curriculum vitae*, а не прошение на велфер. Ты член или не член? Не смейся. Я-то проверяла. Какая разница между почетным членом и действительным членом, кто это понимает? Пиши: член Академии, доктор наук... Тони, сейчас так принято, все пишут о себе «я самый великий, выдающийся, уникальный». Читает эти бумаги не начальство, а их секретарши. Если секретарша, знакомясь с твоим послужным списком, не будет писать от восторга, она просто не положит его в папку для доклада.

И так как голос был дружественный, я еще помнил ее слова — в передаче Доула, и даже если бы она взорвалась гранатой, то из-за дальности расстояния осколки меня бы не изувечили, я спросил то, о чем благоразумно промолчал вчера при расставании:

— Дженни, конечно, тут много волокиты, формальностей, однако похоже, что как раз к концу весеннего семестра фонд станет реальностью. И тогда моя зарплата будет чуть больше твоей. Смогу оплачивать все счета. И машину Литвинов будет присылать. Предложение переехать на Диккенс-стрит остается в силе?

— Кто это тебе предлагал?

— Вспомни наш разговор в кафе.

— Я предлагала???

— Я бы не стал придумывать.

— Ну бабы! — восхитилась Дженни. — Действительно, язык без костей. Намелют такую чепуховину!

— Факсанул курицу?

— Инга факсанула.

— Почему Инга?

— Потому что утром вел семинар, в университете факс, а Инга умеет это делать.

— Она умеет это делать! А кто не умеет?

— Я не умею. Для меня ваши факсы, телексы, компьютеры как китайская грамота.

— Мир семимильными шагами движется к прогрессу, ты с такой же скоростью пятишься назад. Ты обиделся на мир из-за меня или это твоя принципиальная позиция?

— Надо ответить что-нибудь умное?

— У меня маникюрша через сорок минут. Это где-то в твоём районе. Погудеть тебе снизу?

Гениально придумано. Бесплатное кино. Маникюрша держит Дженни за руку, как клещами, я устроился рядом с маникюршей и смотрю на свою красотку не отрываясь. И не надо искать умные слова, они развлекают друг друга бабьей болтовней. Было заметно, что Дженни устала на работе. Она зевала, закрывала глаза, иногда морщилась от боли — маникюрша слишком усердствовала ножичком. А мне — полчаса кайфа. Ну а потом вопрос для приличия: нужно ли подвезти, или отправлюсь на свою прогулку? Из машины не оборачиваясь махнула рукой, зная, что гляжу ей вслед. И я зашагал к дому, несколько окрыленный, ведь Дженни дала мне знак, что снимает блокаду, что мы будем видеться хотя бы так. Молодец, девочка, поняла, что мне это необходимо, или, как она любит повторять: «То, что доктор прописал».

Но снятие блокады совпало с чертовыми предрождественской, рождественской неделями (Господи, прости мое богохульство!) и новогодними праздниками. Занятия в университете кончались, мои знакомые бегали, как черти, по магазинам, закупали рождественские и новогодние подарки, а потом разъехались к родственникам. Будь я директором Калифорнийского Интернационального Культурного Центра, я бы слетал к моим котяткам в Париж, пришел бы нежданно-негаданно, как Дед Мороз, обвешанный праздничными пакетами. Однако фонд мистера Литвинова был пока еще вилами на воде писан (чертовыми вилами — это подозрение меня не покидало), цены на авиабилеты прыгнули в поднебесье, и вообще подразумевалось, что папа складывает по одной зеленые бумажки, экономит на минеральной воде, а вот в мае кое-что привезет, очень будет кстати.

То есть у меня появилась масса свободного (чертова!) времени.

У Дженни тоже со временем стало полегче, и родные далеко — в Израиле, но существовал темно-зеленый костюм и еще

кто-то, неопознанный, там происходили какие-то наступательные или арьергардные бои, поэтому ее планы менялись. То она спешит в Сан-Диего, естественно, к дорогим тете Кларе и дяде Сэму, провести там неделю. О'кей! Возвращается через два дня. Почему? У тети Клары приступ печени, у дяди Сэма расстройство желудка. Возьми меня с собой к Инге. Мы договариваемся на субботу. Звонок: «Ой, забыла, у Эли детский праздник, я тебе позвоню». Я понимал, что ей сложно и хлопотно скоординировать детские праздники, приступы печени, расстройства желудка и не перепутать, что у кого, но меня она сбила с толку, моя круговая оборона, крепостная стена из фанеры, возведенная с таким трудом, — рухнула.

И пошло и поехало! Весь джентльменский набор, сервис по первому классу. Часовые сидения у телефона в полной прострации. Вздрагивания от каждого звонка (опять не она!). Время остановилось, к минутной стрелке подвесили пудовые гири. Я сообщал ей на респондер, что, допустим, иду к Гансу, диктовал его номер телефона, добавляя, что буду счастлив, если она появится, но не рассчитываю на такую честь. И там, у Ганса, невольно подскакивал при каждом звонке и не отводил глаз от двери: вдруг? Однажды увидел во дворе темно-синий «понт-ак» с ее номерами. Мгновенная дикая радость, сменившаяся тревогой — что-то не то. Действительно, лишь три последние цифры совпадали.

Вечером, когда встречная машина с зажженными фарами тормозила, то сердце замирало. Конечно она! Ведь она знает мою привычку гулять на ночь глядя, и знает мои маршруты.

Чертовы праздники! Новогоднюю ночь она провела в Сан-Диего... У кого были сомнения, что так и будет? Пропускаю свои комментарии о драгоценном здоровье тети Клары и дяди Сэма.

Ну, один вечер можешь мне посвятить, чтоб вместе, хотя бы символично, отметить Новый год? Любой вечер, на твой выбор. Приглашаю в любой ресторан по твоему вкусу. (И гори синим пламенем экономия моего бюджета.)

Пожалуйста, герр профессор, это мы с удовольствием.

Приехала. И впервые поднялась в студию. Держа за руку Элю. Эля — лапочка, рассматривала мою «каюту без компании» с любопытством, Дженни — поджав губы.

Во всем огромном Лос-Анджелесе имелся лишь один ресторан, где готовили любимые Элей блинчики. Но после праздничных безумств или народ притомился, или продукты иссякли. Мы оказались единственными посетителями. Любимых Элей блинчиков не было. Официант предложил нечто взамен, Эля —

лапочка, согласилась, храбро попробовала и... отодвинула тарелку. Потом она бродила между столов и стульев, включила музыкальный автомат, автомат заиграл какую-то белиберду... Эля начала капризничать и хныкать. И я сказал:

— Девочка устала. Ее пора везти домой и укладывать спать. И впрямь, с какой стати мучить ребенка?

Дженни наблюдала, как я расплачивался, и с укором заметила:

— Столько денег потратил без толку!

Вернувшись в «каюту без компании», я вытащил из конверта, который Дженни мне передала, с десяток фотографий того периода и долго их перебирал. Наверно, она выгребла из ящика все ненужное, освобождая место для более актуального. Фотографии, сделанные полароидом (американцам всегда некогда, жаждут результат получить сразу), то есть отвратительного качества, но и на них Дженни — ослепительная баба, а я хоть и выгляжу страшилой, но морда такая счастливо-самоуверенная...

Возобновились университетские занятия, что сильно облегчило мне жизнь. Однако вечерами сервис по первому классу продолжался: прострация у телефона, вздрагивание от каждого звонка, от скрипа тормозов во время моей прогулки. Разумеется, можно было отсиживаться в гостях, прятаться. Не хотелось. Апатия? Или соображения вот такого рода:

В азарте обмена ударами я готов был застрелиться. (Поправка. Обмена ударами не было. Начиная с аэропорта, Дженни тебе чистила репу, а ты лишь жалобно мычал. Выстрел был бы единственным твоим ответным ударом. О'кей, леди и джентльмены, поправка принята.) После визита к мистеру Литвинову я понял, что Дженни относится ко мне не так уж плохо (в том смысле, что бывает хуже), и моя игрушка мирно дремала на дне чемодана. Азарт прошел. И вообще, леди и джентльмены, честно говоря, человек в возрасте и с опытом знает, как излечиться (простите за термин) от любви к женщине. Самый быстрый способ — другая баба. Не мой вариант. Хорошо, существуют другие. Например, тренировка воображения. Если бы молодой Вертер целеустремленно и методично представлял себе какие-то — скажем так, пуритански-гигиенические процессы, он бы не продырявил свою башку, а благополучно дотянул до чина тайного советника (подозреваю, что у прародителя молодого Вертера, самого герра Гете, воображение было отлично развито). Короче, избавиться от любви к женщине довольно легко. Сохранить любовь к женщине — вот что трудно.

Как старый кавалерист скажу: лошади красивы и грациозны во всех своих движениях, индивидуально и поэскадронно. Постройте женщин повзводно. Какое унылое будет зрелище. Группой женщины красивы только в кордебалете. Но туда такой отбор и там их так дрессируют! Женщины красивы лишь штучно, индивидуально, особенно в момент, когда решают идти (или не идти) с вами спать. А если у вас прошло эротическое желание? Золотой ореол женщины меркнет. Вы всегда с удовольствием сядете на лошадь, которую хоть раз оседлали. Со всем не очевидно, что вы с удовольствием вернетесь к женщине, с которой переспали. А если вернетесь, то причиной тому может быть не совпадение сексуального партнерства (термин Дженни) — нет, более прозаически: вкусный ужин, приятная беседа (или отсутствие слов — это скорее всего) или просто делать вам было нечего и никаких других вариантов вы не нашли. Анализируйте, сравнивайте физиологические, эстетические, моральные, психологические, ветеринарные факторы — вы ни к чему не придете, ничего не поймете, совсем запутаетесь. Тот случай, где сам черт ногу сломит.

И вдруг что-то щелкает в небесах, и вы влюблены. Отныне курносое личико, косые глаза, родинка на губах для вас образец совершенства. Все красотки мира в подметки не годятся вашей избраннице. Наступило чудо, о котором вот уже две тысячи (пять тысяч?) лет пишут писатели и поэты. Написали много. Со знанием предмета. Иногда в отчаянии спрашиваю: может, было бы лучше все это спокойно перечитывать, а не крутиться самому, как ужаленному, в эпицентре событий?

Вопрос теоретический. А практически я знаю, что надо как можно дольше сохранить это дивное состояние, ибо оно недолговечно. Только бы выдержать, не сдохнуть в круговороте.

В своей не самой короткой жизни мне всего три раза выпал небесный подарок. Я любил трех женщин: Жозефину, Дису, Дженни. Первая и последняя любовь из категории несчастных. Дису я любил по-королевски, то есть — хамски. Никаких страданий молодого Вертера, сплошные удовольствия. И понял, что люблю по-настоящему, когда увидел ее на ступеньках церкви в Тронхейме с младенцем на руках (моей дочерью?). Понимаешь, когда теряешь. Если бы Диса знала, сколько я про нее думал в рыбацком домике на берегу фиорда! Да, она считала себя обиженной, униженной, недооцененной. Зимой на берегу норвежского фиорда, заочно, сама того не ведая, она взяла реванш. Какое бы для Дисы было счастье, если бы в Стокгольме, а не после, я ее любил так же жертвенно, самозабвенно, мученически, как Жозефину и Дженни.

Счастье? Ставим знак вопроса. Ведь она говорила: «Я бы вас любила, король», а не «я бы вас любила, Карлуша». Может, счастье ей принесла (если принесла) именно королевская любовь, а не влюбленность скромного капитана Готара или пожилого профессора Сан-Джайста? И окажись она с графом Карлом Валленбергом в рыбацком домике, в полном уединении, в разгар полярной ночи, не взывала бы она с тоски через пару недель? Она же скучала даже в Тронхейме, да, провинциальной дыре, тем не менее — столице.

Его Величество Карл Четырнадцатый собрал за своим «шведским столом», выражаясь современным языком, первую женскую сборную Швеции и Норвегии. Каждая красotka сама по себе была сокровищем, каждой можно было посвятить жизнь. Ну подарки, повышение их мужей в чине, имели место, однако это принималось как правило игры, не больше. Участницы «сборной» охотно, с радостью прислуживали за «шведским столом», интригуя, рвались к этому столу, отпихивая соперниц локтями. И Король это понимал и забавлялся с дамами, не задавая себе дурацких вопросов.

Королевская любовь. Этим все сказано.

В рыбацком домике на берегу фиорда граф Карл Валленберг подкладывал в печку дрова, часами глядел на огонь, сожалел (конечно, сожалел, признаемся честно) о потерянной короне, мучился сомнениями, пытаясь предугадать свою дальнейшую судьбу, но благодарил Бога за то, что ему была дарована любовь к Дисе, ибо это чувство одно заменяло (скажем точнее — компенсировало) утраченные почести и богатства.

Не заменяло. Не компенсировало. Все сложнее.

Десять лет в казарме казались капитану Готару самыми черными годами его жизни. Карл Валленберг вспоминал этот период как светлый и чистый, наполненный смыслом, то есть любовью к Жозефине. Жена прославленного генерала, супруга Первого консула, наконец, Императрица была абсолютно недоступна, но никто не мог запретить капитану Готару мечтать, и там тоже был джентльменский набор, полный сервис, только реквизит другой — ожидание не звонка, а письма, и сердце замирало, когда подъезжавшая сзади карета замедляла ход. Лишь выдуманная, нереальная романтическая любовь могла заменить, компенсировать утрату, гибель революционных идеалов. И почему-то капитан Готар был убежден, что обязательно встретит Жозефину, и она сделает его, скажем, начальником ее императорского эскорта (заходить далее воображение не осмеливалось), и он будет видеть ее ежедневно — предел мечтаний! Вру. Не предел. В этом случае фантазия перехлестывала все допус-

тимые рамки... Предчувствия сбылись. Императрица его *увидела!* Чего никак не мог предполагать капитан Готар — что женщина, перед которой в своих розовых снах он падал ниц, публично, на глазах полкового начальства, залепит ему пощечину, и он, Готар, утрется, ибо в его положении от погон полковника не отказываются.

На этом любовь Готара к Жозефине кончилась. Резюме: она его благодетельствовала, он ее разлюбил. Мораль?

В рыбацком домике на берегу фиорда Карл Валленберг понимал, что совершил благородный, прекрасный поступок, добровольно отказавшись от короны в пользу человека, который ее по праву заслужил. И гордился своим поступком. Но поступок — это жест, мгновение, а полярная ночь над фиордами бесконечна, и не так просто привыкнуть к своей новой роли (роли, кстати сказать, пока неопределенной), не просто после королевских покоев, привыкать к деревянным деревенским кроватям, ко всему, что с этим связано. И только иррациональная любовь к Дисе, уводила его от реальной действительности, помогала подняться над нею (над действительностью, не над Дисой), воспарить, уйти в философию, в медитацию, занятия Высокими Материями, с высоты которых земные богатства и почести — суета сует.

И изредка наезжая в Тронхейм за пенсионом, граф Карл Валленберг старательно избегал тех улиц, где мог увидеть Дису, ибо абстрактная любовь не должна была сталкиваться с реальной, и несправедливо было лишать Дису иллюзий, навеянных королевской любовью. Нельзя было мешать Дисе жить. Что не мешало самому графу пользоваться услугами фрекен Эльзы, а потом, в Амстердаме, услугами этой, как ее? — с пухлыми губами, румянами на щеках, еще она предпочитала длинные шелковые платья. Увы, я забываю имена.

Есть ли тут противоречия? Граф Карл Валленберг, имея за плечами биографию маршала Бернадота и кое-какие собственные подвиги, резонно полагал, что быть ангелом во плоти — не его амплу. Однако в темноте полярной ночи он прозрел, понял, осознал, что любовь к женщине (просьба не путать с плотскими утехами!) — это выход, скажем так, в четвертое измерение, где все существует иначе, чем в привычном для людей трехмерном пространстве.

В скобках замечу: мне не дано знать, в каких измерениях — пятом? шестом? — я путешествовал в перерывах между очередными жизнями. Ведь меня не спрашивали. Били чем-то тяжелым по затылку и отправляли в беспмятстве к новому месту назначения.

...Значит, вот какого рода соображения. И соображая в таком роде (мужском? женском? пожалуй, в среднем), хвастаясь перед собой богатством и оригинальностью своих размышлений (оригинальностью особенно: четвертое измерение! красиво?), я не спешил делиться ими (за неимением богатства — хотя бы мыслями) с Дженни. Сразу представлял себе, как у нее суживаются глаза и свистяще-ледяным шепотом она начинает:

— Ах, мне делают снисхождение? Для тебя вылечиться — раз плюнуть? Давай посмотрим, попробуй! А женщина для тебя не личность — объект желаний, и то предпочтительно без гигиенических подробностей? Нечто вроде резиновой куклы? Герр профессор, откуда у вас такое скотство, дремучее мужланство? Почему мужики уверены, что их жалкие причиндалы, которые функционируют от силы раз в неделю, должны привлекать...

Ой, не надо. Кажется, она меня выдрессировала и замордовала так, что я ее боюсь.

Когда я не занудствую, то есть не бормочу о своих высоких чувствах, наши пересечения происходят вполне приятно. Если происходят. Ибо когда она говорит «позвоню», это не значит, что она позвонит, когда говорит «заеду», это не значит, что она заедет — это лишь свидетельствует, что она искренне хотела так сделать, но потом возникли непредвиденные обстоятельства. Вообще она очень обязательная девочка во всем, что касается деловых отношений. У нас с ней — просто отношения. Точнее, она ко мне хорошо относится, значит, извини, не смогла, в следующий раз. Недоволен? Пиши жалобу в ООН.

И вот чудо произошло, мы пересеклись в кафе, она, раскрасневшаяся, оживленная, совсем не агрессивная, увлеченно что-то рассказывает. Какого хрена тебе еще нужно?

...— Кто-то заходит ко мне в кабинет. Я не оборачиваюсь, смотрю на экран компьютера. Представляется: новый доктор. Я поднимаю глаза и балдею. Красавец, веселый, молодой, энергичный, обаятельная улыбка — мой стиль. В одну секунду я влюбилась в него и от неожиданности не могла ничего скрыть. Думаю, он это понял. Он ушел, а у меня пальцы дрожат, не на те клавиши попадаю. Сижу, волнуясь, как пионерка, переживаю. Классическая любовь с первого взгляда! Потом звоню Манчестеру, осторожно навожу справки. Обычно всех докторов в наш госпиталь принимают по рекомендации Вилли Манчестера. Ну, знаток детективов, угадываешь развязку? Конечно, доктор оказался «голубым». Такая вот история случилась со мной сегодня.

Она смотрит на меня (точнее — в мою сторону) вся еще в своих мыслях и напевает мелодию без слов. Я не знаю этой песни, но когда-то, перебивая посуду или приготавливая ужин герру профессору, она мурлыкала себе под нос и слова песни. Я запомнил одну строчку: «Гуд бай, мой мальчик! Гуд бай, мой милый, ведь, как всегда, девчонка виновата...»

Мальчик. Молодой доктор. Красивый, веселый, энергичный. С курчавой копной темных волос и белозубой улыбкой. Бегаёт десять километров каждое утро. Играет в теннис, очень сильная подача. На пляже выпрыгивает над волейбольной сеткой и забивает «кол». С дикой скоростью, выписывая элегантные пируэты, мчится на горных лыжах. Без усталости танцует в дискотеке. Всю ночь занимается любовью. На улице, вызывая зависть у одиноких дам, может взять на руки и посадить к себе на плечи. Водит спортивный «мерседес». Поднимается на четвертый этаж по лестнице, перешагивая через две ступеньки. И ни секунды не задумывается над тем, что:

- а) подскочит давление;
- б) начнется сердцебиение;
- в) забыл принять лекарство;
- г) заболит живот, голова;
- д) неловкое движение — и занеет плечо, рука, нога.

(Занеет душа. За что меня приговорили к старости? Мы так не договаривались!)

«Гуд бай, мой мальчик. Гуд бай, мой милый». Мальчик. Истинное богатство, настоящее счастье для девчонки. Ни в чем и никогда девчонка не виновата. Перепутали что-то наверху, неправильно развели стрелки, поезда разошлись во времени. Вместо молодого доктора — красивого, веселого, энергичного — подсунули пожилую полуразвалину, полуподружку, которая (который? которое?) сидит напротив за столиком и сочувственно вздыхает:

— Да, моя девчонка, действительно не повезло. Однако я в тебя верю. Закадришь не этого, так другого. На твой век мальчиков хватит.

Что ж, сам согласился на роль подружки. Причем долго этого добивался. В таком случае — получай. И соответствуй.

Бедный, бедный! Я имею в виду темно-зеленый костюм. В воскресенье (почему отпало Сан-Диего?) меня пригласили (куда запропастились дорогие дядя Сэм и тетя Клара?) сопровождать святое семейство на самую фешенебельную торговую улицу Беверли-Хиллз. Повод: хозяин, адмирал Якимото, сделал в магази-

не оптики оптовые закупки и получил бон на сто долларов, который презентовал Дженни, а Дженни решила эту дармовую сумму немедленно реализовать. В результате она истратила шестьсот долларов, из них триста на солнечные мужские очки (300 долларов за пластмассовую хреновину со стеклами без диоптрий? Грабеж среди бела дня!), но ведь Дженни получает удовольствие от процесса. Правда, из уважения к моим сединам меня не заставляли торчать все это время в магазине, а отпустили с Элей в кафе, где мы нашли детский уголок. Значит, пока Дженни получала удовольствие у прилавка, а Эля получала удовольствие, раскачиваясь на хрюшках, зверюшках, самолетах и пожарных автомобилях (Квотер за штуку. Монашеский аскетизм по сравнению с мамашей-кутилой), я получал удовольствие от иллюзии, что все, хоть на пару часов, как прежде. И потом мы все вместе прошвырнулись взад-вперед по тротуарам. Так вот, я заметил, что на этой знаменитой Большой Грабиловке, где публика глядит только на витрины, отдельные представители мужского пола оборачивались вслед Дженни. Чтоб в Городе Ангелов кто-то обращал внимание на женщину? И я ощущал, что от нее исходят флюиды уверенности, силы, она чувствует себя в состоянии закадрить, охмурить и поломать любого мужика, и мужской пол невольно реагировал на такой феномен.

Солнечные очки предназначены не темно-зеленому костюму. Я немножечко знаю мою девочку, подарки она покупает в присутствии объекта. В данном случае это наживка для более крупной рыбыны.

Впервые я понял, что Дженни разительно изменилась, на университетском вечере. При скоплении народа это было особенно заметно. Совсем не та домашняя девочка, заботливая жена, к которой я привык. Правда, и тогда наблюдались некоторые взбрыкивания, что казалось вполне естественным в ее возрасте. Да она мне честно рассказала про свои «качели». Как она назвала период нашей совместной жизни — стояние со свечкой в церкви, раздача милостыни нищим? Хлесткие сравнения, в том смысле, что попутно и меня отхлестали. Не помню, как она охарактеризовала свой теперешний период — пляски на столе? Неправильно. Она себя не видит со стороны, а я ее вижу. Я бы сказал так: пантера вышла на охоту, мягко пружинит лапами, но горе тому, кто в эти лапы попадает — переломит хребет. Я-то давно лежу трупом в кустах. Она пробежит мимо, на секунду остановится, понюхает и — отвернется. Неаппетитно, тухлятиной несет. Ей сейчас интересно рвать когтями и потрошить темно-зеленый костюм — свежая, молодая кровь.

И кто-то еще на очереди.

В этом городе меня, безусловно, любит один человек. И как водится у занятых людей, любовь проявляется вечером. Когда вечером я захожу к Инге буквально на десять минут спросить, уточнить какую-нибудь канцелярскую скукотишу, глаза Ларри радостно вспыхивают.

— Инга, профессорское время. Накрывай на стол.

— Ребята, я же на десять минут, не надо...

— Инга, не слушай. Профессорское время.

И в глазах — такая мольба, столько эмоций! Отказаться — значит наплевать человеку в душу...

Накрывать на стол означает вытаскивать из заначки бутылки, а на закуску — что Бог пошлет (что Инга наскребет в холодильнике). Подозреваю, у Инги есть основания припрятывать бутылки, а не держать их в баре, как в лучших домах Филадельфии. Впрочем, может, Инга идет в ногу с модой, то есть блюдет режим, когда нет особых поводов. Но тут повод такой роскошный, привычки французского профессора в этой американской семье очень уважают, а Инге хватает такта не следить за тем, сколько Ларри себе наливает, иначе получится дискриминация.

— Как мудро ты придумал: оттягиваться на ночь глядя за стаканчиком! — блаженствует Ларри. — Что я буду делать, когда ты уедешь?

Изменить порядок слов — и будет копия моей канючки перед Дженни. Неразделенная любовь.

Сочувственно кивая головой (в отличие от других людей, которые кивают задницей): да, действительно, уеду. Про предложение от фонда мистера Литвинова я ребят не информировал. И не почему-нибудь, а из чистого суеверия.

Возвращаюсь в свою каюту тепленьким. Автоответчик подмигивает красным огоньком. Я бы, конечно, сразу прокрутил кассету, если бы сегодня уже не говорил с Дженни.

Дважды в день она со мной не разговаривает, мол, нечего баловать. Остальные подождут до утра. Я подтруниваю над Ларри, а с кем еще так посидишь, без напряга? Чувствую, что засну мгновенно. И все-таки кому я так поздно понадобился? От кого мессидж? Ганс? К черту! Молли? Ха-ха! Впрочем, туда же. Билл Гейтс? Баюшки-баю. Доул? На него похоже. Нажимаю на кнопку. Слышу женский голос, который в первый момент не узнаю: «Антон, позвони в Париж по телефону...» Дает номер. Отбой.

Это Н. К., это ее манера. Бывало, она дозванивалась мне в деканат: «Антон, нам нужны деньги». И вешала трубку. «Антон, приезжай на бульвар Сульт. купишь нам продукты. Мы

больны». И вешала трубку. И никогда ни «здравствуй», ни «до свидания». Но с чего бы ей звонить в Америку? Номер мне абсолютно не знаком.

И вдруг я холодею от ужаса. Меня трясет. Тихо подвывая, набираю номер. Занят. Набираю еще. Занят, проклятый. Ага, что-то соображаю, звоню дочери домой. Длинные унылые гудки. Длинные унылые гудки. Набираю проклятый номер. Занят. Набираю номер. Занят. Закуриваю. Может, конечно, врачи правы, курить вредно, но я бы сейчас сдох без сигареты. Набираю номер.

— Папочка? Где я? В госпитале. У меня персональный телефон в палате. Ну, можешь меня поздравить. Три восемьсот. Зовут Александром. Хочешь с ним поговорить? Шурик, поговори с дедом. Папа, он спит. Наелся и спит. Дома никто не отвечает, потому что все едут ко мне в госпиталь. Тебе лететь в Париж? Папа, я замужняя дама. Все, что надо, делается и даже больше. Официальную свадьбу мы сыграем осенью. К осени ты приедешь?

Знаю прекрасно, что утром у нее самая запарка, что ее могут вообще не позвать к телефону — митинг, клиент, уехала на рандеву — или она будет говорить сквозь зубы, выискивая в компьютере недостающие, как всегда, полмиллиона.

Но как удержаться? Собираюсь с духом, звоню.

Некоторое удивление:

— Ты?

Сообщаю новость.

— Ой!

Волшебный голос. Требуется доложить подробно и обстоятельно. Что ни скажу, все время смеется (снег, звенит колокольчик, серебряный счастливый смех Дисы! Если бы я знал, что со мной будут так разговаривать, сам бы рожал каждый день...). Рассказываю, какой ужас я пережил. Почему она (то есть Н. К.) так сделала? Видимо, хотела мне преподнести сюрприз. Ты обрадовался? Ревел в трубку, как бурый медведь. Правда, сначала сгоряча чуть было не сорвался, не заорал: «Твою мать, извини, надо повесить на березовом суку!» Надеюсь, прикусил язык? Странно, что иногда у тебя хватает ума. Жалеешь, что не в Париже?

— Откровенно говоря, чувствую себя дезертиром с трудового фронта.

— Уж кто-кто, а твоя дочь не может пожаловаться на отсутствии внимания с твоей стороны.

...Позже я подумал, что если меня еще к кому-то ревнуют, то только к моему ребенку.

«Странно, что тебе иногда хватает ума». Значит, в остальных случаях я произвожу впечатление умалишенного? Таким она меня видит? М-да, себе я кажусь мудрым, как змий. Мне кажется, что я научился с ней разговаривать, и точно знаю, какие темы нельзя затрагивать. Например, нельзя вспоминать свои успехи у женщин даже стопятидесятилетней давности. Мимикой лица мне дают понять, как тоскливо и противно про это слушать. Восхищаясь ее теперешней силой и уверенностью в себе, нельзя даже теоретически предположить, что в этом есть и какая-то моя заслуга, что моя любовь сделала ее такой. Она стервенеет прямо на глазах.

Опять не хватило ума. Невинная фраза по телефону: «У меня к тебе серьезный разговор» — ее, Дженни, насторожила, и она, Дженни, исчезла с горизонта. Ширпотребовский набор: митинги, randevu, встречи с клиентом, лаборатория, уик-энд в Сан-Диего, конференции... Как будто ни одна конференция в Городе Ангелов не может состояться без ее участия.

Что ж, пришлось затаиться, и когда она несколько ослабила бдительность, выклянчил свиданку в баре.

Опоздала на час двадцать шесть минут, что даже для нее слишком. Снята куртку. Верхние пуговицы на блузке расстегнуты, юбка мятая... Я понял, что небрежность в одежде специальный знак, дескать, для тебя и не стараемся. Но настроение хорошее, и, главное, она сознает за собой вину за опоздание (все-таки девочка совестливая), поэтому готова быть заранее снисходительной к моим глупостям. И бар ей понравился: в стиле старой Англии, толстые свечи на столиках, тихая музыка. Заказали дринк, орешки. В такой приятной обстановке можно даже со мной провести время. (Даже, даже, даже. По правилам грамматики «даже» обозначает последний предел: «Терпим даже таракана».)

Доклад свой построил по-научному. Преамбула:

Мол, дескать, и так далее, сама понимаешь, в общем, в целом, в частности, короче, бывают ситуации, когда бесчеловечно говорить сразу «нет», надо сделать вид, что подумаешь, обмозгуешь, пусть остается хоть слабая надежда, а потом он, она, сама, сама воздвигнет, смастерит защитную стенку, и не будет ощущения острой обиды, поверь моему опыту...

Соответствующая мимика лица, но я проскакиваю минное поле... Я не хвастаюсь своими подвигами, просто, с твоего позволения, некоторые теоретические выкладки, экскурс в психологию.

Тезис:

В Истории, то есть в исторической науке, эмоции смазываются, сохраняются лишь голые факты, поэтому, а не почему-нибудь другому, без всякого подвоха — какой тут подвох? — я делаю тебе официальное предложение, которое, естественно, ни к чему тебя не обязывает. Да, у меня была жена, и она была Королевой. Нас не развели, однако больше в моей биографии, в моих биографиях никаких жен не зафиксировано, их попросту не существовало. Теперь, когда я это сказал, а ты выслушала, это станет фактом твоей биографии, моих биографий. Понимаю, сейчас тебе смешно, сейчас тебе плевать, плюнуть и растереть, но, возможно, лет через пятьдесят — женщины меняются с возрастом — ты вспомнишь, скажем так, осторожно, с положительной эмоцией, что профессор Сан-Джайст, а значит, и все те, кем он когда-то был, почтительно просили твоей руки и сердца. Точка. Извини за дурацкую мизансцену, знаю, что ты торопишься. Спасибо.

Молчание. Непроницаемый взгляд Жозефины. Потом в глазах мелькнули искры:

— Ну, я правильно тебе ответила?

Учитывая некоторую торжественность момента, чинно поговорили о чем-то нейтральном. Я проводил ее до «пontiака». Она сохраняла дистанцию — не позволяла мне ни прижиманий, ни прикасаний, мы словно танцевали котильон в парадной зале. Села в кабину.

— Профессор, благодарю за высокую честь. Теперь, по всем законам жанра, героини должны уходить твердой походкой, не оборачиваясь.

Что я и сделал. Но, использовав профессиональный трюк разведчика, незаметно оглянулся. На долю мгновения. Этого хватило, чтобы увидеть, как она припала к рулю в приступе смеха, как будто не могла больше сдерживаться.

Топая домой, я размышлял, что именно ее так развеселило. Конечно, нелепость ситуации, помноженная на мою патетичность. Для девочки с обостренным чувством юмора вполне достаточно. И все-таки... Расстегнутая блузка, и юбка сильно помята. Дженни строго следит за своей одеждой, она не придет на работу в неотглаженной юбке. Абсолютно исключено. Значит... Значит, по дороге ко мне заехала к кому-то, времени было мало, небось сперва не соглашалась, ссылаясь на то, что беспардонно опаздывает, но тот, к кому она заехала, просто задрал ей юбку, ну невтерпеж обоим, молодость, кровь играет. И вот, не успев привести свой туалет в порядок, явилась на скучную свиданку, а тут ей преподнесли реверанс из девятнадцатого века. Сопос-

тавив события и временной интервал между ними — умрешь от хохота.

Таковы теперешние нравы и легкомыслие юности. Теперешние? Король был в летах, однако приказал остановить карету и повел Кристину в рошу. «Я испачкаю платье, что скажет муж?» — шептала Кристина, но король уже укладывал Кристину на мокрую траву, он знал, что она тоже этого хочет, ей нравится его настойчивость, спонтанность желания, и ей плевать на самом деле, что скажет муж, она придумает объяснение.

Написал ей звуковое письмо. То есть надиктовал на магнитофон и кассету положил в конверт. Передам при встрече со словами, мол, если когда-нибудь у тебя будет плохое настроение, депрессия и т. д. — послушай, взбодрись. Представляю себе, как она будет слушать мой скрипучий голос, перемежаемый тяжелыми вздохами. В тексте ни упреков, ни попреков — сплошная ода, дескать, какая ты замечательная девочка и как я в тебя верю.

Женщины знают, что с годами они изменятся. Женщины не знают, как быстро они меняются. В пределах одной своей жизни они проживают несколько, иногда совершенно различных жизней. Оставаться самой собой, с начала до конца, удается редким, очень сильным, а главное, очень эгоистичным, эгоцентрическим натурам. Такой была Марлен Дитрих, кинодива тридцатых годов, мечта мужского поколения, уничтоженного потом во второй мировой войне. Перед войной в Лондоне, на приеме в шведском посольстве, имел честь быть представленным фрау Дитрих и наблюдать ее не на экране, а с близкого расстояния. Эффект, как бы теперь сказали, атомной бомбы. Испепеляла все вокруг в радиусе десяти километров. И мы с ней, с фрау, были тогда примерно одного возраста. Лет через сорок, в Париже, увидел ее опять, и я был снова молодым (сравнительно), а она — старой развалиной. Но какой величественной, музейной развалиной! Повторяю, Марлен Дитрих — исключение. А обычно старые развалины вызывают лишь жалость и сожаление.

Ладно, не будем так далеко заглядывать. Я бы хотел быть полезным, какой-то опорой для Дженни, хотя бы через двадцать лет. Через двадцать лет, может быть, она бы нуждалась в моей помощи, через двадцать лет, может быть (наконец-то!), я сумел бы сделать для нее нечто весомое... Увы, есть предчувствие, что через двадцать лет меня уже не будет.

Помню (все, что с ней связано, прекрасно помню), год назад, на дне рождения Эли, в русском ресторане, когда Дженни

решила, что меня охмурила Зина (Когда мы с Дженни в одном помещении, ей только кажется, что я на нее не смотрю. Она постоянно в поле моего зрения. Шпионские фокусы), я подглядел такую сценку: включили пленку и зазвучала песня из популярного советского фильма, которую пел знаменитый советский артист, ее возлюбленный, давно и трагически погибший. Дженни насупилась, губы ее передернулись, и она вымолвила «Ого!» с такой злостью, будто протестовала, что посредством песни их любовь (подозреваю, не слишком счастливая для Дженни, но оставившая заметный след в ее жизни) становится достоянием веселящейся подвыпившей публики. И вот тогда по ее лицу я догадался, какой она будет через двадцать лет. То есть я увидел ее, сорокашестилетнюю, и вот к этой женщине, с резко очерченным ртом и затаенной в глазах обидой, обращены мои слова, которые я надиктовал на магнитофонную кассету: «Ты лучше всех, умнее всех, красивее всех, моя девочка, — (пропускаю интимную часть, не предназначенную для посторонних ушей) — а эту сволочь, что портит тебе существование, ты сломаешь, разотрешь в порошок, у тебя все, все, слышишь меня, будет хорошо, я в тебя верю».

Когда-нибудь, ну не через двадцать — через сорок лет, она прослушает мое послание — если до этого при переезде в другую квартиру или дом не выбросит кассету на помойку.

Молли, выражаясь языком охотников, сделала стойку, когда я подсел к ней в университетском буфете. Орудия главного калибра были извлечены из-под столика, и Молли приняла такую позу, чтоб я мог созерцать ее кофейные бедра. Ну согласись, что эффектно, что далеко не каждой удается такой фортель! Правда, мне это как мертвому припарки, однако на Дженни подобная картинка — я и Молли Горд в боевой готовности — могла бы подействовать. Я спросил: не слишком ли загружен мой курс, не злоупотребляю ли я подробностями? Мне ответили. Из ответа я понял, что пока мне не простили публичную ссылку на Ларри как на признанного сексолога, но если я буду настойчив... Подтверждалось мое первоначальное мнение. Я ей нужен для коллекции и для того, чтобы доказать классу ее неотразимость. Наш романчик длился бы недолго, но достаточно, чтоб о нем доложили Дженни доброжелатели.

Еще вариант. Разыскать Зину. Перед ней я виноват, однажды я ее уже подставил, поэтому ей надо обещать нечто стабильное. Должность моей секретарши, когда я буду директором Калифорнийского Интернационального Культурного Центра.

Выбью для Зины приличную ставку у мистера Литвинова, ведь он во мне так заинтересован. Если откажет, то буду платить Зине из своей директорской зарплаты. Как личному секретарю. (Тут Дженни решительно не поверит: «Ты способен потратиться только на меня. Иначе основную сумму будешь посылать в Париж дочери».) Ладно, не надо заглядывать так далеко вперед. Просто сообщим Дженни о своих благих намерениях по телефону. И пусть думает. Ведь работа директора КИКЦ (Кикц? М-да, звучит как ругательство) предполагает представительство и вращение в сферах. Значит, представлять и вращаться со мной будет Зина.

Хорошо, если для тебя все это сложно, то потребуй элементарного уважения. И когда назначают свиданку на перекрестке, скажи, что будешь ждать в кафе. Зайдет на секунду и увидит тебя в компании с Молли или Зиной, или с какой-нибудь особой женского пола студенческого возраста. Сделай хоть что-нибудь!

...«Темно-синяя стрела» затормозила у светофора. Черная пантера взяла конверт, небрежно бросила его в бардачок, где у нее набор музыкальных кассет для дорожного пользования, махнула мне лапой из окна и укатила на охотничий промысел. Звериное чутье. Знает, что я валяюсь растерзанным полутрупом в кустах, что не способен к малейшему сопротивлению, что для меня и так праздник получить от нее мимолетную улыбку, что весь сегодняшний вечер буду вспоминать эти пятнадцать секунд у светофора. Разобью их на стоп-кадры, буду их перебирать, рассматривать и сравнивать с прошлым разом. И с умным видом размышлять: в прошлый раз она сделала лапой так, сегодня иначе — что бы это значило?

Через двадцать лет все ясно. Ни тени сомнения. Лишь бы смог прожить эти годы, не потеряв формы.

А через сорок лет? Ты бы продолжал любить Дженни? Она не сохранится, как Марлен Дитрих, слишком щедрая натура... Она раздает себя без оглядки — Эле, работе, карьере, и тем, кто с ней сегодня, и тем, кто с ней будет завтра. И на тебя, дурака, столько сил потратила... Ты привык к определенному кругу, где на первом месте — служба. Ни один твой коллега не прожил сорок лет семейной жизни. Может, и было такое, но ты этого не знал. Ты получал оглушительный удар по башке, то есть новое назначение в другом времени и на другом континенте. Неужели существуют мужчины, которые способны прожить с одной и той же женщиной сорок лет? В газетах пишут — да, я таких не

видел. Потрогать бы их руками. Из какого материала они сделаны?

Корректнее сформулировать вопрос так: неужели существуют женщины, с которыми хочется прожить сорок лет и более? (Их ты потрогать руками не жаждешь?)

Однажды Дженни ядовито заметила: «Профессор, ты же скрытый женоненавистник! Тебе приятны только молодые и красивые. Уродливых и старых ты терпеть не можешь!»

Я не отрицал. Я объяснил. Тогда (тогда я жил еще на Диккенс-стрит) она слушала мои объяснения.

Вот, извольте:

Нет уродливых и старых. В природе все разумно и уместно. И жар-птица и крокодилы. Страшны превращения. Да, женщины меняются, и это естественно. Но никогда жар-птица не превращается в крокодила, а юная красавица превращается в жирную старуху с бородавками на лице. За что? Это несправедливо. Это ошибка Создателя. Более того, это преступление. За это надо наказывать («Рубить Создателю голову», — подсказала ехидина), женщины такой участи не заслуживают. Не бывает старой медведицы, бывают медведицы, волчицы, тигрицы... Диккий мир? Ослабевших съедают? Возьмем домашних животных. Старая лошадь, если за ней элементарно ухаживают, то есть кормят и моют, отличается от юной кобылки лишь отсутствием резвости. Не бывает старых собак, бывают большие собаки. Или женщина чем-то прогневала Создателя? Может, он был так очарован Первой Женщиной, поклонялся ей, как Богине, а она изменила ему с Дьяволом рогатым, наставила рога? Кстати, это выражение «наставить рога» пришло из тьмы веков. Ну, дуреха, ну, Бес попутал. Создатель, как же сильно он ее любил, чтоб так страшно проклясть весь женский род! Другие ведь не виноваты. Или Создатель понял, что сам заложил в женщинах нечто порочное. «Я тоже порочна?» — «Ты святая». — «Ты бы смог меня любить в течение всей моей жизни?» — «Клянусь». — «Тебе легко клясться, — сказала ехидина. — Ты знаешь, что не доживешь до моего преклонного возраста, сам мне в этом признался».

...Легко клясться. Права, как всегда. Ведь двести лет мудрая Система меня баловала (спасибо, господа начальники!): мне не довелось увидеть ни одну из своих любовниц в доме. В моей памяти они остались навечно молодыми.

Разрази меня гром! Опять не помню, как ее звали. И ко мне она не имела никакого отношения. Назовем ее миссис N. Там был любовный треугольник. Миссис N, он и ее соперница. Он ушел от миссис N к сопернице, потом вернулся, стоял на пороге

ее дома под дождем, его шатало (не то от горя, не то от виски), соперница прибежала, пыталась увести, он ее отталкивал и просил, умолял миссис N, ну и все такое прочее. Я оказался случайным свидетелем этой сцены. И вот победный блик в глазах миссис N я запомнил. Она стоит в освещенном проеме двери, и эти двое под дождем возятся на ступеньках, жалкие, мокрые... Апогей торжества! Через пять лет я встретил миссис N и еле узнал. Ее стало в четыре раза больше. Слоновья болезнь. И вскоре она умерла. Трагическая судьба. Но может, для нее главным в ее жизни остались те победные мгновения?

К чему это я? К тому, что, пораскинув мозгами, решил: Дженни я бы любил, что бы с ней ни случилось, и через сорок лет.

Теперь надо поймать ее где-нибудь на перекрестке, когда она, заложив головокружительный вираж типа «Покрышкин в воздухе», обгоняет «ленд-ровер» и «кадиллак»; когда она везет триста тысяч наличными и чеками в банк; когда она, выпросив полчаса из рабочего времени, несется в лабораторию чистить репу доктору Хофферу; когда на красных светофорах она просматривает в машине свой готовый отчет для адмирала Якимуры; когда у нее деловой ленч с клиентом, после чего она летит на конференцию в Сиэтл; когда темно-зеленый костюм на Диккенс-стрит от нетерпения сучит ногами и перезаряжает ревниво винчестер, а она спешит на тайную свиданку с неопознанным (неопознанными?) объектом — так вот, на полпути, на взлете, при посадке, перехватить мою девочку и сообщить ей эту важную новость.

Думаю, Дженни чрезвычайно обрадуется.

Женщины меняются очень быстро. Какие пять лет! Прошел всего лишь год с хвостиком. У нее были глаза рубаки-гусара, которые загорались в моем присутствии. Наверно, не только в моем. Дженни говорила: Зинка берет мужиков тем, что делает вид, будто через пять минут даст даром под амбаром. Тем не менее я запомнил, как она смотрела на меня и повторяла: «Дженни вас бросит, профессор».

...Мне открыла дверь женщина без возраста. Точнее, молчаливая дама строгого воспитания, которая в долю секунды заставила меня понять (как это они умеют сыграть лицом?), что ей будет крайне неприятно, если я по старой привычке поцелую ее в щеку.

И далее она сидела рядом с Саней или стояла за его спиной (а Саня с кресла даже не приподнялся), всем своим видом пока-

зывая, что ее внимание обращено только на Саню и меня терпят лишь потому, что он, ее повелитель, изволит со мной разговаривать. Добропорядочная, преданная, послушная жена, у которой никогда в жизни (никогда!) не было никаких глупостей.

Я наблюдал эту метаморфозу и восхищался. Как здорово и в какой короткий срок он ее так вышколил? Что значит попала в крепкие руки. А ты — каша манная, она бы тебя размазывала по тарелке. И я вспомнил слова Сани: «Вы, Антон Валентинович, разучились общаться с дамочками. Вы просто забыли, что бывает с бабой, когда она получает седьмую палку в ночь». М-да, недостижимые для меня высоты...

Беседа наша шла почему-то напряженно. Видимо, до сих пор Саня не простил мне, что тогда, в гостинице, я упустил Кабана. И чтоб как-то разрядить обстановку, я хотел в шуточной форме повторить Сане его теорию «седьмой палки», дескать, воочию убеждаюсь, что ты оказался прав, но не успел, и хорошо, что не успел, ибо заметил: Саня сидит в кресле на колесах, а Зина тихонько это кресло двигает.

Тогда понятен и его холодный тон по телефону, и почему Саня сразу предупредил, что не сможет меня ни привезти, ни отвезти. То есть Саня деликатно намекнул: на него больше нельзя рассчитывать — а я, погруженный в свои проблемы, не просек и приперся. И взгляд, полный ненависти, что иногда прорезался и сильно меня озадачивал (за какие это мои грехи?), предназначался не мне персонально, а всему человечеству, беззаботно прыгающему и бегающему на двух ногах. Я знаю этот взгляд — так смотрят люди, которых неизлечимая болезнь застала врасплох и которые пока еще с ней не смирились.

Что с ним произошло? Что случилось? Вот тут мне хватило такта промолчать. Саня принадлежал к той редкой породе мужчин, у которых такие вещи не спрашивают.

Саня заметил, что я заметил колесики под креслом.

— Антон Валентинович, каждый день, лежа на спине, я поднимаю пятидесятикилограммовую штангу. Я делаю все процедуры. В конце концов я встану на ноги.

— Он встанет на ноги, — эхом повторила Зина. По ее голосу я догадался, что она абсолютно в это не верит.

При упоминании Серезиноного имени Саня встрепенулся, подался вперед ко мне. Я начал рассказывать о событиях в Париже, о пополнении семейства парнокопытных. Точнее, я не рассказывал, а докладывал, как докладывали в Афгане взводные ротным, а ротные комбату. Саня, как и любой солдат, возвращаясь с боевых операций, не раз присутствовал на таких докладах. Только теперь ему отводилась роль и ротного и ком-

бата. И Саня принял эту роль. Может, посчитал, что после того, как я провалил дело с Кабаном, ему самому сподручнее взять бразды правления. Может, и видел, что я устраиваю театр, но уж слишком был велик соблазн вылезти, хотя бы мысленно, из инвалидного кресла и ощутить себя, хотя бы мысленно, на коне. Думал ли он о впечатлительных зрителях? Не знаю и знать не хочу. Моей же целью было дать понять зрителям, вернее, одной-единственной зрительнице, что Саня не просто приложение к инвалидному креслу, нет, он остается участником сложной интриги, действующим лицом, а может, и руководителем многоступенчатой разветвленной операции, суть которой ей, зрительнице, не совсем понятна, да это для ее же блага — есть вещи, куда женскому полу лучше не соваться.

Для пущей важности я начертил на листке бумаги несколько схем типа «поезд (субъект) выходит из пункта А в пункт Б, через Г и Д», и Саня деловито их просмотрел, ибо помнил, что ротный и комбат при докладах всегда глядели на карту.

— Пидоры гнойные ваши французы, Антон Валентинович, — сказал Саня, — закрыли, суки, дело.

«Недотягивает Санек до ротного и комбата, — подумал я прежде, чем ответить — те небось употребляли только ненормативную лексику».

— А русские, Саня, его никогда и не открывали.

— А мы? — спросил Саня.

Посторонним зрителям и слушателям, присутствующим в комнате в качестве мебели, могло показаться, что под многозначительным «мы» подразумевался как минимум десант в двести роты, однако присутствующие в качестве мебели находились за креслом, а Саня смотрел на меня, и в его глазах опять прочитывалась ненависть: ко мне, ко всему миру и, в первую очередь, к себе самому, прикованному к креслу, то есть выбитому из игры, то есть вынужденному не действовать, а играть комедию перед зрителями и слушателями, присутствующими в качестве мебели, но явно уже заимевшими над Саней некоторую власть.

— Мы, — ответил я по-военному, — мы выбираем другой путь. Ты же знаешь, Саня, что в нашей профессии существует две методики. — (И пусть Зинка думает, подумал я, что Саня птица высокого полета, что работа в автомастерской служила лишь прикрытием. Пусть поверит в это или повесится!) — Следуя одной, надо гоняться за объектом по белу свету. Следуя другой методике, надо соорудить лакомую приманку, которую субъект решит обязательно схватить.

И я рассказал в общих чертах про Калифорнийский фонд.

Филантропическое мероприятие. Широкие международные связи. Громкая трибуна для пропаганды русской культуры. Удобная «крыша» для отмыwania наворованных русских денег. Ты представляешь себе, Саня, какая пестрая клиентура туда попрется? Опыт меня научил не верить в благотворительность спецслужб. Зачем они это затевают, они мне не сообщили. И я не страдаю любопытством. У них свои цели, у меня свои.

— Кто организует фонд? — спросил Саня.

— Номинально я буду во главе.

— Кто организует фонд? — повторил Саня. Он привык, что ротный и комбат требовали не общих ля-ля, а конкретных данных.

— Некий мистер Вася Литвинов.

Это имя Сане ничего не говорило, зато теперь он убедился, что я ему не вешаю лапшу на уши. И лицо его осветилось в благодарной улыбкой.

«Хоть что-то смог для тебя сделать, Санек, — с облегчением подумал я. И еще я подумал, на этот раз про себя самого: — Ну и жопа ты, профессор. Если ты действительно веришь в то, что наплел, то никак нельзя было произносить вслух имя Литвинова. Нарушение элементарных правил. Присутствующие в комнате зрители не всегда выполняли роль мебели и когда-то навыворяжали глупостей, а вилла над Голливудом не только трибуна и крыша, но и прекрасное место для определенных глупостей, и Литвинов, судя по его выправке, подобных глупостей не чурался и для глупостей, естественно, предпочитал русских дам, а круг русских дам для подобных эскапад весьма ограничен, значит, элементарная арифметика... Нет, — сказал я себе, — или ты веришь в любовь и преданность, или ты прожженный жлоб, для которого не осталось ничего святого и которому даже в кустах мерещится плакат: «Осторожно, враг подслушивает!»

Саня дал знак, и Зина мигом превратилась из мебели в радушную хозяйку. «Уйти, не выпив с Саней, не посидев с нами за столом? Помилуйте, Антон Валентинович! Отведайте салатiku. Рыбки, пожалуйста». Странно звучало в ее устах мое имя-отчество. Раньше она меня называла только профессором. Раньше? Забудь. Смотри, как искусно она раскладывает закуски на тарелки: порции одинаковы, а создается впечатление, что Сане лучшие куски, а нам с ней остатки от барских щедрот. Умеет даже в мелочах подчеркнуть...

Кусочно-закусочная психология ревности. Да не Зину я ревновал, я как бы присутствовал на зрелище, которое мне не дано увидеть: Дженни ухаживает за столом, показывает свое расположение темно-зеленому костюму или неопознанным объектам,

если они уже вхожи на Диккенс-стрит... Что же касается Зины, то у нее эйфория. Ведь впервые ей достался классный мужик, причем моложе ее, который точно никуда от нее не уйдет. Физически не способен уйти. Не может передвигаться без ее помощи. Ну, Саня, храни тебя Бог! И пусть Зина пребывает в этой эйфории до конца твоих дней.

Давно заметил: когда поминаешь Бога, высовывается черт. Зина удалилась на кухню, а черт дернул меня за язык. Зачем? Поклялся же не спрашивать! Так хорошо, умиротворенно сидели — и вдруг... черт дернул:

— Саня, ты попал в автокатастрофу или проверял рефлексы черных товарищей?

По поводу «черных товарищей» мы говорили с ним год назад, а Саня тут же вспомнил. Усмехнулся:

— Антон Валентинович, я похож на человека, которого бьют?

Нет, никак; даже в кресле Саня не был похож на человека, которого бьют. Он бы въехал в инвалидном кресле в толпу и толпа бы расступилась.

— На тихой улице, недалеко от дома, мне воткнули нож в спину. Очень грамотно воткнули. Чтоб не убить, а парализовать. Я бы сказал *наши товарищи*, если бы видел их лица. Я застыл, как вкопанный, а они пошли дальше. Двое белых; спортивного типа. Я увидел лишь их стриженные затылки.

* * *

Кроме Императора, они все для меня бывшие. Правда, я присутствовал при отречении Императора, но отречение было формальным (знаменитые «Сто дней» тому подтверждение), и даже на Святой Елене Император вел себя как суверен, изрядно попортив кровь своим тюремщикам, просто мне это было неизвестно. Что же касается остальных, то все они быстро скисали, потеряв должность. Не место красит человека, а человек место? Ерунда. Или частично справедливо в экстремальных условиях: революции, природные катаклизмы. Может, после Термидора — я вращался всегда в военно-чиновничьем мире, куда путем естественного отбора попадали определенного сорта индивидуумы? Тоже верно. Однако, насколько они казались проницательными, компетентными, дальновидными на руководящих постах, настолько все это стремительно улетучивалось, когда их задвигали в отставку. Даже лицо менялось: пропадал стальной взгляд, округлялся квадратный подбородок, вместо холодной гримасы, подчеркивающей собственное превосходство, про-

ступала заискивающая улыбка. Они все добрели. Точнее, старались выглядеть добренькими.

Не скажу, что мне посчастливилось лицезреть маршала Нея на поле боя. Посчастливилось? Я помню, как он из меня делал котлету после Йены. Каким жалким офицеришкой я перед ним выглядел! Но объективно маршал Ней, ведущий в атаку полки — эпохальное зрелище, достойное кисти художника. И я наблюдал генерала Гранта в штабе армии. Charreau! Ничего общего не могло быть у этих великих людей с толстым стариканом, страдающим одышкой, до слез спорящим с итальянским торговцем из-за ста лир, или с тихим, застенчивым пьянчужкой, у которого руки тряслись от радости, когда тайком от домашних к нему в кабинет приносили бутылку виски. И тем не менее... Что ж тогда требовать от людей обыкновенных? Их карьера достигала определенных высот, затем следовала неминуемая отставка (неминуемая, как смерть!), и если человек сохранял остатки ума, то поливал цветы в своем саду, а если терял разум (случалось и такое), то надевал парадный мундир с орденами и ждал, что его позовут начальство или благодарное Отечество (что никогда уж не случалось). За двести лет у меня было много начальников и командиров (скажем так — разных), и моим единственным преимуществом являлось то, что с какого-то момента я понимал: я их всех увижу в гробу. Кстати, возвращаясь через две-три жизни в ранее обжитые места, я исправно посещал кладбища и находил могилы со знакомыми именами. Не знаю, почему меня к ним тянуло. Никаких задних мыслей. Просто ритуал.

Так вот, вдруг и я (Я!!!) почувствовал себя *бывшим*. Я знал, что этот миг когда-нибудь наступит, думал, что он будет страшным. Нет, не страшным — обидным, дискомфортным. Ведь будь я при должности, или хотя бы на службе, то дал бы команду, или убедил бы начальство дать команду, прочесали бы всю Калифорнию и выловили бы двух молодых со стриженными затылками, которые имеют странную привычку подстраиваться со спины к одиноким прохожим. Это же не загадочное убийство в Париже со сложной интригой, которое, будь я на службе, может, мне и не разрешили бы копать. В данном случае дело проще пареной репы! В конце концов, применили бы не очень законные методы слежки для восстановления справедливости и закона. То есть индивидуальный подход.

А я — бывший. Разумеется, у меня есть законное право обратиться в полицию. На общих основаниях. И что я скажу в полиции? Дескать, у вас такое-то нераскрытое дело, и я хочу добавить подробности, дескать, ко мне тоже подстраивались в

такой-то день в таком-то месте. И дальше, спросят, что дальше? Вас ударили? Вам воткнули ножик в спину? Ах, вам показалось, что у них такие намерения? И часто вам такое кажется? Вы можете нарисовать словесный портрет? Ах, вы не запомнили их лица? Короче, полицейский чин от меня отмахнется, как от надоевшего мнительного чайника. В глазах полицейского чина я буду выглядеть еще одним городским сумасшедшим. С заискивающей улыбкой.

Я подумал, что подействовало мое звуковое письмо, что Дженни, возвращаясь ночью с тайной свиданки, перепутала касеты и вместо рок-попа (или поп-рока — как правильно?) поставила мои стенания, вздохи и паузы, которые, как ни странно, пришлись под настроение, однако на всякий случай спросил:

— Почему мне такая честь?

— Твои акции как будущего директора Международного культурного центра повысились, — засмеялась Дженни. — Жалко, что ты не присутствовал при разговоре. Сначала они довольно равнодушно осведомились, что это такое и с чем едят. Я назвала адрес. Они ахнули и жутко заинтересовались. Только у меня завтра день очень напряженный. Ты сможешь сам добраться на Диккенс-стрит к семи вечера?

No problem. Для нас, суперменов, отшагать пятнадцать миль — пустяки.

Правда, и у меня выдался напряженный день. И в университете вышел напруг: после занятий все разбежались в разные стороны, и ни один охламон — по направлению к Вентура-бульвару. (Отшагать нам, конечно, пустяки, да не в костюме с галстуком и не перед коктейлем — ведь приплечусь мокрой курицей.) К счастью, кто-то из обслуживающего персонала (кажется, уборщица) согласился перевезти уважаемого профессора на своей «хонде» через Лорел-каньон.

По Вентуре я припустил бодро. Иду, значит, и размышляю. Дескать, уборщица (или кто она там?) умсет править механическим драндулетом, а я почему-то до сих пор сию науку не осилил, считаю ниже собственного достоинства. А достоинство мое, как выяснилось, не в знаниях, не в печатных трудах, не в славной биографии, а в адресе, который, в сущности, ко мне никакого отношения не имеет. Поэтому хочется выразиться непечатными словами. И зачем я два века старался, пыхтел, чего-то добивался, когда требовались всего-то адрес и механический драндулет? Что я, не мог бы так же важно восседать за рулем, как эта крашенная ведьма или тот старый гриб? Ведь управлять

механическим драндулетом проще и безопаснее, чем скакать на лошади. Правда, говорят, на скорости... Но какие в американских городах скорости, особенно в час пик? По Вентуре драндулеты ползут, как черепахи. Немного поддадут, а на светофоре я их догоняю.

И все-таки они чуть быстрее. Почему они быстрее меня? Это ненормально. Перед нами барьер красных огней, передо мной пустой тротуар, могу включить любую скорость.

Не включается.

Взять такси? Сдача позиций. Пожалуй, сейчас я бы их сдал, да нет свободных такси на Вентуре.

На перекрестке уличный фонарь высветил в ближайшем ко мне драндулете симпатичное женское лицо. Я сошел на мостовую, постучал в стекло. Стекло опустилось.

— Извините, миссис, вы едете прямо по бульвару?

— А что?

— Не могли бы вы меня подбросить, я опаздываю.

Дама торопливо нажала на кнопку. Стекло поднялось. Дама рванула на красный, едва не врезавшись в разворачивающийся пикап.

Натерпелась, бедняжка, страху. Небось в ее мозгу сразу всплыли все телевизионные истории о сексуальных маньяках. Мол, специально приоделся прилично, чтобы вызвать доверие. Но разве можно доверять в Лос-Анджелесе бездрандулетным мужчинам?

Милая дамочка, я сегодня явно не по этой части. Меня сейчас самого можно употребить (сомневаюсь, чтоб были желающие). Любой мальчишка отнимет кошелек.

Я опять зашагал. Не шагало.

Разумнее зайти в кафе. Вон огни ресторана. Выпить кофе у стойки.

Потеряю время. И так опаздываю. Все ведь рассчитано на мою скорость.

Надо бы найти скамейку. Найти скамейку в Городе Ангелов, где все рулят на драндулетах или парят на крылышках? Я сел на каменный столбик, установленный для того, чтобы машины на этом месте не заезжали на тротуар. Редкие прохожие делали круг, обходя меня. Впрочем, если бы я был одет похуже и положил на тротуар шляпу — наверно, бросали бы в нее монетки.

Ладно, главное, не паниковать. Я не знаю, что со мной. Давит грудь. Подышим. Спокойно подышим. Глубокий вдох. Глубокий выдох. Давит. Никогда раньше ничего такого не было («Их логика: ведь раньше этого не было!» Из приговора.). По-

звонить Дженни, чтоб подобрала по дороге, я же совсем недалеко. Она подъедет. Она точно не испугается моей сексуальной агрессии. Лишь подумает: «Ни хрена себе, женишок объявился!» Кому бы я позвонил, так это не улыбочивой бабе из ядерной медицины: «Вы же мне говорили, что по состоянию здоровья я пригоден к службе в десантных войсках?» Она спустится с этажа и, убежден, впервые улыбнется, со значением и без слов отсыплет мне горсть таблеток... «Ни хрена себе, — скажет Дженни, — как только его прижало, он зовет другую бабу!» Ты права, моя девочка. Без паники. Посидим, передохнем и тихонько потопаем. Потихоньку, полегоньку. Вот так. Давит грудь. Не страшно. Ведь не сдохну. А если сдохну, это тоже решение проблемы. Вернее, трусливое бегство от всех проблем.

Топаю. Топаю и думаю. Какой роскошный сюжетик может получиться. Вдруг мои акции как будущего директора Престижного Адреса так поднялись, что Дженни перед официальным коктейлем (туда успеется!) устроит коктейль на дому и небрежно спросит: «Мне надо стриптиз делать, чтоб завлечь тебя в постель?» А я отвечу: «Спасибо, моя девочка. Только сначала вызови «скорую помощь».

Перспектива «роскошного сюжетика» придала мне резвости. Доплелся. Поднялся на четвертый этаж. Дженни красноречиво взглянула на часы, но ничего не сказала. Элей занималась Линда. Дженни, в чем-то умопомрачительном, наводила в своей ванной последний марафет. Я попросил позволения зайти в ванную к Эле, чтобы сполоснуть рожу (а были наполеоновские планы принять душ). Зайти в ванну к Эле позволили. А почему нет? Там в принципе не должно быть никаких следов темно-зеленого костюма и неожиданных объектов. Потом светская беседа с Линдой. Эля показала свои новые рисунки. Дженни фланировала между ванной и гостиной, отдавая ЦУ, и я чувствовал, что все ее антенны периферийного зрения включены, ей было любопытно наблюдать мою реакцию, ведь впервые после моего скандального вторжения в то роковое утро я был допущен в святая святых. Боюсь, я ее сильно разочаровал. Ни волнения, ни дрожи в голосе, ни чрезмерного ажиотажа не проявлялось. Может, она объясняла себе это моей профессиональной выучкой, умением брать себя в руки. На самом деле ничего нарочитого в моем поведении не было. Просто я еще не знал, не понял — сдохну или на этот раз пронесет?

И в «понтиаке», сидя рядом с моей ненаглядной, я был на редкость сдержан. Что подумала Дженни? Не знаю. Я тупо прислушивался к себе. Давилочка не отпускала.

Прибыли. Отметились. Прошлись вдоль и поперек. Многократно сказали «чииз». Я с ходу, вопреки всем своим привычкам, глотнул полную рюмку коньяка. Повторил. Дженни на меня подозрительно покосилась. Обычно на светских раутах она моментально уносилась «в вихре вальса», и я тревожно шарил глазами по пестрой толпе, гадал, не уволокли ли мою девочку в какое-нибудь помещение, где дверь запирается на задвижку. Сегодня, как на грех, она была пайнкой, не отставала от меня ни на шаг, видимо, решив, что я замыслил какой-то фокус. Верно, замыслил. Я хотел отволочь в сторонку какого-нибудь джентльмена предынфарктной комплекции и сказать: «Дяденька, у тебя же карманы набиты сердечными лекарствами, выручи, дорогуша, поделись малость». Но ведь не при Дженни...

— Что желаете, сэр?

— Коньяк. Да, да, доливайте еще.

Ее глаза потемнели. Какой грандиозный мне предстоит мордобой после общественного мероприятия! Начнет так: «Когда ты меня просишь где-нибудь присутствовать и соответствовать, я соответствую. А я тебя лишь раз попросила соответствовать, так ты устроил спектакль, напился по-свински якобы с горя и «от несчастной любви».

И тут появился главный «чииз», тот самый, который ахнул, узнав адрес, и ради которого — «чииза», а не адреса — меня привели сюда. А могли бы прийти с темно-зеленым костюмом или с неопознанными объектами, нет, не ценишь ты к себе хорошего отношения!

Я раскрыл рот, чтоб обменяться дежурными глупостями. И ничего, вписался в образ. Клянусь, провел диалог на уровне, удивив даже Дженни своей внезапной бойкостью и жизнерадостностью. А почему, спрашивается, мне не радоваться, если я наконец понял, что буду жить?

Отпустило. Перестало давить.

В общем, я так озадачил Дженни своим поведением, что:

1) никаких мордобоев или упреков не было (собственно, а за что?);

2) настояла (я, правда, сопротивлялся слабо) и отвезла меня до трехпалубного корабля.

Н. В. Было впечатление, что доставка на дом не входила в ее первоначальные планы. Первоначально предполагалось продолжить приучать капризного субъекта к самостоятельным передвижениям по Л.-А. с педагогической целью доказать преимущество передвижения на собственном драндулете. Почему такая смена настроения? Более того, было впечатление, что мне могут предложить «роскошный сюжетик», то есть не просто до-

ставку, а доставку товара на дом, — такой вариант явно обдумывался по дороге — и я, как мне казалось, был уже во всеоружии: умрем, но не посрамим чести драгунского полка.

Во дворе дома ритуал прощания. И опять же по глазам Дженни я увидел, что она заинтригована. Ну не было у меня соответствующей моменту морды служащего похоронного бюро. То есть она поняла, что меня одинаково устроит — поднимется ли она в студию или оставит меня в покое. Такие нюансы женщины интуитивно чувствуют. Естественно, она укатила, помахав лапой из окошка.

«В каюте без компании» я размышлял на оригинальную тему: все мужики сволочи и обманщики. Наплетут девушкам с три короба, а когда предстоит выбор — муки душевные или физические — инстинктивно предпочитают вздохи при луне.

Неделю я ловил своего коварного врага. Выходил каждое утро, делал километровые круги, замысловатые петли, все дальше удаляясь от дома. Постепенно наращивал темп. Вечером повторял все снова, избегая мелких провокаций: резких движений, рывков, пробежек. И не оглядывался. Зачем оглядываться? Мой коварный враг не прятался в темных кустах, не крался по пятам, не дышал мне в спину — мой коварный враг сидел во мне самом, и я ждал, когда же он изволит высунуться и что этому способствует. Наверно, я нелепо выглядел со стороны, как и любой человек, который идет, не замечая ничего вокруг и прислушиваясь лишь к самому себе (И где-то я таких людей видел. Где? Не помню), однако Лос-Анджелес хорош тем, что некому тут наблюдать странных бездрандулетников, слоняющихся в это время суток.

Коварный враг затаился.

Тогда я отшагал некое число км в одном направлении, рассчитывая, что злодей использует фактор усталости, неуверенности (обратно далеко топать) и начнет давить, душить и пако-стить. «Ни хрена», — как сказала бы Дженни, хотя Дженни так никогда не говорила. То есть она так говорила в наших диалогах, которые я репетировал во время своих маршрутов. Даже не диалогов — моего прочувственного прощания, где я солировал, — дескать, моя посуда дала течь, и я отчаливаю, и, дескать, с медицинскими проблемами мне надо обращаться не к тебе, а по другому адресу (по какому — умалчивал), и где — в диалогах, а не в адресе — Дженни доставались лишь короткие реплики.

Так вот: ни хрена!

Ну, если ни хрена, то какого хрена? Просто мнительность, невроз и прочие возрастные явления, с которыми, увы, мне еще предстоит сталкиваться, но не более того.

Позвонила Дженни:

— Ты куда пропал?

А ведь действительно пропал. Гоняясь за призраками и занимаясь декламацией в призрачном мире, я как-то забыл, что живые люди тоже существуют.

— Дела, — ответил я, — дела, связанные с культурным фондом.

Как бы между прочим сообщил о визите к Сане. При упоминании Зины мне показалось, что на другом конце провода подпрыгнули. Однако я подробно обрисовал тамошнюю ситуацию. Оргвыводов не последовало. На другом конце провода ограничились соответствующими словами.

— Кстати, — продолжал я по наитию, — мне нужна будет секретарша. Честная баба, которой можно доверять. Пожалуй, сманю у тебя Кэтти или Ларису. Как ты на это смотришь?

Мне сказали, что это неплохая идея. Деловыми качествами они, конечно, не блещут. И вообще, ленивы, их надо палкой подгонять. Зато на них можно положиться, не продадут, в этом смысле она их проверила. И к тебе, герр профессор, они относятся с уважением. Да, да, очень неплохая идея, она еще подумает, кто из них более подходит для такой работы. Учти только, что они, конечно, продадут, если им заплатят большие деньги, но какой дурак им заплатит большие деньги?

И несколько поспешно положили трубку.

Раньше подобная поспешность навела бы меня на мысли, что кто-то на Диккенс-стрит дает волю рукам и кому-то невтерпеж. Но я успел приучить себя, что в моем воображении на Диккенс-стрит в полдесятого вечера опускается занавес (сейчас было без двадцати десять), Дженни, по идее, должна спать (ей же рано вставать!), а я, как дисциплинированный зритель, под занавес не заглядываю. Дисциплинированному зрителю объявили: «Финита комедия» — и он бежит занимать очередь в гардероб, чтобы получить свою шубу или тюбетейку. Но что бы там, за занавесом, ни происходило (Интересно — что? Угадай с двух раз. Правильно, с грохотом снимают декорации), Дженни продолжает размышлять... Неужели? Хотя, если она спит, тогда, конечно, ей снится странная метаморфоза: растерзанная добыча пылившаяся в кустах за ненадобностью, вдруг оживает, стряхивает пыль с ушей, поднимается, зализывает раны и собирается куда-то отваливать. По логике — пусть катится на все

четыре стороны! Но по женской логике, пример которой мне только что продемонстрировали, добыча, пусть не первой свежести, спрятана про запас, однако все равно своя и надо как-то реагировать. Как?

Что бы там ни утверждали ученые и философы, как бы они ни морочили головы просвещенной публике, на нашей земле есть всего три тайны, до сих пор не разгаданные: тайна тунгусского метеорита, женской логики и мужского идиотизма. И если с тунгусским метеоритом и женской логикой оптимисты не теряют надежд разобраться, то, сталкиваясь с мужским идиотизмом, в растерянности опускают руки. Тот самый вариант, когда любая наука бессильна.

Легче легкого было предвидеть, что раз я набрался храбрости выйти из разряда подружек и ступить на тропу войны с прекрасным полом, то естественной реакцией моей девочки будет выпустить когти и залепить мне по роже при первом удобном случае. В том, что такой случай представился чуть ли не на следующий день, не моя вина, но как я роскошно подставился: сам прибежал, размазывая скупые мужские слезы, думая, что мне их заботливо вытрут...

Почему я сразу позвонил? Ведь можно было вообще не звонить, что называется — замать для ясности или сообщить месяца через три перед самым отлетом из Лос-Анджелеса?

Почему, почему, за ответом посылаю к специалистам по тунгусскому метеориту.

Короче, позвонил в удобное для нее время, когда Эля бултыхается в ванне и пускает кораблики, и бодро доложил:

— Была свиданка, вот только что вернулся. Хвастаешь? Привычка рассказывать тебе правду, и только правду. Получил удовольствие? Сложно сказать, ибо их было не одна, а две персоны. Справился? Вынужден тебя разочаровать: персоны мужского пола, а я не по этой части. Конечно, ты их знаешь. Угадала. Нет, не на «роллс-ройсе», на подержанном драндулете неизвестной мне марки. Фонд утвердили. Гром победы раздавайся? Фигу. Бюджет срезали, вернее, бюджет есть, а денег в нем — кот наплакал. Практически весь обслуживающий персонал вынуждены уволить. В такой ситуации невозможно оформить мне директорскую ставку. Да я первый завопил: «Ребята, вы что, спятили? Как я буду людям, которых вы на улицу выгоняете, в глаза смотреть?» Расстроился ли я? С чего бы? У меня лекции в университете, мне во Франции исправно *retraite* капает. И потом, они сказали, что это временные трудности. Как только дела

поправятся, они опять ко мне придут, дескать, идея всем нравится. Какой у них был вид? Гм... Весьма подавленный, особенно у Доула, но, честно говоря, я не понял почему. Или он переживал из-за этой новости, или потому, что сорвался поход в кабак. Доул явно жаждал надраться, а я уперся: «Нет, ребята, только кофе, я не пью».

— Хорошо, что ты сохраняешь чувство юмора, — сказала Дженни почти ласково. — Подожди, меня Эля зовет. Слушай, я ее уложу и тебе перезвоню.

Я ждал и смотрел на часы. Звонка не было. Может, она сама задремала, убаюкивая девочку? День, наверно, выдался хлопотливый, устала на работе. Позвонить? Но после того, как на Диккенс-стрит опускают занавес, я туда не звоню.

Звонок.

— Извини. Я просто долго разговаривала с одним человеком. Позвонила ему за консультацией. Он дока в таких делах, знает всю процедуру оформления. Понимаешь, в Америке все — бизнес. Фонд, не подлежащий налогообложению, это очень хитрый бизнес. Это гораздо сложнее, чем взять рискованный кредит в банке под сомнительное предприятие. Тем не менее все возможно, если знать правила игры. Допустим, некий джентльмен решил построить фабрику по производству мыльных пузырей. Спрашивается, кто ему даст хоть доллар в долг? Дадут, если он грамотно проведет операцию. Он придет к банкиру не один, а с командой. В ней будет выпускник престижного университета, одетый с иголочки, и благообразная женщина-бухгалтер со стажем, внушающим доверие...

Она так трогательно растолковывала мне банковские истины, так старалась, что мне показалось, сейчас последует: «Тоничка, вызови такси и приезжай. Через час приедешь?» И я бы ответил: «Я буду у тебя через минуту. Как? Это мои правила игры». Через минуту я постучал бы в ее дверь на четвертом этаже дома на Диккенс-стрит, такой шанс не упускают, а дальше — гори все синим пламенем в адском огне с Глубоководными Рыбами на сковородке в томатном соусе. Бывала в ее голосе интонация, которую я называл «скрытой страстью», и вот мне почудилась эта интонация, и я моментально отреагировал. Я захотел свою девочку, захотел физически, ведь мы не занимались с ней любовью черт знает сколько времени! Я представил себе, как она открывает дверь, еще не веря, что это я. И я... И она... Такая радужная картина меня ослепила, интонация — сделала глухим, и я не сразу понял, не сразу осознал, что в трубке сменился тон, что в трубке орут. «Скрытая страсть» прорезалась.

— Тебя выебли. Повторяю по буквам: ВЫЕБЛИ! Они — мужики ушлые, грамотно подготовили досье, ты им был нужен в широком ассортименте. «Известный профессор из Европы». Для чиновников нашего провинциального штата это звучит. А когда все было завизировано и подписано, тебе сказали: «Катись, дорогуша, колбаской по Малой Спасской». Ты напоминаешь девицу, которая расфуфырилась, намарафетилась, выучила два стихотворения, думая, что ее пригласили в интеллигентную компанию. А как пришла в гости, ей без лишних разговоров накинули простыню на голову, завалили и исполнили хором спереди и сзади. Расщедрились, предложили поужинать в ресторане! Девице тоже после того, как затрахали, поднесли стакан водки.

В другой раз я бы спросил: мол, откуда такое знание деталей в истории с девицей? Спросил бы без подковырки, просто, чтоб парировать удар, перевести дыхание.

Перевести дыхание. Коварный враг, нагло улыбаясь, танком утюжил мне грудь. Поэтому я слабо возразил:

— Там же сокращают штат.

Подлил масла в огонь.

— Как ты это проверишь? Человек, с которым я только что говорила, сказал: «Твой профессор может потребовать, чтоб ему открыли досье? Заявиться в контору, сесть за компьютер и просмотреть их банковские счета? Передай своему профессору, что если он не способен снять рубашку с ближнего, ему нечего сошаться в бизнес». Я ответила, что профессор живет по христианским заповедям. Когда его бьют по правой щеке, он подставляет левую. И если у него вытащат кошелек, он начнет извиняться: мол, простите, там мало.

— Дженни, — взмолился я, пытаюсь вздохнуть поглубже, набрать побольше воздуха, — подумай, котенька, о чем ты говоришь. Я никогда не имел дела с ворами. Это люди из Системы, а Доула я вообще давно знаю.

Трубка гремела, как репродуктор на площади:

— Меня всегда удивляло твое преклонение перед спецслужбами. Разве нормальный человек туда пойдет? Туда записываются люди с психическими отклонениями, воры и жулики. Прикрываясь формой, легче воровать. Они чувствуют себя вне закона, выше простых смертных и набивают карманы. Мальчишкам нравятся люди в военной форме, у которых оружие. Но ты же давно не мальчик. Откуда у тебя такая инфантильность? На моей родине главными ворами и хапугами стали не уголовники, а бывшие сотрудники так называемых органов...

Я с трудом воспринимал ее слова.

— ...Кто продавал военные секреты Америки русским и китайцам? Респектабельные господа из ЦРУ. В твоей родной Франции кто выслеживал, арестовывал евреев и отправлял их в немецкие лагеря смерти? Эсэсовцы, гестапо? Французские полицейские.

Я ее почти не слышал.

— «...Ах, Доула я давно знаю». Что ты про него знаешь? Не успел ты улететь из Лос-Анджелеса, как он полез мне под юбку. Впрочем, успокойся, с ним у меня ничего не было и не будет. Не переживай за своего друга Доула. Вася Литвинов с ним поделится. Там четко — услуга за услугу. Где-нибудь в Мексике, на модном курорте, Доулу строят виллу...

Я прислушался к себе. Меня сейчас волновал извечный гамлетовский вопрос: *to be or no to be*? Что в переводе с датского означало: *сдохну или нет?*

— ...Самое грустное, — заговорила трубка нормальным голосом, поэтому я услышал... к сожалению. — Самое грустное, Тоничка, что ты никогда не мог за себя постоять. В твоей богатой событиями жизни тебя дважды выносило на вершину власти. Подчеркиваю глагол *выносило*. И что же? Ты пальцем не пошевелил, чтобы удержать власть. Ты скрестил руки и молчал, когда уничтожали Робеспьера и твою революцию. Твоя Революция, небось, с большой буквы? Кстати, Жозефина Богарне тоже досталась тебе случайно, и ты за нее не дрался. Ты добровольно отдал шведскую корону, как только появился претендент... Поэтому не случайно тебя сделали механической куклой. Твоя судьба — исполнять чужую волю. Я не слишком тебя утомила? *Good night*.

Трубка сразу потеряла свою магию и издавала короткий писк. Я повертел ее и положил на рычаг. Трубка заткнулась, но коварный враг продолжал нагло ухмыляться. Целеустремленно я перешел к активным действиям. Удар в челюсть первой рюмкой. Удар в ухо второй. После пятой рюмки наглая рожа растаяла в воздухе. Я свободно вдохнул полной грудью и выпил за здоровье моей девочки. Я понимал, почему она проехала по мне асфальтовым катком. Характер. Жалея человека, которого обидели и обманули, она приходит в такую ярость (в первую очередь потому, что человек позволил себя обмануть и обидеть), что готова его убить. Характер. Я сам когда-то был таким.

* * *

Человек, по которому проехали асфальтовым катком, становится плоским, тихим и очень комфортным в общении. Его можно сложить вчетверо и спрятать в ящик платяного шкафа,

потом вывесить на веревочке на террасу, как занавеску от солнца, потом расстелить на полу у входной двери, потом запустить в стиральную машину, высушить и прихватить в гости в качестве модной накидки. Опять забросить в шкаф и забыть. Перебирая старые вещи, случайно наткнуться и подумать, как же его использовать. В «пантиак» на сиденье себе под?.. Нет, слишком много ему чести прикасаться к таким частям. В багажник! Пригодится для протирки стекол.

И никакой мороки.

У меня наладилось. Я, можно сказать, подженился. Мы помирились. Ну если некуда деться, что толку отбрыкиваться? Приходится как-то договариваться. (Я имею в виду своего коварного врага. А вы о ком подумали?) Обычно он начинал резвиться утром, не очень усердствуя, скорее напоминая о своем присутствии. Вот когда я спускался на улицу, чтобы переть пешком в университет или сделать кружок на парочку км, тут он наваливался и запускал свою музыку. Я это предвидел, замедляя ход, заранее выбирал место, где бы присесть. Ну если ему так хочется, если ему это доставляет удовольствие — пускай себе давит и душит на здоровье!

Наверно, он тоже ценил мое к нему расположение, ибо, добросовестно выполнив свою программу, он затихал и больше меня не тревожил. Казалось бы, вечером, когда я устал, перекурил и совершал прогулку гораздо интенсивнее — самое время ему снова пакостить. Нет, спит до утра сном праведника.

То есть я не мешал ему утром, а он мне — вечером. Знаете, я знал семью, где дорого бы дали за такое обоюдное согласие.

Конечно, разумеется, естественно было постараться прекратить эту принудилровку и обратиться к врачам. Но, во-первых, неясно, как мой сожитель (коварный!) прореагирует на нарушение нашей джентльменской конвенции, может, от лекарств я взвою! Во-вторых, я уже сказал, что некуда было деваться. Ведь Инга оформила по всем правилам, с социальной страховкой, беднягу, который попал в автокатастрофу и до сих пор проходил курс реабилитации в госпиталях. Оформлять на его место другого было поздно, да и средств не было. Инга, чтоб спасти курс, пригласила меня полуофициально. В том смысле, что я француз и у меня во Франции свое securite social. И все закрыли глаза на то, что американское сейшел секьюрити французское секьюрити в гробу видало, в Америке оно не действительно. Правда, Инга, как человек совестливый, меня спросила: «Ты

собираешься болеть?» «Никогда не занимался такими глупостями», — честно ответил я.

Раз слово дано, надо его держать. Не подводить людей. А к здешним врачам обращаться — никаких денег не хватит. Вернусь в Париж и направлю свои стопы в отделение ядерной медицины. Или напрямик в небесную медицину. Там по ходу дела разберемся.

Как-то после того, как меня в очередной раз забросили в стиральную машину, я проснулся в середине ночи. Проснулся, перевернулся. Уважая некое подобие субтропической зимы, никто давно не шлялся у меня по балкону. Но тут почудилось, что кто-то прилип к стеклу. Я встал, подкрался к балконной двери, отдернул занавеску. Туману набили, как вату в одеяло. Я с трудом различал палубные перила. Пространство за ними кончилось. На палубе никого — ни в трусах, ни без. И тем не менее было ощущение, что мне подали знак.

Коварный враг, как верная жена, заворочался в постели и в полусне забормотал: «На поиски заключений? Очень не советую. Подумай об утре. Очень потом пожалеешь...»

И, как верную жену, я успокоил, убаюкал его шепотом: «Какие приключения? Бессонница. Я хочу немного проветриться. Клянусь, я не буду заходить к ней в дом...»

Быстро оделся. Вышел на балкон. Плотно притворил за собой дверь. Шагнул. Еще шаг. Где перила? Еще шаг и... подо мной белое море, а я скольжу по его поверхности, и далеко внизу, в глубине мелькнула цепочка тлеющих огней фривея. Всегда было тайной, загадкой, как же я перемещаюсь в своих путешествиях. Вот так, как писал австрийский поэт Цейдлиц:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.
Не гнутся высокие мачты.
На них флюгера не шумят
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Только скользил не я один. За мной на приличном расстоянии, но не отставая, два белых бурунчика. Припомнилось: «За тобой следуют демоны, злые и беспощадные». Однако, раз они держат дистанцию, значит, рутинное дежурство, не более того. Что ж, интуиция меня не подвела, сегод-

ня надо было высунуть нос на улицу и убедиться, что ничего не изменилось.

А дальше? Куда летит корабль? «По синим волнам океана, лишь звезды блеснут в небесах и молча в открытые люки чугунные пушки глядят». Забыл. Права Дженни, плохо у меня с поэзией. Ладно, пусть, куда летит корабль — останется тайной, а я благополучно приземлился на Диккенс-стрит.

На Диккенс-стрит не туман, а туманчик, разведенное молоко. На Диккенс-стрит экономят — то на фонарях, то на тумане. Я пристроился между красной «тойотой» и старым «шевроле». Когда-то я смотрел на них с балкона четвертого этажа, а теперь вот гляжу снизу на темные окна. И если кто-то оттуда смотрит вниз (молча, в открытые люки, как чугунные пушки), то он видит то же самое, что и я тогда: кучу опавших листьев, красную «тойоту», «шевроле»-ликап, но меня он не видит, я в своих путешествиях — невидимка. Кот с ошейником (тот же самый? другой? — хоть убейте, не знаю) трусцой пересек улицу. «Сейчас появится зеленый «ягуар», — подумал я, и верно, появился, только не «ягуар», а длинный-предлинный драндулет. Может, у него тоже было кошачье имя? Не знаю. На таких обычно разъезжают гангстеры или звезды поп-рока (рок-попа?). Такой длинный, что он изогнулся, как поезд, будто состоял из нескольких вагонов, чтобы вырुлить из-за угла на Диккенс-стрит. Вырулил, подъехал к дому Дженни и нагло затормозил посередине улицы. Сколько их в машине, кто за рулем? Через затемненные стекла, заиндевшие, словно они прихватили из соседних кварталов клочья тумана, я ничего не мог рассмотреть. Не пора ли мне, так сказать, материализоваться и бежать к телефонной будке, звонить в полицию?

На четвертом этаже, в гостиной, вспыхнул верхний свет. Погас. И сразу зажегся на лестнице. Кто-то спускался. Облегченно вздохнув и не таясь (ведь невидимка!), я пересек улицу. Отнюдь не желая вмешиваться в личную жизнь Дженни, я просто хотел поближе поглядеть рок-попу, которой подают такую посудину.

Открылась входная дверь. Он спускался по ступенькам наружной лестницы. Сапоги, белые лосины, оливковый сюртук без погон. Косая челка рассекала лоб.

Повторяю, я знал, что невидим, но автоматически вытянулся во фронт.

Поравнявшись со мной, он остановился. Он меня увидел.

— Знакомое лицо, — проговорил он командным тоном. — Вы служили в кавалерии?

— Так точно, Ваше Величество, — отрапортовал я. — Второй драгунский полк...

— ...Из корпуса маршала Нея. Помню, помню. Вы еще бестолково маневрировали при Йене. Впрочем, — он милостиво улыбнулся, — при Эйлау вы дрались отменно, я был вами доволен.

Его лицо вдруг исказилось несвойственной ему болезненной гримасой.

— Теперь много пишут, вы, наверно, читали: непобедимый маршал Ней. Непобедимый... Он мог управлять корпусом, десяти тысячной армией — не больше. Какой из него стратег? Интриган.

Резким движением он приложил руку к виску, хотя на голове у него не было треуголки, и державным шагом направился к машине. Замер на полдороге. Обернулся. Пальцем поманил меня. Я беспрекословно повиновался. По ироническому блеску его глаз я понял, что он видит меня насквозь. Правда, в данный момент видеть сквозь меня ни для кого не представляло труда. Император же читал мои мысли и, кажется, тайные помыслы тоже. И взгляд его тяжелел от обиды и гнева.

— И вы туда же? Проторенным путем? Послушайте, полковник, сколько лет прошло? Зачем же повторять за всеми? Давайте взглянем трезво, без эмоций. Ну как я мог на Бородинском поле отправить в бой Старую Гвардию? Там уже никто и ничто не контролировал — сплошная мясорубка. Остаться под Москвой без резерва? Бестолковщина!

Император сел на заднее сиденье, драндулет бесшумно тронулся и на перекрестке, вырulingая с Диккенс-стрит, изогнулся, как поезд.

Туман начал быстро сгущаться. Создавалось впечатление, что туман, как публику во время посещения объекта Важной Персоной, сдерживала полиция. Оцепление сняли — туман повалил со всех сторон. Исчез слабый свет фонаря над входной дверью четырехэтажного дома. Туман забивался за ворот плаща, его наваливали мне на плечи и утрамбовывали лопатами. И вот в этом белесо-темном вареве меня озарило, и я хлопнул себя ладонью по лбу: «Прав Император. Действительно, ты бестолочь. Взгляни трезво и без эмоций. Ведь Дженни, пока у вас была любовь, тебя не обманывала. Она тебе открытым текстом сказала, что Император тайно приезжал к ней в Мальмезон и никто про это не знал. И ты не догадался? Ну не может женщина сказать яснее. Женщина, исповедуясь, рассказывает про прошлое — и — никогда! — про настоящее».

Я проснулся от острой боли. Свело левую ногу. Помассиро-

вал ее, подождал, чтоб отпустило. Проковылял к балконной двери, отдернул занавеску.

На улице густая вата тумана, как в моем сегодняшнем сне. Тут я обратил внимание, что левая нога распухла. Не так, чтоб очень, но заметно. С некоторыми сложностями зачихнул ее в ботинок и отправился на утреннюю прогулку. Я знал, что обязательно надо *прохаживать* ногу, чтоб кровь стала нормально циркулировать. А коварный враг, урча от удовольствия, пакостил на полную катушку и гнусавил мне в ухо: «Я же тебе говорил, я же тебя по-дружески предупреждал — не ищи приключений!»

Ногу, конечно, надо было бы починить. Заплатить один раз хорошему врачу — не разорюсь. Только бы найти хорошего. Где такой? У кого спросить? У Инги. Да закавыка в том, что у Инги никак нельзя спрашивать. «Зачем тебе?» — «Нога распухла». И Инга тут же нашла бы врача, может, самого хорошего и не очень дорогого, и устроила бы мне головомойку, мол, легкомысленно отношусь к собственному здоровью. А попутно, уж не знаю, по какому поводу, позвонила бы Дженни и, как бы между прочим (или из самых лучших побуждений), проябедничала: дескать, вот у нас какая новость.

И в глазах Дженни история нашей любви превратилась бы в банальную историю болезни. История болезни — медицинский термин. В каждом госпитале таких историй — тысячи. Раньше они хранились в картотеках, теперь — в компьютерах. И Дженни обрыдли эти истории и возится она с ними лишь потому, что ей за это прилично платят.

Просыпаясь, вспоминаю Дженни. Ах и ох!

Уточним. Просыпаясь, вспоминаю слова Дженни: «Тебя сделали механической куклой». Не чувствую левую ногу. Чужая она. Как будто действительно ее мне приделали. И по этому поводу мои «ах» и «ох». Ежедневно упорно прохаживаю ее. «Прохаживайте ногу» — новый термин в медицине, мое изобретение, умные люди его бы запатентовали. Еще год назад я гулял с Дженни и Элей. Приехав в Л.-А. по приглашению университета, гулял сам по себе. Нынче прохаживаю, прогуливаю левую ногу, и когда наконец она оживает — почти счастлив. Эволюция. Несколько в ином направлении, чем у Дарвина. Но при таком темпе скоро буду скакать по пальмам и питаться бананами.

В общем, встаю каждое утро с левой ноги. И настрой — соответствующий. И коварный враг не устает гнусавить (он вообще не устает): «Не рыпайся».

Куда рыпаться? Все пути-дороги к делу Сережи перекрыты. Я хотел обойти с неожиданной стороны, через Калифорнийский Информационный Культурный Центр, КИКЦ, строил хитроумные планы, да меня кикцанули, или, как сказала Дженни... Надо бы забыть то, что она сказала.

О'кей, по эту сторону все перекрыто. Тогда по другую сторону... Но по ту сторону тебе точно нельзя соваться. Ты до сих пор не знаешь, заглянул ли ты в потусторонний мир в ту туманную ночь или это тебе приснилось, однако в результате левая нога распухла, и какой подарочек тебе преподнесут в следующей раз... Жаждешь заполучить полную инвалидность? Глубоководная Рыба предупредила: последствия непредсказуемые.

Интересно, что Дженни проговорила, — не во сне, а наяву! — а я не обратил внимания.

«Для вас, дьяволов, путешествующих во времени, годы не имеют значения». Правда, помнится, спросил себя: «Почему во множественном числе?» Спросил и забыл. Ведь в голове не укладывалось, что все запрограммировано таким образом. Что если я по собственной инициативе буду партизанить по ту сторону, даже сохраняя доброе здоровье, то в итоге окажусь в тупике 1806 года. Круг замкнется. И вот нарвался. И не ревность толкала. С познавательной точки зрения (сидит где-то во мне страсть — зуд! — разведчика) опознал неопознанный объект. На свою голову. Да, все они для меня бывшие, кроме... И объект (не то слово, найти более почтительное определение) может мне скомандовать: «Кругом! Шагом марш!» И пойду. Строевым шагом. Чтоб на Диккенс-стрит никогда не появляться.

Знает ли об этом Дженни? Или два мира по обе стороны у нее между собой не контактат?

Тема для размышления? Нет темы. Не о чем размышлять. В 1806 году из окна императорской кареты Жозефина залепила мне пощечину. А Дженни не нуждается даже в видимости атрибутов власти. Начистить мне репу она способна в любое время дня и ночи, не утруждая свои белые ручки. Просто по телефону. Технический прогресс. Да надо ли ей это? Человек, по которому проехали асфальтовым катком, становится плоским, тихим и очень комфортным в общении.

Не рыпаться. Закрывать глаза. Ничего не вижу (даже если вижу), ничего не слышу. «Шеф отдал нам приказ — лететь в Кейптаун». Никто больше не отдаст тебе приказ. Эти сказки не

про тебя. Ты исчерпал себя в качестве механической куклы, износился. Кончилась романтика дальних дорог, секретных миссий, тайных разработок и поисков справедливости в этом лучшем из миров (В другом — тоже. Финита.). Твой рыцарский плащ Дженни пригвоздила твоим же ржавым кинжалом к позорному столбу.

В сущности, ничего ужасного не происходит. Скажем так — не ты первый, не ты последний. Тебе предстоит (еще какое-то время и не более) обыкновенная жизнь обыкновенного человека пенсионного возраста. И только. Что в моей ситуации, наверно, самое скверное.

В субботу и воскресенье я изменил свой распорядок. Основная моя прогулка (кто с кем, а я — с левой ногой) не вечерняя, а утренняя. Утром в эти дни в университетских окрестностях очень оживленно. И все бегут. Бегут группами, парами, поодиночке. Издалека похоже на цветные ленты серпантина. В массе своей мужики. С некоторой завистью слежу за трусцой пятидесятилетних и старше. Увы, сам бегать не рискую, коварный враг мне это категорически запрещает. Встречаются и юные создания женского пола. Весьма привлекательные. Но я обращаю внимание на атлетически сложенных парней от двадцати до тридцати лет. Присматриваюсь. Придирчиво выбираю. Этот высок, широкоплеч, да ноги как жерди. Этот в теле, бицепсы, трицепсы — загляденье, однако лоб скошен, кретинский вид. Вот ребята с рекламной картинки, загорелые, белозубые, бегут без малейшего напряжения, весело переговариваясь между собой — беру любого.

Сексуальная переориентация? Хуже. Старческое слабоумие. Мечты о том... Мечтают все же о чем-то реальном. Значит, не мечты, а суходрочка... Химеры. Вдруг, тра-та-та-та-та, барабаны, трубы, Система призывает меня под знамена, и моя душа вселяется, въезжает, как в пустую квартиру, в обличье, тело того или другого парня, которого я заприметил (А что будет с их душами? Об этом не задумываюсь. Психология типичного душегуба.). И тогда, здоровый, тридцатилетний, скроенный по американским стандартам, я начну планомерную осаду дома на Диккенс-стрит. С такими физическими данными, да с моей змеиной мудростью, я вышибу с четвертого этажа и зеленый костюм, и всех визитеров мужского пола. Кроме. Ну с НИМ я пересекаюсь не буду, Система позаботится. И буду спать с Дженни каждую ночь... Каждую ночь не получится, сучья Система обязательно ушлет в служебные командировки. Ладно, окромя ко-

мандировок и кроме... я все же буду спать с Дженни. Каждую ночь. В течение сорока лет.

О'кей, тогда выбираю вон того, двадцатилетнего. Двадцатилетний — надежнее, больше неизрасходованных сил, что весьма пригодится со временем.

Есть мнение, что предыдущее поколение всегда завидует следующему. Не совсем так. Сначала молодежь завидует старшим, у которых ключевые посты в этой жизни. Пользуется протекцией старших, их помощью, чтоб продвинуться. Вот если удастся продвинуться, а главное, сдвинуть старшее поколение с насиженных мест (что не всегда очевидно), тогда старики (задвинутые) поднимают вопль: не та нынче молодежь пошла и не тем путем топает. Извечный конфликт отцов и детей.

Кажется, со мной такого не случалось (или еще не было времени на старческое брюзжание — наверстаешь). У меня молодые вызывают страх, в том смысле, что я боюсь за них. Смогут ли они прожить отпущенный им срок? Увернуться от грузовика, уцепиться за веревку, опоздать на самолет? То есть избежать роковых несчастий, которые поджидают каждого, ибо грузовой все равно в кого-то врежется и кто-то сядет в самолет, который рухнет в океан. И минуют ли их пули, предназначенные им, персонально (перед глазами — пример Сережи, ведь стрелять всегда будут, тут иллюзии абсолютно беспочвенны. Как человек, неоднократно бывший мишенью, свидетельствую: чтоб в тебя не попали — это вопрос не столько сноровки, сколько везения. Чему завидовать? Молодости, здоровью? На собственном опыте убедился, на опыте пяти или шести жизней, как все это быстро проходит.

Есть мнение, что существование наших детей и внуков станет безопаснее: дескать, большие войны кончились и кнопка ядерного чемоданчика гарантирует стабильность на Земле. Общество потребления, поверив на слово, радостно пустилось в пляс. Говорить о том, что человечество повисло над бездной, что к кнопке обязательно дотянется рука маньяка или фанатика, — считается занудством и дурным тоном. Дотянется (не хотят слушать, танцуют), еще взорвется (не слушают, поют), еще полыхнет (заткнули уши, потребляют). Не дотянется маньяк, нажмут на кнопку сами охранники. И не спрашивайте почему. Я их знаю, охранников, наблюдал с близкого расстояния.

Конечно, будущие поколения будут жить более комфортно. То есть с меньшими затратами физической энергии и сил, то есть пагубнее для собственного здоровья. Победили прежние

болезни? Нагрянут новые, неизведанные. Плюс изобретут диеты и средства для похудения, которые будут косить людей эффективнее, чем холера и чума.

В общем, я пессимист. В светлое будущее не верю. Тем не менее люто завидую вон тому мальчишке, что беззаботно бросает мяч в баскетбольную корзину на спортивной площадке. Лет через десять он вырастет в двухметрового лохматого бугая, сексуально озабоченного, а Дженни (шикарная леди, мечта дворового хулигана) специально остановит открытое ландо у баскетбольного поля. То есть у мальчишки будет шанс, которого у меня уже не будет.

Иногда для каких-то своих целей Дженни извлекала меня из шкафа. Куда-то, к кому-то. И там, у кого-то, повинуюсь мимике ее лица, я чинно представлял, надувал щеки или разглагольствовал. О чем? Сие не имело значения ни для нее, ни для меня. Видимо, она давно для себя решила: все, что я могу сказать, она уже слышала. И, понимая это, я даже не помнил, что молол, а она — тем более. После того, как я отработывал номер, меня опять куда-то запикивали, но тряпке, которую протюжили асфальтовым катком, что лежать в прихожей, что висеть на балконе — без разницы.

Иногда мы пересекались с ней в городе за чашкой кофе, и я исполнял роль верной подружки. Поддакивая, охая, употребляя одобрительные междометия, слушал монолог, который не требовал никаких моих комментариев. Упаси Бог, что-нибудь вякнуть! Как арестанта за провинность, лишат на полгода свиданий.

Зато я цепко ухватывал редкие слова, обращенные непосредственно ко мне, пробовал их на зуб, вертел в руках, просматривал на свет, пытаюсь найти в них двойной смысл, хотя все это было бессмысленно, в том смысле, что наши отношения для Дженни давно потеряли всяческий смысл.

— На какие темы помолчим, профессор?..

— Не надо меня бояться. Я сама себя боюсь. Впрочем, ты прав, это красивая фраза (ты же так подумал?), которая не меняет ничего...

— Вчера ты был бесподобен. Приступ вдохновения? Еще как слушали! Раскрыв рты, пуская слюни, развесив уши. Они же привыкли сплетничать о Шарон Стоун, Линде Евангелисте, Клаудии Шиффер и прочих блядах. Малость приелось. А тут другой век, французские фамилии: Колло Д'Эрбуа, Билло-Варенн — сколько экзотики! А если бы ты вставил имя какого-

нибудь неандертальца, они бы почувствовали себя людьми, освоившими европейскую культуру. Я не ехидничаю. Лишь напоминаю, что если ты собрался с духом и жаждешь мне объяснить, почему Сен-Жюст застыл Девятого термидора, как каменный истукан, и какие на самом деле им руководили благородные намерения, если ты желаешь ответить на какой-то мой укол, на то, что наболтала второпях (убей, не помню!), — то для этого есть путь попроще. Позвони мне домой, когда я укладываю Элю...

— Один мой старый знакомый заимел скверную привычку являться ко мне на ночь глядя...

Верная подружка невольно наострила ушки. Согласитесь, было от чего. Точно, однажды я его заприметил. Не самого, а евойный драндулет. Зеленый «ягуар». Естественно, все свои размышления вслух, доводы «за» и «против», Дженни адресовала к себе самой, однако на этот раз я рискнул высунуться, блеснуть оригинальной идеей:

— Наоборот, воспользуйся случаем и выходи замуж за миллионера...

— ...чтобы поездить в «Ягуаре», который я так хочу иметь, пожить в богатом большом доме, понять, что все это мишура, суета, а, главное, за все это надо платить, платить несвободой, подчинением нелюбимому человеку. Через год развестись, получив парочку миллионов после бракоразводного процесса. Таким образом пройти искушение, стать во всех отношениях независимой бабой и в итоге вернуться к тебе...

Она произнесла монотонно, почти слово в слово все, что я собирался сказать.

— Сейчас ты все-таки его ждешь, а так разозлишься и сбежишь от него, — продолжал я по инерции. И заткнулся под ее взглядом, квалифицировать который не решусь.

И больше не возникал. О чем с ней говорить, если все мои речуги она знает заранее?

У меня впечатление (или, скажем, уверенность), что ей неинтересно, неприятно со мной общаться. Но она заставляет себя, то есть делает специально, чтобы доказать себе, как правильно она поступила, уйдя от меня. Вот, мол, смотри, как он распадается прямо на глазах, и это только цветочки, а что с ним будет через год, два?

Странная ассоциация, я чувствую себя человеком, которого приговорили к расстрелу. Солдаты прицелились, сейчас последует команда, надо бы стоять с гордо поднятой головой, ничего

другого не остается, а он, приговоренный, еще на что-то надеется, выкрикивает бессвязные фразы, причитает, пытается кого-то разжалобить, падает на колени... Брр... Мерзкое зрелище.

— «Они путают Монтеские с монпансье». Заклеймил. И очень собой доволен. Экспромт? Небось придумал загодя. Перед кем хотел отличиться, перед Молли или Питером? Бедные твои студенты... Хорошо, я назову тебе сорок имен — могу сто, могу двести — ограничимся сорока. Это имена певцов, музыкантов, спортсменов, актеров, телеведущих популярных программ. Априори ты презираешь людей этих профессий. Но их имена — знак нашего времени, они вошли в жизнь мальчиков и девочек второго, может, третьего поколения. Это наш воздух, наш быт, наше существование. Где-нибудь на Марсе встретятся два незнакомца, произнесут имя Маккартни (Ты меня поправишь: Макартур. Фамилии генералов ты выучил наизусть. Певцов — в гробу видал.), Пола Маккартни, и сразу возникнет контакт, взаимопонимание. Эти имена — ключ к нашему времени, так же как твой Монпансье — Монтеские ключ к твоему каменному веку. Перечислить? Ну, хотя бы Гарфункел, Морисон, Корбейн. Кто они? Музыканты, спортсмены, водопроводчики? Я назову сто, двести имен. Ни одно из них ничего тебе не скажет. Ты их не знаешь, более того, и знать не хочешь. Какое-то верблюжье высокомерие.

— Ведь я умру, моя девочка.

— Как же, умрешь! От тебя дождешься.

Уломал ее, уговорил! Все-таки, когда чего-то очень хочешь от женщины — добиваешься. Вообще-то на успех не рассчитывал, но, заметив, что она колеблется, удвоил натиск.

— Дай, — говорю, — дай хоть раз в жизни сделаю для тебя что-то полезное. Целый день ты в машине, в офисе, совсем не дышишь свежим воздухом. Тут пешком ходу полчаса. Туда и обратно — час. Тютелька в тютельку. Ну если в кои-то веки выпал свободный час, используй его себе на благо. Человек создан как двигательное животное...

Привел массу убедительных аргументов.

Переложили мы ее покупки в багажник, оставили «понтитак» на паркинге супермаркета и отправились на оздоровительный моцион.

В загул с любимой женщиной! Полчаса туда, полчаса обратно. Что еще надо для полного счастья!

Еще что-то надо??

В этой эйфории забыл, совершенно забыл основной постулат разведки: враг не дремлет. (Последнее время я так долго возился с *коварным врагом*, что запамятовал о существовании *злейшего врага*. Что-то много врагов у меня развелось...)

Враг притаился. Заманивал.

И вот, как бывает только в чертовом Городе чертовых Ангелов, чертово солнце прорвало жиденький слой облачков (с таким трудом их нагоняли, обещали пасмурную погоду, ну погодили бы для приличия часок — нет, дудки!) и начало с остервенением шпарить.

Синоптическое отступление. Жители Лос-Анджелеса привыкли, что у них или тепло, или очень тепло, или конец света. Поэтому сводку погоды никто не слушает, а смотрят на календарь. По календарю для конца света еще рановато. Правда, мелькнуло сообщение, что задует восточный ветер из Невады. Население этот прогноз дружно проигнорировало, а я не понял, что сие означает. В принципе жарой меня не удивить. В этом смысле в Гонконге и в Ливане тоже не сахар. И в Южной Африке есть теплое местечко — Калахари называется, — где мне пришлось загорать недели три. Рекомендую для самоубийц. Но, примо, я бы никогда туда не поехал по доброй воле, секундо, если уж туда попал, то знаешь, куда попал, и соответственно подготовлен.

А тут? Впечатление, что живешь в цивилизованном городе. Приглашаешь девочку прогуляться. Я ж не злодей, я ей только добра желаю. Погода вроде благоприятствует любви. И вдруг солнце как с цепи сорвалось!

Стрелка на уличном градуснике хищным зверем прыгнула вверх. Прошло всего десять минут, и мы прошли два квартала, глупо возвращаться, а оказались в другом климате. Какой, к черту, климат? Пекло. Чертово пекло, какое же еще? И я чувствую, как моя девочка, что идет рядом, но не разрешает брать себя под руку (нечего меня баловать!), тихо закипает с неумолимостью чайника на раскаленной плите. Сначала пыталась не обращать внимания и даже что-то лепетала. Потом замолчала. Небось подумала, что я нарочно все подстроил. Отогнала эту мысль как недостойную. Послала мне вымученную улыбку.

Солнце шпарит. Чайник закипает.

За что ей такая каторга?

Мы входим в тень большого здания. Сейчас полегчает. Ни хрена! Как в финской сауне. Потому что солнечные лучи отражаются от стеклянной стены билдинга на той стороне улицы и бьют в нас рикошетом. Такая чертовщина возможна лишь в городе чертовых Ангелов!

Чайник клокочет на плите. Ничем не провинилась, а влипла в историю. Влипла: юбка прилипает, кофточка прилипает... Как она себя ругает! Зачем согласилась? Опять поддалась его причудам, в Лос-Анджелесе нормальные люди ездят на машинах, время — деньги, а я теряю с ним и время и деньги, и сейчас потечет мой макияж. Я вижу себя ее глазами — капризный старикашка, с мокрыми пятнами на рубашке, с лоснящимся лицом и испуганным взглядом. Боже, думает она, что у меня с ним общего? Какой ушат помоев она на меня выльет, и я заранее вытягиваю голову в плечи. И еще она злится потому, что в последний момент не сможет всего этого высказать, пожалеет меня. Ну почему, почему я должна его жалеть, думает она, когда все это кончится?

Действительно, когда? Солнце расплавил асфальт, солнце расплавил время, маленькая романтическая прогулка растянулась на вечность. Мне кажется, что от меня за версту несет лошадиным потом — вернулась та мания, что преследовала меня, когда я с эскадромом возвращался после учений в парижскую казарму.

И вот наконец, даже не верится, мы пересекли Синайскую пустыню, добрали, доковыляли до людного перекрестка Беверли-бульвар с Ферфакс-авеню, где находится нужный ей банк, и сейчас нырнем в блаженную прохладу банковского офиса, ибо солнце в Лос-Анджелесе плавит все, кроме денег. Как я и предполагал, моей девочке удастся взять себя в руки, она лишь мерит меня тяжелым взглядом и мрачно роняет:

— Думаешь, за эти подвиги тебе поставят памятник?

В ее глазах недоумение. Она не понимает моей реакции. Ей не нравится, когда она не понимает моей реакции. А я улыбаюсь. Я улыбаюсь иронии судьбы, случайному совпадению, я не подстроил ничего нарочно, так получилось.

— Обернись. Посмотри. Мне уже поставили памятник.

* * *

Конечно, в своих одиноких скитаниях по городу я приходил на это место. И не раз. Памятник представляет собой двухкорпусную ажурную металлическую конструкцию. Еще он похож

на бабочку, в вертикальном положении расправившую крылья. На цоколе мелкими буквами выгравировано:

Рауль Валленберг

Этот «ангел спасения» отправился в Будапешт летом 1944 года как шведский дипломат с целью спасти оставшихся венгерских евреев от печей Освенцима.

Он оформил тысячи пропусков, организовал нелегальные квартиры, вернул осужденных, сняв их с депортационных поездов и «маршей смерти». В последние часы оккупации города он не допустил взрыва нацистами гетто, где проживали 70 тысяч евреев.

Советская Армия неверно истолковала его деятельность и взяла его в плен. Он так и не вышел на свободу.

Он сохранил нашу веру в человечество.

Оставшиеся в живых

Скульптор Аззетто сделал памятник в стиле модерн, а современное искусство, откровенно говоря, я не очень понимаю.

Но меня занимает другая загадка. Как Аззетто распознал двойственность натуры Рауля Валленберга? Или это тоже случайное совпадение?

II. РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ

Допросы шли через переводчика, по-немецки. И на допросах с ним обращались весьма корректно. Наверно, они очень разозлились, когда догадались, что он понимает по-русски.

Как они догадались? Каким образом он себя выдал?

В виде наказания ему тут же сменили следователя. И первые слова, которые он услышал от этой свиноподобной массы, были:

— Фашистское отродье!

Он не понял их. Или не понял, что они относятся к нему. И вообще следователь орал слова, которые он ни разу не встречал ни в одном учебнике русского языка:

— Тра-та-та-та, шпионишь, тра-та-та-та — дурочку валял, тра-та-та-та, в рот, тра-та-та-та, в нос, тра-та-та-та, запоешь.

Тонкий дипломат, он привык схватывать с полуслова, однако тут его наука была бессильна.

Следователь ударил его неожиданно, без замаха.

Рауль Валленберг очутился на полу. Он встал, потрогал разбитую губу. Следователь смотрел на него с интересом. И тогда Рауль Валленберг понял, кто перед ним. На профессиональном жаргоне их называют вышибалами. Вышибала должен запугать,

сломать подследственного. Свиночодобная масса с сержантскими погонями (все продумано до мелочей, специально, чтобы унижить: дипломата допрашивает сержант! Маскарад. Небось в чине майора) — умелый вышибала, он ознакомился с объективкой на Валленберга, где указывается вспыльчивый характер графа. Он ждет, что гордый швед бросится на него с кулаками.

Не поддаваться на провокации!

Валленберг осторожно сел на край табуретки.

Ударом ноги следователь вышиб из-под него табуретку. Валленберг упал.

— Да что вы все время падаете? — удивился следователь. Не глядя на Валленберга, он устроился за столом, достал из папки чистые листы, деревянную ручку со стальным пером, открыл чернильницу. Теперь он задавал вопросы официальным тоном на доступном Валленбергу русском и записывал ответы, макая перышко в чернильницу.

— Какими языками владеете?

— Английским, немецким, немного говорю по-венгерски.

— А шведский?

— Шведский мой родной.

— Надо было сказать, — проворчал следователь. — Почему утаили, что знаете русский?

— Русский я не зная. У меня трудности с русским языка. Я понимаю, но говорю плохо.

Следователь почему-то усмехнулся:

— Русскому научим. Бесплатные курсы. Когда вы начали изучать русский?

— Когда великий Советский Союз объявил войну Финляндии, — ответил Валленберг, тщательно выбирая слова, а сам про себя подумал: «Весь цивилизованный мир пишет авторучками, а в главном сыском управлении великой державы пользуются чернильницами».

Следователь записал, встал, прошелся по кабинету как бы раздумывая. Удар. Валленберг ощутил, что из носа идет кровь.

— Тра-та-та-та, гадина, тра-та-та-та. Запомни: фашистская Финляндия напала на Советский Союз.

После месяца «бесплатных курсов» Валленберг увидел, что его русский язык и впрямь прогрессирует. Не было проблем, когда следователь официальным тоном вел допрос и записывал ответы деревянной ручкой со стальным пером. Но по-прежнему Валленберг ничего не понимал, когда следователь начинал орать. И никогда он не мог предугадать удары вышибалы — тот их наносил молниеносно.

— Опять, плять, дурочку валяем?

Свиноподобная масса нависла над Валленбергом. Он напрягся. Он выделил из тарабарской дичи вышибалы это слово — плять, потому что за ним обычно следовал... И нельзя руками закрыть лицо. Он считает. Раз, два, три... Обычно на четыре... Но вышибала вдруг возвращается на свое место, берет ручку и совершенно спокойно, даже с некоторым сочувствием, говорит:

— Напрасно вы надеетесь, гражданин граф. Ни в Швеции, ни в Америке, ни в Англии никто пальцем не пошевелит в вашу защиту. Никому вы теперь не нужны. Где вас завербовали люди Шелленберга?

И Рауль Валленберг понимал, что в данном случае следователь не запугивает, а констатирует горькую для шведского дипломата истину. Большие батальоны всегда правы. В Европе сейчас самые большие батальоны у Красной Армии, и никто не захочет с ней ссориться. В период, когда гибнут народы и государства, перекраивается карта мира, кого может озаботить судьба отдельного человека? В науке это называется «попасть под колесо Истории». В случае с Валленбергом колесо Истории приняло свиноподобные формы вышибалы, и вышибала свою работу выполняет, ломает его, добьется того, что Валленберг будет дрожать от страха при приближении к нему следователя — против лома нет приема. Следователь ошибался в одном: Валленберг не надеялся на помощь извне, он надеялся только на самого себя, на то, что, изображая тупую покорность, он сможет притупить бдительность следователя. Валленберг знал, что многоопытный следователь ждет подвоха. «Но неужели я его не переиграю?» И искусно «валял дурочку».

И он почти выиграл. Улучил момент, бросился на вышибалу, опрокинул его со стулом на пол, вцепился пальцами в горло, обхватил, как ему казалось, железными тисками. Лежа на спине, прижатый к полу, следователь не мог применять свои зубодробительные удары. Он молотил Валленберга кулаками по ребрам и орал. Валленберг не рассчитывал задушить вышибалу, он посчитал, что испуганный следователь вытащит из кармана пистолет, выстрелит ему в голову, и, таким образом, все мучения Валленберга разом прекратятся.

На крик прибежал конвой. Били сапогами. «Не отцеплюсь, думал Валленберг, — пусть убивают». Но Валленберг переоценил свои силы, вернее, недооценил сноровку конвоя.

Провал. Темнота. Что-то ледяное и мокрое на лице, и одновременно с этим приходит ощущение дикой боли во всем теле.

Глас ангела или архангела? Как бы не так!

— Плесни еще из ведра, — услышал Валленберг знакомый

голос. — Я те говорю, что он дышит. Вон зашевелился. Я с ним, понимаешь, как с человеком обращался, а он, тра-та-та-та, повел себя как настоящая плять!

Жуткий удар в живот.

Провал. Темнота.

Потом был лазарет, хлопоты врачей, уколы, лекарства. Валленбергу вставили новые зубы, но он чувствовал, что внутри у него все отбито, и там уж ничего не заменить. Простая физиология (пардон!) являлась для него пыткой.

После долгого перерыва его повезли на допрос в кресле на колесиках. Сам идти он не мог.

В кабинете (можно сказать, родном и привычном) кругленький майор (в каком же он на самом деле чине?) с добродушным бабьим лицом и васильковыми глазами заохал, запричитал:

— Дорогой мой граф, зачем вы это сделали? Как теперь поправить ваше драгоценное здоровье? Согласен, Иванов применял незаконные методы следствия, он будет наказан, однако согласитесь, вы тоже его спровоцировали. Зачем? У нас в народе говорят: здоровье дороже. И как вам самого себя не жалко? Вам дали обезболивающее? Курите? Курите.

На столе перед Валленбергом дымилась чашка чая и лежала распечатанная пачка папирос «Казбек». Майор любезно щелкнул бензиновой зажигалкой. Валленберг затаился и подумал, что с папиросой он еще какое-то время продержится.

Собственно, допросы, как таковые, кончились. Добродушный майор зачитывал Валленбергу его показания, записанные анонимным Ивановым (могли бы фамилию придумать пооригинальнее), спрашивал, все ли соответствует сказанному и не добыто ли это незаконными методами следствия. Если Валленберг корректировал или опровергал, майор писал версию Валленберга на отдельном листочке и прикладывал к нужной странице в оранжевую папку, на которой было нацарапано фиолетовыми чернилами: «Дело № 4350 С». Как только майор замечал, что Валленберг устал, он отправлял его обратно в камеру.

Однажды по дороге в камеру произошла накладка. Встретились два конвоя. Встречный конвой в панике приказал рыхлому свиноподобному человеку в гимнастерке без ремня встать лицом к стене, но Валленберг узнал своего палача, анонимного Иванова. Валленберг усмехнулся. В коридорах лубянской тюрьмы подобных накладок не бывало и быть не могло. Этой мизансценой Валленбергу давали какой-то знак.

Врачи продолжали свои хлопоты, кормили прилично и «Казбеком» потчевали без ограничений. Без ограничений давали обезболивающие и снотворные, которые уже не помогали, и

тогда стали колотить, и Валленберг как бы жил от укола до укола, понимая, что ему колотят и как это опасно. Опасно не для здоровья — он не жилец на этом свете, — опасно как средство давления на его психику, ведь в любой момент, шантажируя, уколы могли и прекратить.

В кабинете смена декораций. Вернее, декорации те же, включая «Казбек» и оранжевую папку на столе, но на месте добродушного круглолицего майора — худой полковник с седым ежиком волос, очки в толстой роговой оправе на крючкова-том носу. Поздоровавшись, полковник жестом указал на «Казбек», мол, не стесняйтесь, сам продолжал листать дело, а Валленберг, закурив (ему доверяли пользоваться спичками!), смотрел на нового визави и думал, что такое лицо типично скорее для берлинских, венских или лондонских кабинетов — не для Москвы.

— Страница 59. Ваши слова, что вы с восторгом приветствовали приход Красной Армии, тоже выбиты из-под палки?

— Эти слова готов повторить, — с обидой ответил Валленберг, хотя нелепо и глупо было обижаться на что-нибудь после всего, что с ним, Валленбергом, сделали, — повторить и добавить: день, когда за мной приехала машина из штаба командующего фронтом, я считал счастливейшим днем.

Полковник захлопнул папку:

— Тогда зачем вы все это затеяли?

— Что именно?

— Набросились на следователя и спровоцировали конвой?

— Вам жалко кого, меня или Иванова?

— Кто это — Иванов? — нахмурился полковник. — Ах, да, конечно, Иванов. Послушайте, граф, вам лучше, чем кому-нибудь, известны подразделения Системы. Вы попали в самое худшее, но и тут есть свои правила. Сначала вышибала, потом добренький следователь. Рутинка. Не могли еще немного потерпеть?

Валленберг насторожился. Шведский дипломат совсем не обязан знать правила Системы. Полковник говорит о своем колхозном хозяйстве или это намек на Систему? Тогда за кого он его принимает?

— А вы, полковник, извините, не знаю вашего настоящего чина, главный следователь? — вкрадчиво спросил Валленберг.

Рисковая проверка! Вышибала вместо ответа сломал бы ему половину зубов, а добренький с улыбкой бы заметил, что на Лубянке вопросы задает *гражданин* следователь.

— Граф, я из другого ведомства, — имитируя вкрадчивый тон Валленберга, сказал полковник. — Вы в руках Министерства госбезопасности, к тому же ваше дело апробируется на вы-

соком уровне. Их интересует политический аспект, а меня интересуют голые факты. Я сам работал в Германии, и мои люди работают в Европе. Ваше право верить мне или нет или считать мои откровения хитроумной уловкой следствия. Не скрою, я знаком с материалами следствия. Неоднократно запрашивали мое мнение.

— А я удивился, — воскликнул Валленберг по-немецки, — почему этот... — В последний момент он заменил слово. — ...медведь задает грамотные вопросы. Вы ему суфлировали?

— Вам трудно говорить по-русски? Это моя ошибка, пожалуйста, продолжайте по-немецки, — ответил полковник на безукоризненном *deutsche*, — да, я ему подсказывал вопросы. Вопросы, граф, не линию поведения. В данном случае нас не спрашивают. Другая служба.

— И какое вы давали резюме?

— С исчезновением вышибалы настольную лампу перестали направлять в лицо Валленбергу, но ее свет отражался в стеклах очков, и Валленберг не видел глаз полковника.

— Мое мнение таково: ваша легенда очень убедительна в деталях, неубедительна в главном. И уверяю вас, на моем месте вы бы сделали точно такое же умозаключение. Вы выстроили красивую легенду, граф. Возможно, когда-нибудь забудут подвиг советских солдат, штурмовавших Пешт и Буду. История — штука капризная, ее переписывают. В памяти останется легенда о человеке, спасителе десятков тысяч людей еврейской национальности. О вас будут сочинять книги и слагать песни...

Голос полковника звучал ровно, выражение глаз скрывал отблеск очков, Валленберг подумал, что очки, наверно, специального изготовления.

— ...Вполне допускаю, граф, что вы смогли предотвратить взрыв гетто. Советские танки ворвались в Буду, и охранники гетто заботились уже не о выполнении приказа, а о собственной шкуре. Но это весна сорок пятого года. А в сорок четвертом они еще верили в победу третьего рейха. Вполне допускаю, что вы на свой страх и риск оформили десять, двадцать, ну сто пропусков. Но раздавать шведские паспорта направо и налево, вывозить евреев пачками из Венгрии, прятать их на тайных квартирах? И это в условиях тотальной слежки режима Хорти и антисемитизма местного населения? И Эйхман, ответственный лично перед Гитлером за Окончательное Решение, смотрел на шалости шведского дипломата сквозь пальцы? Я не верю вам, граф.

— Не верите мне? Запросите вашу агентуру, ваших людей, — рассердился Валленберг и получил сухой ответ:

— Наша агентура следила за передислокацией войск противника, и в первую очередь танковых частей. Нам эти сведения тогда представлялись более важными.

«Он не прикидывается, — подумал Валленберг. — Он не следователь, он разведчик. Жалко, что я не могу ему рассказать правды. Он не поверит».

— Я не ставлю под сомнение ваши поступки, — монотонно продолжал полковник, поблескивая очками. — Я хочу знать, кто прикрывал вашу деятельность. Профессиональный интерес. Поймите, граф, я знаю, в каком вы состоянии и что вы держитесь на уколах. Я вам сочувствую, но от моего сочувствия вам ни холодно ни жарко. Не могу ничего вам обещать. Они спросят мое мнение, а решат вашу судьбу так, как им прикажут. К тому же...

— Я не жилец на этом свете, — в тон ему сказал Валленберг. — Спасибо, полковник, вы достаточно откровенны. — И снова: — Курите? Курите. Не валяйте дурочку.

— Вы встречались с Эйхманом? Вы купили Эйхмана? Вы могли купить Эйхмана? — залпом выстрелил полковник.

Валленберг поморщился. Возвращались боли.

— Я искал встречи с Эйхманом, ибо Эйхман был ключевой фигурой. Встречи не было. Эйхмана нельзя было купить. Но по каким-то своим соображениям Эйхман посчитал, что ему лучше не вмешиваться в мои дела.

— Все?

— Все.

Полковник снял очки. Колючий, неприязненный взгляд.

— Как я и предполагал. Какие-то соображения Эйхмана имели имя. Имя это — Вальтер Шелленберг. Бригаденфюрер СС, начальник Шестого управления. Только Шелленберг мог дать понять Эйхману, что ваши игры — это его игры. А в игру начальника внешней разведки третьего рейха лучше было не вмешиваться. Где и когда вас завербовал Шелленберг?

— Нигде и никогда. Не верите? Устройте нам очную ставку. Я бы хотел посмотреть на вашего Шелленберга.

— Шелленберг — нацистский преступник, — зло проартикулировал полковник. — Он будет судим международным трибуналом и повешен, как и все нацистские преступники. — И, поостыв, добавил: — Я бы добился очной ставки. Тут вы можете мне поверить. Но он не в наших руках.

— Вы слишком откровенны, полковник. Это не к добру. Я чувствую, мне не выйти с Лубянки. (В данный момент Валленберг чувствовал, что в позвоночник загоняют гвозди, а в животе — два раскаленных кирпича. Действие укола кончилось. Попросить позвать врача? Небось полковник только того и ждет,

чтобы сыграть роль добренького или злого следователя. «Не могли еще немного потерпеть?». Могу, полковник.) Я стараюсь быть тоже предельно откровенным. Почему? Потому что помню, как тысячи обреченных людей — для вас это лица еврейской национальности, а для меня беззащитные люди, обреченные на смерть, — ждали прихода Красной Армии, армии-освободительницы. И ведь вы не сидели здесь, в Москве, вы же были в наступающих войсках?

— Именно так, граф. Тогда я уже был в наступающих войсках. Но перед этим ваш Шелленберг много бы дал, чтоб я оказался в его руках. — Мелькнула самодовольная улыбка, которую полковник погасил, растерев пальцем переносицу и надев очки. — Почему у вас возникло желание посмотреть на Шелленберга?

— Нашего или вашего?

Очки полковника нейтрально поблескивали, и вдруг Валленберг продолжил с пророческой убежденностью:

— Майн Готт, я понял, почему я оказался в ваших руках. Ваших или Министерства госбезопасности, НКВД, советской разведки, — не важно, как вы теперь называетесь. Так вот, это все Шелленберг, это его наводка. А в результате... Меня скоро не будет... Вы, может, и будете сидеть в своем кабинете...

Свет в стеклах очков застыл.

— ...Не знаю, полковник, в ваших делах я не провидец. Но вы, пожалуйста, запомните мои слова. Бригаденфюрер СС или внезапно умрет в тюрьме до процесса, или его осудят на минимальный срок и выпустят на вольное жительство через пару лет.

* * *

Официальная информация была приблизительной и расплывчатой. Вроде существуют специальные лагеря, куда свозят для уничтожения евреев со всей Европы. Лагеря, естественно, засекречены, туда не проникнуть, но если вам, Рауль Валленберг, удастся вручить пропуска в Швецию хотя бы сотне человек и тем самым спасти их от гибели, то можете считать свою миссию выполненной. Действовать предписывалось в рамках дипломатической легальности.

Неофициальная информация (не из шведских источников) была более конкретной. По каким-то причинам вас убирают из Стокгольма. Поручают безнадежную миссию. Еврейским вопросом занимается Эйхман, Эйхман и только Эйхман. О каждом вашем шаге в этом направлении ему доложат. Эйхман фанатик,

его не купить. Для Эйхмана превыше всего доверие Гитлера, и все это знают. И тут, парадоксально, у вас единственный шанс: если бы вам удалось нейтрализовать Эйхмана (как?), то от вас разом отцепились бы все венгерские и немецкие службы. Кроме Шелленберга. У Венгрии статус независимого государства, поэтому она — его вотчина. Однако есть мнение, что Шелленберг не будет усердствовать. При условии, что Эйхман его об этом не попросит, а вы ни на йоту не отступите от своей миссии: репатриация на родину подданных шведской короны, пусть они и смешанных кровей.

Прибыв в Будапешт, Рауль Валленберг первым делом стал искать встречи с Эйхманом. И встречаться с разномастными людьми, которые встречались с Эйхманом. Город наводнили авантюристы и авантюристки всех мастей. Еще бы, после высадки американцев во Франции Будапешт служил как бы последним курортом для офицеров вермахта. Здесь в театрах играли оперетты, в ресторанах подавали гуляш и наливали токай, дамы были очень отзывчивы, и, прогуливаясь по набережным Дуная, никто не опасался выстрела в спину — идеальное место высоким чинам отдохнуть от трудов праведных. От трудов праведных в Польше, Югославии и на Восточном фронте... А наиболее проникательные чины уже догадывались, что знакомство со шведским дипломатом, таким любезным и щедрым, скоро может оказаться весьма полезным. Услуга за услугу. И Валленбергу организовали встречу с Эйхманом.

Официально никакой встречи не было. Эйхман не хотел, чтоб у Шелленберга был повод нашептать фюреру, будто он, Эйхман, имел контакт с дипломатом нейтральной страны. Просто на приеме в турецком посольстве Эйхман уединился с послом для конфиденциальной беседы — по просьбе посла, и тут совершенно случайно в кабинете появился Рауль Валленберг, и тут (стечение обстоятельств!) посла срочно вызвали в шифровальное бюро на радиосвязь с Анкарой. И посол, принеся тысячу извинений, пообещал вернуться через минуту. Посол вернулся через двадцать пять минут. Обычно посла не спрашивают, о чем он разговаривал с правительством своей страны. Посол в свою очередь не спросил, как скоротали время его дорогие гости. Наверно, разговаривали о погоде или обсуждали нравы темпераментных мадьярок. Посол поблагодарил графа Валленберга, что тот не оставил в одиночестве его превосходительство герра Эйхмана. Швед понял намек и удалился.

...Пожалуй, никогда еще Рауль Валленберг так тщательно не готовился к «случайной встрече». По крупницам он воссоздал

для себя психологический портрет человека, которому поручили осуществить Окончательное Решение. И не ошибся. Эйхман не был фанатиком, не был злодеем. Он был человек Приказа. Если бы ему приказали вывезти евреев за пределы рейха в целостности и сохранности, он бы выполнил приказ, да еще бы отличился — вывез с комфортом. Но ему приказали их уничтожить. Он и тут отличился: понастроил газовые камеры, чтобы увеличить, так сказать, производительность труда, пропускную способность лагерей смерти.

Информацию о газовых камерах Валленберг отправил в Стокгольм. Складывалось впечатление, что ему не очень повезло...

Итак, Эйхман не был чудовищем. Хуже. Исполнительным чиновником, методичным и пунктуальным. Вышколенным слугой своего хозяина. Однако, как и у всех слуг, для которых главное Приказ, у Эйхмана было слабое место. Он преклонялся перед элитой власти. И, как прирожденный слуга, кожей, нутром чувствовал присутствие Барина.

В последние годы Эйхман привык, что его все просят. Униженно, заискивающе, сохраняя достоинство, или как бы между прочим — но просят. Все, всюду и всегда. Слуге, дорвавшемуся до власти, было чрезвычайно приятно выслушивать просьбы и, еще слаще, отказывать. И он отвергал взятки потому, что тем самым он доказывал им, предлагавшим взятки, что он, Эйхман, отныне тоже Сеньор.

Естественно, Эйхману давно доложили о странном интересе, который проявляет шведский аристократ к этим... ничтожным, сопливым, вшивым... и когда посол, применив неуклюжую восточную хитрость, оставил их наедине, Эйхман ждал от дипломата просьб, завуалированных денежных посулов или, если дипломат и впрямь друг третьего рейха, за коего он себя выдает, внятных объяснений своего поведения.

...В первые секунды Эйхман не понял, о чем с ним говорит граф Валленберг. А когда понял, невольно вытянулся и начал почтительно внимать каждому слову. Граф говорил о мистике Нордической Расы, об историко-философском аспекте Великих Северных Легенд. Тема, на которую фюрер любил рассуждать лишь с самыми близкими к нему людьми.

Постепенно Валленберг перешел к повседневности. Вскользь, без малейшего педалирования, промелькнули имена: Вальтер Шелленберг, фон Риббентроп... Эти Шелленберги, Валленберги — высокая каста, всегда у власти, подумал Эйхман, не то что он и Борман, парвеню, выходцы из семей галантерейщиков и мясников.

— Мне нужны подданные шведской короны, — сказал Валленберг, — я их вывезу на родную землю. Нас очень мало, шведов.

— Граф, — позволил себе реплику Эйхман, — вы говорите, как король Швеции.

Безошибочное собачье чутье слуги его не обмануло. С Эйхманом действительно беседовал король Швеции. Причем не нынешний осторожный Густав, а король той Швеции, что присоединила к себе Норвегию и держала гарнизоны в Северной Померании, — Карл Четырнадцатый. Могущественный владыка. Не беседовал, а давал аудиенцию.

Расчет Валленберга и строился на том, что Эйхман поймет: ему сообразовали дать аудиенцию. Кто-то из сильных мира сего, скрывающийся под именем шведского дипломата. И пусть потом Эйхман ломает голову, что все это означало. А он, Валленберг, посмотрит на результат.

Валленбергу не суждено было узнать, какими соображениями руководствовался Эйхман. И как тот вычислял, кто стоит за фигурой шведского графа. Возможно, Эйхман решил, что существуют соображения высшего порядка на самом верху третьего рейха. Эйхману намекнули, а он должен держаться в стороне. А если что не так — сразу вмещается Шелленберг.

Что же касается результата, то Валленберг увидел, что у него руки развязаны. Страшная машина уничтожения, заведенная Эйхманом, продолжала действовать с немецкой пунктуальностью, однако Валленбергу исправно выдавали людей по его спискам. Не было ограничений в количестве. «Сколько в списке? 352? Яволь, битте». Были ограничены возможности посольства в изготовлении шведских паспортов, возможности сбора информации, ведь данные, записанные в паспорте конкретного человека, должны быть идентичны его венгерским документам — педанты немцы за этим следили особенно внимательно.

Следили ли они за самим Валленбергом?

Легкость, с которой удавалось выполнять его миссию, смущала. Хотя было ощущение, что за ним все время наблюдают. И когда он подъезжал на автомобиле шведского посла к ратуше, и когда зимним вечером помогал транспортировать на санках старую еврейку на снятую на чужое имя квартиру, и когда на окраине города встречался в кафе с еврейскими активистами, передававшими ему рукописные анкеты, — в кромешной тьме улицы (светомаскировка!) фосфоресцировали волчьи глаза.

...Вышибала на Лубянке спросил (по шпаргалке полковника):

— Вы обладали обширной информацией, почему вы не пытались переправить ее советской разведке, если вы с таким нетерпением ждали Красную Армию?

Как переправить?

Рождественская открытка: Валленберг бродит по Будапешту, стучится в двери и интересуется, мол, не здесь ли живет советский разведчик?

Валленберг нарисовал словесно эту открытку и... выплюнул с кровью передние зубы. Вышибала не понимал юмора, вернее, реагировал на него однозначно — зуботычиной.

— Опять дурочку валяем?

Чтобы перебороть унижение и боль, Валленберг старался смотреть на происходящее как бы отстраненно. И он подумал: «По форме — грубо, по сути вышибала логичен. Нечего прикидываться, будто не знаешь, как ищут контакты...»

Так вот, в Будапеште он не искал контактов с советской агентурой. Даже не пытался. Ибо предполагал, что, как только он это сделает, — моментально возникнут люди Шелленберга. Шелленберг уж точно не был добреньким дядюшкой и по каким-то своим соображениям не трогал шведского дипломата, пока тот держался в рамках. Один ложный шаг — и волчья стая вцепится.

Держаться в рамках. Не переступать пределы. И собственноручно проверять каждый паспорт: в написании имен шведская орфография должна была строго соответствовать венгерской фонетике. Поэтому если и случались диспуты с немецкой администрацией, то скорее филологические.

И немцы постепенно привыкли воспринимать герра Валленберга как своего рода начальство или (берите выше!) чудотворца. Ведь на их глазах мановением руки он превращал стадо животных в христиан. Еще час назад этих жалких юде можно было пнуть ногой, плюнуть им в грязные бороды, да попросту поставить к стенке! А теперь — шведские граждане, они цепочкой уходят за герром Валленбергом, и часовые — под козырек! Битте, яволь! И он отправит их в страну, над которой не кружат бомбардировщики с красными звездами на крыльях и где, говорят, нет ни карточек, ни продуктовых пайков — все есть. Счастливики! Везет же людям!

И когда в городе гремела канонада и герр Валленберг появился в гетто и приказал коменданту отменить взрыв — его не посмели послушаться.

Однако все эти чудеса стали возможны лишь после разговора в турецком посольстве. Только после тайной встречи с Эйхманом Валленберг получил карт-бланш. Но ни один, даже самый гениальный актер не смог бы сыграть перед Эйхманом роль

короля. Всесильный чиновник, распорядившийся сотнями тысяч человеческих жизней, почувствовал бы фальшь.

Встреча, о которой никогда не узнают, а если и узнают, то не поймут ее значения...

Где Эйхман? Убит? Сбежал? Неизвестно. Зато, со слов полковника, было ясно, что советским доподлинно известно, где Шелленберг.

Конечно, у американцев. Или у англичан. Для проформы его держат в тюрьме, но эта тюрьма отличается от Лубянки, как гостиница «Виктория» от дешевой ночлежки.

Конечно, его допрашивают. Бьют? Да ни один волос не упадет с его головы. «Коньячку не желаете? Гаванской сигары?» (Воображение Рауля Валленберга особенно будоражили сигары. Ведь он, Валленберг, содохнет в лубянской камере, так и не отведав хорошего табачку, который мог бы облегчить его страдания.) Да разве это допрос? Вежливая, приятная беседа, ибо начальник внешней разведки — не дурак (много было сведений о Шелленберге нелестных, противоречивых, но вот за дурака никто его не принимал), раньше всех в Германии осознал неизбежность разгрома третьего рейха и постарался войти в контакт с американскими и английскими спецслужбами. И сейчас небось они скрупулезно подсчитывают, что Шелленберг сделал для союзников.

«...А еще я вам помог вывезти венгерских евреев в Швецию и не допустил взрыва гетто в Будапеште. Или вы полагаете, что ваш пентюх дипломат все это организовал без моей протекции?»

Никак опытные разведчики не могли такого предполагать и рассуждали точно так же, как советский полковник. Ну, для контроля вопрос:

— По нашим сведениям, Валленберг арестован Советами. Зачем он им понадобился?

— А может, они его раньше завербовали, а теперь прячут? Он что-то знает, зачем им огласка?

И опять логично. Итак, джентльмены, ваше мнение? Делать из Шелленберга спасителя евреев? Боже упаси! Шелленберг свое получит на суде (вернее, не получит). Что же касается Валленберга, то он весьма сомнительная фигура. По всему получается, что работал в тесной связи с Шелленбергом. Либо ему здорово помогала советская агентура. Либо то и другое. Советы его спрятали? Мудрое решение. Уж точно не будем поднимать из-за него шума.

...И, прокручивая все это десятки раз в своей голове, Валленберг улавливал скрытую иронию во фразе полковника: «История — штука капризная, ее переписывают». Не о нем, Вал-

ленберге, будут сочинять книги и слагать песни. Кому-то он мешал в Швеции. В тревожное для страны время порешили услать из Стокгольма возмoжного соперника династии Бернадотов. Мало ли чего? И поручили ему заведомо невыполнимую миссию. Не справится? Тем лучше. Справится? Значит, себя скомпрометирует. А в герои возведут более подходящую кандидатуру, с незапятнанной репутацией.

Несправедливо. Что именно? Ведь вся его заслуга — по большому счету — лишь в том, что он смог нейтрализовать Эйхмана. Для этого Валленбергу пришлось вернуться в свое прошлое, перевоплотиться. Такое с ним случалось в его предыдущих жизнях, предыдущих миссиях, которые были и потруднее. Правда, он заметил, что после таких путешествий в прошлое почему-то вскоре его жизнь обрывалась. Как правило, весьма жестоким образом: удар по затылку, падение за борт в море, какое-то лекарство, оказавшееся ядом... Жизнь обрывалась мгновенно. А сейчас он умирал медленно, в мучениях, элементарная физиология не функционировала (что вызывало насмешливый оскал лубяньских надзирателей, а Валленберг испытывал дополнительное унижение), и вот это было несправедливо, не по правилам.

Странно, конечно, взывать к справедливости и говорить о правилах человека, которому будет дарована другая жизнь. Но он никогда не знал, начнется ли она или это все, final. К тому же понимание, кто он, отчетливые картины прошлых жизней приходили к нему перед brutальным концом. До этого он жил как нормальный человек, он *presque*... Скажем, как нормальный человек, которого посещают ненормальные видения, хочешь — им верь, хочешь — нет...

Так вот, перед тем как перевоплотиться в короля Карла Четырнадцатого, Валленберг подумал, что, наверно, довольно быстро с ним, Валленбергом, произойдет нечто трагическое.

Предчувствие.

Однако (и тут он готов поклясться всем богам!) он ни секунды не сомневался, что он должен это сделать. Поиски правильных решений были его профессией, собственно, за это его и держали в Системе. А поступок — не подвиг, поступок! — он совершил, когда принял это решение без колебаний.

После последнего допроса его не трогали. И морфий кололи регулярно. Полковник замолвил словечко? И Валленберг надеялся, что раз уже все сказано и выяснено, его оставят в покое, то есть отпустят на вечный покой. В конце концов, с него хватит.

Но когда вдруг вокруг него засуетились, помыли, постригли, побрили, переодели, напичкали таблетками, а в машине вкололи двойную дозу, Валленберг понял, что его везут на главный разговор.

...Круглые настенные часы над бюро секретаря показывали десять. Десять вечера. Секретарь, издав далеко похожий на сороку, в черном костюме и белой рубашке, созерцал какие-то бумаги. Ничто не нарушило тишины огромной приемной. Два офицера, сопровождавшие Валленберга, сидели неподвижно, не прислоняясь к спинке стула. Валленберг смотрел на массивную, обитую черной кожей дверь, около которой примостилось секретарское бюро, и думал, что в стране, где допрашивают по ночам, естественно, и работают до позднего вечера, и сейчас там, за черной массивной дверью, вершатся дела государственной важности.

Черная дверь приоткрылась, обнажая за собой вторую дверь, из светлого дерева. Выплыла высокая блондинка в яркочерной лисьей накидке и красной юбке в обтяжку до колен. Настоящая русская красавица с полными ногами и широким задом. Гордо откинув голову и не удостоив взглядом ни секретаря, ни офицеров, почтительно привставших, она процокала каблучками по паркету через всю приемную в коридор, и дверь за ней бесшумно затворилась. Но в воздухе повис дразнящий аромат духов, напомнивший Валленбергу, что существует иная жизнь, увы, ему недоступная.

Секретарь поднял телефонную трубку, сказал: «Так точно» — и жестом пригласил их в кабинет. В кабинете, большем, чем приемная, офицеры подкатили Валленберга к длинному столу и осторожно пересадили с кресла на стул. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, перпендикулярно примыкал к столу из темного полированного дерева, образуя с ним букву Т, и на вершине буквы Т, под портретом Сталина, восседал другой живой портрет — хозяина кабинета, лысый, в пенсне. Повинуясь знакам хозяина (ни слова не было произнесено!), офицеры, пятясь, выскользнули из кабинета. Двойные двери закрылись. Лысый в пенсне, в двубортном штатском костюме, обошел свой стол и сел напротив Валленберга. Валленберга поразило, что в глазах под пенсне плясали веселые чертики.

— Ну, узнали? — заговорщицким тоном спросил Берия.

— Вас? Конечно, Лаврентий Павлович.

Стекла пенсне блеснули холодом.

— Откуда вам известно мое имя-отчество?

— Я учил имена всех членов советского Политбюро.

— Проверим — Молотов?

- Вячеслав Михайлович.
- Маленков?
- Георгий Максимильянович.
- Ворошилов?
- Климентий Ефремович.

— Ошибочка, — обрадовался Берия. — Не Климентий, Климент. Произношение неплохое. Вот как надо шпионов готовить. А докладывали, у вас нелады с русским языком. Но я о другом. Ее узнали? Ну как же, самая знаменитая наша киноактриса?

Он назвал фамилию, которая Валленбергу ничего не говорила.

По тонким губам Берии промелькнула гримаса, как будто он обиделся:

— Конечно, нашим фильмам вы предпочитали французские комедии и венские оперетты. Советское искусство в Европе считают второсортным. — И опять глаза под пенсне вспыхнули. — Но знаете, граф, когда еще десять минут назад она стояла раком вон на том диване, это, поверьте мне, было ослепительное зрелище.

Берия мечтательно вздохнул, а потом, буквально в две секунды, приобрел портретный облик: холодного, умного, волевого человека.

— Небось спрашиваете себя, с чего бы член Политбюро так разоткровенничался перед иностранным зеком? В отличие от вас, граф, нам, советским людям, жизнь дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Вы понимаете, к чему я веду?

Валленберг не понимал. Пока не понимал. Но уже мелькнула догадка. А Берия продолжал неторопливо, словно читал речь, явно подражая портрету, висящему в кабинете.

— К вопросу о мучениях и болях. Вам выбили зубы? Виновный наказан. Следовательно нарушил рамки социалистической законности. Вам надо было писать жалобу министру. Товарищ Абакумов очень отзывчивый человек. Просто он не сразу разобрался, кто вы. Накладка. С кем не бывает? Ведь вставили новые? Улыбнитесь. Граф, быстро улыбнуться! Какая красотища! Фарфоровые? Прослужат долго. У нас замечательные врачи.

Абзац. В речах Вождя, которые печатали советские газеты, после каждого абзаца следовала ремарка: бурные продолжительные аплодисменты. Берия как будто удивился отсутствию энтузиазма. Вздохнул. Вытащил из кармана сложенный вчетверо листок. Развернул его, положил на стол.

— К вопросу о врачах. Смотрите. Медицинское заключе-

ние о вашей смерти. Подписи, печати, все оформлено чин чинарем. Вы умерли сегодня в пять часов пополудни от воспаления легких. Когда-нибудь эту справку историки раскопают в архивах. А вот до вашей могилы никто не докопается. Вас похоронят завтра. Где? Увольте, государственная тайна. Умереть от чахотки для вас — дело плевое. Если я правильно понял, главное, чтоб вас не расстреляли и не рубили голову? Я правильно понял?

Абзац. От публики требовалось встать и аплодировать. И Валленберг почувствовал, как торжествует этот сильный и здоровый человек, демонстрируя немощному собеседнику полноту своей власти во всех ее проявлениях, свой звездный час. И еще Валленберг почувствовал, что сам попал в его силовое поле, и тот держит его, как магнит держит гвоздь. Припомнилось: однажды было нечто подобное, такое же ощущение силового поля, когда Император принимал полковника Готара в немецком замке.

— У меня на вас подробное досье, — продолжал Берия. — Чекистам, граф, все известно. У нас длинные руки и длинные уши. Итак, граф, шведского дипломата Валленберга больше не существует. Его больше нет в природе, понимаете? Но кем вы станете через несколько лет, я не знаю. Сейчас не знаю. Потом мы вас обязательно найдем. Будете под колпаком.

Он перегнулся через стол, максимально приблизился к Валленбергу и посмотрел ему в глаза не мигая:

— Я вам приоткрыл ваше будущее. Можете ли вы предсказать мое? Постарайтесь, ну, хоть один раз!

«Вот в чем разница между правителем и временщиком, — подумал Валленберг. — Император никогда бы не позволил себе такой слабину».

Блеснуло пенсне, Берия откинулся на спинку стула, пренебрежительно заметив:

— Ничего вы не знаете. Ни про себя, ни про других.

Абзац. Берия начал читать следующую страницу.

— Товарищ Сталин ознакомился с вашим досье. Товарищ Сталин сказал, что высоко ценит героев Французской революции. Вы не обладали марксистской теорией, поэтому и проиграли. Но мы, сказал товарищ Сталин, многому научились у якобинцев, и в первую очередь беспощадности к врагам революции. К сожалению, из-за чрезвычайной занятости генералиссимус Сталин не смог вас принять...

«То есть в таком виде Берия не решился меня показать Сталину, поэтому предпочел объявить о моей смерти», — подумал Валленберг. Но силовое поле собеседника на него еще действо-

вало. И слабый запас его собственных сил таял. Лишь по инерции он вымолвил:

— Во французских тюрьмах людей не пытали. И зубы им не выбивали.

— Ого-го! — оживился Берия. — А кто топил баржи с арестантами в Роне и Луаре?

— Фуше. Потом он оказался предателем.

Берия хищно перегнулся через стол:

— Кто еще?

«Ну что он пристал? — разозлился Валленберг, и злость неожиданно вернула ему силы...»

— Прикажите вашим полковникам прочесть учебник истории. Там все имена названы.

Берия тут же уловил эту перемену:

— Потрясающе! Вы же только что были при смерти... Зачем злиться, дорогой? Разве я вас хоть пальцем тронул? Уж и спросить нельзя... Мы сейчас чайку попьем. Настоящего, грузинского. И покурим. «Герцеговину Флор». Сам прислал.

Берия кивнул в сторону портрета. В другом конце кабинета открылась дверь. Принесли стаканы в серебряных подстаканниках, сахарницу, расписной чайник, пачку папирос «Герцеговина Флор», налили в стаканы круто заваренный чай, исчезли.

Валленберг сделал несколько обжигающих глотков. Затянулся папиросой. Табачок был отменный.

Но что-то разладилось.

— К вопросу о предателях, — сказал Берия. — Обращаюсь к вам как к бывшему начальнику Бюро общего надзора полиции. Как профессионал к профессионалу. До войны ушел на Запад наш резидент в Европе Орлов. Предал дело рабочего класса. Под чужим именем скрывается в Америке. Из Америки он переслал письмо товарищу Сталину. Он обещал, что не выдаст американской разведке нашу агентуру при условии, что мы не тронем его семью, оставшуюся в Москве. Мы вынуждены были принять эти условия. Теперь нас интересует — заговорил ли Орлов? Речь идет о спасении жизней наших разведчиков. Нам не нужен Орлов, нам нужно знать — сдержал ли он свое слово. Это вы можете выяснить по своим так называемым вневременным каналам. Как это вы сделаете, нас не касается. Мы, марксисты, не верим в мистику. Мы верим в информацию. В вашем распоряжении ночь. Утром позвоните по этому телефону, вот номер, а потом можете умирать на здоровье. Похороним по первому классу. Жаль, что памятника вам нельзя ставить. Такой бы отгрохали, не поскупились...

Разладилось.

Портрет на стене скорчил рожу. Раскрылась дверь. Распахнулось окно.

— В гроб положим в целости и сохранности, — кричал Берия вслед.

«Вот чем он будет меня шантажировать», — подумал... подумалось. «Главное, чтоб вас не расстреляли, не рубили головы» — ему и это доложили. Обязательное условие для будущей жизни. У них там экономия (бюджета?) или строгий учет? Не знаю. Но продырявленных, деформированных тел не принимают и не обменивают. «А мы создадим для вас железобетонную легенду, и через несколько лет или десятилетий вы без особых хлопот уедете на родину, не вызывая любопытства французских спецслужб», — сказал Берия. Впрочем, не помню. Может, эти его слова я потом придумал — в Германии, в разведшколе, когда размышлял над причинами и следствиями.

Проснулся, очнулся, перевернулся и — оказался в Америке. На столике зеленая бумажная скатерть, на скатерти две незатейливые чашки с кофейными разводами на дне, а напротив меня — моя красавица. И взор ее затуманен, явно плавает она в своем море-океане, где вьются вокруг нее золотые рыбки, преимущественно мужского пола, и где нет места ни для меня, ни для моих историй.

Заметив, что я смотрю на нее в упор, она встрепенулась и сделала вид, что слушает меня внимательно. Лицо прилежной школьницы-отличницы, которая тарасит глаза на обожаемого учителя.

Спросить ее, на чем остановились? Проэкзаменовать? Но я обиделся и оборвал сюжет на самом крутом повороте (мелкая месь!):

— Вот и все.

Как горох об стенку!

— Грустная история, — обронила Дженни, подтвердив тем самым, что ни хрена не слушала или отключилась где-то в середине. И заторопилась: — Тони, я побежала.

Разумеется. Конечно. Как всегда, у Дженни масса дел. Просмотреть отчеты, проверить счета, завизировать, согласовать, договориться, провести через банк, послать факс, телекс, послать кого-то к едрене фене, а потом успеть заехать за Элей... Это из области того, что я знаю. А то, что я не знаю? Может, и солнце без ее визы не заходит?

И какая интуиция! Почувствовала, что я еще там, тот и с теми, поэтому сейчас я ее переигрываю. Как сказали бы шахматисты, у меня если не атака, то инициатива. Значит, ей

надо отложить партию. А к завтрашнему дню я успокоюсь, поостыну и буду на задних лапках тупо смотреть на телефон в ожидании.

Звонок раздался в тот же вечер, в начале десятого.

— Тоничка, ты готовишь ужин? — спросил волшебный голос. — Что у нас в меню?

Я так давно не слышал этой интонации, что сразу растаял, потек. Отрапортовал высокой инстанции.

— Тоничка, я тут настряпала плов, а Эля его не ест, — продолжал волшебный голос. — Давай завтра где-нибудь пересечемся, я привезу кастрюльку.

Покупают за чечевичную похлебку, подумал я, что не помешало мне выпасть в осадок.

— Тони, расскажи об этом, как его, Вальтере Шелленберге. Неужели его не судили? Или судили и оправдали?

Я не скажу, что я подумал. Бывают мысли, которые стыдно произнести вслух. Но раз я претендую на роль объективного историка... И я ответил тем же тоном, как отвечал студентам на их вопросы после лекции:

— На Нюрнбергском процессе Шелленберг получил шесть лет. Ставлю большой восклицательный знак. В 1950 году, то есть досрочно, его освободили, и он уехал в Италию к своей французской бабе, которая сделала себе состояние на духах Шанель. Как ее звали? Это ты должна знать, я в парфюмерии глухой профан! А через два года Шелленберг умер. Как и отчего? Подробностями никогда не интересовался.

* * *

Мы пересеклись на каком-то шумном, окутанном бензиновым чадом перекрестке, поболтали минут пять у припаркованного к тротуару «понтака», мне вручили кастрюльку, я опустил ее на дно пластиковой сумки и поплелся.

Плов долго хранил в холодильнике. Потом хранил кастрюльку. Как реликвию. Как талисман. Как память.

Потом вернул кастрюльку ее владелице.

Ничего решительно в наших отношениях не изменилось (я имею в виду не кастрюльку). И по-прежнему меня держали на расстоянии вытянутой руки, и, случалось, я нарывался на хамство, особенно когда звонил ей утром на работу.

Но каждый вечер в 9.30 у меня тренькал телефон и волшебный голос расспрашивал, как прошел день, что нового, что

старого, что у меня подгорает на сковородке и выпил ли я первую рюмку. А если я сам набирал номер на десять минут раньше условленного времени, я знал, что там, на Диккенс-стрит, трубку подымет только Дженни, и будет со мной разговаривать только волшебным голосом, и внимательно выслушивать все мои глупости. И мы будем говорить до тех пор, пока я не проникнусь убеждением, что там, на Диккенс-стрит, непонятно как забредшие туда зеленые костюмы, голливудские затейники, адвокаты из Сан-Франциско, доктора из Сиэтла, тexasские бизнесмены, игроки футбольной команды «Чикагские медведи» и прочая празднующаяся публика давно вылетели через печную трубу, а моя девочка сейчас мирно заснет, как и положено благовоспитанному ребенку — на правом боку, руки под щечку.

И сам я, убаюканный волшебным голосом, отключал звук у автоответчика, и больше не реагировал на редкие телефонные треньканья, и постепенно отключался доступными мне в холодильнике и баре средствами.

Когда Дженни предстанет перед Судом Всевышнего (надеюсь, лет через двести, не раньше) и дотошная Коллегия будет рассматривать все ее мелкие прегрешения (через лупу цейсовского производства), то кто-то из архангелов напомнит:

— Это та самая Дженни, которая своими ежевечерними звонками помогла профессору Сан-Джайсту не сойти с ума, не сдохнуть, не окочуриться — пережить Лос-Анджелес.

Думаю, что Высочайший Синклит будет к ней очень снисходителен.

* * *

Кроме увлекательного времяпрепровождения с коварным врагом, злейшим врагом, левой ногой и ангельским голосом у меня были еще лекции, которые, несмотря на то, что меня отвлекали вышперечисленные товарищи, совсем неплохо проходили. Настолько неплохо, что меня пригласили выступить в Субботнем студенческом клубе. Узнав про это, Ларри устроил рабочее совещание с участием господина Smirnoff (полбутылки), сэра Bourbon (две трети бутылки) и месье Martel (четверть бутылки). Ларри сказал, что у меня есть повод задрать нос, ибо в Субботний студенческий клуб обычно приглашают знаменитостей. Инга почему-то не разделяла энтузиазма Ларри и, когда господин Smirnoff исчерпал свои доводы, заметила:

— Странно, странно. Они должны были сперва со мной согласовать.

И пока сэр Вонгбон витийствовал, она вдруг весьма категорично заявила:

— Сан-Джайст, я бы на твоём месте вообще отказалась выступать. Там другая аудитория. Там привыкли, что с ними любезничают, перед ними заискивают и расшаркиваются. Ты не умеешь этого, тебя занесет.

Я сделал вид, что принял её слова к сведению. (Мы с Ларри сделали вид. Точнее, мы приняли.) Ну что требовать от Инги? Ей просто не нравится наша мужская компания (слишком крепкая), и потом, главе кафедры не может нравиться, что приглашают не её (Ингу? Кафедру? Я уж начал путаться), да ещё не посоветовавшись. Короче, мы с Ларри опять приняли, и мудрый месё Мартель нас охотно поддержал.

Хорошо, душевно посидели. Впоследствии, вспоминая, я спрашивал себя: «Как же я не догадался, что это был знак?»

В субботу Инга сказала, что присутствовать не сможет потому и потому (я и не сомневался), но чтоб я рассказывал исторические анекдоты на тему: кто кого и каким способом. Я поблагодарил и подумал... Ну, ясно, что я подумал.

Ларри мне ничего не сказал, ибо после славного рабочего совещания в мужской компании исчез с горизонта. Наверно, Инга его наказала, поставила в угол и не выпускала на свет Божий.

Дженни я предупредил заранее, причем позвонил ей в госпиталь, чтоб она могла нормальным голосом послать меня к... Дженни сказала, что это замечательно, Ларри прав, о гостях Субботного клуба сообщает в хронике «Лос-Анджелес таймс» (!!!), а Инга ревнует и злится, и она, Дженни, пока не знает, но пострадает.

В десятом ряду я заметил Молли Горд и Сарру Джейн. Молли оделась так, будто пришла на дискотеку. Что ж, раз есть возможность продемонстрировать свои бедра большой аудитории... Дженни я не увидел, однако это ничего не значило, дальше пятнадцатого ряда я не различал лиц. Она могла опоздать, могла сидеть в задних рядах, могла сказать, что сидела в задних рядах — с ней никогда не известно.

Я начал бодрой рысью:

— Про Наполеона говорят: «Великий полководец, который выиграл двести сражений и проиграл лишь одно, но решающее. Между тем ни к одной битве Император не готовился так тщательно, как к Ватерлоо...

Если Дженни в зале, она поймет намек. Моя первая и последняя публичная лекция, на которой она присутствует. Или ей потом расскажут. Я тоже тщательно подготовился, полки кира-

сир на флангах, артиллерию постепенно введу в дело. И припрятал резерв, чтоб преподнести сюрприз.

...Ощущение, что пушки стреляют вхолостую. Кирасиры топчутся на месте. В войсках ропот.

В зале ропот. Бывает, что вежливо *не слушают*. Тут мне откровенно показывали, что слушать не хотят. Кашляли. Громко переговаривались между собой. В третьем ряду лениво перелистывали иллюстрированный журнал.

Я споткнулся. Остановился. Я был еще там, на Ватерлоо, и в тыл мне заходил корпус Блюхера. Сарра Джейн поймала мой растерянный взгляд и опустила голову.

Поблагодарить публику за внимание и уйти? Под шиканье и иронический аплодисмент. Но все-таки сохранив хоть какое-то достоинство. А если Дженни в зале? «Инга предупреждала, а ты заподозрил ее в зависти, — скажет она со своей обычной логикой. — Это так на тебя похоже. Субботний клуб — праздник для студентов. Они приходят не учиться, а развлекаться, без малейшего пиетета к выступающим. Профессор испугался молодежной аудитории?»

«Сожалею, что не могу ни петь, ни плясать», — хотел бросить в зал, а там пускай улюлюкают. Молли меня опередила. Встала, покрасовалась и, перекрывая шурум-бурум, блядским голосом спросила:

— Профессор, а правда ли, что настоящая сексуальная революция началась не у нас в Америке, а двести лет тому назад в парижских тюрмах, в эпоху Террора?

В третьем ряду захлопнули иллюстрированный журнал.

Молодец, Молли! Умница! Почуяла критический момент, правильно выбрала вопрос, правильно выбрала тон. Когда о сексуальной революции спрашивает такая сексапилочка (да с таким придыханием!), — всезнающим, пресыщенным, яйцеголовым господам студентам вдруг становится интересно (им становится или у них *становится*?). Какая девка! Поняла, что тонешь, бросила спасательный круг и, думая, понимает, что ты это понимаешь.

«Везунок, профессор, бабы тебя всегда выручали», — сказала бы Дженни, которая такие вещи сечет моментально. Или еще скажет, за ней не заржавеет.

Памятуя, что когда-то в ответ на подобный вопрос я нахамил Молли, я ответил так, как она хотела это услышать, странно, соответствующим тоном, с соответствующими подробностями. Я старался персонально для Молли, но заслужил благосклонность зала.

С ее легкой руки вечер покатился по накатанным рельсам научной дискуссии -- вопросы и ответы.

Почему во Франции закрыли публичные дома? Почему ночью в Булонский лес запрещен въезд машин, где же ваша хвалебная свобода? Все ли молодые супружеские пары практикуют обмен партнерами? Где теперь сексуальный центр Парижа: площадь Пигаль или улица Сен-Дени?

Иногда из уважения к моей специальности вопросы касались, как казалось аудитории, древней истории.

— Профессор, по вашему мнению, у кого было больше любовников, у Брижит Бардо или у Элизабет Тейлор?

То есть мне давали понять, что заслуги Франции признают в определенном ракурсе. Пока я не отхожу от магистральной темы — ко мне снисходительны. А войнами, революциями, историей народов, государств и прочей европейской ерундистикой просьба не беспокоить.

Вспомнив одну из филиппик Дженни, я провел эксперимент. Нашел зацепку и вставил, дескать, вот эта песня, ставшая всемирно известной в исполнении Фрэнка Синатры, — французского происхождения. Клод Франсуа откорректировал первую строчку и появилось «Comme d'habitude», а в Штаты из Парижа песню привез Пол Анка. Скунд на сорок пять меня даже зауважали.

Что, если Дженни в зале и созерцает, как я изворачиваюсь на потребу публики?

Волшебный голос мне ничего не скажет, однако в понедельник утром она прокомментирует: «Ты не выправил положения, ты им просто подмахивал!»

Я пошел на обострение, начал отвечать не так, как они ожидали. Запахло паленым.

Вопрос:

— Согласны ли вы, профессор, хотя понимаем, согласиться вам трудно, что в двадцать первом веке престиж гуманитарных наук упадет окончательно, и миром будут править не политики, а компьютеры, то есть программисты?

— Не знаю про остальной мир, а Америкой будут править доктора. Самой престижной профессией станет профессия врача. И не потому, что они лечат (лечить в Америке научились практически от всего), а потому, что они вам пообещают долголетие без болезней. Нет больше другой страны в мире, которая так озабочена своим здоровьем. Политические партии заменят партии вегетарианцев, мясоедов, гомеопатической и традиционной медицины. Какие предстоят жестокие предвыборные баталии! На здоровье американцев будут делать самый прибыльный бизнес. Бизнесу, чтобы быть прибыльным, требуются постоянные новации. Американцы будут потреблять рекордное

количество медикаментов. Расцветут параллельные медицины. Вас будут колоть иглами, подвешивать за ноги, опаивать травяной отравой, топить в ваннах и вываливать в грязи (якобы целебной). В конце концов вся страна поголовно сядет на диету, ибо это станет модой, а мода в Америке всевластна. Но если найти чудотворную диету раз и навсегда, то врачам придется закрыть свои лавочки. Кто же с этим смирится? Диеты будут модернизироваться, видоизменяться, а так как выбор ограничен, то придется возвращаться к ранее забракованным продуктам. Например, сейчас все уверены в полезности брокколи и шпината. Лет через десять наука откроет, что в брокколи и шпинате имеются канцерогенные элементы, а мясо, наоборот, очень помогает сопротивляемости организма. И курение (в меру) необходимо для здоровья. Вы будете кушать гвозди, гвоздевое железо улучшает пищеварение.

— Вы нас за идиотов принимаете или это шутка?

— Я тут ни при чем. Все это будет вам подаваться как новейшие достижения медицины. Запустят рекламу на полную катушку, и вы никуда не денетесь. Будете, пардон, уплетать собственное дерьмо, ибо вам докажут, что оно тоже повышает, улучшает и очищает. Правда, в небольших дозах, — поспешил добавить я, чтобы перекрыть нарастающий шум в зале.

— Профессор, — крикнул задорный голос, — вы нам просто завидуете. Завидуете тому, что мы будем иметь чудотворные лекарства, которых сейчас у вас нет. Небось вы сами чрезвычайно озабочены своим здоровьем: не пьете, не курите, едите одни лишь протертые кашки.

Дружный смех.

Хорошие ребята, пришли повеселиться. Почему я на них взелся? Ведь угадал парень, действительно, я им завидую. Правда, по другой причине. Кстати, причина отсутствует, присутствует или уже смоталась на какую-нибудь свиданку?

Смех стих потому, что им было интересно, как я отвечу и отвечу ли я. И вообще, теперь им было интересно.

— В зале сидят несколько студентов из моего класса. Они мне не дадут солгать. Так вот, я выкуриваю пачку «Малборо» в день, выпиваю как минимум бутылку вина за ужином, не брезгую более крепким пойлом, ужин мой состоит из колбасно-ветчинной закуски и мясного горячего блюда.

Щадя их нервы, я утаил, что ужинаю после десяти вечера. Однако сказанное (ничего особенного, так живут большинство французов) настолько потрясло воображение мальчиков и девочек, выдрессированных с детства подсчитывать витамины и калории, что меня как будто приняли за экстрареволюционе-

ра, подрывающего все общественные устои. Такая фигура естественно вызывает жгучее любопытство студенческой аудитории.

Ангел мира спланировал откуда-то с потолка, и мы готовы были подписать Венскую конвенцию, Ялтинское соглашение, Компьенское перемирие, но тут последовал вопрос (с какого ряда — не заметил), вопрос хлесткий, как автоматная очередь.

— Профессор, говорят, что вы называете «голубых» пидорами гнойными?

Гробовая тишина.

Наводка! «Пидор гнойный» — дословный перевод с русского, в английском нет такого выражения.

Это лексикон Сани. Кто навел? В секунду успел просмотреть возможные источники. Дима Копытин? Наверняка Саня так изящно выразился в номере гостиницы перед тем, как скрыться в смежной комнате. Причем Саня имел в виду не какую-то абстрактную категорию людей, а персонально Копытина, хотя мальчик Дима совершенно не по этой части. Или? «Или» я отбросил, хотя все бывает в этом лучшем из миров... Мальчик Дима сам бы не подумался, слишком тонко для него и ядовито. Видимо, с его подачи. И хорошо рассчитали. Теперь понятно, почему действовали в обход Инги и почему зал изначально был настроен враждебно. Пустили слушок и собрали зрителей для публичной экзекуции.

Конечно, разумеется, можно было все отрицать, дескать, не я, а мой дружок. Получится, что я их боюсь... И вообще, было много «но», а, главное, времени для размышлений не было.

— Обвинение — не доказательство. Существует презумпция невиновности. В ваших глазах это обвинение серьезнее, чем если бы вам сказали, что я за ужином пожираю живых младенцев...

Жестом руки я остановил нарастающий гул, будто ладонью заткнул дыру в плотине:

— Не будем жонглировать юридическими терминами. Если вам интересно узнать, что я думаю об этой проблеме, если вы меня изволите выслушать, я вам обещаю изложить свою точку зрения честно, без увиливаний и выкрутас. Договорились?

Там, за плотиной, вода прибывала с ужасающей скоростью. Сколько у меня минут? Сколько у меня секунд?

— Я прожил не совсем обычную жизнь. Много чего пришлось увидеть. Я видел детей с раздутыми животами на рахитичных ножках, детей, которые искали в траве червячков, жуков, вырывали корни травы и все это ели. И не потому, что соблюдали диету, а потому, что умирали с голоду. Я видел сожженные

войной города и деревни и женщин, бьющихся в истерике над трупами своих близких. Это было так давно, что вы мне, пожалуй, не поверите. С тех пор человечество достигло огромных успехов в науке, технике, экономике, медицине. Действительно, ошеломляющий прогресс! Однако число голодных детей на нашей планете не уменьшилось, а резко увеличилось. И воюют не меньше, чем раньше, и если раньше солдаты убивали солдат, то теперь убивают преимущественно мирное население.

...Плотина трещала. Мне не сдержать напора. Тут нужен оратор другой закалки и темперамента, такой, каким был Жорж Дантон. Он мог встать над разгневанной толпой и громовым голосом переломить враждебный настрой, убедить, повести людей за собой. И в эти секунды молнией сверкнуло прозрение! Я понял, почему Девятого термидора Сен-Жюст стоял на трибуне, скрестив руки и не произнося ни слова. Два века ломал голову над загадкой! Разгадка пришла, естественно, в самый подходящий момент...

— ...И вот что удивительно: глобальные проблемы, о которых я только что говорил, разумеется, заботят нынешние цивилизованные, индустриально развитые страны, но заботят, волнуют в гораздо меньшей степени, чем проблемы сексуальных меньшинств внутри этих стран.

Выкрики с мест:

— Дешевая демагогия!

— Старьем торгуете, профессор!

— Вы обещали отвечать без выкрутас!

С сознанием полной безнадёги я еще пытался перекрыть, удержать, доказать:

— Вода замерзает при температуре минус четыре градуса по Цельсию и кипит при ста градусах. Я не сошел с ума, я хочу вам напомнить, что существуют вечные законы природы. Например, знаете ли вы, что такое дыхание Чейн-Стокса?

Крошечное затишье. Глухое ворчание. Не прекращение огня, а пауза перед залпом, когда мои слова еще слышны в зале.

— Каюсь. Честно говоря: каюсь. Несколько минут назад я иронизировал над врачами, а медицина открыла непреложные законы. Когда у больного появляется так называемое дыхание Чейн-Стокса, это означает, что человек умирает, его уж никак не спасти. Так вот, существуют и исторические закономерности. Доказанные и неоднократно проверенные. Когда начинают выпирать, быть в моде сексуальные меньшинства, это признак краха цивилизации, данная историческая цивилизация обречена и исчезнет, как исчезли Древняя Греция и Римская Империя.

Обвал! Плотины рухнула. В зале нельзя было различить лиц. Единой глоткой публика яростно скандировала:

— Реак! Реак! Реак!

Воскресная «Лос-Анджелес таймс» проявила оперативность и посвятила «инциденту» в Субботнем студенческом клубе не три строчки в «Городской хронике», а две газетные колонки.

Инга сказала, что были сообщения в «Дневных новостях» по телевизионным каналам. Еще бы, своего рода сенсация! Не каждый день американские студенты хором кричат иностранному профессору: «Реак-цио-нер!»

Я передал Инге написанную утром бумагу: мол, по состоянию здоровья вынужден прервать курс, срочно вернуться в Париж и т. д. и т. п. Инга сказала, что чек я получу во вторник, самое позднее — в среду.

Без лишних сантиментов. В конце концов, она меня заранее предупредила, а я, бестолочь, сам полез на рожон. Ежу понятно, что теперь ни один идиот не явился бы на мои лекции.

Ларри выглядел затравленным. Он знал, что больше не будет вечеров в «крепкой» мужской компании.

Мой телефон как будто набрал воды в рот. Волшебный голос не прорезался. Наверно, они с Элей еще в субботу укатили в Сан-Диего к соскучившимся родственникам.

В общем, ничто мне не мешало пересмотреть свои старые теории. Я не отказывался от них, они были верны. До определенного момента.

Итак, единственный человек, которого Сен-Жюст боготворил, — это Робеспьер. Робеспьер запретил ему проявить инициативу, то есть превентивными арестами, не известив остальных членов Комитета, парализовать заговор. Робеспьер считал такие действия антиреспубликанскими и диктаторскими.

Сен-Жюст читает первые строчки доклада. Его прерывает Тальен, потом Билло-Варенн, в Конвенте начинается ор, вакханалия (на самом деле раскручивается хорошо продуманная заговорщиками интрига), говорят все сразу, лишь бы не дать говорить Робеспьеру.

Сен-Жюст демонстративно скрестил руки на груди и молчит. Пусть Робеспьер убедится, что он, Сен-Жюст, был прав. Он презирает предателей, ему плевать на собственную жизнь, гори все синим пламенем, главное — доказать Божеству свою правоту. Самоубийственная психология мальчишки-фанатика, коим, в сущности, Сен-Жюст и был. Да, Революция погибла.

Погибла потому, что Робеспьер не послушался Сен-Жюста. Кто виноват? Виноват его Бог, Максимильтен Робеспьер. (Современные ученые, которые изучают историю не по фактам, а согласно фрейдистской теории, обязательно бы добавили, что Сен-Жюст получал тайное наслаждение, видя, что Робеспьер наконец-то осознал его правоту. Не знаю. Мое скромное образование не позволяет дотянуться до таких садо-мазохистских высот.)

Итак, Сен-Жюст стоит, скрестив руки, и молчит. Он сдержал свое слово, данное Робеспьеру, он доказал Неподкупному свою правоту. Точка. На этом моя тупая мысль остановилась. Прозрение, которое меня озарило в момент, когда студенческий клуб готовился хором скандировать, заключалось в следующем.

Ну, сколько можно стоять и молчать? Ну, час, ну, два. А заседание Конвента длилось полдня! Робеспьер сорвал голос, то есть обезоружен. Предатели торжествуют. Сен-Жюст знает им цену: трусы, подхалимы, демагоги, медузы, ничтожества. В их грязные лапы попадет Республика, для защиты которой было пролито столько крови. Наконец-то сформирована победоносная армия, в создании которой Сен-Жюст лично принимал участие. И ее отдать подлым предателям, отдать без боя? Да не таков Сен-Жюст!

Хорошо, потешил свое самолюбие, доказал, показал, теперь пора драться.

Ополоумевший Конвент, вторя заговорщикам, вопит над поверженным Робеспьером:

— Долой тирана!

Надо переломить ситуацию. Как? Сен-Жюст согласовал свой доклад с Барером. Их, пожалуй, поддержит Колло д'Эрбуа (великан Колло!). К великану Колло переметнется его неразлучный дружок Билло-Варенн. Осторожный Лазарь Карно почувует, куда дует ветер. Восставший из пепла Комитет общественного спасения придаст отвагу патриотам и внушит страх депутатам бывшего «болота». Заговорщики будут изолированы.

Ну, надо действовать? Заглушить вопли. Добиться того, чтоб слушали.

И вот тогда Сен-Жюст понимает, что единственным человеком, способным переломить ситуацию, был Жорж Дантон. Тот самый Жорж Дантон, лентяй, приспособленец, любитель роскоши и женщин, продавшийся за золото агентам Питта. Тот самый Жорж Дантон, кичившийся тем, что когда-то спас Отечество и, мол, отныне все ему дозволено, воровство и разврат. Тот самый Жорж Дантон, которого почитал и уважал даже Робеспьер. Каких сил стоило Сен-Жюсту заставить Робеспьера

подписать Дантону смертный приговор! Так вот, только Жорж Дантон мог и на этот раз спасти Революцию. Но Жорж Дантон покоился в общей безымянной могиле, в земляном рву, куда свозили тела казненных на Гревской площади. Значит, в гибели Революции виновен не Робеспьер, а он, Сен-Жюст. Дантон не встанет из могилы, громовой голос не перекроет истерические крики зала, Дантон воплощал собой бурю и натиск, а Сен-Жюста привыкли слушать потому, что его устами вещала власть.

Власть у заговорщиков. Революция погибла, виноват он, Сен-Жюст. И Сен-Жюст молчал, скрестив руки на груди, словно присутствовал на собственных похоронах.

В понедельник днем было два звонка. И сразу клали трубку. Могла быть ошибка, проверка, все что угодно. Мне казалось, я знаю, кто звонит. И этот «кто-то» горел желанием, сучил ногами от нетерпения. Кому-то ужасно хотелось. Ну прямо страсть разрывала. Тем не менее этот «кто-то» предпочитал, чтоб я сам ему позвонил, и уж тогда спокойно, методично, порой заходясь до экстаза, и после паузы опять планомерно, тщательно чистить мне репу.

Если меня так жаждут, могу и я, раз в жизни, «крутануть динамо»?

Волшебный голос позвонил вечером. Я научился различать в волшебном голосе нюансы. С первых же слов я догадался, что страсти поутихли, проведена большая воспитательная работа над собой и решено вообще не обсуждать «инцидент» в Субботнем студенческом клубе. Да, они с Элей были в Сан-Диего. Тебе привет от тети Клары и дяди Сэма. Инга сказала, что ты купил билет на среду. Небось соскучился по детям? Тебя отвезти в аэропорт?

— Нет. Вот уж точно не надо. С меня хватит последней встречи в аэропорту.

— У тебя плохое настроение?

— Отнюдь. Честно говорю. Я тут, между прочим, совершил научное открытие. Умные люди написали бы на эту тему солидный исторический трактат и получили бы академические степени. Не шучу. Если хочешь, послушай.

И я увлекся. И я завелся.

— ...Почему он так люто ненавидел Дантона? Дантон практически отошел от дел, вернее, он прокручивал свои финансовые делишки, Дантон никому не мешал. Но за широкими плечами Дантона скрывалась другая фигура — Камилл Демулен. Тот самый, который — пока Робеспьер протирал штаны на зад-

них скамейках Генеральных штатов, а Сен-Жюст вздыхал по мадемуазель Луизе Желе — повел парижан на штурм Бастилии. Правда, Сен-Жюст потом утверждал, что с тем же энтузиазмом Демулен повел бы парижан на штурм кабаков, ему, дескать, было все равно. Робеспьера с Демуленом связывала старая дружба. Шалопай, красnobай, острый на язык Камилл Демулен был любимчиком Робеспьера. В 1793 году Робеспьера провозгласили Богом Революции. У Божества был верный апостол — Антуан Сен-Жюст. Религия Революции отвергала христианское всепрощение. Религия Революции взяла у христианства: «Я не мир вам принес, а меч». Апостол такой религии не мог терпеть, что рядом с Божеством есть еще кто-то. Но убрать Демулена можно было, только убрав Дантона. Ну да, на Дантона скопилось множество доносов. А на кого тогда не писали доносы? Девятого термидора на трибуне Конвента Сен-Жюст осознал, что в гибели Революции есть и его вина. Понял ли он, что требовал казни Дантона не только по высоким идейным соображениям, а еще из чувства низменной человеческой ревности?

— Ты сейчас всерьез про это думаешь? — спросил волшебный голос.

— Что может быть серьезнее? — изумился я.

— Спокойной ночи, — сказал волшебный голос.

В трубке раздались частые гудки.

Все-таки странно пройти по коридорам университета, где проработал почти пять месяцев, пройти как раз в перерыве между лекциями и не увидеть ни одного знакомого лица. Ни единого! Конечно, была обычная толчея и суматоха, но передо мной все как-то расступались.

Инга ждала у дверей бухгалтерии. Проверила, все ли правильно выписано и оформлено. Как жалко, что вечером у нее заседание кафедры. Хочешь, Ларри тебя отвезет? Спасибо, я заказал такси. Прощаясь, мы обнялись.

На глазах у прогрессивной университетской общественности обниматься с Реаком? Отважная баба!

Такси было заказано на девять вечера, а в семь позвонила Дженни:

— Купила Барби для Аньки. У нее много кукол? Такой у нее нет. Не говори о том, в чем не разбираешься. Анька оценит и поймет. Для Лели и для маленького купить ничего не успела, я

опаздываю. Купишь сам в аэропорту. Через пять минут спускайся во двор.

Блестя в заходящих лучах свежевывитыми крыльями, во двор вырулила «темно-синяя стрела». Разумеется, я не думал, что теплым вечером облачатся в шубу, лыжную куртку или дождевой плащ. Но приличия-то соблюдают...

Бесстыдница явилась в платье с обнаженными плечами. Феерия! Солнце померкло. Народ высыпал на палубы любоваться небесным телом, сошедшим на землю.

Дженни мне что-то втолковывала, но я, ослепленный и оглушенный, лишь тянулся к ее плечам. Дженни легонько уклонялась. Все же мне удалось несколько раз клонуть, зацепить пару кусочков.

Стрела вознеслась в небеса... Фигу! Небесное тело упорхнуло на «стреле» по своим вполне земным делам. Я поплелся в свою каюту, прижимая к груди Барби, как будто это был наш с Дженни ребенок.

Когда за мной приехало такси, ни одна живая душа не высунулась наружу. Трехпалубный корабль, задраив шторы на иллюминаторах, отплывал в темноту ночи.

Я вознесся к небесам в самолете, набитом, как автобус в часы пик. Салон был похож на благотворительную ночную столовку для бездомных бродяг. Все рьяно уплетали жратву, словно их до этого неделю морили голодом. Наискосок, справа от меня, двое русских громко по-русски обсуждали насущные проблемы: «Ты попроси еще вина. Она, блядища, должна дать бесплатно. Вот за водку надо платить». Я на них обратил внимание в зале ожидания. Какого черта русским лететь из Лос-Анджелеса в Париж? А какого лешего китайской семье лететь в Париж, что им не сидится в родном Лос-Анджелесе? И тоже оживленная дискуссия. Попробую перевести, не зная китайского: «Попроси у прекрасной госпожи перца. Перец прекрасная дама должна дать бесплатно. Вот за горчицу придется платить».

Мне предстоит бессонная ночь, а настроение превосходное. Во-первых, лечу к своим маленьким любимым котяткам (во-первых, можно курить!), ведь самого маленького я еще не видел. Во-вторых, попытаюсь всучить Ее Величеству чек (во-вторых, можно курить!). В-третьих, все кругом задряхли, свет погасили (в-третьих, можно курить!), и теперь спокойненько припомню текст, который успела сообщить мне Дженни, прокручу фразу за фразой, переведу на понятный только нам обоим язык.

Уже по телефону был намек на студенческий клуб: «Не говори о том, в чем не разбираешься». Без перевода ясно. «Анька поймет и оценит». Может, надо перевести как: «Я поняла и оценила?» Во дворе было сказано: «Париж тебя встретит с оркестром?» Естественно, это выше ее сил — упустить случай сделать мне втык за браваду в клубе. Что еще? Это тра-та-та для лирики, это тра-ля-ля для красного словца. Что еще? «Бедная Инга, ты ей здорово подпортил реноме. Она не подозревала, что всем, кто с тобой связан, ты приносишь несчастье. Сам ты не виноват, они, несчастья, тебя преследуют». И после какой-то ерунды повторение темы: «Профессор, ты же умница, не подставляйся и в первую очередь думай о маленьких». Напоследок, из кабины «стрелы»: «Ты ж специально все так подстроил, чтоб избежать калифорнийской жары. Будешь отдыхать где-нибудь в Норвегии?»

Внизу белесое море облаков. Я не могу через иллюминатор рассмотреть, скользят ли за самолетом два белесых бурунчика. Впрочем, на больших расстояниях зачем им такие сложности? Заняли места в салоне согласно купленным билетам. Хорошо, допустим, туманная ночь на Диккенс-стрит тебе приснилась. Предостережение: «За тобой ходят демоны, злые и беспощадные» — бред собачий. Но то, что она сказала несколько часов тому назад во дворе при всем честном народе — не сон и не бред. Убери словесную шелуху — маскировку, сложи обрывки фраз, что получается? «За тобой ходят по пятам, всем, кто с тобой связан, ты приносишь несчастье. Подумай о детях. Не подставляй их. Уезжай куда-нибудь подальше, хоть в Норвегию».

Открытый текст. Яснее не скажешь.

* * *

Увидев своих маленьких котят, я обалдел, ополоумел и забыл про все на свете. К тому же выяснилось, что у меня лучше всех получается укачивать Шурика. Мамаша укладывала его в коляску, и мы с ним совершали марш-бросок по 15-му арандисману, то бишь району. По дороге чертенок немного буянил, но домой я привозил спящего ангела. Злейший враг остался в Лос-Анджелесе, коварный враг по прибытии в Париж утихомирился, что еще надо для полного блаженства? (Кроме самого блаженства, которое, увы, тоже осталось в Лос-Анджелесе.) Я помнил первый постулат разведки: враг не дремлет. Я забыл, что благодетели не дремлют.

— Антон, что у тебя с левой ногой? — спросила Н. К., едва я появился на квартире Ее Высочества.

— С левой ногой у меня мир и дружба, — ответил я миролюбиво и дружелюбно, мысленно послав глазастую родственницу туда, куда обычно посылают на русском языке.

— Антон, что-то ты мне не нравишься, — сказала Н. К. через несколько дней. — Не пойти ли тебе к врачу?

— Не пойти ли тебе... — ответил я совсем не миролюбиво и не дружелюбно и пояснил, что нравиться ей или не нравиться я должен был лет тридцать назад, а ныне нижайшая просьба: не вмешиваться в мою личную жизнь.

Потом Ее Высочество выразило желание провести со мной полдня. Соскучилась.

Старый папа утер рукавом пиджака слезу. Мы зашли в магазинчик, посидели в кафе, я рассказывал про разные веселые приключения в Лос-Анджелесе, зашли в банк, потом ей надо было на секунду заглянуть к врачу. Короче, не успел я очухаться, как за мной захлопнулась дверь и я оказался с глазу на глаз с кардиологом.

Ловушка. Заговор. Ну, кто мог ожидать пакости от любимой дочери? Это явно Н. К. ее накрутила. Ладно, вечером устрою грандиозный скандал.

Врач, паук-кровопийца, начал запутывать меня провокационными вопросами. Я рассказал известную байку: если человек, которому исполнилось сорок лет, однажды просыпается и у него нигде не болит, не саднит, не ноет — значит, он уже умер. С возрастом, доктор, проявляется мнительность.

— В каких местах она у вас проявляется? — не унимался паук-кровопийца, опутывая меня трубками, лентами, проводами с присосками.

Ничего не нашел, однако из принципа решил пить кровь стаканами, что-то не понравилось паучьему отродью: надо вам срочно сделать коронографию.

И сообщил, сука, свое мнение Ее Высочеству.

Вечером мое любимое семейство (Н. К. запрятали, от греха подальше, на бульвар Сульт) дружно разыграло сцену у фонтана.

— Папа! — сказала Ее Высочество.

— Папа! — сказал Повелитель моей дочери и Опора Семьи.

— Деда! — сказали Анька с Лелей.

— Пройди обследование, чтоб мы были спокойны, и больше никогда, никогда, никогда не будем к тебе приставать.

Почудилось, что даже Шурик лопочет нечто в том же духе из своей кровати.

И вот, вообразите, человека, пригодного по состоянию здоровья к службе в десантных войсках, кладут в госпитале на кровать, раздевают, втыкают капельницу, накрывают одеялами и везут на каталке — на эту хреновую коронографию? — фигу! Везут на каталке к машине «скорой помощи», которая транспортирует меня через весь Париж в другой госпиталь, где мне делают эту хренацию (как будто я сам не мог туда доехать на метро или автобусе!), затем, опять же на «скорой помощи», обратно в первый госпиталь, запикивают в палату, подключают ко мне какую-то аппаратуру с телеэкраном и объявляют: «Не двигаться, не вставать, а по естественным надобностям вызывайте медсестру, она вам подаст судно».

Приехали!

— Мне же обещали, что вечером отпустят домой!

— Кто обещал? Профессор? Ничего не знаем. Когда обрабатывают результаты, профессор к вам сам придет. А пока не двигаться, не вставать, иначе — кровотечение, раздует ногу.

Действительно, западня.

В знак протеста отказываюсь от еды. А им до лампочки.

Ночью не сплю, меня трясет от злости (и нельзя курить!), обдумываю планы мести. Утром, как вырвусь из западни, свяжусь со знакомыми журналистами и дам интервью. Почему у *Securité Social* огромный дефицит? Наглядный пример: никому не нужное, дорогостоящее обследование, плюс еще катают на «скорой помощи» из госпиталя в госпиталь. Обманщики и кровопийцы. Всех повесить!

Что же касается Н. К., у-у... Нет слов. Повесить, к сожалению, нельзя (и нельзя курить!), моя дочь поймет это неправильно. Но какая стерва! Подстроила мне подлянку руками любимого семейства! Решила отыграться за старые мои прегрешения? А Ее Высочеству скажу, прямо и открыто: я на тебя обиделся, и хватит быть марионеткой в руках мамыши. В конце концов, я ничего плохого ей, мамаше, не сделал. С Н. К. не разговариваю. Точка.

Утром профессор (тот самый, знаменитый) мне объясняет, что во французской медицине узкая специализация. Они (в том госпитале) специалисты по коронографии, а мы — по хирургии.

— Коллега, — говорю я ему (имею право так к нему обращаться: он знает, кто я), — вы специалисты по хирургии, но я тут при чем? Вы убедились, что сердце у меня хорошее. Распорядитесь, пожалуйста, отцепить все эти игрушки и отпустите меня домой.

— Коллега, — улыбается Медицинское Светило, — с удовольствием бы вас отпустил, да не могу. Обычно мы даем паци-

ентам время на размышление. С вами не тот случай. Сердце у вас хорошее, а две основные артерии закупорены. Удивляюсь, как вас доставили к нам еще живым. Не будем терять ни минуты. Я вас лично оперирую.

...Накануне, перед госпиталем, по какому-то наитию я звонил в Лос-Анджелес. Сказал, что, наверно, сбегу от всех куда-нибудь на побережье. В глухую несознанку. Отдохну. Оклемаюсь. А может, и бабу найду.

— Здравая идея, — одобрил волшебный голос.

* * *

Золотые слова сказала когда-то Н. К.: «Забыть — защитная реакция женщины». К тому же у моей дочери трое детей, а Идеальный Вариант стал Идеальным Мужем, что накладывает на Ее Высочество, кроме прочих забот, дополнительное обязательство — соответствовать.

Что я могу сделать для любимого семейства? Лишь одно: не притягивать несчастий. Сгинуть с глаз долой. Ou presque.

«За тобой ходят демоны, злые и беспощадные». Дженни повторяла предостережение, слегка завуалировав текст. Ты понял, но не поверил. Тогда тебя срочно уложили на операционный стол. Нужны еще какие-то доказательства?

Все, леди и джентльмены. Знаки и сигналы приняты к сведению.

Я уехал на Север, на побережье, в глухую несознанку. Правда, моя дочь до сих пор этого не понимает. Куда после такой операции? И дети не понимают. Куда подевался дед? Почему он появляется так редко?

Кажется, в моем семействе решили, что я жутко на них обиделся. Обиделся за то, что они меня уговорили пройти обследование. Капризы возраста. Послеоперационная депрессия, о которой предупреждали врачи.

Моя дочь надеется, что со временем папа... а пока у нее много забот, и я не ревную ее к... я счастлив, что они счастливы, я не обиделся, что она... забывать — защитная реакция, а ворошить прошлое — мужское занятие или, скажем так, занятие мужчин, которые сильно того.

Я вернулся в прошлое (или делаю вид?), ворошу его, взвешиваю, обмериваю, посещаю библиотеки окрестных университетов (в Голландии их пруд пруди, страна каналов), читаю, делаю выписки (или делаю вид), сверяю, конструирую, и что-то прорезается, складывается, принимает очертания. То есть я опять работаю над книгой «Мир, который предвидел Талей-

ран». И если кто-то о чем-то подумал, то ни хрена, как сказала бы Дженни (правда, она так никогда не говорила), человек, по которому сначала проехали асфальтовым катком, потом заклеили всенародно «реаком», потом разрубили ему грудную клетку и кое-что там внутри отремонтировали, такой человек становится тихим, плоским и предельно чутким ко всякого рода сигналам.

Большую часть времени я провожу на побережье. В маленьком рыбацком домике. Домик действительно крошечный, чудом сохранившийся на задворках помпезной набережной Схевенинга, на которой понастроили монументальные уюги резиденций, гостиниц, казино, и по которой в ненастные дни бредут, укрываясь зонтами, школьники и пенсионеры Гааги, и которую в погожие дни наводняет остальное население Голландии, плюс (только набережную, а не Голландию) оккупируют моторизованные полки богатых немцев, чьи карманы оттопыриваются от твердой немецкой валюты, на которую они могут гораздо больше, чем на слабый французский франк, закупить и слопать национального лакомства Голландии — свежей селедки с луком, которую полагается заглатывать полностью, держа ее за хвостик, который... Тьфу!

Спрашивается, как я очутился в Голландии? Я же собирался в Норвегию? Все так, однако не успел я объявить о своем намерении, как возник голландский коллега, которого на три года пригласили в Канаду, у которого этот самый домик, которому грош цена, но в котором ценные старинные фолианты, с которых желательно вытирать пыль и вообще поддерживать в помещении порядок, постоянную температуру, иначе все сгниет от сырости. Коллеге требовался кто-то, внушающий доверие, и коллеге подсказали. «Профессор, живите как дома. Плата? Символический гульден, который мы пропьем в кафе, когда я вам передам ключи. Ну, счета за телефон, электричество и отопление».

Мне померещились за спиной коллеги белые буруны, вихри-волчки, коротко стриженные затылки. Мечтали на Север, на побережье? Пожалуйста, все улажено. А вот в Норвегию вам не надо...

Не надо? Не очень-то и хотелось. Я человек понятливый.

— Как обычно, моя девочка. Работаю ежедневно, помаленьку, не очень напрягаюсь. Много гуляю. Моего злейшего врага, солнца, здесь в природе не бывает, летом оно иногда выглянет на пару часов, так голландки на радостях все с себя снимают.

Все ли? Бывает, что и все, это не ваша пуританская Америка, где строго следят за формой одежды на пляжах... Я? Я не теряюсь, приглашаю даму, благо живу неподалеку. И как? Женские тайны не выдаю. Да, да, поддерживаю себя в физической кондиции. Забываю Лос-Анджелес? Фу, как не стыдно, ведь звоню тебе с регулярностью будильника. Нерегулярно? Когда же такое было? Когда прилетел в Париж? А... Ну попалась очень темпераментная мадам. Я ее упрасивал, мол, позвольте до телефона-автомата добежать, а она вцепилась: «Месье, не отлынивайте». Как твой роман с парнем из Израиля?

— Какой парень из Израиля? — переспросила она на всякий случай, чтобы выиграть время и вспомнить, рассказывала ли она мне про него и что именно.

— С которым ты в Элат поехала?

— За кого ты меня принимаешь, профессор? Чтоб с кем-то у меня роман длился больше трех месяцев?

В общем, я научился разговаривать с ней спокойно, не умирать (то есть не сообщать ей по телефону, что умираю, слыша ее голос) и даже иногда делал ей выговоры, внутренне дрожа от испуга — вдруг обидится и бросит трубку? Не обижалась. Трубку не бросала. Мое брюзжание (весьма умеренное) терпела.

Я уже узнавал мужские голоса, которые порой отвечали мне вежливо, тут же передавая трубку Дженни, или, если она отсутствовала, сообщали, когда она вернется, и, дескать, обязательно ей скажут. Потом Дженни объясняла, что понаехали родственники из Сан-Диего, знакомые из Нью-Йорка, старые друзья из Торонто. Лишних вопросов я не задавал, а Дженни старалась в те часы, когда можно было ждать звонка из Европы, первой подходить к телефону.

Когда же я звонил ей в госпиталь и не заставал там, то Кэтти или Лариса (в зависимости от того, кто поднимал трубку) беседовали со мной так... с такой... с такими... М-да, месьедам, как честный человек, я должен был бы на них жениться.

Мне кажется, калифорнийцы смотрят несколько свысока на остальных жителей Земли. Всюду давно спят или уже тащатся на работу, а в Лос-Анджелесе еще танцуют.

Я часто думаю об Эле. Папу она не видит, Джек давным-давно перебрался в Чикаго. В пятницу мама ее сажает в «стрелу», пристегивает к детскому креслу, и часа три Эля созерцает из окошка вместо кошки грохочущий фривей. И вот стоп, при-

ехали. Мама вынимает Элю из машины и знакомит с новым дядей. Эля смотрит на него букой, но дядя так ей улыбается, так старается ей понравиться...

Какой она станет, когда вырастет!

А что остается ее мамаше делать, если от меня никакого прока, одна морока?

Умная чертовка! Как четко все просчитала (я не про операцию. Операцию или еще какую-нибудь пакость можно было ожидать. Я, правда, не ждал), дав мне директиву держаться подальше от любимого семейства. Сообразила, что в Париже я буду лезть на стенку, бегать по потолку и в конце концов сорвусь, прилечу в Лос-Анджелес. В Схевенинге я одинаково скучаю и по ней, и по детям. Терплю, терплю, потом закуриваю (курю мало), потом хватаю чемоданчик, вскакиваю в трамвай и еду на железнодорожный вокзал, через шесть часов меня встречают вопли, визги Ани и Лели. И Шурик меня узнает. Деда садится на порог, стягивает сапог, разматывает портянку и вытирает ею свою раскисшую физиономию. Такие сильные эмоции снимают на время тоску по калифорнийскому климату.

Еще один плюс Схевенинга. В рыбацком домике у меня на столе ее фотография. На rue Lougmel я не решался эпатировать публику.

И все-таки в Схевенинге есть что-то мистическое. Схевенинг — пригород Гааги. По-голландски Гаага — Dan-Haag. По-французски La Haie. На разных языках Гаага читается и пишется по-разному. Где же я живу?

Позвонил Лос-Анджелес, что теперь бывает крайне редко (почти не бывает).

— Прежде, чем комментировать, думай над каждым своим словом, — сказал напряженный голос. И поведал мне о репортаже, который прошел по-ихнему телевидению. Репортаж назывался «Тень всадника». Несколько лет тому назад на молодую леди, прогуливающуюся в лесу с пожилым джентльменом, напала группа хулиганов. Пожилой джентльмен бросился наутек, оставив молодую леди в незавидном положении.

— Суки! — прокомментировал я. — Небось называли имена и фотографии дали?

— Имен не называли, показали крупным планом заголовки газет, — ответил напряженный голос и продолжал: — И вот, когда с молодой женщины начали срывать одежду, на поляну бешеным аллюром вынесся кавалерист в форме французского

офицера эпохи наполеоновских войн. Зарубил саблей трех самых агрессивных насильников. Ну и прочие подробности. Полиция год искала французского всадника, никого не нашла, загадочная история осталась нераскрытой. Сейчас этот лес — любимое место отдыха и прогулок горожан. Он по праву считается самым безопасным районом в окрестностях Лос-Анджелеса. С тех пор в этом лесу не зарегистрировано ни одного криминального происшествия. Рассказывают, что кто-то иногда видит вдалеке силуэт французского кавалериста. Показали интервью с шерифом. Шериф лично допрашивал четырех индивидуумов, хорошо известных полиции своей репутацией, как эфемерно выразился шериф. Так вот, они, индивидуумы, сами прибежали в полицейский участок, исцарапанные в кровь, смертельно напуганные, и умоляли их защитить. Они признавались, что собирались совершить в лесу «глупости», но тут — каждый повторял одно и то же — они слышали топот копыт, появлялся всадник с обнаженной саблей, и индивидуумы спасались лишь тем, что кидались опрোметью в овраг или в непроходимый колючий кустарник...

Репортаж заканчивался так: «Лес стал достопримечательностью Лос-Анджелеса. Окрестное население считает, что лес охраняет тень французского всадника. Скоро сюда будут приводить экскурсии».

Я рассмеялся:

— Думаешь, твой телефон прослушивается? Зря. Полиция экономит деньги налогоплательщиков.

— Ты знаешь, о чем я думаю, — ответил напряженный голос.

— Дженни, однажды во сне Глубоководная Рыба предсказала мне мое будущее. Я не поверил, а потом мы с тобой убедились, что сон был вещий. Дженни, я твердо намерен дожить до того времени, когда на Диккенс-стрит перестанут толпиться мужики, и ты вспомнишь о существовании пожилого джентльмена, пусть с подмоченной репутацией. Поэтому я никуда не суюсь, тише воды, ниже травы, занимаюсь исключительно собственным здоровьем и еще немного исторической наукой. Кстати, при всем твоём плохом отношении к французской кавалерии, я доволен, что французская кавалерия оставила о себе добрую память в Городе Ангелов.

— Кто сказал, что я плохо к тебе отношусь? — возмущился волшебный голос. — Я очень хорошо к тебе отношусь. Может, лучше, чем ты думаешь... — И после крошечной паузы злодейка добавила: — При условии, конечно, что нас разделяют восемь с половиной тысяч километров.

«Мир, который предвидел Талейран» потихоньку продвигается. В университетских библиотеках пахожу книги, нужные для работы. В рыбацком домике листаю старинные фолианты, утыкаюсь в любую страницу и не могу оторваться. То, что в фолиантах, для работы абсолютно не нужно, к Талейрану никакого отношения не имеет. Но мне интересно. Праздное любопытство.

Достаю папку со своими записями. Пытаюсь сосредоточиться, а мысли расплываются, мысли ходят по кругу, по заколдованному кругу, где нет ответов на вопросы «почему» и «отчего». Круг сужается, круг вертится, в дьявольской карусели мелькают лица, орущие «Долой тирана!», а в центре круга возле поверженного Робеспьера стоит мальчишка, победитель битвы при Флерюсе, мальчишка, от взгляда которого еще вчера трепетал Конвент, стоит, молча скрестив руки на груди. «Если Революция потеряет разум, то напрасны будут попытки ее образумить. Лекарства окажутся хуже, чем болезнь, порядочность и честность — ужасающими...» Гениальное предвидение. Абстрактное. Почему же он не мог предугадать конкретных вещей, сохранить для Революции необходимые ей политические силы, нужных людей? Вот хромьга Талейран прекрасно ориентировался в повседневной жизни, безошибочно угадывал перемены, а в политике ставил всегда на верных лошадей. Хромьга *далеко* видел, умел выжидать и маневрировать. Окажись он на месте Сен-Жюста, не было бы Девятого термидора. Он не писал бы накануне доклад, а использовал последнюю ночь для переговоров и нашел бы с заговорщиками разумный компромисс. Скажем, провозгласить Робеспьера почетным президентом Республики, без исполнительной власти. Пусть занимается теорией. И тут же отменить Террор. Не переворот, а мягкий поворот. Doucement. Сен-Жюст писал всю ночь доклад, зная, что ему не дадут его прочесть. Мальчишка. Мальчишки совершают самоубийство, думая, что смерть — это не навсегда, попугаю родителей. Все сложнее. Сейчас легко говорить: «Вот, на месте Сен-Жюста...» Дело в том, что тогда на месте Сен-Жюста мог быть только Сен-Жюст. В Революции было время Мирабо, время братьев Ламет, время Вернио, мадам Ролан, время Дантона. Революция, как Сатурн, пожирала своих детей. Наступило время Робеспьера, Неподкупного Робеспьера, честность и порядочность которого были вне подозрений. Время самого страшного террора. Однако Робеспьер по складу характера и ума теоретик. И тут он замечает Сен-Жюста, самого молодого депутата Конвента, идеалиста, рыцаря без страха и сомнений. Какое замечательное оружие попа-

дает в руки Робеспьеру! Меч, которым он крушит врагов направо и налево. Уже через год Сен-Жюст выдвигается на первые роли. Выше его только Робеспьер. Кто и когда еще в Истории так стремительно приходил к власти?

Понимает ли Робеспьер, что меч в его руках обоюдоострый?

Понимает ли Сен-Жюст, что может управлять рукой, которая его направляет?

Францией правит триумвират: Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст. Якобы триумвират. Якобы правит. Бесспорно, Сен-Жюст преклонялся перед Робеспьером. Иное отношение к Кутону. Из всех материалов, что я изучал, видно — Сен-Жюст его, Кутона, просто *терпит*. В Комитете свары, Комитет раздражен высокомерием Робеспьера. Робеспьер то является на заседания, то запирается в доме Дюпле. Все труднее Сен-Жюсту находить в Комитете необходимое *большинство*. Кутон верный союзник, всегда «за». Пусть. Почему же к Кутону скрытая неприязнь? Чувство превосходства здоровой юности над полупарализованным инвалидом? Нет. Будь Кутон инвалидом войны, Сен-Жюст его на руках бы носил. А Кутону парализовало ноги после того, как он выпрыгнул из окна своей любовницы. Муж их застучал. Разврат. Сен-Жюст не прощает таких слабостей. Сен-Жюст предупреждает Робеспьера о недовольстве в Комитете, о готовящемся заговоре в Конвенте. Робеспьер отмахивается: «Они не посмеют». Сен-Жюст знает: они посмеют. Робеспьер теряет ощущение реальности, слишком верит в свою популярность. Робеспьер проявляет очевидную слабость. Такое уже с Робеспьером случалось, когда громили фракцию перерожденцев, грабителей народного достояния: Дантона, Демулена, Фабра Д'Эглантина. Робеспьер разгром одобрил, но потом старых своих друзей, Дантона и Демулена, старался выручить. Слабость. Революционная справедливость должна быть ко всем одинакова...

То есть, я себя спрашиваю, что было бы во Франции, если бы накануне Девятого термидора Сен-Жюст не вел себя как мальчишка, а договорился бы с остальными членами Комитета общественного спасения? Кто стал бы Первым консулом республики?

Кому бы рапортовал генерал Бонапарт о своих блистательных победах?

— Привет! Я как раз о тебе думала.

Злодейка! Небось отвечает так по телефону всем мужским голосам.

Интересно, почему *они* не пускают меня в Норвегию? Бояться, что я раскопаю сундучок, распихаю его содержимое по карманам и пойду? Сто семьдесят лет почему-то не раскапывал, и вдруг именно сейчас приспичило? Или они уверены, что именно сейчас я способен сложить камешки в наволочку и купить билет в Лос-Анджелес? А может, сундучка уже нет на месте, и они опасаются, что я буду копать дальше (в том смысле, что вычислю, кто его захапал)?

...Листаю свои записи, пытаюсь сосредоточиться, а мысли расплываются, кружат неизвестно где... Я стою в саду перед домом Луизы Желе, гляжу на темные окна и проклиная небеса. Родители Луизы объявили, что выдают ее замуж. Отныне мне вход в ее дом запрещен...

Как и все члены Комитета общественного спасения, Сен-Жюст жил в одной из верхних комнат дворца Тюильри. Однажды ему доложили, что некая дама, приехавшая из провинции, сняла номер в гостинице на Сент-Оноре и настойчиво ищет с ним встречи. После убийства Марата Шарлоттой Корде полиция была особенно бдительна. Сен-Жюст приказал выяснить личность незнакомки. Оказалось, что это Луиза Желе. Сен-Жюст не захотел с ней встретиться. Почему? Не знаю. Наверно, не было времени. Или желания. Или того и другого. Все, что я знаю про Сен-Жюста, я вычитал в книгах и архивах. Но то, как он стоял перед домом Луизы Желе, отчетливо всплывает в моей памяти. Я вижу темные окна, слышу шелест листвы, сквозь которую просвечивает луна... И чувство страшного отчаяния так остро, как будто это вчера было со мной...

Еще так же отчетливо я вспоминаю одну сценку, эпизод (кадр — сказали бы сейчас) с Дисой. Нет, не «шведский стол». Мы едем с ней на легких санях, я правлю лошадьми, низкое северное солнце, снег искрится, и Диса смеется. «Вот этого рыжего жеребца, — говорю я, — зовут Талейраном, а пегий — Фуше». Диса смеется... «Я их так назвал. Откликаются. Ржут». Диса смеется... «Жуткие мерзавцы, их надо держать в узде, иначе понесут».

Диса смеется. Что ни скажу — смеется. Звонко, как колокольчик.

У меня ощущение полного довольства.

Последнее видение — Диккенс-стрит. Высокие пальмы, цветущие кусты. Табличка на каждом доме: «Автоматическая система безопасности. Кеер out». Мы идем с Дженни и Элей по узкому тротуару. Эля чуть впереди рулит на трехколесном велосипеде. Моя рука на плечах Дженни имеет тенденцию сползать ниже... Немыслимое счастье.

Эти наши прогулки, дневные — к парку и детской площадке, вечерние — к «Only women», я восстанавливаю в памяти до мельчайших деталей. Да и сейчас у меня перед глазами Дженни в кремовом костюмчике, Эля, повзрослевшая, на двухколесном велосипеде. Конечно, я угадываю третью фигуру (фигуры?), но я стараюсь ее не замечать. Только Дженни и Эля, мои девочки. «Чертова кукла, — кричит Дженни, — тормози у перекрестка, сколько раз тебе повторять?» Идиллия.

В принципе, леди и джентльмены, мадам и месье и прочие интересующиеся товарищи, мне пора думать об уходе в мир иной. Что-то я устал. Моя длинная жизнь оказалась короткой дистанцией: от сада Луизы, на санках с Дисой, до Диккенс-стрит. Но прежде чем попасть к Дьяволу на сковородку, за пару часов до этого, я мечтал бы увидеть, услышать, коснуться...

Какая-то сентиментальная чушь... Просто как тогда, как обычно (в тот необычный год), подождать девочек у «Only women», проводить до дому, вытащить белье из сушильной машины, принести наверх, а потом сказать:

— Ладно, Дженни, пока ты будешь укладывать Элю, я немного прошвырнусь.

Дочь, которая занималась моей почтой на Лурмель, сообщила, что пришел конверт из Национальной Ассамблеи. Конверты из таких высоких инстанций я получал не часто, точнее — никогда, поэтому она тут же его вскрыла. Председатель Национальной Ассамблеи Франции месье Филип Сэгэн приглашал месье Энтони Сан-Джайста на обед по случаю официального визита шведской парламентской делегации.

Прекрасный, незапланированный повод примчаться в Париж, погудеть с Анькой и Лелей в кафе, прокатить в коляске Шурика по пятнадцатому арандисману!

Что же касается приема в Бурбонском дворце — красной ковровой дорожки, гвардейцев в парадной форме с обнаженными саблями, то, видимо, я оказался в каком-то списке представителей французской общественности, коих надлежало после торжественных речей Высоких Сторон рассадить по столикам, дабы шведские парламентарии не чувствовали себя одиноко, переваривая шедевры французской кулинарии. За нашим столом честь национальной кухни защищали промышленник из Лилля (5 тысяч рабочих мест), танцовщица парижской Оперы (ангажемент в Нью-Йорке), чиновник Министерства финансов, депутат от департамента Мозель, ну и ваш почкорный слуга. Шведский супостат отважно заявил, что он от

социал-демократической фракции, и больше никакой агрессии не проявлял. Извинился за свой нордический акцент. Балерина, чиновник и промышленник явно не были мастерами слова, ваш покорный слуга помалкивал, поэтому от лица французской общественности выступал мозельский депутат. Наш парламентарий великодушно простил шведу его партийную принадлежность, сказав, что шведских социалистов он уважает в отличие от французских, которых он не уважает, ибо шведские социал-демократы никогда бы не заключили союз с коммунистами.

Наш парламентарий углубился в политику. Ваш покорный слуга углубился в гусиный паштет. Однако, услышав имя Сен-Жюста, я поперхнулся.

— ...Они хоть и были фанатиками, но стремились не к власти, как нынешние левые, а к воплощению своих идей. Сен-Жюст мог в ночь на Девятое термидора арестовать участников заговора, ему подчинялась полиция. Он этого не сделал, ибо не хотел нарушать республиканскую законность. Девятого термидора он простоял на трибуне, молча скрестив руки на груди, понимая, что его с Робеспьером пошлют на гильотину. Найдите еще такую фигуру в мировой истории! Я убежденный противник революционных доктрин, но как личность я его уважаю. Правда, известные наши историки, профессор, конечно, их знает, — депутат от Мозеля сделал красноречивый жест в мою сторону (Профессор, конечно, их знал. Канальи!), — выдвинули любопытную гипотезу. Согласно ей, у Сен-Жюста начинался роман, а Робеспьер запретил ему встречаться с девушкой. Робеспьер был аскет, выше всех земных страстей, но красавчика Сен-Жюста он ревновал. И Сен-Жюст решил: раз так, я умываю руки. Их революция погибла из-за женщины... Это тоже очень по-французски...

Топая по притихшей ночной набережной Сены, от *Quai d'Orsée* до *gare Lougmel*, я думал, что согласно следующей новейшей гипотезе Робеспьера и Сен-Жюста зачислят в гомосеки, и эта гипотеза будет чрезвычайно популярна в Америке, и уж тогда наверняка в глазах американцев Робеспьер и Сен-Жюст предстанут героями и мучениками.

Надеюсь, я до этого не доживу.

Теоретики с погонами рассчитали множество вариантов. Например, нужно обязательно разыскать похищенный автомобиль. Можно мобилизовать всю полицию страны, расставить ее на всех городских перекрестках, патрулировать главные магис-

трали. Двадцать, двадцать пять процентов успеха, ибо нельзя полицию всей страны держать на перекрестках больше суток. Можно, наоборот, поставить лишь один полицейский пост на самой захудалой департаментской дороге, но с тем, чтоб круглосуточно в течение года полицейский высматривал именно эту машину. Пять, десять процентов успеха. То есть вероятность в два раза меньше, зато какая экономия средств и сил.

У меня не было средств, меня лишили сил, убрали с людных перекрестков, загнали в оперативную глухомань, курортник на Северном море. Система вычеркнула меня из списков. Даже белые бурунчики, злые вихри-волчки, что не отставали от меня в Лос-Анджелесе, откомандировали в более горячие точки планеты. Кто? Зачем? Не знаю, я не чувствовал за спиной их дыхания. Все на мне поставили крест. А я ждал. И двадцать четыре часа в сутки высматривал. И сработали пять процентов вероятности. Мне принесли то, что я искал.

Мы сидели в огромном стеклянном помещении, где гремела музыка, где обедали, распивали крепкие и прохладительные напитки, катались по арене на роликах, дергали за ручки игральные автоматы, и человек, который принес то, что я искал, говорил:

— Я вижу, профессор, вы морщитесь от этой дурацкой музыки. Я бы тоже предпочел уютный ресторанчик. Зато, как профессионал, я вам гарантирую: при таком звуковом фоне невозможно прослушивать нашу беседу.

Я знал, кто он. Бывший офицер КГБ, теперь совладелец крупной торговой немецкой фирмы. Он не знал, кто я. Знал бы — не обратился. Впрочем, зачем ему было знать? Он заказчик, я исполнитель. Отставной профессор-архивариус распал для него материалы (как я понял в ходе раскопок — компромат на партнера), и больше его ничто не интересовало. Конечно, я его удивил, отказавшись от гонорара (10 тысяч немецких марок — семь тысяч долларов). Он правильно оценил предстоящий мне объем работ: проштудировать горы английских и немецких газет за прошлые годы, заглянуть в кой-какие бумаги (куда он заглянуть не мог) — и все это ради фотографии, которую он мне сейчас передал в конверте? Он посчитал, что я пентюх, старая шляпа, и учил меня уму-разуму.

— В конверте еще сто гульденов. Так надо. В случае чего я вам передал конверт с деньгами. Заметили, я ни разу не обернулся, а сижу спиной к залу? Вон там зеркало, и в нем я наблюдаю, что происходит сзади меня.

Как он скучает по прежней службе, думал я, хотя он, напротив, подогревая себя пивом, распалаясь, с жаром доказы-

вал мне, как он доволен фирмой, жизнью на Западе, независимостью, деньгами, у него дом, две машины, а в нынешней ФСБ он бы не смог работать, ведь лучшие кадры КГБ разогнали — «Горбачев — предатель, просрал Великую Державу, увидите, его еще поставят к стенке. Разве те нынче Органы? Потеряли профессионализм, потеряли навык, и все, все, все продаются!»

Мы уже часа два расслаблялись, хорошо расслаблялись. Я думал, что в таких количествах он запросто глушил бы и водку, его счастье (в смысле здоровья), что в Германии предпочитают пиво, и он вынужден был приспособливаться к западной культуре. Вдруг мой собеседник внутренне собрался, почти мгновенно протрезвел (черты лица даже обострились — профессиональная выучка) и заговорил другим тоном:

— Вы, профессор, вправе полагать, что я тоже продаюсь. Я, профессор, присяге не изменял. Зайти в кабинет майора Калиниченко, затребовать дело вашего родственника, сфотографировать обложку (фотографируют сейчас ручкой, пуговицей, часами) может любой офицер ФСБ. У меня остались там друзья, и эта мелкая услуга не стоит десяти тысяч марок, от которых вы так неразумно отказались. Вы наивняк, профессор, вас легко облапошить. Вы меня растрогали, и я решил вам помочь. Вы получили от меня подарок, сувенир: номер дела вашего родственника. Не спрашиваю, зачем вам это. Полагаю, для сантиментов. Почему я не нарушал присягу? Да потому, что вам никак не удастся использовать фотокопию против ФСБ. Предположим, вы ее напечатаете во французской газете. ФСБ даст опровержение: фальшивка. И дальше что? Надеетесь, что вам удастся когда-нибудь прочесть само дело? Наивняк. Я хоть и давно не служу, но мог бы зайти к Калиниченко, затребовать дело, он даже визы начальства не спросит, по моему виду, по голосу поймет, что свой. Да, они разучились, лентяи, тем не менее рутинная осталась. Есть такой термин в Органах — рутинка. Стоит вам пересечь государственную границу России на самолете, поездем, на машине, не важно, как только пограничник шлепает вам в паспорт штамп, в ФСБ поступает сигнал. И Калиниченко приказывают: такое-то дело без особой резолюции никому не выдавать. Им же известны все родственные связи погибшего. Рутинная подстраховка. И кто вам выпишет пропуск на Лубянку? Словом, химера, профессор... Ну, если вы способны прилететь в Москву, как птица, и пройти сквозь стены... Смешно.

Наверно, он мысленно представил мою нелепую фигуру в воздухе, с раздувающимися полами пиджака, ботинок вот-вот

спадет с ноги... Лицо его размякло, опять расплылось в пьяной улыбке.

— Действительно, смешно, — согласился я.

Мы еще выпили.

* * *

Я открыл дверь в кабинет без стука, сухо поздоровался и сказал:

— Меня интересует одна деталь в деле номер 21336А. Распорядитесь.

Краснощекий толстый майор соображал секунд пять, потом привстал из-за стола, любезно указал мне на кресло. Я сел, майор плюхнулся на свой стул, поднял телефонную трубку.

— Принесите дело номер 21336А. Да, в мой кабинет. — Он бросил на меня вопрошающий взгляд. Я сделал соответствующий жест ладонью, дескать, без лишних разговоров. Майор понял. — Начальство затребовало, — сообщил он в трубку.

Пока все шло так, как я и предполагал. Конечно, майор меня видел впервые, это его смущало, но в управлении, где он работал, посторонних не пускали и посторонние по коридорам не шлялись. Раз человек зашел именно в его кабинет и назвал точный номер, значит, с ведома руководства.

Майор шелестел бумагами, демонстрируя кипучую деятельность. Я углубился в свою записную книжку. Вошел лейтенант. Я даже головы не повернул. Наверно, они с майором молча поиграли в гляделки. Майор протянул мне увесистую бежевую папку с косым штампом на обложке: «Совершенно секретно».

— Вы...

— Я бы мог почитать это у Колесникова, — ответил я на незаданный вопрос, — однако предпочтительно такие дела вообще не выносить из кабинетов. Я полистаю у вас, если не возражаете. Полчаса мне достаточно.

— Разумеется, сколько угодно, — с готовностью подтвердил майор. Мое поведение и упоминание фамилии заместителя начальника управления развеяли его последние сомнения.

Я начал с конца. Вырезки из французской прессы. «Загадочное убийство русского миллионера в Париже», «Русская мафия сводит счеты». (Слово «мафия» подчеркнуто красным карандашом.) Ладно, это мимо. А вот и агентурные донесения. Где и в каких казино играл. С какими топ-моделями спал. Какие ночные клубы посещал. Ксерокс Сережиного проекта «Об энергетической независимости Украины» (расчеркнут цветными карандашами, как абстрактная картина). Телефоннограмма из

Киева: «Сегодня такого-то числа в 15.45 господин Сергей N. был принят президентом Украины. Беседа продолжалась 52 минуты». Телефонграмма из Парижа: «Срочно! В разговоре со мной г-н Кабанов обмолвился, что С.N. собирается открыть офис в Киеве. Из того же источника: С.N. заказал для своей парижской квартиры бронирование двери. Виктор Гюго». (С юмором ребята. Что значит «г-н Кабанов обмолвился»? Болтун — находка для шпиона или сознательная информация?) Нотариальная копия о продаже С.N. московской квартиры. (Деньги, которые мои внуки так никогда и не увидели.) Заглядываю наугад в середину дела. Сообщение о благотворительном концерте в зале Чайковского, организованном меценатом С.N. Выручка перечислена на лицевой счет детского дома. Список знаменитостей и высших должностных лиц, присутствовавших на концерте. Фамилии двух министров подчеркнуты.

Я недооценил бдительности майора. Он сказал, что выйдет на минутку. Это мне сразу не понравилось.

Оставить в кабинете незнакомого человека? А если приперло, невтерпех? Бывает. Воспользоваться случаем и смыться? Я бы не успел. Ворвались четверо в штатском, за спинами которых маячила разгневанная красная рожа хозяина кабинета. Раскрытую бежевую папку у меня мгновенно выдернули из рук.

— Кто вы? Как сюда попали? Из какой газеты? Предъявите документы?

В злых узких глазах нависшего надо мной оперативника читалось, что сейчас я получу нокаутирующий удар в челюсть. Поэтому как можно неторопливее и спокойнее я протянул свой французский паспорт:

— Я из спецподразделения парижской полиции по расследованию особо опасных преступлений.

Если бы я протянул им портативную атомную бомбу, вряд ли она произвела бы больший эффект.

— Ваша полицейская карточка?

Я позволил себе улыбнуться:

— Вам должно быть известно, что в заграничные командировки мы служебные удостоверения не берем. Моя поездка согласовывалась из Парижа с генерал-лейтенантом Колесниковым.

Комната до отказа заполнилась людьми. Я слышал бабий жалобный вой майора. Меня откровенно рассматривали, как диковинного зверя, забежавшего сюда прямо из зоопарка.

Потом ввели по коридорам. Из распахнутых кабинетов выглядывали лица. В одном кабинете меня обыскали. Довольно

грубо. Изъяли все мои принадлежности, включая лекарства и носовой платок. В другом кабинете вежливо напоили кофе. Угостили сигаретой.

— Кто вам выписал пропуск?

— Вы прекрасно знаете, небось уже проверили, что пропуска мне никто не выписывал.

— Как вам удалось проникнуть в здание?

— Ведь не по воздуху. Я думал, что охранник предупрежден и нарочно отвернулся, меня увидев. У нас существует такая практика.

Наконец я предстал перед светлыми очами крупного чина. Крупный чин (в штатском) мрачно вертел в руках мой паспорт. Шесть офицеров устроили мне перекрестный допрос.

— Имя? Где работаете? Должность? Кто ваш непосредственный начальник на набережной Орфевр? Номер его телефона? Когда прилетели в Москву? Каким рейсом? В какой гостинице остановились?

Я знал, что Колесников в Вене, что связаться с ним сложно (это был мой единственный козырь в напрочь проигранном раскладе), и отвечал по заранее подготовленной легенде. Отказался лишь дать номер телефона комиссара Декарта — не имею права.

— Насколько вы в Париже продвинулись в расследовании этого дела?

— Если бы мы имели конкретные результаты, то меня не командировали бы в Москву. Русская мафия, вы же сталкиваетесь с ней ежедневно, все чрезвычайно запутано.

Мне показалось, что в кабинете удовлетворенно переглянулись. Версия русской мафии их вполне устраивала. Но вообще я следил уже не столько за их реакцией, сколько за самим собой. Что-то странное происходило в моей голове. Звон в ушах. Я с трудом подбирал слова. Давило в груди. Было ощущение, что мой давний знакомый по Лос-Анджелесу, коварный враг, о существовании которого я забыл после операции, коротал время в Москве, скучал, а теперь с радостью на меня накинулся и душит в своих объятиях.

— В вашем паспорте нет российской визы и нет отметки о прохождении пограничного контроля в Шереметьево.

— Когда мы не хотим, чтоб визит нужного нам человека во Францию был зафиксирован, полиция на контроле в аэропорту отводит глаза и паспорта у него не спрашивают. Я еще удивился, почему в Шереметьево меня никто не встречал.

— Нам не было известно о вашем прибытии. Обычно мы в курсе таких визитов. Мы это выясняем. А пока у нас все осно-

вания арестовать вас как шпиона, заброшенного к нам нелегально.

Я понял, что они заметили мое состояние и истолковывают его по-своему: испугался французик, наклак в штаны. И нажимают.

С резкостью, с какой мог, я ответил:

— В таком случае вам предпочтительнее иметь живого шпиона, а не мертвого. Вызовите врача. У меня сердечный приступ.

Кто-то лениво поднял телефонную трубку. Они явно были уверены, что французик дурочку ломает. Однако на всякий случай... Куда им торопиться? Спросили, какая погода в Париже.

Все изменилось, когда врач снял с меня рубашку. Увидев длинный лиловый шрам поперек груди, они всполошились. Врач смерил давление и нахмурился. Меня уложили на диван. Как в тумане, я различал встревоженные лица.

— Я вам делаю укол, — сказал врач. — Не волнуйтесь. Я ввожу вам не наркотическое средство, дабы развязать язык, а камфору, чтобы облегчить работу сердца. У вас высокое давление и сильная аритмия.

Почудился возмущенный голос крупного чина:

— Мы своих сотрудников в таком состоянии в командировки не посылаем...

Вроде бы увезли меня на каталке. Не знаю. Я провалился.

Утром меня опять кололи. Давали таблетки и порошки. И я впал в забытье.

К вечеру мне стало лучше. Я лежал в комнате типа тюремного изолятора. Я знал, что за мной наблюдают в глазок. Я ждал визитеров с погонами. Теперь-то они выяснили, что легенда переговоров Парижа с Колесниковым — чистая липа. И кто-то, наверно, внимательно полистал папку за номером 21336А, нашел там мое имя, и теперь им понятен мой личный интерес к этому делу.

В погонах не приходили. Зато форменный допрос устроил врач, который принес мне лекарства, отобранные при обыске, и кучу других, мне незнакомых. Врач никак не мог понять, почему французская медицина, такая продвинутая, скрупулезно и дотошно лечит мне то и абсолютно игнорирует это. Я вспомнил свою беседу с профессором в госпитале перед операцией и дословно передал ее. Да, французские медики узко специализированы, видят лишь свой участок, остального не замечают. «У нас бы любой сельский фельдшер...» — горячился врач. Я поддакивал. Ну как я мог объяснить ему, что еще два дня назад у меня было то и абсолютно не было этого? И ни французская, ни сельская медицина предвидеть сего не сумела бы, предсказать такие

вещи способны лишь Глубоководные Рыбы в море-океане и то в общих чертах...

Врач подробно растолковал, сколько таблеток из каких коробок мне надо принимать. По количеству коробок я догадался, что меня не будут спешить переправлять в узко специализированные лапы французской медицины. Разумеется, после того, как французы прошляпили, нет им доверия.

Впрочем, врач искренне обо мне заботился. Впрочем, и в традициях старой Лубянки было аккуратно вставлять заключенному зубы, чтобы следователю было что выбивать.

Кстати, то ли под действием новых лекарств, то ли из-за общего своего состояния я был удивительно спокоен. Ну да, им ясно, что я напел несусветную околесицу. Все мои разговоры про французские спецслужбы — бред собачий. Однако что ж тогда получается, дорогие товарищи? Городской сумасшедший, да еще иностранец, беспрепятственно проник в самое строго охраняемое учреждение Москвы и разгуливал там, как дома. Если мы примем эту версию, если об этом кто-то доложит *наверх*, то не разгонят ли нас всех вонючей метлой к чертовой бабушке?

Короче, это им надо было думать и обмозговывать, это их головная боль.

Конечно, не исключено, что на меня будет оказано давление. Эвфемизм не расшифровываю, тем более что с этой организацией у меня связаны тяжелые воспоминания, а в травоядность послеперестроечной российской ГБ я не верил. Но теперь у меня есть запасная дверца. Вчера я почувствовал, что так близко подошел к краю... Маленький шагок, и я вне досягаемости самых изощренных методов следствия.

В тюрьме быть хозяином своей судьбы! Это меня так утешило, что я сладко проспал всю ночь, а утром проснулся свежим как огурчик. И даже несколько растерялся, ибо пока не знал, хорошо или плохо в моей ситуации быть опять здоровым...

Что касается врача, то он чуть не взвыл и вызвал на подмогу еще двух эскулапов. Работали в поте лица. Сначала я лежал, потом сидел, потом стоял.

— Сделайте десять приседаний.

— Ой, Валера, он же умрет!

— Он? Да никогда в жизни!

Какая оптимистическая диагностика. Что ж, медицине виднее.

В последний раз смерили мне давление, сняли кардиограмму.

— Не ценим мы наш родной валокордин, — сказал Валера. — Все, блин, импортную дрянь выписываем.

И утопали. Наверняка кому-то докладывать.

Мне принесли мою одежду, записную книжку, авторучку «Ватерман», часы, рубли, доллары, франки, ключи от дома — все, кроме паспорта. Я переоделся. В дверях возник двухметровый детина. Я пошел за ним. Мы спустились на лифте. Во внутреннем дворе Лубянки меня посадили в воронок. Детина занял место охранника, сзади, за решеткой. Мы долго колесили по городу. Иногда воронок набирал скорость и я думал, что мы выехали на загородное шоссе, но нет, опять частые остановки, явно на светофорах, просто улицы в Москве длиннее парижских... Куда меня везли? Детина был из тех людей, с которыми избегают вступать в разговоры. И потом, это их обычный трюк. У человека пробуждается надежда, а его хоп — в другую тюрьму. Арестантская роба, отпечатки пальцев, допрос. Но я им был благодарен, что они дали мне возможность привести себя в порядок, точнее, сами меня подлатали какими-то домашними средствами (Неужели валокордином? Не понял.). Что ж, продолжим наши игры, если не на равных, то в меру моих сил. Очень гуманно с их стороны.

В узком крытом дворе с тусклым электрическим освещением угрюмый детина сдал меня под расписку, как мешок с углем, двум офицерам. Слова не вымолвил.

Мы прошли по подвальным коридорам, поднялись в обшарпанном лифте на два этажа.

Вестибюль очень respectable советского учреждения. И лифт, возносивший нас куда-то на верхотуру, был не для рядовых сотрудников, а для начальства и званых гостей: просторный, с зеркалами, отделан полированным деревом. В зеркало я заметил, что офицеры учтиво улыбаются.

Огромный кабинет, залитый солнцем. Окно во всю стену. Где-то далеко внизу лес, уходящий к горизонту. Даже если бы я не узнал хозяина кабинета, спешившего мне навстречу, то по одному виду из окна я бы догадался, что нахожусь в «Аквариуме».

(Для справки. Когда я говорю: «Я догадался, я сразу понял» — то не потому, что такой умный, а просто малость информированный. Давным-давно кто-то изловчился сделать снимок из окна, который отпечатали в нескольких экземплярах. Я видел эту фотографию в скромном офисе в Лондоне, на 85¹ Воксхолл-кросс.)

---

¹ Интеллидженс сервис.

Нервная гримаса, казалось, навсегда застыла на лице заместителя начальника ГРУ. Мы обменялись дружеским рукопожатием. Он усадил меня за уютный столик с кофейным сервисом — в другом углу от руководящего стола с телефонным пультом, — сам сел напротив, налил кофе в чашки и, главное, придвинул мне пачку «Marlboro lights». Какой милейший человек! Я с наслаждением затянулся. Что касается моего визави, то он вообще не выпускал сигарету изо рта.

Мы поговорили о здоровье и о том, что, в принципе, надо бы бросить курить.

Потом он извинился, пересек по диагонали кабинет, поднял телефонную трубку:

— Виктор Михайлович? У меня профессор Сан-Джайст. Пьем кофе. Конечно, он. Кто же еще? Немного прибавил в годах. Да все мы не помолодели. Помнишь, как в Вашингтоне он поломал всю малину американцам? Разумеется. Вот тут ты не прав. Сейчас произошла накладка. Он очень сожалеет. Его грубо подставили. Французские интриги. Сам знаешь, как бывает. Да, да. Конечно. Не беспокойся. Привет.

Вернулся. Зажег очередную сигарету.

— Они так на вас обижены в ФСБ. Так обижены... Слышали? Я пытаюсь вас отмазать. Между прочим, ваши дорогие соотечественники вас кинули. Трусливо отмежевались. Мол, понятия не имеем, кто такой и что он в Москве делает.

По его взгляду я понял, что он или они все вместе сочинили удобоваримую легенду, и не в моих интересах ее опровергать.

— Что ж, вы все верно просчитали. Скажите, а бывало на вашей памяти когда-нибудь иначе? Основа основ западных спецслужб: отбрыкиваться от своих засветившихся агентов. Нам в разведшколе вдалбливали: «Вас никто не поздравит с успехом, вас никто не прикроет при неудаче». Думаете, я надеялся, что они хоть пальцем шевельнут в случае моего провала?

К моему случаю бедные западные спецслужбы не были причастны ни ухом, ни рылом. Однако то, что я говорил, было общеизвестной истиной. Увы, месьедам, это именно так и происходит. И очень хорошо укладывалось в сочиненную московскими коллегами легенду.

С пафосом:

— Профессор, при вашем опыте и мудрости, зачем вы согласились быть втянутым в эту авантюру?

— Я не согласился быть втянутым. Это была моя инициатива.

Проникновенно:

— Профессор, спасибо за честность. У вас репутация последнего романтика Системы. И все же могу я узнать причины?

Неужели ему не успели доложить? Или по их сценарию требовалось, чтоб я сам все рассказал?

Я рассказал.

В ответ ледяным тоном он повторил официальную версию о русской мафии. Его щеки дергались:

— Здесь, профессор, вы не рассчитывайте на мое сочувствие. Вашему родственнику надо было раньше думать, прежде чем влезать в опасные игры. Государство имеет право защищаться.

— Не стыкуется, — сказал я. — Русская мафия и интересы государства. Нет логики. Или, наоборот, по логике... — Я махнул рукой. Мы отработали легенду, он с чувством продекламировал свой текст. Какая еще к черту логика? — Ладно, перейдем на другие темы. Засаею время. Попробуйте десять минут не курить. Вы же загнетесь при таком темпе.

— Загнусь. — Он смял сигарету. — Ну и что? Вы не представляете себе, какой урон понесло управление с началом перестройки. Каких только кретинов нам не сажали! А сколько мы потеряли отличных ребят из-за предателей-перебежчиков? Но за наших разведчиков, попавших в беду, мы боролись до конца. Я не умывал руки, как ваши чистюли французы. Вы говорите: «Детей жалко». У меня на столе список вдов и сирот. Я его никогда не убираю в ящик. Всегда перед глазами. Я пытаюсь им выбить приличную пенсию. Государство не может прокормить семьи людей, которые отдали за него жизнь. А вы ищете логику... — Он смял вторую сигарету. — Десяти минут не прошло?

— Минута.

— Вы инквизитор, профессор. Вы мне подстроили ловушку. Конечно, теперь я обязан доказать, что могу обойтись без курева. Хорошо, что вы хотите?

— Найти убийцу.

Тут он неожиданно расслабился. Даже щека перестала дергаться. Отодвинул от себя пачку «Малборо».

— Я охотно бы вам помог. Как? Объясню. Предположим, ваша нелепая гипотеза имеет какое-то реальное основание. Замечу в скобках, что, начиная с Брежнева — постыдные застойные времена! — теракты за границей не проводились. Нужно было разрешение секретариата ЦК партии. Нынче не тот контроль, не та дисциплина в органах. Предположим, какой-то бандит из «новых русских», награвивший народные деньги, желает свести с кем-то счеты. С кем-то, кто улизнул за кордон. Дружки бандита знакомят его с рядовым сотрудником ФСБ. Увы, взяточничество на этом уровне имеет место быть. Ведь государство эконо-

мит на зарплате! И так, респектабельный бандит в своем «мерсе» передает Ивану Петровичу атташе-кейс с «зеленышками» (я упрощаю схему) и говорит: «У тебя, дорогуша, есть служебная информация. Воспользуйся ею и организуй». Что сделает Иван Петрович (по которому тюрьма плачет)? Поедет сам? Пошлет оперативника? Никогда в жизни! Он наймет за тысячу баксов киллера (самая модная в наши дни профессия), оплатит визу, дорогу, гостиницу, ресторан, прибавит пару сотен на проститутку — и киллер, не задавая лишних вопросов, нажмет на гашетку по указанному адресу. Все! И пусть газеты орут об очередном загадочном убийстве. Но если Иван Петрович (с которого давно пора сорвать погоны) не потерял остаток мозгов, то он сообразит, не пожалничает и наймет другого киллера, чтоб тот за ту же таксу убрал первого. От свидетелей такого рода предпочитают поскорее избавиться! Профессор, я не утверждаю, что так оно и было. Я теоретически рассматриваю вашу нелепую гипотезу, сложившуюся в результате вполне понятного эмоционального потрясения. Я подниму трубку, и мне принесут пачку фотографий убитых киллеров. Я ткну пальцем в любую и скажу: «Вот он». Вы мне поверите? Прошло десять минут? Закурим.

Не сомневался, что ему через пять минут принесут фотографии. Все было заранее подготовлено. У меня рассматривать их не было никакого желания. Не было. Что было? Ощущение внезапной пустоты. Изменились методы. Зубы теперь не вышибали. Меня самого элементарно вышибли из игры. Грамотно сработали, и мой собеседник знал, что с профессиональной точки зрения я это оценил.

В качестве сладкого десерта после горькой пилюли я опять услышал сетования. Нынче служба не та, люди не те, делаем не то. Раньше собирали разведанные в стане врага. Теперь собирают компромат на вышестоящих чиновников. Конечно, еще есть порох в пороховницах, иначе зачем жить? Мы еще пожием, профессор, не правда ли? Да вы принимайте таблетки, профессор, не смущайтесь. Позвольте полюбопытствовать, чем вас кормят... Наши, отечественные? У меня точно такие же, я их жру килограммами, привык... С тех пор как Горбачев сбросил с барского плеча Восточную Европу, НАТО уже заглатывает Польшу, Чехию, Венгрию.

— Для вас же это хорошо, — заметил я. — Для вашего управления. Выход на оперативный простор с заранее укрепленных позиций.

Он глянул на меня в упор. Усмехнулся:

— Приятно беседовать с умным человеком. Немножечко отравы мы оставили. Жадность фраера сгубила. У Клинтона еще

будут желудочные колики. Профессор, помнится тогда, в Вашингтоне, мы с вами на банкете пропустили по рюмашке. Не смею предлагать. Вижу, у нас сейчас соревнование: кто больше таблеток принимает... Вам оформили пенсию? Замечательно. Франция — страна победившего социализма. Отдыхайте, гуляйте с внуками... Здоровье дороже всего. Соседи... ну, догадываетесь, кто... меня спрашивают: «Как он миновал все контрольные посты? Он что, сквозь стены проходит?» Я ответил: «Разведчик старой школы, учиться у него надо, товарищи. А как он прошел, он никому не расскажет. Не беспокойтесь, профессор Сан-Джайст свято чтит традиции старой школы, интервью газетам не дает и мемуары не пишет. Верно? И в Россию он больше не придет. Профессор ведь знает, что я перед вами за него поручился, вытащил из квашни, куда его французы сунули. Профессор — человек слова, меня он подводить не будет. Или я что-то неправильно говорил?»

Из «Аквариума» на белой «Волге» доставили в Шереметьево. В сопровождении. Я купил билет на рейс «Эр Франс». В сопровождении провели через таможенный и паспортный контроль. Сопроводили прямо в кабину самолета. И когда я сел в кресло и пристегнул ремни, спохватились — мол, чуть было не забыли. И вернули мне паспорт. В окошко я видел, что они стоят на бетонном полу и приветливо мне машут.

Человек, за меня поручившийся, конечно, не верил, что я могу проходить сквозь стены, но на всякий случай принял соответствующие меры.

Самолет плыл в ночи, а рядом с ним — освещенный салон, ряды кресел, головы пассажиров, бюст стюардессы и ближе всего мое смутное лицо в зрачке иллюминатора. Тем самым создавалось ощущение спокойствия: наш искусственно ограниченный мир, где у каждого нумерованное место, поднос на откидном столике с остатками казенного ужина, свобода передвижения до туалета и обратно — все это имеет продолжение за бортом. Освещенный салон слева, освещенный салон справа, ряды кресел слева, ряды кресел справа, вдоль рядов снуют стюардессы, и пассажиры там видят в иллюминаторе еще один освещенный салон. И так до бесконечности. Плывущий в ночи, сияющий огнями остров. И незыблемая убежденность, как в арифметической задаче: автомобиль, поезд, трактор (Почему не верблюд? Скверный характер?), отправившийся из пункта А с такой-то скоростью, должен обязательно прибыть в пункт Б через столько-то часов. Между тем тряска кабины и секундные

провалы (сердце подкатывало к затылку) показывали иллюзорность нашего арифметического уюта. Я прижимался лбом к окошку и различал под крылом клубящуюся тьму. Над Альпами буйствовал циклон. Голос пилота в репродукторе предупредил: «Мы входим в район грозовой облачности». Может, так. А может, циклон и грозовая облачность были так же призрачны, как освещенные салоны слева и справа от самолета, и на самом деле я заглядывал в ту бездну, которая мне так часто снилась, и край черной воронки, закрутивший и унесший Сережу (и многих других, многих-многих тех, кого я знал), теперь приблизился, клубящаяся тьма была в двух сантиметрах от моих глаз. Я не причитал, не плакал, не звал Сережу, настоящая реальность — тьма и вечный холод («За бортом, — ласково сообщал пилот, — температура минус сорок один градус») — была в двух сантиметрах, толщина окна.

Ловкий начальник военной разведки вышиб меня не только из игры. Из жизни. (Понимал ли он это? А зачем ему понимать? У него своих забот навалом, о них он подробно рассказывал.) Мне доказали, что я живу в выдуманном мире, что в настоящем я уже не разбираюсь. Мой прежний опыт и навыки не помогли мне исполнить своей клятвы. Серия смешных телодвижений... Я чувствовал, что хрупкое окошко, отделявшее меня от клубящейся тьмы, треснуло, вот-вот разлетится вдребезги. И я вспомнил последние слова, произнесенные на прощание в высоком кабинете (без улыбки, и щека высшего начальника дергалась):

— На вас обижены. Вы заглянули туда, куда не следовало заглядывать. Не мне вам объяснять, что это означает. Будем надеяться, что о существовании тихого пенсионера все постепенно забудут. Но если вы еще раз появитесь в России... Заказные киллеры? А что-нибудь попроче не видите? В Москве столько автокатастроф, наездов на пешеходов... И «Московский комсомолец» публикует заметку в свойственном этой газете развязном стиле: «Вчера семнадцатилетний пэтэушник Вадик Удальцов осушил в одиночку бутылку водки и, чтоб как-то развлечься, решил ее разбить о плешь старикана, замаячившего перед ним на улице. Несмотря на то что в глазах у Вадика двоилось, удар попал в цель. Несчастная «цель» — старикан, профессор из Франции, приехавший в Москву по туру, умер в «скорой помощи», не приходя в сознание. Вадик Удальцов в хулиганских поступках ранее замечен не был и на учете в милиции не состоял. Ребята, пить надо меньше».

Признаться, меня покорила «плешь старикана». Неужто я так выгляжу? Или это дежурный перл московской журналистики?

Я пытался вытащить себя из этого марева-варева, ватных рук и ног, ватной головы, собрать по чайной ложке. Это нормально, внушал я себе, что ты устал. Спланировать невидимкой в Москву, пройти на Лубянку сквозь стены — сколько сил потребовалось, любого человека кондрашка хватит, а у тебя был всего лишь сердечный приступ. Значит, ты еще «ого-го» и «игого», еще попрыгаешь по зеленой лужайке, а глубоководные теоретики ничего толком не знают, только пугают. Я собирал себя по чайной ложке, но это все куда-то выливалось, я пытался взбодриться, но еще больше распадался. И было ощущение, что я остался там, в матово-блеклом салоне за бортом самолета (хотя самолет уже подруливал по дорожке — по которой крадется огромная кошка с острыми когтями — к аэропорту «Шарль де Голль-2»), и продолжаю полет, не подозревая, что захвачен клубящейся тьмой, и меня мягко и неотвратимо закручивает воронка. И тут я увидел Сережу. Он шел по проходу между кресел ко мне, с плутовской улыбкой, как всегда небритый. Приложил палец к губам, сел рядом, обнял меня за плечи. «Сережа, ты живой? — Я чувствовал тепло его ладони. — Ты живой? Значит, как я и раньше думал, это была инсценировка?» «Конечно, А. В., конечно, пришлось разыграть, — он хитроще подмигнул. — Мы с полицией ломали головы. От заказного киллера не уйдешь. Пусть решат, что убили. И к двери я спустился в пуленепробиваемом жилете. Потом меня долго прятали. Et voila, nous sommes arrive!».

— Et voila, nous sommes arrive! Прибыли!

Стюардесса трясла меня за плечо. Несколько секунд я соображал, где я и в каком из миров. Потом вытер мокрые глаза, извинился и пожелал стюардессе приятного вечера.

Надо же, задремал после приземления! Усталость свалила. Зато теперь руки и ноги функционировали нормально и мозги заработали.

В пустом салоне на задних сиденьях спал еще один пассажир. И стюардесса почему-то его не будила. Ясненько. Хвост из Москвы или нос из Парижа. Что ж они дальше предпримут?

Полицейский в коридоре взглянул с безразличием. На паспортном контроле вежливо кивнули. В багажном зале все уже разобрали, на движущейся ленте плыли три чемодана и оранжевая спортивная сумка. Дама с ребенком что-то выматривала.

В вымершем вестибюле на уборочной машине лениво разъезжал араб в зеленом комбинезоне. Я завернул в кафе. Парочка за угловым столиком нежно ворковала. Бармен откровенно зевал.

Я заказал кофе и коньяк. И так, можно представить себе, с какой интенсивностью шли телефонные переговоры Парижа с Москвой в последние двое суток. Из Москвы наябедничали жутко. В Париже пообещали примерно наказать. Ведь, в сущности, я совершил даже не должностной проступок — хуже, узурпацию прерогатив. А это уголовный кодекс.

Что ж они медлят?

За спиной я слышал мерное дыхание огромной кошки. Полосатая, черно-серая, помочная расцветка, ростом с дога. Но ее, кроме меня, никто не замечал. Она, я знал точно, не из московских или французских спецслужб — посланец другого ведомства.

Я сел в такси. Никто не прыгнул следом за мной в кабину. Занятно. Вот как теперь делают. Таксист повезет прямехонько в главное полицейское управление на набережную Орфевр.

Таксист остановился на улице Лурмель. Я открыл ключом дверь своей квартиры. Зажег свет. Никого. Ладно, гости вот-вот припрутся.

Дочь следила, чтоб в холодильнике был запас консервов. Не теряя времени, сварганил ужин. Краем глаза наблюдал по телевизору ночные «Новости». Опять в стране серьезные проблемы: подскочили цены на салат.

Выключил телевизор. Прислушался. Кто-то на мягких лапах поднимался на этаж. Царапнул когтями пол. Разлегся на коврик перед дверью. Тогда я понял, что сегодня меня трогать не будут.

Проснулся в четыре утра. Ворочался. Сна ни в одном глазу. И то верно — не надо было пить вечером кофе. В темноте принял ванну. Побрился на ощупь. Свет в квартире не зажигал. Почему? Пусть думают, что я еще дрыхну. На свежую голову соображал, как бы я сам поступил на их месте. В шесть утра приедут, разбудят (раньше шести закон не позволяет) и отвезут в ближайший полицейский участок. И там тупой инспектор будет задавать нудные вопросы и отстукивать мои ответы на допотопной пишущей машине. Вопросы типа: как вы полетели в Москву без визы? Каким рейсом? Почему нет вашей фамилии в списке пассажиров? Каким образом вы узнали имя дивизионного комиссара на набережной Орфевр? Откуда такие нелепые фантазии — дескать, ваша эскапада согласована с парижской бригадой по борьбе с особо опасными преступлениями? Месье имел некоторое отношение к полиции? Что значит «некоторое отношение»? Два века тому назад? Гм... К какому психиатру вы ходите?

То есть их задача будет показать мне, что я действовал, как

городской сумасшедший, они слыхом обо мне не слышали, и если такое повторится...

В общем, здоровое решение. В Москве выбрали метод разговора на высоком уровне, в Париже утонченнее — мордой об стол участкового инспектора. И не вообразайте из себя значительную персону.

Я готовился к большому путешествию. Требовалось сконцентрироваться, собраться с силами. Конечно, разумнее было отдохнуть, навестить кардиолога (Навестить в первую очередь детей! Нет, нельзя. Для дочери я уехал на семинар в Норвегию), но уж очень не хотелось выставлять себя на потеху Глубоководным Рыбам и прочим мелким чванливым хранителям тины морской. Я проиграл? Тем хуже. Тем лучше. Меня освободили от всех обязательств.

Чего же я жду? Еще десять минут. Мне просто интересно выяснить — прав ли я был в своих предположениях?

Ровно в шесть утра резко зазвонили в дверь.

В Лос-Анджелесе было девять вечера и сколько-то там минут. Я стоял около ее дома. Вдалеке, по улицам, перпендикулярным Вентура-бульвару, изредка скользили фары машин. На Диккенс-стрит темно и тихо. На четвертом этаже в ее окнах горел свет.

Моя полосатая спутница ткнулась мне мордой в ноги, я отвел руку назад, она лизнула ладонь шершавым языком. «Умница, — сказал я, — в дом не входи. По ночам здесь гуляет кот. Найдешь с кем развлечься».

Чтоб оставаться невидимым нужно соблюдать три условия: держать себя под строгим контролем, не отвлекаться, не допускать никаких эмоций. Элементарно. Вот как перемещаться во времени и пространстве — тут рецепта дать не могу, самому до сих пор неведомо. Но если давит грудь, колет справа под лопаткой и дышите так, будто пробежали кросс с полной выкладкой — значит, вы куда-то переместились. Или скоро предстоит.

Я жадно втягивал воздух. Воздух был прохладным. В Лос-Анджелесе кончилась жара. Хороший знак.

Полегчало. М-да, в уик-энд я бы не осмелился. Однако середина недели, завтра рано на работу... Она, должно быть, одна с Элей. Сегодня мой день! Пошли.

По ступенькам до парадного. Шаг... и я на темной лестнице внутри здания. Поднялся на четвертый этаж. Замер у ее двери. Громких голосов не слышно. Эля, наверно, спит. Дженни? Читает, гладит белье, смотрит телевизор, залезла в ванну.

«Я к тебе очень хорошо отношусь. Может, лучше, чем ты думаешь...» Правда, она поспешила добавить еще кое-что, но это было чисто женским кокетством.

Я провел ладонью по двери. Замки она так и не сменила, значит, ключи по-прежнему застревают. Надо бы этим заняться. Чтоб не шлялись тут всякие...

Мне замки не помеха.

Я шагнул сквозь дверь и застыл на верхней ступеньке. Дженни сидела за обеденным столом на своем обычном месте у стены. Напротив нее, на моем месте — парень в майке с эмблемой университета, квадратные плечи, загорелые локти, волосы на затылке собраны в короткую косичку.

Без эмоций. Строгий контроль.

Дженни подняла голову и посмотрела в мою сторону, задержав взгляд. Она меня видит? Невозможно. На бордовом линолеуме ступенек нет даже тени моих ботинок.

Спустился в гостиную, пересек ее, стараясь не скрипеть по паркету (Чушь собачья! Я же невидим и невесом!), и устроился в кресле у телевизора так, чтобы плечи и затылок парня не закрывали мне лицо Дженни.

Господи, счастье какое, как давно я не любовался своей девочкой!

Стоп. Без эмоций. Строгий контроль.

Они пили белое вино, говорили... Говорили какие-то глупости, не важно, я вслушивался, чтоб удостовериться: его голос мне совершенно не знаком, никогда не слышал его по телефону. Новый кадр? Хотелось спросить — а где темно-зеленый костюм, по каким стенкам его размазали? Небось даже не помнит такого... Дженни, Дженничка! Она совсем стала юной, зазывающе смеялась, в глазах озорные искры, и казалось, для нее весь мир сошелся на этом парне, никого и ничего больше не существует. Парень, наверно, был энциклопедией всех мужских достоинств... Не знаю. Мне было достаточно наблюдать его модную косичку... Дженничка. Глаза какие-то другие... Красивые? Не знаю... И тут я понял, что должен до гроба быть благодарным своей девочке — она меня оберегала, ведь никогда при мне она ни на кого так не смотрела. Если бы хоть раз я зафиксировал такой взгляд, то сдох бы на месте.

Вдруг, как бы мимоходом, полуобернувшись в мою сторону, она бросила по-русски:

— Зачем тебе это надо?

— What? — переспросил парень.

— Ерунда, — ответила Дженни по-английски, — привычка разговаривать самой с собой вслух, чтоб не забывать русский.

Потом они унесли все со стола на кухню, парень отправился напрямиком в спальню, а Дженни аккуратно разложила бокалы, тарелки, вилки по полкам посудомоечной машины, включила ее, и у входа в ванно-спальный отсек квартиры не оборачиваясь сказала по-русски:

— Раз ты так решил, получай!

Дверь за собой притворила наполовину.

Как добропорядочный, воспитанный джентльмен, я должен был подняться в свой бывший кабинет. Разумнее было там лечь на койку и отдохнуть с дороги. Но я не знал, сколько еще смогу продержаться в невидимом состоянии. И я не знал... Зато Дженни отлично знала, что я буду делать, поэтому даже не прикрыла дверь своей спальни и не потушила тлевший на тумбочке у кровати ночник.

Я слышал громкое мужское сопение и ее стоны.

Со мной она никогда не стонала. Значит, мне предназначался наглядный урок.

«Полный контроль, никаких эмоций», — повторил я себе и переступил порог.

Это не называлось любовью, я кое-что понимаю в таких вещах. Он ее драл грубо, сильно, и она, придерживая рукой за шею (как меня когда-то), стонала, всхлипывала, и глаза ее были закрыты. Затем без лишних слов он ее перевернул и поставил в позицию.

«Что они вытворяют, охламоны! — возмутился я. — Они так Элю разбудят».

Плотно прихлопнул за собой дверь их спальни. Заглянул в комнату Эли. Над детской кроваткой парил ангел-хранитель (прислали по городской разрядке как бэби-ситтера?), и девочка во сне причмокивала губами. Я вспомнил, что когда-то тут в спальне рассказывал Эле сказки и она вроде бы засыпала, а потом обязательно высказывала в гостиную...

Закрыв дверь Элиной комнаты, закрыл двери в ванную, вышел в гостиную, закрыл за собой дверь (запер бы ее на замок, да замка в ней не было). Кажется, все, что можно, закрыл, захлопнул.

Привет! Моя полосатая спутница нагло разлеглась на ковре возле телевизора, потягивалась и сладко жмурилась.

Населенная квартирка...

Ладно, моя задача восстановить над собой полный контроль, погасить эмоции. Чем и займемся. Примостился за столом на том месте, где обычно сидела Эля. Теперь тишину нарушило лишь глухое бормотание посудомоечной машины. Что-то там иногда скрежетало. А может, это был скрежет дрели, сверлившей мне сердце.

Я не двигался. Полосатая спутница на ковре тоже утихомирилась. Ну-с, что предпримем далее? Подождем. Подождем, пока машина отработает, разложим посуду по буфету и ящикам (хоть что-то приятное сделаем Дженни!), далее возьму за шиворот полосатую стервь, погашу верхний свет, и уйдем мы с ней на Вентура-бульвар дышать свежим воздухом, ведь последние трое суток мне было как-то не до прогулок.

Дженни появилась в знакомом мне синем махровом халате. Пояс завязан. Причесана. Щеки раскрасневшиеся. Взгляд победительницы.

— Где ты? Не прячься. Он после секса спит как мертвый. Ну, доволен? Я бы могла тебе такой спектакль устроить... — Она обращалась к креслу у телевизора: — Ты знаешь, как я ненавижу твои шпионские штучки. Я не терплю, когда без разрешения приходят в мой дом. Однажды ты уже нарвался. Ну вот, убедился, я сплю с другим, и мне это нравится. Возбуждающее зрелище? — Она шарила глазами по гостиной. Голос ее дрогнул: — Тони, хватит играть в прятки. Между прочим, ты слышал, я не произносила наших волшебных слов. Как и обещала.

Я вдруг понял, что я сволочь, пакостник и негодяй. Я не знаю, почему она меня сразу увидела, когда я прошел сквозь дверь, и почему не видит сейчас. Сейчас она меня не видит, это точно, и ей как-то не по себе. Она же насмотрелась разных голливудских гадостей про вампиров, привидения и сексуальных маньяков-убийц. Ну да, это ее профессор, но однажды она была свидетельницей моего — как бы это сказать? — иного состояния, в котором я ничего не помнил и ее не узнавал. Всадник. Тем не менее моя отчаянно храбрая девочка пытается сама разобраться в том, что происходит, не звонит в полицию, не будит хахалю, а я затаился и вредничаю.

— Тони, не надо ревновать. Это же чистый секс...

Не надо ее пугать!

— Он не первый и не последний, — ответил я как можно миролюбивее из своего угла, — сколько еще таких будет. Все равно я тебя люблю.

— Вон ты где! — Она повернулась в мою сторону, явно обрадовавшись моему голосу: — Тони, давай возникай! Иначе опять уйду в спальню и ты такое услышишь...

Кошка подняла усатую морду. Вероятно, на секунду потерял контроль над собой. Секунды достаточно. Я увидел на столе свои руки.

Лицо Дженни исказилось болезненной гримасой. Ее лицо («Тони, перестань меня с кем-то путать. Я Дженни, не Жозефина!») всегда было для меня открытой книгой. И теперь я прочел

на нем ужас и страдание. Впрочем, я ведь ни разу не наблюдал, как человек материализуется из пустоты, может, это очень страшно, может, я бы сам точно так же реагировал.

Все было не так, как я предполагал. Я же мечтал, что если когда-нибудь увижу свою девочку, то просто, без слов, обниму ее колени. Да мало ли о чем мечтал! И вот явился не вовремя, а главное, напугал. Не знаю, что будет, если я к ней прикоснусь. Надо говорить. Она же привыкла к моему голосу. Послушает, послушает и успокоится.

— Не поверишь, еще вчера был в Москве. Какое вчера? По вашим часам — сегодня. Дай воды. Это безобидная отравка. В Москве я беседовал с крупным чином из военной разведки, так он такие таблетки ест горстями, хрумкает, как сахар. Коньяк? Какая ты умница! У меня было три перелета: Схевенинг — Москва, Москва — Париж, Париж — Лос-Анджелес. Какой компанией? Авиакомпания «Сан-Джайст Эруэйз». Быстро, но утомительно. И врачи после таких путешествий очень рекомендуют коньячок.

Она принесла бутылку, рюмку, села напротив. Геометрическая перестановка за столом показалась мне обнадеживающей. Час назад Дженни смотрела в другую сторону и на другого. Наши линии, моя и ее парня, не совпали, а пересеклись. С кем только в жизни я не пересекался!

Я выпил, повторил, пытаюсь заглушить сверлильные работы, которые московские стахановцы, передовики производства, вели в моей груди. И совершенно машинально, зная, что в ее квартире этого никак нельзя, достал пачку сигарет.

— Хочешь курить?

— Да я выйду на балкон.

— Сиди отдыхай. Вот блюдце вместо пепельницы.

Чем объяснить такой фавор? Вероятно, она поняла, что со «спектаклем» в спальне несколько переборщила, вот компенсация. Я оценил.

Коротко рассказал о своей московской аванюре. Дженни внимательно слушала (иронически хмыкнула лишь тогда, когда я удивился, дескать, почему толстый майор проявил неожиданную бдительность), и в ее потемневших глазах уже не было ни вызова, ни страха. Правда, ее взгляд скользил по касательной, мимо меня. И голубоватый дымок сигареты плавал между нами.

— Я потратил на это дело больше двух лет. И не жалею. Я бы не мог поступить иначе. Я примчался к тебе... Извини за вторжение. Я ничего не видел, я ничего не слышал, я был здесь, за столом, и кушал таблетки. Я примчался к тебе, как мальчиш-

ка, охваченный нетерпением, чтобы сказать: отныне принадлежу только тебе. Хочешь, гони в шею. Хочешь, расстели как коврик на ступеньках и вытирай ноги... Да, с юмором у меня нынче плохо.

— Успокойся, Тони, — (это она меня успокаивала!), — пей, кури. Подумай, куда тебя отвезти. В аэропорт? В гостиницу? В своих путешествиях ты забываешь про деньги, я куплю тебе билет. Я сниму тебе номер. Как скажешь.

Еще рюмка. Еще сигарета. Я почувствовал себя бодрее, а в моей груди передовики производства вкалывали с меньшим энтузиазмом.

— Дженни, спасибо за заботу. И за то, что позволила мне вот так посидеть и посмотреть на Самую Умную, Самую Красивую и Самую Любимую девочку на свете. Для меня, ты знаешь, это главное. Я не буду мешать твоей личной жизни. Исчезну. Пережду. Аэропорт предпочтительнее, но там проблемы с визой. Я доберусь до Мексики и въеду в Америку на законных правах. Залягу где-нибудь на дно. Почищу перышки, наведу лоск. В следующий раз, — естественно, если позовешь, — появлюсь в парадной форме.

И, продолжая разглагольствовать в таком духе, я заметил новое выражение ее лица. Она как бы надела маску примерной школьницы-отличницы (знакомую мне, проходили и это, когда в разгар выяснений наших отношений она словно говорила себе: «Держи себя в руках, не злись, пусть выскажется, ему так легче»), школьницы-отличницы, которая делает вид, будто прилежно внимает скучной речи учительницы.

И еще я заметил, что полосатая стервь, гибрид кошки с догом, стоит на прямых лапах и не сводит с меня немигающих глаз.

Хрен с ней. Изыди, Сатана!

Я витийствовал, строил подробные планы на будущее, а про себя молил: «Дженни, девочка моя! Я знаю, ты устала, тебе пора спать, завтра рано в госпиталь... Но не гони меня, потерпи немножко, я еще чуть-чуть погляжу на тебя, ну совсем немножко...»

Наконец случайно я поймал ее взгляд и что-то угадал.

— Я сильно изменился после путешествий? Опять постарел?

Зверь зашипел? Нет, это тихий голос Дженни:

— Постарел? Три «ха-ха». Кэтти, впервые тебя увидев, сказала: «Ты закадрила английского лорда. Шикарный мужик, отдайся мало». И вот минуло всего два года. Что ты с собой сделал? Зачем? Тони... — Сдерживаемая ярость выплеснулась в

крик: — Что ты мелешь? Какой следующий раз? Посмотри на себя в зеркало. Тебе же сто лет!

Кошка прыгнула, опрокинув меня на пол. Стервы! Сейчас возьму ее за шиворот... Высоко в небе, наполовину закрываемом столом, расплывалась радуга. Скомандовали: «Огонь!». Тысячи молний прожгли мне грудь.

* * *

Коридор загибался дугой, следуя конфигурации наружных стен замка. Министр чуть-чуть ушел вперед. Спасительный инстинкт подсказал Сен-Жюсту: «Резко сворачивай в эту дверь». Свернул, так и не поравнявшись со средневековым рыцарем, застывшим в нише. Двигался в темноте, на ощупь. Потайной зал или коридор? Для зала слишком много пространства. Если коридор, то куда он ведет? Сен-Жюст знал, что в старых фортификациях имелись подземные ходы. И действительно, под ногами закрипел мокрый песок. «Умница Готар давно бы распивал вино в кабинете министра, — подумал Сен-Жюст, — а я куда-то поперся и вот-вот завязну в каком-нибудь чертовом болоте». Подумал и поразился своим мыслям. За долгие годы он настолько привык быть Жеромом Готаром — и вдруг подумал о нем отстраненно. Коридор сужался. Сен-Жюст, задевая плечами стены, упрямо продолжал свой путь. Ткнулся носом в паутину. Под сапогом что-то пискнуло. И тут услышал, что где-то совсем рядом скулит щенок. Здесь. Сбоку. Протянул руку. Пустота. Шагнул. И оказался на ступеньках, спускавшихся от двери в большую комнату.

Яркий светильник, свисавший с потолка, ослепил. Сен-Жюст, прищурившись, оглянулся. Ничего общего с кабинетом Императора, где час тому назад он удостоился аудиенции. Голые желтые стены, странная угловатая мебель. Черный ящик неизвестного назначения с квадратным выпуклым белым стеклом. В дальнем углу слева, за столом, спиной к Сен-Жюсту, сидела женщина в синем халате, вернее, полулежала на столе, спрятав лицо в ладони, и всхлипывала. Этот звук Сен-Жюст и принял за вой собачонки.

Сен-Жюст подумал, что по воле Провидения он вторгся в чью-то чужую жизнь, в тяжелый момент прощания, хотя непонятно было, с кем женщина прощалась. На другом конце стола — бутылка, пустая рюмка, блюдец с окурками. На полу — опрокинутый стул.

Что ж, надо уважать чужое горе. Сен-Жюст подождет, пока женщина успокоится, и спросит дорогу.

Дорогу куда?

Сен-Жюст провел рукой по своему парадному синему мундиру с красными эполетами, перехваченному белой широкой лентой. Каким-то чудом, блуждая в подземелье, он умудрился не порвать и не испачкать мундир. Правда, исчезла нашивка полковника. «Бедного Готара понизили в чине, — усмехнулся Сен-Жюст, — он опять капитан». (Готара понизили, не меня!)

Женщина приподняла голову и запричитала вслух. Сен-Жюст не знал этого языка, не понимал слов, но благодаря своей прекрасной памяти уловил звуковой ряд:

«Зачто? Нучемявиновата! Врываютьсябезразрешенияпосрединочи, потом — здрасьте — берут и умирают. Нусовестнадоиметь? Всегдатолькооосебедумал. Чтомнетеперьсьнимделать? Зватьполицию? Какобьяснитьегопоявление?»

Судя по интонации звукового ряда — плач отчаяния и скорби.

Женщина достала из кармана платок, вытерла лицо, встала, обошла стол, охнула, быстро заглянула под стол, выпрямилась. И тут их взгляды встретились.

Взмахом ладони Сен-Жюст отбросил прядь длинных волос, упавших на лоб, и, как положено приветствовать в армии Его Императорское Величество, щелкнул каблуками. В ножнах на левом боку звякнула сабля.

Медленно, пошатываясь, женщина приближалась к нему, и теперь Сен-Жюст мог лучше ее разглядеть. Молодая, полноватая, пожалуй, красивая, на кого-то очень похожа... На кого? Наверно, капитан Готар вспомнил бы, это его дела, да Сен-Жюста они не касаются.

Женщина опять произнесла звуковой ряд на непонятном языке.

— Тони! Тонитыначнешьновуюжизнь? Тыменяобманывал, Тоничка?

Неожиданно Сен-Жюст почувствовал боль в груди, как будто заныла старая рана. Он должен был что-то ответить. Он должен был быть галантен и вежлив с женщиной. Он хотел ее о чем-то спросить.

Что ответить? О чем спросить?

Слова пришли сами.

— Pardonnez moi, Madame, — сказал Сен-Жюст, — je dois repartir, Maintenant, c'est vraiment fini. Я возвращаюсь в свое время. Сожалею, если причинил вам беспокойство. Adieu!

Понимала ли женщина французскую речь — уже не имело значения.

Он отдал честь и, круто повернувшись, шагнул за порог. Вниз вела освещенная лестница, но Сен-Жюст направился в

темный коридор, открывшийся в стене. В гулкой тишине он слышал отзвук собственных шагов, и моментально забылось недавно виденное, и темнота постепенно превратилась в белесый туман, в котором Сен-Жюст четко угадывал дорогу. Однако перед глазами еще мелькали неясные тени, призрачные картины: человек с властным взглядом в треугольной шляпе; заиндевевшие окна королевского дворца и конная статуя посреди сугробов; нордическая красотка с младенцем на руках: «Я бы вас любила, король!» — и гордо отворачивается; грозовые раскаты грома и дикий ливень на площади; тюремная камера; огромный кабинет, полированный стол, злое лицо в пенсне; механическая карета, несущаяся меж зеленых холмов, он сидит рядом с молодой женщиной, ее рука в его руке, нет, его рука ниже, на ее колене, молодая женщина, похожая... На кого? Не помнит; девочка кувyrкается в детской кроватке: «Где мой папа?..» Шквал, налетевший внезапно, сорвал с плеч Сен-Жюста эполеты, с пояса — саблю, последнее, что его связывало с капитаном Готаром, и наваждение кончилось.

Потянул ровный ледяной ветер. Сен-Жюст закутался в свой зимний плащ.

Он по-прежнему шел в густом тумане, но теперь он шел не один. К эху его шагов присоединились десятки, сотни других. Совсем близко забил барабан. Барабанная дробь слилась со строевым маршем колонн, и в первых лучах утреннего солнца Сен-Жюст увидел тысячи солдат в синих шинелях, с ружьями наперевес.

— Сен-Жюст с нами! — прокатилось по рядам. — Vive la France! Vive la Revolution!

Впереди вырисовывались розовые редуты Виссембурга. Там вспыхивали огни, сопровождаемые дымком, и ядра со свистом шлепались то слева, то справа. Генерал Лазарь Гош, назначенный вчера Сен-Жюстом командующим рейнской армией, обнажил саблю. Генерал Пишегрю поднял древко с трехцветным знаменем.

Строго говоря, не генеральское это было занятие подставлять себя под пули неприятеля. Лазарь Гош понимал, что если полки останутся, попятятся, то он в толпе не сможет организовать никакого разумного маневра, и будет постыдное бегство. И генерал Пишегрю, обиженный тем, что его обошли с назначением, полагал, что генерал должен командовать, а не лезть на рожон. В каждой атаке есть мистика. Атака может захлебнуться и под слабым огнем. Атака будет неотразимой под любым огнем, если наступление полков наберет скорость, то есть появится инерция движения. Огневой заслон Виссембурга был серьез-

ным, тут и там, спотыкаясь, падали синие шинели. Но в первом ряду шел комиссар Конвента, шел, засунув руки в карманы плаща, не кланяясь ни пулям, ни ядрам, и это его презрение к смерти передалось войскам. Штурмовые колонны ускорили шаг, солдаты обгоняли Сен-Жюста и генералов, и наконец грянуло:

— Allons, enfants de la Patrie...

Везунок Гош, подумал многоопытный Пишегрю, теперь они войдут в Виссембург.

Сен-Жюст ни секунды не сомневался, что они войдут в Виссембург. У него не было презрения к смерти, был момент прозрения. Он опять оказался в своем времени, и какое это счастье быть в своем времени! Хотя, конечно, жалко вот этого сержанта, который, обливаясь кровью, оседал на землю. Судьба. Ее не исправить, не изменить. И не надо ничего менять. Он знал свою судьбу. Ни пуля, ни штык его не тронут. К вечеру рейнская армия прогонит пруссаков из Виссембурга. Завтра освободят Ландо, последний оплот интервентов в Эльзасе. И будут еще у Сен-Жюста светлые и трудные дни, будет большая победа. А через семь месяцев в Париже гильотина отрубит ему голову на площади Революции.

Эпилог первый

Он с трудом втиснулся в маленький кабинет, протянул полицейский знак-удостоверение и представился: — Лейтенант криминальной полиции Чарлз Мервайл¹. Молодая женщина, сидевшая боком к двери, покосилась на него, смерила взглядом и опять уткнулась в экран компьютера.

— Господи, какой вы огромный! Все такие в криминальной полиции? Садитесь в кресло, а то вы продырявите башкой потолок.

И пока лейтенант устраивался в кресле, что было не просто (ну никак он не мог сложить ноги вчетверо!), молодая женщина продолжала свой монолог, перебирая пальцами клавиши и не отрывая глаз от экрана:

— В баскетбол играли? Я тоже в юности занималась спортом. Бег на 80 метров с барьерами. Идиот! Какой ИДИОТ! Не вы, лейтенант, один наш доктор — надо же так напортачить! Я вас предупредила по телефону: у меня аврал. Я учу своих девок вкалывать каждый день, а они лишь делают вид, что работают, откладывая основное на конец полугодия. Если я не разгребу эти завалы дерьма, госпиталь вылетит в трубу и нечем будет платить зарплату персоналу. Увеличится число безработных, а это подпортит статистику графства Лос-Анджелес, в чем вы, как государственный служащий, не заинтересованы. Так что терпите. Кажется, я ответила на все ваши вопросы. Неужели есть другие?

---

¹ По-французски читается как Шарль Мервиль.

Напор у дамочки, подумал Чарлз Мервайл, вот уж точно не хотел бы быть в ее подчинении.

— Миссис Галлей, я вам рассказывал, что расследую убийство бывшего пациента вашего госпиталя, некоего Энтони Сан-Джайста.

— Печальная история, — пропела молодая женщина, по-прежнему глядя на экран. Что-то ей там не нравилось, ибо она недовольно прикусывала нижнюю губу. — Печальная история. Но убийствами Лос-Анджелес не удивишь. Почему их так много? Вопрос не ко мне. Вопрос к вам, лейтенанту криминальной полиции.

— Вы правы, миссис Галлей. В Лос-Анджелесе убивают, в чем я, как государственный служащий, не заинтересован. Убивают ножами, бейсбольными битами, выстрелами из револьверов, даже из автоматов. В данном случае, по мнению экспертов, мистера Сан-Джайста застрелили из снайперской винтовки с оптическим прицелом. Не похоже на нашу уголовщину. Скорее, заказное политическое убийство или почерк русской мафии.

— Понятно, куда вы клоните, — пропела миссис Галлей. — Русская мафия, а я родилась в Советском Союзе. Мудак! Не вы, лейтенант, извините, другой человек. Доктор. Доктора гуляют! Какая отметка у вас была в школе по географии? Не помните? Вы типичный американец, и все, что за пределами Штатов, для вас — темный лес. Маленькая справочка. Я родом из Риги. Это не Россия. Это Латвия. Это не Африка и не Индокитай. Это ближе к России. Но это не Россия. Портленд — в штате Орегон. Это не Калифорния. Улавливаете разницу? И потом я не умею стрелять.

Когда-нибудь она отлипнет от компьютера? Такая манера разговора с полицией начинала раздражать. Однако Чарлз Мервайл старался сохранять ровный тон.

— Миссис Галлей, в личных вещах мистера Энтони Сан-Джайста мы обнаружили несколько тетрадок, типа дневников...

— «Записки сумасшедшего»?

— Простите?

— Охотнику за русской мафией сообщаю, что есть такая книга «Записки сумасшедшего».

— Ее написал мистер Сан-Джайст?

— Ее написал Николай Гоголь, классик русской литературы. Сто пятьдесят лет тому назад.

«Она меня отчитывает, как школьника», — скрипнул зубами лейтенант, но продолжал:

— В дневниках мистера Сан-Джайста идет речь о некоей Дженни, вице-президенте вашего уважаемого госпиталя. В них, например, я вычитал, что Дженни в юности бегала восемьдесят метров с барьерами.

— Какое совпадение! — воскликнула миссис Галлей. — Нет, он псих, вот кого надо лечить! Ну, откуда, откуда доктор Зигмунд взял девять тысяч долларов? Из пальца высосал? Извините. Что там еще?

— Мистер Сан-Джайст находил Дженни очень красивой женщиной, — сказал Чарлз Мервайл с плохо скрываемой ненавистью.

— Вы не находите?

— Вы сидите ко мне почти затылком.

— Значит, он был более наблюдательным. Хотя я практически не появляюсь в лечебном заведении. Тем не менее медсестры заметили, что на меня они все дрочат. На меня, на Кэтти, на Ларису, на всех молодых женщин из административного корпуса. Представляете себе обстановочку? Ну, прямо сумасшедший дом!

Лейтенант вспомнил вывеску на дверях госпиталя и усмехнулся. Забыла, где работаешь, дорогуша?

— Я хочу представить себе, каким человеком был Энтони Сан-Джайст. Судя по его дневникам, вы были с ним в близких отношениях...

Миссис Галлей отпрыгнула от компьютера, развернулась корпусом к лейтенанту, лицо ее исказилось гримасой отвращения, пошло красными пятнами, из глаз брызнули слезы.

— Я спала с этим грязным латиносом?!!

В ее голосе звучали такое негодование и обида, что Чарлз Мервайл понял: этот «след» надо закрывать. У лейтенанта Мервайла был собственный, можно сказать, врожденный детектор лжи. Он практически безошибочно чувствовал, когда человек лжет и когда говорит правду. Увы, это его шестое чувство, врожденный детектор лжи, нельзя было использовать как доказательство. И потом, случалось, что его детектор лжи давал сбой, ибо на допросах люди начисто забывали какие-то вещи или искренне верили в то, что говорили, хотя их слова не соответствовали действительности. Но такое случалось крайне редко и с очень экзальтированными натурами. Миссис Галлей, в руках у которой были финансы госпиталя, к таким натурам явно не принадлежала.

Что ж, ради приличия, еще несколько вопросов. К тому же миссис Галлей, страшно занятая и неприступная, наконец-то

соизволила обратить внимание на тупого и необразованного (с ее точки зрения) офицера полиции.

— Ваше счастье, миссис, что вы служите в частном секторе. В нашем управлении за одну эту фразу вас бы моментально уволили. Кстати, он не мексиканец. Француз по происхождению.

— Сожалею. Я не расистка, — проговорила молодая женщина, постепенно успокаиваясь. Краска на лице придала ей некий шарм («Она и впрямь недурна», — отметил лейтенант). — Просто никогда в жизни не видела вашего... Как его? Минуточку...

На своем стуле на колесиках миссис Галлей подъехала к компьютеру, заиграла рапсодию на клавишах, выискивая что-то на экране.

— ...Сан-Джайст... Сан-Джайст... Энтони... Дожили: истина глаголет устами полиции! Конечно, я его знаю. Как и всех, кто лежал в госпитале за последние пять лет. Да, я его не видела, но знаю его досе. Вот, пожалуйста, дважды проходил у нас лечение. С 6 ноября 94-го года по 15 февраля 95-го. И с 28 октября по 9 декабря того же года. В первый раз социальное страхование все оплатило, во второй — были сложности. Пришлось запрашивать помощь из штатного бюджета на покрытие расходов. Если вас интересует, я попробую выяснить причину, почему социальное страхование отказалось от мистера Сан-Джайста... Завтра, после работы.

«В сущности, она совсем девчонка. А корчит из себя важную даму. Или положение обязывает?» — подумал Чарлз Мервайл и с готовностью подхватил:

— Интересно, интересно. С вашего разрешения я подъеду к пяти вечера. Выпьем где-нибудь кофе.

Хотя интересовало его уже другое.

Он ее даже не узнал. В макияже, одетая на «выход», на высоких каблуках Дженни Галлей выглядела очень эффектно. Вспомнилась строчка из дневника Сан-Джайста: «Ослепительная красавица со змеиным взглядом». Бедняга Сан-Джайст, конечно, преувеличивал, но способность Дженни так быстро обрабатывать зафиксировал точно. Немудрено. Он мог наблюдать за ней в коридорах административного и лечебного корпусов — типичная банковская деваха последнего призыва: энергичная, полноватая, деловая, без всякой косметики — и, наверно, много раз видел, как миссис Галлей в «боевой раскраске» и нарядах спешит к своей машине, чтоб ехать на свидание.

Дженни Галлей словно угадала его мысли:

— Наши пациенты чрезвычайно любопытны. Я поставила на «понтиаке», — она показала на темно-синий пикап с остро скошенной кабиной, — противоугонное устройство. Самое элементарное. Включается магнитофон и повторяет: «Отойдите от машины, иначе вызову полицию». Так они быстро пронюхали, толпились у машины, дергали за ручки... Магнитофон во дворе вопил беспрерывно. Я сходила с ума. Пришлось его снять.

В ресторанчике на Голливуд-бульваре, где на стенах фотографии кинозвезд с автографами (модное заведение), Чарлз Мервайл заказал для миссис Галлей салат со спаржей и кофе, а себе — пиво и сэндвич с копченой ветчиной. Он рассказывал содержание дневников (довольно сжато) и испытывал странное чувство благодарности к их автору. Как будто мистер Сан-Джайст вел беседу и тем самым помогал лейтенанту, ибо перевести разговор на другие темы под мерцающим тяжелым взглядом своей визави (Как бы его определить? Взгляд Жозефины?! Спасибо, покойничек) Чарлз Мервайл не рискнул бы. Задавать же рутинные вопросы было бессмысленно. Ответы на них лейтенант знал заранее. Впрочем...

— Меня интересуют совпадения. Например, дело, до сих пор не раскрытое, с французским всадником, выскочившим из леса и зарубившим трех хулиганов. Ведь это произошло с вами?

Глаза миссис Галлей сузились. Змея.

— Меня бесит полицейская терминология. Хулиганы! Невинные шалунишки! Между тем они намеревались меня насильничать впятером, а моего спутника, пожилого доктора, забить насмерть бейсбольными битами. Зачем вы опять меня спрашиваете? Вы же читали небось мои показания? История получила огласку в газетах. Разве мистер Сан-Джайст был неграмотным? В свою очередь, я заглянула в историю болезни мистера Сан-Джайста. Его дневники подтверждают диагноз: шизофрения, раздвоение личности.

Смена декораций на ее лице. Откровенно пристрелочный взгляд молодой женщины.

— Скажите правду, лейтенант. Зачем вы раскладываете на меня этот пасьянс? Ну да, убили сумасшедшего фантазера. Жалко, как жалко любого человека. И дальше? У вас нет иных, более значительных дел? Почему к нему такое внимание? Или вы применяете ко мне ваш персональный метод кадретки?

...Ого! Интуиция у банковской девахи! Любой следователь позавидует...

— Миссис Галлей...

— Дженни...

— Спасибо. Так вот, Дженни, хотите верьте, хотите нет, я пытаюсь понять, кем был мистер Энтони Сан-Джайст. Мне поручили это дело, но у меня ощущение, что полной информации мне не дали. На похоронах сумасшедшего фантазера...

— Были похороны?

Внутренний детектор лжи просигналил лейтенанту: какая-то фальшь! Вопрос интересует ее больше, чем она это показывает, или, наоборот, она делает вид, что заинтересована?

— Были, Дженни. Клянусь, он не взлетел на небо. И на похоронах сумасшедшего фантазера, неплатежеспособного пациента вашего госпиталя присутствовали...

Тут настал черед и самому Чарлзу Мервайлу задуматься: рассказать все, как было, или умолчать?

А было так. Он решил присутствовать на похоронах, ибо, когда речь идет об убийстве, на похороны могут заглянуть личности... не совсем посторонние. И приказал своему помощнику снимать похороны скрытой камерой. Сначала снимать было некого. И не было отпевания в церкви. На кладбище у вырытой могилы ждало несколько человек: грузный мужчина в инвалидном кресле, женщина в черном, кто-то из администрации кладбища и похоронной конторы. И вдруг к воротам кладбища цепочкой подъехали лимузины. И какие! И повалил народ. Солідные господа в строгих черных костюмах. Лейтенант узнал лишь одного, узнать было не трудно — главный раввин города, который и провел заупокойную службу. Потом все разъехались. Не все. Трое оставшихся ловко выбили из рук помощника чемоданчик, куда была вмонтирована кинокамера. Чарлз Мервайл поспешил на помощь. Троица предъявила удостоверения. Поехали разбираться в полицейское управление. Начальник Мервайла, судя по всему, был в курсе случившегося. Начальник сказал:

— Чарлз, я хочу, чтоб все было по закону. Я не позволю никому вмешиваться в ход следствия. Если вы подозреваете кого-нибудь из тех, кто прилетел из Вашингтона, в причастности к делу мистера Сан-Джайста, мы не отдаем пленку. Если же они, по вашему мнению, тут никак не замешаны, пусть пленку берут ребята из Лэнгли, это их служба.

— А кто прилетел? — спросил лейтенант.

«Ребята» из Лэнгли с готовностью перечислили поименно...

— Так вот, — продолжал фразу Чарлз Мервайл, — на похоронах сумасшедшего фантазера присутствовали дипломаты высокого ранга из посольств Франции, России, Швеции, Изра-

иля, Голландии, из Англии... Гм, я бы сказал, дипломаты специфической выправки... Главный раввин Лос-Анджелеса, крупные чины ЦРУ...

Перечень высокопоставленных персон произвел впечатление. Покойничек еще раз выручил! Теперь на лейтенанта смотрели с уважением и живым интересом. Не глупостями занят лейтенант, ведет серьезное, интригующее расследование!

«Чарлз, оставьте мне дневники хотя бы на ночь». — «Сожалую, Дженни, инструкция запрещает. Ради любопытства прочтите сейчас пару страниц». — «Как вы разбираете его каракули? Вы все прочли? Потрясающе! Меня под пыткой не заставишь». — «Работа, Дженни, работа. Это в кино мы гоняем на машинах и стреляем. В жизни все прозаичнее. Читаем бумаги. Много бумаг». — «Чарлз, мне кажется главным выяснить, действительно ли он ездил в Москву». — «Дженни, у вас светлая голова! Вы попали в точку. Шизофренический бред с Сен-Жюстом, Жозефиной, Наполеоном, Бернадотом, Берией мог быть маскировкой. Выражаясь профессиональным языком, он лег на дно. Кто бы стал его искать в сумасшедшем доме?» — «Чарлз, если его нашли, значит, для кого-то он представлял реальную опасность. Значит, он нащупал ниточку, ведущую к тому убийству в Париже». — «Вот почему я хочу знать малейшие детали. Но спрашивать у больных — безумие». — «Чарлз, он мог общаться с кем-нибудь из персонала. Я попытаюсь навести справки. Позвоните мне, или я позвоню сама». — «Запишите мои телефоны. Учтите только, что это одна из рабочих гипотез». «Разумеется, он мог быть ординарным психом». — «Или сверхсекретным агентом». — «Тогда мне обидно, что мы разошлись с таким человеком на параллельных курсах, как в море корабли».

Глаза ее блеснули. Она с недовольством взглянула на часы.

— Вам пора брать Элю у бэби-ситтер? — подсказал Чарлз Мервайл.

— В криминальной полиции здорово информированы.

Улыбка. Провокационная.

Лейтенант проводил Дженни до ее «понтака». Чопорно поклонился. Чтоб не было никаких признаков «персонального метода кадретки».

Он не спрашивал себя, почему он так долго и упорно возится с этим делом. На похоронах догадался, какой ему выпал уникальный шанс. В такие дела надо вцепляться бульдожьей хваткой, хотя оно из категории нераскрываемых. И вопрос не

в том, найдет ли он убийц (что очень сомнительно), вопрос в том, насколько ему позволят продвинуться. И если он сильно продвинется, то его поспешат отодвинуть. Как можно забрать дело у офицера, который успешно его копает? Существует лишь один легальный способ: поощрить, дать крупное повышение по службе.

Чарлз Мервайл совсем не собирался коротать свой век в лейтенантах. Карьеру в полиции начинают делать с других чинов. Лейтенанты — рабочие лошадки, на них пашут и возят воду. Вот, например, с большим трудом Чарлзу Мервайлу удалось добиться неофициальной встречи с типом, который то ли делал вид, что служит в Лэнгли, то ли вправду был кадровым цэрэушником, а строил из себя целочку, то ли просто был сбоку припека. Но Чарлз Мервайл полагал, что типус имеет какое-то отношение к этой организации, уж слишком он нос задира, все они там такие. И лейтенант рассказал типусу сцену на кладбище и спросил его мнение. Типус подумал и ответил:

— Не всегда же профессор Сан-Джайст был сумасшедшим, ведь когда-то он преподавал в университетах и, может, читал интересные лекции, и студенты, приехавшие из разных стран, его ценили. Потом, через много лет, профессор оказался в психиатрической клинике, а его бывшие студенты — на высоких должностях в Вашингтоне. И узнав о его смерти, они прилетели в Лос-Анджелес отдать последнюю дань уважения. Случайное совпадение.

«За кого же они меня принимают?» — подивился Чарлз Мервайл и устроил рвение.

Его не интересовало, чем был болен профессор и был ли болен. Все «клиенты» криминальной полиции, как правило, имеют психические отклонения. И один псих может натворить такое... Вторую мировую войну. Ни больше, ни меньше. Диагностика — забота врачей. Забота Мервайла — давать начальству результаты расследования. Пока он раздобыл начальству на закуску серый «ниссан», а сам решил искать не там, где ожидают. Искать не убийцу, искать, за что убили. И тут ему мог помочь только герр профессор собственной персоной. Вернее, сотни тонких листков, исписанных мелким кошмарным почерком. (Отдать их перепечатать? Химера. Кто будет платить?) Короче, лейтенант обрек себя на каторгу — читал и перечитывал бред собачий. Постепенно он убеждался, что перед ним хитро построенный лабиринт с множеством ложных ходов. Классические творения шизофреника? Допустим. Но профессор ему четко доказал правильность его, Чарлза Мервайла, решения не ис-

кать убийц. Ложный ход, исполнителей заказных убийств не находят!

Вообще-то покойничек был ему не симпатичен: врун, болтун, воображала. Возомнил себя Раулем Валленбергом. Странно, что не Иисусом Христом. Громкое убийство в Париже действительно имело место быть. Но к детям погибшего профессор не имел ни малейшего отношения. Ложный ход? Он явно был как-то связан с Москвой. Семейная сентиментальная история — дымовая завеса. Зачем он ездил в Москву? Если ездил. Версия не отработана.

Тошнотворная история со шведским престолом. Нагородил километры чепухи. Темнил, прятал следы. А следы, как подсказывала лейтенанту интуиция, вели в Норвегию.

Таинственный клад, собранный разбойниками. «По личному опыту знаю: хорошие разбойники бывают только в сказках». Проговорился профессор. Разумеется, речь идет не о сундучке. В Норвегии могли хранить более ценное, чем золотые монеты, изумруды и сапфиры. Архивы. Секретнейшие документы, не предназначенные любознательным потомкам. А профессор об этом пронюхал, за что его и прихлопнули. «Вы заглянули туда, куда не следовало заглядывать». Черным по белому написал своим кошмарным почерком. Лейтенант внимательно вчитался, взял чистый лист бумаги и по отдельным деталям нарисовал план местности. В библиотеке раздобыл подробную карту северных фиордов. Совпало. Надо было бы туда слетать, посмотреть. На какие шиши? Неоднократно профессор в своих записях повторял: «Бюджет, как всегда, сокращают». Мервайл, когда это прочел, аж подпрыгнул. Если все психи так здорово сообщают...

— Командировка в Норвегию? — Начальство вылупило глаза. — Перегрелись на солнце, Мервайл? Откуда у бедной полиции деньги? Штат срезал ассигнования. Пошлите запрос.

Формально правы. По существу — блокировка.

Запрос кому? О чем? «Уважаемые господа, случайно на таком-то километре побережья у вас нет секретного склада?» Вот он запросил Париж, ему ответили: «Родственников не имеет». Мервайл сначала поверил, потом вчитался в дневники... Конечно, дочка Сан-Джайста живет в Париже! Но она приехала с матерью во Францию под другой фамилией. Сан-Джайст ее не признал, небось и алиментов не платил, поэтому для французской администрации нет у него родственников. Все, что профессор наплел про разведку — генерал ЦРУ с помощником президента к нему в номер заявились! — типичная больная фантазия

неплательщика алиментов. Оправдывался перед собой и дочерью, мол, важными делами был занят. Впрочем, люди и в здравом уме такое напридумают, чтоб уклониться от алиментов... Просить командировку в Париж? Стать посмешищем всей полиции Лос-Анджелеса? И зачем? Допустим, он найдет дочку, та, совершенно справедливо, наговорит про отца гадости. Разведчик... Архивной крысой был Сан-Джайст, правда, крысой с тонким чутьем. Как он из окна госпитальной палаты выбрал не Ларису, не Кэтти, не каких-то миловидных секретарш или медсестер, а миссис Галлей? Разглядел в ней женщину экстра-класса? Эротико-любовные фантазии в дневниках с миссис Галлей — чистая шизофрения, правильность выбора — вот фантастика!

Следствие продвигалось слабо. Там, где его можно было продвинуть, — блокировка. Там, куда его подталкивали, — нечего было ловить. Лейтенант нервничал и срывал свою злость на покойнике. Действительно, сколько времени и сил потрачено, и все впустую? Но теперь он был согласен на альтернативу. «Слушай, герр профессор, — говорил Мервайл, прочитав в десятый раз и отбросив листки — или ты мне дашь ощутимые результаты для доклада начальству, или миссис Галлей».

Почему-то Чарлз Мервайл полагал, что покойник перед ним провинился.

Из окна он наблюдал, как она идет по улице — на высоких каблуках, в укороченной юбке — и все мужики оборачиваются и смотрят ей вслед. Потом был звонок в дверь. Дженни стояла на пороге.

— Здравсьте. — И потупила глаза. Вместо ответа Чарлз Мервайл оторвал ее от пола своими могучими руками, поднял как перышко, пронес в спальню и...

Он проснулся. Взглянул на светящиеся цифры часов. Пять утра. Пощупал простыню. Мокрая. Сексуальный сон, эрекция, как у мальчишки. Чертова баба! Очень опасная баба. Перед ней будут стоять навтыжку под градом ее насмешек. С мужиками она будет всегда выше чином: ты лейтенант — она капитан, ты капитан — она полковник. И мужики дрожащими пальцами сами прикрепят на ее плечи погоны — команду, дорогуша!

И Мервайл не исключение. До постели. А в постели им не покомандуешь. В постели он хозяин. Так было всегда, со всеми, так будет с миссис Галлей, если... Ух, что бы он сейчас с ней сделал, окажись она рядом. Она бы у него (под ним) исполнила

концерт, разбудила бы всех соседей... Да, но при таком настрое не заснешь.

Он надел тренировочный костюм, кеды и устроил себе хороший кросс на полтора часа, легко обгоняя ранних любителей бега трусцой. После горячего душа выпил два стакана апельсинового сока, сел за руль «форда-мондео», поехал на работу. Это прекрасно — служить в полиции: поджог, изнасилование, драки, кражи — большой на тебя спрос, не соскучишься. Телефон на его столе бился в истерике. Лос-Анджелес выплескивал свои беды, звонили все, кому не лень. Кроме миссис Галлей. В девять вечера, выходя из бюро, подумал: с кем она ужинает, кого гипнотизирует тяжелым мерцающим взглядом? Завернул в спортивный зал. Выжимал штангу, играл с гирями, поработал на снарядах, пока мускулы всего тела не заныли. Опять горячий душ. Вот тогда почувствовал: порядок. По дороге домой купил готовую пиццу. Вытащил из холодильника пиво. Уснул сном младенца.

Он позвонил ей через неделю.

— У меня новость. На компьютере компании «Эр Франс» зафиксирован билет Лос-Анджелес — Париж — Москва — Лос-Анджелес, проданный Сан-Джайсту 16 февраля 95-го года.

— Любопытно, — пропел завораживающий голос на другом конце провода, — если можете, подъезжайте сегодня в госпиталь. Моя очередь угощать вас кофе.

Сегодня? О, Боги! Может ли он? Ask...

Она его прилежно слушала, в паузах подавала соответствующие реплики (преимущественно междометия), и лишь час спустя, заметив в ее глазах насмешливые искры, он вдруг понял: ей это абсолютно неинтересно!

— ...За несколько дней до выстрела напротив гостиницы стоял серый «ниссан». Его никогда раньше не было, его никогда не было потом, — сказал Чарлз Мервайл по инерции. — Вам скучно?

— Почему? Весьма занято. Впрочем, если честно, то... до лампочки. Я не циник. Просто этого человека уже нет и не будет, а жизнь пойдет своим чередом. Я подумала, что, наверно, все, когда вас видят впервые, говорят: «О, какой вы огромный!» Я не была оригинальной. Женщинам лестно появляться в обществе такого высокого и крепкого мужчины. У вас какой-нибудь пояс по карате?

— Выступал на международных соревнованиях.

— То есть если к вам пристанут на улице...

— Кто?

— Не девушки. Бандиты.

— Приемы применять не приходилось. Мне достаточно взгляда, чтоб их отбросило на другой тротуар.

— Герой...

Она не окончила фразы, но по тону он угадал продолжение: «...не моего романа».

Вот и все. А он размечтался. Ей достаточно слова, чтоб поставить его на место. Знай субординацию, лейтенант. Кру-гом! Шагом — марш!

Глупее всего причитать и спрашивать себя: почему так получилось? Женщина непредсказуема. Она решает: «Нет!» И точка. Запрограммировано свыше. Ну, покойничек, сделай что-нибудь! Через минуту будет поздно. Она наверняка приготовила какую-нибудь вежливую прощальную фразу.

Мрачнее тучи, но сохраняя служебную рожу и служебный голос, он проводил ее до госпитального паркинга.

— Какой сволочизм! — с отчаянием воскликнула Дженни. — Я опаздываю к Линде. Эля давно ждет...

Левое заднее колесо «пontiака» было спущено всмятку.

— Без паники, Дженни, — сказал лейтенант. — Надеюсь, у вас есть запаска? Инструменты в моей машине.

Он сменил колесо, убрал домкрат, отряхнул брюки.

— Дженни, ваша старая резина не внушает мне доверия. В любой момент может лопнуть.

— Завтра я заеду в гараж, — послушно проговорила Дженни.

— А сегодня я буду сопровождать вас до дома. И держите скорость не больше тридцати миль...

— Какая галантная полиция...

Ехидную интонацию Чарлз Мервайл пропустил мимо ушей. Он знал, что теперь упрочил свое положение. С женщинами так бывает. Стоит забить гвоздь или просверлить дырку в стене, и женщина быстро соображает: этот мужик будет ей полезен. Утилитарная логика? Женская логика! Но для начала неплохо...

Темнело, когда они вырулили на Диккенс-стрит. «Понтиак» резко затормозил, красные огни не гасли, значит, Дженни не выключила зажигание. Лопнуло колесо?

Чарлз Мервайл вылез из «форда», подошел к «пontiаку». Дженни опустила стекло.

— Посмотрите, там на углу, около моего дома, трое. Второй раз я их вижу на этом месте, и в это время. Обычно на нашей улице никого...

— Почему вы мне раньше не сказали? Случайность? Серый «ниссан» у гостиницы тоже воспринимали как случайность. Никто заранее не демонстрирует свои намерения.

На «беканье» и «меканье» Дженни лейтенант не реагировал. Он приказывал:

— Въезжайте в паркинг. Выходите. Спокойно подымайтесь по лестнице. Элю — вперед. Не оборачиваетесь. Делаете вид, что я к вам не имею никакого отношения. Захлопываете за собой дверь. В окна не выглядывать!

«Понтиак» тронулся. Метров через сто Дженни сманеврировала так, что фары высветили троицу, и, почти не замедляя хода, нырнула в гараж. Решетка гаража опускалась. Троица станцевала балетное па: три шага вперед, три шага назад. (Пять? Кто считает?) Над входной дверью четырехэтажного дома яркая лампочка, лестница хорошо видна. Фонари на Диккенс-стрит зажигаются к полуночи? Или в Шерман-Окс экономят электроэнергию? Эля и Дженни подымались по лестнице к двери. Парни — двое белых и черный, спортивного типа «качок», — направились к лестнице, неожиданно замерли и неторопливо отступили на противоположный тротуар к глухому забору. Что их заставило ретироваться? Чарлз Мервайл усмехнулся. Трудно было не заметить его, идущего посередине улицы.

Поравнявшись с ними, он повернул к забору и услышал характерный металлический щелчок, с которым выскакивает лезвие ножа, когда нажимают на кнопку. Глаза лейтенанта привыкли к сумеркам, к тому же ему помогал отдаленный свет лампочки над входной дверью. Он различал напряженные лица парней, а рука наголо стриженного была отведена за спину.

Наголо стриженный получил первым. Пусть полежит, отдохнет.

— Полиция! Встать к забору, — скомандовал лейтенант.

Длинноволосый, худой дернулся и тут же переломился надвое.

Черный качок оказался разумнее всех.

— О'кей, начальник. Разве запрещено гулять по Диккенс-стрит?

Лейтенант вытащил у него из кармана газовый пистолет. Подобрал валявшийся на тротуаре нож. У длинноволосого ничего криминального не обнаружил: водительские права, ключи от машины, кошелек — законопослушный гражданин!

— Подъем! — приказал Чарлз Мервайс наголо стриженному. — Дома отоспишься.

Законопослушные граждане стояли, уткнувшись носами в забор, руки-ноги в стороны.

— Начальник, — сказал черный качок, — это игрушки для самозащиты. Город полон бандитов.

— Мы никого не трогали, — сказал длинноволосый.

— Извините, ребята, я вас тронул. Так получилось. Но если я вызову патруль и передам им ваш военный арсенал?..

Хором:

— Начальник! Может, не надо?

— Приятно беседовать с интеллектуалами, — ответил Чарлз Мервайл.

За углом, под сияющим неоном фонарем, они сели в свой «мерседес» (помятый, облезлый, тем не менее... никто из коллег лейтенанта на «мерседесе» не ездил).

— Мистер Вашингтон, — обратился Чарлз Мервайл к черному качку, чье лицо выражало готовность к пониманию, — я записал все данные с водительских прав и кредитных карточек. Я составлю рапорт и вместе с вашими «игрушками» запру его в сейф. Лос-Анджелес — большой город. Гуляйте на здоровье. Однако в Шерман-Окс — ни ногой! Иначе я вас из-под земли выкопаю.

— А чего мы тут забыли? — притворно удивился мистер Вашингтон.

Он не успел спросить номер ее квартиры, но, как только он поднялся к входной двери, загудел интерфон, дверь сама приоткрылась и сверху раздался голос Дженни:

— Чарли, четвертый этаж.

Дженни кивнула в сторону Эли, которая смотрела мультфильм по телевизору, и приложила палец к губам. По ее глазам было ясно, что она, Дженни, предпочла наблюдать другое «кино».

— Скоро я накормлю девочку, помою и уложу спать. После жду подробнейшего рассказа. — Она критически оглядела его руки, грязные рукава рубашки. — Скучнейшая у вас жизнь, Чарли. Много читаете бумаг. Идите в мою ванную, примите душ, там есть одеколон, вата и все прочее. Хотите, я замочу вашу рубашку, чтоб отошли пятна?

И пока она вела его через холл, держа за руку, как ребенка, лейтенант подумал и то и это, и про то, и про это, и если будет

то, наверное, будет и это, и главное — не загадывать, заранее не проявлять никакой инициативы, и что редко в какой квартире он чувствовал себя так уютно, как здесь, где на него не давили ни потолок, ни стены.

В ванной Чарлз Мервайл провел больше времени, чем рассчитывал. Чуть он расслабился в теплой воде, как его верный товарищ ожил и дерзко вознесся. Реакция на «Чарли», на изменение интонации в голосе Дженни. Она могла продолжать ехидничать и подкалывать Чарлза (Чарли! Чарли!), но отныне он ей не посторонний, свой, интонация не обманывала. Когда верный товарищ капризничал — ни брюки, ни пиджак не были в состоянии скрыть его подлых намерений. Пять минут холодного душа (брр!) еле-еле охладили пыл верного товарища. Лейтенант прочел себе и верному товарищу лекцию, дескать, сколько его, лейтенанта, коллег, увлекшись ситуацией, потом получали в управлении полиции жалобы на якобы имевшую место попытку изнасилования. Милые, нежные американки под влиянием феминистских идей озверели, им всюду мерещатся сексуальные домогательства. Действовать строго в рамках служебной инструкции!

Он тщательно причесался перед зеркалом. Белая майка лишь подчеркивала загар. Бицепсы не как у культуриста, но могут произвести впечатление.

За дверью соседней ванной слышалось плесканье воды и детский смех.

— Чарли, — прокричала Дженни, — Чарли!

— Да!

— Найди себе в холодильнике что-нибудь выпить.

Строго в рамках инструкции! Ни капли алкоголя.

Лейтенант открыл банку тоника, поставил ее на журнальный столик, сел на диван, развернул «Лос-Анджелес таймс». Линия обороны.

Приходила Эля пожелать спокойной ночи.

— Good night, my baby!

Наконец появилась ее мамаша (мамаша, Чарлз, ты имеешь дело с мамой Эли). После ванны мамаша облачилась в летний золотистый халатик. Она села на другую сторону Г-образного дивана, обнажив круглые белые колени.

«Не обращай внимания на провокацию, не подымай глаз выше демаркационной линии!» — приказал себе лейтенант и бодро начал:

— Дженни, вынужден вас разочаровать. Ни к мафиям, ни к спецслужбам они отношения не имеют. Мелкая шпана. Белые

ребята из Тарзаны. Черный качок им нужен как «визитная карточка». Приезжают в «спальные» районы, чтобы поживиться. Вырвать у дамы сумочку, конфисковать у робкого клерка его бумажник и тут же смыться. Машина ждала за углом. Долго маячить на одном месте они не рискуют — кто-нибудь выглянет в окно и позвонит в полицию.

— Случайное дежурство или я их чем-то привлекла?

— Привлекли, Дженни. Женщина с ребенком — легкая добыча. Рассталась бы с сумочкой. Но если бы им удалось незаметно проникнуть за вами в вашу квартиру, припугнуть вас, чтоб молчали, то дальнейшие ходы боюсь предсказывать...

— Припугнуть ножом и газовым пистолетом?

— Дженни! Нельзя шарить по карманам чужого пиджака.

— Чарли, твоя «пушка» на ремне выглядит так устрашающе...

— Дженни!

— Чарли, я ее не трогала! Она висит там же, где твоя рубашка. Почему ты их не арестовал?

— В принципе, нет состава преступления. И полицейские участки забиты разной шантрапой... Их бы отпустили.

— Они не вернуться?

— Дженни, они не вернуться. Я с ними разговаривал достаточно красноречиво.

— Имела удовольствие видеть.

— Если хочешь, я подежурю здесь для страховки.

— Хитрый, какой хитрый! В криминальной полиции все такие хитрюги?

Круглые белые колени и край золотистого халата передвинулись по дивану, пересекли линию обороны. Прохладная ладонь погладила его плечо.

Держаться в рамках инструкции!

Лейтенант отхлебнул из банки, поставил ее на столик и не сводил с нее глаз... Made in USA. Химический состав в процентах...

— Между прочим, Дженни, ты зря хулиганила. Они поняли, что ты нарочно их осветила фарами, и разозлились.

— На мой взгляд, самым опасным был черный, как ты его называешь, качок. А ты ударил другого...

— Ударил того, у кого в руках был нож. И потом, в школе полиции нас учили: когда против тебя группа — бить того, кто сразу упадет.

— Психологический эффект?

— Или лишний повод для размышлений. В стае они агрессивны, что не означает — смелые. В принципе никто не жаждет получить по морде.

— А кто у нас трусишка, зайка серенький? — Прохладные пальцы коснулись его шеи, затылка... — Мы боимся, что нас не пригласят на ужин с завтраком?

В разлетающихся, как от удара, на мелкие кусочки рамках служебной инструкции мелькнула эта фраза. Где-то он ее слышал или читал. Однако для лейтенанта уже ничто не имело значения: ни инструкции, ни законы, ни какие-то дела. Сегодня он будет держать круговую оборону. Вместе с Дженни. И никто до утра не войдет в ее дом — ни банды преступников, ни отряды полиции, ни федеральные войска...

Эпилог второй

Тяжелые, ленивые капли еще сыпались с неба, бельгийский дождик встречал у границы, но золотисто-желтый луч прорезал брюхатое облако и оживил зеленый пологий холм, на вершине которого, за белой каменной часовней, темнел лес. Солнечный луч навел глянец на глиняную, в лужах, дорогу, взбирающуюся на холм, и Сен-Жюсту захотелось подняться по ней к лесу и погулять там по укромным тропинкам, послушать пение птиц. Забыть все и вся. Отдохнуть от ночных кошмаров, преследующих его последнее время. Бредовые картины какой-то иной, иногда понятной, но невероятной жизни, или совершенно непонятной и невероятной — конечно, плод большой фантазии. Больной? Нет, он не болен. Он устал. Элементарно устал. И предчувствие, знание своей смерти — тоже рационально объяснимо. Он видел гибель стольких людей, после каждого сражения убитых увозили в фурах, причем не безымянных солдат — еще вчера он с ними разговаривал... Когда постоянно общаешься со смертью, то невольно проникаешь в ее секреты, познаешь, как любое другое явление. Логично? Логично. Пока он жив, он должен выполнять свою миссию. Без громких слов и ложной патетики служить Революции. Разве что-нибудь он не так делает? От успешного продвижения французских войск на север зависит судьба страны. Иначе интервенты оккупируют Францию и потопят ее в крови. Для успешного продвижения армии нужна жесткая дисциплина, регулярное снабжение, нужно бороться с воровством и изменой, нужны простые вещи,

например обувь для солдат — не по воздуху же им маршировать! Логично? Он помнил кавалерийские казармы в Страсбурге: кони были похожи на скелеты, на ногах не держались, ребра выпирали наружу. Интендант сплавил месячный запас фуража спекулянтам и кутил в трактире с полковым начальством. Сен-Жюст приказал расстрелять мерзавцев. Неужели у кого-нибудь, окажись они на его месте, дрогнула бы рука? Из госпиталей исчезали лекарства и медикаменты, раненые живо гнили на койках, а военные врачи бегали в бордели! Рейнская армия представляла собой толпы мародеров. Торговали всем: провиантом, амуницией, оружием, патронами, порохом. Только с прибытием Сен-Жюста в Страсбург генералы Гош и Пишегрю сумели навести порядок и превратить развалившиеся полки в боеспособные части. Революционный террор был единственным средством прекратить массовые хищения. Но если бы все ограничивалось средним звеном... Коррупция и жажда наживы, как ржавчина, разъедали высшие эшелоны власти. Если уж Дантон погряз в спекуляциях, а Камилл Демулен связался с заговорщиками... Сен-Жюст требовал, чтоб перед революционным судом все были равны, независимо от прежних заслуг. И за своей спиной он слышал шепот: «Ангел Смерти». С каким удовольствием он бы стал Ангелом Радости, да времена были такие, кто-то должен был выполнять черную работу, отсекал острым хирургическим ножом контрреволюционную заразу.

Подняться на холм по мокрой глиняной дороге, погулять в лесу, насладиться щебетанием пташек... Но за дорогой, на обочине буколического, манящего пейзажа, лицом к сдвоенной шеренге солдат стоял вор в офицерском мундире с сорванными эполетами, и капитан Данлоп зачитывал ему смертный приговор.

Накануне Сен-Жюст ознакомился с делом. И подивился тому, что творится на свете. Оказывается, лейтенант Мервиль, мошенник, удачливый самец, не пропускавший ни одной юбки (чтоб купить наряды для своей девки в Бомоне, он растранил деньги, собранные по крохам на обмундирование его роты), так вот этот тип был любимчиком батальона! Если основываться на лестных рапортах, написанных батальонными командирами, то, по логике, лейтенанта надо было не наказывать, а повысить в чине. Хороша логика. Что ж, давайте учредим орден «Святого казнокрада»!

Ну, как такое возможно?

Приведут ли офицеры приговор в исполнение? Или существует тайный сговор?

Поэтому Сен-Жюст решил присутствовать и наблюдать.

Действительно, все пошло не по уставу. Едва капитан Данлоп сложил вчетверо бумагу, как Мервиль бросился к своей роте, поскользнулся в луже, чуть не упал и закричал:

— Ребята! Я ваш лейтенант...

Капитан Данлоп испуганно покосился на Сен-Жюста искомандовал:

— В ружье!

Взмахом ладони Сен-Жюст приказал: «Отставить!» Сен-Жюста называют Ангелом Смерти? Нет, в глазах солдат он не желал выглядеть палачом.

Пусть Мервиль выскажется. Помитингуем. В воспитательных целях устроим открытый процесс.

— Ребята! Я ваш лейтенант, — срывающимся голосом повторил Мервиль. — Мы были друзьями, мы вместе прошли нелегкий путь от Вальми до Бомона, мы столько потеряли в боях. Да, я виноват, вы можете меня казнить, но я клянусь: когда мы возьмем Шарлеруа, я позабочусь, чтоб у вас у каждого было по три пары сапог!

«Три пары сапог каждому? — Сен-Жюст усмехнулся. — Недурно». Правда, на факультете права в Рейнском университете, где Сен-Жюст изучал юриспруденцию, это бы квалифицировалось как попытка подкупа свидетелей.

Лейтенант заметил усмешку Сен-Жюста и истолковал ее по-своему:

— ...Я не трус... Келлерман дал мне офицерские погоны после Вальми. За атаку на Бомон полковник Журдан представил меня к награде.

Естественно, такие слова должны были вызвать сочувствие солдат. И Сен-Жюст объяснил, обращаясь скорее не к Мервилю, а к сдвоенной шеренге:

— Революция награждает, революция карает. К вам нет претензий как к боевому командиру... Вас судят за подлог, за растрату казенных денег.

Мервиль заюлил:

— Комиссар, если вам знакома армейская канцелярия, система отчетности... Я не мог один провести эту... финансовую авантюру.

— Сообщники? Назовите имена!

Наконец-то! Может, всплывут имена главных? Ибо Сен-Жюст не верил, что люди, обыкновенные простые люди, могут по собственной воле делать что-то сознательно во вред Революции, Революции, которая в итоге принесет всему народу Свободу, Равенство, Братство, Процветание и Счастье. Кто-то стоял

за ними, подстрекая и провоцируя, умело использовал их корысть и недомыслие. Миссия Сен-Жюста в том, чтобы нащупать нити этого гигантского заговора и выявить истинных врагов Революции. Кто они? Ничтожный Людовик Шестнадцатый не годился на эту роль, служил лишь символом... Каждый раз, когда в корзину с соломой на Гревской площади отлетала голова очередного интригана, Сен-Жюст думал: «Все. Отныне в стране наступит мир и спокойствие. Осталось всего-то прогнать интервентов». Казнили Барнава и Вернио, генерала Кюстина и герцога Орлеанского, Эбера и Шометта, Дантона и Демулена (последние вряд ли являлись главарями заговора — на свою беду, позволили себя втянуть) — и что ж? Заговорщики прятались на какое-то время, а потом начинали еще с большим усердием свою подрывную деятельность. Кто? Имена? Враги нащептывают, будто Сен-Жюст жаждет крови... Сен-Жюст вершит справедливый суд! Если лейтенант подставная фигура, а за ним скрываются матерые хищники, или, что еще пикантнее, след тянется в Париж... Имена! Пусть солдаты узнают, кто на них наживается. Казнокрадам не будет пощады! Относительно самого лейтенанта — посмотрим, почему он согласился участвовать в этой интриге.

Но лейтенант, как, увы, и предполагал Сен-Жюст, ускользнул от прямого ответа. Или врал. Или надеялся, что сообщники его выручат.

— Комиссар... раз я взял вину на себя, я обязан следовать кодексу офицерской чести.

— Ложной морали, оставшейся от Капетов и Бурбонов, которая покрывает мерзавцев и воров! — Сен-Жюст еле себя сдерживал. Ну и нравы! Мало того, что воруют, так нет, стараются, чтоб это выглядело красиво. — Подойдите ближе к своим солдатам, полюбуйте, во что они обуты.

Армия-победительница топала в Бельгию в рваных ботинках с подошвами, подвязанными веревочкой. Стыд! Даже в королевских войсках такого не бывало...

— Кстати, вы им обещали по три пары сапог. Интересно знать, вы их купите на свое жалованье или вы получили наследство?

Действительно, где он их возьмет? Сообщники подбросят? Кто? Или существует некий фонд взаимовыручки? Интересно знать.

— Комиссар, — лейтенант улыбнулся ему как несмысленно, — что происходит, когда армия берет штурмом город, известно любой маркитантке. На войне как на войне. И у меня есть карта Шарлеруа, где обозначены склады интервентов.

«Дожили, — с горечью подумал Сен-Жюст, — вот какие настроения в войсках».

По идее, революционная армия должна нести соседним народам освобождение от деспотизма, а оказывается, солдаты намерены грабить местное население. Спасибо, Мервиль хоть на этот раз сказал правду. И вроде он сам участвовать в грабеже не собирается.

— Себя, однако, вы обеспечили заранее.

Мервиль снял свои новенькие сапоги, вызвал из шеренги неуклюжего гренадера, обменялся с ним обувью.

Сен-Жюст молча наблюдал эту сцену и не вмешивался. Его удивил не поступок Мервиля (эффектный жест на публику проигравшего картежника!), удивляли его собственные мысли... Минут через пять неподвижное тело лейтенанта с красными пятнами на мундире положат на носилки. Бедный парень. В другое время его бы осудили на несколько лет тюрьмы, а там, глядишь, восстановили бы в армии... Он бы мог еще отлично воевать, дослужиться до полковника, уйти с почестями в отставку, иметь семью, детей... Не повезло лейтенанту. Теперешние чрезвычайные обстоятельства требуют наказать его по всей строгости военных законов, чтоб другим неповадно было. Однако трагическая судьба Мервиля как-то свяжется в будущем с судьбой самого Сен-Жюста. Не помилует он его сейчас, не помилуют потом и Сен-Жюста в той непонятной и невероятной жизни, которая настойчиво напоминает о себе в его снах.

Резким движением руки Сен-Жюст отбросил упавшую на лоб прядь волос, а заодно и эти странные размышления, пришедшие, конечно, из его ночных кошмаров. Даже если допустить, что наивного лейтенанта запутали коварные сообщники, оставшиеся в тени, Сен-Жюст бессилен что-либо изменить. Когда боги хотят погубить человека, они лишают его разума. Ну вот что Мервиль наболтал сейчас перед строем? Открытый призыв к грабежу и мародерству! Хоть капельку соображать надо...

— Комиссар, я знаю фортификационный план Шарлеруа. Прошу вас, даруйте мне жизнь. Нашему батальону нужны люди, которые умеют воевать. Лучше я погибну на поле брани...

Сен-Жюст ответил, как должно было ответить, а Мервиль рухнул перед ним на колени и исступленно зашептал:

— Комиссар, я люблю женщину. Она беременна. Она ждет от меня ребенка. Революция не воюет с женщинами и детьми...

«Бедняга, совсем потерял разум, — подумал Сен-Жюст, брезгливо отодвигаясь от Мервиля, — вот уж о чем не следова-

ло мне говорить, так это о бомонской девке. Батальону нужны люди, умеющие воевать на поле брани, а не в борделе».

И вдруг Сен-Жюст увидел в глазах лейтенанта свои глаза. Среди бела дня вернулись его кошмарные сны. Вместо лица Мервиля он видел свое лицо, страшный старый лик больного человека! И свои глаза, отчаянно умоляющие кого-то...

— Встаньте, лейтенант, — очень тихо сказал Сен-Жюст. — Пожалуйста, встаньте. Вы не должны были этого делать. *Мы не должны были этого делать.* Нельзя позорить мундир офицера.

И пытаясь прогнать эту картину из ночных снов, которая продолжала маячить перед его взором — жалкое, изуродованное старостью лицо и молящий взгляд, — Сен-Жюст в бешенстве заорал слова команды. И он знал, в кого нацелены ружья. И он знал, что солдаты не промахнутся.

— Огонь! Огонь! Огонь!!!

1995—2000 г.

Оглавление

Пролог

3

Часть первая

9

Часть вторая

132

Часть третья

242

Эпилог первый

530

Эпилог второй

547

Литературно-художественное издание

**Анатолий Тихонович
Гладилин**

ТЕНЬ ВСАДНИКА

Редактор *А. С. Карлин*
Художественный редактор *О. Н. Адашкина*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *Г. В. Казина*

Сдано в набор 28.04.2000. Подписано в печать 8.08.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 29,4. Тираж 10000 экз. Заказ № 1505.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000

ООО «Издательство Астрель»
Изд. лиц. ЛР № 066647 от 01.06.99
143900, Московская обл., г. Балашиха,
пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство «Олимп»
Изд. лиц. ЛР № 065910 от 18.05.98
129085, Москва, пр. Ольминского, д. За, стр. 3
E-mail: olimp@dol.ru

ООО «Издательство АСТ»
Изд. лиц. ИД № 00017 от 16.08.99
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, 13
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех", "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", незаменимые "Азбука" и "Букварь", замечательные книги известных детских авторов: Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

Б Е С П Л А Т Н Ы Й К А Т А Л О Г
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел: 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Лутанская, д.7. Тел. 322-2822.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-9031

Проспект Просвещения д.76, тел. 591-2070

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46, Издательство "Фоллио"

Большая детская энциклопедия «История России»

Великолепное подарочное издание! Большой формат. Красочные иллюстрации на каждой странице.

Энциклопедия создана на основе книги Ишимовой, признанной лучшим изданием по истории России для детей и подростков, в нее внесены лишь необходимые дополнения и исправления. Легко читается и запоминается благодаря живому, яркому языку и выдержкам из поэм, стихов и баллад, написанных в ту или иную эпоху.

асу
ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАШИ ЛУЧШИЕ КНИГИ — ДЛЯ ВАС
САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОЛЬКО У НАС!

Лучшей энциклопедии для школьника вам просто не найти! Издание содержит свыше 6600 статей, около 1800 иллюстраций и карт.

Здесь есть все, что нужно школьнику, абитуриенту и студенту для успешной учебы и сдачи экзаменов. А издательство говорит само за себя - «Большая Российская энциклопедия».

«Большой энциклопедический словарь школьника»

Магазины в Москве: Звездный бульвар, д. 21. Тел.: (095) 232-1905

2-я Владимирская ул., д. 52. Тел.: (095) 306-1898

Арбат, д. 12. Тел.: (095) 291-6101

Б. Факельный пер., д. 3. Тел.: (095) 911-2107

Татарская ул., д. 14. Тел.: (095) 959-2095

Каретный ряд, д. 5/10. Тел.: (095) 299-6584

Луганская ул., д. 7. Тел.: (095) 322-2822

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д. 72, магазин №49. Тел. 272-90-31.

Проспект Просвещения, д. 76, Тел. 591-20-70.

ЗАКАЗЫВАЙТЕ КНИГИ ПО ПОЧТЕ
107140, Москва, а/я 140

ВСЕМ НАШИМ КЛИЕНТАМ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ КРАСОЧНЫЙ КАТАЛОГ

ВСЕ ...

- Серия «ВСЕ» — это:
- ◆ ВСЕ решения и ответы ко ВСЕМ учебникам для ВСЕХ классов;
  - ◆ ВСЕ произведения русской и зарубежной литературы в кратком изложении;
  - ◆ ВСЕ сочинения и изложения по ВСЕМ темам школьной программы;
  - ◆ ВСЁ для урока литературы и русского языка;
  - ◆ ВСЕ контрольные и проверочные работы;
  - ◆ ВСЁ необходимое для УСПЕШНОЙ УЧЕБЫ!!!!

НАШИ ЛУЧШИЕ КНИГИ — ДЛЯ ВАС
САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОЛЬКО У НАС!

асу
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новая серия «Тесты» — уникальная возможность изучить физику, химию, биологию, математику, историю и географию. Вопросы от самых простых до самых сложных! Полное соответствие школьной программе, наличие ответов дают прекрасный шанс проверить свои знания, поступить в вуз, а также серьезно подготовиться к зачету, экзамену, олимпиаде. Кроме того, это просто увлекательное занятие!

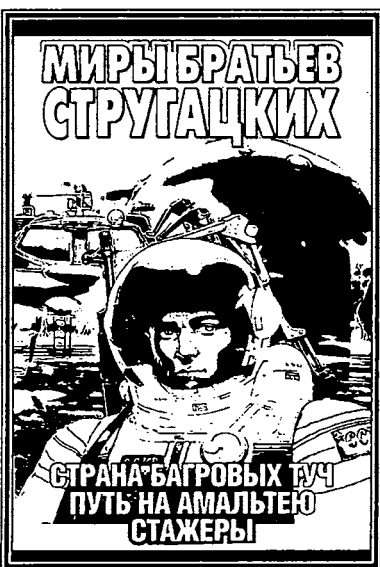
Тесты

Магазины в Москве: Звездный бульвар, д. 21. Тел.: (095) 232-1905
2-я Владимирская ул., д. 52. Тел.: (095) 306-1898 Арбат, д. 12. Тел.: (095) 291-6101
Б. Факельный пер., д. 3. Тел.: (095) 911-2107 Татарская ул., д. 14. Тел.: (095) 959-2095
Каретный ряд, д. 5/10. Тел.: (095) 299-6584 Луганская ул., д. 7. Тел.: (095) 322-2822
В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д. 72, магазин №49. Тел. 272-90-31.
Проспект Просвещения, д. 76, Тел. 591-20-70.

ЗАКАЗЫВАЙТЕ КНИГИ ПО ПОЧТЕ
107140, Москва, а/я 140

ВСЕМ НАШИМ КЛИЕНТАМ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ КРАСОЧНЫЙ КАТАЛОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ

"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

**СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ"**

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

**НОВАЯ СЕРИЯ
СОВРЕМЕННЫХ СУПЕРБОЕВИКОВ
«ГОСПОДИН АДВОКАТ»**

«Господин адвокат» — это новая серия романов Фридриха Незнанского, герой которой — коллега и соратник хорошо знакомого читателям Александра Турецкого, бывший следователь при Генеральном прокуроре России, а ныне член Коллегии адвокатов Юрий Гордеев. Заулисные интриги и коррупция в судебной системе, «алиби правосудия», ложные обвинения и оправдательные приговоры преступникам, подкуп, шантаж, угрозы и заказные убийства — такова скрытая от постороннего глаза сторона обычных на первый взгляд процессов. Именно та сторона, с которой имеет дело «господин адвокат»...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Анатолий Гладилин –
современный русский писатель,
зачинатель прозы шестидесятников.

Повесть «Хроника времен Виктора Подгурского»,
опубликованная в журнале «Юность» в 1956 году,
сделала двадцатилетнего студента Литинститута
известным писателем. За первые двадцать лет работы
в литературе он опубликовал в СССР десять книг,
но из-за усиливающейся цензуры
вынужден был уехать в эмиграцию.

С этого времени писатель живет в Париже.

Произведения Анатолия Гладилина,
почти неизвестные на Родине,
переведены на десятки европейских языков.

Впервые публикуем новый роман писателя «Тень всадника».

«Юность моего героя приходится на 1794 год,
и тогда он живет во Франции.

Затем ему предстоит много жизней в разных странах,
а умрет он через двести лет в Городе Ангелов,
который по-испански так и называется –
Лос-Анджелес.

Классический роман: острый сюжет, любовь,
смерть, война, мир, преступление, наказание.

Я знаю, что успел написать Главную для меня книгу...»

А. Гладилин

ISBN 5-17-002477-0

9 785170 024773